

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Научный диалог

2021. № 4

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки	
	10.01.00 Литературоведение	
	10.02.00 Языкознание	
География авторов выпуска	Арзамас	Новосибирск
	Бийск	Орел
	Вологда	Ростов-на-Дону
	Екатеринбург	Санкт-Петербург
	Елец	Саранск
	Краснодар	Смоленск
	Москва	Тобольск
	Нижевартовск	Чебоксары
	Нижний Новгород	Челябинск
		Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	90 %	

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 4

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexa- tion	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Рenate Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

EDITOR-IN-CHIEF:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

SCIENCE EDITORS

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL BOARD

LINGUISTICS

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

HISTORY. ETHNOGRAPHY. ETHNOLOGY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitriyevich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Бурцев В. А.</i> Интерпретация предикативных неассертивных отношений в структуре высказывания в дискурсе русской православной проповеди	9
<i>Герасимова С. А.</i> Деятельность просветителя-энциклопедиста как отражение интеллектуальной культуры XVIII века.....	28
<i>Грибер Ю. А.</i> Минералогический код в русских цветонаименованиях	42
<i>Громыко С. А.</i> Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса.....	66
<i>Димитриева О. А.</i> Вакхическая лексика, вербализующая объект питания, в художественном мире Александра Грина	80
<i>Кирилленко С. В.</i> Трехкомпонентная система языкового планирования (на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков).....	97
<i>Моштылева Е. С.</i> Взаимодействие нарративного и лирического начал в текстах современных музыкальных исполнителей.....	112
<i>Сигал К. Я.</i> Текстобразующая функция присоединения в поздних рассказах В. Г. Лидина	129
<i>Солопова О. А., Кошкарова Н. Н.</i> Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода Второй мировой войны)	148
<i>Шуйская Ю. В., Анисимов Р. Ю., Дроздова Е. А.</i> Синтаксические средства формирования образа политического деятеля в заголовках ведущих американских газет	168
<i>Щелок Т. И.</i> Эпитеты в рассказе «Der große Wildenberg» Зигфрида Ленца.....	181

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Богданова О. В., Талашов Г. П.</i> Легенда о разбойнике Кудеяре и ее интерпретация Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо»	198
<i>Гудкова С. П., Самойленко В. А.</i> Жанровое своеобразие цикла путешествий в современной отечественной поэзии (на материале «Индийского цикла» В. Полозковой)	211
<i>Дячук Т. В.</i> Интеллигент и крестьянин в цикле Глеба Успенского «Крестьянин и крестьянский труд» : динамика взаимодействия в контексте идеи «слияния с народом».....	225
<i>Киселева И. А., Поташова К. А.</i> Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику.....	240
<i>Подоксенов А. М., Телкова В. А.</i> Пришвин и Сталин : художественный образ вождя в творчестве писателя	254

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Баканов С. А.</i> Государственный бюджет СССР в 1950—80-е годы : динамика и структура доходов	272
<i>Благодар Ю. Г.</i> Тернистый путь на Восток: экспедиция в Китай советника канцелярии В. Ф. Братищева в 1757 году	290
<i>Бобрин А. В.</i> Формирование синодального режима церковного управления в контексте взаимоотношений светских и духовных властей в 1721—1725 годах (на материалах Нижегородской епархии)	304
<i>Бодрова Е. В., Калинов В. В.</i> Падение инновационной активности в топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации в 1990-е годы и его последствия	325
<i>Галкина Ю. М.</i> Славист как разведчик : французская Школа восточных языков и Русская революция в 1918 году	340
<i>Жерлицына Н. А.</i> Османский и британский факторы в антифранцузском сопротивлении бейлика Константины в 1830—1837 годах	357
<i>Зверев В. А., Татарникова А. И.</i> Сельские учебные заведения Западной Сибири конца XIX — начала XX века: санитарно-техническое и гигиеническое состояние	372
<i>Пономарева М. А.</i> Образы отношений дворянства и крестьянства в русской либеральной литературе в конце XIX — начале XX веков	391
<i>Раскин Д. И.</i> Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX — начала XX века: образование и профессиональная квалификация	410
<i>Рогожина А. С.</i> Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX веков	423
<i>Сулейманов А. А.</i> Коренные малочисленные народы Севера Якутии в фокусе академических исследований конца 1980-х — начала 1990-х годов	438
<i>Цысь В. В., Цысь О. П.</i> Проекты организации и реформирования православных миссий на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв.	454
АВТОРАМ.....	473
CONTENTS.....	478

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

.....

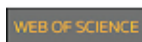
Владимир Анатольевич Бурцев, д-р филол. наук (Елец)
Екатерина Александровна Дроздова, старший преподаватель (Москва)
Екатерина Сергеевна Моштылева, старший преподаватель (Нижний Новгород)
Кирилл Яковлевич Сигал, д-р филол. наук (Москва)
Наталья Николаевна Кошкарлова, д-р филол. наук (Челябинск)
Ольга Александровна Солопова, д-р филол. наук (Челябинск)
Ольга Альбертовна Димитриева, канд. филол. наук (Чебоксары)
Роман Юрьевич Анисимов, старший преподаватель (Москва)
Светлана Анатольевна Герасимова, канд. филол. наук (Москва)
Светлана Владимировна Кириленко, канд. филол. наук (Москва)
Сергей Александрович Громыко, канд. филол. наук (Вологда)
Татьяна Ивановна Щелок, канд. филол. наук (Бийск)
Юлия Александровна Грибер, д-р культурологии (Смоленск)
Юлия Викторовна Шуйская, д-р филол. наук (Москва)

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Бурцев В. А. Интерпретация предикативных неассертивных отношений в структуре высказывания в дискурсе русской православной проповеди / В. А. Бурцев // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 9—27. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-9-27.

Burtsev, V. A. (2021). Interpretation of Predicative Non-Assertive Relations in Structure of Utterance in Discourse of Russian Orthodox Sermon. *Nauchnyi dialog*, 4: 9-27. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-9-27. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-9-27

**Интерпретация
предикативных
неассертивных отношений
в структуре высказывания
в дискурсе русской
православной проповеди**

Бурцев Владимир Анатольевич
orcid.org/0000-0001-7987-8518
доктор филологических наук,
профессор
кафедра русского языка, методики
его преподавания и документоведения
ivburcev@yandex.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

**Interpretation of Predicative
Non-Assertive Relations
in Structure of Utterance
in Discourse of Russian
Orthodox Sermon**

Vladimir A. Burtsev
orcid.org/0000-0001-7987-8518
Doctor of Philology, Professor
Department of the Russian Language,
Methods of its Teaching and
Documentation
ivburcev@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Бурцев В. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются категориальная принадлежность и семантические характеристики пропозиций, которые в текущем высказывании не имеют статуса ассерций. Такие пропозиции обозначаются термином «предассертив». Показано, что предассертивный статус пропозиций определяют два основных фактора: грамматический фактор предшествования / следования эксплицитной или имплицитной предикации относительно момента речи и дискурсный фактор представления в пропозиции предассертива информации, отражающей религиозную ментальность и религиозную идеологию. Действие данных факторов порождает явление асубъективации. При асубъективации семантическое содержание языкового выражения определяется только свойствами описываемой ситуации, а не локутивной деятельностью субъекта речи. Установлено, что статус «предассертив» могут получать целые предложения, в том числе с непропозициональными значениями. Показано, что по некоторым свойствам предассертив сопоставим с рядом единиц разных членений семантико-синтаксической структуры высказывания, однако специфическое его проявление в связи с асубъективацией доказывает, что это особая категория в отношениях с эксплицитной предикацией. Исследование проведено на материале русской православной проповеди. Новизна исследования состоит в характеристике предассертива как нового синтаксического отношения на оси «ассерция — неассертивный компонент» высказывания. Актуальность определяется тем, что работа развивает принципиально новый аспект изучения субъективности в языке.

Ключевые слова:

предассертив; дискурс; асубъективация; референция; говорящий; русская православная проповедь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The categorical affiliation and semantic characteristics of propositions that do not have the status of assertions in the current utterance are considered. Such propositions are denoted by the term “pre-conservative”. It is shown that the preassertive status of propositions is determined by two main factors: the grammatical factor of precedence / following of explicit or implicit predication with respect to the moment of speech and the discourse factor of presentation in the proposition of the preassertive information reflecting religious mentality and religious ideology. The action of these factors gives rise to the phenomenon of asubjectivation. With asubjectivization, the semantic content of a linguistic expression is determined only by the properties of the described situation, and not by the locutionary activity of the subject of speech. It has been established that whole sentences, including those with non-propositional meanings, can receive the “pre-passive” status. It is shown that, in terms of some properties, the preassertive is comparable to a number of units of different articulations of the semantic-syntactic structure of an utterance, however, its specific manifestation in connection with asubjectivation proves that this is a special category in relation to explicit predication. The research was carried out on the basis of the material of the Russian Orthodox sermon. The novelty of the research consists in the characterization of the preassertive as a new syntactic relation on the axis “assertion — non-assertive component” of the utterance. Relevance is determined by the fact that the work develops a fundamentally new aspect of the study of subjectivity in language.

Key words:

pre-selection; discourse; asubjectivation; reference; speaking; Russian Orthodox sermon.

Интерпретация предикативных неассертивных отношений в структуре высказывания в дискурсе русской православной проповеди

© Бурцев В. А., 2021

1. Введение

Термин *предассертив* (*преассертив*, *не-ассертив*) ввел П. Серио для обозначения синтаксического (предикативного неассертивного) отношения, которое специфическим образом соотносено с действительностью [Серио, 1998б, с. 362, 363, 364]. Данное понятие входит в набор основных исходных понятий французской школы анализа дискурса (ФШАД) [Квадратура смысла ..., 1998] и необходимо при описании особенностей производства высказываний в дискурсе. В настоящей статье с позиций ФШАД предлагается исследование семантических свойств предассертива, описание способов его языкового выражения, а также сопоставление данной категории с пресуппозицией и статусами грамматических и неграмматических единиц, распределяемых по разным членениям коммуникативной и семантико-синтаксической структуры предложения, такими как топик, подлежащее, данное (см. [Демьянков, 1979; Кибрик, 1982, с. 21—23]).

Новизна работы состоит в характеристике предассертива как нового типа синтаксических отношений. Актуальность определяется тем, что развивается принципиально новый аспект исследования субъективности в языке, связанный с изучением асубъективации говорящего в дискурсе. В статье предпринимается попытка ответить на следующие вопросы: откуда «берется» предассертив? чем он отличается от других типов единиц, не входящих в ассерцию высказывания? каковы способы его выражения? Материалом для исследования служат тексты русских православных проповедей.

2. Откуда берется предассертив

Мы считаем ту или иную неассертивную предикацию предассертивом, исходя из грамматического фактора и неграмматического (дискурсного), определяющего особый характер референции неассертивного компонента.

2.1. Грамматический фактор предшествования / следования эксплицитной и имплицитной предикаций относительно момента речи

Предассертив — семантический компонент в составе предложения, пропозиция которого не имеет статуса ассерции. Это суждение, которое не утверждено говорящим, но присутствует в семантике текущего выска-

зывания. В литературе неоднократно исследовались характеристики не-ассертивных компонентов как пресуппозиций, импликатур и логических следствий [Арутюнова, 2002; Кифер, 1987; Лайонз, 2003; Падучева, 1985, Падучева 2013 и др.].

Как отмечено в [Падучева, 2013, с. 30], статус ассерции обычно имеет пропозиция финитного глагола. Статус предассертива могут иметь практически все выражения сентенциального типа (сентенциальные группы [Кобозева, 2004, с. 236—237]) с пропозитивным значением [Золотова, 1995, с. 101; Микрюкова, 2011]. Однако пропозициональный семантический фактор не ведет к выявлению предассертива. Поэтому как дифференциальный мы рассматриваем грамматический фактор отношения предикации к моменту речи высказывания. Так, временная локализация основной, эксплицитной предикации предложения и имплицитной предикации предассертивного суждения отличаются относительно момента речи: акт предикации (или предикация) в предассертиве является предшествующим, поскольку предассертивные формы — это трансформационные формы предложений, в которых предикация по определению осуществлена до локутивного акта текущего высказывания.

Иллюстрациями предассертива в данном месте могут служить номинализации. Под *номинализацией* понимается сентенциальная группа, синтаксической вершиной которой является отпредикативное существительное [Кобозева, 2004, с. 236—237]. Согласно [Арутюнова, 1972, с. 308)], номинализация — это предложение, транспонированное в именную позицию. Такой же подход в [Арутюнова, 2002, с. 63—66, 68—75; Комри, 1985].

Так, в примере (1) выявляется номинализация *ожидание*:

(1) *Страшен, страшен Господень суд для отступников, но неизреченным ликованием наполняет **ожидание** Спасителя сердца верных* [Владимир ..., митроп., 2009, с. 706].

Номинализация *ожидание* представляет собой «свернутое предложение» (2) со своим глаголом-предикатом:

(2) *Сердца верных **ожидают** Спасителя.*

В коррелятивном предложении (2) также осуществляется «пропозициональный акт» [Падучева, 1985, с. 23], как и в высказывании (1), однако по времени своего производства он предшествует актуальной предикации текущего высказывания (1).

2.2. Дискурсный фактор

Другое проявление специфики предассертива состоит в том, что отрицание влияет на истинность его пропозиции. Поэтому можно полагать, что в текущем высказывании пропозиция предассертива обладает собственным истинностным значением. Характерными примерами в проповедях

могут служить придаточные изъяснительных предложений. Так, для придаточных из (3) и (4) отрицанием служат (3а) и (4а). Однако перефразировки с отрицанием в придаточных порождают смысл, неприемлемый для высказываний (3) и (4) в проповеди.

(3) *А эти слова ясно показывают, что сердце Богоматери было преисполнено живейшей радости о Господе Боге и благодарности к Богу, соединенных с глубочайшим чувством смирения* [Григорий, архиеп., 1853, с. 163].

(3а)* *А эти слова ясно показывают, что сердце Богоматери (**не**) было преисполнено живейшей радости о Господе Боге и благодарности к Богу, соединенных с глубочайшим чувством смирения*

(4) *Будем помнить, что находиться в присутствии Божиим — величайшая честь...* [Сурожский, митроп., 2009, с. 147].

(4а)* *Будем помнить, что находиться в присутствии Божиим — (**не**) величайшая честь...*

Так же ведут себя в проповеди при разворачивании «скрытые предикации» (как формы выражения предассертива). Например, предложение (5а) является общим отрицанием (5) и при этом выражает смысл, неприемлемый для высказывания соответствующего предложения в проповеди.

(5) *Сердца верных ожидают Спасителя.*

(5а)* *Сердца верных (**не**) ожидают Спасителя.*

Между тем за пределами проповеди к отрицаемым пропозициям в не-ассертивном статусе не предъявляется никаких специальных ограничений, которые определялись бы собственно отрицанием. Это показывают примеры (6) и (6а). Можно полагать, что в них подчиненная пропозиция обладает другим, «не-предассертивным» статусом. Возможно, она характеризуется снятой утвердительностью [Падучева, 2013, с. 31], так как отрицание не влияет на ее истинность.

(6) *Вася выяснил, что статью опубликовали.*

(6а) *Вася выяснил, что статью не опубликовали.*

В связи с этим возникает вопрос: за счет чего в проповеди возникают ограничения, предопределяющие (как единственно возможную) интерпретацию того или иного предассертивного компонента. С нашей точки зрения, факторы, вызывающие подобные ограничения, не синтаксические или прагматические, а дискурсные. Терминологическое сочетание *дискурсные факторы* требует пояснения в связи с неоднозначной трактовкой термина *дискурс* в лингвистике. Чаще всего дискурс определяется как речь или текст в совокупности с экстралингвистическим контекстом [Арутюнова, 1990; Макаров, 2003, с. 83—90]. Представляется, что в этом понимании дискурс стал объектом внимания именно из-за своей корреляции с контек-

стом, который, как считается [Макаров, 2003, с. 147], играет ключевую роль в процессах построения и понимания текста. Однако на типологическом материале проблема соотношения текста и контекста в дискурсе недостаточно изучена и не решена: выделяется почти столько же дискурсов, сколько имеется разных коммуникативных ситуаций. Мы опираемся на определение дискурса, которое было разработано Ю. С. Степановым. На наш взгляд, главное, что постулируется в этом определении, это то, что дискурс — особое использование языка для выражения особой ментальности, а также особой идеологии. Исходя из такого понимания, предлагаем считать, что дискурсными являются, прежде всего, когнитивные факторы: применительно к проповеди ими являются религиозная ментальность и религиозная идеология, которые обуславливают интерпретацию содержания предассертива. Такой подход находит обоснование в достаточно четко очерченном референциальном статусе пропозиций предассертива. Референтом предассертивных пропозиций выступают не «просто» пропозиции, а «пропозиции-факты» [Вендлер, 1986; Кобозева, 2004, с. 237—238; Падучева, 1985, с. 37; Степанов, 1995, с. 45—54]. Пропозиции-факты понимаются в этих работах как «положения вещей», получившие определенную истинностную оценку как принадлежащие дискурсу и поэтому возможные в высказываниях, репрезентирующих дискурс. Так, сравнительные конструкции из (7) могут каждая выражать по две пропозиции, но в дискурсе (проповеди) они должны отличаться по истинностному значению. В проповеди так и есть, они отличаются по истинностному значению: в (7а) истинностное значение «истина», в (7б) — «ложь». Вследствие этого (7а) является выражением факта, и сравнительная конструкция из (7) только с этим значением возможна в дискурсе проповеди.

(7) *Но во Христе не только явился нам Бог с Его любовью, верой в нас, как страж нашего достоинства, как блюститель нашей правды — Он явил нам величие человека* [Сурожский, митроп., 2009, с. 27].

(7а) *Бог — это страж нашего достоинства, блюститель нашей правды* (истина, факт).

(7б) **Бог — это не страж нашего достоинства и не блюститель нашей правды, а как страж и как блюститель* (ложь).

Необходимо подчеркнуть, что из всех приведенных выше примеров нет ни одного, который иллюстрировал бы, что источником референции пропозиций предассертивов была бы локутивная деятельность субъекта речи. С нашей точки зрения, это свидетельствует о феномене асубъективации (см.: [Бурцев, 2017; Серио, 1999б, с. 369—370]. Понятие асубъективации, противопоставленное субъективности высказывания [Бенвенист, 1974, с. 292—300; Лайонз, 2003, с. 309—359], было введено в работах

ученых ФШАД [Квадратура смысла, 1999; Серио, 1999б, с. 369—371]. Во ФШАД асубъективация трактуется как «подчинение субъекта высказывания универсальному субъекту, имплицированному преконструкцией термов, из которых строится высказывание» [Серио, 1999б, с. 369—370]. В данной работе асубъективация определяется как отношение семантического неравенства между субъектом речи и субъектом неассертивной предикации (возникающее в свете грамматического фактора предикации), не воспринимаемое сферой сознания субъекта речи.

Покажем, за счет чего возникает асубъективация в тексте проповеди. Во-первых, информация в предассертиве при разворачивании его в высказывание утверждается не говорящим, поскольку и слова, и грамматические категории, которые предполагают говорящего в тех или иных ролях / статусах [Падучева, 1996, с. 262—265], не обнаруживаются в предассертиве. Значит, возникает вопрос о том, кто осуществляет пропозициональный акт в сентенциальных группах, представленных в текущем высказывании формами, которые только могут быть развернуты в пропозиции. ФШАД, чья точка зрения принимается в данной работе, постулирует, что в любом высказывании имеется имплицитная глубинная категория — субъект presupпозированного высказывания, — которая в текущем высказывании находится на правах неутвержденной предикативной формы. Субъект presupпозированного высказывания обозначается во ФШАД как «другой» субъект [Серио, 1999а, с. 23]. Так, предложение (8), рассмотренное в [Серью, 2003]:

(8) *Катюша, сияя улыбкой и черными, как мокрая смородина, глазами, летела ему навстречу* (Л. Толстой) —

имеет, в частности, семантическую структуру, подобную (8’):

(8’а) *Катюша летела ему навстречу*;

(8’б) *Мокрая смородина черная*.

Говорящий делает утверждение только в отношении предикации *Катюша летела ему навстречу*, так как именно она маркирована по времени и модальности. Что касается предикации *Мокрая смородина черная*, то условием ее возможного существования как высказывания служит другой субъект, ответственный за ее утверждение [Серью, 2003, с. 284]. Таким образом, вывод об асубъективации делается первоначально на основании того, что в высказывании имеются предикации, не маркированные говорящим по модальности и времени.

Во-вторых, актуальная референция предложения в некоторых случаях и обстоятельствах его употребления не может быть произвольной, как при действии прагматического фактора, — то есть обоснованной говорящим. Это можно проиллюстрировать ранее приведенными примерами (7а—7б).

Пример (7а) — семантически правильный (приемлемый) в проповеди, а пример (7б) — семантически неправильный (неприемлемый) в проповеди. Сравнительная конструкция из (7) не может употребляться в проповеди со значением сравнения (7б), она может использоваться только со значением отождествления (термины заимствуются из: [Ломтев, 1958, с. 140—144]), то есть как (7а), потому что на сравнительное значение имеется запрет со стороны контекста — религиозной картины мира, обойти который говорящий не может.

Другими словами, референция языковых выражений в предассертиве такова: для придания им смысла говорящий должен опереться на дискурсный фактор.

Таким образом, предассертивы представлены в высказывании как слова говорящего, хотя на самом деле они возникли (в качестве ассертивов) до, вне и независимо от текущего высказывания.

2.3. Способы выражения предассертива в структуре высказывания в дискурсе проповеди

К способам выражения предассертива мы относим номинализации, сравнительные конструкции в «аспекте отождествления» (термин из: [Ломтев, 1958, с. 144]), связочные предложения, простые предложения с непропозициональными значениями, например, повелительные и долженствующие; изъяснительные, определительные, условные и причинные сложноподчиненные предложения. Важно отметить, что некоторые из этих типов обладают в проповеди стопроцентной продуктивностью, то есть полностью охватывают жанр проповеди (без этих типов она не существует) в качестве грамматических единиц, присущих этому корпусу текстов [Бурцев, 2012]. К таким предложениям относятся, в частности, повелительные и долженствующие. Их особенность в том, что в дейктическом режиме они употребляются только как ассерции. То, что они грамматически могут характеризовать предассертив, является вопросом. Рассмотрим его на материале долженствующих предложений.

Доказательство предассертивного статуса долженствующих предложений в дискурсе опирается на общую, как нам представляется, для всех модализованных высказываний черту: на них не распространяется правило субъективной обоснованности (в [Карпов, 2013] данное правило предложено только для императивов): при речевой дейктической интерпретации императив должен быть обоснован пропозициональными установками говорящего, которые предопределяют не только появление императива, но и возможность его отмены. В терминах логического вывода субъективно обоснованным признается тот осуществленный императив, отрицание которого должно быть объявлено как неосуществленное [Карпов, 2013].

Таким образом, субъективно обоснованным является императив, если в тексте равным образом приемлемы и значение приказа, и значение его отрицательного трансформанта. При речевой интерпретации императивного высказывания правило субъективной обоснованности действует свободно (*смотрите телевизор / не смотрите телевизор; делайте прививку / не делайте прививку, пейте молоко / не пейте молоко* и т. д.). Однако в проповеди правило субъективной обоснованности для повелительных предложений не действует. Это иллюстрируют примеры (9) и (9а), доказывающие, в частности, необходимость интерпретации повелительных предложений в проповеди как высказываний с неимперативным значением:

(9) *Прославляйте же божественную Троицу в своей жизни...* [Менетров, свящ., 1905, с. 67].

(9а)* *Не прославляйте же божественную Троицу в своей жизни...*

Правило субъективной обоснованности не распространяется также и на должностные высказывания в проповеди. Они употребляются как предассертивы: с этим связаны и корреляции отрицания с предикатом должностности в дискурсе, и ограничения на тип модального значения. Рассмотрим примеры (10) и (10а):

(10) *Надо каждому из нас **одуматься**, **раскрыть** глаза на свои скверны, **понять**, что мы со своими нераскаянными грехами стоим на краю бездны...* [Николай, митроп., 1947].

(10а) **Не надо каждому из нас **одумываться**, **раскрывать** глаза, **понимать**... ..*

В этом примере исходное высказывание и высказывание с его отрицанием — это не только пара отрицающих друг друга высказываний. Присоединение отрицания меняет истинностное значение высказывания до такой степени, что оно становится неприемлемым в проповеди.

Другое доказательство — тест, предложенный Е. В. Падучевой [Падучева, 2013, с. 211—218], на определение семантики должностности (тест подходит для контекстов с глаголами совершенного вида). Если при отрицании предиката должностности обязательна замена совершенного вида на несовершенный, то контекст должностности — деонтический. Такая замена, как видим, обязательна для примеров из проповеди (10). Поскольку деонтическое значение — это область объективной (пропозициональной) модальности [Кобозева, 2004, с. 245], то это может служить семантической мотивировкой асубъективации.

Спорным может быть также положение о включении целых предложений в группу конструкций, способных грамматически оформлять предассертив. Но именно таким образом функционируют в проповеди связочные предложения (со сказуемым-существительным). Рассмотрим этот вопрос.

Основным аргументом в пользу того, что связочные предложения функционируют в проповеди как предассертивы, служат их референциальные особенности. Сравним примеры (11а-в) по временным значениям.

(11) *Крест — это знамя мира* [Николай, митроп., 1957, с. 26].

С вневременным значением (11) имеет трактовку: ‘пресуппонируется, что крест был знаменем мира до момента речи, является таковым в момент речи и будет им после момента речи’.

(11а)* *Крест — это знамя мира.*

Со значением настоящего актуального («сейчас, в момент речи, теперь») (11а) имеет интерпретацию: ‘ранее (до момента речи) крест не являлся знаменем мира’.

(11б)* *Крест был знаменем мира.*

В (11б) пресуппонируется, что ‘сейчас крест не является знаменем мира’.

(11в)* *Крест будет знаменем мира.*

В (11в) пресуппонируется, что ‘крест не являлся знаменем мира в прошлом и не является им сейчас’.

Мы видим, что в примерах (11а-в) концептом пропозиции может быть только одна ситуация — (11) — из всех возможных для данного типа предложений в дейктическом режиме. Поэтому можно сделать вывод, что построение высказывания на базе связочного предложения в проповеди не зависит от говорящего, от его способности выражать в построенном им высказывании именно свои мысли и чувства. Поэтому мы предлагаем считать, что в связочных предложениях акт предикации осуществляется раньше момента акта высказывания связочного предложения говорящим. Связочные предложения включаются в текущий речевой акт как цитаты; следовательно, это предассертивы.

3. Отличия предассертива от других категорий и единиц коммуникативной и семантической структуры высказывания

3.1. Предассертив и пресуппозиция

Пресуппозиция — это разновидность семантического следствия [Арутюнова, 2002, с. 67—68; Кифер, 1978, с. 341; Падучева, 1985, с. 32]. Предассертив — разновидность семантической детерминации, которая не совпадает с обычной причинной обусловленностью, в силу которой обусловленность одной части другой основана на том, как это делает говорящий. С нашей точки зрения, предассертив — это пресуппозиция, лишенная эгоцентричности. Приведем аргументы в пользу этого тезиса, пользуясь материалом сложноподчиненных предложений с придаточными причины. Предложение (12) с собственно причинным значением.

(12) *Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел проливной дождь* (Гоголь) [Русская грамматика, 1980, с. 577].

Придаточное здесь легко преобразуется в слово с событийной семантикой.

(12a) *Я надел старую шинель и взял зонтик из-за проливного дождя.*

Согласно [Бейкер, 1985, с. 414], такое преобразование порождает presupпозицию существования.

С другой стороны, придаточное интерпретируется с предассертивным смыслом, так как семантика причинного отношения состоит здесь в том, что придаточная часть выражает внешнюю причину, в силу которой говорящий осуществил локутивный акт в главной части [Дэйвисон, 1986, с. 237, 263; Михеев, 1990, с. 2; Русская грамматика, 1980, с. 577]. Доказательством служит то, что никакие эгоцентрики в придаточной не могут быть условием логичности высказывания в целом. Это проиллюстрировано в примерах (13a-б), где в качестве эгоцентрических элементов использованы описанные в [Падучева, 1996, с. 261—262].

(13a)? *Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел (к сожалению, к счастью, к моему удивлению и др.) проливной дождь.*

(13б)* *Я надел старую шинель и взял зонтик, потому что шел (какой-то) проливной дождь*

Эгоцентрические элементы в этих примерах: вводные слова, выражающие эмоционально состояние говорящего в (14a), «слабоопределенное местоимение» в (13б) [Падучева, 1985, с. 212—215], оценка говорящего (*проливной*), номинация объекта, подразумевающая говорящего (*ливень*). Субъектная номинация и оценка имеются и в исходном высказывании, однако они не влияют на причинно-следственный характер связи между суждениями. Это показано в (13a).

Еще один важный аргумент в пользу сформулированного выше тезиса — материал по типам соединения предложений в тексте, приводимый Т. ван Дейком [Дейк, 1978, с. 268]. Т. ван Дейк считает, что истинность последовательности предложений определяется условием разумной совместимости (проверяется тестом на паратаксис). При этом соединимость должна определяться в терминах отношений между событиями, которые описываются соединяемыми предложениями. Можно ли распространить предложенное объяснение на сложноподчиненные предложения причины в проповеди? С нашей точки зрения, это принципиально возможно, и трактовка в проповедях придаточных причины должна быть такая: это предассертивы, так как, во-первых, в придаточных невозможны первичные эгоцентрики (с оценкой факта) [Падучева, 1996, с. 318]; это примеры (14б) и (14б'). Во-вторых, свободно выполняется условие разумной соединимости: пример (14a).

(14) *Он — наш Утешитель, потому что в Нем — источник утешения православного христианина во всех его жизненных испытаниях* [Николай, митроп., 1947].

(14а) *Он — наш Утешитель, в Нем — источник утешения православного христианина во всех его жизненных испытаниях.*

(14б)* *Он — наш Утешитель, потому что в Нем (к счастью) — источник утешения православного христианина во всех его жизненных испытаниях.*

(14б')* *Бог, к счастью, — источник утешения православного христианина во всех его жизненных испытаниях.*

Прокомментируем пример (14б). В (14б) подстановка в придаточную часть модального слова приводит к семантической аномалии. Предположительно, источник аномалии — импликатура (14б'), которая выводится из постулата Качества [Грайс, 1985]: говорящий использует оценку в высказывании, пропозиция которого в принципе не может служить объектом выражения его собственного мнения. Высказывание (14б) прагматически тождественно (15) и (16), имеющим аналогичную импликатуру:

(15) **К счастью, Бог — Творец неба и земли.*

(16) **К моему удивлению, существует одно крещение для прощения грехов.*

3.2. Предассертив и топик

Сравнение топика с предассертивом представлялось релевантным в свете принципа бинарного членения предложения на основе предикативных отношений. Как отмечается в литературе, топик и комментарий — глубинные категории в механизме порождения предложений и их контекстуализации, с которыми генетически связаны другие отношения: тема / рема, подлежащее / сказуемое [Коцик, 2019]. С этой точки зрения можно было бы предположить, что топик может быть предассертивом. Однако такой вывод неправилен в силу логико-семантических особенностей топика в русском языке, где топик отмечается преимущественно в конструкции, выполняющей роль именительного темы [Тестелец, 2001, с. 463]. Грамматически (как разновидность номинативного предложения [Дрозд, 2007] или сегментированной синтаксической конструкции [Сковородников, 2011, с. 283—285]) именительный темы может быть предассертивом. Однако с логической точки зрения именительный темы — это суждение, в котором выражена информация, относящаяся к посттексту, а не к тому, что ему предшествует (как в предассертиве).

3.3. Предассертив и подлежащее

Несмотря на то, что подлежащее — статус имени в синтаксическом отношении «подлежащее-сказуемое» и имеет косвенное отношение к содер-

жанию [Чейф, 1982, с. 299], сказуемое становится утверждением только потому, что имя в подлежащем обладает пресуппозицией существования [Кифер, 1978, с. 338].

(17) *Бог — Творец неба и земли.*

(17') *Бог существует.*

(17'') *Он сотворил небо и землю.*

Другими словами, подлежащее может претендовать на статус предассертива.

3.4. Предассертив и данное

Как отмечено в [Тестелец, 2001, с. 454—457], в основе современных определений *данного* лежит признак активации знания. Данное — это то, что, с точки зрения говорящего, активировано в сознании адресата в момент произнесения высказывания. Однако представления говорящего не существуют в качестве формального лингвистического объекта; как подчеркивает Я. Г. Тестелец, они могут быть описаны лишь в результате тонких психолингвистических экспериментов [Тестелец, 2001, с. 455]. По нашему мнению, эта задача выполнима (при описании дискурса), если при реконструкции представлений говорящего учитывать только те знания, предположительно, активированные в сознании адресата, которые относятся к языковой ментальности (языковому представлению участка мира [Почепцов, 1990, с. 111]). Задача решается так: информация, активированная в сознании адресата говорящим, ставится в соответствие содержанию приемлемой в дискурсе парафразы предассертива. Как представляется, определенность активированного в сознании адресата знания обеспечивается тем, что в дискурсе говорящий не может высказать нечто такое, что дало бы возможность адресату рассматривать его высказывание так, что в его отношении можно сделать предположения, не следующие или дополнительно следующие из высказывания, что говорящий не предусмотрел или намеренно сделал непредусмотренным. Другими словами, предассертив мог бы быть данным, если бы содержание данного в дискурсе не было обусловлено феноменом асубъективации. В связи со сказанным предассертив — это, очевидно, не данное.

4. Заключение

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы. Во-первых, предассертивный статус пропозиций определяют два основных фактора: грамматический фактор предшествования / следования эксплицитной и имплицитной предикаций относительно момента речи и дискурсный фактор представления в пропозиции предассертива информации, отражающей религиозную ментальность и религиозную идеологию. Действие данных

факторов порождает явление асубъективации. При асубъективации семантическое содержание языкового выражения определяется только свойствами описываемой ситуации, а не локутивной деятельностью субъекта речи.

Во-вторых, установлено, что дискурсивный статус «предассертив» могут получать самостоятельные предложения, в том числе с непропозициональными значениями; например, в проповеди — повелительные и долженствующие предложения. На них, в частности, не распространяется правило субъективной обоснованности, которое без ограничений действует в речевом режиме использования данных предложений.

В-третьих, по некоторым свойствам предассертив сопоставим с рядом единиц разных членений коммуникативной и семантико-синтаксической структуры предложения, однако специфическое его проявление в связи с асубъективацией доказывает, что это особая категория, объективирующаяся в семантической структуре высказываний в дискурсе.

Источники и принятые сокращения

1. *Антоний [Сурожский], митрополит*. Во имя Отца и сына и святого духа: проповеди / Антоний [Сурожский]. — Клин : Христианская жизнь, 2009. — 416 с.
2. *Владимир (Иким), митрополит*. Врата покаяния: Слова, произнесенные в разные годы в период пения Троицы постной / (Иким) Владимир. — Москва : Сибирская Благовонница, 2009. — 925 с.
3. *Григорий, архиепископ Казанский и Свияжский*. Слова или беседы на все воскресные и праздничные дни в году, с присовокуплением слов и речей на некоторые особенные случаи, сказанные синодальным членом, Григорием Архиепископом Казанским и Свияжским / Григорий, архиепископ Казанский и Свияжский. — Санкт-Петербург, 1853. — Том 2. — 363 с.
4. *Менетров М., священник*. Пастырские наставления. Праздничные поучения / священник М. Менетров. — Москва : Воскресный день, 1905. — 184 с.
5. *Николай, митрополит Крутицкий и Коломенский*. Слова и речи / митрополит Николай. — Москва : Издательство Московской Патриархии, 1957. — Т. 4. — 472 с.
6. *Николай, митрополит*. Дух Святый [Электронный ресурс] / митрополит Николай // Журнал Московской Патриархии. — 1947. — № 8. — С. 11—14. — Режим доступа: <http://archive.e-vestnik.ru/page/index/194708421.html> (дата обращения: 02.08.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды / Ю. Д. Апресян. — Москва : Языки русской культуры : Восточная литература, 1995. — Том 1: Лексическая семантика. — 472 с.
2. *Арутюнова Н. Д.* Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — С. 136—137.
3. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы) / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Едиториал УРСС, 2002. — 384 с.
4. *Арутюнова Н. Д.* Синтаксис / Н. Д. Арутюнова // Общее языкознание (внутренняя структура языка). — Москва : Наука, 1972. — С. 259—343.

5. Бейкер А. Пресуппозиция и типы предложений / А. Бейкер // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. — С. 406—418.
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — Москва : Прогресс, 1974. — 448 с.
7. Бурцев В. А. Дискурс русской православной проповеди: способы производства высказываний : диссертация ... доктора филологических наук / В. А. Бурцев. — Елец : 2012. — 447 с.
8. Бурцев В. А. Проблема субъективности высказывания в дискурсе на примере повелительных предложений / В. А. Бурцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2017. — Выпуск 4 (14). — С. 567—582.
9. Вендлер З. Причинные отношения / З. Вендлер // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1986. — Выпуск 18. Логический анализ естественного языка. — С. 264—276.
10. Гак В. Г. Высказывание и ситуация / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики, 1972. — Москва : Наука, 1973. — С. 349—372.
11. Грайс Г. Ф. Логика и речевое общение / Г. Ф. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. — С. 217—237.
12. Дейк Т. ван. Вопросы прагматики текста / Т. ван Дейк // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1978. — Выпуск 18. Лингвистика текста. — С. 259—336.
13. Демьянков В. З. «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет (Обзор II) / В. З. Демьянков // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. — 1979. — Т. 38, № 4. — С. 368—380.
14. Дрозд Н. В. Именительный темы как особая разновидность номинативных предложений : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. В. Дрозд. — Москва, 2007. — 23 с.
15. Дэйвисон А. Лингвистическое или прагматическое описание: размышление о «Парадоксе Перформативности» / А. Дэйвисон // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1986. — Выпуск 17. Теория речевых актов. — С. 235—269.
16. Золотова Г. А. Монопредикативность и полипредикативность в русском синтаксисе / Г. А. Золотова // Вопросы языкознания. — 1995. — № 2. — С. 99—109.
17. Карпов Г. В. Правила вывода в императивной логике / Г. В. Карпов // Логико-философские штудии. — 2013. — Выпуск 11, № 2. — С. 5—18.
18. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / сост. П. Серио. — Москва : Прогресс, 1999. — 416 с.
19. Кибрик А. Е. Проблема синтаксических отношений в универсальной грамматике / А. Е. Кибрик // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1982. — Выпуск 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. — С. 5—36.
20. Кифер Ф. О пресуппозициях / Ф. Кифер // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1978. — Выпуск 8. Лингвистика текста. — С. 337—370.
21. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. — Москва : Едиториал УРСС, 2004. — 352 с.
22. Комри Бернард. Номинализация в русском языке: словарно задаваемые именные группы или трансформируемые предложения? / Бернард Комри // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1985. — Выпуск 15. Современная зарубежная русистика. — С. 42—49.

21. Коцик К. Э. Топиковые структуры в современных лингвистических парадигмах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / К. Э. Коцик. — Москва, 2019. — 25 с.
22. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика : введение / Дж. Лайонз. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 397 с.
23. Ли Ч. Н. Подлежащее и топик: новая типология языков / Ч. Н. Ли, С. А. Томпсон // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1982. — Выпуск 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. — С. 193—235.
24. Ломтев Т. П. Основы синтаксиса русского языка / Т. П. Ломтев. — Москва : Учпедгиз, 1958. — 167 с.
25. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — Москва : Гнозис, 2003. — 280 с.
26. Микрюкова Т. П. Неассертивные компоненты высказывания как способ манипулятивного речевого воздействия: на примере рекламных текстов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. Н. Микрюкова. — Москва, 2011. — 19 с.
27. Михеев М. Ю. Речевой акт обоснования и причинное отношение (семантика и прагматика) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. Ю. Михеев. — Москва, 1990. — 23 с.
28. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. — Москва : Наука, 1985. — 272 с.
29. Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение / Е. В. Падучева. — Москва : Языки славянской культуры, 2013. — 303 с.
30. Падучева Е. В. Семантические исследования (семантика времени и вида в русском языке; семантика нарратива) / Е. В. Падучева. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
31. Почепцов О. Г. Языковая ментальность: способ представления мира / О. Г. Почепцов // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6. — С. 110—122.
32. Русская грамматика : в 2 т. Т. 2. Синтаксис / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. — Москва : Наука, 1980. — 709 с.
33. Серьо П. Как читают тексты во Франции / П. Серьо // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. — Москва : Прогресс, 1999а. — С. 12—53.
34. Серьо П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / П. Серьо // Квадратура смысла : французская школа анализа дискурса. — Москва : Прогресс, 1999б. — С. 337—383.
35. Серьо П. Сравнение, тождество и имплицитная предикация / П. Серьо // Логический анализ языка. Избранное, 1985—1995. — Москва : Индрик, 2003. — С. 282—295.
36. Сковородников А. П. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / А. П. Сковородников. — Москва : Флинта, 2011. — 480 с.
37. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности / Ю. С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. — Москва : Институт языкознания РАН, 1995. — С. 34—72.
38. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис : учебник / Я. Г. Тестелец. — Москва : РГГУ, 2001. — 796 с.

39. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва : Прогресс, 1982. — Выпуск 11. Современные синтаксические теории в американской лингвистике. — С. 277—316.
40. Чернявская В. Е. Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1. — С. 54—61.

MATERIAL RESOURCES

- Anthony (Sourozh), Metropolitan. (2009). *In the name of the Father and the son and the holy spirit. Sermons*. Wedge: Christian Life Foundation. 416 p. (In Russ.).
- Gregory, Archbishop of Kazan and Sviyazhsky. (1853). *Words or conversations on all Sundays and holidays of the year, with the addition of words and speeches on some special occasions, spoken by the synodal member, Gregory Archbishop of Kazan and Sviyazhsky*, 2. St. Petersburg. 363 p. (In Russ.).
- Menetrot, M. priest. (1905). *Pastoral Instruction. Holiday teachings*. Moscow: Sunday. 184 p. (In Russ.).
- Nicholas, Metropolitan of Krutitsky and Kolomensky. (1957). *Words and Speeches*, 4. Moscow: Publishing house of the Moscow Patriarchate. 472 p. (In Russ.).
- Nicholas, Metropolitan. (1947). Holy Spirit. *Journal of the Moscow Patriarchate*, 8: 11—14. Available at: <http://archive.e-vestnik.ru/page/index/194708421.html> (accessed: 02.08.2021) (In Russ.).
- Vladimir (Ikim), Metropolitan. (2009). *Gates of repentance: Words spoken in different years during the singing of the Lenten Triodion*. Moscow: Siberian Blagozvonitsa. 925 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Apresyan, Yu. D. (1995). *Selected Works, 1: Lexical semantics*. Moscow: Languages of Russian culture: Oriental literature. 472 p. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1972). Syntax. In: *General linguistics (internal structure of language)*. Moscow: Nauka. 259—343. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1990). Discourse. In: *Linguistic Encyclopedic Dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 136—137. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (2002). *Proposition and its meaning (logical-semantic problems)*. Moscow: Editorial URSS. 384 p. (In Russ.).
- Baker, A. (1985). Presupposition and types of sentences. In: *New in foreign linguistics, 16. Linguistic pragmatics*. Moscow: Progress. 406—418. (In Russ.).
- Benveniste, E. (1974). *General linguistics*. Moscow: Progress. 448 p. (In Russ.).
- Burtsev, V. A. (2012). *Discourse of Russian Orthodox preaching: methods of production of utterances*: Doct. Diss. 447 p. (In Russ.).
- Burtsev, V. A. (2017). The problem of subjectivity of utterance in discourse on the example of imperative sentences. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, 4 (14): 567—582. (In Russ.).
- Chaf, U. (1982). Given, contrast, certainty, subject, topics and point of view. In: *New in foreign linguistics. 11. Modern syntactic theories in American linguistics*. Moscow: Progress. 277—316. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2014). Phantoms and syndromes of the discursive paradigm. *Questions of cognitive linguistics, 1*: 54—61. (In Russ.).

- Comrie, B. (1985). Nominalization in Russian: Dictionary-Specified Nominal Groups or Transformable Sentences? In: *New in foreign linguistics, 15. Modern foreign Russian studies*. Moscow: Progress. 42—49. (In Russ.).
- Davison, A. (1986). Linguistic or pragmatic description: reflection on the “Paradox of Performativity”. In: *New in foreign linguistics, 17. The theory of speech acts*. Moscow: Progress. 235—269. (In Russ.).
- Demyankov, V. Z. (1979). “Subject”, “theme”, “topic” in American linguistics of recent years (Review II). *Izvestia of the Academy of Sciences of the USSR. Ser. literature and language, 38/4*: 368—380. (In Russ.).
- Droz, N. V. (2007). *Nominative themes as a special kind of nominative sentences: author's abstract of PhD. Diss.* Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Dyck, T. van. (1978). Questions of pragmatics of the text. In: *New in foreign linguistics, 18. Linguistics of the text*. Moscow: Progress. 259—336. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1973). Statement and situation. In: *Problems of structural linguistics, 1972*. Moscow: Nauka. 349—372. (In Russ.).
- Grice, G. F. (1985). Logic and speech communication. In: *New in foreign linguistics, 16. Linguistic pragmatics*. Moscow: Progress. 217—237. (In Russ.).
- Karpov, G. V. (2013). Rules of inference in imperative logic. *Logical and philosophical studies, 11/2*: 5—18. (In Russ.).
- Kibrik, A. E. (1982). The problem of syntactic relations in universal grammar. In: *New in foreign linguistics, 11. Modern syntactic theories in American linguistics*. Moscow: Progress. 5—36. (In Russ.).
- Kiefer, F. (1978). About presuppositions. In: *New in foreign linguistics, 8. Linguistics of the text*. Moscow: Progress. 337—370. (In Russ.).
- Kobozeva, I. M. (2004). *Linguistic semantics*. Moscow: Editorial URSS. 352 p. (In Russ.).
- Kotsyk, K. E. (2019). *Topical structures in modern linguistic paradigms: author's abstract of PhD. Diss.* Moscow. 25 p. (In Russ.).
- Lee, C. N., Thompson, S. A. (1982). Subject and topic: a new typology of languages. In: *New in foreign linguistics, 11. Modern syntactic theories in American linguistics*. Moscow: Progress. 193—235. (In Russ.).
- Lomtev, T. P. (1958). *Basics of Russian syntax*. Moscow: Uchpedgiz. 167 p. (In Russ.).
- Lyons, J. (2003). *Linguistic semantics: an introduction*. Moscow: Languages of Slavic culture. 397 p. (In Russ.).
- Makarov, M. L. (2003). *Foundations of the theory of discourse*. Moscow: Gnosis. 280 p. (In Russ.).
- Mikheev, M. Yu. (1990). *Speech act of justification and causal relation (semantics and pragmatics): author's abstract of PhD. Diss.* Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Mikryukova, T. P. (2011). *Non-assertive components of utterance as a method of manipulative speech influence: on the example of advertising texts: author's abstract of PhD. Diss.* Moscow. 19 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1985). *Utterance and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)*. Moscow: Nauka. 272 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (1996). *Semantic research (semantics of time and type in Russian; semantics of narrative)*. Moscow: Languages of Russian culture. 464 p. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2013). *Russian negative proposition*. Moscow: Languages of Slavic culture. 303 p. (In Russ.).
- Pocheptsov, O. G. (1990). Linguistic mentality: a way of representing the world. *Questions of linguistics, 6*: 110—122. (In Russ.).

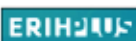

- Serio, P. (1999a). How texts are read in France. In: *Squaring of meaning: the French school of discourse analysis*. Moscow: Progress. 12—53. (In Russ.).
- Serio, P. (1999b). Russian language and analysis of the Soviet political discourse: analysis of nominalizations. In: *Squaring of meaning: the French school of discourse analysis*. Moscow: Progress. 337—383. (In Russ.).
- Serio, P. (2003). Comparison, identity and implicit predication. In: *Logical analysis of language. Selected, 1985—1995*. Moscow: Indrik. 282—295. (In Russ.).
- Serio, P. (ed.). (1999). *Squaring of meaning: French school of discourse analysis*. Moscow: Progress. 416 p. (In Russ.).
- Shvedova, N. Yu. (ed.). (1980). *Russian grammar, 2/2. Syntax*. Moscow: Nauka. 709 p. (In Russ.).
- Skovorodnikov, A. P. (2011). *Encyclopedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings*. Moscow: Flinta. 480 p. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (1995). Alternative world, discourse, fact and principle of causality. In: *Language and science of the late 20th century*. Moscow: Institute of Linguistics RAS. 34—72. (In Russ.).
- Testeleets, Ya. G. (2001). *Introduction to general syntax: textbook*. Moscow: RGGU. 796 p. (In Russ.).
- Wendler, Z. (1986). Causal relations. In: *New in foreign linguistics, 18. Logical analysis of natural language*. Moscow: Progress. 264—276. (In Russ.).
- Zolotova, G. A. (1995). Monopredicativity and polypredicativity in Russian syntax. *Questions of linguistics, 2*: 99—109. (In Russ.).

Герасимова С. А. Деятельность просветителя-энциклопедиста как отражение интеллектуальной культуры XVIII века / С. А. Герасимова // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 28—41. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-28-41.

Gerasimova, S. A. (2021). Activities of Encyclopedic Educator and Intellectual Culture of 18th Century. *Nauchnyi dialog*, 4: 28-41. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-28-41. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-28-41

Деятельность просветителя-энциклопедиста как отражение интеллектуальной культуры XVIII века

Герасимова Светлана Анатольевна

orcid.org/0000-0003-3960-8841

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра французского языка
и лингводидактики
gerasvetlana@yandex.ru

Московский городской
педагогический университет

(Москва, Россия)

Activities of Encyclopedic Educator and Intellectual Culture of 18th Century

Svetlana A. Gerasimova

orcid.org/0000-0003-3960-8841

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of French Language
and Linguodidactics
gerasvetlana@yandex.ru

Moscow City Pedagogical University

(Moscow, Russia)

© Герасимова С. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросам отражения интеллектуальной культуры эпохи Просвещения в научно-популярном дискурсе, репрезентированном в деятельности просветителей-энциклопедистов. Актуальность темы исследования обусловлена изучением взглядов ученого, повлиявших на ценностные координаты научно-популярного знания социума того времени. В основу методологии исследования положен нарративный подход в историографической перспективе, а также культурантропоцентрический метод, раскрывающий биографию ученого как проявление социокультурных процессов эпохи. Использование указанных методов обусловило новизну исследования как вектор движения исследовательской мысли, моделирующей феномен профессионализма, поскольку способствует более глубокому осознанию специфики профессиональной картины мира ученого. Выявлена динамика взглядов французского просветителя Луи де Жокура, определена степень его вклада в становление Французской энциклопедии (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*). Доказано, что для ученого значимым стало моральное удовлетворение от участия в создании энциклопедии, обусловленное креативностью его личности. Материалом исследования послужили статьи Л. де Жокура, размещенные на сайте первого издания энциклопедии. Анализ статей показывает, что их прагматика направлена на трансляцию информации обрцованному читателю в научно-популярном дискурсе.

Ключевые слова:

научно-популярный дискурс; Луи де Жокур; биография ученого; профессионализм; новая терминология; статьи Французской энциклопедии.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the issues of reflection of the intellectual culture of the Enlightenment in popular science discourse, represented in the activities of encyclopedic educators. The relevance of the research topic is due to the study of the views of the scientist, which influenced the value coordinates of popular science knowledge of the society of that time. The research methodology is based on a narrative approach in a historiographic perspective, as well as a culture-anthropocentric method that reveals the biography of a scientist as a manifestation of the socio-cultural processes of the era. The use of these methods determined the novelty of the research as a vector of movement of research thought, modeling the phenomenon of professionalism, since it contributes to a deeper understanding of the specifics of the professional picture of the scientist's world. The dynamics of the views of the French educator Louis de Jaucourt is revealed, the degree of his contribution to the formation of the French Encyclopedia (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*) is determined. It is proved that moral satisfaction from participation in the creation of an encyclopedia, due to the creativity of his personality, has become significant for the scientist. The research material was the articles by L. de Jaucourt posted on the website of the first edition of the encyclopedia. Analysis of the articles shows that their pragmatics are aimed at transmitting information to an educated reader in popular science discourse.

Key words:

popular science discourse; Louis de Jaucourt; biography of the scientist; professionalism; new terminology; articles of the French Encyclopedia.

Деятельность просветителя-энциклопедиста как отражение интеллектуальной культуры XVIII века

© Герасимова С. А., 2021

1. Просветительство как новая форма научно-популярной дискурсивной практики

Цель предпринятого исследования — выявить динамические связи между системой ценностей, идеями эпохи и социальными практиками, репрезентированными в энциклопедических статьях Л. де Жокура, просветителя XVIII века. Главная задача работы — выявление принципов популяризации специальных научных знаний французским просветителем-энциклопедистом в непрофессиональной читательской аудитории. Для решения задачи необходимо проанализировать ряд авторских энциклопедических статей, отражающих новый подход Луи де Жокура к толкованию уже существовавших в научном обиходе терминов, имевших социокультурный характер.

В XVIII веке наука из неопределенной, замкнутой сферы для узкого круга избранных превращается в важную часть общественной жизни, в которой ученые чувствовали себя членами сообщества, занимавшими достойное место в социальном и культурном пространстве эпохи. Просветители были приверженцами современной науки как полезного, ценного и эффективного инструмента, пропаганда достижений и потенциальных возможностей которого способствовали воплощению их главной цели — раскрепощению человека [Ферроне, 2003, с. 342].

Новые формы дискурсивных практик (академии, салоны, клубы) способствовали объективации указанной цели. Складывались особые разновидности коммуникативного обмена: общественное мнение, критика всех сторон жизни общества, формирование публичного пространства. В такой среде ставились вопросы о роли знания, общественном развитии [Мир Просвещения ..., 2003, с. 575—578], что привело к духовным и философским изменениям в интеллектуальной сфере, повлияло на переосмысление термина *философ*, под которым понимали человека, размышлявшего и изучавшего природу личности и общества с целью сделать их лучше и счастливее: «В практику вошло узусальное понимание термина *philosophe* как человека, занимающегося проблемами общества и его нравов, чтобы доводить до него понятие истины как верного отражения действительности» [Викюлова и др., 2018, с. 205]. Указанные изменения способствовали

возникновению социабельности как способа организации социальных связей и нового принципа общения между людьми.

Одной из новых форм дискурсивных практик становится научно-популярный дискурс, представлявший новое научное знание, жанровым воплощением которого выступали различные энциклопедические издания. Необходимость теоретического осмысления научных достижений и терминологического упорядочения привела к созданию знаменитой «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» = «Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers», издававшейся с 1751 года и широко известной как «Энциклопедия Д. Дидро и Ж. Л. Д’Аламбера». Данное издание, олицетворявшее передовые взгляды того времени (веру в достижение прогресса благодаря науке и разуму, признание человеческого достоинства, осуждение церковного и государственного угнетения), явилось символом нового отношения к миру и осуществляло для читателя эпохи Людовика XV функцию социальной идентификации [Moureau, 1990].

В результате все более глубокого понимания окружающей действительности ученые обращались в том числе и к переосмыслению научной терминологии, которая вербально закрепляла систему понятий в той или иной области знаний. Появление новых слов, снижавших многозначность терминов начального периода развития языка науки, было закономерным и способствовало снятию расплывчатых, широких значений, в которых не замечалась разница между различными представлениями о действительности [Гринев-Гриневиц, 2019, с. 193].

Самое большое влияние на адресата, получавшего новые знания и впитывавшего прогрессивные идеи через статьи энциклопедии, оказывали авторитетные источники информации, к которым отнесем знатоков-экспертов. Деятельность Луи де Жокура, написавшего более 17 000 статей для Французской энциклопедии, стала одной из ярчайших страниц в истории ее создания. Материалом исследования послужил ряд статей Луи де Жокура, размещенных на сайте первого издания «Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers».

2. Исторический и личностный контекст создания энциклопедии как коллективного научного проекта

Материал и задачи исследования определили выбор методов и приемов исследования ключевых фактов биографии просветителя, ставших отправной точкой его участия в коллективном энциклопедическом проекте. Важным представляется нарративный подход в историографической перспективе, когда конкретный языковой материал позволяет обоснованно судить о научных взглядах ученого. В этом случае значим исторический и

личностный контекст, позволяющий оценить атмосферу создания текстов [Радченко, 2018].

Во второй половине XX века среди ученых и исследователей, занимавшихся изучением и анализом процессов истории, культуры, социологии, лингвистики нарратива, получил распространение биографический метод, сформулированный как культурантропологический [Февр, 1991]. Биография конкретного ученого, причастного к значимым социокультурным процессам своего времени, показывает его роль в эволюции культуры и общества определенного периода. Учёные эпохи Просвещения — это образованные люди, обладавшие обширными и глубокими познаниями в одной или нескольких областях науки и осуществлявшие просветительскую деятельность. К этой категории относились университетские профессора-практики, преподававшие в европейских университетах и обучавшие студентов гуманитарным дисциплинам, математике, философии [Колесов, 2008]. Занимаясь просветительской деятельностью, именно учёные распространяли новые идеи и знания в XVIII веке.

Биография Луи де Жокура, поддержавшего эпистемологическую модель энциклопедии Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбера, отражает динамику его научного становления в осмыслении ценностей общества эпохи Просвещения. Факт участия в создании и публикации Французской энциклопедии подчеркивает коммуникативное лидерство и высокий профессионализм Л. де Жокура, входившего в группу учёных, составивших влиятельное социокультурное движение эпохи Просвещения как дискурсивное экспертное сообщество. Понятие *профессионализм* рассматривается в данном случае как интегральное свойство, внутренняя характеристика человека, способствующая осуществлению того или иного вида деятельности на высоком уровне. Несомненно, что профессионализм становится результатом системного образования личности [Дебель, 2013].

3. Биография Луи де Жокура: опыт получения научного знания

Биография Л. де Жокура стала ярким доказательством феномена профессионализма. Как большинство авторов Французской энциклопедии, Луи де Жокур (Louis de Jaucourt, 1704—1779), происходивший из бургундской дворянской семьи, получил блестящее образование. В 1720 году в возрасте шестнадцати лет он начал изучать теологию в Женевском университете. Затем три года учился математике и физике в Кембридже, после изучал медицину в Лейденском университете, где получил степень доктора медицины. Свободно владел несколькими иностранными языками, помимо родного французского: немецким, английским, итальянским, испанским, греческом и латынью. С 1728 года Л. де Жокур писал и редактировал статьи

в нескольких научных журналах, двадцать лет своей жизни (1730—1750) он посвятил составлению универсального медицинского словаря на латыни (*Lexicon medicum universale*), который насчитывал шесть томов. Начиная с 1738 года Л. де Жокур вел активную академическую деятельность и был избран членом Академий Бордо, Берлина, Стокгольма, Королевского общества в Лондоне [Birnstiel, s.d.].

В сентябре 1751 года Д. Дидро (1713—1784) по рекомендации одного из четырех издателей энциклопедии М. А. Давида (Давида-старшего) (Michel Antoine David, David l'aîné, 1707—1770) приглашает Л. де Жокура написать статьи в готовившуюся к изданию энциклопедию, посвященную наукам и искусству. Полагаем, что его участие в энциклопедическом предприятии стало неслучайным, так как Л. де Жокур, будучи известным ученым в академической среде, выступал своеобразным научным гарантом издания. Ему было дозволено говорить о современных достижениях в обществе, поскольку социальный статус ученого делал легитимным дискурс, касающийся специализированных знаний [Mougeau, 1990, с. 54]. Первые статьи Л. де Жокура появились во втором томе французской энциклопедии (1752).

В дальнейшем, вплоть до 1765 года, ученый стал самым активным автором, написав для энциклопедии Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбера единолично или в соавторстве в общей сложности 17 266 статей, что составило почти четверть всех материалов справочного издания. Ученый хорошо знал классическую и современную литературу, профессионально разбирался в истории, политике, философии, химии, ботанике, гуманитарных науках и изобразительном искусстве. Лучшими статьями Л. де Жокура считаются публикации по следующим темам: Совесть, Демократия, Национальное равенство, Рабство, Франция, Правительство, Война, Инквизиция, Естественная свобода, Гражданская свобода, Политическая свобода, Основной закон, Отечество, Народ, Пресса, Республика, Суеверия и работоторговля, Путешествие, Город. В дополнение к ним он написал множество статей по физике, химии, ботанике и патологии [Perla, 1980]. Эти лексемы-термины, семантика которых конвенционально и нормативно связана с означиванием оценивающей деятельности ученого-энциклопедиста, обладают большим дискурсивным потенциалом, поскольку отражают ценностные взгляды ученого на эволюцию культуры и общества.

Проанализируем некоторые взгляды Л. де Жокура, которые он излагал в своих статьях будущему читателю энциклопедии как прогнозируемому адресату. Достаточно длительное время считалось, что Л. де Жокур был только компилятором чужих идей [Perla 1980; Mougeau, 1990]. Но уже в конце XX — начале XXI веков исследователи стали указывать на то, что он раскрывается перед скрупулезным читателем как первоклассный энци-

клопедист благодаря смелости научных рассуждений. В тысячах статей под безобидными заголовками Л. де Жокур смело критиковал церковь и монархию, делая это в соответствии с личными убеждениями, но всегда сверяясь с источниками, на которые опирался. Оставаясь самостоятельным автором, Л. де Жокур умело анализирует источники, создавая собственный научно-популярный дискурс [Delia, 2009; Chavoz, 2017].

4. Французский энциклопедист и формирование новой научной ментальности в социуме: переосмысление терминологии

Энциклопедисты стремились к точности значения лексических единиц, отражающих наименования основных научных понятий (например: *наука, система, объект, общество, патриотизм, родина, нравственность* и др.), прилагали усилия к тому, чтобы расширить сферу их употребления в соответствии с новыми научными веяниями. Думается, ученые основывались на позиции, что правильное понимание универсально принятых терминов со стороны потенциального читателя предполагает извлечение информации с опорой, прежде всего, на такой авторитетный источник, как энциклопедия.

В частности, Л. де Жокур подчёркивает, что новые знания накапливались поэтапно, но систематически, от древних греков и римлян до «прекрасных гениев» современности: «бессмертного Бэкона», «прославленного Декарта», Паскаля и Бойля — «отцов экспериментальной физики». Процесс приращения новых научных знаний испытывает определённые трудности, из-за чего в нём возникают перерывы. Такие периоды необходимо использовать для того, чтобы привести в порядок сделанные открытия в разных областях наук, то есть систематизировать их, что поможет объединить науки в единую картину мира [Encyclopédie ..., т. 14, p. 789].

Обратимся к статьям энциклопедии, затронувшим вопросы целостного осмысления совокупности человеческих знаний. В статье *Наука (SCIENCE)* изложен кумулятивный взгляд на историю науки в целом [Encyclopédie ..., т. 14, p. 788]:

— *Il est certain que les sciences sont l'ouvrage des plus grands génies. C'est par elles que l'immensité de la nature nous est dévoilée; ce sont elles qui ont arraché notre ame des ténèbres pour faire voir.* — Несомненно, что науки — дело величайших умов. Именно через них нам открывается необъятность природы; именно они вырвали нашу душу из тьмы, чтобы заставить это увидеть (здесь и далее перевод наш. — С. А.).

Согласимся с мнением В. П. Даниленко в том, что в рассуждениях Л. де Жокура прослеживается «весьма высокий уровень терминологической культуры» автора [Даниленко, 2015, с. 105]. В различных статьях энциклопедии находим подробное разъяснение многих науковедческих терминов.

Став одним из важнейших изданий эпохи, «Толковый словарь наук, искусств и ремесел» отразил переосмысление терминов в соответствии с тенденциями развития познания и культуры того времени, а также языковой образ мира образованного носителя языка как основного читателя и потребителя новых научных знаний. Современные философы считают, что определения терминов были верны, хотя зачастую носили общий характер, что, возможно, связано с активно происходившим процессом разделения картины мира на обиходную и научную, переосмыслением понятия знания, полученного в результате индивидуального и социального опыта [Нечаева, 2016, с. 71].

Приведём ещё примеры:

SCIENCE, en terme de philosophie, signifie la connoissance claire & certaine de quelque chose, fondée ou sur des principes évidens par eux-mêmes, ou sur des démonstrations. Le mot science pris dans le sens qu'on vient de dire est opposé à doute; & l'opinion tient le milieu entre les deux — НАУКА, с точки зрения философии, означает ясное и уверенное понимание чего-то, базирующегося на очевидных принципах или на доказательствах. Слово наука, используемое в приведенном значении, лежит между пониманием и сомнением [Encyclopédie ..., т. 14, p. 787].

SYSTEME, n'est autre chose que la disposition des différentes parties d'un art ou d'une science dans un état où elles se soutiennent toutes mutuellement, & où les dernières s'expliquent par les premières. Celles qui rendent raison des autres s'appellent principes, & le système est d'autant plus parfait, que les principes sont en plus petit nombre : il est même à souhaiter qu'on les réduise à un seul. — СИСТЕМА, по сути дела, — соотношение различных видов искусства или науки таким образом, что все они находятся в связях между собой, образуя определенное единство. Те, что становятся для других правилом, называются принципами, а система тем совершеннее, чем меньше в ней число принципов: даже хочется, чтобы они были сведены к одному [Encyclopédie ..., т. 15, p. 777].

Споры об универсальных ценностях общества вернули в XVIII веке в употребление слов *нация* и *патриотизм*, которые нередко противопоставляли *космополитизму* — процессу эмансипации личности, исследующей и открывающей мир вокруг себя как пространство без границ. Развивая идею Ж.-Ж. Руссо, который противопоставлял абстрактности космополитического понятия «человеческий род» реальность понятия «родина»; под последней он понимал общность, управляемую всеобщей волей, главными признаками которой выступали общая духовная позиция, универсалистский менталитет и преодолевающий национальные различия стиль жизни [Фрейхоф, 2003, с. 33—40], Л. де Жокур, уточнял эту мысль в статье «Патриотизм» (PATRIOTISME):

— ...*mais le patriotisme le plus parfait est celui qu'on posse de quand on est si bien rempli des droits du genre humain, qu'on les respecte vis-à-vis de tous les peuples du monde* — ...но самый наилучший патриотизм — это тот, при котором человек, обладающий им, проникается правами человеческого рода настолько, что уважает их [права] в отношении ко всем народам мира' [Encyclopédie ..., т. 12, p. 181].

Статья о гражданской и политической свободе в 9-м томе энциклопедии стала продолжением произведения «О духе законов» французского мыслителя Ш. Л. Де Монтескье (1689—1755). Л. де Жокур привел два-три параграфа оттуда, сопроводив их собственными рассуждениями. По его мнению, для определения понятия *свобода* недостаточно было сказать, что правление должно соответствовать обычаям и нравам народа (по Ш. Л. де Монтескье). К этому следовало добавить, что свобода также предполагает право гражданина делать все, что позволено законами (*La liberté réside dans le pouvoir qu'un être intelligent a de faire ce qu'il veut, conformément à sa propre détermination*), а сами законы должны быть «наилучшими из возможных», три ветви власти — законодательная, исполнительная и судебная должны быть хорошо разделены между собой [Encyclopédie ..., т. 9, p. 462].

Эпоху Просвещения, с которой неразрывно связано становление «Энциклопедии Д. Дидро и Ж. Л. Д'Аламбера», возможно изучать через систему различных видов дискурса (научный, научно-популярный, публицистический, издательский, медицинский, туристический, урбанистический и т. д.), соотносимых с разнообразными реалиями той эпохи, а также через успешный диалог между мыслителями-теоретиками и читателями.

Одной из интереснейших в этом плане стала статья *Путешествие (VOYAGE)*, написанная Л. де Жокуром для 17-го тома энциклопедии, где была предпринята попытка всестороннего осмысления «экзистенциального пространства» (по Д. Н. Замятину), что было обусловлено «динамикой географического пространства», когда путешествие представляло вершину географического и культурного познания [Замятин, 2006, с. 27]. При этом «модальности путешествий» устанавливали систему приоритетов, ценностей территорий, а «метафизика путешествия» становилась притягательной темой для читательской аудитории [Там же].

Сам термин *путешествие* позволял связать между собой разнообразные социальные горизонты, практики и представления, пространство и время [Morice, 2012]. Зарубежные философы, исследовавшие этот термин в контексте XVIII века, считают, что Л. де Жокур был знаком с авторитетным «Всеобщим словарем» Антуана Фюретьера (*Dictionnaire universel, contenant tous les mots francais, tant vieux que modernes*) и сохранил с ним

в своей энциклопедической статье некоторую преемственность, подчеркивая новые значения слова *путешествие* [Рош, 2003, с. 360].

В XVIII веке практика путешествий широко распространяется в передовых странах Европы. «Стремление увидеть своими глазами новые горизонты и желание “открыть мир” <...> тяга к реальной перемене мест <...> интерес к экзотическим странам» побуждали познавать мир представителей образованной элиты [Рош, 2003, с. 359]. Важными причинами путешествия (кроме обывательского интереса) Л. де Жокур называл торговлю, религию и образование, обычные дела и чрезвычайные обстоятельства. Согласно автору статьи, путешествие способно оказывать мощное воздействие на образ жизни и судьбу: *Il faut tous faire une fois le grand voyage* — Необходимо, чтобы каждый хотя бы раз совершил значимое путешествие.

Наконец, Л. де Жокур смотрел на функции путешествия как познавательной активности-шире — перемена мест благотворно влияет на тело и душу, принося большую пользу для развития личности. Путешествия обогащают разум, расширяют знания и излечивают человека от предрассудков [Encyclopédie ..., т. 17, р. 476]:

— *Les grands hommes de l'antiquité ont jugé qu'il n'y a voit de meilleure école de la vie que celle des voyages ; école où l'on apprend la diversité de tant d'autres vies, où l'ont rouve sans cesse quelque nouvelle leçon dans ce grand livre du monde; & où le changement d'air avec l'exercices ont profitables au corps & à l'esprit* — В античности великие люди считали, что нет лучшей школы жизни, чем путешествия; школы, в которой человек постигает многообразие образов жизни, в которой он постоянно находит новый урок в великой книге мира и в которой изменение взглядов в сочетании с физическими упражнениями приносит пользу телу и разуму.

Энциклопедия раньше других справочных изданий XVII—XVIII веков («Всеобщий словарь» А. Фюретьера, «Французский словарь» П. Ришле, словарь Французской Академии, «Словарь Треву») дала новаторское определение понятию «город». Вводная часть статьи *VILLE* почти полностью воспроизводила формулировку, которую можно было найти в других словарях [Encyclopédie ..., т. 17, р. 277]:

— *VILLE, s. f. (Architect. civil.) assemblage de plusieurs maisons disposées par rues, & fermées d'une clôture commune, qui est ordinairement de murs & de fossés*. — Город — это совокупность множества домов, образующая улицы и обнесенная общей оградой, обычно стеной и рвом.

Однако такое определение отражало только архитектурные особенности застройки. Новизна подхода Л. де Жокура заключалась в том, что он признавал многообразие урбанистического феномена. Поэтому в 17-м томе энциклопедии в дополнение он предложил в одной статье в алфа-

витном порядке около 40 рубрик, которые отражали юридические (*ville chartrée, ville de commune, ville jurée*) и функциональные (*ville capitale, ville de commerce, ville d'entrepôt*) характеристики города.

Видение Л. де Жокуром городского пространства намного опередило взгляды современников и было созвучно точке зрения, согласно которой средневековый «город как особый жизненный мир и как коммуникативное пространство являлся культурогенным и идентификационным средоточием — средой, в которой перекрещивались традиционно значимые семиотики культуры и коды поведения, формировались коммуникативные стили, вносились новые элементы в уклад жизненного мира» [Викулова и др., 2014, с. 302]. Такая оценка городского пространства привела в середине XVIII века к утверждению в просвещенных кругах общества нового представления о городе того времени, для которого были характерны постоянные изменения.

5. Выводы

Социогуманитарная научная парадигма, изучающая научно-популярный дискурс XVIII века как сложный многоуровневый феномен, ставит новую для науки о языке задачу осмысления роли ученого в определении ценностных координат научно-популярного знания. Важную роль в этом осмыслении играет личностный портрет Луи де Жокура, одного из ярчайших представителей поколения энциклопедистов, анализ его статей, привлечение узкого и широкого научного контекста, отражающего особенности научной ментальности ученого.

Анализ содержания ряда статей Французской энциклопедии, написанных Луи де Жокуром, показывает их прагматическую направленность при трансляции информации в научно-популярном дискурсе, основной функцией которого становится популяризация достижений науки среди широких слоёв населения и распространение специальных научных знаний в непрофессиональной среде, когда адресатом оказывается рядовой образованный и пытливый читатель.

Будучи самым активным автором энциклопедии, ученый уделял внимание анализу разнообразных понятий, выявлению динамических связей между системой ценностей, идеями эпохи и различными социальными практиками. Поддержав идею Д. Дидро о воплощении идеологии Просвещения через статьи энциклопедии, Л. де Жокур видел в этом новом научно-просветительском жанре возможность повлиять на мировоззрение социума.

Думается, что участие в создании Французской энциклопедии стало своеобразным *речевым поступком* (в терминологии М. М. Бахтина) со стороны Л. де Жокура: в составленных им энциклопедических статьях отраз-

илась ответственность их создателя за свою научную позицию. Ученый-энциклопедист использовал престижные языковые формы и литературную норму как реальные средства словесного общения с потенциальным читателем, что подчеркивает его лингвистическую компетенцию и эрудицию как одного из значимых авторов энциклопедии. Полагаем, что эти качества вызывали доверие со стороны адресата (читателя) к автору, способствуя созданию оптимального контакта с читательской аудиторией, её филологическому и культурному просвещению.

Можно говорить о том, что новое толкование Л. де Жокуром терминов и понятий, существовавших в научном обиходе и использовавшихся в различных сферах жизнедеятельности, отчасти повлияло на становление ряда позиций научного знания в интеллектуальной культуре французского социума эпохи Просвещения. Его статьи воплотили тезаурусный принцип изложения разнородной информации, последовательно отразившийся в самой энциклопедии как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний. Новые научные знания становятся значимыми для личности описываемой эпохи как средство ориентации в окружающей среде, расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для интересной и многообразной жизни. Научная активность Луи де Жокура, его упорство и авторская смелость выдвигают ученого-философа на передний план философского движения эпохи Просвещения.

Источники и принятые сокращения

Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers / texte établi par J. L. D'Alembert, D. Diderot. — 1-re éd. — 1751. — Access mode : https://fr.wikisource.org/wiki/L%27E2%80%99Encyclop%C3%A9die/1re_%C3%A9dition (accessed 03.02.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Викулова Л. Г. Городское пространство как новая коммуникативная среда эпохи глобализации / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире : сборник статей. — Москва : ТЕЗАУРУС-Языки народов мира, 2014. — С. 302—309.
2. Викулова Л. Г. Эволюционная семиотика знака интеллектуальной культуры : философ / philosophe / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова, С. А. Герасимова // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе : коллективная монография / под ред. О. А. Сулеймановой. — Москва : Флинта, 2018. — С. 197—212.
3. Гринев-Гриневич С. В. Некоторые проблемы отражения мира в словарях / С. В. Гринев-Гриневич // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции памяти доктора филологических наук, профессора Ю. Н. Марчука. — Москва : ИИУ МГОУ, 2019. — С. 190—199.
4. Даниленко В. П. Формирование культурологической терминологии в «Энциклопедии» Д. Дидро и Ж. Даламбера / В. П. Даниленко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2015. — № 2 (18). — С. 95—105.

5. Дебель М. А. Профессионализм как проявление пассионарности / М. А. Дебель // Мир науки, культуры, образования. — 2013. — № 1 (38). — С. 14—17.
6. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов / Д. Н. Замятин. — Москва : Знак, 2006. — 488 с.
7. Колесов В. В. Гордый наш язык / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Авалонь, Азбука-классика, 2008. — 352 с.
8. Мир Просвещения : исторический словарь / под ред. В. Ферроне, Д. Роша. — Москва : Памятники исторической мысли, 2003. — 668 с.
9. Нечаева Н. А. Языковая картина мира: наивная и научная / Н. А. Нечаева // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия : Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2016. — № 2 (22). — С. 70—77.
10. Радченко О. А. Горизонты нарративной историографии в новом столетии / О. А. Радченко // Вестник МГЛУ. Серия: Гуманитарные науки. — 2018. — Вып. 9 (801). — С. 25—39.
11. Рош Д. Путешествия / Д. Рош // Мир Просвещения : исторический словарь. — Москва : Памятники исторической мысли, 2003. — С. 359—368.
12. Февр Л. Бои за историю / Л. Февр. — Москва : Наука, 1991. — 629 с.
13. Ферроне В. Наука / В. Ферроне // Мир Просвещения : исторический словарь. — Москва : Памятники исторической мысли, 2003. — С. 342—350.
14. Фрейхоф В. Космополитизм / В. Фрейхоф // Мир Просвещения : исторический словарь. — Москва : Памятники исторической мысли, 2003. — С. 31—41.
15. Birnstiel E. Louis de Jaucourt [Electronic resource] / E. Birnstiel // Musée virtuel du protestantisme. — Access mode : <http://www.museeprotestant.org/en/notice/louis-de-jaucourt-1704-1779-2/> (accessed 13.12.2020).
16. Chavoz N. Voltaire dans l'Encyclopédie: au rendez-vous manqué des «idôles» et des «harengs» [Electronic resource] / N. Chavoz // Acta fabula. — 2017. — Vol. 18, № 7. — Mode d'accès : <https://www.fabula.org/acta/document10458.php> (accessed 21.12.2020).
17. Delia L. Crime et châtement dans l'Encyclopédie. Les enjeux de l'interprétation de Montesquieu par de Jaucourt / L. Delia // Dix-huitième siècle. — 2009. — № 41. — P. 469—486.
18. Morice J. Les voyages rendent-ils meilleur? Autour d'une controverse au XVIIIe siècle / J. Morice // Revue Philosophique de Louvain. — Année 2012. — T. 110, № 2. — P. 231—260. — DOI: 10.2143/RPL.110.2.2159030.
19. Moureau F. Le roman vrai de l'Encyclopédie / F. Moureau. — Paris : Gallimard, 1990. — 176 p.
20. Perla G. A. La philosophie de Jaucourt dans l'«Encyclopédie» / G. A. Perla // Revue de l'histoire des religions. — Année 1980. — T. 197, № 1. — P. 59—78. — DOI: <https://doi.org/10.3406/rhr.1980.5108>.

MATERIAL RESOURCES

D'Alembert, J. L., Diderot, D. (1751). *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*. 1-re éd. Available at: https://fr.wikisource.org/wiki/L%E2%80%9999Encyclop%C3%A9die/1re_%C3%A9dition (accessed 03.02.2021). (In French).

REFERENCES

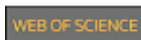
Birnstiel, E. Louis de Jaucourt. In: Musée virtuel du protestantisme. Available at: <http://www.museeprotestant.org/en/notice/louis-de-jaucourt-1704-1779-2/> (accessed 13.12.2020). (In French).

- Chavoz, N. (2017). Voltaire dans l'Encyclopédie: au rendez-vous manqué des «idoles» et des «harengs». *Acta fabula*, 18 (7). Available at: <https://www.fabula.org/acta/document10458.php> (accessed 21.12.2020). (In French).
- Danilenko, V. P. (2015). The formation of the culturological terminology in D. Didreaux's and J. D'allamber's "Encyclopedia". *Current issues in philology and pedagogical linguistics*, 2 (18): 95—105. (In Russ.).
- Debel, M. A. (2013). Professionalism as passionarity display. *The world of science, culture and education*, 1 (38): 14—17. (In Russ.).
- Delia, L. (2009). Crime et châtement dans l'Encyclopédie. Les enjeux de l'interprétation de Montesquieu par de Jaucourt. In: *Dix-huitième siècle*, 41: 469—486. (In French).
- Ferrone, V. (2003). The Science. In: *L'Illuminismo. Dizionario storico*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 342—350. (In Russ.).
- Ferrone, V., Roche, D. (eds.). (2003). *L'Illuminismo. Dizionario storico*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 668 p. (In Russ.).
- Fevr, L. (1991). *Fights for history*. Moscow: Nauka. 629 p. (In Russ.).
- Freykhof, V. (2003). Kosmopolitizm. In: *L'Illuminismo. Dizionario storico*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 31—41. (In Russ.).
- Grinev-Grinevich, S. V. (2019). Some problems of reflection of the world in dictionaries. In: *Word. Dictionary. Term. Lexicographer: a collection of articles*. Moscow: IIU MGOU. 190—199. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. (2008). *Our proud tongue*. St.-Peterburg: Avalon, Azbuka-klassika. 352 p. (In Russ.).
- Morice, J. (2012). Les voyages rendent-ils meilleur? Autour d'une controverse au XVIIIe siècle. In: *Revue Philosophique de Louvain*. 110 (2): 231—260. DOI: 10.2143/RPL.110.2.2159030. (In French).
- Moureau, F. (1990). *Le roman vrai de l'Encyclopédie*. Paris: Gallimard. 176 p. (In French).
- Nechaeva, N. A. (2016). The language picture of the world: naive and scientific. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Philology. Language theory. Language education*, 2 (22): 70—77. (In Russ.).
- Perla, G. A. (1980). La philosophie de Jaucourt dans l'"Encyclopédie". In: *Revue de l'histoire des religions*. 197 (1): 59—78. DOI: <https://doi.org/10.3406/rhr.1980.5108>. (In French).
- Radchenko, O. A. (2018). The horizons of narrative historiography in the new century. *Vestnik of Moscow state linguistic university. Series: Humanitarian sciences*, 9 (801): 25—39. (In Russ.).
- Roche, D. (2003). Travels. In: *L'Illuminismo. Dizionario storico*. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 359—368. (In Russ.).
- Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F. (2014). Urban space as a new communicative environment in the era of globalization. In: *Language policy and language conflicts in the modern world: collection of articles*. Moscow: TEZAURUS-Yazyki narodov mira. 302—309. (In Russ.).
- Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Gerasimova, S. A. (2018). Evolutionary semiometry of the sign of intellectual culture: philosopher / philosophe. In: *Methodology of modern semantic research in development and perspective*. Moscow: Flinta. 197—212. (In Russ.).
- Zamyatin, D. N. (2006). *Culture and Space: Modeling Geographic Images*. Moscow: Znak. 488 p. (In Russ.).

Грибер Ю. А. Минералогический код в русских цветоименованиях / Ю. А. Грибер // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 42—65. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-42-65.

Griber, Yu. A. (2021). Mineralogical Code in Russian Color Names. *Nauchnyi dialog*, 4: 42-65. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-42-65. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-42-65

Минералогический код в русских цветоименованиях

Грибер Юлия Александровна
orcid.org/0000-0002-2603-5928
Researcher ID AAG-4410-2019
доктор культурологии, профессор
кафедры социологии и философии
y.griber@gmail.com

Смоленский государственный
университет
(Смоленск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 17-29-09145 «Картография цвета:
диагностика развития
цветоименований
русского языка с использованием
естественно-научных,
историографических,
социологических и
психологических методов»

Mineralogical Code in Russian Color Names

Yulia A. Griber
orcid.org/0000-0002-2603-5928
Researcher ID AAG-4410-2019
Doctor of Cultural Studies, Professor
of Sociology and Philosophy
y.griber@gmail.com

Smolensk State University
(Smolensk, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 17-29-09145
“Color mapping: diagnostics
of the development
of color names in the Russian using natural
science, historiographic, sociological and
psychological methods”

© Грибер Ю. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены результаты комплексного исследования колоративов, производных от названий цветных камней, в системе цветоименований современного русского языка. Исследование проводилось в 2018—2020 годах в два этапа с использованием методов контент-анализа и психолингвистического онлайн-эксперимента. На первом этапе оценивалось состояние семантической группы названий цветных камней, потенциальных объектов-референтов цветоименований, с помощью анализа четырех различных групп источников: специализированных словарей цветных камней, словарей цвета, индивидуальных авторских словарей цветообозначений и толковых словарей современного русского языка. На втором этапе исследовалось состояние образованных от названий цветных камней колоративов в активном словаре современных носителей русского языка на основе данных психолингвистического онлайн-эксперимента, в котором приняли участие 2457 человек в возрасте от 16 до 95 лет. Представлены результаты сопоставительного анализа перечней цветных камней-прототипов цветоименований в пассивном и активном словарях носителей современного русского языка. Рассматриваются сфера денотации и функции цветоименований, образованных от названий цветных камней. Особое внимание уделяется анализу деривативной продуктивности названий объектов-референтов изучаемого класса и частотности использования отдельных цветоименований в ответах носителей русского языка с различными социально-демографическими характеристиками (полом, возрастом, профессиональным опытом).

Ключевые слова:

русский язык; цветоименование; колоратив; семантическая группа цветных камней

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of a comprehensive study of color names derived from the names of colored stones in the system of color names of the modern Russian language are presented in the article. The research was conducted in 2018-2020 in two stages using the methods of content analysis and an online psycholinguistic experiment. At the first stage, the state of the semantic group of names of colored stones, potential objects-referents of color names, was assessed by analyzing four different groups of sources: specialized dictionaries of colored stones, dictionaries of color, individual author's dictionaries of color names and explanatory dictionaries of the modern Russian language. At the second stage, the state of the color terms formed from the names of colored stones in the active vocabulary of modern Russian speakers was investigated on the basis of data from an online psycholinguistic experiment, in which 2,457 people aged 16 to 95 took part. The results of a comparative analysis of the lists of colored stones-prototypes of color names in the passive and active dictionaries of the speakers of the modern Russian language are presented. The scope of denotation and the function of color names derived from the names of colored stones are considered. Particular attention is paid to the analysis of the derivative productivity of the names of referent objects of the studied class and the frequency of use of individual color names in the responses of Russian speakers with different socio-demographic characteristics (gender, age, professional experience).

Key words:

Russian; color naming; color term; semantic group of colored stones

Минералогический код в русских цветоименованиях

© Грибер Ю. А., 2021

1. Введение

В современном русском языке основную часть цветовых номинаций составляют термины, образованные от названий предметов с характерной окраской (см. напр.: [Крапивник, 2020; Кульпина, 2001; 2007; Paramei et al., 2018]). В основе данного типа словообразования лежит метафорический перенос, и значение таких номинаций легко определяется носителем языка на основе его представлений о цвете соответствующего объекта (см. подробнее: [Biggam, 2012; Wierzbicka, 1990; Wittgenstein, 1973]).

Как правило, носители языка сравнивают оттенки, которые они хотят назвать, с хорошо знакомыми им предметами с фиксированным цветом — растениями, ягодами, плодами, природными объектами, напитками и сладостями. Описанный механизм образования терминов цвета характерен не только для русского языка. Единицы из похожих семантических классов широко используются для образования терминов цвета также в английском [Casson, 1994; MacDonald et al., 2010; Matschi, 2004; Steinvall, 2002], немецком [Jones, 2013; Stoeva-Holm, 2007], польском [Кульпина, 2001], украинском [Кудря, 2015], шведском [Bergh, 2007], египетском [Warburton, 2007] и многих других языках. Однако в разных языках различные категории имеют неодинаковую популярность и распространенность.

Носители русского языка, описывая оттенки, часто сравнивают их с цветными драгоценными и полудрагоценными камнями. По результатам проведенных ранее исследований, по популярности эта группа объектов-референтов уступает только группе обозначений, содержащих отсылки к цветущим растениям [Griber et al., 2018 (табл. 2 и рис. 4)]. Тем не менее до сих пор нет комплексного исследования состояния этой семантической группы в живом активном словарном запасе современных носителей русского языка. Традиционно мотивы и цветовые образы драгоценных камней на материале русского языка изучаются в контексте анализа письменных текстов отдельных авторов (см. напр: [Павлова, 2006; 2007; 2013; Радионова, 2016; Таран, 2005, 2012; Шилкина, 2004]) или рекламного дискурса [Печенникова, 2006; Сун Чуньчунь, 2018]. Отсутствуют и данные сравнительного анализа использования лексики из этой семантической группы представителями различных социальных групп: мужчинами и женщина-

ми, носителями языка разного возраста, представителями различных профессиональных сфер деятельности.

Целью статьи является комплексный анализ колоративов, производных от названий цветных камней, в системе цветоименований современного русского языка.

Задачи статьи заключаются в том, чтобы (1) провести сравнительный анализ перечней цветных камней-прототипов цветоименований, оценить присутствие обозначений камней в пассивном и активном словарях носителей современного русского языка; (2) определить сферу денотации и функции цветоименований, образованных от названий цветных камней; (3) на основе данных эксперимента установить деривативную продуктивность названий цветных камней (количество моно- и полилексемных производных, образованных от каждого названия) и частотность использования отдельных цветоименований в ответах носителей русского языка с различными социально-демографическими характеристиками (полом, возрастом, профессиональным опытом); (4) провести психолингвистический анализ исследуемой семантической группы и определить денотативные значения исследуемых цветовых категорий в цветовом пространстве CIELAB.

Система CIELAB является международным стандартом, который позволяет описывать любой воспринимаемый цвет тремя координатами: две передают цветность (a^* — красно-зеленую и b^* — сине-желтую составляющие), а третья — яркость (L^*). Координаты цветности (a^* и b^*) могут принимать положительные и отрицательные значения. Если значение a^* положительное, цвет имеет красноватый оттенок, если отрицательное — зеленоватый. При положительном значении b^* цвет расположен в желтой области цветового пространства, при отрицательном — в синей. Значение яркости (L^*) может меняться в диапазоне от 0 (черный) до 100 (белый).

Подчеркнем, что в данной работе название *цветные камни* используется в качестве общего термина для обозначения драгоценных, полудрагоценных (ювелирных, ограночных) и поделочных камней (ср.: [Куликов, 1982, с. 71]).

2. Дизайн эмпирического исследования

Исследование проводилось в 2018—2020 годах в два этапа с использованием методов контент-анализа и психолингвистического онлайн-эксперимента.

На первом этапе оценивалось состояние семантической группы названий цветных камней, потенциальных объектов-референтов цветоименований, с помощью контент-анализа четырех различных групп источников: (1) специализированных словарей цветных камней [Буканов,

2008; Куликов, 1982; Weiss, 2018], (2) словарей цвета [Василевич и др., 2013; РАНФТЦ; Стефанов, 2015; Харченко, 2013], (3) индивидуальных авторских словарей цветообозначений [Горбачевич и др., 1979; Забозлаева, 1998; Полухина, 2016] и (4) толковых словарей современного русского языка [БТСРЯ; Ожегов, 1991; СРЯ-1; СРЯ-2; СРЯ-3; СРЯ-4; ТСРЯ]. Единицами анализа и счета выступали названия объектов-референтов из семантического класса «драгоценные, полудрагоценные (ювелирные, ограночные) и поделочные камни (цветные камни)». Отбор единиц исследования ($N=1000$) проводился с использованием многоступенчатой кластерной стратегии. Разные типы словарей рассматривались как кластеры. В кластерах отбор единиц анализа осуществлялся методом сплошной выборки.

На *втором этапе* исследовалось состояние семантической группы образованных от названий цветных камней колоративов в активном словаре современных носителей русского языка на основе данных психолингвистического онлайн-эксперимента (<http://www.colournaming.com>), в котором приняли участие 2457 человек в возрасте от 16 до 95 лет (1402 женщины и 1055 мужчин, средний возраст — 41.36 лет).

Интерфейс эксперимента был спроектирован и разработан в программе Adobe Flash CS4 S.V. на языке программирования ActionScript 3 [Mylonas et al., 2010; 2016] и позволял последовательно показывать участникам на мониторе окрашенные в разные цвета прямоугольные карточки, которые компьютер в случайном порядке выбирал из 606 цветовых стимулов эксперимента. Задача участника заключалась в том, чтобы подобрать наиболее подходящее цветоименование для оттенка, который он видел, и ввести соответствующий термин с помощью клавиатуры в строке, расположенной на этой же странице ниже. Эксперимент был открытым, и участники могли использовать для описания цвета любые простые и составные слова, словосочетания и целые предложения.

Для удобства последующего анализа, координаты каждого цветового образца были заданы в цветовом пространстве CIELAB.

Респонденты могли называть любое количество образцов и закончить эксперимент, нажав кнопку «Конец». В среднем каждый участник давал 23 ответа ($\min = 1$, $\max = 46$). Вместе участники эксперимента предоставили 55 911 валидных цветообозначений, 2193 (3.92%) из которых содержали цветообозначения, образованные от названий драгоценных и полудрагоценных камней. Именно они и стали предметом нашего анализа.

Цветовое зрение участников эксперимента проверялось с помощью динамического цветового теста, разработанного в Лондонском городском университете [Barbur, 2004]. Результаты информантов с нарушенным цветовым зрением из базы данных эксперимента были исключены.

3. Результаты

3.1 Перечень цветных камней, выступающих прототипами в процессе номинации цвета

Проведенный контент-анализ показал, что в специализированных словарях описано более тысячи видов и разновидностей цветных камней и приведено несколько тысяч терминов, относящихся к цветному камню [Буканов, 2008; Куликов, 1982; Weiss, 2018]. Потенциально все они могут использоваться носителями языка в качестве цветообозначений, поскольку обладают характерной окраской разного тона, светлоты и насыщенности.

Словари цвета [Василевич и др., 2013; РАНФТЦ; Стефанов, 2015; Харченко, 2013] содержат гораздо меньшее количество названий цветных камней, которые служат основой для образования терминов цвета. Наиболее полный список цветных камней и минералов, названия которых используются в русском языке для образования цветонаименований, приводится в словаре А.П. Василевича и др. [Василевич и др., 2013]. Этот список включает 43 объекта-референта из исследуемого семантического класса: агат, аквамарин, александрит, алмадин, аметист, берилл, бирюза, гелиотроп, гиацинт, горный хрусталь, гранат, гранит, жемчуг, изумруд, коралл, корунд, кристалл, лабрадорит, лунный камень, малахит, мрамор, нефрит, оникс, опал, офит, перидот, перламутр, рубин, сапфир, сердолик, серпантин, слоновая кость, топаз, турмалин, флюорит, хризолит, хризопраз, чароит, янтарь, яхонт, яшма и др.

Списки названий цветных камней, составленные на основании словарей В. К. Харченко [Харченко, 2013] и С. И. Стефанова [Стефанов, 2015], еще короче и содержат почти в два раза меньше объектов-референтов (23 и 24 названия камня соответственно), из которых в словаре А. П. Василевича и др. [Василевич и др., 2013] отсутствуют лишь 6: азурит, алмаз, альбит, бриллиант, гематит, кровавик.

Индивидуальные авторские словари цветообозначений никаких дополнительных единиц камней как референтов цветовой характеристики в составленный список названий камней не добавляют. Несмотря на то, что русская поэзия и литература наполнена мотивами и образами драгоценных камней и даже неблизкое знакомство с ней позволяет человеку назвать ряд текстов, где драгоценные камни играют символическую роль (ср.: «Гранатовый браслет» А. Куприна), авторские словари цветообозначений, производных от названий цветных камней, достаточно небольшие. В произведениях Н. Островского лишь 10 самоцветов, названия которых положены в основу цветообозначений: алмаз, аквамарин, бирюза, бриллиант, жемчуг, изумруд, лунный камень, малахит, янтарь и яхонт [Забозлаева, 1998]. Словарь цветных камней, к образам которых, описывая цвет, апел-

лирует И. Бродский, включает лишь 8 объектов-прототипов (агат, бирюза, гранат, жемчуг, мрамор, перламутр, сапфир, янтарь) [Полухина, 2016], а в философских статьях Вяч. Иванова — лишь шесть (алмаз (адамант), изумруд (смарагд), жемчуг (перл, бурмитские зерна), янтарь, агат, яхонт) [Радионова, 2016]. И даже в поэтических текстах рубежа XIX и XX веков, для которых характерно такое обилие «ювелирной метафорики», которой никогда не было ни в лирике предшественников, ни позднее, мы находим очень небольшой список объектов-референтов. Развивая традиционную образность, К. Бальмонт, А. Белый, А. Блок, В. Брюсов, М. Волошин, З. Гиппиус, В. Иванов, Д. Мережковский, Ф. Сологуб и др. часто привлекают драгоценные камни для описания мифологической оппозиции «небо — земля», для выражения замкнутости и открытости пространства, сравнивают с самоцветами красоту человеческого тела и лица (см. подробнее: [Шилкина, 2004]), но при этом чаще всего обращаются к одним и тем же образам, используют в формировании мотивно-образной структуры своих произведений символическую силу цветовых характеристик жемчуга, аметиста, алмаза, изумруда, перламутра.

Наконец, перечень референтов еще сокращается в толковых словарях современного русского языка [БТСРЯ; Ожегов, 1991; СРЯ-1; СРЯ-2; СРЯ-3; СРЯ-4; ТСРЯ]: здесь приводятся толкования только 17 образованных от названий цветных камней колоративов, причем все они имеют адъективную форму: *агатовый, аквамариновый, алебастровый, алмазный, бирюзовый, бриллиантовый, жемчужный, изумрудный, коралловый, кристальный, малахитовый, опаловый, перламутровый, рубиновый, сапфировый, сапфирный, хрустальный*.

3.2. Сфера денотации и функции цветоименований, образованных от названий цветных камней

Контент-анализ содержания словарных статей показывает, что цветоименования, образованные от названий драгоценных и полудрагоценных камней, имеют достаточно ограниченную *сферу денотации* и чаще всего приводятся с характерными пометами (см., напр.: [БТСРЯ; Ожегов, 1991; РАНФТЦ; ТСРЯ]). Термины, передающие близкие к ахроматическим оттенки (*жемчужный, опаловый, перламутровый*), предназначаются для описания природных явлений (неба, моря, дыма, облаков, пены, мерцающих звезд), дерева (ствол березы), внешности человека (жемчужные зубы, перламутровая бледность лица) [Кульпина, 2007]. Цветоименования, передающие красные оттенки (*коралловый*), используются для характеристики внешности (коралловые губы). Сфера денотации цветоименований, описывающих оттенки желтой части спектра (*янтарный*), принципиально другая: по данным словарей, они больше подходят для характери-

ки цвета густых и вязких продуктов (меда, варенья) и природы (осенние листья и сама осень) [Горбачевич и др., 1979; Кульпина, 2007, с. 160]. Термины зеленого и синего цвета (*изумрудный, сапфировый, бирюзовый*) предназначены для описания природных явлений (*изумрудная вода, изумрудная трава, бирюзовое море, сапфировое небо*), внешности человека (*изумрудные глаза*) [Кульпина, 2007, с. 168].

Анализ различных групп источников позволяет утверждать, что использование драгоценных и полудрагоценных камней в качестве цветовых прототипов в русском языке выполняет сразу несколько важных *функций*.

Во-первых, эти цветонаименования подчеркивают яркость, густоту, насыщенность и интенсивность оттенков (ср.: [РАНФТЦ, с. 10, 13, 17, 22]), которые по сравнению с объектом-прототипом чаще всего значительно преувеличены. Они обозначают прозрачность (это качество указано в определениях аквамарина [РАНФТЦ, с. 7], аметиста [РАНФТЦ, с. 8], топаза [РАНФТЦ, с. 36]), блеск (указан в описании малахита [РАНФТЦ, с. 22]), матовость (указан в описании мрамора [РАНФТЦ, с. 24]), радужный отлив (указан в описании опала [РАНФТЦ, с. 26]). Метафоры драгоценных камней актуализируют семантику прозрачности (просвечиваемости) (ср.: [Насибуллина, 2009; Wittgenstein, 1973]) и в литературных произведениях русскоязычных авторов (см. подробнее: [Шилина, 2004]): *хрустальные поверхности воды, алмазные равнины снега* и др. подобные образы передают значения блеска, сияния и участвуют в реализации важнейших для мифотворческого символизма мотивов огня и света.

Во-вторых, концептуализация цвета с помощью названий драгоценных минералов предполагает эстетическую трансформацию в процессе номинации. Все образованные от названий цветных камней цветонаименования являются эстетически ценными [Кульпина, 2007]. Они не просто называют цвет, но указывают на то, что этот цвет красивый: «сапфир — сапфировый (то есть красивый синий), малахит — малахитовый — то есть специфического цвета красивый зеленый цвет и т. п.» [Кульпина, 2001, с. 258]. Подчеркнем, что эстетическая оценка цветных камней присутствует даже в их описаниях в специализированных профессиональных словарях (ср.: [Буканов, 2008; Куликов, 1982, с. 130, 135 и др.; Weiss, 2018]). Таким образом, сема красоты органически присуща цветным камням, потому что их ценность напрямую связана с их эстетическими свойствами (ср.: [Кульпина, 2001, с. 262]).

Не случайно именно тематическая группа драгоценных камней и минералов оказывается наиболее востребованной среди номинаций цветоносителей, производные значения которых в русском рекламном тексте используются для обозначения цвета товара. По количеству номинаций и

числу цветоносителей эта группа занимает второе место, уступая по популярности лишь тематической группе растений [Сун Чуньчунь, 2018].

В-третьих, цветообозначения, образованные от названий цветных камней, включают эмоционально-оценочный компонент и помогают повысить «престижность» названия, используя механизм метафорического переноса: цвет уподобляется цвету драгоценных камней, и ему одновременно приписываются свойства мотивирующего денотата. Названия драгоценных камней содержат фоновые семы 'высокая стоимость', 'красота', 'престижность', 'праздник', 'торжественность'. Они указывают на утонченность и изысканность, вызывают представления о роскоши, и лежащие в их основе образы легко считываются носителями языка [Астахова, 2014, с. 160—161, 171; Stoeva-Holm, 2007].

Не случайно именно эта модель цветонаименования наиболее активно используется в рекламе одежды и обуви, декоративной косметики, автомобилей, мебели, хозяйственных предметов [Воронова и др., 2015; Печенникова, 2006; Сун Чуньчунь, 2018; Stoeva-Holm, 2007]. Так, термин *цвет слоновой кости* обозначает оттенки в рекламе тонального крема [Воронова и др., 2015, с. 7], аметист, жемчуг, изумруд, коралл, кварц, рубин, оникс, опал, топаз, сердолик, лунный камень используются для обозначения продуктов в рекламе декоративной косметики [Печенникова, 2006, с. 147; Астахова, 2014] (ср.: *волнующий рубин, магический рубин, царственный рубин*), мрамор, бирюза — в рекламе одежды и обуви [Печенникова, 2006, с. 147].

3.3. Перечень цветных камней-прототипов в активном словаре современных носителей русского языка

Отбор из общей базы данных эксперимента цветообозначений, образованных от названий драгоценных и полудрагоценных камней (N=2193), для анализа состояния исследуемой семантической группы в активном словаре современных носителей русского языка был реализован средствами Python-пакета. Эти данные содержали 165 различных по форме колоративов, которые в ответах участников разного пола и возраста повторялись с неодинаковой частотой.

Как и ожидалось, наиболее частотным оказалось цветонаименование *бирюзовый* (рис. 1). По результатам проведенных ранее исследований, этот колоратив является самым употребительным отобъектным цветонаименованием русского языка [Грибер и др., 2015; Griber et al., 2018] и вместе с термином *сиреневый* входит в десятку наиболее частотных цветообозначений, соперничая по популярности с основными цветонаименованиями *фиолетовый, розовый, голубой, зеленый, синий, коричневый, серый, желтый* [Paramei et al., 2018].

Далее в списке наиболее частотных цветоименований, образованных от названий цветных камней, следуют *коралловый* (2-е место) и *изумрудный* (3-е место), что тоже согласуется с данными предыдущих исследований [Uusküla et al., 2016], по результатам которых термины *бирюзовый* и *изумрудный* входят в число наиболее семантически выделенных цветообозначений русского языка, занимая 16 и 24 позиции соответственно.

Отметим, что все три термина с наибольшей частотностью (*бирюзовый*, *коралловый*, *изумрудный*) имеют форму прилагательного.

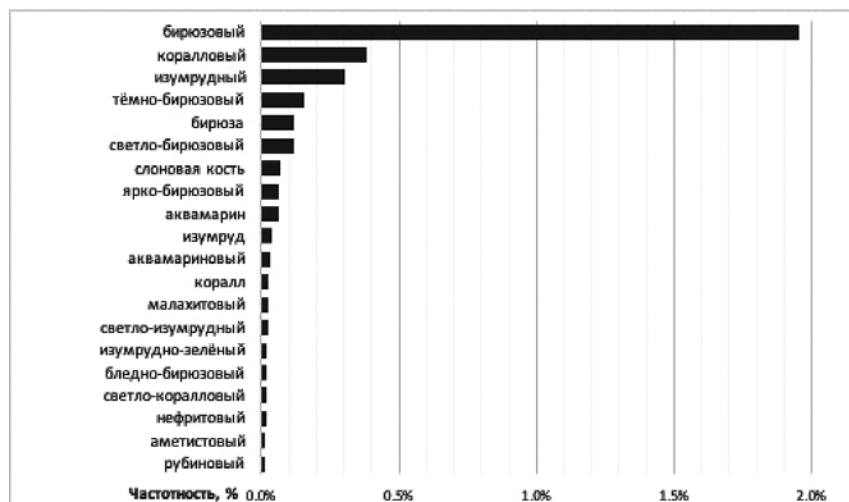

Рис. 1. Двадцать наиболее популярных цветоименований, образованных от названий цветных камней

Референтами 20 наиболее частотных цветоименований (рис. 1) служат всего 9 цветных камней: 6 колоративов являются производными от термина *бирюза* (*бирюзовый*, *бирюза*, *тёмно-бирюзовый*, *светло-бирюзовый*, *ярко-бирюзовый*, *бледно-бирюзовый*), 4 — от термина *изумруд* (*изумрудный*, *изумруд*, *светло-изумрудный*, *изумрудно-зелёный*), 3 — от термина *коралл* (*коралловый*, *коралл*, *светло-коралловый*), 2 — от термина *аквамарин* (*аквамарин*, *аквамариновый*).

Общий перечень объектов-референтов, составленный на основе данных онлайн-эксперимента с современными носителями русского языка разного пола и возраста, включает 27 цветных драгоценных и полудрагоценных камней (табл. 1).

Таблица 1

Количество случаев апелляции к образам драгоценных
и полудрагоценных камней и количество колоративов,
производных от названий камней

Позиция	Камень-референт	Количество производных	Количество случаев
1	Бирюза	64	1448
2	Коралл	25	275
3	Изумруд	22	247
4	Аквамарин	10	65
5	Слоновая кость	2	42
6	Малахит	7	25
7	Рубин	3	13
8	Аметист	2	12
9	Нефрит	1	12
10	Перламутр	4	8
11	Гранат	3	8
12	Сапфир	2	6
13	Жемчуг	1	6
14	Янтарь	2	4
15	Лазурит	1	4
16	Гелиотроп	2	3
17	Гиацинт	2	2
18	Мрамор	2	2
19	Турмалин	2	2
20	Опал	1	2
21	Агат	1	1
22	Бриллиант	1	1
23	Сердолик	1	1
24	Алмаз	1	1
25	Гранит	1	1
26	Обсидиан	1	1
27	Топаз	1	1
	27	165	2193

С точки зрения структуры образованные от названий минералов и драгоценных камней термины представлены следующими типами:

- (1) моноксемные прилагательные (*бирюзовый*);
- (2) моноксемные существительные (*бирюза*);

(3) сложные имена прилагательные, в структуре которых выделяется, как правило, два или три корня-основы, представляющие собой либо названия равноправных оттенков (*бирюзово-зеленый*), либо название цвета с уточнением его интенсивности (*светло-изумрудный*, *светло-бирюзово-зеленый*);

(4) сложные цветообозначения со структурой «прилагательное + существительное» (*светлый изумруд*), «существительное + существительное» (*пастель бирюзы*), «прилагательное + простое или сложное прилагательное» (*янтарный желтый*, *приглушенный темно-изумрудный*).

Подавляющее большинство образованных от названий драгоценных и полудрагоценных камней цветowych дескрипторов, которые предложили участники эксперимента, имели сложную структуру (рис. 2). Наиболее часто (71 %) встречались цветообозначения в форме сложных слов с компонентами *темно-*, *светло-*, *бледно-*, *ярко-*, *грязно-* (*темно-бирюзовый*, *светло-изумрудный*, *ярко-коралловый*) или в сочетании с основным цветонаименованием (*изумрудно-зеленый*, *зеленая бирюза*). Реже (20 % случаев) использовались моноксемные прилагательные с суффиксами *-ов-* (*аквамариновый*, *аметистовый*, *бирюзовый*, *бриллиантовый*, *гелиотроповый*, *гранатовый*, *коралловый*) или *-н-* (*алмазный*, *жемчужный*, *изумрудный*) и существительные. Форма существительного в нашем исследовании была зафиксирована в каждом из 27 словообразовательных гнезд. Шесть названий камней (*агат*, *гиацинт*, *гранит*, *лазурит*, *обсидиан*, *топаз*) среди производных не имели ни одного цветонаименования в форме прилагательного. Пять цветонаименований в форме существительного присутствовали в списке из 20 наиболее частотных: *бирюза* (на 4-м месте), *слоновая кость* (на 7-м), *аквамарин* (на 8-м), *изумруд* (на 10-м) и *коралл* (на 12-м месте) (рис. 1). Наше исследование показало, что модель «цвета X» не характерна для данной семантической группы. Мы зафиксировали только одно обра-

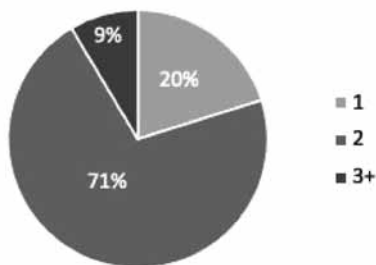

Рис. 2. Количество слов в цветowych дескрипторах, образованных от названий цветных камней

зованное от названия цветного камня цветообозначение в такой форме — *цвет слоновой кости*, которое использовалось как мужчинами, так и женщинами в возрасте от 20 до 40 лет.

Большинство одно- и двухлексемных цветоименований представляли собой общепринятые, утвержденные речевым опытом, привычные модели. Наоборот, цветообозначения из трех и более слов (9 %) почти во всех случаях являлись авторскими окказиональными сочетаниями (напр.: *аквамарин в небе, люминисцентно-изумрудный светлый, свободный светло-бирюзовый* и др.).

3.4. Социолингвистические различия выбора цветоименований

Чтобы выявить социолингвистические различия в стратегиях выбора цветоименований из исследуемой семантической группы, мы сопоставили перечни объектов-референтов у носителей русского языка с различными социально-демографическими характеристиками (полом, возрастом, профессиональным опытом).

Количество ответов, содержащих цветообозначения, производные от названий цветных камней, у женщин и мужчин оказалось практически одинаковым и составило 5.07 % и 5.09 % соответственно. Совпадало и количество объектов-референтов у мужчин и женщин (22). Однако оба списка (перечень форм и список референтов) заметно различались по своему составу. Только две трети (17) всех референтов встречались в обоих выборках — и у мужчин, и у женщин. Остальные цветные камни оказались гендерно специфическими и были отмечены только в словаре у женщин (бриллиант, гелиотроп, обсидиан, опал, сердолик) или только у мужчин (агат, алмаз, гранит, топаз, турмалин) (табл. 2, рис. 3 в центре).

Список референтов, которые мы нашли как в ответах людей, профессионально связанных с цветом, так и среди цветоименований, предложенных участниками без опыта работы с цветом, включал 14 цветных камней, которые оказались общими для мужчин и женщин (табл. 2, рис. 3 справа): аквамарин, аметист, бирюза, гранат, жемчуг, изумруд, коралл, малахит, нефрит, перламутр, рубин, сапфир, слоновая кость, янтарь.

Респонденты в возрасте от 30 до 60 лет использовали для обозначения оттенков термины, производные от названий цветных камней, гораздо чаще, чем молодые участники и респонденты старше 60 (табл. 2, рис. 3 слева). В их ответах доля цветоименований достигла почти 6 %, в то время как у самых молодых и самых старших участников составила лишь 4,72 % и 2,82 % соответственно. Только 5 референтов встретилось в ответах респондентов всех возрастных групп: аквамарин, бирюза, изумруд, коралл, слоновая кость. Интересно, что самые молодые (от 16 до 19 лет) и самые старшие участники эксперимента (старше 70) для обозначения от-

Таблица 2

Референты из числа драгоценных и полудрагоценных камней
в словаре носителей русского языка с разными
социальными характеристиками

	Количество форм	Количество референтов	Специфические для социальной группы референты	Общие референты
Участники разного пола				
Мужчины	5.05 %	22	агат, алмаз, гранит, топаз, турмалин	аквамарин, аметист, бирюза, гиацинт, гранат,
Женщины	5.07 %	22	бриллиант, гелиотроп, обсидиан, опал, сердолик	жемчуг, изумруд, коралл, лазурит, малахит, мрамор, нефрит, перламутр, рубин, сапфир, слоновая кость, янтарь
Участники с разным уровнем опыта работы с цветом				
Без опыта	5.88 %	23	агат, алмаз, гиацинт, лазурит, мрамор, обсидиан, сердолик, топаз, турмалин	аквамарин, аметист, бирюза, гранат, жемчуг, изумруд, коралл, малахит, нефрит, перламутр, рубин, сапфир, слоновая кость, янтарь
С опытом	4.24 %	18	бриллиант, гелиотроп, гранит, опал	
Участники разного возраста				
16—19	4.72 %	5		аквамарин, бирюза, изумруд, коралл, слоновая кость
20—29	4.66 %	22	алмаз, бриллиант, гранит, обсидиан, янтарь	
30—39	6.19 %	16	гиацинт	
40—49	5.41 %	12		
50—59	5.90 %	13	сердолик, турмалин	
60—69	3.75 %	7		
70+	2.82 %	5		

тенков обращались исключительно к этим референтам и больше никакие другие не использовали.

Многие названия драгоценных камней, которые активно эксплуатируются современными носителями русского языка, всего несколько десятилетий назад использовались по-другому. Так, зафиксированное в нашем исследовании цветообозначение *гелиотроповый* (цвета гелиотропа, темно-зеленого с пятнами красного или желтого цвета минерала) раньше использовалось исключительно в литературе или поэзии: оно не представле-

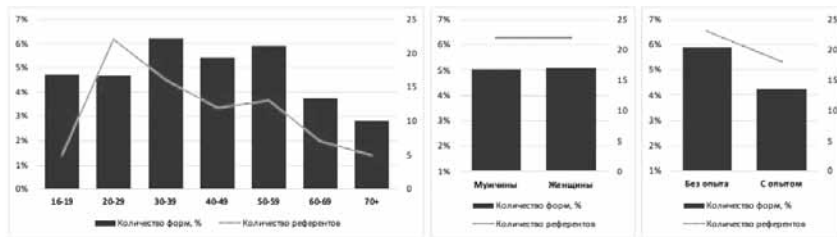

Рис. 3. Количество форм и объектов-референтов, выявленных в ответах респондентов разных возрастных групп (слева), участников разного пола (в центре) и с разным уровнем опыта работы с цветом (справа)

но в толковых словарях русского языка, но дважды встречается в рассказе И. Бунина: «Океан за это мгновение стал уже весь млечно-стальной с голубым налетом <...>, меж тем как небо на востоке стало гелиотроповым...» [Косых, 2002, с. 28—34]. Колоратив *топаз* (*топазовый*), который в словаре А. П. Василевича и др. [Василевич и др., 2013, с. 209] определяется как оттенок желтого (*коричнево-желтый топаз, оранжево-топазовый*), по всей видимости, в качестве цветообозначения поменял свой цвет: в нашем эксперименте этот термин использовался для обозначения светлых голубых оттенков.

3.5. Денотативные значения цветовых категорий в цветовом пространстве CIELAB

Проведенный нами психолингвистический анализ показал, что в активном словаре носителей русского языка денотативные значения цветовых категорий часто заметно отличаются от реальных физических характеристик объектов-референтов. За каждым цветоименованием, образованным от названия цветного камня, закрепляется постоянный цвет, которым минералы, послужившие прототипами данных терминов, в природе обладают исключительно редко (см., напр.: [Буканов, 2008; Куликов, 1982; Weiss, 2018]). Например, согласно специализированным словарям цветных камней, янтарь в природе может иметь более двухсот различных цветов и оттенков, от белых, желтых и красно-коричневых до голубых и зеленых (см. напр.: [Куликов, 1982, с. 136]). Многие цветные камни меняют цвет под влиянием освещения и окружающей температуры. И даже если информация о цвете минерала «закладывается» в его название (ср.: *черный жемчуг*), тем не менее такое название может подразумевать целый ряд цветовых разновидностей. Например, *чёрным жемчугом* называют «коричневые, темные синие, сине-зеленые, зеленые, темно-фиолетовые жемчужины с ясным металлическим блеском» [Куликов, 1982, с. 62].

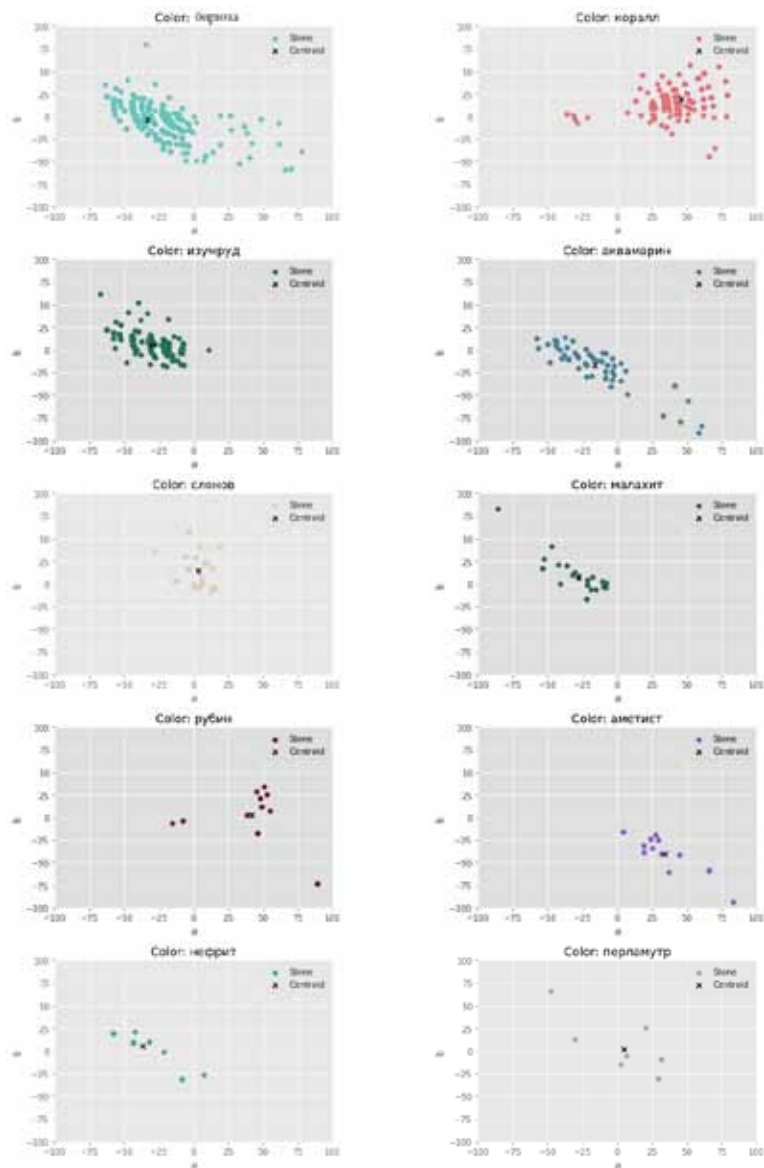

Рис. 4. Денотаты десяти наиболее часто встречающихся в русском языке колоративов, образованных от названий цветных камней:
плоскость $a*b^*$ цветового пространства CIELAB

В понимании же неспециалиста сапфир непосредственно связан с синим цветом и другим просто быть не может. Термин *жемчужный* определяется как «чисто белый с блеском» [ТСРЯ], «серебристо-белый» [Василевич и др., 2013, с. 121]; *опаловый* — как «молочно-белый, с желтизной или голубизной» [БТСРЯ; СРЯ-2], «молочно-голубой» [ТСРЯ], «матово-белый с радужным отливом» [Василевич и др., 2013, с. 122]. *Перламутровый* означает «переливчатый, серебристо-розовый» [ТСРЯ], «серебристо-белый» [Василевич и др., 2013, с. 122], «напоминающий перламутр своим блеском, нежностью окраски» [БТСРЯ, с. 825]. Термин *коралловый* используется для обозначения оттенков в пределах от светло-красного [ТСРЯ, 1997] до ярко-красного [БТСРЯ; СРЯ-2]. Янтарный обозначает оттенки желтого: «прозрачно-желтый» [Ожегов, 1991], «золотисто-желтый» [СРЯ-4], темно-желтый, медовый [Василевич и др., 2013, с. 123]. Бирюзовый обозначает переходный цвет, расположенный между зеленым и голубым — «зеленовато-голубой» [Ожегов, 1991; ТСРЯ; БТСРЯ]; аметистовый — фиолетовый, прозрачно-фиолетовый, голубовато-фиолетовый [Косых, 2002].

В результате сужения цветового спектра, который мог бы быть связанным с образом камня в соответствии с его природными параметрами, до одного цвета в представлении носителей языка, производные от названия определенного цветного камня термины обозначают цветовые образцы, которые располагаются достаточно близко друг к другу в цветовом пространстве CIELAB (рис. 4). Подавляющее большинство обнаруженных нами в ходе онлайн-эксперимента колоративов, производных от названий цветных камней, участники использовали для обозначения различных сложных для цветонаименования ахроматических оттенков (колоративы, производные от бриллианта, алмаза, слоновой кости, перламутра, опала, жемчуга, турмалина, гранита, обсидиана), а также «промежуточных» оттенков сине-зеленой (производные изумруда, малахита, нефрита, мрамора, бирюзы, аквамарина, лазурита, топаза, сапфира) и красно-фиолетовой (производные агата, сердолика, коралла, граната, рубина, аметиста, гелиотропа, гиацинта) областей цветового пространства, передавая с их помощью яркость, густоту, насыщенность и интенсивность оттенков.

4. Заключение

Наше исследование показало значительные расхождения перечней обозначений цветных камней, способных образовывать цветонаименования, в пассивном и активном словарях современных носителей русского языка.

По результатам контент-анализа, существует более тысячи видов и разновидностей цветных камней, которые потенциально могут использоваться носителями языка в качестве референтов цветообозначений,

поскольку обладают характерной окраской разного тона, светлоты и насыщенности. Однако этого не происходит, и в словарь цветообозначений русского языка попадает лишь небольшая часть потенциальных референтов (49), а в активном словаре их число сокращается еще в два раза (27). По всей видимости, это связано с тем, что цветонаименования, образованные от названий драгоценных и полудрагоценных камней, в русском языке имеют достаточно узкую сферу денотации, ограниченную описанием природных явлений и объектов, продуктов с определенными свойствами, внешности человека.

Сравнительный анализ образованных от названий драгоценных камней цветонаименований в активном словаре мужчин и женщин, респондентов разного возраста и участников с различным профессиональным опытом показывает наличие в данной семантической группе ядра и периферии. Ядро семантической группы образуют цветонаименования, производные от слов *бирюза*, *коралл*, *изумруд*. Это предположение подтверждается совпадением выбора цветонаименований участниками с разными социально-демографическими характеристиками (ср.: табл. 2; рис. 3), их высокой частотностью и деривативной продуктивностью (рис. 1; табл. 1). Периферия семантической группы организована более свободно и постоянно изменяется. Некоторые цветонаименования теряют свою актуальность и в современном русском языке сокращают сферу употребления в связи с дезактуализацией их прототипического предмета-эталона (напр.: *александрит*, *алмадин*, *жадеит*, *сердолик*). Наоборот, названия драгоценных камней, которые активно эксплуатируются современными носителями русского языка, всего несколько десятилетий назад использовались в функции цветообозначений исключительно в литературе или поэзии (напр.: *гелиотроповый*) или имели другой хроматический образ (напр.: *топаз*).

В целом популярность использования образов драгоценных и полудрагоценных камней в качестве объектов-прототипов поддерживается развитием рекламного дискурса, где словесное обозначение цвета становится неотъемлемой частью упаковки товара, важной и необходимой для привлечения потенциального покупателя. Современная реклама активно использует ресурсы цветовой номинации. Предлагая в качестве названия цвета название цветного камня, рекламодатели влияют на восприятие продукта, поскольку создают образ, который должен подойти и понравиться клиенту. В результате при использовании образа цветного камня в качестве объекта-прототипа обязательно происходит сужение цветовой семы до строго определенного оттенка. В активном словаре носителей русского языка за цветными камнями закрепляется уникальный и строго определенный цвет, а обозначаемые ими оттенки часто заметно отходят от реальных

физических характеристик прототипа (ср.: рис. 4). Наряду с другими лексемами, описывающими природные объекты или вещества, цветные камни в восприятии неискушенных носителей русского языка кажутся объектами с фиксированным цветом.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ — *Большой толковый словарь русского языка* / под ред. С. А. Кузнецова. — Санкт-Петербург : Норинт, 2004. — 1534 с. — ISBN: 5-7711-0015-3.
2. Буканов В. В. Цветные камни: энциклопедия. — Прага : Гранит, 2008. — 419 с. — ISBN: 5-94216-017-1.
3. Василевич А. П. Цвет и названия цвета в русском языке / А. П. Василевич, С. Н. Кузнецова, С. С. Мищенко. — Москва : ЛКИ, 2013. — 218 с. — ISBN: 978-5-382-01479-1.
4. Горбачевич К. С. Словарь эпитетов русского литературного языка / К. С. Горбачевич, Е. П. Хабло. — Ленинград : Наука, 1979. — 568 с.
5. Забозлаева Т. Б. Ювелирные камни в произведениях русских писателей / Т. Б. Забозлаева. — Санкт-Петербург : BOREY-PRINT, 1998. — 28 с.
6. Куликов Б. Ф. Словарь камней-самоцветов / Б. Ф. Куликов. — Ленинград : Недра, 1982. — 168 с. — ISBN: 5-247-00076-5.
7. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — 23-е изд., испр. — Москва : Русский язык, 1991. — ISBN: 5-200-01088-8.
8. Полухина В. П. Словарь цвета поэзии Иосифа Бродского / В. П. Полухина. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 372 с. — ISBN: 978-5-4448-0591-6.
9. РАНФТЦ — *Русско-англо-немецко-французские термины цветообозначения*. Тетради новых терминов № 98 / ред. А. П. Василевич, А. Д. Швейцер. — Москва : АН СССР, 1986. — 108 с.
10. СРЯ-1 — *Словарь русского языка* : в 4 т. Т. 1: А—Й / ред. А. П. Евгеньева — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1999. — 702 с. — ISBN: 5-200-02673-3.
11. СРЯ-2 — *Словарь русского языка* : в 4 т. Т. 2: К—О / ред. А. П. Евгеньева — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1999. — 736 с. — ISBN: 5-200-02674-1.
12. СРЯ-3 — *Словарь русского языка* : в 4 т. Т. 3: П—Р / ред. А. П. Евгеньева — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1999. — 750 с. — ISBN: 5-200-02672-5.
13. СРЯ-4 — *Словарь русского языка* : в 4 т. Т. 4: С—Я / ред. А. П. Евгеньева — 4-е изд., стер. — Москва : Русский язык, 1999. — 797 с. — ISBN: 5-200-02676-8.
14. Стефанов С. И. Названия цвета и его оттенков. Толковый словарь-справочник. Более 2000 терминов с английскими эквивалентами / С. И. Стефанов. — Москва : ЛЕ-НАНД, 2015. — 248 с. — ISBN: 978-5-9710-5006-3.
15. ТСРЯ — *Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений* / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : А ТЕМП, 2013. — 874 с. — ISBN: 978-5-905542-04-6.
16. Харченко В. К. Словарь цвета: новые материалы, полная электронная версия / В. К. Харченко. — Москва : Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2013. — 208 с. — ISBN: 978-5-7060-0135-3.
17. Weiß S. Das große LAPIS-Mineralienverzeichnis. Alle Mineralien von A bis Z und ihre Eigenschaften / S. Weiß. — 7. Aufl. — München : Christian Weise Verlag, 2018. — 298 p. — ISBN: 978-3921656839.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Астахова Я. А.* Цветообозначения в русской языковой картине мира : диссертация ... кандидата филологических наук / Астахова Я. А. — Москва, 2014. — 234 с.
2. *Воронова М. В.* Типы колоративов в рекламных текстах [Электронный ресурс] / М. В. Воронова, Н. И. Ершова // *Огарев-Online*. — 2015. — № 6 (47). — С. 7. — Режим доступа : <http://journal.mrsu.ru/arts/typy-kolorativov-v-reklamnykh-tekstakh> (дата обращения 23.02.2021).
3. *Грибер Ю. А.* Картография цвета: эмпирический анализ цветонаименований русского языка / Ю. А. Грибер, Д. Милонас // *Человек и культура*. — 2015. — № 6. — С. 64—94. — DOI: 10.7256/2409-8744.2015.6.16636.
4. *Косых Е. А.* Система цветообозначений в русском языке: к созданию и публикации «Русской энциклопедии цвета» / Е. А. Косых // *Вестник Барнаульского государственного педагогического университета. Серия: Психолого-педагогические науки*. — 2002. — № 2. — С. 28—34.
5. *Крапивник Е. В.* Цветонаименования: аспекты систематизации / Е. В. Крапивник. — 3-е изд., стер. — Москва : Флинта, 2020. — 142 с. — ISBN: 978-5-9765-2114-8.
6. *Кудря О. А.* Лексико-семантическая классификация вторичных цветообозначений в английском и украинском языках: лингвокультурологический аспект / О. А. Кудря // *Вестник РУДН. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания*. — 2015. — № 1. — С. 53—59.
7. *Кульпина В. Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / В. Г. Кульпина. — Москва : Московский лицей, 2001. — 470 с. — ISBN: 5-7611-0303-6.
8. *Кульпина В. Г.* Система цветообозначений русского языка в историческом освещении / В. Г. Кульпина // *Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ* / ред. А. П. Василевич. — Москва : КомКнига, 2007. — С. 126—184.
9. *Насибуллина Ф. Ф.* Микрополе белого цвета в рекламных текстах на немецком и русском языках / Ф. Ф. Насибуллина // *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*. — 2009. — Т. 151, кн. 3. — С. 184—189.
10. *Павлова Л. В.* «Самоцветные» образы в лирике Вячеслава Иванова: лала кровь и сладость изумруда / Л. В. Павлова // *Авраамиевские чтения. Вып. IV*. — Смоленск : Универсум, 2007. — С. 54—58.
11. *Павлова Л. В.* «Самоцветные» образы в лирике Вячеслава Иванова: перл слезы на бледном лице / Л. В. Павлова // *Русская филология : ученые записки Смоленского государственного университета*. — 2013. — № 15. — С. 55—70.
12. *Павлова Л. В.* «Ярким камнем богаты»: мир самоцветов в лирике Вячеслава Иванова (общая характеристика) / Л. В. Павлова // *Русская филология*. — 2006. — Т. 10. — С. 93—111.
13. *Печенникова Л. В.* Цветообозначения в рекламном дискурсе (на материале англо-американской и российской рекламы предметов быта) : диссертация ... кандидата филологических наук / Л. В. Печенникова. — Саратов, 2006. — 267 с.
14. *Радионова А. В.* Поэтический символ «камень-самоцвет» в философских статьях Вячеслава Иванова / А. В. Радионова // *Обсерватория культуры*. — 2016. — Т. 13, № 4. — С. 486—498. — DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-4-486-498.
15. *Сун Чуньчунь.* Колоративная лексика в русском рекламном тексте : диссертация ... кандидата филологических наук / Сун Чуньчунь. — Воронеж, 2018. — 150 с.

16. *Таран С. В.* Минералогические цветообозначения как способ авторской перцепции в поэтической картине мира М. Волошина / С. В. Таран // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. — 2012. — Вып. 2. — С. 87—94.

17. *Таран С. В.* Функциональная роль минералогической лексики в идиостиле М. Волошина : диссертация ... кандидата филологических наук / С. В. Таран. — Калининград, 2005. — 200 с.

18. *Шилкина М. М.* Мотивы и образы драгоценных камней в русской поэзии XIX—XX веков : диссертация ... кандидата филологических наук / М. М. Шилкина. — Волгоград, 2004. — 237 с.

19. *Barbur J. L.* “Double-blindsight” revealed through the processing of color and luminance contrast defined motion signals / J. L. Barbur // Progress in Brain Research. — 2004. — № 144. — P. 243—260. — DOI: 10.1016/S0079-6123(03)14417-2.

20. *Bergh G.* The semiosis of Swedish car color names. Descriptive and amplifying functions / G. Bergh // Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling / ed. by R. E. MacLaury, G. V. Paramei, D. Dedrick. — Amsterdam : John Benjamins, 2007. — P. 337—346.

21. *Biggam C. P.* The Semantics of Colour: A Historical Approach / C. P. Biggam. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — 274 p. — ISBN: 978-0521899925.

22. *Casson R. W.* Russett, rose, and raspberry: the development of English secondary color terms / R. W. Casson // Journal of Linguistic Anthropology. — 1994. — № 4. — P. 5—22. — DOI: 10.1525/jlin.1994.4.1.5.

23. *Griber Y. A.* Objects as culture-specific referents of color terms in Russian / Y. A. Griber, D. Mylonas, G. V. Paramei // Color Research and Application. — 2018. — № 43 (6). — P. 958—975. — DOI: 10.1002/col.22280.

24. *Jones W. J.* German Colour Terms: A Study in their Historical Evolution from Earliest Times to the Present / W. J. Jones. — Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins, 2013. — 677 p. — ISBN: 978-9027246103.

25. *MacDonald L.* Edible color names / L. MacDonald, D. Mylonas // Proceedings of the AIC 2010 Interim Meeting. Color and Food. — Mar del Plata : AIC, 2010. — P. 196—199.

26. *Matschi M.* Color terms in English: Onomasiological and semasiological aspects / M. Matschi // Onomasiology Online. — 2004. — № 5. — P. 56—139.

27. *Mylonas D.* Augmenting basic colour terms in English / D. Mylonas, L. MacDonald // Color Research and Application. — 2016. — № 41 (1). — P. 32—42. — DOI: 10.1002/col.21944.

28. *Mylonas D.* Online colour naming experiment using Munsell colour samples / D. Mylonas, L. MacDonald // Proceedings of the 5th European Conference on Colour in Graphics, Imaging, and Vision (CGIV). — Springfield : IS&T, 2010. — P. 27—32.

29. *Paramei G. V.* An online color naming experiment in Russian using Munsell color samples / G. V. Paramei, Y. A. Griber, D. Mylonas // Color Research and Application. — 2018. — № 43 (4). — P. 358—374. — DOI: 10.1002/col.22190.

30. *Steinvall A.* English Colour Terms in Context : PhD thesis / A. Steinvall. — Umeå : Umeå University, 2002. — 267 p. — ISBN: 91-7305-226-4.

31. *Stoeva-Holm D.* Color terms in fashion / D. Stoeva-Holm // Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling / ed. by R. E. MacLaury, G. V. Paramei, D. Dedrick. — Amsterdam : John Benjamins, 2007. — P. 421—439.

32. *Uusküla M.* From listing data to semantic maps: Cross-linguistic commonalities in cognitive representation of color / M. Uusküla, D. L. Bimler // Folklore. — 2016. — № 64. — P. 159—180. — DOI: 10.7592/FEJF2016.64.colour.

33. Warburton D. A. Basic color term evolution in light of ancient evidence from the Near East / D. A. Warburton // *Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling* / ed. by R. E. MacLaury, G. V. Paramei, D. Dedrick. — Amsterdam : John Benjamins, 2007. — P. 231—248.
34. Wierzbicka A. The meaning of colour terms: semantics, culture and cognition / A. Wierzbicka // *Cognitive linguistics*. — 1990. — № 1. — P. 99—150. — DOI: <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.99>.
35. Wittgenstein L. *Philosophical Investigations* / L. Wittgenstein. — 3rd ed. — London : Pearson, 1973. — 256 p. — ISBN: 978-0024288103.

MATERIAL RESOURCES

- BTSRYa — Kuznetsov, S. A. (ed.). (2004). *Great Dictionary of Russian language*. Sankt-Peterburg: Norint. 1534 p. ISBN: 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Bukanov, V. V. (2008). *Russian Gemstones Encyclopedia*. Praga: Granit. 419 p. ISBN: 5-94216-017-1. (In Russ.).
- Gorbachevich, K. S., Khablo, E. P. (1979). *Dictionary of epithets of the Russian*. Leningrad: Nauka. 568 p. (In Russ.).
- Kharchenko, V. K. (2013). *Color Vocabulary: New Materials, Full Electronic Version*. Moscow: Publishing house of the Literary Institute. A. M. Gorky. 208 p. ISBN: 978-5-7060-0135-3. (In Russ.).
- Kulikov, B. F. (1982). *Gemstone Dictionary*. Leningrad: Nedra. 168 p. ISBN: 5-247-00076-5. (In Russ.).
- Ozhegov, S. I. (1991). *Dictionary of the Russian*. (23rd ed.). Moscow: Russkiy yazyk. ISBN: 5-200-01088-8. (In Russ.).
- Polukhina, V. P. (2016). *The Color Dictionary of Joseph Brodsky's Poetry*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 372 p. ISBN: 978-5-4448-0591-6. (In Russ.).
- RANFTTs — Vasilevich, A. P., Shveytser, A. D. (eds.). (1986). *Russian-English-German-French terms of color designation. Notebooks of new terms № 98*. Moscow: AN SSSR. 108 p. (In Russ.).
- SRYa-1 — Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian: A—Y*. Moscow: Russkiy yazyk. 4/1. 702 p. ISBN: 5-200-02673-3. (In Russ.).
- SRYa-2 — Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian: K—O*. (4th ed.). Moscow: Russkiy yazyk. 4/2. 736 p. ISBN: 5-200-02674-1. (In Russ.).
- SRYa-3 — Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian: P—R*. (4th ed.). Moscow: Russkiy yazyk. 4/3. 750 p. ISBN: 5-200-02672-5. (In Russ.).
- SRYa-4 — Evgenieva, A. P. (ed.). (1999). *Dictionary of the Russian: S—Ya*. (4th ed.). Moscow: Russkiy yazyk. 4/4. 797 p. ISBN: 5-200-02676-8. (In Russ.).
- Stefanov, S. I. (2015). *Color names and shades. Explanatory dictionary reference. More than 2000 terms with English equivalents*. Moscow: LENAND. 248 p. ISBN: 978-5-9710-5006-3. (In Russ.).
- TSRYa — Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (2013). *Explanatory dictionary of the Russian: 80000 words and phraseological expressions*. Moscow: A TEMP. 874 p. ISBN: 978-5-905542-04-6. (In Russ.).
- Vasilevich, A. P., Kuznetsova, S. N., Mishchenko, S. S. (2013). *Color and color names in Russian*. Moscow: LKI. 218 p. ISBN: 978-5-382-01479-1. (In Russ.).
- Weiß, S. (2018). *Das große LAPIS-Mineralienverzeichnis. Alle Mineralien von A bis Z und ihre Eigenschaften*. 7. Aufl. München: Christian Weise Verlag. 298 p. ISBN: 978-3921656839.

Zabozlaeva, T. B. (1998). *Jewelry stones in the works of Russian writers*. Sankt-Peterburg: BOREY-PRINT. 28 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Astakhova, Ya. A. (2014). *Color terms in the Russian Linguistic Worldview: PhD Diss*. Moscow. 234 p. (In Russ.).
- Barbur, J. L. (2004). “Double-blindsight” revealed through the processing of color and luminance contrast defined motion signals. *Progress in Brain Research*, 144: 243—260. DOI: 10.1016/S0079-6123(03)14417-2.
- Bergh, G. (2007). The semiosis of Swedish car color names. Descriptive and amplifying functions. In: *Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling*. Amsterdam: John Benjamins. 337—346.
- Biggam, C. P. (2012). *The Semantics of Colour: A Historical Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 274 p. ISBN: 978-0521899925.
- Casson, R. W. (1994). Russett, rose, and raspberry: the development of English secondary color terms. *Journal of Linguistic Anthropology*. 4: 5—22. DOI: 10.1525/jlin.1994.4.1.5.
- Griber, Yu. A., Mylonas, D. (2015). Color mapping: an empirical analysis of color names in Russian. *Man and culture*, 6: 64—94. DOI: 10.7256/2409-8744.2015.6.16636. (In Russ.).
- Griber, Y. A., Mylonas, D., Paramei, G. V. (2018). Objects as culture-specific referents of color terms in Russian. *Color Research and Application*, 43 (6): 958—975. DOI: 10.1002/col.22280.
- Jones, W. J. (2013). *German Colour Terms: A Study in their Historical Evolution from Earliest Times to the Present*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. 677 p. ISBN: 978-9027246103.
- Kosykh, E. A. (2002). The system of color names in Russian: to the creation and publication of the “Russian Encyclopedia of Color”. *Bulletin of the Barnaul State Pedagogical University. Series: Psychological and pedagogical sciences*, 2: 28—34. (In Russ.).
- Krapivnik, E. V. (2020). *Color names: aspects of systematization*. (3rd ed.). Moscow: Flinta. 142 p. ISBN: 978-5-9765-2114-8. (In Russ.).
- Kudrya, O. A. (2015). Vocabulary-semantic classification of secondary color terms in English and Ukrainian: a linguistic-cultural aspect. *Bulletin of the RUDN University. Series: Russian and foreign languages and methods of teaching them*, 1: 53—59. (In Russ.).
- Kulpina, V. G. (2001). *Color Linguistics: Color Terms in Polish and Russian*. Moskva: Moskovskiy litsey. 470 p. ISBN: 5-7611-0303-6. (In Russ.).
- Kulpina, V. G. (2007). Color term system in Russian from a historical viewpoint. In: *Color names in Indo-European languages. Systematic and historical analysis*. Moscow: KomKniga. 126—184. (In Russ.).
- MacDonald, L., Mylonas, D. (2010). Edible color names. In: *Proceedings of the AIC 2010 Interim Meeting. Color and Food*. Mar del Plata: AIC. 196—199.
- Matschi, M. (2004). Color terms in English: Onomasiological and semasiological aspects. *Onomasiology Online*, 5: 56—139.
- Mylonas, D., MacDonald, L. (2010). Online colour naming experiment using Munsell colour samples In: *Proceedings of the 5th European Conference on Colour in Graphics, Imaging, and Vision (CGIV)*. Springfield: IS&T. 27—32.
- Mylonas D., MacDonald, L. (2016). Augmenting basic colour terms in English. *Color Research and Application*, 41 (1): 32—42. DOI: 10.1002/col.21944.

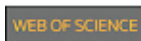

- Nasibullina, F. F. (2009). The microfield of white color in German-language and Russian-language advertisements. In: *Scientific notes of Kazan University. Humanities Series*. 151 (3): 184—189. (In Russ.).
- Paramei, G. V., Griber, Yu. A., Mylonas, D. (2018). An online color naming experiment in Russian using Munsell color samples. *Color Research and Application*, 43 (4): 358—374. DOI: 10.1002/col.22190.
- Pavlova, L. V. (2006). “They are rich with a bright stone”: the world of gems in the lyrics of Vyacheslav Ivanov (general description). In: *Russian Philology*, 10: 93—111. (In Russ.).
- Pavlova, L. V. (2007). “Gem-colored” images in the lyrics of Vyacheslav Ivanov: barking blood and the sweetness of an emerald. In: *Avraamievskie readings*. Smolensk: Universum. 6: 54—58. (In Russ.).
- Pavlova, L. V. (2013). “Gem-colored” images in the lyrics of Vyacheslav Ivanov: pearl tears on a pale face. In: *Russian Philology: Scientific Notes of Smolensk State University*. 15: 55—70. (In Russ.).
- Pechennikova, L. V. (2006). *Color coding in advertising discourse (based on Anglo-American and Russian advertising of household items): PhD Diss.* Saratov. 267 p. (In Russ.).
- Radionova, A. V. (2016). The poetic symbol of gemstone in the philosophical articles of Vyacheslav Ivanov. *Observatory of culture*, 13 (4): 486—498. DOI: 10.25281/2072-3156-2016-13-4-486-498. (In Russ.).
- Shilkina, M. M. (2004). *Motives and images of precious stones in Russian poetry of the XX—XX centuries: PhD Diss.* Volgograd. 237 p. (In Russ.).
- Song Chunchun. (2018). *Colorative vocabulary in Russian advertising text: PhD Diss.* Voronezh. 150 p. (In Russ.).
- Steinvall, A. (2002). *English Colour Terms in Context: PhD thesis.* Umeå: Umeå University. 267 p. ISBN: 91-7305-226-4.
- Stoeva-Holm, D., Paramei, G. V., Dedrick, D. (2007). Color terms in fashion. In: *Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling*. Amsterdam: John Benjamins. 421—439.
- Taran, S. V. (2005). *The functional role of mineralogical vocabulary in M. Voloshin's idiosstyle: PhD Diss.* Kaliningrad. 200 p. (In Russ.).
- Taran, S. V. (2012). Mineralogical color names as a way of the author's perception in the poetic worldview of M. Voloshin. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University*, 2: 87—94. (In Russ.).
- Uusküla, M., Bimler, D. L. (2016). From listing data to semantic maps: Cross-linguistic commonalities in cognitive representation of color. *Folklore*, 64: 159—180. DOI: 10.7592/FEJF2016.64.colour.
- Voronova, M. V., Ershova, N. I. (2015). Types of colour words in advertising texts. *Ogarev-Online*, 6 (47): 7. (accessed 23.02.2021). (In Russ.).
- Warburton, D. A. (2007). Basic color term evolution in light of ancient evidence from the Near East. In: *Anthropology of Color: Interdisciplinary Multilevel Modeling*. Amsterdam: John Benjamins. 231—248.
- Wierzbicka, A. (1990). The meaning of colour terms: semantics, culture and cognition. *Cognitive linguistic*, 1: 99—150. DOI: <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.1.99>.
- Wittgenstein, L. (1973). *Philosophical Investigations*. 3rd ed. London: Pearson. 256 p. ISBN: 978-0024288103.

Громыко С. А. Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса / С. А. Громыко // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 66—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-66-79.

Gromyko, S. A. (2021). Persuasive Complex as a Unit of Analysis of Parliamentary Discourse. *Nauchnyi dialog*, 4: 66-79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-66-79. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-66-79

Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса

Громыко Сергей Александрович

orcid.org/0000-0002-4256-9815

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, журналистики
и теории коммуникации
ling2007@yandex.ru

Вологодский государственный
университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:

Работа выполнена при финансовой
поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований
в рамках научного проекта № 20-
012-00111 «Русский национализм
в лингвояридическом аспекте:
прагматика, динамика, экспертиза»

Persuasive Complex as a Unit of Analysis of Parliamentary Discourse

Sergey A. Gromyko

orcid.org/0000-0002-4256-9815

PhD in Philology, associate professor
Department of Russian Language,
Journalism
and Communication Theory
ling2007@yandex.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 20-012-00111
“Russian nationalism in the linguistic
aspect: pragmatics, dynamics, expertise”

© Громыко С. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается методика анализа речевого воздействия в парламентском дискурсе. Актуальность и новизна исследования видятся в том, что парламентский дискурс рассматривается как персуазивный дискурс. Предлагается методика анализа персуазивности данного дискурса. В научный оборот вводится категория «персуазивный комплекс», которая рассматривается как совокупность инструментов и способов реализации персуазивности, сформировавшихся в отдельно взятом дискурсе и объединенных семантической единицей — образом или символом. Используя материал дискуссии I Государственной думы Российской империи, автор подробно останавливается на анализе персуазивного комплекса «КРОВЬ». Описана процедура анализа данного персуазивного комплекса. Автор приходит к выводу, что персуазивный комплекс реализуется на трех уровнях: семантическом, инструментальном и операциональном. Показано, что представители всех фракций в первом российском парламенте активно использовали персуазивный комплекс «КРОВЬ», однако варианты его реализации в конкретных персуазивах существенно различались. Делается вывод о том, что персуазивный комплекс — это единица анализа дискурса, которая направлена на выявление семантической, формальной и функциональной составляющих воздействия адресанта на реципиента.

Ключевые слова:

парламентский дискурс; риторика; персуазивность; персуазивный комплекс; национализм; прагматика высказывания

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The method of analysis of speech impact in the parliamentary discourse is considered. The relevance and novelty of the research is seen in the fact that parliamentary discourse is viewed as a persuasive discourse. A methodology for analyzing the persuasiveness of this discourse is proposed. The category “persuasive complex” is introduced into scientific circulation, which is considered as a set of tools and methods for realizing persuasiveness, formed in a single discourse and united by a semantic unit — an image or a symbol. Using the material of the discussion of the First State Duma of the Russian Empire, the author dwells in detail on the analysis of the persuasive complex “BLOOD”. The procedure for analyzing this persuasive complex is described. The author comes to the conclusion that the persuasive complex is implemented at three levels: semantic, instrumental and operational. It is shown that representatives of all factions in the first Russian parliament actively used the “BLOOD” persuasive complex, but the options for its implementation in specific persons differed significantly. It is concluded that the persuasive complex is a unit of discourse analysis, which is aimed at identifying the semantic, formal and functional components of the addressee's impact on the recipient.

Key words:

parliamentary discourse; rhetoric; persuasiveness; persuasive complex; nationalism; pragmatics of the statement.

Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса

© Громыко С. А., 2021

1. Введение в проблему

В современной лингвистике и теории коммуникации парламентский дискурс чаще всего понимается как особая разновидность институционального политического дискурса, основными чертами которой являются агональность, интеракциональность, регламентированность, специфическая интенциональная основа, направленная на пропаганду, эмоциональное воздействие, побуждение к политическим поступкам, наличие особых жанров высказывания [Алферов и др., 2014, с. 24—27; Граудина, 1994; Громыко, 2011, с. 84; Дулесов, 2020, с. 42; Китайгородская и др., 2003; Парламентский дискурс ..., 2020, с. 16—17 и др.]. Исследователи политического дискурса в процессе решения спорного вопроса о его границах признают, что парламентская коммуникация относится к ядерной части политического дискурса, а жанры парламентской речи являются прототипными [Дулесов, 2020, с. 4 и др.]. Обращает на себя внимание и такая особенность парламентского дискурса, как персуазивность.

Под *персуазивной коммуникацией* понимается «особая форма ментально-речевой деятельности коммуникантов, реализующая попытку воздействия адресанта на реципиента с целью добиться от него принятия решения о необходимости, желательности либо возможности совершения / отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта» [Голоднов, 2003, с. 8]. При этом единицей персуазивной коммуникации является речевой макроакт персуазивности, а персуазивный текст — это текст, доминирующей коммуникативной функцией которого является воздействие на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения. Продуцируя текст, адресант персуазивной коммуникации осуществляет выбор и комбинирование тематических ситуаций, речевых актов и языковых средств в соответствии с коммуникативной стратегией персуазивности, которая может быть общей (доминирующая функциональная характеристика персуазивного дискурса, его главная концептуально-тематическая установка с ориентацией на перлокутивный эффект, к достижению которого стремится адресант) и частной (вариант реализации глобальной интенции в виде элементов содержания, включенных в пропозициональную структуру текста) [Там же, с. 5—10].

Персуазивный характер парламентского дискурса требует особого комментария, так как само понятие «персуазивность» в исследованиях применяется чаще всего к рекламному дискурсу либо политическому дискурсу в целом (см. работу [Рюкова и др., 2016] о персуазивности в речи У. Черчилля). С позиций когнитивной лингвистики рассмотрение парламентского дискурса как персуазивного произведено в работе Л. В. Правиковой, которая определяет парламентский дискурс как «персуазивный дискурс, целью продуцента которого является конструирование особого семантического мира, изменение когнитивных установок оппонента, склонение его к той или иной точке зрения по политическому вопросу и в конечном счете убеждение его принять то или иное решение тем или иным образом» [Правикова, 2018, с. 360]. При этом в работе используется широкий подход к понятию «персуазивность», так как категории «убеждение» и «воздействие», значимые для теории коммуникации и риторики, четко не разделяются, а аргументация признается «одной из форм персуазивного дискурса, в котором выдвигается и поддерживается то или иное положение и через логическое рассуждение приводится доказательство» [Там же, с. 361].

Исходя из перечисленных выше характеристик парламентской коммуникации, можно сказать, что персуазивность — имманентная характеристика парламентского дискурса, однако конкретные ее проявления крайне разнообразны, а удельный вес по отношению к другим коммуникативным стратегиям может меняться в зависимости от жанра текста и условий его производства. В процессе анализа персуазивности парламентского дискурса с позиции теории коммуникации следует учитывать сложный, сетевой характер общения в парламенте. Например, адресат депутатской речи в прениях чаще всего имеет уровневую структуру:

- 1) непосредственно депутаты-оппоненты;
- 2) фракция-оппонент;
- 3) фракция, интересы которой представляет депутат;
- 4) представители исполнительной власти, присутствующие на заседании;
- 5) средства массовой информации;
- 6) избиратели, представители общественности и иные лица, не участвующие непосредственно в парламентских действиях.

В современных парламентах особое внимание агенты дискурса вынуждены уделять последним двум группам адресатов, так как именно средства массовой информации в обработанном виде ретранслируют дискурс, формируя тем самым обратную связь для актантов коммуникации. В зависимости от доминирования в выступлении депутата того или иного адресата общие стратегии будут различными, поскольку, например, рабочие моменты

обсуждения поправок к законопроекту во втором чтении требуют в большей степени рационального убеждения оппонентов, а протест против внесения одиозного законопроекта социальной направленности — игры на публику, воздействия на эмоционально-волевую сферу оппонентов, СМИ и зрителей.

Жанровая система парламентского дискурса также демонстрирует неоднородность его персуазивного потенциала. Такие жанры текстов, как доклад, депутатский запрос, выступление члена правительства на правительственном часе, являются информирующими, общая коммуникативная стратегия информирования доминирует над стратегией персуазивности либо вытесняет ее вообще. Как показывает анализ текстов этих жанров, большую роль в их прагматической организации играют статистика, логические операции анализа и синтеза, экспертные мнения, обобщения.

Ядром парламентской персуазивности необходимо признать жанры выступления в прениях и реплику. Речи в прениях, как правило, в большей степени агонистичны, эмоциональны, они содержат как рациональную аргументацию, так и эмоциональное воздействие на адресата. При этом стенограммы фиксируют в этих выступлениях большое количество фактов «жесткого» воздействия: речевую агрессию, угрозы, дискредитацию, манипуляцию.

Жанр депутатской реплики с места на сегодняшний день изучен крайне слабо по двум причинам. Во-первых, он выбивается из ряда институциональных жанров своим ненормативным характером, так как регламентом практически всех функционирующих парламентов он либо категорически запрещен (что не мешает, впрочем, депутатам выкрикивать с места фразы во время выступления другого участника прений), либо легализован до полноценного жанра выступления с разрешения председательствующего. Во-вторых, официальные стенограммы большинства современных парламентов (например, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации) не фиксируют реплики с места, лишая исследователя возможности их анализировать. В то же время перлокутивный эффект реплики с места необычайно велик. Стенографические отчеты Государственной думы Российской империи фиксируют частые прерывания речи депутата-оратора репликами с места, в результате чего выступающий вынужден был отвечать на эти реплики, отклоняясь от плана высказывания, а большая часть депутатов — реагировать на них различными способами.

Инструменты персуазивности многообразны и разнородны. В этом аспекте стратегия персуазивности рассматривается как система осуществляемых адресантом операций выбора и комбинирования, тематического оформления и текстового кодирования коммуникативных действий. Эти операции определяются как персуазивные техники, а средства различ-

ных языковых уровней, эксплицирующие в конкретном тексте персуазивные техники, —языковые маркеры персуазивности [Голоднов, 2003, с. 5]. В парламентском дискурсе персуазивные техники могут быть политически и социально маркированы: например, левые фракции могут предпочитать одни техники, а правые — совершенно другие, что является результатом борьбы за символическое «присваивание» реальности, выстраивание своего узнаваемого стиля речевого и политического поведения. В то же время одни и те же техники представителями различных политических сил в процессе дискуссии могут быть использованы с разными коммуникативными целями в зависимости от взаимоотношений с доминирующим адресатом. Сложность и функциональное многообразие персуазивных средств в парламентском дискурсе заставляет по-новому подходить к их анализу в рамках варианта парламентского дискурса, например, думского дореволюционного или современного российского.

2. Персуазивный комплекс «КРОВЬ» в дореволюционном парламентском дискурсе

Если рассматривать конкретный парламентский дискурс диахронически, то можно заметить его дискретный характер. Так, отечественный парламентский дискурс в этом аспекте четко делится на дореволюционный начала XX века и современный, между которыми перерыв в 75 лет. Дореволюционный, в свою очередь, делится на четыре созыва Государственной думы. Хронологическая дискретность существования дискурса порождает существенные изменения в его содержании: меняются политические и юридические контексты, сами агенты (депутаты, фракции, члены правительства), взаимоотношения между ними, темы прений. Наблюдаются изменения и в использовании персуазивных техник и конкретных средств персуазивности. Их исследование в рамках отдельно взятого созыва парламента позволяет существенно ограничить область научного наблюдения и ответить на ряд вопросов: какие средства персуазивности доминируют на данном этапе развития парламента? как выбор тех или иных техник коррелирует с политическим раскладом в парламенте? какие инструменты представляют агентам дискурса на данном этапе его развития эффективными для убеждения / воздействия?

В качестве инструмента исследования персуазивности парламентского дискурса мы предлагаем использовать такую категорию, как персуазивный комплекс.

Под *персуазивным комплексом* мы понимаем совокупность инструментов и способов реализации персуазивности, сформировавшихся в отдельно взятом дискурсе и объединенных семантической единицей — образом или

символом. Это когнитивно-коммуникативная категория, которая отражает актуальное для данного дискурса представление о степени убедительности различных способов предъявления востребованных образов. Введение данной дефиниции обусловлено тем, что в персуазивных дискурсах, особенно агональных и полемичных, можно заметить использование их агентами набора образов-символов, с высокой частотностью предъявляющихся в различных коммуникативных ситуациях с различными целями. Их можно назвать своеобразным мотивом — устойчивой повторяющейся структурно-смысловой единицей дискурса. Однако разные агенты дискурса используют эти образы-символы по-разному, конструируя отличающиеся друг от друга персуазивные техники.

В качестве примера рассмотрим персуазивный комплекс «КРОВЬ» в русском парламентском дискурсе начала XX века. Его формирование происходило в дискурсе Первой Государственной думы Российской империи, когда на повестке дня стоял вопрос о необходимости амнистии политическим заключенным. В дореволюционных думах последующих созывов персуазивный комплекс «КРОВЬ» также использовался агентами дискурса. Рассмотрим его структуру и функционирование на материале стенограмм заседаний Государственной Думы 1906 года.

Стенографические отчеты заседаний первого российского парламента за период с 27 апреля по 30 мая 1906 года (заседания 1—18) фиксируют 133 употребления депутатами в рамках выступлений лексемы *кровь*, а также производных от нее прилагательных, причастий и наречий; за период с 1 июня по 4 июля 1906 года (заседания 19—38) — 224 словоупотребления. Таким образом, всего за два месяца работы Первой Государственной думы это слово было произнесено 358 раз. Помимо непосредственно слова *кровь*, в подсчет вошли частотные лексемы *кровавый*, *кровный*, *кровопротитие*, а также фразеологизмы *пролить кровь*, *кровавая баня*, *кровавая оргия*, пословица *кровь кровью моют* и некоторые другие. Не включались в подсчет частотное прилагательное *хладнокровный* и производные от него.

1. Рассмотрим семантический уровень данного персуазивного комплекса. С точки зрения общей семантики и пропозиции высказывания можно выделить следующие группы сообщений, связанных с лексемой *кровь*.

1. Кровь проливается / проливалась (констатация):

- 1.1. народа
- 1.2. невинных
- 1.3. русских
- 1.4. христиан.

2. Кровь будет проливаться в ближайшее время (если не выполнить определенных условий).

3. Необходимо избежать будущего кровопролития.
4. Кровь сигнализирует о совершенных преступлениях:
 - 4.1. высшей властью
 - 4.2. правительством
 - 4.3. погромщиками
 - 4.4. конкретными лицами.
5. Необходимо прекратить питаться кровью:
 - 5.1. пить кровь
 - 5.2. быть кровожадным
 - 5.3. употреблять в пищу иные объекты, содержащие кровь.
6. Наличие / необходимость сохранения кровного единения:
 - 6.1. с народом
 - 6.2. славян
 - 6.3. русских.

II. Инструментальный уровень представляет собой инвентарь всех элементарных средств речевого воздействия. В нашем случае он базируется на главном средстве реализации анализируемого персуазива — метафоре. Метафоры разнообразны и составляют порядка 50 % от общего количества всех случаев употребления средств речевого воздействия, связанных с семантикой крови. Наиболее частотны следующие метафоры: *потоки крови, реки крови, море крови*. Обращает на себя внимание ярко выраженный гиперболизирующий характер этих и других метафор: *потопить в крови, облить кровью (страну), напитать кровью (землю)*. Семантические блоки 5.1 и 5.3 практически полностью реализуются при помощи метафоры.

Вторым по значимости инструментом является фразеологизм *пролить кровь (чью-либо)* и существительное *кровопролитие*, реализующие в основном семантические блоки 1—3. Другие фразеологизмы были менее частотны: *кровавая баня, кровавая оргия, кровавый ростбиф, (защищать) до последней капли крови*.

Использовались также эпитеты *кровавый (кровавый разгул, кровавые события, кровавая расправа, кровавый вызов)* и *кровожадный (кровожадная мстительность, кровожадные инстинкты)*.

Наблюдается использование олицетворения, сопряженное довольно часто с привлечением архаичных глаголов, что существенно повышает пафос высказывания: *кровь (невинных) вопиет, кровь кричит*.

III. Операциональный уровень персуазивного комплекса представляет собой приемы и способы выражения определенных значений при помощи определенных инструментов в зависимости от темы высказывания, контекста, политической позиции. По сути, это персуазивные техники, которые вырабатывают агенты дискурса, в нашем случае — депутаты и фракции.

Активное функционирование образа-символа крови в парламентских речах и разнообразие способов его предъявления в ходе дискуссии свидетельствуют о его высоком персуазивном потенциале. Важно заметить, что эти способы коррелировали с политической позицией ораторов и являлись своеобразными маркерами расклада сил в политической дискуссии.

В рамках общей стратегии персуазивности фракция кадетов использовала образ крови в качестве основы для частной коммуникативной стратегии обвинения в совершении преступлений в адрес правительства и проправительственных сил. При этом использовались пропозициональные блоки 1.1, 1.2, 4.2, 4.4, 5.2, реализовывавшиеся при помощи метафор и фразеологизма *пролить кровь*. Такие выступления многочисленны и типичны. *Алексинский: ...Не говорю уже о том, как много семей заключенных и сосланных административно остались без куска хлеба и голодают. Министру Дурново, пролившему много народной крови, организовавшему систему произвола, пожаловано двести тысяч рублей; голос народа требует помощи государства для жертв произвола* [ГД, 1906, стлб. 118] (пропозициональный блок 4.4, фразеологизм). *Родичев: До тех пор, пока нет того, что называется ответственностью министров, то есть подотчетности их за законность и целесообразность их действий, до тех пор нет настоящей ответственности перед Монархом. Эта ответственность темна, её до сих пор не было, и мы не знаем, сколько преступлений прикрыто священным именем монарха, сколько крови скрыто под горностаевой мантией, покрывающей плечи Государя Императора* [ГД, 1906, стлб. 79] (пропозициональный блок 4.2, метафонимия).

Левые депутаты (фракция трудовиков и социалисты) использовали персуазивный комплекс «КРОВЬ» в наиболее агрессивных выступлениях. Коммуникативная стратегия обвинения, как и в выступлениях кадетов, была направлена против правительства и высшей власти, однако ее структура была несколько иной. Более активно реализовывался пропозициональный блок 5.1. *Михайличенко: Организация искала лучшей жизни, наметила себе продукт, который необходим ей, с которыми она живет, с которыми она добывает себе кусок хлеба и кормит еще те элементы, которые живут как паразиты и сосут его кровь, ничего не делая и ничего не работая, живут во вред труженикам* [ГД, 1906а, стлб. 1356] (пропозициональный блок 5.1, метафора). Включение в персуазивный комплекс блока 2 индуцирует обвинения не только в состоявшихся кровопролитиях, но и в будущих, при этом ораторами рисуются мрачные картины будущего, которое угрожает всей стране. *Гомартели: Начиная с 17 октября правительство это заполнило русскую землю русской кровью и трупами русских граждан; начиная с 17 октября и по настоящее время правительство впи-*

сало в свою славную историю около 17 тысяч убитых и около 20 тысяч раненых. Правительство опозорило решительно все правосудие, опозорило закон, опозорило церковь, опозорило истинное слово Христово. Но всего этого недостаточно, нужна еще **кровь**, нужны еще жертвы; и вот с этой целью предпринимаются все погромы, и я уверен, что белостокский погром является началом новых зверств, новых **кровопролитий**, предпринимаемых со стороны правительства [ГД, 1906а, стлб. 1828—1829] (пропозициональные блоки 1.3, 2, 4.2, лексический повтор).

Стратегия обвинения при использовании блока 2 «Кровь будет проливаться в ближайшее время (если не выполнить определенных условий)» переросла в стратегию угрозы в случаях, когда оратор четко идентифицировал себя с объектом кровопролития / потерпевшим. И. Савельев: ...Я сам рабочий, знаю как настроена теперь Москва и как настроен Петербург... Несмотря на эти прокламации и эти надписи градоначальников завтра будут митинги, завтра будет большое и сильное **кровопролитие**, потому что рабочих будут разгонять и бить нагайками, а они не будут уходить и будут кричать: «Нам нужна амнистия». Вот, как знаток рабочего класса я подчеркиваю, что завтрашний день принесет массу жертв... Я не разбираюсь в законах, я не знаю этих законов, но напоминаю, что если на завтрашний день не успокоить так или иначе рабочий класс, то будет много **крови** [ГД, 1906, стлб. 36] (пропозициональный блок 2, прямое значение / метонимия). Угроза при этом не имела четкого объекта, важно было, что говорящий подчеркивал возможность реализации негативных действий той группой, к которой он себя причислял. Такая угроза кровопролития практически всегда сопровождалась предложением некоей альтернативы, что в плане политического действия приобретало черты шантажа. Интересно, что депутаты от конституционно-демократической фракции также часто использовали коммуникативную стратегию угрозы, но ни разу при этом не применяли персуазивный комплекс «КРОВЬ».

Депутаты правой фракции «Союз 17 октября» в I Государственной думе использовали персуазивный комплекс «КРОВЬ» реже представителей всех других политических сил. Само это слово и однокоренные с ним в речах октябристов зафиксированы 33 раза (в речах кадетов — более 120 раз). Это связано как с объективными обстоятельствами (фракция была малочисленной, а ее депутаты не были активными в ораторской деятельности), так и с политической позицией фракции в парламенте: депутаты последовательно отстаивали антиреволюционные взгляды, поддерживали монарха, а в некоторых прениях и членов правительства. Высказывания радикальной тональности в целом не были характерны для парламентариев данной группы, а муссирование темы крови так или иначе было связано с деструк-

тивными речевыми действиями. В большинстве случаев октябристы использовали анализируемый персуазив как составляющую сложной частной коммуникативной стратегии оборонительного характера. Упоминания крови возможны были только в ответ на резкие высказывания оппонентов, переходившие некоторую «красную линию», как, например, обвинения монарха в кровопролитии, призывы к революционным действиям или требования полного запрета смертной казни. В этом случае октябристы в различной форме указывали на непродуктивный характер такой позиции, используя смысловые блоки 1.3, 2, 3, 5.3. Объектами речевого воздействия чаще всего были левые депутаты, в некоторых случаях — кадеты. Реализация персуазива была однотипной и почти всегда заключалась в использовании достаточно нейтрального фразеологизма *пролить кровь (чью-либо)*, в единичных случаях использовались другие речевые обороты. *Стахович: ...И страшную ответственность кладут на Думу все те, кто с кафедры призывают к самоуправству народному, говорят, как сегодня еще, что надо перейти к силе и пусть-де падет эта кровь на виноватых. Это пролитая нами и братьями нашими русская кровь прольется не за Родину, а в ущерб ей и в горе! Пусть же ляжет она на совесть тех, кто прославляет насилие, подбивает омраченных, нетерпеливых и раздраженных* [ГД, 1906а, стлб. 996—997] (смысловой блок 1.3, 2, фразеологизм). *Способный: Засим второй вопрос, так сказать, вопрос общественного значения, это вопрос о смертной казни. Признаюсь вам, когда мне говорят о том, что есть люди, готовые пожертвовать всем для отмены смертной казни, я таким людям не верю, я отлично знаю, что они глотают живых устриц, жуют кровавые ростбифы в огромном количестве (при этих словах поднимается страшный шум)* [ГД, 1906а, стлб. 87] (смысловой блок 5.3, фразеологизм).

3. Выводы

Приведенный пример структурирования персуазивного комплекса показывает, что перед нами единица анализа дискурса, которая направлена на выявление семантической, формальной и функциональной составляющих воздействия адресанта на реципиента. В нашем случае эта единица анализа используется для срезового исследования особенностей персуазивности русской парламентской коммуникации на этапе ее зарождения. Диахронический же подход дает полноценную картину развития персуазивности в данном дискурсе.

Так, например, спустя два года в Государственной думе третьего созыва правые радикалы (черносотенцы) создали свою персуазивную технику использования образа-символа крови, акцентируя внимание аудитории на

переходе от «крови народа», то есть крови вообще, к «крови русских», а затем и к крови сакральной жертвы. Таким образом, правыми депутатами был сконструирован новый пропозициональный блок — «кровь русского мученика», реализацией которого стала коммуникативная стратегия обвинения левых в убийстве Александра II и стратегия обвинения кадетов в притеснении русских (кровопролитием стали называться уже не казни, а «избиения», «мучения», гораздо реже — «убийства») в Финляндии и Польше.

Благодаря националистам же к 1911 году в русском парламентском дискурсе был сформирован мощный персуазив, основанный на новом пропозициональном блоке «кровь ребенка» и повлиявший на развитие русского политического дискурса в целом. Наиболее полно данный персуазив реализовался в обсуждении прототипического события — убийства Андрея Ющинского («Дело Бейлиса»), при этом криминалистические подробности насильственной смерти позволили депутатам манипулировать в пространстве речевого воздействия как метафорическими, так и прямыми смыслами словосочетания «кровь ребенка». Однако формироваться он начал задолго до дела Бейлиса, приобретая черты наиболее мрачной и агрессивной коммуникативной стратегии угрозы, сопряженной с призывами физического устранения политических оппонентов, социальных и национальных групп.

Персуазивные комплексы, реализуясь в конкретных персуазивах, в рамках дискурса пересекаются друг с другом. Например, комплекс «КРОВЬ» обнаруживает связь с персуазивными комплексами «РЕБЕНОК», «ЗЕМЛЯ», «ОРУЖИЕ». Перспективой исследования в данном случае является полевое структурирование пересекающихся комплексов, что позволит моделировать фрагменты дискурса, связанные с воздействием агентов друг на друга.

Источники и принятые сокращения

1. ГД 1906 — *Государственная Дума* : стенографические отчеты : 1906 год : сессия 1 : Т. 1 : заседания 1—18. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1906. — 866 стлб.
2. ГД 1906а — *Государственная Дума* : стенографические отчеты : 1906 год : сессия 1 : Т. 2 : заседания 19—38. — Санкт-Петербург : Гос. тип., 1906. — 2014 стлб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алферов А. В. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации : подходы к исследованию / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова // *Политическая лингвистика*. — 2014. — № 3. — С. 24—32.
2. Голоднов А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : автореферат диссертации... кандидата филологических наук / А. В. Голоднов. — Санкт-Петербург, 2003. — 23 с.

3. Граудина Л. К. Функционально-смысловые типы парламентской речи / Л. К. Граудина // Культура парламентской речи / отв. ред. Л. К. Граудина, Е. И. Ширяев. — Москва : Наука, 1994. — С. 23—34.

4. Громыко С. А. Язык российского парламента : становление отечественной парламентской коммуникации в начале XX века / С. А. Громыко // Политическая лингвистика. — 2011. — № 2 (36). — С. 82—91.

5. Дулесов Е. П. Метафора в парламентском дискурсе (на материале речей российских депутатов начала XX века) : диссертация... кандидата филологических наук / Е. П. Дулесов. — Ижевск, 2020. — 208 с.

6. Китайгородская М. В. Современная политическая коммуникация / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Современный русский язык : социальная и функциональная дифференциация / отв. ред. Л. П. Крысин. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — С. 151—240.

7. Парламентский дискурс : социокультурные практики и языковое воплощение : монография / Т. А. Ширяева, Л. И. Триус, А. Ю. Багрян, Ю. А. Черноусова, О. М. Литвишко. — Казань : Бук, 2020. — 148 с. — ISBN 978-5-00118-544-4.

8. Правикова Л. В. Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе / Л. В. Правикова // Филологические науки : вопросы теории и практики : часть 2. — 2018. — № 1 (79). — С. 359—362.

9. Рюкова А. Р. Языковые способы реализации персуазивности / А. Р. Рюкова, Е. А. Филимонова // Вестник Башкирского университета. — 2016. — Т. 21. — № 2. — С. 431—435.

MATERIAL RESOURCES

GD 1906 — *State Duma: verbatim records: 1906: session 1: vol. 1: sessions 1—18.* (1906). Saint-Petersburg: Gos. tip. 866 column. (In Russ.).

GD 1906a — *State Duma: verbatim records: 1906: session 1: vol. 2: sessions 19—38.* (1906). Saint-Petersburg: Gos. tip. 2014 column. (In Russ.).

REFERENCES

Alferov, A. V., Kustova, E. Yu. (2014). On the discursive status and categories of parliamentary communication: approaches to research. *Political linguistics*, 3: 24—32. (In Russ.).

Dulesov, E. P. (2020). *Metaphor in parliamentary discourse (based on the speeches of Russian deputies of the early twentieth century): PhD Diss.* Izhevsk. 208 p. (In Russ.).

Golodnov, A. V. (2003). *Linguistic and pragmatic features of persuasive communication (on the example of modern German-language advertising): author's abstract of PhD Diss.* Saint-Petersburg. 23 p. (In Russ.).

Graudina, L. K. (1994). Functional and semantic types of parliamentary speech. In: Graudina L. K., Shiryayev E. I. (eds.). *Culture of parliamentary speech.* Moscow: Nauka. 23—34. (In Russ.).

Gromyko, S. A. (2011). The language of the Russian parliament: the formation of domestic parliamentary communication at the beginning of the twentieth century. *Political linguistics*, 2 (36): 82—91. (In Russ.).

Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (2003). In Modern political communication. In: Krysin L. P. (ed.). *Modern Russian language: social and functional differentiation.* Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. 151—240. (In Russ.).

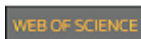

- Pravikova, L. V. (2018). Persuasiveness as a cognitive strategy in parliamentary discourse. *Philological sciences: questions of theory and practice: part 2, 1 (79)*: 359—362. (In Russ.).
- Ryukova, A. R., Filimonova, E. A. (2016). Linguistic ways of realizing persuasiveness. *Bulletin of the Bashkir University, 21 (2)*: 431—435. (In Russ.).
- Shiryaeva, T. A., Trius, L. I., Bagiyan, A. Yu., Chernousova, Yu. A., Litvishko, O. M. (2020). *Parliamentary discourse: socio-cultural practices and linguistic embodiment*. Kazan: Buk. 148 p. ISBN 978-5-00118-544-4. (In Russ.).

Димитриева О. А. Вакхическая лексика, вербализующая объект питья, в художественном мире Александра Грина / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 80—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96.

Dimitrieva, O. A. (2021). Bacchic Vocabulary Verbalizing Object of Drinking in Artistic World of Alexander Grin. *Nauchnyi dialog*, 4: 80-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-80-96

Вакхическая лексика, вербализующая объект питья, в художественном мире Александра Грина

Димитриева Ольга Альбертовна

orcid.org/0000-0003-2734-640X

Researcher ID AAZ-3038-2020

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского и чувашского языков;

старший научный сотрудник

научно-исследовательского института

этнопедагогики имени

академика РАО Г. Н. Волкова

olgaal_79@mail.ru

Чувашский государственный
педагогический университет

им. И. Я. Яковлева»

(Чебоксары, Россия)

Bacchic Vocabulary Verbalizing Object of Drinking in Artistic World of Alexander Grin

Olga A. Dimitrieva

orcid.org/0000-0003-2734-640X

Researcher ID AAZ-3038-2020

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Russian and Chuvash

Languages; Senior Researcher,

Research Institute of Ethnopedagogy
named after Academician G. N. Volkov

of the Russian Academy of Education

olgaal_79@mail.ru

Chuvash I. Yakovlev
State Pedagogical University
(Cheboksary, Russia)

© Димитриева О. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности вербализации объекта питья в художественном мире Александра Грина. Материалом для исследования послужили известные романы автора «Алые паруса», «Золотая цепь», «Бегущая по волнам» и некоторые рассказы. Новизна исследования видится в том, что анализируется индивидуально-авторское преломление ситуации винопития. Выделяются значимые, с точки зрения писателя, аспекты репрезентации указанной ситуации. Отмечается, что основной доминантой интерпретации ситуации винопития в романтических произведениях Грина является эстетическая. Особое внимание уделяется месторасположению вина, его «обрамлению» в вакхических описательных контекстах, в которых значимыми также являются следующие элементы: золотисто-алое сочетание сосуда и содержимого, изысканность, представленная в описаниях мельчайших деталей. Выявлено, что языковым воплощением таких описаний являются эпитеты (качественные и относительные прилагательные), сравнительные обороты и метафоры. Показано, что эстетический компонент составляют визуальные (цветовые), ольфакторные, тактильные оценки, которые в совокупности репрезентируют пиршество, праздник жизни. При анализе аксиологического компонента в репрезентации вина отмечается, что его ценность обуславливается его «возрастом», который может соотноситься с веками жизни человека или нескольких поколений.

Ключевые слова:

А. Грин; объект винопития; семантика; культура винопития; национальный менталитет; идиостиль; индивидуально-авторская картина мира.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of verbalization of the object of drinking in the artistic world of Alexander Grin are considered. The material for the research was the famous novels of the author "Scarlet Sails", "The Golden Chain", "Running on the Waves" and some stories. The novelty of the research is seen in the analysis of the individual author's refraction of the wine drinking situation. Significant, from the point of view of the writer, aspects of the representation of this situation are highlighted. It is noted that the main dominant of the interpretation of the situation of wine drinking in the romantic works of Green is aesthetic. Particular attention is paid to the location of the wine, its "framing" in Bacchic descriptive contexts, in which the following elements are also significant: the golden-scarlet combination of the vessel and the contents, sophistication presented in the descriptions of the smallest details. It was revealed that the linguistic embodiment of such descriptions are epithets (qualitative and relative adjectives), comparative phrases and metaphors. It is shown that the aesthetic component is made up of visual (color), olfactory, tactile assessments, which together represent a feast, a celebration of life. When analyzing the axiological component in the representation of wine, it is noted that its value is determined by its "age", which may correspond to the milestones of a person's life or several generations.

Key words:

A. Green; wine drinking object; semantics; wine drinking culture; national mentality; idiostyle; individual author's picture of the world

Вакхическая лексика, вербализующая объект питания, в художественном мире Александра Грина

© Димитриева О. А., 2021

1. Вводные замечания. Винопитие и его объект сквозь призму культуруносных смыслов

В мире художественного произведения бытовые зарисовки создают необходимый фон, на котором разворачиваются события. Одной из составляющей бытовых картин является ситуация винопития. Спиртное, или объект питания, занимает определенное место и выполняет разные функции, одновременно эксплицируя семантику культуры.

Ясно, что «расстановка» алкогольных напитков в вымышленном мире прежде всего подчиняется жанру и сюжету произведения и соответствует замыслу автора. Так, сравним с этой точки зрения романы Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Воскресение». Эпопейный замысел и исторический фон первого включает разнообразие названий напитков, их родовых и видовых вариантов, в том числе на французском языке, (1) и используемой посуды (2): (1) *вино / le vin (венгерское, (московское) бордо, Марго, красное, сладкое), ром, дрейдмадера, рейнвейн, шампанское, водка, доппелькюмель, портвейн, охотничья запеканочка, травник, наливка, мадера / madère, пунш*; (2) *стакан, рюмка, (серебряная) чарка, бокал, крышка манерок, бутылка, полбутылки* и др. Роман «Воскресение» отличается морально-психологическим контекстом, воспроизведением этических оценок, что отражается на воплощенных в романе бытовых реалиях, в том числе на использовании небольшого количества разных наименований спиртного: (1) *(красное) вино, винцо* (часто употребляется в обобщенном значении 'любое спиртное'), *коньяк (финь-шампань), водка, ликер, гамырка*; (2) *рюмка, стакан, кружка, полчашики, бутылка, графин (графинчик)*.

В пределах одного романа количество употребляемых контекстов с наименованиями спиртных напитков может варьироваться: в повести Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова» в первой части, в которой описывается жизнь отчима Неточки Ефимова, часто приводятся его «вакхические» характеристики, в то время как во второй части, изображающей пребывание Неточки у Александры Михайловны, нет ни одной сцены, включающей застолье и винопитие. В тетралогии Ф. Абрамова «Братья и сестры» первая одноименная часть, посвященная годам Великой Отечественной войны, включает лишь небольшие фрагменты, в которых содер-

жится застолье или винопитие, что отличает ее от последующих частей романа, в которых появляется разнообразие спиртного и описываются сцены гуляний. Сюжетомоделирующая функция спиртного проявляется в характеристике героя, его вакхических пристрастиях, и вино в таком случае выступает в роли своего рода визитной карточки. В таких случаях винные образы и мотивы задают вектор развития повествования, что может быть характерно, например, для детективного жанра.

Объект питья может являться «исторической справкой», из которой читатель узнает о событиях, включающих в том числе ситуацию винопития. Например, в рассказе Н. С. Лескова «Загон» подробно описывается поддержанная правительством брошюра, в которой расписываются целебные свойства сажи в сочетании с алкоголем и негативные последствия для народа: *А главное, что в курной избе хорошо — это сажка! <...> А от сажки не только никакая мелкая гадь в стене не водится, но эта сажка имеет очень важные врачебные свойства, и «наши добрые мужички с великою пользою могут пить ее, смешивая с нашим простым, добрым русским вином».* Словом — в курной избе, по словам брошюры («О целебных свойствах лоснящейся сажки». — О. Д.), было целое угодье <...> *И кто может отважиться сказать: скольким людям это стоило жизни! Но тем не менее брошюра о сажке имела распространение* [Лесков, т. 9, с. 365—367]. В некоторых произведениях упоминаются наименования объектов питья, которые функционируют в определенный исторический период, а позднее утрачивают актуальность, уходят в пассивный словарный запас, становясь историзмами: — *Ты что, с утра прикладывался? — Васька нахмурился, сдвинул с затылка красный перепачканный солидолом берет, но врать он не умел: — Только наркомовскую. Сотнягу, по-теперешнему* (Ф. Абрамов. Вокруг да около) [Абрамов, 1985, с. 149].

Интересна и противоположная ситуация постепенного осмысления, активизации и полного принятия слова с последующей его словообразовательной обработкой. В качестве примера рассмотрим лексему ‘алкоголик’, которая только начинает употребляться в конце XIX века, и приведем отрывок из романа Л. Н. Толстого «Воскресение»: *Но, как человек от природы умный и добрый, он [генерал] очень скоро почувствовал невозможность такого примирения и, чтобы не видеть того внутреннего противоречия, в котором он постоянно находился, все больше и больше отдавался столь распространенной среди военных привычке пить много вина и так предавался этой привычке, что после тридцатипятилетней военной службы сделался тем, что врачи называют алкоголиком* [Толстой, 1978, с. 439]. Выделение во фрагменте основных характеристик генерала, таких как *отдаваться* / *предаваться* привычке; среди военных; тридцатипятилетняя служба,

подводит к слову, подытоживающему приведенные черты, — *алкоголик*. Отсылка к медицинской терминологии (*что врачи называют*) свидетельствует о нераспространенности лексемы. Активное употребление и переработку данной лексемы в современной речи можно проследить на материале дериватов, считающихся узуальными, типа *алкоголизм, алкоголический, алкоголичка*, просторечных единиц со сниженной стилистической окраской (пейоративной семантикой) *алкаш, алкашка, алконавт, алкашня*; ср. также случаи языковой игры: *алкоритм* — название магазина алкогольных напитков; или в анекдоте: *У нас сложилась очень сложная ситуация, и поэтому нам надо продумать алкоритм ее решения*. В современной прозе (например, в ироническом детективе Д. Донцовой) часто используются приведенные дериваты, они несут дополнительную аксиологическую нагрузку: с одной стороны, соотносят человека с классом подобных, с другой — располагают на крайней точке оценочной шкалы, задают резко негативный ракурс восприятия персонажа. Некоторые авторы (Ф. Абрамов и др.) сознательно избегают употребления слова *алкоголик*, заменяя его привычным *пьяница*.

Семантика культуры, как отмечает М. Л. Ковшова, тесно связана со шкалой ценностей и включает утилитарную, функциональную, социально-иерархическую, эстетическую, духовно-идейную семантику (подробнее см. [Ковшова, 2015]). Ситуация винопития, ее составляющие элементы часто являются маркерами социально-иерархических взаимоотношений. В литературе XIX века отношение к вину является своего рода показателем национальной идентичности (1) и / или вероисповедания (2):

(1) *Не было ремесла, которого бы не знал козак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, гулять напропалую, пить и бразничать, как только может один русский*, — всё это было ему по плечу (Н. В. Гоголь. Тарас Бульба) [Гоголь, 1937, с. 47];

(2) — «Куда ж, — думаю, — турку определить? Кроме как куда-нибудь арапом, куда его не определишь» — и нашла я ему арапскую должность. Нашла, и прихожу, и говорю: «Так и так, — говорю, — иди и определяйся». Тут они и затеяли **могарычи пить**, потому что он уже своей **поганой веры избавился, крестился и мог вино пить** (Н. С. Лесков. Воительница) [Лесков, т. 1, с. 216]. В первом примере наряду с перечислением ремесел выделяются действия, выражаемые глагольным рядом *гулять, пить, бразничать*, как показатели, маркирующие национальный статус человека, что подчеркивается ограничительной частицей *один*. Во втором отрывке в рамках оппозиции «свой — чужой» противопоставляется чужая *поганая вера* христианству и вводится ироническое осмысление последствий изменения веры — возможность *пить могарычи, пить вино*.

Лексика, вербализующая объекты винопития, может являться экспликатом социального статуса, положения, занимаемого на общественной лестнице. Рассмотрим примеры: (1) *Стояла закуска: селедка и водка. Он [Пралинский] протянул руку, сам налил огромную рюмку водки и выпил. Он никогда прежде не пил* (Ф. М. Достоевский. Скверный анекдот) [Достоевский, 1989, с. 367]; (2) [сотрудник «Головешки» генералу Пралинскому] — *Да, вы пришли, чтоб похвалиться гуманностью! Вы помешали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишком дорого для чиновника с десятью рублями в месяц жалованья... водки* (Там же) [Достоевский, 1989, с. 374]. В литературе XX века, например в произведениях Ф. Абрамова, изображение спиртного участвует в формировании различающихся по статусу образов «житель деревни — житель города», «простой колхозник — сельская интеллигенция» (подробнее см. [Димитриева, 2020]). В XXI веке вакхическая характеристика персонажа может быть атрибутом профессиональной сферы: происходит «обновление» списка профессий, особенностью которых является пристрастное отношение к спиртному (ср. ранее *пьяный как сапожник* и современный стереотип *о вечно пьяном сантехнике* у Д. Донцовой).

Предметом рассмотрения в данной статье является эстетическая семантика культуры винопития, отраженная в рассказах и повестях А. Грина, а именно семантика объектов питания, их основные черты и особенности. Анализируя высказывание К. Л. Зелинского о создании целого мира «Гринландии», А. О. Лопуха отмечает «эстетическую задачу творчества романтика» с целью «воплотить свои представления об идеале» в этой созданной стране [Лопуха, 1990, с. 112]. Исследователи творчества А. Грина пишут о таких чертах его произведений, как изображение сильных характеров, персонажей «со странными именами и ясными поступками», создание «неповторимого, фантастического, но живого мира» [Михайлова, 1972, с. 16], говорят о «поэтичности» этого мира [Лопуха, 1989, с. 142]. Как отмечает В. Е. Ковский, романтические герои писателя блуждают «по свету, жадно глотая воздух странствий», «рискуют жизнью» и «безумствуют» [Ковский, 1969, с. 105—106]. Отличительной чертой идиостиля А. Грина, его языкового мышления называют метафоричность и парадоксальность [Виноградова, 2005, с. 63; Джамбаева, 2017, с. 228; Ключерова, 2017], символизм [Михеева, 2018; Михеева, 2019].

Материалом для данного исследования послужили романы «Алые паруса», «Золотая цепь», «Бегущая по волнам» и рассказы, представленные в сборниках [Грин, 1980; Грин, 1986а; Грин, 1986б]. Во-первых, уделяется внимание участию объектов питания в создании романтического флера в художественном мире А. Грина. Во-вторых, определяется двойственность

характеристик объектов питания, с одной стороны, являющихся маркером настоящего моряка, с другой — имеющих свою историю бытия, а следовательно, и ценности. В-третьих, вино рассматривается как порог между двумя мирами и способ перехода в один из возможных миров.

2. Особенности вербализации объекта винопития в художественном мире А. Грина

2.1. Вакхический фон: предметы, обрамляющие вино

Одной из важнейших идиостилевых функций метафоры в произведениях А. Грина, по мнению А. О. Ключеровой, является эстетическая [Ключерова, 2017, с. 93]. Образность деталей в мире Грина подобна уайльд-овской: оба используют изысканные метафоры, эпитеты и сравнения при номинации тех или иных деталей. Остановимся подробнее на тех из них, которые связаны со сферой винопития. Рассмотрим примеры:

(1) *Взяв поднос с кофе, Бетси завернула к буфетчику, капнувшему ей в крошечную, как полевой колокольчик, рюмочку огненного жидкого бархата* (ликера. — О. Д.), и понеслась к управляющему (Блстающий мир) [Грин, 1986а, с. 112].

(2) *Вот я [Друд] здесь; заперт и на цепи, как черный злодей, я — заперт, а мое золото всасывает сквозь стены эти чудесные и редкие вещи. Загляни в мое помещение. Его теперь уже трудно узнать; устлан коврами пол, огромный стол посреди; на нем — графины, бутылки, кувшины, серебряные кубки и вызолоченные стаканы; на каждом стакане — тонкий узор цветов, взятый как сновидение. Они привезены из Венеции; алое вино обнимается в них с золотыми цветами. На скатерти в серебряных корзинах лежит пухлый, как заспанная щека, хлеб; вишни и виноград, рыжие апельсины и сливы, подернутые сизым налетом, напоминающим иней. Есть здесь также сыры, налитые золотым маслом, испанские сигары; окорок, с разрезом, подобным снегу, тронутому земляничным соком; жареные куры и торт — истинное кружево из сластей, — залитый шоколадом, — но все смешано, все в беспорядке* (Там же) [Грин, 1986а, с. 140];

(3) *<...> я не успел толком сообразить, что произошло, как вровень с упавшей полкой поднялся из стены род стола, на котором были чашки, кофейник с горячей под ним спиртовой лампочкой, булки, масло, сухари и закуски из рыбы и мяса, приготовленные, должно быть, руками кухонного волшебного духа, — столько поджаристости, масла, шипенья и аромата я ощутил среди белых блюд, украшенных рисунком зеленоватых цветов. Сахарница напоминала серебряное пирожное. Ложки, щипцы для сахара, салфетки в эмалированных кольцах и покрытый золотым плетеньем из*

мельчайших виноградных листьев карминовый графин с коньяком — все явилось, как солнце из туч (Золотая цепь) [Грин, 1986а, с. 324].

Во всех трех примерах вино находится в красивом окружении, и для каждого сорта напитка подбирается свой тип посуды: *крошечная, как полевой колокольчик, рюмочка* — для ликера, *вызолоченные стаканы из Венеции* — для вина, *карминовый графин* — для коньяка. На сосудах растительный рисунок, или сам сосуд сравнивается с цветком: *как полевой колокольчик* (пример 1), *тонкий узор цветов, взятый как сновидение* (пример 2), *покрытый золотым плетеньем из мельчайших виноградных листьев* (пример 3). Желто-красная цветовая гамма передается прилагательными *огненный (бархат), алое (вино), золотые (цветы), карминовый (графин), золотое (плетенье)*. Изысканность предметов вербализуется посредством параметрических прилагательных с семантикой размера: *крошечная (рюмочка), тонкий узор, мельчайшие (виноградные листья)*. Красота, гармоничность сосуда и его содержимого, а также восторженность наблюдателя передается глагольными сочетаниями со скрытыми и эксплицитными сравнениями: *алоое вино обнимается в них с золотыми цветами; все явилось, как солнце из туч*.

Во втором и третьем отрывках вино является гармоничной частью обстановки в целом. Желто-красная цветовая гамма дополняется разнообразными колоронимами, выраженными как качественными, так и относительными прилагательными, субстантивными и компаративными словосочетаниями: 1) цвет серебра, сделано из серебра: *серебряные кубки, серебряные корзины; сахарница напоминала серебряное пирожное*; 2) белая гамма с дополнительными оттенками: *сливы, подернутые сизым налетом, напоминающим иней; окорок, с разрезом подобным снегу, тронутому земляничным соком; среди белых блюд*; 3) золотой цвет используется при описании способа приготовления еды: *жареные (куры)*; субстантивированный признак — *поджаристость*; 4) другие цвета: *сизый, рыжий, земляничный, зеленоватый* — всё это воссоздает довольно яркую и пеструю картину пира. Помимо визуальной перцепции, добавляются ольфакторная (*аромат*), звуковая (*шипенье*), тактильная (*пухлый*). В приведенных примерах также передается идея волшебства, чуда через образы волшебника-злодея и кухонного духа: *как черный злодей; золото всасывает чудесные и редкие вещи* (пример 1); *приготовленные руками кухонного волшебного духа* (пример 2).

Итак, вино является составной частью пиршества и приобретает символическое значение красивого праздника жизни. В мире Грина становятся значимыми сосуда, содержащие вино, их визуальные характеристики, в частности, передача цвета: как правило, это золотисто-алая гамма, включающая серебристо-белые и зеленоватые оттенки. Сюда же гармонично

вписываются изысканные растительные орнаменты с указанием мельчайших деталей.

2.2. Возраст вина

В произведениях А. Грина особое место уделяется возрасту вина: чем старше вино, тем более ценными свойствами оно обладает и тем бережнее к нему отношение знатоков. Рассмотрим примеры:

(1) — *Вино это старшее вас, Гнор; вы томились в лесах, целовали Кармен, учились и родились, а оно уже лежало в погребке. — Он [Энниок] налил себе и Гнору, стараясь не расплескать* (Жизнь Гнора) [Грин, 1986б, с. 429].

(2) — *Мне лучше, — сказал я обычным своим тоном, — мне почти хорошо. — Раз почти, следовательно, контроль на месте, — заметил Поп. — Я ужаснулся, когда вы налили себе целую купель этого вина, но ничего не сказал, так как не видел еще вас в единоборстве с напитками. Знаете, сколько этому вину лет? Сорок восемь, а вы обоились с ним, как с водой. Ну, Санди, я теперь буду вам открывать секреты* (Золотая цепь) [Грин, 1980, с. 362—363].

В первом отрывке возраст вина измеряется веками жизни человека в ретроспективе: *томились в лесах; целовали Кармен; учились; родились*. По указанным этапам можно вывести, сколько вину лет: в начале истории говорится, что Гнору двадцать неполных лет, далее — что на острове он прожил восемь лет, следовательно, возраст вина составляет около тридцати лет. Осторожное, бережное отношение к вину Энниока проявляется в его обращении с ним: *наливает, стараясь не расплескать*. Во втором примере прямо указывается возраст вина — 48 лет, отмечается противоречие между должным обращением и эксплицированным (*обоились, как с водой; налили целую купель*), а также эмоциональная реакция человека, знающего ценность напитка, обозначенная глаголом *ужаснулся*.

Одним из ярких отрывков, характеризующих «жизнь» вина, является описание старинной легенды о вине в фамильном погребе Грэя:

(3) *В одном месте было зарыто две бочки лучшего Аликанте, какое существовало во время Кромвеля, и погребщик, указывая Грэю на пустой угол, не упускал случая повторить историю знаменитой могилы, в которой лежал мертвец, более живой, чем стая фокстерьеров <...> Там лежит такое вино, за которое не один пьяница дал бы согласие вырезать себе язык, если бы ему позволили хватить небольшой стаканчик. В каждой бочке сто литров вещества, взрывающего душу и превращающего тело в неподвижное тесто. Его цвет темнее вишни, и оно не потечет из бутылки. Оно густо, как хорошие сливки. Оно заключено в бочки черного дерева, крепкого, как железо. На них двойные обручи красной меди. На об-*

руках латинская надпись: «*Меня выпьет Грэй, когда будет в раю*» (Алые паруса) [Грин, 1980, с. 88].

Точкой отсчета является время появления вина — период правления Кромвеля (первая половина XVII века): в семье Грэя оно оказывается в 1793 году, поэтому история вина вековая, легендарная. С одной стороны, автор, сравнивая вино с человеком, называет его *мертвецом* и место его нахождения — *могилой* (причина объясняется далее Польдишоком: *Бочки погружены в грунт на шесть футов и засыпаны золой из виноградных стеблей* [Грин, 1980, с. 88]); с другой стороны, прилагательное *живой* в сравнительной степени включается в оксюморонное выражение (*живой мертвец*) и маркирует отличительные свойства вина, сравнивая их со стаей фокстерьеров. Вину дается разноплановая оценка: визуальная (*цвет темнее вишни*), физического состояния, консистенции (*густое, как хорошие сливки; не потечет*), количественная (*сто литров вещества*), качественная в двух аспектах — физическое и душевное воздействие (*взрывающее душу и превращающее тело в неподвижное тесто*), гедонистическая — мера желания измеряется готовностью пожертвовать частью себя (*не один пьяница дал бы согласие вырезать себе язык*), архаическая (запись, сделанная на латыни). Ценное содержимое имеет не менее значимое оформление, включающее описание сочетаний элементов материала и цвета (*черное дерево, красная медь*): *бочка черного дерева, крепкого, как железо; двойные обручи красной меди*. Временные (*1793 год*), пространственные характеристики (*из Лиссабона, на корабле «Бигль»*), стоимость вина (*две тысячи золотых пиастров*), а также указание лиц, их имен (*Джон Грэй; Вениамин Эльян*) и рода занятий (*оружейный мастер*) придают семейной легенде правдивый, исторический характер, основывающийся на фактах: — *Эти бочки привез в 1793 году твой предок, Джон Грэй, из Лиссабона, на корабле «Бигль»; за вино было уплачено две тысячи золотых пиастров. Надпись на бочках сделана оружейным мастером Вениамином Эльяном из Пондишери* (Там же) [Грин, 1980, с. 89].

В конце романа вновь возникает образ «живого» вина, читатель узнает завершение его легенды: *Меж тем на палубе у грот-мачты, возле бочонка, изъеденного червем, с сбитым дном, открывшим столетнюю темную благодать, ждал уже весь экипаж. Атвуд стоял; Пантен чинно сидел, сияя, как новорожденный. Грэй поднялся вверх, дал знак оркестру и, сняв фуражку, первый зачерпнул граненым стаканом, в песне золотых труб, святое вино.* — Ну, вот... — сказал он, кончив пить, затем бросил стакан <...> — Как понравилось оно [вино] тебе? — спросил Грэй Летику. — Капитан! — сказал, подыскивая слова, матрос, — *не знаю, понравился ли ему я, но впечатления мои нужно обдумать. Улей и сад!* —

*Что?! — Я хочу сказать, что в мой рот впихнули **улей и сад** <...> Когда на другой день стало светать, корабль был далеко от Каперны. Часть экипажа как уснула, так и осталась лежать на палубе, **поборотая вином Грэя**... [Грин, 1980, с. 125—126].* Так вновь повторяются первоначальные характеристики вина: возраст (*стоletнее*), цвет (*темная*), качество (*благодать, святое*), почтительное отношение (*снял фуражку — вид этикетной кинемы с головным убором, по М. Л. Ковшовой, эксплицирующей как почтение, так и мистическое поклонение [Ковшова, 2015, с. 227—231]*), воссоздание праздничного фона (*в песне золотых труб*), отношение как живому существу (*не знаю, понравился ли ему я; поборотая вином Грэя*) и вкусовая оценка — *улей и сад*.

Итак, упоминание возраста вина (часто указание точного времени его «жизни») задает особый эстетический ракурс его восприятия и обуславливает особое отношение — уважительное обращение.

2.3. Вино как маркер настоящего морского дьявола

Как известно, сфера деятельности накладывает свой отпечаток. Стиль и образ жизни обуславливают определенный набор поступков. Стереотипные представления о морской жизни и морях складываются из многих компонентов, некоторые из них повторяются, такие, например, как *пить крепкие напитки*:

(1) *Горничная, накрыв к завтраку стол, ушла. Том заметил большой графин с золотистым вином и вспомнил, что капитан Кидд (из книги «Береговые пираты») должен был **пить ром** на необитаемом острове, в совершенном и отвратительном одиночестве (Гнев отца) [Грин, 1980, с. 177];*

(2) *В течение года, пока «Ансельм» посещал Францию, Америку и Испанию, Грэй промотал часть своего имуществва на пирожном, отдавая этим дань прошлому, а остальную часть — для настоящего и будущего — проиграл в карты. Он хотел быть «**дьявольским**» моряком. Он, задыхаясь, **пил водку**, а на купаньи, с замирающим сердцем, прыгал в воду головой вниз с двухсаженной высоты (Алые паруса) [Грин, 1980, с. 94].*

В первом примере в образ капитана Кидда входят следующие составляющие: необитаемый остров, полное одиночество и питье рома. Во втором примере для Грэя мерой определения степени признака *быть «дьявольским» моряком* являются поступки типа *играть в карты (и проигрывать), пить водку, прыгать в воду головой вниз*. Оба примера связываются с долженствованием: в первом оно выражено эксплицитно (*должен был*), во втором — имплицитно и связывается с соответствием образчику поведения, представляющегося Грэю, пресуппозитивным фоном знаний, что находит свое выражения в модальности желательности — *хотел* и связи

быть. Крепкие спиртные напитки *ром* и *водка* являются необходимыми репрезентантами образа морского дьявола.

3. Вино и пища как граница между двумя мирами и способ перехода в другой возможный мир

В. Н. Топоров в словарной статье «Опьяняющий напиток» в энциклопедии «Мифы народов мира» пишет о том, что «опьяняющий напиток <...> в большинстве религиозно-мифологических и ритуальных традиций <...> средство достижения особого сакрально отмеченного состояния» [Топоров, 1992, с. 256] и в ряде архаических культур особое внимание уделяется «ситуации порога, после которого священное и божественное опьянение (безумие) переходит в противоположное ему состояние, направляемое злыми силами» [Там же, с. 257]. Как отмечает Н. А. Устинова, алкоголь как элемент пищевого кода, рассматриваемый на материале диалекта, «устанавливает связи с темным (иным, чужим) миром» [Устинова, 2011, с. 71], то есть осуществляется переход через порог, за пределами которого находится «темный мир». В художественном мире А. Грина вино и другие элементы пищевого кода формируют своего рода демаркационную линию, разделяющую настоящий момент и прошлый или настоящее состояние и желаемое будущее (мечту). Состояние героя связывается с переходом из одного состояния в другое, но это, как правило, не уход в чужой мир, а скорее возвращение в свой, в мир настоящего.

Приведем примеры, в которых потребление вина описано как открывающее портал для перехода из одного состояния или из одного времени в другое: (1) — *Ну-ка выпей, а там принесут, что тебе надо, — и Том передал мне бутылку. Действительно, я в этом нуждался. За два часа произошло столько событий, а главное, — так было все это непонятно, что мои нервы упали. Я не был собой; вернее, одновременно я был в гавани Лисса и здесь, так что должен был отделить прошлое от настоящего вразумляющим глотком вина, подобного которому не пробовал никогда* (Золотая цепь) [Грин, 1986а, с. 285—286]; (2) *И вот, как, может быть, ни покажется странным, меня вдруг захлестнул зверский мальчишеский голод, давно накапливавшийся среди подавляющих его впечатлений; я осушил высокий прозрачный стакан с черным вином, обрел самого себя и съел дважды все без остатка, почему тарелка вернулась полная в третий раз. Я оставил ее стоять и снова выпил вина* (Там же) [Грин, 1986а, с. 391]. В первом примере неожиданные события, произошедшие с Санди, влияют на его психологическое состояние (*Я был сам не свой*) и раздваивают его, заставляют испытывать ощущения пребывания в двух разных местах одновременно (*я был в гавани Лисса и здесь*), а значит, и в двух временных планах (прошлом и те-

кушем моменте). Средством, помогающим свести хронотоп в одну точку — здесь и сейчас, — является *вразумляющий глоток вина*. Во втором отрывке также отмечается имплицитное состояние раздвоенности из-за предыдущих событий и связанных с ними впечатлений, которые заставляют забыть о витальных потребностях (*голод, давно накапливавшийся среди подавляющих его впечатлений*). Возвращение к своему нормальному состоянию (*я <...> обрел самого себя*) и эксплицированная причина *осушил стакан с черным вином* позволяют сделать вывод о средстве для решения проблемы.

Наименования спиртного и разного рода блюд могут послужить обозначением временных границ, обрамляющих заполненный событием или деятельностью период. Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Мистификация сделалась их [у трех человек] религией. И они достигли в своем роде совершенства. Так, например, легенда о бриллианте в тысячу восемьсот каратов, ехидно и тонко обработанная ими меж бокалов шампанского и арией «Жоселена», произвела могучее действие, бросив тысячи проходимцев на поиски чуда к водопаду Альпетри, где, будто над водой, в скале, сверкало чудовище (Сердце пустыни) [Грин, 1986а, с. 485]; (2) Иди, девочка, и не забудь того, что сказал тебе я меж двумя глотками ароматической водки и размышлением о песнях каторжанников. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове! (Алые паруса) [Грин, 1980, с. 84].* Отрезок времени, с одной стороны, эксплицирует деятельность субъекта: в первом случае — это внешняя занятость (питье шампанского и слушание музыки), во втором — включается внутренняя рефлексия героя (питье водки и размышление о песнях), с другой стороны — маркирует границы результата, то есть указывает на начало и конец создания легенды о бриллианте (пример 1) или будущей истории Ассоль (пример 2).

В следующем отрывке проявляются два мира: мир настоящий, заполненный обедом, и мир фантазий, мечты, возникающий между элементами обеда (наименованиями блюд): *Геннисон съел обед, продолжая толковать с Джен о том, что они сделают, получив деньги. За шесть месяцев работы Геннисона для конкурса эти разговоры еще никогда не были так реальны и ярки, как теперь. В течение десяти минут Джен побывала в лучших магазинах, накупила массу вещей, переехала из комнаты в квартиру, а Геннисон между супом и котлетой съездил в Европу, отдохнул от унижений и нищеты и задумал новые работы, после которых придут слава и обеспеченность (Победитель) [Грин, 1986б, с. 550—551].* Как видно из примера, временной период представлен объективной мерой (*в течение десяти минут*) и субъективной, обозначенной последовательностью приема блюд во время обеда (сначала суп, затем котлета), и этот промежуток времени заполняется виртуальной реальностью, одним из возможных миров.

Итак, в художественном мире А. Грина спиртное соотносится с моментом перехода из одного состояния в другое и связывает смещенные временные планы или входит во временной диапазон, который заполняется как внешне видимой деятельностью, так и внутренней, которая находит свой исход в создании текста (легенды).

4. Выводы

В художественном мире А. Грина вино участвует в создании микро- и макромиров человека. С одной стороны, оно является маркером характера или статуса, например, участвует в формировании образа «настоящего» моряка как его «неизбежная» константа. Потребление вина выступает условием перехода из одного состояния в другое или средством обретения своей личности, а также возможностью перехода в другой мир — мир фантазии и мечты. С другой стороны, оно является частью эстетически оформленного окружения, обстановки, пира. В отличие от прозы второй половины XIX века, например, романов П. И. Мельникова-Печерского, где описания еды — это «раблезианское обилие и избыток» [Егоров, 2011, с. 33], включающий перечисление набора яств, их качества, в произведениях Грина — это мир цвета, мельчайших деталей, гармонии и красоты. Наименования спиртного используются как составная часть описания «праздника жизни», и они не содержат клишированных общепринятых оборотов и иронического подтекста в осмыслении, как например, названия напитков в произведениях Н. С. Лескова (см. подробнее [Димитриева, 2020]). Важным показателем ценности вина является такая его характеристика, как возраст, которая может включать дополнительные «легендарные» свойства и соотноситься с возрастом участников ситуации винопития.

Источники и принятые сокращения

1. *Абрамов Ф. А.* Повести и рассказы / Ф. А. Абрамов. — Ленинград: Лениздат, 1985. — 383 с.
2. *Гоголь Н. В.* Полное собрание сочинений : в 14 т. Т. 2 / Н. В. Гоголь. — Москва ; Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1937. — 763 с.
3. *Грин А. С.* Алые паруса ; Блестящий мир ; Золотая цепь ; Рассказы / А. С. Грин. — Москва : Художественная литература, 1986а. — 512 с.
4. *Грин А. С.* Алые паруса : Избранное / А. С. Грин. — Горький : Волго-Вятское книжное издательство, 1980. — 341 с.
5. *Грин А. С.* Бегущая по волнам : Романы и рассказы / А. С. Грин. — Ленинград : Лениздат, 1986б. — 639 с.
6. *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : в 15 т. Т. 4 / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1989. — 783 с.
7. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений : в 11 т. / Н. С. Лесков. — Москва : ГИХЛ, 1956—1968.

8. Толстой Л. Н. Воскресение / Л. Н. Толстой. — Сыктывкар : Коми книжное издательство, 1978. — 464 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградова Е. М.* Геометрия жизни сквозь «неправильное стекло» языка А. Грина / Е. М. Виноградова // Русский язык в школе. — 2005. — № 3. — С. 63—67.
2. *Джамбаева Ж. А.* Формы анализа и интерпретации художественного текста (на материале рассказа «Зеленая лампа» А. Грина) / Ж. А. Джамбаева // Слово — образ — речь: грани филологического анализа литературного произведения. — Ярославль : Литера, 2017. — С. 225—236.
3. *Димитриева О. А.* Особенности концептуализации ситуации винопития в произведениях Н. С. Лескова / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 70—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84.
4. *Димитриева О. А.* Вербализация вакхических действий в художественном мире Фёдора Абрамова / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2020. — № 12. — С. 39—53. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-39-53.
5. *Егоров О. Г.* Художественное время и пространство в дилогии П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» / О. Г. Егоров // Вестник МГСГИ. — 2011. — № 2 (6). — С. 25—38.
6. *Ключерова А. О.* Структура и функции метафор в произведениях А. С. Грина : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / А. О. Ключерова. — Москва, 2017. — 168 с.
7. *Ковский В. Е.* Романтический мир Александра Грина / В. Е. Ковский. — Москва : Наука, 1969. — 298 с.
8. *Ковиова М. Л.* Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры. — Москва : Гнозис, 2015. — 368 с.
9. *Лопуха А. О.* Фантастический мир Александра Грина / А. О. Лопуха // Проблемы исторической поэтики. — 1990. — № 1. — С. 112—114.
10. *Лопуха А. О.* Поэтическое в художественном мире А. С. Грина / А. О. Лопуха // Жанр и композиция литературного произведения. Историко-литературные и теоретические исследования : межвузовский сборник. — Петрозаводск : ПетрГУ, 1989. — С. 142—148.
11. *Михайлова Л. (Бройт Ц. М.).* Александр Грин: Жизнь. Личность. Творчество / Л. Михайлова. — Москва : Художественная литература, 1972. — 192 с.
12. *Михеева С. Л.* Символика цветowych прилагательных как средство выражения причинно-следственных отношений в художественном тексте / С. Л. Михеева // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей II Международного симпозиума. — Симферополь, 2018. — Т. 2. — С. 424—429.
13. *Михеева С. Л.* Цветовые прилагательные в художественном тексте: семантика и прагматика (на материале произведений А. Грина) / С. Л. Михеева // Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей III Международного симпозиума. — Симферополь, 2019. — Т. 2. — С. 322—328.
14. *Топоров В. Н.* Опыаняющий напиток / В. Н. Топоров // Мифы народов мира. Энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / гл. ред. С. А. Токарев. — Москва : Советская энциклопедия, 1992. — С. 256—258.
15. *Устинова Н. А.* Диалектная концептуализация иномирия через призму одного из элементов пищевого кода / Н. А. Устинова // Язык и культура. — 2011. — № 4 (16). — С. 69—77.

MATERIAL RESOURCES

- Abramov, F. A. (1985). *Novels and tales*. Leningrad: Lenizdat. 383 p. (In Russ.).
- Dostoevskiy, F. M. (1989). *Collected Works*. Leningrad: Nauka. Leningrad branch.15/4: 783 p. (In Russ.).
- Gogol, N. V. (1937). *Full composition of writings*. Moskva; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 2: 763 p. (In Russ.).
- Grin, A. S. (1980). *Scarlet Sails: Favorites*. Gorkiy: Volgo-Vyatka book publishing house. 341 p. (In Russ.).
- Grin, A. S. (1986a). *Scarlet Sails; Shining world; Gold chain; Stories*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 512 p. (In Russ.).
- Grin, A. S. (1989b). *Wave Runner: Novels and Stories*. Leningrad: Lenizdat. 639 p. (In Russ.).
- Leskov, N. S. (1956—1968). *Collected Works*. Moscow: GIKhL. 11. (In Russ.).
- Tolstoy, L. N. (1978). *Resurrection*. Syktyvkar: Komi book publishing house. 464 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Dzhambaeva, Zh. A. (2017). Forms of analysis and interpretation of a literary text (based on the story “The Green Lamp” by A. Grin). In: *Word — image — speech: facets of philological analysis of a literary work*. Yaroslavl: Litera. 225—236. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2020). Features of the conceptualization of the situation of wine drinking in the works of N. S. Leskov. *Scientific Dialogue*, 2: 70—84. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2020). Verbalization of bacchic actions in the artistic world of Fyodor Abramov. *Scientific Dialogue*, 12: 39—53. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-39-53. (In Russ.).
- Egorov, O. G. (2011). Artistic time and space in the dilogy of P. I. Melnikov-Pechersky “In the woods” and “On the mountains”. *MGSGI Bulletin*, 2 (6): 25—38. (In Russ.).
- Klyucherova, A. O. (2017). *Structure and Functions of Metaphors in Works of A. S. Grin: PhD Diss*. Moscow. 168 p. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2015). *Semantics of a headdress in culture and language. Costume culture code*. Moscow: Gnozis. 368 p. (In Russ.).
- Kovskiy, V. E. (1969). *The romantic world of Alexander Grin*. Moscow: Nauka. 298 p. (In Russ.).
- Lopukha, A. O. (1989). Poetic in the artistic world of A. S. Grin. In: *Genre and composition of a literary work. Historical, literary and theoretical research: interuniversity collection*. Petrozavodsk: PetrGU. 142—148. (In Russ.).
- Lopukha, A. O. (1990). The fantastic world of Alexander Grin. *Problems of Historical Poetics, I*: 112—114. (In Russ.).
- Mikhaylova, L. (Broyt, Ts. M.). (1972). *Aleksander Grin: A life. Personality. Creation*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 192 p. (In Russ.).
- Mikheeva, S. L. (2018). The symbolism of color adjectives as a means of expressing cause-and-effect relations in a literary text. In: *Russian language in the multicultural world: collection of scientific articles of II International Symposium*. Simferopol. 2: 424—429. (In Russ.).
- Mikheeva, S. L. (2019). Color adjectives in literary text: semantics and pragmatics (based on the works of A. Grin). In: *Russian language in a multicultural world: collec-*

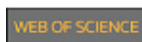

- tion of scientific articles III International symposium*. Simferopol. 2: 322—328. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1992). Intoxicating draught. In: *Myths of peoples of world. Encyclopedia*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. 2/2: 256—258. (In Russ.).
- Ustinova, N. A. (2011). Dialectal conceptualization of the other world through the prism of one of the elements of the food code. *Language and culture*, 4 (16): 69—77. (In Russ.).
- Vinogradova, E. M. (2005). The geometry of life through the “wrong glass” of A. Grin’s language. *Russian language at school*, 3: 63—67. (In Russ.).

Кириленко С. В. Трехкомпонентная система языкового планирования (на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков) / С. В. Кириленко // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 97—111. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-97-111.

Kirilenko, S. V. (2021). Three-Component System of Language Planning: A Case Study Tuvan, Kalmyk and Karelian. *Nauchnyi dialog*, 4: 97-111. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-97-111. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-97-111

Трехкомпонентная система языкового планирования (на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков)

Кириленко Светлана Владимировна
orcid.org/0000-0001-7902-6032
кандидат филологических наук, доцент
svetlanavk@inbox.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
и Немецкого научно-исследовательского
сообщества в рамках научного проекта
№ 21-512-12002 ННИО_а
«Методы прогнозирования и будущие
сценарии развития языковой политики
(на примере многоязычной
Российской Федерации)»

Three-Component System of Language Planning: A Case Study Tuvan, Kalmyk and Karelian

Svetlana V. Kirilenko
orcid.org/0000-0001-7902-6032
PhD in Philology, Associate Professor
svetlanavk@inbox.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by RFBR and DFG,
project number 21-512-12002 ННИО_а
“Prognostic methods and future scenarios
in language policy — multilingual
Russia as an example”

© Кириленко С. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выполнен обзор существующих подходов к исследованию проблемы языкового планирования. Изучаются особенности реализации его основных аспектов. Сопоставляются определения термина «языковое планирование» в отечественной и зарубежной социолингвистике. Изучается деятельность акторов на макроуровне и микроуровне языкового планирования. Уделяется внимание целям языкового планирования, в число которых входят не только работа над изменениями в сферах использования языка, но и противодействие речевому сдвигу, который в конечном итоге может привести к смерти языка. Языковое планирование рассматривается как совокупность трех основных направлений: статусного планирования, корпусного планирования и планируемого освоения языка. Представлены результаты сопоставительного анализа указанных компонентов в отношении некоторых титульных языков Российской Федерации: тувинского языка, калмыцкого языка и карельского языка. Утверждается, что престижное планирование — основа для успешного языкового прогнозирования. Подчеркивается важность учета как социального, так и политического компонентов в языковом прогнозировании. Актуальность исследования обусловлена необходимостью создания базы для последующего лингвопрогноза, что невозможно без аналитического оценивания существующей языковой ситуации.

Ключевые слова:

языковое планирование; языковое прогнозирование; языковые функции; говорящие; титульные языки; статусное планирование; корпусное планирование; планируемое овладение языком.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The review of existing approaches to the study of the problem of language planning is carried out. The features of the implementation of its main aspects are studied. The definitions of the term “language planning” in domestic and foreign sociolinguistics are compared. The activity of actors is studied at the macrolevel and microlevel of language planning. Attention is paid to the goals of language planning, which include not only work on changes in the areas of language use, but also counteraction to the speech shift, which can ultimately lead to the death of the language. Language planning is viewed as a combination of three main areas: status planning, corpus planning and planned language acquisition. The article presents the results of a comparative analysis of these components in relation to some of the title languages of the Russian Federation: Tuvan, Kalmyk and Karelian. It is argued that prestigious planning is the foundation for successful language forecasting. The importance of considering both social and political components in language forecasting is emphasized. The relevance of the study is due to the need to create a base for the subsequent linguistic forecast, which is impossible without an analytical assessment of the existing linguistic situation.

Key words:

language planning; language forecasting; language functions; speaking; title languages; status planning; corpus planning; planned language acquisition.

Трехкомпонентная система языкового планирования (на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков)

© Кириленко С. В., 2021

1. Введение

Языковые изменения — это изменения, касающиеся не только внутренней структуры языка, но и его функциональной составляющей — расширения или сужения сфер использования языка. Часть этих изменений происходит естественным образом, однако они могут являться и следствием языкового планирования, которое в той или иной мере реализуется в языковых сообществах по всему миру. Так, ведется изучение структурных изменений определенного языка, работа в области расширения его функций, увеличения числа говорящих на нем. Необходимость в языковом планировании обычно обусловлена сформировавшейся потребностью в корректировке языковых функций для определенного языкового сообщества.

Новизна предлагаемого исследования заключается в том, что языковое планирование рассмотрено как совокупность трех компонентов: статусного и корпусного планирования, а также планируемого освоения языка. Посредством применения данной модели в настоящей статье анализируются тувинский, калмыцкий и карельский языки Российской Федерации. Актуальность работы обусловлена тем, что определение и апробация перспективных рабочих методов языкового планирования являются важными составляющими анализа языковой ситуации для последующей выработки моделей языкового прогнозирования.

2. Основные подходы к анализу языкового поведения говорящих в аспекте языкового планирования в современной социалингвистике

Языковое планирование определяется в отечественной социальной лингвистике как «один из видов человеческой деятельности, направленной на решение языковых проблем» [ЯиО, с. 847]. В зарубежной социалингвистике этот термин трактуется в более узком смысле. Языковое планирование считается направлением прикладной лингвистики; «оно относится к преднамеренным и ориентированным на будущее действиям, целью которых является оказание влияния на язык или изменение в языковом поведении говорящих на этом языке» [DS, с. 173].

Языковое планирование может осуществляться на макроуровне, который включает в себя национальный или государственный уровни и пред-

полагает принятие мер по реализации решений в рамках существующей языковой политики. В этом случае акторами выступают государственные или правительственные организации. Работа на микроуровне языкового планирования заключается в анализе коммуникативных моделей, дискурса, вопросов идентичности этнических групп. Вопросами языкового планирования на микроуровне могут заниматься неправительственные организации (например, Французская академия или Королевская академия испанского языка), общественные организации (Австралийская федерация учителей современного языка), языковые активисты, в редких случаях отдельные личности. Норвежский лингвист Ивар Осен создал народный вариант норвежского языка ланнсмол («язык страны»), который стал основой современного новонорвежского языка.

Цели языкового планирования могут различаться. Обычно его целью является расширение сфер использования языка, увеличение возможностей получения образования на языке, стандартизация языкового варианта для улучшения коммуникации внутри языкового сообщества. Довольно частым случаем необходимости использования стратегий языкового планирования является противодействие языковому сдвигу, то есть процессу, при котором говорящие, обычно проходя через стадию билингвизма, отказываются от употребления своего языка. Также языковое планирование может служить инструментом продвижения лингвистического национализма.

Отдельные исследователи считают, что термин *языковое планирование* целесообразно считать синонимом термина *языковая политика* [Скачкова, 2015, с. 130] в связи с зависимостью этого феномена от политики, проводимой государством. Однако последнее понятие все же обычно связывают с более общими социальными, политическими, языковыми целями, которые лежат в основе практической деятельности специалистов, занимающихся языковым планированием, поэтому языковую политику можно считать одной из составляющих языкового планирования [Corper, 1989, с. 29].

Языковое планирование изначально реализовывалось в рамках политики «сверху-вниз» (top-down perspective), то есть главными акторами выступали организации, которые вели деятельность по языковому строительству на национальном или государственном уровнях [Tollefson, 2007, с. 4]. В процессе языкового строительства в России и деятельности по языковому планированию за рубежом велась работа по увеличению количества обучающихся языку и на языке, по его кодификации, создавались методические материалы. Ключевую роль здесь играли специалисты, занимающиеся вопросами языкового развития.

Современные тенденции в языковом планировании связаны с изучением деятельности социальных акторов в моделях реализуемой языковой

политики. Некоторые исследователи считают, что языковое планирование должно восприниматься как часть общей многослойной структуры, которая, метафорически выражаясь, напоминает «луковицу», где в каждом слое сосредоточены свои социальные акторы, реализующие решения языкового планирования либо обоснованно противостоящие им [Hornberger et.al, 2007].

В языковом планировании сочетаются два основных подхода: планирование политики деятельности (policy planning) (когда основное внимание уделяется языковой форме) и планирование совершенствования языка (cultivation planning) (основное внимание — функционированию языка) [Hornberger, 2006]. Существует также планирование использования языка (usage planning), целью которого является расширение сфер использования языка, чаще всего данная стратегия языкового планирования применяется в процессе работы с исчезающими языками.

Языковое планирование включает в себя различные виды деятельности: выработка языкового стандарта, выбор языка официального общения или обучения, установление диалектной базы для ранее бесписьменного языка, выбор письменной основы языка или ее изменение, поддержка миноритарных языков, систематизация научной терминологии и создание терминологических словарей.

Языковое планирование подразделяется на три основных направления деятельности: статусное планирование (функциональный статус языка), корпусное планирование (изменения в языковой структуре) и планируемое освоение языка (регулирование распределения языковых ресурсов). Корпусное планирование обычно является следствием статусного, так как первоначально необходимо изменение в наборе функций, а лишь за ним следуют изменения в корпусе.

Термин *статусное планирование* связан с регулированием потребности в языковых ресурсах, а также с языковым окружением, то есть со средой, в которой язык используется. В процессе статусного планирования ведется работа над языковыми функциями с точки зрения изменения языкового статуса у любых вариантов языка. Статус и распределение языковых вариантов в сообществе могут изменяться посредством статусного планирования. При этом принимаются в расчет официальная, символическая, региональная, интернациональная, образовательная, религиозная и другие функции языка [Corrêge, 2010, с. 99—116].

Термин *корпусное планирование* как новая номинация появился благодаря немецкому лингвисту Х. Клоссу в 1960-х годах. Языковой корпус обычно изменяется в соответствии с задачами, поставленными в рамках статусного планирования. Корпусное планирование можно определить как

лингвистический внутрисистемный аспект языкового планирования. Оно включает в себя все виды деятельности по работе с языковой структурой. Основные понятийные категории в корпусном планировании — это графизация (работа с алфавитом, системой письменности языка), стандартизация и модернизация. Изменения в письменности, фиксирование новых слов и терминов, создание грамматических справочников, подготовка словарей — все это и многое другое входит в корпусное планирование, которое часто является следствием произошедших в языке изменений в связи с расширением его коммуникативного функционала. Неязыковые цели также могут влиять на изменение корпуса языка, например, недавнее появление феминитивов в русском языке типа *блогерка*, *авторка* обусловлено тем, что их продвигают некоторые языковые активисты, однако, надо отметить, внедрение в речь такого рода номинаций не встречает какой-либо значимой поддержки у языкового коллектива.

Планируемое овладение языком (acquisition planning) — это организованные усилия, направленные на продвижение изучения языка, связанные с регулированием распределения языковых ресурсов. Термин был введен Робертом Купером в 1989 году. Обучение языку является основной задачей деятельности в контексте планируемого овладения языком. Этот вид языкового планирования имеет две направленности: улучшение возможностей изучения языка и создание стимулов для его изучения [Corper, 2010, с. 159].

Создание «языковых гнезд», курсов изучения языка для иммигрантов, изменения в письменности — все это относится к планируемому овладению языком. СМИ также могут быть задействованы в данном процессе. Так, новостные программы могут выпускаться в двух вариантах в зависимости от темпа речи дикторов, обычного и замедленного, и одновременно предлагается печатная версия этого выпуска. Например, на сайте voanews.com можно смотреть и слушать новостные англоязычные программы даже в зависимости от уровня владения языком: начального, среднего и продвинутого.

3. Аспекты языкового планирования на материале тувинского, калмыцкого и карельского языков

Рассмотрим современную языковую ситуацию в аспекте языкового планирования в Республике Тува, Республике Калмыкия и Республике Карелия.

3.1. Тувинский язык

Тувинский язык относится к категории уязвимых языков (vulnerable — так определяется статус этого языка в ЮНЕСКО [UNESCO]). За 60 лет тувинское население выросло более чем вдвое: от примерно 100 тысяч человек в 1959 году до 283 тысяч человек в 2010 году. Общее число говорящих на тувинском языке составляет около 253 тысяч человек. В настоящее вре-

мя тувинский язык обладает значительной функциональной мощностью идиома. Наиболее важным фактором, оказывающим положительное влияние на стабильность тувинского языка, является компактность проживания говорящих [Цыбенова, 2019, с. 471].

В рамках *статусного планирования* компоненты, необходимые для продвижения тувинского языка, в настоящее время развиты в значительной степени. Проводится обучение на языке, издаются нормативные акты, в суде и правоохранительных органах предоставляется перевод на тувинский. При этом социальная престижность тувинского языка находится на недостаточно высоком уровне, необходимом для его развития [Серээдар, 2018, с. 14], что влечет за собой снижение показателей речевой компетенции молодежи, отказ родителей от изучения родного языка их детьми в школах, в плане межпоколенческой передачи языка также намечаются негативные тенденции. В целом можно сказать, что в настоящее время тувинский язык находится в функциональной дополнителности по отношению к русскому языку, в связи с тем что «доминантными сферами использования тувинского языка сегодня являются неофициальные сферы, а именно семейно-бытовая и межличностного общения» [Цыбенова, 2013, с. 20].

Корпусное планирование тувинского языка находится в стадии становления, продолжается работа над выработкой функционально-терминологической основы языка. Тувинский язык является младописьменным. В 1930-е годы письменной основой была латиница, но в 1940-е годы был введен русский алфавит с тремя дополнительными буквами. Развитие языковой системы осложнялось тем, что «как социальная норма образование сложилось в Туве в 50—60-е гг. XX в., до данного периода основная масса населения оставалась неграмотной» [Там же, с. 12]. В постановлении «Об утверждении государственной программы Республики Тыва “Развитие тувинского языка на 2017—2020 годы”» отмечается, что многие задачи в части корпусного планирования еще не решены: требуется выработка языковой нормы тувинского языка, систематизация терминологии, используемой в ФГОС, существует нехватка учебной литературы в школе.

В области *планируемого овладения* тувинским языком ситуация осложняется современным сужением функций и сфер его применения, он мало востребован за стенами школы (в дальнейшем обучении, на работе). По данным министерства образования за 2018 год (более поздние данные в настоящее время недоступны), обучение на тувинском языке реализуется среди примерно 17 тысяч учащихся в 27 городских и 122 сельских школах, в основном это учащиеся 1—4 классов, учащиеся среднего звена составляют около 10 %. Около 22 тысяч школьников изучают тувинский язык как предмет [МОН].

Таким образом, можно сделать вывод, что необходима выработка дополнительных стратегий в отношении всех аспектов языкового планирования тувинского языка с целью предотвращения негативных последствий сдвига, который в настоящее время наблюдается в молодёжной языковой среде [Боргоякова и др., 2020, с. 50]. О важности языкового планирования свидетельствует сохраняющийся высокий уровень лояльности тувинцев к своему языку [Дырхеева и др., 2020, с. 67].

3.2. Калмыцкий язык

Калмыцкий язык относится к категории исчезающих языков (*definitely endangered* — уровень витальности по ЮНЕСКО). За 60 лет этническая группа увеличилась примерно в два раза: от 100 603 человек в 1959 году до 183 372 человек в 2010 году. Количество говорящих на калмыцком языке в РФ по показателям за 2010 год составляет около 80 тысяч человек [ВПН].

В отношении *статусного планирования* можно сказать, что функциональные компоненты калмыцкого языка развиты незначительно. Практика многоязычного общения в школах реализуется преимущественно в начальном звене. В административной, правительственной и судебной сферах калмыцкий язык используется мало [ЯиО, с. 195]. Межпоколенная передача языка находится под угрозой, так как для «молодых людей и подростков (1980—1990-х годов рождения) и детей (2000-ых годов рождения) родным языком является русский, калмыцким они владеют в рамках школьной программы» [Баранова, 2009, с. 36].

Хотя *корпусное планирование* калмыцкого языка в части кодификации имеет давнюю историю и калмыцкий язык является старописьменным, литературная норма в нем начала складываться только в 1930-е годы [ЯиО, 2016, с. 192]. Отмечается существование литературного и разговорного вариантов языка. Интересен тот факт, что устная и письменная формы языка используются возрастными группами по-разному: у пожилых людей преобладает устная форма, а у молодежи — письменная [Баранова, 2009, с. 34—35]. В целом важно отметить, что языковая лояльность среди калмыков высокая, курсы и интернет-сообщества по изучению языка пользуются большой популярностью [Кованова и др., 2019, с. 1102].

В области *планируемого овладения* калмыцким языком сложилась противоречивая ситуация. Калмыцкий является языком воспитания (преимущественно в начальной школе) и языком обучения. Около 3 тысяч учеников изучают калмыцкий как родной, на 90 % это ученики начальных классов. Как язык обучения калмыцкий преподается в начальной и средней школе примерно в равных количественных показателях, 7 и 9 тысяч учеников соответственно, но в старшей школе его изучают только 2,4 тысячи учащихся [МОН]. При этом наблюдаются сложности с методиче-

скими материалами и самой методикой обучения (преподается литературный вариант языка, возникают трудности с его разговорной формой). Поднимается вопрос о необходимости «перехода на преподавание калмыцкого языка как иностранного» [Кованова и др., 2019, с. 1102]. Проводятся стандартизированные испытания на языке: в 2008 году в старших классах появились обязательные экзамены на знание калмыцкого языка и калмыцкой литературы.

Резюмируя приводимые выше данные, можно высказать предположение о том, что в отношении калмыцкого языка актуальной будет работа с публичной престижностью языка, так как другая — скрытая — престижность, распространенная в анклавах и локальных сообществах, по всей видимости, сохраняется на высоком уровне, о чем свидетельствуют данные исследований [Баранова, 2009; Bitkeeva, 2011].

3.3. Карельский язык

Карельский язык относится к категории исчезающих языков (definitely endangered — так определяется статус этого языка в ЮНЕСКО [UNESCO]). За 60 лет количество карелов сократилось примерно втрое: с 130 929 человек в 1959 году до 45 570 человек в 2010 году. Общее число говорящих на карельском языке составляет около 25 тысяч человек, причем в самой республике Карелия проживает около 15 тысяч говорящих [ВПН]. В 2009 году был утвержден план комплексных мероприятий «Развитие Карельского языка в Республике Карелия на 2009—2020 годы» с целью сохранения и развития карельского языка в регионе, однако, по всей видимости, результаты принятых мер окажутся скромными.

В рамках *статусного планирования* компоненты, необходимые для продвижения карельского языка, практически не развиты. Почти отсутствует общение на карельском языке в системе школьного и высшего образования. Устный и письменный перевод на карельский язык в государственных учреждениях не осуществляется в связи с тем, что этот язык, хотя он и является титульным, не получил статуса официального языка республики. Необходима поддержка карельского языка в сфере семейного общения, поскольку межпоколенческая передача языка угасает. Большинство говорящих — это люди старшего возраста. Молодежь и люди среднего возраста слабо владеют карельским языком.

Корпусное планирование карельского языка находится в стадии становления. Карельский язык является новописьменным. В период языкового строительства предпринимались попытки создания алфавита для карельского языка и на кириллице, и на латинице. Однако лишь в апреле 1989 года был утвержден латинский алфавит для карельского языка. В связи с тем, что у карельского языка есть языковые варианты (карельский,

ливвиковский и людиковский), до сих пор ведутся дискуссии о выработке единой языковой нормы, создании стандарта языка.

В 2019 году зарегистрированы 4 газеты и 1 журнал, также вышли из печати 11 книг, что немногим выше, чем, скажем, в 2012 году, в котором было 3 газеты, 1 журнал и 4 книги [РКП]. В онлайн-сфере ситуация, напротив, развивается более активно. На карельский язык был переведен интерфейс ВКонтакте. В Википедии «на ливвиковском наречии написано около трех тысяч статей, которые обновляются силами примерно 100 человек» — учеными финского университета [ПЗ]. Существуют онлайн-словари на карельском языке. Начали создаваться онлайн-библиотеки, например, в электронной библиотеке Тверской области есть несколько изданий на карельском языке.

В отношении *планируемого овладения* карельским языком сложилась непростая ситуация. Мотивация к изучению языка у школьников развита слабо. У учителей карельского языка большие сложности с трудоустройством. В Петрозаводском госуниверситете примерно 20 человек выпускались ежегодно (с 1991 по 2009 год) с дипломом «учитель карельского языка», в 2016 году это число сократилось до нуля [PD]. Впоследствии эту специальность объединили с финским языком и литературой в профиле «Зарубежная филология».

Согласно данным министерства образования за 2018 год, обучение на карельском языке не проводится. Карельский язык как предмет в 2018 году преподавался в 6 городских и 15 сельских школах. Общее количество обучающихся составило 1758 человек, две трети из них — это ученики начальной школы [МОН]. По сравнению с 1993 годом количество школьников, изучающих карельский язык, немного снизилось (1,8—2,2 тысячи учащихся изучали карельский в 1993 году) [PD]. Стандартизированные испытания на знание карельского языка можно пройти в форме ОГЭ, также при участии в олимпиадах. В 2019 году 14 человек сдали ОГЭ на карельском языке, в 2018 этот экзамен сдавали 20 школьников [MF].

Подводя итоги вышесказанному, можно заключить, что, по всей видимости, необходима работа с престижным планированием карельского языка с целью повышения лояльности к нему языкового сообщества карелов.

4. Трудности лингвопрогноза в языковом планировании

Языковое планирование ставит своей целью выработку оптимальной программы для функционального развития языка. В свою очередь языковое прогнозирование является одним из направлений деятельности языкового планирования. Оно направлено на выработку предположений относительно будущего развития языка в целом либо отдельных сфер его функционирования. Языковое прогнозирование — это «исследование конкретных перспек-

тив развития как отдельного языка, его внутренней структуры, так и языковой ситуации в той или иной социальной общности» [ЯиО, с. 847]. Для того чтобы языковое прогнозирование стало эффективным инструментом деятельности языкового планирования, требуется сочетание двух факторов: «во-первых, высокая степень вовлеченности государственных структур и общественных организаций в сферу сохранения языков, языкового многообразия в целом, во-вторых, участие самих языковых общностей в процессе создания и культивации идеологием, способствующих формированию образа перспективного современного языка» [Биткеева и др., 2019, с. 19].

В целом лингвопрогноз в отношении мер, принимаемых в рамках языкового планирования, является весьма непростой задачей. Несмотря на кажущиеся очевидными преимущества билингвального обучения, родители зачастую отказываются отдавать своих детей в подобные классы или школы. Письменность, создаваемая для бесписьменного языка, может оказаться не принятой говорящими, как произошло, к примеру, с яналифом, созданным для тюркских языков в 1920—30-е годы в СССР. Усилия государства, направленные на подготовку учителей, обучающихся языку, в некоторых случаях не получают поддержки в профессиональной среде. «В последнее десятилетие отчетливо проявилась проблема трудоустройства выпускников, имеющих квалификацию учителей карельского и вепсского языков — с 2003 г. вакансии учителей этого профиля практически не предлагались» [PD]. Развертывание программы обучения родному языку тоже иногда бывает осложнено сопротивлением со стороны говорящих на этом языке. В. М. Алпатов отмечает, что, хотя в процессе реализации национально-языковой политики в 1920—30-е годы не отмечалось какого-либо значимого противодействия, все же на местах иногда возникали трудности: «Кое-где на Северном Кавказе первых учителей родного языка расстреливали вместе с их букварями» [Алпатов, 2000, с. 46]. Программы изучения языка в школьном образовании, равно как и научная терминология, создаваемая в целях расширения сфер использования языка, могут оказаться невостребованными говорящими на этом языке в связи с низкой престижностью языкового варианта.

5. Заключение

Проанализировав языковое планирование на материале карельского, калмыцкого и тувинского языков с помощью трех описанных выше компонентов, можно сделать несколько выводов:

— статусное планирование карельского и калмыцкого языков требует значительной доработки, тогда как статусное планирование тувинского языка находится на высоком уровне;

— корпусное планирование находится в стадии становления у всех трех рассмотренных языков;

— планируемое овладение языком требует решения задачи с престижным планированием для всех рассмотренных языков, без этого невозможно расширение сфер их применения, а следовательно, невозможно и расширение сферы применения этого компонента языкового планирования.

Важно отметить, что языковое планирование нужно рассматривать во взаимосвязи с политическим и социальным состоянием конкретного языкового сообщества. Прежде всего необходимо определить, насколько актуальными для рассматриваемого сообщества будут являться меры по расширению функционального потенциала языка. Сочетание социального и символического аспектов использования языка, восприятие его говорящими, их отношение не только к языковому стандарту, но и к вариантам языка — все это нужно принимать во внимание при построении моделей языкового развития.

Успешное достижение целей языкового планирования возможно лишь в результате грамотного стратегического построения этапов языкового планирования с проведением анализа перспектив языкового развития в сложившейся языковой ситуации и разработки прогностических моделей языковой динамики, которая станет следствием сознательного воздействия на язык.

Источники и принятые сокращения

1. ВПН — *Всероссийская перепись населения 2010* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения 21.10.2020).

2. МОН — *Реестр* открытых данных Министерства образования и науки РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://xn-8sbldzzacvuc0jbg.xn-80abucjiibhv9a.xn-p1ai/opendata/> (дата обращения 21.10.2020).

3. ПЗ — *Петрозаводск говорит* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ptzgovorit.ru/news/v-vikipedii-poyavilis-stranicy-na-karelskom-yazyke> (дата обращения 21.10.2020).

4. РКП — *Книжная палата* : статистический учет печатной продукции России [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.bookchamber.ru/statistics.html> (дата обращения 21.10.2020).

5. ЯиО — *Язык и общество* : энциклопедия. — Москва : Азбуковник, 2016. — 872 с. — ISBN 978-5-91172-129-9.

6. DS — *A Dictionary of Sociolinguistics* / Joan Swann, etc. — Edinburgh University Press, 2012. — 368 p. — ISBN 0-7486-1690-X.

7. MF — *Интернет-издание Mel.fm*. Кто и зачем сдаёт карельский язык на ОГЭ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://mel.fm/shkola/1824975-karelian-language> (дата обращения 21.10.2020).

8. PD — *Pandia.ru*. Интернет-издание. Карельский язык в системе образования Республики Карелия [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://pandia.ru/text/78/024/5226.php> (дата обращения 21.10.2020).

9. UNESCO [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/language-vitality (дата обращения 21.10.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алпатов В. М.* 150 языков и политика 1917—2000 : социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства / В. М. Алпатов. — Издание 2-е, дополненное. — Москва : Крафт ; ИВ РАН, 2000. — 224 с. — ISBN 5-89282-022-X.

2. *Баранова В. В.* Языковая ситуация в Калмыкии : социолингвистический очерк / В. В. Баранова // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*. — 2009. — Том V, часть 2. — С. 22—41.

3. *Биткеева А. Н.* Прогнозирование и языковое многообразие в РФ / А. Н. Биткеева, М. Вингендер, В. Ю. Михальченко // *Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание*. — 2019. — Т. 18, № 3. — С. 6—23. — DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>.

4. *Боргоякова Т. Г.* Тувинский язык в правовом и функциональном измерении [Электронный ресурс] / Т. Г. Боргоякова, А. Н. Биткеева // *Новые исследования Тувы*. — 2020. — № 1. — С. 50—61. — Режим доступа : <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914> (дата обращения 21.10.2020).

5. *Дырхеева Г. А.* Языковые установки и языковая лояльность носителей малых языков в условиях национально-русского двуязычия (на примере бурят и тувинцев) / Г. А. Дырхеева, Ч. С. Цыбенова // *Новые исследования Тувы*. — 2020. — № 1. — С. 62—74.

6. *Кованова Е. С.* Этнокультурная безопасность и проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии / Е. С. Кованова, Н. В. Бадаева, Р. А. Удаев, С. Г. Алексеев // *Oriental Studies*. — 2019. — № 12 (6). — С. 1096—1106. — DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106 (дата обращения 21.10.2020).

7. *Серээдар Н. М.* Тувинский язык как средство общения тувинцев : проблемы и перспективы / Н. М. Серээдар // *Новые исследования Тувы*. — 2018. — № 1. — С. 4—19. — DOI: 10.25178/nit.2018.1.1.

8. *Скачкова И. И.* Языковая политика и языковое планирование : определение понятий / И. И. Скачкова // *Политическая лингвистика*. — 2015. — № 1 (51). — С. 126—131.

9. *Цыбенова Ч. С.* Современная языковая ситуация в Республике Тыва : социопсихолингвистический аспект : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Ч. С. Цыбенова. — Улан-Удэ, 2013. — 24 с.

10. *Цыбенова Ч. С.* Социальная характеристика языковой ситуации в Республике Тыва / Ч. С. Цыбенова // *Oriental Studies*. — 2019. — № 3. — С. 460—477. — DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477.

11. *Bitkeeva A. N.* The role of the Community and language policy in Kalmyk language revitalization initiatives / A. N. Bitkeeva // *Indigenous languages across the generations — strengthening families and communities*. Arizona State University Center for Indian education. — 2011. — Pp. 321—329.

12. *Cooper R. L.* Language planning and social change / R. L. Cooper. — Cambridge University Press, 2010. — 216 p. — ISBN 0-521-33359-8.

13. *Hornberger N. H.* Frameworks and models in language policy and planning / N. H. Hornberger // *An Introduction to Language Policy. Theory and method*. — Malden, MA : Blackwell Publishing, 2006. — Pp. 24—41.

14. Hornberger N. H. "Slicing the Onion Ethnographically : Layers and Spaces in Multilingual Language Education Policy and Practice." / N. H. Hornberger, D. C. Johnson // *TESOL Quarterly*. — 2007. — Vol. 41, № 3. — Pp. 509—532.

15. Ricento T. Unpeeling the onion : Language planning and policy and the ELT professional / T. Ricento, N. H. Hornberger // *TESOL Quarterly*. — 1996. — Vol 30. — № (3). — Pp. 401—427.

16. Tollefson J. W. Language planning in education / Kendall A. King, Nancy H. Hornberger (eds.) // *Encyclopedia of Language and Education* (10 volume set). 2nd Edition. — Springer, 2007. — Volume 1. — ISBN-13 978-0-387-32875-1.

MATERIAL RESOURCES

DS — *A Dictionary of Sociolinguistics*. (2012). Edinburgh University Press. 368 p. ISBN 0-7486-1690-X.

MF — *Online publication Mel.fm. Who and why passes the Karelian language at the OGE*. Available at: https://mel.fm/shkola/1824975-karelian_language (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

MON — *Register of open data of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation*. Available at: <http://xn-8sbldczzaqvuc0jbg.xn-80abucjiibhv9a.xn-p1ai/opendata/> (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

PD — *Pandia.ru. Online publication. Karelian language in the education system of the Republic of Karelia*. Available at: <https://pandia.ru/text/78/024/5226.php> (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

PZ — *Petrozavodsk speaks*. Available at: <https://ptzgovorit.ru/news/v-vikipedii-poyavilis-stranicy-na-karelskom-yazyke> (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

RCP — *Book Chamber: statistical accounting of printed products in Russia*. Available at: <http://www.bookchamber.ru/statistics.html> (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

UNESCO. Available at: www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/language-vitality (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

VPN — *All-Russian Population Census 2010*. Available at: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 21.10.2020). (In Russ.).

YaiO — *Language and Society: Encyclopedia*. (2016). Moscow: Azbukovnik. 872 p. ISBN 978-5-91172-129-9. (In Russ.).

REFERENCES

Alpatov, V. M. (2000). *150 languages and politics 1917—2000: sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space*. Moscow: KRAFT; IV RAS. 224 p. ISBN 5-89282-022-X. (In Russ.).

Baranova, V. V. (2009). The linguistic situation in Kalmykia: a sociolinguistic essay. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research, V (2)*: 22—41. (In Russ.).

Bitkeeva, A. N. (2011). The role of the Community and language policy in Kalmyk language revitalization initiatives. In: *Indigenous languages across the generations — strengthening families and communities*. Arizona State University Center for Indian education. 321—329.

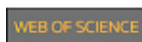

- Bitkeeva, A. N., Wingender, M., Mikhaltchenko, V. Yu. (2019). Forecasting and linguistic diversity in the Russian Federation. *Bulletin of the Volga State University. Series 2 Linguistics*, 18 (3): 6—23. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.3.1>. (In Russ.).
- Borgoyakova, T. G., Bitkeeva, A. N. (2020). Tuvan language in the legal and functional dimension. *New studies of Tuva*, 1: 50—61. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/914> (accessed 21.10.2020). (In Russ.).
- Cooper, R. L. (2010). *Language planning and social change*. Cambridge University Press. 216 p. ISBN 0-521-33359-8.
- Dyrheeva, G. A., Tsybenova, Ch. S. (2020). Language settings and language loyalty of native speakers of small languages in the conditions of national-Russian bilingualism (on the example of Buryats and Tuvinians). *New studies of Tuva*, 1: 62—74. (In Russ.).
- Hornberger, N. H. (2006). Frameworks and models in language policy and planning. In: *An Introduction to Language Policy. Theory and method*. Malden, MA: Blackwell Publishing. Pp. 24—41.
- Hornberger, N. H., Johnson, D. C. (2007). “Slicing the Onion Ethnographically: Layers and Spaces in Multilingual Language Education Policy and Practice.” *TESOL Quarterly*, 41 (3): 509—532.
- Kovanova, E. S., Badmaeva, N. V., Udaev, R. A., Alekseev, S. G. (2019). Ethnocultural security and problems of language preservation in Kalmykia and Buryatia. *Oriental Studies*, 12 (6): 1096—1106. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1096-1106 (accessed 21.10.2020). (In Russ.).
- Ricento, T., Hornberger, N. H. (1996). Unpeeling the onion: Language planning and policy and the ELT professional. *TESOL Quarterly*, 30 (3): 401—427.
- Sereedar, N. M. (2018). Tuvan language as a means of communication of Tuvans: problems and prospects. *New studies of Tuva*, 1: 4—19. DOI: 10.25178/nit.2018.1.1. (In Russ.).
- Skachkova, I. I. (2015). Language policy and language planning: definition of concepts. *Political linguistics*, 1 (51): 126—131. (In Russ.).
- Tollefson, J. W. (2007). Language planning in education. In: *Encyclopedia of Language and Education (10 volume set)*, 1. 2nd Edition. Springer. ISBN-13 978-0-387-32875-1.
- Tsybenova, Ch. S. (2013). *Modern language situation in the Republic of Tyva: sociopsycholinguistic aspect*: author’s abstract of PhD Diss. Ulan-Ude. 24 p. (In Russ.).
- Tsybenova, Ch. S. (2019). Social characteristics of the language situation in the Republic of Tyva. *Oriental Studies*, 3: 460—477. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-460-477. (In Russ.).

Моштылева Е. С. Взаимодействие нарративного и лирического начал в текстах современных музыкальных исполнителей / Е. С. Моштылева // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 112—128. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-112-128.

Moshtyleva, E. S. (2021). Interaction of Narrative and Lyrical Principles in Texts of Contemporary Musical Performers. *Nauchnyi dialog*, 4: 112-128. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-112-128. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-112-128

Взаимодействие нарративного и лирического начал в текстах современных музыкальных исполнителей

Моштылева Екатерина Сергеевна

<https://orcid.org/0000-0002-4992-1009>

старший преподаватель
кафедры судебной экспертизы
юридического факультета;
соискатель кафедры теоретической и
прикладной лингвистики Института
филологии и журналистики
moshtyleva@unn.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Interaction of Narrative and Lyrical Principles in Texts of Contemporary Musical Performers

Ekaterina S. Moshtyleva

<https://orcid.org/0000-0002-4992-1009>

Senior Lecturer, Department of Forensic
Science of the Faculty of Law;
Post-graduate student, Department
of Theoretical and Applied Linguistics,
Institute of Philology and Journalism
moshtyleva@unn.ru

National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Моштылева Е. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлено комплексное лингвистическое исследование функциональных особенностей языковой и коммуникативно-прагматической организации нарратива в интернет-тексте. Изучается взаимопроникновение нарративного и лирического начал в пределах одного произведения. Материалом для исследования послужил текст хипхопера «Орфей & Эвридика», размещённой на ресурсе «Яндекс.Музыка». Использована комплексная методика интерпретации нарративных стратегий, основанная на методах функционально-стилистического, коммуникативно-прагматического и лексико-семантического анализа. Рассматриваются особенности функционирования лирического текста внутри нарратива и их взаимоотношения. Показано, какую роль играет мифологизация нарративного текста. Новизна исследования видится в том, что описаны отношения нарративности и лиричности в произведении. Устанавливаются детерминанты нарративности хипхопера. Рассматривается структура нарративного текста с элементами лиричности. Проведен анализ особенностей языкового воплощения нарраторов и актантов. Автор останавливается на коммуникативно-функциональной структуре исследуемого текста, описывая специфические функции нарратива с фрагментами лиричности. На основе функционального и лингвопрагматического исследования текста хипхопера разработана модель определения ведущего типа когнитивного моделирования (нарратив или лирика).

Ключевые слова:

нарратив; лирика; формы повествования; тексты рэп-исполнителей; хипхопера; Орфей & Эвридика; прагматика художественного текста.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A comprehensive linguistic study of the functional features of the linguistic and communicative-pragmatic organization of narrative in text materials posted on the Internet platform is presented. Particular attention is paid to how the interpenetration of the narrative and lyrical principles occurs within one work. The material for the research was the text of the hip-hop opera "Orpheus & Eurydice" posted on the resource "Yandex. Music". A complex technique of interpretation of narrative strategies based on the methods of functional-stylistic, communicative-pragmatic and lexical-semantic analysis was used. The question is raised about the peculiarities of the functioning of the lyric text within the narrative and about their relationship. The role played by the mythologization of the narrative text is shown in the article. The novelty of the research is seen in the fact that the author describes the relationship between narrative and lyricism in the work. The question of establishing the determinants of hip-hop narrative is raised. The structure of a narrative text with elements of lyricism is considered. The results of the analysis of the peculiarities of the linguistic embodiment of the narrators and actants are presented. The author dwells on the communicative-functional structure of the studied text, describing the specific functions of the narrative with fragments of lyricism. A model for determining the leading type of cognitive modeling (narrative or lyrics) through the functional and linguopragmatic study of the hip-hop text is proposed.

Key words:

narrative; lyrics; narrative forms; lyrics by rap artists; hip-hop opera; Orpheus & Eurydice; pragmatics of literary text.

Взаимодействие нарративного и лирического начал в текстах современных музыкальных исполнителей

© Моштылева Е. С., 2021

1. Введение

Современные когнитивно ориентированные представления о нарративе базируются на признании повествования как первичной формы моделирования, организации и ретрансляции информации не только в художественном тексте, но и в обыденной коммуникации. В формате нарратива люди передают друг другу знания о мире, обобщают и делают доступным для всех возможных участников речевой коммуникации внутри той или иной лингвокультуры опыт взаимодействия с действительностью. Пробразом нарратива в этом плане выступает высказывание, оформленное по модели обычного повествовательного предложения [Радбиль, 2017, 2019].

Поэтому нарратив — это наиболее привычный для человека формат хранения и передачи знания о мире, самая простая форма речевого сообщения и самоочевидное средство реализации коммуникативных намерений одновременно. Альтернативный нарративу способ изображения и ретрансляции для других того, что происходит с человеком, — это лирика, взгляд на мир «изнутри». И в художественном тексте, и в обыденном речевом взаимодействии нарратив и лирика как разные формы мыслительной интерпретации реальности могут органично сосуществовать, взаимодействовать и переплетаться в пределах одного фрагмента дискурса в зависимости от выбора говорящим той или иной позиции по отношению к изображаемому, от характера его интенций в тот или иной момент.

Изучение нарративной стратегии повествования должно основываться на фундаментальных разработках в теории нарратива [Барт, 1989; Бахтин, 1997; Гинзбург, 1977, 1979; Корман, 1972; Радбиль, 2017, 2019; Соколов, 1968; Тюпа, 2017; Успенский, 1995; Шмид, 2003].

Повествование выстраивается через мировосприятие автора, выражая типовые коммуникативные намерения. К примеру, действительность нарратива как манипулятивного приёма объясняется риторикой с тех позиций, что повествовательные речевые акты — всегда наиболее сильные и надёжные доводы [Луканина, 2014]. Лирика — результат интроспективного преобразования «внешнего» во «внутреннее»; интенциональность в лирической форме чаще упрятана в имплицатуры — скрытые или косвенные смыслы.

Нарративность противопоставляется описательности и дескриптивности, её суть в изображении событий [Шмид, 2003, с. 10]. Нарратив репрезентативен, иногда он выражает нарраторскую оценку события [Кваскова, 2018, с. 334—336]. Лирика же перформативна, «её задача — вырвать сознание из плена дискурсивного мышления, взорвать линейность и синтагматичность речи <...> подняться над временем и пространством обыденности» [Радбиль, 2019, с. 175]

О нарративе говорят как о рассказывании: «Оно существует повсюду, во все времена, в любом обществе; рассказывать начали вместе с началом самой человеческой истории; <...> преодолевая национальные, исторические и культурные барьеры, оно присутствует в мире, как сама жизнь» [Барт, 2000, с. 196]. Здесь «не только повествуется (нарратором) история, но также изображается (автором) повествовательный акт. Таким образом, получается характерная для повествовательного искусства двойная структура коммуникативной системы, состоящей из авторской и нарраторской коммуникаций, причем нарраторская коммуникация входит в авторскую как составная часть изображаемого мира» [Шмид, 2003, с. 35].

Нарратив характеризуется тремя началами: интенциональность субъекта по отношению к изображаемому; моделирование референта и предиката с определенной точки зрения, дистанцированной во времени и мысленно отстоящей, внеположенной (трансгредиентной) по отношению к изображаемому; обязательная адресованность в коммуникативном акте [Радбиль, 2017].

М. М. Бахтин отмечал двоякую событийность текстообразования: «Перед нами два события: событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (в этом последнем мы и сами участвуем как слушатели-читатели); события эти происходят в разные времена (различные и по длительности) и на разных местах, и в то же время они неразрывно объединены в едином, но сложном событии, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте <...> Мы воспринимаем эту полноту в ее целостности и нераздельности, но одновременно понимаем и всю разность составляющих ее моментов» [Бахтин, 1997, с. 403].

Как уже говорилось выше, нарратив не есть исключительная принадлежность художественного слова. Нарративные структуры сегодня распространены в большинстве типов дискурса, в том числе — в интернет-коммуникации. Нарративы пронизывают электронные СМИ, сферу блоггинга, социальные сети, разнообразные контент-ресурсы — все основные коммуникативные платформы.

Большинство повествовательных форм в интернете похожи на те, что изучает классическая лингвистическая нарратология, однако всё чаще

можно обнаружить трансформированные модели нарратива, характеризующиеся синхронными изменениями моделирования реальности.

Современная лингвопоэтика ориентируется на два основных типа когнитивного моделирования: нарративность и лиричность [Радби́ль, 2019, с. 178], причём повествователь волен выбирать разные способы взгляда на мир в целях их последующего текстового оформления.

Одной из наиболее ярких актуализаций нарративной структуры в интернете являются тексты рэп-исполнителей, транслирующие определённые модели поведения, культурные коды, идеи и ценности через повествовательные структуры. Проблема тематического наполнения рэп-текстов сегодня активно разрабатывается как в отечественной науке, так и в зарубежной [Бойченко, 2020].

В современной лингвистике нарратива взгляды на соотношение нарративности и лиричности разнятся. В. Шмид допускает их взаимопроникновение, указывая на орнаментальную прозу — прозаический текст с поэтическими компонентами [Шмид, 2003, с. 106]. В. Ю. Тюпа называет лирику *перформативной* в противоположность *нарративным* репрезентациям: «Субъект перформативного слова не свидетель событийного действия и не рассказчик о нем, а сам действователь» [Тюпа, 2012, с. 11]. Нарративной считает лирику Л. В. Татару, аргументируя тем, что, во-первых, лирические произведения рассказывают о событиях; во-вторых, «события эти опосредуются мыслями и / или голосом лирического героя или нарратора»; и, в-третьих, восприятием стихотворения она называет «результат реконструкции читателем ментальной репрезентации истории, отражающей опыт ее переживания героем» [Татару, 2013]. А. А. Чевтаев, критикуя такой исследовательский подход, тем не менее, признаёт возможность наррации в лирике [Чевтаев, 2013].

2. Нарративность и лиричность современного рэп-текста

Среди наиболее распространенных тематических областей русскоязычного рэп-текста называют историю жизненного пути. Социологи полагают, что такие рэп-истории способны сформировать у аудитории идею важности поиска себя, своего пути и места в жизни. Также среди наиболее часто воспроизводимых в разнообразных вариациях тем указывают тему (несчастной) любви, смерти, рэп-творчества и др. [Бойченко, 2020].

Рэп-тексты обычно выражают смыслы, доступные для представителей любого социокультурного уровня и рассчитанные на массового адресата. По своей форме это устная речь разговорного стиля с различными жанрово-стилевыми вкраплениями. Текущие тенденции русскоязычной рэп-музыки могут свидетельствовать о том, что всё больше исполнителей

(часто это и непосредственные авторы) стремятся показать целостность творчества, единство музыкального альбома как художественного произведения. Композиции связаны между собой глобальным замыслом, общей идеей. По этой причине некоторые рэп-альбомы следует воспринимать в качестве текста в широком его понимании («макротекста») и исследовать только в совокупности, не отделяя одну композицию от остальных. Подобное обособление чревато неверной интерпретацией, коммуникативным «провалом» и нарушением семантических связей.

Рэп-речь (подобно любой устной речи) может характеризоваться как подготовленностью (треки в записи, прецедентное исполнение перед публикой на концертах, исполнение вместе с публикой и др.), так и спонтанностью (жанр рэп-баттла).

Большинство рэп-треков — эстетическое преобразование картины мира говорящего (*читающего* — в терминологии рэп-культуры) и по форме ближе к *лирике* в её первичном осмыслении. Как правило, это произнесение текста в особой просодической организации — интонация (не всегда в соответствии с традиционными конструкциями, многократные повышения и понижения тона в пределах синтагмы), темп, членение, паузация. Рэп создаётся для произнесения — зачитывания — и ориентирован на слуховое восприятие.

Непосредственный адресат отсутствует, но мы можем говорить о наличии реципиента, учитывая коммуникативные особенности интернет-дискурса. Героем здесь является лирическое *я*. «Поэт, как бы отвернувшись от слушателя, говорит сам с собой, и слушатель или читатель, по его замыслу, должен сделать то же самое» [Невзглядова, 2015, с. 11].

По аналогии с синтетичной авторской песней [Свиридов, 2002, с. 12], синтетичен и рэп, представляя собой единство текста, его просодической организации и музыки. Кроме того, выделяется паралингвистическая составляющая [Крафт, 1999, с. 161—162] рэпа — голосовые приёмы трансляции эмоций, выполняющие коммуникативную функцию удержания реципиента (фатическую функцию).

В основе рэпа, вне всяких сомнений, лежит такая форма когнитивно-го моделирования реальности, как лиричность. Однако некоторые рэп-альбомы и рэп-треки могут быть и онарративлены: как только в тексте появляются нарративные начала (интенциональность, событийность, адресованность [Радбиль, 2017]), мы можем видеть включение в данный фрагмент элементов повествования. Причём возможны абсолютно лиричные композиции, но нет абсолютно нарративных, поскольку рэп-текст с момента авторского замысла орнаментален (в терминологии В. Шкловского [Шкловский, 1929, с. 205]) и детерминирован лиричной формой. Полага-

ем, например, что трек Кгес «Нежность» (2004) полностью лиричен, здесь нет события, вокруг которого выстраивается текст. Моделируются чувства лирического героя — они возвышенны, в чём-то трагичны. Даже событийное на первый взгляд *На южных пляжах венчались* не воспроизводит референта и предиката, приобретая характер фактоидности (фактоподобия): фактоиды неконкретны, это эмпирическое обобщение [Кузнецов и др., 2014]. В «Закрытом космосе» Касты (2010) трек начинается с лиричного *Любовь слепа — это факт для большинства зевак*, затем появляются актанты повествования и непосредственная история их взаимодействия: *И один из них я сам, иду в центральный парк // В летнем кафе ты проводишь свой досуг / Ожидая мой визит и тирамису; Из-за пустяка ссорились мы весь декабрь / И разбежались на радость всем завистникам*.

У рэп-исполнителя (и рэп-писателя) нет рамок «только лирика» или «только нарратив», поэтому переключение между двумя этими регистрами может проходить плавно и почти незаметно для слушателя.

При переключении регистра на **нарративность** к лирическому «я» добавляется (или меняет его?) нарратор — и он может быть как «в тексте» (диегетическим), так и «вне текста» (экзегетическим). В «Закрытом космосе» лирический герой и диегетический нарратор поочередно меняются: рассказчик транслирует события, лирическое «я» вплетает переживания и размышления в общую канву повествования. В результате образуется то, что даёт нам основание подтвердить возможность соединения лирики и наррации.

3. Нарративный феномен хипхопера

Хипхопера (*хип-хоп* + *опера*) «Орфей & Эвридика» Noize MC (2019) — рэп-адаптация древнегреческого мифа, состоящая из 30 треков (иначе — песен). Исследователями она оценивается как масштабное произведение, опирающееся на античный претекст [Цвигун, 2019].

Каждый трек озаглавлен в соответствии с эпизодом и действующими лицами — персонажами-актантами. Главные герои — Орфей (участник олимпийского рэп-баттла, который в результате победы в финале над Прометеем заключает контракт с корпорацией «Царство Аида» и хип-хоп-лейблом «Underground Recordz» после суда над Гермесом — бывшим главой лейбла), Эвридика (возлюбленная Орфея), Аид (глава корпорации «Царство Аида»), Харон (некогда бывший участником баттлов водитель трансферного автомобиля), Фортуна (богиня удачи, которая в повествовании находится рядом с Аидом; фактически является соперницей Эвридики).

Формально хипхопера представляет собой метанарратив, включающий в себя внутренние нарративы актантов, а также лирические композиции (некоторые из них также включают нарративные вкрапления имплицитно).

Мы имеем дело с двумя универсумами. Анализ первого полезен нам при исследовании нарративной организации хипхопера с точки зрения лингвокоммуникативистики и теории речевого воздействия. Речевые роли здесь распределены в соответствии с типовой моделью взаимодействия: *адресант — речевое сообщение — адресат*. Адресант — автор текста, который порождает текст, наделяя его функциями. Адресат — слушатель (или читатель).

Второй универсум — это взаимные отношения актантов внутри нарратива. Для его описания мы обратимся к концепции А.- Ж. Греймаса [Греймас, 2000, с. 153—170], разработавшего типовые актантные классы для повествовательного текста: субъект — объект, адресат — адресант, помощник — противник.

Субъект. Орфей — начинающий и амбициозный певец и поэт (*В мыслях обрывки стихов / У кого-то / бизнес / у меня / открытый чехол / И монеты в чехле / мой хлеб / Не спеши / пешеход / свой куплет / Тебе споёт поэт-нищеврод*). Это собирательный образ рэп-артиста, проходящего через трудности, испытания деньгами и обеспеченной жизнью, любовью. Орфей направляется на Олимп, чтобы принять участие в мега-баттле — самом значимом событии олимпийского шоу-бизнеса.

Объект. Карьера рэп-артиста на фоне взаимоотношений с Эвридикой.

Противник. В этой роли выступают несколько персонажей.

1) Аид — глава корпорации «Царство Аида», предположительно замешанный в противоправной деятельности:

*Хотя он был замешан в коррупционном скандале /
Детали дела канули в лету и всплывут едва ли //*
*Активисты обвиняли в давлении на присяжных /
Где они теперь // Никто уже не скажет //*

После суда над Гермесом *вереница брендов и звёзд именитых* перешли в корпорацию предпринимателя Аида. Сфера деятельности Аида — ритуальные услуги, к которым добавляются развлекательные — продюсирование хип-хоп-звёзд.

2) Фортуна — персонаж, который не относится к древнегреческой мифологии. С опорой на его мифологему назовём её помощником и противником. То, что удача благоволит Орфею, выражено в виде нескрываемой симпатии к главному герою со стороны Фортуны. Однако Харон, приводя пример из собственного творческого пути, предупреждает его, что «чувства» Фортуны не длятся долго:

*Фортуна подолгу играть не привыкла /
Я и сам был когда-то ее солдатом //*
*Налево / направо тратил вообще не глядя /
Цифра на счету / не влезала в калькулятор /
А теперь кручу баранку / вот так-то / дядя /*

Помощник. Харон когда-то (до событий хипхопера) работал в той же сфере, что и Орфей, но в какой-то момент Фортуна перестала «играть», в результате чего Харон сменил род деятельности (*А теперь кручу баранку*). Именно он встречает Орфея и везёт его на мега-баттл. Кроме того, Харон считает необходимым разъяснить суть той деятельности, которой планирует заниматься Орфей:

*Большая рэп игра / злая и зубастая псина /
Чтобы лезть в эту пасть / надо быть психом /
Сунул руку в конуру / готовься к боли //*

Нарративизация изображаемого в альбоме происходит на фоне мифологизации. Во-первых, типичные тематические области русскоязычного рэпа раскрываются через мифологему (Орфей напоминает музыканта простого, небогатого происхождения, Аид — расчётливого продюсера; Орфей не проходит испытание славой и деньгами, быстро пресыщается отношениями с Эвридикой, потому что они для него (звезды Олимпа, которого признают даже боги) становятся скучными и обременительными). Во-вторых, мифологема объединяет все треки, наделяет их особым смыслом, когда они воспринимаются вместе. Однако нельзя не учесть, что музыкальные композиции в интернете могут быть прослушаны и интерпретированы отдельно от остальных. Чаще бывает так, что слушатель оставляет в своём плейлисте только те треки, которые «откликаются». В таком случае оценка речевых намерений адресанта затруднительна и вариативна.

Тексты треков вне концепции могут нарративизироваться вторично, приобретая новую историю с помощью медиализации: так, текст «Без нас (Орфей и Эвридика)», которым завершается хипхопера, существует как видеоролик, в котором история меняется и приобретает возможность быть интерпретированной по-иному. В клипе нет прямых отсылок к мифу, кроме титров в самом начале; по сюжету, главная героиня едет на автомобиле, затем идёт к сумеречному лесу с рюкзаком, периодически переходя на бег. Героиня достаёт из рюкзака белое платье, надевает его и продолжает двигаться по лесу. Цели она достигает глубокой ночью — это большое дерево, на котором висят несколько разноцветных платьев. В зависимости от объ-

ёма фоновых знаний зритель может обнаружить связь с мифом об Орфее и Эвридике, а может — уловить иные смыслы.

Внешний универсум — отношения слушающего (замещающего читателя) с текстом — достаточно успешно можно описать через коммуникативно-функциональную модель (за основу взята коммуникативно-функциональная модель Р. О. Якобсона [Якобсон, 1975]). Проанализируем основные функции хипхопера «Орфей и Эвридика» как коммуникативного акта.

Первоначально хипхопера имела несколько другой вид. Она задумывалась как единоразовый спектакль (2018), однако впоследствии была переработана Иваном Алексеевым (Noize MC) и распространена на музыкальных площадках в интернете.

Нарративная организация хипхопера «Орфей и Эвридика» семиотизирована, начиная от ситуативных символов-отсылок к реальности слушающего (коррупционные скандалы, рэп-баттлы), заканчивая концептами и стереотипами (*Орфей? А это правда имя или кличка? Окей! Звучит, конечно, необычно / Мама что ли, историчка?*). Мифологические символы (Спартак сообщает Прометею, что украденный им огонь не актуален, ведь *спустя 1000 лет принесут огонь те, кого назовут «Zippo» и «Cricket»*) создают особую атмосферу, позволяя работать *поэтической* функции — той, которая даёт возможность слушателям наслаждаться, а исследователям — дискутировать о принадлежности текста хипхопера к высокому искусству или едва заметному следу андеграунд-творчества. В лиричных треках поэтическая функция в большей степени воплощена через метафоризацию чувств между Орфеем и Эвридикой:

*Видно / была не знакома нам раньше любовь ещё /
Но это же и не любовь уже / это любвище //*

*С нами /
Творится нечто / способное вызвать крушение зданий /*

С другой стороны, рэп имеет направленность на слушателя-реципиента, как и любой публичный текст, поэтому с поэтической функцией начинают взаимодействовать и *конативная*, и *эмотивная* [Якобсон, 1975].

Лингвопрагматический анализ позволяет увидеть реализацию конативной функции через многочисленные импликатуры и экстралингвистические факторы (разнообразные инференции, на которые влияет лишь личность адресата и уровень его мышления, иногда — степень знакомства с современной массовой культурой).

Отсутствует однозначность в определении времени и пространства — хронотопа, в котором происходит событие. С одной стороны, информация выражается через мифологемы персонажей: Аид известен всем как бог подземного царства, от Орфея в любом основанном на мифе интертексте ожидают схождения в мир умерших, поскольку это центральное событие в сюжете мифологемы; Спартак говорит Прометею во время баттла, что *время кормить орла*. Сосуществуют древний мир (*гладиаторы, доспехи, арена в стенах Колизея*) и современный (*шоу Эда Салливана: Тут же дали в пару эмбриона / которому нечего делать в Лиге чемпионов*; отсылка к современной литературе или кинематографу: *Обломками шкафа пылет ваша Нарния*), в котором есть место научно-техническому прогрессу (телефоны, автомобили, самолёты, сирены «скорой помощи»; *Эта реакция / Растворит вместе с пальцами / Перчатки, пробирку и лакмус*). Слушатель принимает эти условия пребывания одновременно в двух мирах, используя собственные фоновые знания древнегреческой и современной культуры. В этом видится реализация **метаязыковой и референтивной** функций [Якобсон, 1975].

Социокультурные особенности рэп-баттла и его деструктивная речевая сущность (мы имеем в виду унижение оппонента, негативную оценку его творчества и возвышение рэпером себя; рэп-баттл лингвокультурологи называют «закономерным явлением легитимизации речевой агрессии в обществе повседневной агрессии» [Лассан 2018, с. 133]) также переданы через миф: Спартак — Прометею: *Какой ты защитник людей / а // Кто это тебе сказал / твоя мама Гея*; Орфей — Нарциссу: *А вы / я вижу / любите себя / Как Диоген / живя в бочке собственного «я»*; Прометей — Спартаку: *Я тот / кто бросал вызов Зевсу / а ты здесь тупо проездом / фракийский бездарь <...> Ты даже не миф / а я достоин сотни ветвей пальмы*; Прометей — Орфею: *Мой текст — амброзия / а твой / дико нелепая болтовня*.

Негативно-оценочные конструкции апеллируют к концептам древнего мира (Прометей — Спартаку: *Иди дальше месить на арене грязь, раб*) и современного (*Эй, что это за колхозный прикид? Тут что, пикник возле реки? За роль бомжары в грязных обносках / Ты бы точно получил «Оскар», прикинь?*).

В хипхопере несколько повествователей. Прежде всего это нарратор экзегетический, выраженный в экстралингвистической информации и в метатекстовых элементах: в наименованиях треков, разделении хипхопера на треки, распределении персонажей и образов, вставке различных звуков (звон по телефону, аэропорт). Это тот, кто интегрирует культуру рэп-баттла в миф, вводит актантов из других мифов, органично смешивает современный и мифический миры. Главный нарратор решает, что Орфей расскажет

о себе Олимпу в «Вечернем Урганте» (интерлюдия — узнаваемый голос Ивана Урганта: *Смотрите, ещё недавно он выступал на улице — сегодня он собирает стадионы поклонников. И вот, наконец, он пришёл к нам*).

Диегетический нарратор также присутствует в хипхопере: во-первых, Немезида Пафос — ведущая новостей из мира шоу-бизнеса «Фанфары Эллады», во-вторых, Фортуна — ведущая олимпийского мега-баттла. Немезида в треке «Фанфары Эллады» сообщает о том, что происходит на Олимпе.

Таким образом, нарративность хипхоперы детерминируется следующим:

- 1) миф структурно нарративен, имеет неоднозначные темпоральные координаты (древний и современный миры встречаются в едином текстовом пространстве), которые принимаются слушателем за условия «игры»;
- 2) персонажи-актанты имеют определённую траекторию развития, их истории вплетаются в повествование;
- 3) присутствует несколько нарраторов: экзегетический (всеведущий) и диегетические, присутствующие в тексте и прорецирующие собственную точку зрения;
- 4) в нарратив органично встраиваются микронарративы.

4. Заключение

Исследование позволило проанализировать особенности языковой и коммуникативно-прагматической организации текста хипхоперы «Орфей & Эвридика». Произведение является ярким примером взаимопроникновения нарративного и лирического начал в пределах одного произведения.

Нарративность и лиричность — это альтернативные способы когнитивного моделирования взгляда на мир, но исследование на примере доступной для большинства людей рэп-коммуникации, во многом характеризующей современное общество, показало, что эти различные по форме виды интерпретации реальности могут вполне гармонично переплетаться в дискурсивных практиках и решать задачи коммуникативного взаимодействия.

Кроме того, удалось выявить основные детерминанты нарративности хипхоперы. Формально это метанарратив: мы видим экзегетического повествователя преимущественно в экстралингвистическом и метаязыковом типе актуализации. Однако к нему добавляются микронарративы и диегетические нарраторы, а также имплицитные нарративы, раскрывающиеся через лиричность. Важным компонентом разворачивания повествования представляется мифологизация, которая специфично раскрывает наиболее популярные тематические области русскоязычного рэпа.

Кроме того, исследование показало эффективность анализа коммуникативных функций (по модели Р. О. Якобсона): хипхопера — это удачный

пример не только сосуществования лирики и наррации, но и реализации и взаимодействия специфических коммуникативных функций и эстетических интенций.

Источники и принятые сокращения

Хипхопера — *Noize MC*. Хипхопера «Орфей & Эвридика» [Электронный ресурс]. — 2018. — Режим доступа : <https://music.yandex.ru/album/5423642>.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Французская семиотика : от структурализма к постструктурализму ; пер. с франц. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 2000. — С. 196—238.
2. *Барт Р.* Избранные работы : семиотика, поэтика / Р. Барт ; перевод с французского. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.
3. *Бахтин М. М.* Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров» / М. М. Бахтин // Собрание сочинений. — Москва : Русское слово, 1997. — Том 5. — С. 209.
4. *Бозрикова С. А.* Нарративная журналистика в Америке и России / С. А. Бозрикова, Л. В. Татару. — Балашов : Николаев, 2012. — 120 с.
5. *Бойченко А. Е.* Что скрывает русский рэп? Тематическое моделирование текстов русскоязычной хип-хоп сцены / А. Е. Бойченко, С. В. Жучкова // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2020. — № 23 (2). — С. 130—165. — DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.6>.
6. *Гинзбург Л. Я.* О литературном герое / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград : Советский писатель, 1979. — 223 с.
7. *Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе / Л. Я. Гинзбург. — Ленинград : Художественная литература, 1977. — 443 с.
8. *Греймас А.-Ж.* Рассуждения об актантных моделях / А.-Ж. Греймас // Французская семиотика : от структурализма к постструктурализму ; пер. с франц. Г. К. Косикова. — Москва : Прогресс, 2000. — С. 153—170.
9. *Жданова А. В.* К истории возникновения феномена ненадежной наррации / А. В. Жданова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2009. — № 2. — С. 151—164.
10. *Кваскова Л. В.* Нарратив как форма косвенной коммуникативной тактики / Л. В. Кваскова // Преподаватель XXI век. 2018. № 3—2. С. 333—339.
11. *Колосова П. А.* Приём «ненадёжный рассказчик» как переводческая трудность (в романе Джоанн Харрис «Джентльмены и игроки») // Вестник ТвГУ. Серия Филология. — 2017. — № 4. — С. 204—208.
12. *Корман Б. О.* Изучение текста художественного произведения учебное пособие / Б. О. Корман. — Москва : Просвещение, 1972. — 113 с.
13. *Крафт Т.* Сентиментальный боксер Высоцкого : анализ синкретического произведения / Т. Крафт // Мир Высоцкого : альманах. — Москва : ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. — Вып. III, т. 1. — С. 161—169. — ISBN 5-88673-011-7.
14. *Кузнецов С. А.* Экспертные исследования по делам о признании информационных материалов экстремистскими: теоретические основания и методическое руководство / С. А. Кузнецов, С. М. Олейников. — Москва : Издательский дом В. Ема, 2014. — 312 с.

15. Лассан Э. Рэп-баттлы как культурный и лингвокультурный феномен / Э. Лассан // Коммуникативные исследования. — 2018. — № 3 (17). — С. 129—143. — DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.129-143.
16. Ласточкина А. С. О семантике ненадёжной наррации / А. С. Ласточкина, Д. Н. Коробова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2017. — Том. 14, выпуск 3. — С. 317—325.
17. Луканина М. В. Нарративное манипулирование / М. В. Луканина, Л. К. Салиева // Государственное управление. — 2014. — Выпуск 46. — С. 210—222.
18. Невзглядова Е. В. Интонационная теория стиха / Е. В. Невзглядова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. — 157 с.
19. Радбиль Т. Б. Коммуникативные и когнитивные основы теории нарратива в современном гуманитарном знании / Т. Б. Радбиль // Коммуникативные исследования. — 2017. — Том 1, № 1 (11). — С. 23—35.
20. Радбиль Т. Б. Лирика и наррация как две версии когнитивного моделирования реальности / Т. Б. Радбиль // Критика и семиотика. — 2019. — № 2. — С. 171—182. — DOI: 10.25205/2307-1737-2019-2-171-182.
21. Свиридов С. В. Рок-искусство и проблема синтетического текста / С. В. Свиридов // Русская рок-поэзия : текст и контекст : выпуск 6. — Тверь : ТвГУ, 2002. — С. 5—32.
22. Современный медиатекст / отв. ред. Н. А. Кузьмина. — Омск : ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2011. — 414 с.
23. Соколов А. Н. Теория стиля / А. Н. Соколов. — Москва : Искусство, 1968. — 224 с.
24. Сокрута Е. Ю. Нарративные характеристики новостного дискурса в эпоху новой медиальности / Е. Ю. Сокрута // Новый филологический вестник. — 2018. — № 2 (45). — С. 39—46. — DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00013.
25. Татару Л. В. Нарративная и когнитивная природа лирики (на материале английской поэзии XVII—XVIII вв.) [Электронный ресурс] / Л. В. Татару // Narratorium. — 2013. — № 1—2 (5—6). — Режим доступа : <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631082>.
26. Трипольская Т. А. Языковая маска как коммуникативная стратегия языковой личности / Т. А. Трипольская, М. В. Шпильман // Проблемы интерпретационной лингвистики: взаимодействие языковой категоризации и творческой активности личности : межвузовский сборник научных трудов. — Новосибирск : НГПУ, 2002. — С. 63—74.
27. Тюпа В. И. Генеалогия лирических жанров / В. И. Тюпа // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2012. — № 4. — С. 8—31.
28. Тюпа В. И. Новостной дискурс как нарратологическая проблема / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2017. — № 3 (42). — С. 40—51.
29. Успенский Б. А. Поэтика композиции: структура художественного текста и типология композиционной формы / Б. А. Успенский // Семиотика искусства. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. — С. 7—218.
30. Федосеева Е. В. Дискурсивная креативность пишущего в риторически модифицированном массмедийном дискурсе / Е. В. Федосеева // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2013. — № 1 (72). — С. 288—292.
31. Фрэй Дж. Н. Как написать гениальный роман / Дж. Н. Фрэй. — Санкт-Петербург : Амфора. ТИД Амфора, 2007. — 255 с.
32. Цвигун Т. В. Миф как источник культурной легитимации: роки рэп-версии «Орфея и Эвридики» : статья первая / Т. В. Цвигун, А. Н. Черняков // Вестник

Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. — 2019. — № 4. — С. 72—92.

33. Чевтаев А. А. Критический комментарий к статье Л. В. Татару «Нарративная и когнитивная природа лирики (на материале английской поэзии XVII—XVIII вв.)» [Электронный ресурс] / А. А. Чевтаев // Narratorium. — 2013. — № 1—2 (5—6). — Режим доступа : <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631083>.

34. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста / И. Я. Чернухина. — Воронеж : ВГУ, 1987. — 158 с.

35. Шайхутдинова А. М. Лингвистические характеристики ненадежности нарратора (на материале современной британской литературы) / А. М. Шайхутдинова // Вестник Брянского государственного университета. — 2017. — № 4. — С. 252—257.

36. Шкловский В. О теории прозы / В. Шкловский. — Москва : Федерация, 1929. — 265 с.

37. Шмид В. Нарратология / В. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с.

38. Эко У. Открытое произведение = Opera Aperta : форма и неопределенность в современной поэтике / У. Эко ; пер. с итальянского Александра Шурбелева. — Москва : АСТ: Corpus, 2018. — 507 с.

39. Эко У. Роль читателя : исследования по семиотике текста / У. Эко ; пер. С. Серебряного. — Москва : АСТ: Corpus, 2016. — 640 с.

40. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика / Р. О. Якобсон // Структурализм «за» и «против». — Москва : Прогресс, 1975. — С. 193—230.

MATERIAL RESOURCES

Hipopera — NoizeMC. (2018). *Hipopera “Orpheus & Eurydice”*. Available at: <https://music.yandex.ru/album/5423642>. (In Russ.).

REFERENCES

Bakhtin, M. M. (1997). From archival records to the work “The problem of speech genres”. In: *Collected works*, 5. Moscow: Russian Word. 209. (In Russ.).

Bart, R. (1989). *Selected works: semiotics, poetics*. Moscow: Progress. 616 p. (In Russ.).

Bart, R. (2000). An Introduction to Structural Analysis of Narrative Texts. In: *French semiotics: from structuralism to poststructuralism*. Moscow: Progress. 196—238. (In Russ.).

Boichenko, A. E., Zhuchkova, S. V. What is inside russian rap? Topic modeling of the texts of the russian-speaking hip-hop stage. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 23(2): 130—165. — DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.2.6>. (In Russ.).

Bozrikova, S. A., Tataru, L. V. (2012). *Narrative journalism in America and Russia*. Balashov: Nikolaev. 120 p. (In Russ.).

Chernukhina, I. Ya. (1987). *General features of the poetic text*. Voronezh: Voronezh State University. 158 p. (In Russ.).

Chevtayev, A. A. Critical commentary on the article by L. V. Tataru “Narrative and cognitive nature of lyrics (based on the material of English poetry of the 17th-18th centuries)”. *Narratorium*, 1—2 (5—6). Available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631083>. (In Russ.).

- Eco, U. (2016). *The role of the reader: research on the semiotics of the text*. Moscow: AST: Corpus. 640 p. (In Russ.).
- Eco, U. (2018). *Open work = Opera Aperta: form and uncertainty in contemporary poetics*. Moscow: AST: Corpus. 507 p. (In Russ.).
- Fedoseeva, E. V. (2013). Discursive creativity of a writer in a rhetorically modified mass media discourse. *Bulletin of Irkutsk State Technical University*, 1 (72): 288—292. (In Russ.).
- Frey, J. N. (2007). *How to write a novel of genius*. St. Petersburg: Amphora. TID Amphora, 255 p. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. (1977). *About psychological prose*. Leningrad: Fiction. 443 p. (In Russ.).
- Ginzburg, L. Ya. (1979). *About the literary hero*. Leningrad: Soviet writer. 223 p. (In Russ.).
- Greimas, A. -J. (2000). Discourse on actant models. In: *French semiotics: from structuralism to poststructuralism*. Moscow: Progress. 153—170. (In Russ.).
- Kolosova, P. A. (2017). The “unreliable storyteller” technique as a translation difficulty (in the novel by Joanne Harris “Gentlemen and Players”). *Vestnik TVGU. Series Philology*, 4: 204—208. (In Russ.).
- Korman, B. O. (1972). *Study of the text of a work of art textbook*. Moscow: Education. 113 p. (In Russ.).
- Kraft, T. (1999). Sentimental boxer Vysotsky: analysis of syncretic works. In: *World of Vysotsky*. Moscow: GKTSm of V. S. Vysotsky. III (1): 161—169. ISBN 5-88673-011-7. (In Russ.).
- Kuzmina, N. A. (ed.). (2011). *Modern media text*. Omsk: OSU im. F. M. Dostoevsky. 414 p. (In Russ.).
- Kuznetsov, S. A., Oleynikov, S. M. (2014). *Expert research on cases of recognition of information materials as extremist: theoretical foundations and methodological guidance*. Moscow: V. Ema Publishing House. 312 p. (In Russ.).
- Kvaskova, L. V. (2018). Narrative as a form of indirect communicative tactics. *Teacher XXI century*, 3-2: 333—339. (In Russ.).
- Lassan, E. (2018). Rap battles as a cultural and linguocultural phenomenon. *Communicative studies*, 3 (17): 129—143. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.129-143. (In Russ.).
- Lastochkina, A. S., Korobova, D. N. (2017). On the semantics of unreliable narration. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, 14/3: 317—325. (In Russ.).
- Lukanina, M. V., Salieva, L. K. (2014). Narrative manipulation. *State administration*, 46: 210—222. (In Russ.).
- Nevzglyadova, E. V. (2015). *Intonation theory of verse*. St. Petersburg: Nestor-History. 157 p. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2017). Communicative and cognitive foundations of the theory of narrative in modern humanitarian knowledge. *Communicative research*, 1/1 (11): 23—35. (In Russ.).
- Radbil, T. B. (2019). Lyrics and narration as two versions of cognitive modeling of reality. *Criticism and semiotics*, 2: 171—182. DOI: 10.25205/2307-1737-2019-2-171-182. (In Russ.).
- Schmid, V. (2003). *Narratology*. Moscow: Languages of Slavic culture. 312 p. (In Russ.).
- Shaikhutdinova, A. M. (2017). Linguistic characteristics of the unreliability of the narrator (based on the material of modern British literature). *Bulletin of Bryansk State University*, 4: 252-257. (In Russ.).

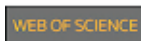
- Shklovsky, V. (1929). *On the theory of prose*. Moscow: Federation. 265 p. (In Russ.).
- Sokolov, A. N. (1968). *The theory of style*. Moscow: Art. 224 p. (In Russ.).
- Sokruta, E. Yu. (2018). Narrative characteristics of news discourse in the era of new mediality. *New philological bulletin*, 2 (45): 39—46. DOI: 10.24411/2072-9316-2018-00013. (In Russ.).
- Sviridov, S. V. (2002). Rock art and the problem of synthetic text. In: *Russian rock poetry: text and context*. Tver: Tver State University. 6: 5—32. (In Russ.).
- Tataru, L. V. (2013). Narrative and cognitive nature of lyrics (based on the material of English poetry of the 17th-18th centuries). *Narratorium*, 1—2 (5—6). Available at: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631082>. (In Russ.).
- Tripolskaya, T. A., Shpilman, M. V. (2002). Language mask as a communicative strategy of a linguistic personality. In: *Problems of interpretive linguistics: interaction of language categorization and creative activity of an individual: interuniversity collection of scientific papers*. Novosibirsk: NGPU. 63—74. (In Russ.).
- Tsvigun, T. V., Chernyakov, A. N. (2019). Myth as a source of cultural legitimation: rock of the rap version of “Orpheus and Eurydice”: article one. *Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Ser.: Philology, pedagogy, psychology*, 4: 72-92. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2012). Genealogy of lyric genres. *News of Southern Federal University. Philological sciences*, 4: 8—31. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2017). News discourse as a narratological problem. *New philological bulletin*, 3 (42): 40—51. (In Russ.).
- Uspensky, B. A. (1995). Poetics of composition: the structure of literary text and typology of compositional form. In: *Semiotics of art*. Moscow: School “Languages of Russian Culture”. 7—218. (In Russ.).
- Yakobson, R. O. (1975). Linguistics and poetics. In: *Structuralism: “pros” and “cons”*. Moscow: Progress. 193—230. (In Russ.).
- Zhdanova, A. V. (2009). On the history of the emergence of the phenomenon of unreliable narration. *Bulletin of the Tatishchev Volga University*, 2: 151—164. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Сигал К. Я. Текстобразующая функция присоединения в поздних рассказах В. Г. Лидина / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 129—147. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-129-147.

Seagal, K. Ya. (2021). Text-Forming Function of Addition in the Later Stories of V. G. Lidin. *Nauchnyi dialog*, 4: 129-147. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-129-147. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-129-147

Текстобразующая функция присоединения в поздних рассказах В. Г. Лидина

Сигал Кирилл Яковлевич

orcid.org/0000-0001-9400-4587

доктор филологических наук, главный
научный сотрудник, заведующий
отделом экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания Российской
академии наук

(Москва, Россия)

Text-Forming Function of Addition in the Later Stories of V. G. Lidin

Kirill Ya. Seagal

orcid.org/0000-0001-9400-4587

Doctor of Philology, chief research
scientist, Head of the Department
of Experimental Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences

(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Предметом анализа выступает присоединение как явление языка и речи, а также специфика текстообразующей функции присоединения в художественно-речевом творчестве. Актуальность исследования состоит в том, что до сих пор в теории синтаксиса нет общепринятого взгляда на сущность присоединения и на то, как оно продуцируется в речи, а также не учитывается, что текстообразующая функция присоединения обладает своеобразием в разных речевых сферах, в частности в художественно-речевом творчестве. Новизна исследования заключается в том, что присоединение представлено как особая синтаксическая форма, характеризующаяся своей семантикой и формально-конструктивной организацией и определяющая допущения и ограничения своей речевой реализации. Показано двойственное проявление текстообразующей функции присоединения в художественно-речевом творчестве. В качестве материала исследования взяты поздние рассказы В. Г. Лидина, вошедшие в сборник «Таяние снегов» (1980): этот писатель, чьей метапоэтике свойственно пристальное внимание к синтаксису, употреблял присоединение с необыкновенным мастерством. При анализе присоединительных конструкций в трех рассказах обнаружено, что присоединение продуцируется намеренно, в расчете на текстовую перспективу. Установлено, что текстообразующая функция присоединения проявляется, с одной стороны, в организации композиционно-смысловой связи, а с другой стороны, в создании художественной детали.

Ключевые слова:

текстообразующая функция; присоединение; присоединительная конструкция; художественная речь; метапоэтика; установка; рассказ; В. Г. Лидин

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The subject of analysis is addition as a phenomenon of language and speech, as well as the specificity of the text-forming function of addition in artistic and speech creativity. The relevance of the study lies in the fact that until now in the theory of syntax there is no generally accepted view of the essence of addition and how it is produced in speech, and it is also not considered that the text-forming function of addition is unique in different speech spheres, in particular in artistic speech creativity. The novelty of the research lies in the fact that addition is presented as a special syntactic form, characterized by its semantics and formally constructive organization and determining the assumptions and limitations of its speech implementation. The dual manifestation of the text-forming function of attachment in artistic and speech creativity is shown. The research material is based on the late stories of V. G. Lidin, included in the collection "Melting Snows" (1980): this writer, whose meta-poetics is characterized by close attention to syntax, used addition with extraordinary skill. When analyzing addition constructions in three stories, it was found that the addition is produced intentionally, counting on a textual perspective. It has been established that the text-forming function of addition is manifested in the organization of compositional-semantic communication on the one hand, and in the creation of an artistic detail on the other hand.

Key words:

text-forming function; addition; addition construction; artistic speech; meta-poetics; installation; story; V. G. Lidin.

Текстообразующая функция присоединения в поздних рассказах В. Г. Лидина

© Сигал К. Я., 2021

1. Введение

Как известно, присоединение было обстоятельно описано В. В. Виноградовым в его стилистических наблюдениях над «открытыми», или «сдвинутыми», конструкциями в синтаксисе «Пиковой дамы» А. С. Пушкина. Согласно указанию В. В. Виноградова, «присоединительными можно назвать такие конструкции, где части не умещаются в одну смысловую плоскость», «где подчеркнуты субъективные разрывы. Перспектива от этого раздвигается вглубь: разрыв заполняется экспрессивными намеками» [Виноградов, 1980, с. 233].

Присоединение получило весьма неоднозначную и, можно сказать, противоречивую характеристику в современной синтаксической науке. Так, В. В. Виноградов рассматривал присоединение как «смысловую связь» [Там же, с. 233], Е. И. Диброва и Б. Турсунов — как «особый вид синтаксической связи» [Диброва, 2008, с. 260; Турсунов, 1993], Т. Л. Ваулина — как «особую связь <...> текстового уровня» [Ваулина, 2011, с. 8], наконец, А. А. Зализняк — как «коммуникативную стратегию» [Зализняк, 2017, с. 24]. Ясно, что присоединение не может быть всем этим одновременно, но при этом для того, чтобы понять сущность присоединения, крайне важно связать в единый узел все названные аспекты присоединения.

Если Л. В. Щерба полагал, что присоединение состоит в том, что «второй элемент появляется в сознании лишь после первого или во время его высказывания» [Щерба, 1958, с. 80], то в развитие этой мысли о одновременности появления присоединяющего и присоединяемого элементов синтаксисты стали «определять присоединительные связи по признаку непреднамеренности, неожиданности», что «вызывает определенное возражение» [Турсунов, 1993, с. 13]. Последнее малопригодно даже по отношению к разговорной речи, применительно же к художественной речи такой взгляд на присоединение представляется вовсе ошибочным.

Вслед за В. В. Виноградовым, утверждавшим, что при присоединении «смысловое соотношение» частей «не усматривается из союзов, а выводится из намеков, подразумеваний или из сопоставления предметных значений синтагм» [Виноградов, 1980, с. 233], некоторые синтаксисты выдвигают идею о том, что, например, при присоединении с союзом *а* «прямой

необходимости в союзе *a* для выражения отношений между предложениями нет» [Попова, 1950, с. 380]. Однако присоединение обслуживается целым рядом специализированных (типа *да и*) и неспециализированных (типа *и*, *a*) союзов, причем, отбирая один из них, говорящий (и тем более пишущий) передает тот или иной необходимый ему смысловой оттенок. Само наличие в языке ряда союзов, осознаваемых как маркеры присоединения, исключает их асемантическую.

Присоединение обычно трактуется как связь, замкнутая в смысловой обращенности присоединяемого элемента к присоединяющему, поддерживаемой иногда повторами и / или анафорическими отношениями. Между тем наблюдения над художественной речью свидетельствуют о том, что присоединение участвует в текстообразовании, обеспечивая не только композиционно-смысловую связь, но и создание художественных деталей. Именно по этой причине текстообразующую функцию присоединения следует рассматривать с учетом художественно-речевого творчества конкретного писателя, имеющего определенную фиксированную установку (по Д. Н. Узнадзе) на присоединение.

Подчеркнем, что термины *присоединение*, *присоединительная связь* и *присоединительная конструкция* неоднородны по своей понятийной отнесенности. Если термин *присоединительная конструкция* обозначает собственно присоединяемый элемент вместе с союзом (при его наличии), то *присоединение* и *присоединительная связь* — термины-синонимы, обозначающие полноту контекста связи: присоединяющий и присоединяемый элементы, а также союз (при его наличии). Маркером присоединения, как отмечал еще Л. В. Щерба, является прежде всего «фразовое ударение, иногда пауза и вообще интонация» [Щерба, 1958, с. 80]. Просодический аспект присоединения требует отдельного экспериментально-фонетического исследования, при синтаксическом же подходе к присоединению вполне достаточной представляется его общепринятая просодическая характеристика (ср., в частности, [Крючков, 1950, с. 401]).

Целью настоящей статьи является разъяснение, с одной стороны, сущности присоединения как явления языка и речи, а с другой стороны, специфики текстообразующей функции присоединения в художественно-речевом творчестве.

Актуальность статьи заключается в том, что, во-первых, до сих пор в теории синтаксиса не выяснена сущность присоединения, хотя само явление отмечается лингвистами с первой половины XIX века; во-вторых, нет общепринятой трактовки того, как продуцируется присоединение в речи; в-третьих, отсутствует четкое понимание того, какую конструктивно-семантическую роль выполняет при присоединении тот или иной союз

(в особенности союз *а*); в-четвертых, нет представления о том, что текстообразующая функция присоединения обладает своеобразием в разных речевых сферах, в частности в художественно-речевом творчестве.

Научная новизна статьи состоит в том, что присоединение представлено в ней как особая синтаксическая форма, обладающая своей семантической и формально-конструктивной организацией и своими особенностями продуцирования, а также в том, что обнаружено двойственное проявление текстообразующей функции присоединения в художественно-речевом творчестве. Кроме того, новым является учет метапоэтики и фактора установки в раскрытии специфики текстообразующей функции присоединения в художественной речи.

В настоящей статье материалом для наблюдений послужили поздние рассказы известного русского писателя советского времени Владимира Германовича Лидина (1894—1979), написанные им в последние два года жизни и вошедшие в книгу «Таяние снегов» (1980 год). Выбор материала обусловлен тем, что, во-первых, присоединение — один из излюбленных синтаксических приемов в поздних рассказах В. Г. Лидина; во-вторых, писатель довольно регулярно употребляет присоединительные конструкции с союзом *а*, отделяя их запятой (именно эта реализация присоединения, которую традиционно рассматривали как сложносочиненное предложение с сопоставительно-присоединительными отношениями [Попова, 1950, с. 380], анализируется в статье); в-третьих, для изучения текстообразующей функции присоединения требуется довольно компактная текстовая структура, каковой является рассказ. Важно отметить, что в рассказах В. Г. Лидина присоединение свойственно преимущественно авторской речи.

Присоединение в рассказе как малой форме эпической прозы стало употребляться во многом по той причине, что «малый объем и предельная краткость изложения предъявляют особые требования к <...> интонации и эмоционально-оценочному слову, подтексту и художественной детали» [Огнев, 1978, с. 5].

2. Метапоэтика В. Г. Лидина: особое внимание к синтаксису

Под метапоэтикой, вслед за К. Э. Штайн, понимается «поэтика самоинтерпретации автором своего или другого текста» [Штайн, 2015, с. 555—556]. Метапоэтика отображается, с одной стороны, в «эксплицированном метапоэтическом тексте», то есть в «работах художника по поэтике, статьях, эссе о поэзии, языке, творчестве» [Там же, с. 550], а с другой стороны, в «имплицированном метапоэтическом тексте», то есть в «системе метаэлементов, представленной в самом художественном тексте, определяющей условия, условности, характер самого сообщения» [Там же, с. 552].

В рассказе В. Г. Лидина «Монолог на просеке» старый писатель Чекрыгин, беседуя с соседским мальчиком Герасиком, как будто бы сомневается в возможности метапоэтики (в особенности того, что называется эксплицированным метапоэтическим текстом), когда говорит: «Из образа, из случайной царапины воображения рождается тема, целая симфония иногда, только как это выразишь, этого ни в одной теоретической статье не выразишь. Паучок плетет паутину по всем геометрическим законам, но спроси его о Пифагоре, он будет только хлопать глазами» [Л-63, с. 42—43]. Однако метапоэтическое чутье В. Г. Лидина, учившегося в Лазаревском институте восточных языков и более тридцати лет преподававшего в Литературном институте им. А. М. Горького, выразилось как в имплицированных (во многом неизбежных в художественной речи), так и в эксплицированных метапоэтических текстах.

Метапоэтике В. Г. Лидина, раскрытой в метапоэтических текстах обоих типов, присуще особое внимание к синтаксису. На это указывают, во-первых, размышления о творческой работе над фразой; во-вторых, лаконичные формулы творческого почерка других писателей и запечатленные в памяти их художественно-речевые кредо; в-третьих, образно-бытовое употребление термина *синтаксис* в авторской речи, свойственное, например, рассказу «Таяние снегов». Если первые два случая представляют эксплицированный, то третий случай — имплицированный метапоэтический текст.

В. Г. Лидин подчеркивает, что «искусство слова» «требует органического, поистине музыкального ощущения фразы» [Там же, с. 19], так как в творчестве художника слова «фразе свойственны и усиление, и ослабление, и *crescendo* <...>» [Там же, с. 36]. При этом В. Г. Лидин замечает, что «гибкость писательского языка менее всего подразумевает ломку грамматики: грамматика во всех случаях остается законом» [Там же, с. 34]. Имея в виду синтаксические приемы (в частности, инверсию), В. Г. Лидин пишет о том, что «стиль образуется не в результате технического совершенствования приемов писателя, а в результате углубления его мысли и необходимости возможно полнее и доходчивее выразить эту мысль» [Там же, с. 21]. Писателя волнует то, как синтаксические (и пунктуационные) находки художника слова отбрасываются в ходе редакторской и корректорской правки (В. Г. Лидин осуждающе называл это явление «словесной каллиграфией» [Там же, с. 33]). Ср.: «Любая инверсия, любая по-своему построенная, иногда не в соответствии с формальными грамматическими правилами фраза вызывает сейчас же появление на полях рукописи редакторской “птички”» [Там же, с. 16]; «Если у автора один из его персонажей скажет негромко: “Пойдем”, то корректор <...> поставит восклицательный знак, хотя слово “пойдем” прозвучит при этом как призыв или даже приказ» [Там же, с. 34].

Создавая лаконичные формулы творческого почерка других писателей, В. Г. Лидин то и дело обращался к своим впечатлениям от синтаксиса их прозы, от особенностей их фразы. Говоря о литературе конца XIX века, он отмечает: «Еще в конце прошлого века пришел Чехов со своей короткой, емкой фразой с ее глубочайшим подтекстом; прозвучали афористическая речь Горького, суховатая, отточенная фраза Бунина» [Там же, с. 17]. Вспоминая об А. Белом, писатель констатирует у него «странное построение фразы», а также то, что тот стремился «сломать старый синтаксис, <...> разрубить как бы на плоскости существующую прозу» [Л-91, с. 150—151].

В эссе «Алексей Толстой» В. Г. Лидин, рассказывая о своей встрече с писателем-классиком в 1922 году в Берлине, воссоздает художественно-речевое кредо Толстого в области синтаксиса. Еще до этой встречи в письме В. Г. Лидину Толстой с огорчением писал: «Должен сказать, что у вас, москвичей, что-то случилось с языком <...> прилагательное позади существительного, а глагол — в конце предложения. Мне кажется, это неправильно. Члены предложения должны быть на местах: острота фразы должна быть в точности определения существительного, движение фразы — в психологической неизбежности глагола» [Там же, с. 115]. Во время разговора на улице Толстой выхватил из рук В. Г. Лидина стопку листов будущей книги и стал ее разбрасывать. В. Г. Лидин вспоминает: «— Что, — ликовал он (Толстой. — К. С.) затем, когда я, лавируя между машинами, собирал по всей улице листки, — пособирай, пособирай... Будете знать, как разбрасывать фразу! Придет время, начнете так же собирать. Он преподавал мне предметный урок правил русской грамматики в ту пору, когда фраза действительно летела неизвестно куда <...>» [Там же, с. 115].

В рассказе «Таяние снегов» В. Г. Лидин четырежды употребляет термин *синтаксис* в образно-бытовом значении ‘уклад’, предвывая и обобщая авторское повествование о том, что произошло в жизни вдовца Петра Романовича после того, как его сын Михаил женился и переехал к родителям жены. Ср., с одной стороны: «В сущности, все произошло так, как и должно быть по правилам жизни, **по** ее **синтаксису**, но оказалось все же, что существует и другой **синтаксис** — человек с его душой, с его сердцем и мыслями, нередко и горькими, хотя и не признаешь себе в этом»; «<...> но это именно и был тот неписанный **синтаксис**, который каждый раз по-новому создает жизнь» [Л-80, с. 291], а с другой стороны: «И хотя у жизни есть свой **синтаксис**, свои грамматические правила, нередко вторгнется то, что нарушает эти правила и заставляет многое продумать заново» [Там же, с. 294]. Образно-бытовое переосмысление термина *синтаксис* в художественно-речевом творчестве В. Г. Лидина свидетельствует об актуализированности синтаксиса в стилистическом созна-

нии писателя, создающей потребность в речевой объективации термина как элемента художественной «ткани» рассказа.

В эксплицированных метапоэтических текстах В. Г. Лидина о присоединении напрямую ничего не говорится, однако в его рассказах удельный вес присоединительных связей весьма значителен. В сборнике рассказов «Таяние снегов» прослеживаются устойчивые тенденции отбора и употребления форм присоединительной связи, образующие имплицированный метапоэтический текст. Во-первых, здесь преобладают присоединительные конструкции с союзом *а*, что указывает на востребованность того смыслового содержания, которое передается этим союзным маркером (кстати, не допускающим элиминации). Во-вторых, эти присоединительные конструкции чаще всего отделяются запятой (а не точкой или другим знаком конца предложения), что делает менее выразительным «субъективный разрыв» [Виноградов, 1980, с. 233] с присоединяющим элементом. В-третьих, этими присоединительными конструкциями могут передаваться такие смысловые компоненты, которые оказываются необходимыми для организации смысловой связи на уровне текста и для создания художественных деталей.

Присоединение с союзом *а*, сопровождаемое отделением запятой, придает авторской речи В. Г. Лидина особый интонационно-смысловой характер и, несомненно, выступает в качестве ориентировочного указателя одной из установок художника слова, обеспечивающих синтаксические условия текстообразования.

3. Присоединение в языке и речи

Присоединение, по характеру своих союзных маркеров соотносительное с сочинением (в частности, присоединение с союзом *а*), возникло в результате интонационно-смысловой трансформации сочинительных конструкций, в которых оба элемента осмысляются как находящиеся в одной смысловой плоскости и характеризуются «относительно плавным» ритмико-мелодическим оформлением [Крючков, 1950, с. 401]. При присоединении, напротив, передается добавочность присоединяемого элемента (то есть смысловая одноплоскостность элементов исключена), а просодический контур становится прерывистым. «Присоединение, — пишет Е. И. Диброва, — связано с эмоциональным уровнем сознания, чувственно отражая явления действительности. И одновременно оно глубоко информативно, передавая содержание знания о явлении. При таком осмыслении присоединение является особой синкретичной синтаксической зоной, где когнитивная и информация тесно объединены с эмотивно-побудительными сферами <...> сознания» [Диброва, 2008, с. 260]. Действительно, присоединение — в отличие от сочинения — призвано осуществлять «смысловое

и эмоциональное усиление» высказывания «путем введения специальных дополнительных речевых компонентов» [Турсунов, 1993, с. 10].

Говоря о присоединении в языке и речи, синтаксист, казалось бы, должен описать присоединение как модель (или как синтаксическую форму, представляющую собой единство значения и средств его выражения [Ширяев, 1986, с. 5]) и варианты ее речевого воплощения. Однако некоторые ученые придерживаются мнения о том, что «с точки зрения языка присоединение — непредсказуемая связь, а с точки зрения речевого аспекта присоединяемый элемент может прогнозироваться, так как эта связь может входить в планы говорящего» [Ваулина, 2011, с. 9]. Представляется, что как «непредсказуемость» (или, согласно привычному утверждению о присоединении, непреднамеренность), так и включенность в «планы говорящего» относятся к области речевого опосредования присоединения как синтаксической формы.

Синтаксическая форма (модель) присоединения основана на семантике добавочности и таких средствах ее выражения, как просодия («понижение голоса и относительно большая пауза перед присоединяемым элементом, произносимым особым тембром» [Крючков, 1950, с. 401]), специализированные / неспециализированные союзы, порядок элементов. Специфика порядка элементов при присоединении состоит в полной невозможности изолированного от первой части употребления присоединяемого элемента [Турсунов, 1993, с. 18] и в отсутствии «обратимости отношений, так как второй элемент не однороден первому» [Диброва, 2008, с. 260]. Названные средства выражения образуют формально-конструктивную организацию присоединения. В зависимости от того, какой союз отбирает автор для присоединительной конструкции, семантика добавочности вступает во взаимодействие с теми или иными смысловыми отношениями, возникающими между присоединяющим и присоединяемым элементами. Конкретный союз, работающий на присоединение, может осложнять его формально-конструктивную организацию.

Например, благодаря употреблению союза *а* при присоединении семантика добавочности обычно комплексировается с семантикой «неодинаковости», отражающей «субъективное, чаще всего эмоционально окрашенное соединение» в той или иной мере контрастных событий «для выражения <...> рефлексии» [Надибаидзе, 2016, с. 691, 696]. Ср. предложение-высказывание, завершающее рассказ В. Г. Лидина «Электрическая ночь»: *«И они (Стрежнев и его жена. — К. С.) помолчали, а присевшая на цветок настурции бабочка распустила свой парус и минуту спустя бросила якорь на другом цветке»* [Л-80, с. 165]. Союз *а* не поддается здесь элиминации: при бессоюзии соединение предикативных частей в одном высказывании становится семантически немотивированным и конструктивно недоста-

точным. Ср.: **И они помолчали, присевшая на цветок настурции бабочка распустила свой парус и минуту спустя бросила якорь на другом цветке*. Невозможность опущения союза *а* не позволяет согласиться с тем, что «присоединительные отношения не связаны с какой-либо определенной семантикой» [Валимова, 1967, с. 130]. При присоединении союз *а* обеспечивает необходимую концептуальную (и просодическую) дистанцию предикативных частей. Очевидно, что конструктивно-семантическая значимость союза *а*, проявляющаяся в недопущении его элиминации, осложняет формально-конструктивную организацию присоединения.

Речевое воплощение присоединения, особенно в условиях разговорной речи, нередко связывают с временной отсроченностью присоединяемого элемента и с тем, что присоединяемый элемент «не имелся первоначально в виду» [Турсунов, 1993, с. 16]. Однако при анализе устного дискурса (то есть своеобразной монологической формы разговорной речи) было выяснено, что при присоединении (в цитируемой работе — «приращении») «речевая программа говорящего предполагает добавление некоторой информации, тесно связанной с уже произнесенной», причем «характер этой дополнительной информации таков, что она может быть встроена в семантико-синтаксическую структуру уже произнесенной клаузы» [Рассказы о сновидениях, 2009, с. 120]. Отсюда следует, что встречающиеся в разговорной речи синтаксические разрывы или перебивы, вовсе не направленные на экспрессивное подчеркивание добавочности, не могут быть отнесены к присоединению. В разговорной речи присоединение как таковое строится на основе намерения говорящего и в своей интенции связано с «субъективной инаковостью» [Турсунов, 1993, с. 13] информации, то есть не может быть объяснено действием синтаксического автоматизма. В художественной речи могут быть умышленно воссозданы условия непринужденной беседы, когда в уста персонажей вкладывается присоединение, но это результат намеренного синтаксического изображения. Чаще всего в художественной речи, как показал Б. Турсунов, «употребление различных присоединительных конструкций связано с сознательным намерением <...> ввести в речь дополнительный элемент, призванный либо усилить предыдущее высказывание, либо выделить во всем контексте отдельную часть» [Там же, с. 14].

Тем самым продуцирование присоединения в речи определяется намерением выразить добавочность суждения и обязательностью учета допущений и ограничений, обусловленных формально-конструктивной организацией присоединительной связи. Однако при продуцировании присоединения в художественной речи автор высказывания может учесть также необходимость дальнейшей развертки текста и включения элементов добавочного суждения в создание художественной детали.

4. Textoобразующая функция присоединения в художественно-речевом творчестве и фактор установки

Возникновение представлений о текстообразующей функции в сфере синтаксиса было обусловлено разнообразными наблюдениями над тем, как «синтаксическая структура становится стимулятором в развитии текстовых категорий» [Ильенко, 2003, с. 363]. Согласно определению С. Г. Ильенко, текстообразующая функция — «свойство синтаксической единицы “двигать” текст, принимать участие в реализации его важнейших категорий и прежде всего таких, как интеграция, членимость (делимитация), модальность» [Там же, с. 445]. Такое понимание текстообразующей функции синтаксических форм, в том числе присоединения, носит предельно обобщенный характер и по этой причине может быть отнесено к любой речевой сфере.

Однако изучение того, как осуществляется текстообразующая функция присоединения в рассказах В. Г. Лидина, свидетельствует о недостаточности такого обобщенного понимания текстообразующей функции в синтаксисе художественно-речевого творчества. Это связано с тем, что, работая над рассказом, художник слова озабочен не только и даже не столько соблюдением связности речи и подчеркиванием единства / различия модальных оценок, сколько созданием художественного мира персонажей, оттачиванием сюжетной коллизии, продумыванием путей эстетического воздействия на читателя. Крайне важно отметить, что текстообразующая функция присоединения обслуживает у В. Г. Лидина решение и тех, и других авторских задач, свойственных художественно-речевому творчеству.

Текстообразующая функция присоединения обладает в рассказах В. Г. Лидина двойственностью проявления. С одной стороны, присоединение, нацеленное на «все то, что автор желает подчеркнуть, выделить, как бы вынести на поверхность, обособить» [Турсунов, 1993, с. 17], и обеспечивающее тем самым актуализацию той информации, которая добавляется к уже законченному в формально-смысловом и просодическом планах высказыванию, побуждает использовать отдельные «кванты» этой актуализованной информации для перспективной смысловой связи. При «движении» текста они воспроизводятся благодаря повтору на основе свертывания в номинацию, отрыва номинации, а также синтаксического переоформления суждения, заключенного в присоединяемом элементе. С другой стороны, присоединение, производя фокусировку внимания на добавочном суждении и допуская при развертке текста преобразование добавочного суждения в номинацию или подчеркнутое выделение номинации в другом суждении, способствует созданию художественной детали, то есть «значимой подробности изображенного мира персонажей, их облика и внутренней жизни» [Тюпа, 2008, с. 54].

Благодаря реализации текстообразующей функции присоединения В. Г. Лидиным созданы художественные детали таких разновидностей, как интерьерно-экспрессионная, пейзажная и аллюзивная. При повторе художественная деталь подается (и воспринимается) более четко, чем в составе присоединяемого элемента, и «осуществляет конструктивно-смысловое “сцепление”» [Там же, с. 54] частей рассказа, внося вклад в его мотивную структуру.

В. Г. Лидин пристрастен к присоединению (особенно с союзом *а*): употребляет его почти в каждом рассказе и то и дело включает его в выполнение двойственной в художественно-речевом творчестве текстообразующей функции. Очевидно, что в «синтаксическом багаже» (термин А. М. Пешковского) писателя в последние годы жизни фиксированная установка на присоединение, то есть «готовность» [Узнадзе, 2014, с. 212] к использованию этой связи, выступающая как своего рода «готовая формула» [Там же, с. 248] в его литературной речевой деятельности, была в высшей степени активна. Нужно заметить, что направленность на присоединение у В. Г. Лидина, поддержанная фиксированной установкой, носит вовсе не стереотипный характер [Асмолов, 1979, с. 114], так как присоединение употребляется им по-разному и текстообразующая функция присоединения реализуется неодинаково.

Как утверждал Д. Н. Узнадзе, «мир значений построен на почве установок» [Узнадзе, 2014, с. 257]. По-видимому, семантика добавочности, экспрессивно подчеркиваемая значением союза *а* («неодинаковость» и «рефлексивность»), побуждала писателя обратиться к форме присоединения потому, что благодаря этой семантике может быть выделен смысловой компонент, способный как осуществить при «движении» текста смысловую связь, так и стать основой художественной детали. Отсюда следует, что именно фактор установки вносит стабильность и целесообразность в употребление присоединения с союзом *а*, распространяя ее не только на высказывание с добавочным суждением, но и на рассказ как связную речь и как художественное целое.

5. Присоединение в рассказах В. Г. Лидина «Фуга», «Радуга», «Вокзальный буфет»: анализ употребления

В рассказе «Фуга» повествуется о том, что когда-то в молодости художник Сергей Корнаков написал портрет выпускницы Московской консерватории Оли Свержеевой, влюбленность в которую не переросла в нечто большее, и о том, что спустя много лет в мастерскую Корнакова приходит взрослая дочь Ольги Николаевны Свержеевой и просит убрать с края портрета чернильное пятно. Ср.: «Он (Корнаков. — К. С.) писал портрет акварелью, только акварель могла передать и тонкую одухотворенность лица, и меч-

тельность серых глаз, и музыкальную руку, кисть которой свисала с края стола, а на столе в вазе оранжево теплились настурции...» [Л-80, с. 196] и «Девушка достала из старинной папки для нот портрет, а чернилами залита была часть акварели — ваза с настурциями» [Там же, с. 197].

В. Г. Лидин, прибегая к присоединительной конструкции с союзом *а*, делает передаваемую посредством этой синтаксической структуры информацию не только добавочной, но и выделенной, актуализированной, как бы предвосхищая ее значимость для сюжета рассказа. В авторской речи союз *а* отображает рефлексивный настрой персонажа и особую сосредоточенность персонажа на том, о чем говорится в присоединяемом элементе. Повторное обращение к этой информации, нацеленное не на описание ситуации, а на конкретизированное обозначение принимавшего в ней участие предмета, приводит к свертыванию присоединительной конструкции в номинацию — бисубстантивное словосочетание с атрибутивно-объектными отношениями *ваза с настурциями*. Этот переход от присоединения предикативной конструкции к номинации обеспечивает, с одной стороны, смысловую организованность композиции, а с другой стороны, создание художественной детали интерьерно-экспрессивной разновидности (от описания подробности обстановки до наименования этой подробности, запечатленной на картине).

Переходя из авторской речи в речь персонажа, словосочетание претерпевает такую лексическую трансформацию, как замена зависимого компонента на гипероним. В разговоре с девушкой Корнаков говорит: «Я отрежу часть акварели и напишу новую *вазу с цветами*» и «Напишу, однако, не только *вазу с цветами*, но еще и ваш портрет» [Там же, с. 197]. Это связано, во-первых, с общей тенденцией разговорной речи к употреблению гиперонимов вместо гипонимов, а во-вторых, с изображением отстраненного взгляда мастера.

В рассказе «Радуга» сообщается о том, что к тяжело заболевшей колхознице Дарье Кондратьевне приезжают дочь Маня и сноха Клавдия. Если Маня обеспокоена состоянием здоровья матери, то Клавдия — тем, как будет разделено имущество в случае смерти свекрови. Присоединительную конструкцию с союзом *а* В. Г. Лидин использует при описании дома Дарьи Кондратьевны, добавляя информацию об одном из элементов пейзажа и как бы отделяя ее, ставя на ней особый акцент. Ср.: «Дарья Кондратьевна после смерти мужа, хорошего каменщика, сложившего в их колхозе не одно кирпичное здание, жила в своем домике, однако не кирпичном, а деревянном, но ладном, с садиком и яблоньками в нем, **а возле дома цвел из года в год про-сви́рник лиловый и розовый**» [Там же, с. 225]. Спросив Клавдию о внуках и услышав, что одна из них уже перешла во второй класс, а другая пойдет в школу на будущий год, Дарья Кондратьевна посмотрела «*чуть в сторо-*

ну, в окно, за которым качал своими цветными головками просвирник, из года в год шел он, лиловый и розовый <...>» [Там же, с. 227].

Повторяя информацию, содержащуюся в присоединяемом элементе, В. Г. Лидин распределяет ее по разным предикативным конструкциям, добиваясь подчеркнутого выделения «кванта» информации 'просвирник' в позиции подлежащего — субстантивного и прономинального. Такое синтаксическое переоформление добавочного суждения оказалось востребованным потому, что оно позволяет, с одной стороны, обеспечить смысловую связь на основе размещения существительного и его анафорического заместителя в синтаксически приоритетной актантной позиции, а с другой стороны, создать условия для того, чтобы один из элементов пейзажа стал восприниматься в качестве художественной детали пейзажной разновидности. Более того, просвирник предстает в рассказе как своеобразный символ обновляющейся жизни: вовсе не случайно о нем говорится после того, как Дарья Кондратьевна, находящаяся на пороге смерти, спрашивает о своих внуках.

Важно сказать о том, что союз *а* подчеркивает некую неодинаковость содержания присоединяемого элемента (ее усиливают детерминанты), но семантики рефлексии в самом присоединении здесь нет. Она возникает только *post factum*, под влиянием условий употребления синтаксически переоформленного добавочного суждения, выраженного присоединительной конструкцией. Это подтверждает, что «значения присоединительных связей вскрываются в широком контексте» [Крючков, 1950, с. 400].

Для присоединения с союзом *а*, представленного в рассказах «Фуга» и «Радуга», характерен контактный повтор в начале присоединительной предикативной конструкции члена из состава ремы предшествующей предикативной конструкции (ср.: ...с края стола, *а* на столе... и ...в нем, *а* возле дома...), свойственный еще древнерусскому синтаксису [Стеценко, 1962, с. 45—46]. В современной речи подобный повтор ремы при присоединении с союзом *а* «создает <...> особый синтаксический строй, имитирующий сказ» [Надибаидзе, 2016, с. 701].

Рассказ «Вокзальный буфет» посвящен шестилетнему мальчику Алексею Бутыреву (так официально называет его автор) и его матери Фросе, которые после ухода из семьи отца живут в тяжелой нужде. Алексей часто прибегает к матери, работающей судомойкой в станционном буфете, и все вокруг жалеют мальчика и стараются помочь ему. Например, строгий швейцар ресторана Андрей Прокофьевич подарил башмаки, купленные для внука. Повествование ведется с точки зрения ребенка-дошкольника, многое как бы пропущено через его миропонимание и, главное, через его небольшой пока языковой опыт. В. Г. Лидин употребляет присоединение с союзом *а* для включения конструкции с прямой речью. Ср.: «Станция

была большая, с буфетом и рестораном, а мать однажды сказала отцу: *“Уходи, ради бога... уходи на все четыре стороны”* <...>» [Л-80, с. 104].

По семантике подобное присоединение с союзом *а* близко к сочинительным конструкциям, в которых союз *а* применяется как «сигнал о своего рода “повороте повествования”» [Урысон, 2011, с. 255]. Резкое и сначала кажущееся семантически немотивированным добавление конструкции с прямой речью, осуществленное благодаря присоединению с союзом *а*, позволяет вычленить главное — адвербиальный фразеологизм, обозначающий не определенное направление (ср.: *идти на все четыре стороны* и *идти направо*), а фразеологический локус, в семантике которого направление движения является неопределимым.

Фразеологизм *на все четыре стороны* ‘куда только хочется, куда угодно’ [РФ, с. 670], услышанный от матери, запомнился мальчику, но был осмыслен, скорее, как свободное словосочетание. Согласно замечанию И. Ю. Третьяковой, «дети приспособливают фразеологические единицы для более точного описания элементов конкретной ситуации <...>. Для ребенка замена компонента фразеологизма не является намеренной трансформацией — это спонтанный процесс в использовании фразеологизма» [Третьякова, 2011, с. 31].

Алексей Бутырев употребляет этот фразеологизм как в неизменном виде, словно повторяя его за матерью (ср. в беседе со швейцаром Андреем Прокофьевичем: «Он (отец. — К. С.) *на все четыре стороны* ушел» [Л-80, с. 107]), так и в преобразованном, на что опосредованно указывает авторская речь. Ср.: «<...> отец прислал *со своих четырех сторон* письмо: “Как устроюсь, начну посылать денежное вспомоществование”, но, должно быть, так и не устроился, не стал посылать денежное вспомоществование или забыл» [Там же, с. 104]; «Рельсы, голубовато отражавшие небо, уходили направо и налево, — налево была Москва, куда он ездил раз с матерью, а направо — *все четыре стороны*, куда ушел отец, и незачем искать его, раз они с матерью стали не нужны ему» [Там же, с. 111].

По сравнению с узуальным фразеологизмом, в свободно-синтаксическом переосмыслении выражающим дейктическое значение ‘по направлению от говорящего’, трансформ *со своих четырех сторон* вызван необходимостью передать дейктическое значение ‘по направлению к говорящему’. Трансформ *все четыре стороны* является в детском языковом сознании подобным топониму (ср. противопоставление *Москва* — *все четыре стороны*).

Воспроизводство фразеологизма *на все четыре стороны*, том числе в преобразованном виде, приводит к созданию, с одной стороны, композиционно-смысловой связи в рассказе, охватывающей его как целое, а с другой стороны, художественной детали аллюзивной разновидности, образу-

ющей лейтмотив рассказа. В данном случае аллюзия обоснована как коннотацией цитатности в рамках рассказа, так и «народным колоритом» [РФ, с. 670], свойственным этому фразеологизму в современной речи.

Анализ употребления присоединительных конструкций с союзом *а*, отделенных запятой, в трех рассказах В. Г. Лидина свидетельствует о том, что, отбирая присоединение для синтаксической развертки предложения-высказывания, художник слова как бы предвосхищает участие присоединяемого элемента в текстообразовании. Причем присоединение не является ни спонтанным, ни непреднамеренным, его функционирование в художественной речи строится на том, что «присоединяемый элемент выделяется на основе субъективного фактора, внутреннего авторского замысла» [Диброва, 2008, с. 260], иначе говоря, — на основе установки. Это подтверждается обращением писателя к реализации текстообразующей функции присоединения. Во всех трех рассказах В. Г. Лидина текстообразующая функция присоединения носит двойственный характер: благодаря ей осуществляется, с одной стороны, смысловая связность речи, а с другой стороны, создание художественных деталей.

При этом в художественно-речевом творчестве В. Г. Лидина текстообразующая функция присоединения не сводится к формальному повтору тех единиц, которые входят в присоединяемый элемент: для творческого почерка писателя характерна смысловая динамика этих единиц, обусловленная разными их трансформациями и связанная с необходимостью обеспечить сюжетно-композиционную организацию повествования.

6. Заключение

Итак, анализ употребления присоединительных конструкций в поздних рассказах В. Г. Лидина дает возможность сформулировать выводы, касающиеся проблем сущности присоединения как явления языка и речи, а также специфики текстообразующей функции присоединения в художественно-речевом творчестве.

1. Присоединение является особой синтаксической формой, призванной объективировать семантику добавочности в результате взаимодействия таких средств выражения, как просодия, специализированные / неспециализированные союзы, порядок элементов. При развертке присоединительной конструкции учитываются допущения и ограничения, заданные синтаксической формой присоединения (например, запрет на обратимость присоединяющего и присоединяемого элементов, возможность / невозможность опущения союза и др.). Препятствуя элиминации, союз (в частности, союз *а*) обнаруживает свою конструктивно-семантическую значимость в речевой структуре присоединения.

2. Присоединению, особенно в художественной речи, свойственна намеренность продуцирования. На это указывает то, что в рассказах В. Г. Лидина, метапоэтику которого отличает пристальное внимание к синтаксису, представлен имплицитированный метапоэтический текст, отражающий не только направленность на присоединение как таковое, но и характерные способы его оформления (союз *а*, отделение запятой и др.). Обращаясь к присоединению, художник слова реализует установку, определяющую продуцирование присоединительной конструкции, а также ее участие в организации повествования как связной речи и как художественного целого.

3. Текстобразующая функция присоединения в художественно-речевом творчестве проявляется двояко: присоединение, обладающее актуализирующим потенциалом, позволяет выделить в добавочном суждении (= в присоединяемом элементе) тот или иной смысловой «квант» и создать на его основе как композиционно-смысловую связь, так и художественную деталь.

Источники и принятые сокращения

1. Л-63 — *Лидин В. Г.* О писательском деле / В. Г. Лидин. — Москва : Советская Россия, 1963. — 71 с.
2. Л-80 — *Лидин В. Г.* Таяние снегов : рассказы / В. Г. Лидин. — Москва : Советский писатель, 1980. — 328 с.
3. Л-91 — *Лидин В. Г.* Четыре времени года : рассказы, эссе / В. Г. Лидин. — Москва : Советский писатель, 1991. — 320 с.
4. РФ — *Русская фразеология : историко-этимологический словарь* / под ред. В. М. Мокиенко. — Москва : Астрель, 2005. — 926 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Асмолов А. Г.* Деятельность и установка / А. Г. Асмолов. — Москва : МГУ, 1979. — 150 с.
2. *Валимова Г. В.* Функциональные типы предложений в современном русском языке / Г. В. Валимова. — Ростов-на-Дону : РГУ, 1967. — 330 с.
3. *Ваулина Т. Л.* Присоединительные конструкции в языке современной газеты : структурные, семантические и функциональные особенности : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. Л. Ваулина. — Челябинск, 2011. — 20 с.
4. *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы : избранные труды / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1980. — 360 с.
5. *Диброва Е. И.* Избранные работы : в 2 томах / Е. И. Диброва. — Москва : ТВТ Дивизион, 2008. — Том 2. — 470 с.
6. *Зализняк А. А.* О месте категории присоединения в описании коннекторов русского языка / А. А. Зализняк // *Съоставительное языкознание*. — 2017. — Том 42, № 4. — С. 21—34.
7. *Ильenko С. Г.* Русистика : избранные труды / С. Г. Ильenko. — Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. — 674 с.

8. Крючков С. Е. О присоединительных связях в современном русском языке / С. Е. Крючков // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — Москва : Учпедгиз, 1950. — С. 397—411.
9. Надибаидзе О. Ш. Слово «а» в словаре (материалы для словаря служебных слов) / О. Ш. Надибаидзе // Язык : поиски, факты, гипотезы : сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Н. Ю. Шведовой. — Москва : ЛЕКСРУС, 2016. — С. 686—707.
10. Огнев А. В. Русский советский рассказ 50—70-х годов / А. В. Огнев. — Москва : Просвещение, 1978. — 208 с.
11. Попова И. А. Сложносочиненное предложение в современном русском языке / И. А. Попова // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — Москва : Учпедгиз, 1950. — С. 355—396.
12. Рассказы о сновидениях : Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. А. Кибрика, В. И. Подлесской. — Москва : Языки славянских культур, 2009. — 736 с.
13. Стеценко А. Н. Сложносочиненное предложение в древнерусском языке / А. Н. Стеценко. — Томск : ТГУ, 1962. — 131 с.
14. Третьякова И. Ю. Окказиональная фразеология / И. Ю. Третьякова. — Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. — 290 с.
15. Турсунов Б. Присоединение как особый тип синтаксической связи : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / Б. Турсунов. — Санкт-Петербург, 1993. — 36 с.
16. Тюпа В. И. Деталь / В. И. Тюпа // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / ред. Н. Д. Тамарченко. — Москва : Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. — С. 54.
17. Узнадзе Д. Н. Философия. Педагогика. Психология : наука о психической жизни / Д. Н. Узнадзе. — Москва : Смысл, 2014. — 367 с.
18. Урысон Е. В. Опыт описания семантики союзов : лингвистические данные о деятельности сознания / Е. В. Урысон. — Москва : Языки славянских культур, 2011. — 336 с.
19. Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке / Е. Н. Ширяев. — Москва : Наука, 1986. — 223 с.
20. Штайн К. Э. А. А. Потебня : Диалог во времени / К. Э. Штайн, Д. И. Петренко. — Ставрополь ; Ростов-на-Дону : Книга, 2015. — 640 с.
21. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба. — Москва : Учпедгиз, 1958. — 188 с.

MATERIAL RESOURCES

- L-63 — Lidin, V. G. (1963). *About writing*. Moscow: Soviet Russia. 71 p. (In Russ.).
L-80 — Lidin, V. G. (1980). *Melting snow: stories*. Moscow: Soviet writer. 328 p. (In Russ.).
L-91 — Lidin, V. G. (1991). *Four seasons: stories, essays*. Moscow: Soviet writer. 320 p. (In Russ.).
RF — Mokienko, V. M. (ed.). (2005). *Russian phraseology: a historical and etymological dictionary*. Moscow: Astrel. 926 p. (In Russ.).

REFERENCES

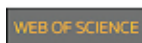
- Asmolov, A. G. (1979). *Activity and installation*. Moscow: Moscow State University. 150 p. (In Russ.).
Dibrova, E. I. (2008). *Selected works, 2/2*. Moscow: TVT Division. 470 p. (In Russ.).

- Ilyenko, S. G. (2003). *Russistics: selected works*. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Herzen, 674 p. (In Russ.).
- Kibrik, A. A., Podlesskaya, V. I. (eds.). (2009). *Stories about Dreams: Corpus Study of Russian Oral Discourse*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 736 p. (In Russ.).
- Kryuchkov, S. E. (1950). About connecting connections in modern Russian language. In: *Questions of syntax of modern Russian language*. Moscow: Uchpedgiz. 397—411. (In Russ.).
- Nadibaidze, O. Sh. (2016). The word “a” in the dictionary (materials for the dictionary of official words). In: *Language: searches, facts, hypotheses: a collection of articles dedicated to the 100th anniversary of the birth of Academician N. Yu. Shvedova*. Moscow: LEXRUS. 686—707. (In Russ.).
- Ognev, A. V. (1978). *Russian Soviet story of the 50—70s*. Moscow: Education. 208 p. (In Russ.).
- Popova, I. A. (1950). Compound sentence in the modern Russian language. In: *Questions of the syntax of the modern Russian language*. Moscow: Uchpedgiz. 355—396. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1958). *Selected works on the Russian language*. Moscow: Uchpedgiz. 188 p. (In Russ.).
- Shiryaev, E. N. (1986). *Unionless complex sentence in modern Russian language*. Moscow: Nauka. 223 p. (In Russ.).
- Stein, K. E., Petrenko, D. I. (2015). *A. Potebnya: Dialogue in time*. Stavropol; Rostov-on-Don: Kniga. 640 p. (In Russ.).
- Stetsenko, A. N. (1962). *Compound sentence in the Old Russian language*. Tomsk: TSU. 131 p. (In Russ.).
- Tretyakova, I. Yu. (2011). *Occasional phraseology*. Kostroma: KSU im. N. A. Nekrasova. 290 p. (In Russ.).
- Tursunov, B. (1993). *Joining as a special type of syntactic connection: author's abstract of Doct. Diss*. St. Petersburg. 36 p. (In Russ.).
- Tyupa, V. I. (2008). Detail. In: *Poetics: a dictionary of actual terms and concepts*. Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada. 54. (In Russ.).
- Uryson, E. V. (2011). *Experience in describing the semantics of alliances: linguistic data on the activity of consciousness*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 336 p. (In Russ.).
- Uznadze, D. N. (2014). *Philosophy. Pedagogy. Psychology: the science of mental life*. Moscow: Smysl. 367 p. (In Russ.).
- Valimova, G. V. (1967). *Functional types of sentences in modern Russian language*. Rostov-on-Don: RGU. 330 p. (In Russ.).
- Vaulina, T. L. (2011). *Joining structures in the language of a modern newspaper: structural, semantic and functional features: author's abstract of PhD. Diss*. Chelyabinsk. 20 p. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1980). *About the language of fiction: selected works*. Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2017). About the place of the category of joining in the description of the connectors of the Russian language. *Comparative studies*, 42/4: 21—34. (In Russ.).

Солопова О. А. Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода Второй мировой войны) / О. А. Солопова, Н. Н. Кошкарлова // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 148—167. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-148-167.

Solopova, O. A., Koshkarova, N. N. (2021). Religion as Source Domain of Metaphors in World War II Media Discourse. *Nauchnyi dialog*, 4: 148-167. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-148-167. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-148-167

Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода Второй мировой войны)

Солопова Ольга Александровна

orcid.org/0000-0003-4170-7267

доктор филологических наук,
профессор

кафедры лингвистики и перевода
o-solopova@bk.ru

Кошкарлова Наталья Николаевна

orcid.org/0000-0001-8861-0353

доктор филологических наук,
профессор

кафедры международных отношений,
политологии и регионоведения
nkoshka@rambler.ru

Южно-Уральский

государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-012-00192

Religion as Source Domain of Metaphors in World War II Media Discourse

Olga A. Solopova

orcid.org/0000-0003-4170-7267

Doctor of Philology, Professor
Department of Linguistics and Translation
o-solopova@bk.ru

Natalya N. Koshkarova

orcid.org/0000-0001-8861-0353

Doctor of Philology, Professor
Department of International Relations,
Political Science and Regional Studies
nkoshka@rambler.ru

South Ural State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 19-012-00192

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена ретроспективному исследованию англоязычных медиадискурсов периода Второй мировой войны. Цель работы — выявление закономерностей моделирования образов войны и мира в британском, американском и австралийском военно-публицистических дискурсах. Предлагается определение военно-публицистического дискурса как институциональной формы коммуникации, выделяются его существенные характеристики. Источником материала послужили авторитетные оцифрованные архивы Великобритании, США и Австралии. Материал извлечен с помощью инструментов корпусной лингвистики. Содержательный анализ проведен в рамках когнитивно-дискурсивной методологии с использованием метода метафорического моделирования. Объектом исследования является доминантная метафора, задействованная в репрезентации образов войны и мира в трех дискурсах. Авторами показаны основные общие черты и специфические особенности реализации религиозной метафоры, обусловленные лингвокультурными и экстралингвистическими факторами. Делается вывод о том, что одним из средств образной репрезентации прошлого выступает религиозная метафора, которая располагает войну и мир на разных полюсах шкалы ценностных ориентаций и актуализирует бинарную аксиологическую оппозицию «добро — зло», «свет — тьма».

Ключевые слова:

образ войны; образ мира; религиозная метафора; оцифрованный архив; военно-публицистический дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article studies the English-language media discourses of the World War II period from a retrospective point of view. The aim is to identify the patterns of modeling the images of war and peace in British, American and Australian media discourses. The definition of military media discourse as an institutional form of communication is proposed, its essential characteristics are highlighted. The source of the material was the authoritative digitized archives of the UK, the USA and Australia. The material was extracted using corpus linguistics tools. The qualitative analysis was carried out within the framework of the cognitive-discourse methodology using the method of metaphorical modeling. The object of the research is the dominant metaphor used when representing the images of war and peace in the three discourses. The authors show common and specific features of the use of the religious metaphor, conditioned by cultural and extra-linguistic factors, and conclude that the religious metaphor places war and peace at different poles of the scale of values and actualizes the binary axiological opposition “good — evil”, “light — darkness”.

Key words:

image of war; image of the world; religious metaphor; digitized archive; military media discourse.

Образы войны и мира через призму религиозной метафоры (на материале оцифрованных архивных текстов периода Второй мировой войны)

© Солопова О. А., Кошкарлова Н. Н., 2021

1. Дискурс о войне: аспекты изучения

Война относится к тем деструктивным явлениям в истории человечества, изучение которых находится в исследовательском фокусе разных научных направлений: философии, психологии, социологии, эстетики, политологии. В настоящее время в пространство информационно-психологической войны апологеты нового исторического нарратива «умело» вплетают ревизионистские теории, основной лейтмотив которых заключается в пересмотре причин и итогов Второй мировой войны, инверсии не только текущих геополитических, но и произошедших в далеком прошлом событий. В этом отношении эффективным инструментом противодействия ревизионистским теориям могут стать ретроспективные исследования, нацеленные на реконструкцию и репрезентацию образов прошлого и позволяющие установить коррелятивные связи между фрагментом мира прошлого и экстралингвистическими факторами.

Любое фундаментальное исследование должно базироваться на философских основаниях, что означает необходимость рассмотрения войны с точки зрения науки о познании мира. Взаимосвязь войны и социальных условий отражена в философском определении: «Война — это острый конфликт между социальными группами, странами, государствами, в разрешении которого участвуют вооруженные силы» [Философский словарь, 2001, с. 99]. С течением времени предложенная дефиниция модифицируется и трансформируется: интерференция новых социально-политических условий и обстоятельств в способы ведения войны приводит к необходимости уточнения вопроса о классификации анализируемого явления.

Ученые, занимающиеся философскими проблемами войны и мира, классифицируют войны на разных теоретико-методологических основаниях. Классификационные критерии включают характер военных конфликтов, сущность и содержание войны, «горячие» и «холодные» войны и другое. Такой широкий спектр оснований для классификации войн дает возможность уточнить определение анализируемого феномена и в качестве рабочей принять дефиницию, предложенную С. В. Бойко: война — это «двустороннее (многостороннее) острое противоборство государств (коа-

лиции государств), в ходе которого при достижении поставленных целей применяется как вооруженное насилие, так и несмертоносные средства ведения борьбы» [Бойко, 2014, с. 31].

К последним относятся средства массовой информации, которые вполне справедливо можно отнести к сфере функционирования военно-публицистического дискурса. В науке о языке на сегодняшнем этапе ее развития заложена некоторая теоретико-методологическая база изучения военно-публицистического дискурса через призму описания войны, конфликтного дискурса, военного и военного-политического типов дискурса. Исследователи описывают языковые аспекты войны [Lakoff, 1991; Mollin, 2018], деструктивные формы интеракции [Koshkarova et al., 2016; Starr et al., 2015], характерологические особенности военного дискурса [Ainsa, 1990; Олянич, 2015], военно-политический дискурс как гибридный тип взаимодействия [Бачурин, 2014; Солопова и др., 2018].

Несмотря на лапидарный характер исследований военно-публицистического дискурса можно выделить ряд работ, которые обращаются к указанной проблематике. В фокусе внимания ученых находятся вопросы взаимосвязи военного, политического, гендерного и национального типов дискурса [Ищенко, 2007], военно-публицистического дискурса стран-союзниц во Второй мировой войне [Bernat et al., 2019; Solopova, 2019], ретроспективного и диахронического анализа [Солопова и др., 2018; Solopova et al., 2019]. Вместе с тем неосвещенными остаются проблемы, связанные с лингвистическим изучением военно-публицистического дискурса: не вполне определен его статус в ряду смежных понятий (стиль, жанр, текст); отсутствует четкая дефиниция указанного типа взаимодействия; необходимо описание структурно-компонентной схемы данного вида интеракции и его дифференциальных признаков.

Проблема разграничения военно-публицистического, военного и военно-политического дискурсов получает двоякое решение в трудах российских исследователей: иногда его рассматривают в одном ряду с военно-политическим типом [Бачурин, 2014; Солопова и др., 2018]; в некоторых случаях — с военным дискурсом [Ищенко, 2007]. Такую трактовку военно-публицистического дискурса возможно объяснить его гибридным характером, когда в пределах одного дискурсивного поля функционируют и взаимодействуют с разной долей выраженности элементы военного, политического, массмедийного типов.

Полагаем, что военно-публицистический дискурс нуждается в самостоятельной дефиниции и отдельной характеристике. Под *военно-публицистическим дискурсом* мы понимаем «формат институционального дискурса, сложившийся в среде массовой коммуникации, соотносенный с во-

енной реальностью и репрезентирующий ее, находящийся под влиянием экстралингвистического контекста (культурно-исторического, идеологического, политического, социального)» [Солопова и др., 2019, с. 766].

Исходя из определения военно-публицистического дискурса считаем целесообразным сделать акцент на следующих его свойствах: институциональность, которая определяется его функционированием в медиасреде, интеракцией коммуникантов — журналистов и аудитории, выполняющих свойственные им роли; гибридность, которая проявляется в интеграции элементов других типов институционального общения — военного и публицистического; военно-фактологическая информативность, означающая передачу точной информации в сжатом и концентрированном виде; мифологизированность, которая проистекает из столкновения нескольких систем ценностей; «декоративность», достигающаяся за счет употребления образных и экспрессивных средств.

2. Метафора в дискурсе о войне

Одной из важных составляющих военно-публицистического дискурса является использование образных средств, разновидностью которых выступает метафора, изучаемая и описываемая в рамках теории политической метафоры. Теория метафорического моделирования берет свои истоки в работах Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff et al., 2003], а затем получает свое развитие в трудах российских и зарубежных лингвистов [Chilton, 2005; Frank, 2009; Gibbs et al., 2008; Musolff, 2008; Solopova, 2019; Vertessen et al., 2008; Чудинов и др., 2020].

Для анализа материала был применен метод метафорического моделирования, признанный наиболее продуктивной схемой анализа метафоры в дискурсе [Чудинов и др., 2020]. Метод позволяет проследить действие аналоговых механизмов в постижении абстрактного мира, выявить прототипический признак, являющийся основанием метафорического переноса, определить его культурную и историческую обусловленность в соответствующий период [Кондратьева, 2011].

Религиозная метафора, являющаяся объектом проводимого исследования, основана на архетипических представлениях человека об окружающем мире. Исследователи не раз отмечали особую риторическую силу архетипической метафоры в дискурсе, доказывали, основываясь на эмпирических данных, распространенность и востребованность таких метафор [Harvey, 1999; Osborn, 1967; Trim, 2011]: из почти безграничного диапазона возможностей для образных ассоциаций архетипический метафорический паттерн всегда предпочтителен другим единицам. Этот факт объясняется учеными «иммунитетом» архетипической метафоры к изменениям, вы-

званным временем, ее инкарнированностью в пласт социальных и культурных представлений, что, в свою очередь, детерминировано экзистенциальным опытом человека и основными движущими мотивами, лежащими в основе любой деятельности, в том числе познавательной.

Одним из вариантов реализации архетипов является существование в сознании человека бинарных оппозиций (добро — зло, свет — тьма, герой — злодей и др.). Бинарные оппозиции берут свои истоки в мифологической картине мира, когда семантика мировой модели описывается через существование противопоставленных друг другу признаков. Подобная дихотомия типична и для военно-публицистического дискурса, аксиосфера которого характеризуется противопоставлением «своих» и «чужих», военного противостояния в настоящем и вероятного мирного будущего, возможной победы одной стороны и неминуемого поражения другой. Аксиологическая оппозиция, свойственная культурной картине мира, транслируется и на военно-публицистический дискурс, представленный в концептах войны и мира, которые, с одной стороны, находятся в противоречивых отношениях, а с другой — образуют единое целое, так как находятся на единой ценностной шкале «добро — зло».

В исследовании религиозная метафора проанализирована с опорой на следующие элементы: первоначальная область знаний и (или) понятий, коррелирующая с неметафорическими значениями компонентов модели, образы и смыслы исходной сферы-источника; вновь образованная область знаний и (или) понятий, соотносящаяся с метафорическими значениями единиц модели, образы и смыслы сферы-мишени, коррелятивные связи между образами одной сферы-мишени (например, войны / мира), между образами разных сфер-мишеней (войны и мира); компонент, связующий две сферы и обуславливающий возможность метафорической проекции; заложенный в метафоре прагматический потенциал; универсальные и национально-специфические черты в трех дискурсах.

3. Формирование исследовательского корпуса и количественная обработка данных

На *первом этапе* для отбора материала исследования применялись технологии корпусной лингвистики. Под корпусом, вслед за В. П. Захаровым, будем понимать «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, филологически компетентный массив языковых данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [Захаров и др., 2011, с. 8]. Источниками материала являются авторитетные оцифрованные полнотекстовые архивы англоязычных периодических изданий: британский (BNA), американский (CA),

австралийский (Trove). Каждый ресурс оснащен поисковым интерфейсом, позволяющим исследователю задать критерии расширенного поиска по словоформам, по временному диапазону, типу документа и другим параметрам. Документы на электронных ресурсах доступны для скачивания и представляют собой отсканированные копии оригинальных материалов, что исключает возможность редактирования и корректирования исходного текста пользователями. Данные корпуса текстов отвечают критериям репрезентативности, количества данных, качества оригинальных текстов, структуризации материала, возможности извлечения данных и сортировки документов по релевантности.

В каждом архиве в расширенном поиске были заданы следующие параметры: ключевые слова (war / peace) с условием встречаемости словоформ в пределах одного текстового документа, временной интервал (1 сентября 1939 — 2 сентября 1945), тип документа (статья, иллюстрированная статья), тип сортировки документов (по релевантности). Результат компьютерной обработки данных представляет массив документов, соответствующих критериям отбора, который составил 10878 в британском корпусе, 9927 — в американском корпусе, 7345 — в австралийском.

Второй этап отбора материала предполагал ручную обработку каждого текста, что является весьма трудоемкой и скрупулезной процедурой, поэтому в выборку были включены первые 500 текстов, отсортированные по релевантности, из каждого корпуса, созданного на первом этапе, то есть выборка из британского, американского, австралийского дискурсов представлена равным объемом проанализированного материала. Следует подчеркнуть, что разработанные к настоящему моменту программы автоматизированного извлечения единиц в переносном значении из корпусов текстов [Birke et al., 2006; Shutova et al., 2013] не могут быть использованы для поиска метафор в собранном массиве материала по нескольким причинам. Во-первых, программы ориентированы на работу с современными корпусами данных, в которых документы представлены в текстовом формате, а не в оцифрованном виде. Современные системы оптического распознавания данных, которыми оснащены архивы, конвертируют файлы в редактируемый текстовый формат. Однако при экспорте документов качество преобразуемых текстов зависит от общего состояния оригинальных материалов, датируемых 1939—1945 годами, факторов старения и дефектов. Во-вторых, такие программы, как правило, нацелены на извлечение лексических единиц в переносном значении, конвенциональных метафор и на их частеречную классификацию, но не предназначены для определения сферы-источника и сферы-мишени метафоризации. В-третьих, метафорическая проекция, будучи явлением концептуальным, в своих «границах»

часто не совпадает с одной лексической единицей, не является «стертой» и конвенциональной, а наоборот, — индивидуально авторской. Более того, концептуальная метафора может реализовываться в пределах контекста и развертываться в целом тексте, что вновь свидетельствует в пользу скрупулезного изучения каждого текста и выявления метафор вручную. Согласно алгоритму, предложенному А. П. Чудиновым [Чудинов и др., 2020] и поставленной цели исследования из массива материала отбирались *словопотребления*, которые репрезентируют сферы-мишени «война» и «мир» через средства других концептуальных доменов (например, WAR is HELL; PEACE is PARADISE), что напрямую согласуется с общепринятой трактовкой концептуальной метафоры, постулирующей, что структура и смыслы одной сферы-источника проецируются на другой концептуальный домен [Lakoff et al., 2003].

На следующем этапе была произведена разметка каждого сформированного корпуса. При инвентаризации больших массивов употребления концептуальных метафор существенное значение отводится метаязыку описания метафорики, поскольку разметка текстов в терминах единого метаязыка в значительной степени предопределяет получаемый результат. В случае выборки метафор это особенно важно, поскольку семантический метаязык может кодировать смыслы на различных уровнях абстракции. Соответственно, области источника и цели для одного и того же вхождения метафоры могут получать различные наборы семантических маркеров. Кроме того, семантические следствия из метафоры часто плохо отделимы от семантики метафоры в точном смысле, что также остается проблемой даже для ручного кодирования контекстов. Тем не менее в рамках данного исследования, следуя логике метода метафорического моделирования, была предпринята попытка систематизации и классификации метафорических единиц по сферам-мишеням метафорической экспансии «война» и «мир» и определения сферы-источники метафоризации. Разметка каждого метафорического контекста включает указание сферы-мишени (*СМ*), сферы-источника (*СИ*), отрицательного (—) или положительного (+) прагматического потенциала (*П*), который она реализует в пределах контекста. Например, War is hell (Война — это ад) / Smith's Weekly, 22.08.1942 [Trove]: *СМ война, СИ религия, П —*.

В дальнейшем размеченные контексты с однотипными сферами-мишенями (война, мир) были сгруппированы в отдельные документы, метафоры классифицированы по сферам-источникам. Общее количество метафор, зафиксированных в британском военно-публицистическом дискурсе, — 325, в американском — 297, в австралийском — 92. Результаты следующего этапа — статистической обработки данных — представлены в таблицах (табл. 1 и 2).

Таблица 1

Статистический анализ представленности метафорических моделей
со сферой-мишенью «война»

Сфера-источник	Великобритания (всего — 237)	США (всего — 223)	Австралия (всего — 79)
религия	32,4%	28,7%	36,7%
преступление	10,5%	23,8%	18,9%
неживая природа	24,9%	6,3%	—
болезнь	10,4%	2,7%	13,9%
физиология	8%	1,8%	6,4%
спорт / игра	4,6%	10,2%	6,4%
строительство	2,9%	5,4%	—
бизнес / работа	2,1%	15,7%	15,2%
другие	4,2%	5,4%	2,5%

Таблица 2

Статистический анализ представленности метафорических моделей
со сферой-мишенью «мир»

Сфера-источник	Великобритания (всего — 88)	США (всего — 74)	Австралия (всего — 13)
религия	23,9%	32,4%	46,2%
работа / задача	14,8%	37,8%	38,5%
болезнь	23,9%	—	—
неживая природа	13,6%	—	—
преступление	2,3%	18,9%	—
строительство	12,5%	—	—
родство	2,3%	—	—
другие	6,7%	10,8%	15,3%

Данные статистического анализа позволяют прийти к следующим выводам. Во-первых, в трех дискурсах образы «войны» преобладают над образами «мира»: война как настоящее, которое человек и общество проживают ежедневно, ежесекундно, занимает доминирующее положение по сравнению с образами «мира» (одной из вероятных альтернатив будущего и концептуализации прошлого).

Во-вторых, данные статистического анализа показывают также, что наиболее метафоричным в репрезентации образов «войны» и «мира» является британский дискурс (325 единиц), что обусловлено прежде всего экстралингвистическими причинами. Британия участвовала во Второй мировой войне

с самого ее начала: именно она в сентябре 1939 года первой объявила войну Германии; военные действия велись ее вооруженными силами и на ее территории (Битва за Атлантику, Битва за Британию); Великобритания была одним из главных союзников в Большом Альянсе. На наш взгляд, смыслы враждебности, нагнетания надвигающейся / реальной угрозы, потребности сбалансировать / нейтрализовать врага являются одним из решающих факторов в активизации метафорических единиц при моделировании войны как настоящего (с превалированием метафор с негативным прагматическим потенциалом) и мира как вероятной проекции будущего и ностальгии по ушедшему прошлому (с безусловной доминантой единиц с положительной оценочностью).

Несколько ниже степень метафоричности американского дискурса (297 единиц), что, вероятнее всего, связано с тем, что США вступили в войну позднее, в декабре 1941 года. Несмотря на то, что Америка наряду с Великобританией и СССР также являлась одной из стран «Большой тройки», война территориально велась на другом континенте, и государство находилось далеко от главного театра военных действий, за исключением Тихоокеанского фронта.

Наименее метафоричен австралийский дискурс периода Второй мировой войны (92 единицы): Австралия, будучи доминионом Великобритании, объявила войну одновременно с последней, которой она была обязана оказывать военную поддержку; однако отдаленное географическое положение и небольшое количество нападений на австралийский континент обусловило меньшее количество текстов о войне и мире, метафорических единиц в целом, собственно метафорических моделей, задействованных в репрезентации образов «войны» и «мира», в дискурсе Австралии. Подчеркнем, что в случае проведенного исследования степень метафоричности не может быть обусловлена спецификой «случайно» выбранных текстов, поскольку параметры отбора исследуемого материала были равнозначны для каждого из анализируемых дискурсов.

Сопоставительный анализ полученных данных позволил выделить доминантную метафору при репрезентации образов «войны» как зла и «мира» как добра. Поскольку проблема добра и зла является центральной во всех религиозных доктринах, самой востребованной стала архетипическая метафора религии (таблица 1, 2), занимающая первое место на шкале частотности при создании образа войны в трех дискурсах, при моделировании образа мира — в британском и австралийском дискурсах, второе — в дискурсе США.

4. Религиозная метафора в моделировании образов «войны» и «мира»

Активизация религиозной метафоры в дискурсе о войне и о мире связана и с тем, что она заставляет искать ответы на вечные вопросы. Бинар-

ная метафорическая оппозиция, которая развивается в рамках религиозной метафоры, соотносится с дуалистической концепцией — вечной борьбой двух начал. Эти начала трансцендентны: свет и тьма, добро и зло, Бог и дьявол, Христос и Антихрист: *The present war is part of immense struggle between light and darkness* (Нынешняя война — это кровопролитная схватка между светом и тьмой) / The Children's Newspaper, 19.02.1944 [BNA]. *Conflict of Light and Darkness. I declare that for me neutrality of heart is impossible in this struggle. I see it as a great conflict between light and darkness* (Борьба света и тьмы. Невозможно жить с холодным сердцем в этой распри. Для меня это великая битва между светом и тьмой) / Evening star, 17.03.1943 [CA]. *The war in which many nations were at present involved was a clash between two ideals — one evil and one good* (Война, в которую оказались втянуты многие народы, стала столкновением двух идеалов — добра и зла) / The Telegraph, 16.09.1940 [Trove]. Столкновение добра и зла, света и тьмы (согласно религиозному осмыслению дихотомии представленных нормативно-оценочных категорий) вербализуется в метафорах масштабного острого противостояния.

Метафоры тьмы и света в репрезентации образов войны и мира имеют материальную природу, то есть реальное воплощение в физическом мире: материальная тьма — нацизм — окружает мир, ступает над человечеством и поглощает его. Это не только идеология человеконенавистничества, но иная форма жизни, в которой нет добра, человечности, чести, совести и сострадания — всего того, что составляет основу морали. Война, порожденная тьмой, — это зло: *What we are really fighting is a horrible system of diabolical evil* (Сегодня мы ведем битву с отвратительным и дьявольским злом) / Cornish Guardian, 26.02.1942 [BNA]. *War is the most terrible evil that afflicts the human race* (Война — это самое ужасное зло, которое может обрушиться на человечество) / News Dispatch, 02.11.1944 [CA]. *All right thinking people will agree that war is a terrible evil* (Все благочестивые люди согласятся, что война — это ужасное зло) / The Advertiser Adelaide, 29.04.1944 [Trove].

Следует отметить, что понимание зла — культурно обусловленное явление. Зло не является абсолютным: для одного и того же человека, одного и того же сообщества многократно меняются обстоятельства и устои, определяющие те моральные принципы, которые согласуются или, наоборот, идут вразрез с нравственными ценностями общества. Однако война не только абсолютизирует зло, но и в какой-то мере нивелирует его культурно специфическое понимание: *The world becomes hell and charnel house* (Мир превращается в ад и становится склепом) / Cornishman, 09.09.1943 [BNA]. *That's war... the damnable hell of war* (Эта война — это кишящий демонами ад) /

The Wilmington morning star, 12.02.1944 [CA]. *War is hell* (Война — это ад) / Smith's Weekly, 22.08.1942 [Trove]. Война — это ад, кишачий демонами, иссушающий души и калечащий тела; геенна огненная, в которой заживо сжигают детей и младенцев; выжженная земля, по которой растекаются реки из расплавленного металла и крови и где воздух пропитан ужасом и болью. Но если в религиозных учениях вечное страдание является наказанием только для грешников за неверие и ослушание, война касается всех и каждого.

Зло не только абсолютно, поскольку оно является недопустимым для человечества, оно персонифицировано: *This man, Hitler, is a brute who will not stop at anything. He does not mind bombing churches, hospitals, and killing civilians. Hitler is the personification of the devil himself* (Гитлер — это зверь, который не остановится ни перед чем. Он не гнушается разрушать церкви, больницы, убивать мирных жителей. Гитлер — это воплощение дьявола на земле) / Clitheroe Advertiser and Times, 31.01.1941 [BNA]. *HITLER AND THE DEVIL. The Devil said, "Howdy," and Hitler, "How are you? I'm running a hell here on earth, so tell me what to do." "What can I do," the Devil said, "dear old pal of mine. It seems you don't need any help. You're doing mighty fine* (ГИТЛЕР И ДЬЯВОЛ. Дьявол: «Привет!» — Гитлер: «Как дела? Я устроил ад на земле. Скажи мне, что делать». — Дьявол: «Что тебе сказать, дружище. Кажется, тебе не требуется моя помощь. Ты сам отлично справишься») / Roanoke Rapids herald, 18.12.1941 [CA]. *This army's leader (Hitler) is the very quintessence of all diabolical evil* (Гитлер как военный лидер — это и есть квинтэссенция дьявольского зла) / Queensland Times, 17.01.1942 [Trove]. В военно-публицистическом дискурсе Второй мировой войны трех стран главный идеолог нацизма А. Гитлер представлен как проводник зла на земле, пособник дьявола или сам дьявол во плоти. Он отмечен «меткой зверя», «печатью Антихриста» (*the mark of the beast* / The Scotsman, 10.10.1940 [BNA]) или сам является «зверем», выбравшим мир тьмы по собственной воле и пытающимся возродить все темное в человечестве и сжечь его изнутри (*Hitler, Beast of Berlin* (Гитлер, берлинский зверь) / Roanoke Rapids herald, 12.12.1940 [CA]).

Союз Третьего Рейха, его пособников и сателлитов репрезентируется как демонические, сатанинские силы: *evil force of the Axis Powers* (враждебные силы гитлеровской коалиции) / Sunderland Daily Echo and Shipping Gazette, 21.05.1942 [BNA], *hellish forces* (адские силы) / The Key West citizen, 03.12.1939 [CA], *satanic forces* (сатанинские силы) (Southern Cross 24.10.1941 [Trove]). Это враждебные силы насилия и жестокости, несущие хаос, разрушение и смерть.

Армии гитлеровской коалиции — питомцы демонов, свора ненасытных и свирепых псов со зловонным дыханием и огромной пастью, загоня-

ющих для своего хозяина добычу, встреча с ними означает выход на грань миров и предрекает скорую и неминуемую смерть: *The hounds of hell unleashed in fury, intense, who roam at large, deal out death, destruction and pestilence* (Спущенные с привязи злобные и ненастные адские псы бродят в поисках смерти, разрушения и гибели) / Berwickshire News and General Advertiser, 11.05.1943 [BNA].

Показательно, что метафора «адских псов» частотна при репрезентации жестокости и зверств нацистской армии в военно-публицистическом дискурсе Великобритании. Образ «собак из ада» уходит корнями в предания, мифы и фольклорные традиции многих культур. Не является исключением и Великобритания. В различных регионах существуют собственные предания: в графствах Англии адская гончая известна как *Black Shuck, Padfoot, Barguest, the Harry Hound, the Yeth hound*, в Ирландии — как *Pooka*, в Уэльсе — *the Gwylgi*, в Шотландии — *Cù Sìth*. Следует подчеркнуть, что ни одна другая страна в мире не хранит такое множество легенд о черных псах [Barber, 2007].

Отметим, что если в фольклорной традиции Великобритании образ адской гончей многогранен: черные псы — не только предвестники смерти и болезни, но и проводники заблудших душ и стражи царства мертвых, — то в военно-публицистическом дискурсе периода Второй мировой войны он транслирует исключительно отрицательные черты, как внешние, так и поведенческие. Армии стран Оси, как адские псы, являются вестниками грядущей смерти, внушают ужас и лишают своих жертв способности сопротивляться; они ненасытны и упорны, обладают такой силой, скоростью и чутьем, что от них невозможно скрыться. Адские псы не сразу убивают жертву, они терзают ее, стремясь доставить как можно больше страданий, и исчезают, оставляя после себя выжженную землю.

В моделировании образа войны для военно-публицистических дискурсов Великобритании, США и Австралии характерно концептуальное созвучие и взаимовлияние религиозных метафор. Война — это ад, место, в котором нет света, счастья и покоя, полное огня, дыма и стонов; Гитлер и его пособники — сатана и демоны, испытывающие ненависть ко всему живому, истязают тела и наполняют души неимоверной болью и ужасом; армии нацистов и фашистов — исчадия ада, которых влечет запах смерти, убийцы, посланные уничтожить человечество. В рамках религиозной метафоры моделируется яркий отрицательный образ врага, олицетворяющего войну, — вселенское зло. Чем мощнее представляется враг, тем значимее становится роль защитников, проводников добра.

Несмотря на преобладание метафорической репрезентации зла, воплощенного в собственно военных действиях и поступках конкретных исто-

рических деятелей, остается надежда на победу добра, источником которого является Бог. Контексты с религиозной метафорой в трех дискурсах свидетельствуют о том, что добро не существует автономно от Бога, только через веру в Бога возможна победа над злом и установление мира на земле: *Victory and Peace through God* (Победа и мир с божьей помощью) / Henderson daily dispatch, 25.09.43 [CA]. Мир при этом является благом, которое нельзя получить даром, это результат трудной и кропотливой работы, итог выполнения определенных требований и правил, награда за благочестие и непорочность характера: *Peace is a blessing, the achievement of which demands the fulfilling of obligations as well as sacrifices and virile endeavor* (Мир — это благословение, а его достижение требует исполнения правил, жертв, зрелых поступков) / Bristol Evening Post, 18.11.39 [BNA]. <...> *History, both Biblical and secular, seems to teach that peace is blessing bestowed upon nation and its peoples as a reward for Godliness and uprightness of character* (Библейская и светская история учит нас, что мир — это благословение, дарованное нации и людям в качестве награды за благочестие и непорочность характера) / Diss Express, 13.03.1942 [BNA].

Достижение мира на земле и борьба с нацизмом описываются в терминах религиозной семантики и расцениваются как священная война за восстановление миропорядка, сохранение христианской цивилизации и защиты веры: *ALLIES' CRUSADE. The war against Nazi Germany is a crusade to save Christian civilisation, and those enlisting in the Services are first and foremost defenders of the faith* (КРЕСТОВЫЙ ПОХОД СОЮЗНИКОВ. Война против нацистской Германии — это крестовый поход по спасению христианской цивилизации, а его участники — это первые и главные защитники веры) / Edinburgh Evening News, 28.10.1939 [BNA]. <...> *The idea of the holy crusade indicates a complete collapse of the Nazi diplomatic offensive* (Идея священного крестового похода означает полный провал дипломатической атаки немцев) / Evening Star, 09.07.1941 [CA].

Метафора священной войны уходит корнями далеко в историю и отсылает нас к серии религиозных военных походов XI—XV веков, целью которых было остановить экспансию мусульманских государств, вернуть Святую землю на Ближнем Востоке и бывшие христианские территории. Крестовые походы — это одна из самых противоречивых страниц в истории христианства, однако термины, описывающие это событие, потеряли свою изначальную пейоративную семантику и в настоящее время обозначают «решительную попытку изменить или достичь чего-то», а участник такой кампании обозначается генерализованным термином со значением ‘борец’. Таким образом, внутри религиозной метафоры актуализируется милитарная метафорика, что объясняется экстралингвистическими факторами и обстоятельствами: зло,

царящее в мире, должно получить достойный отпор; в таких условиях нет места бескомпромиссному пацифизму; справедливость должна быть восстановлена. Ответственность за это благое дело лежит на всех и каждом: *We are crusaders and we have to prove that we are worthy of victory. We have to make a just peace and must end the war in such a way that the grievances the Germans have shall be against their own rulers, against their leaders, and against the system which brought them again to defeat* (Мы крестоносцы, и мы должны доказать, что мы достойны победы. Мы должны установить справедливый мир и завершить войну так, чтобы требования, предъявляемые Германией, обернулись против ее лидеров и системы, которая в итоге приведет их к поражению) / *Yorkshire Post and Leeds Intelligencer*, 11.11.1939 [BNA].

Смысловая парадигма религиозной метафоры контекстуально подержана прецедентным выражением ‘потерянный рай’: *We shall achieve the victory of all victories and help to regain our lost paradise peace on earth* (Мы одержим эту грандиозную победу и поможем вернуть потерянный рай на земле) / *Mid Sussex Times*, 12.08.1941 [BNA]. Если фразеологизм *lost paradise* находится на отрицательном полюсе аксиологического вектора ‘добро — зло’, то желаемое мирное будущее представлено широким синонимическим рядом, включающим прилагательные с религиозной семантикой (Divine, Godlike, spiritual): *If there is one reward that is to be cherished above all other rewards in winning the victory it is the reward of tasting the joyous peace of the Divine Mind* (Если и есть награда, которую стоит хохотить и лелеять превыше всех наград в борьбе за мир, — это награда жить в светлом мире божественного разума) / *Worcester Democrat and the Ledger Enterprise*, 10.02.1939 [CA] <...> *War is pagan, uncivilized, idolatrous. Peace is Godlike, spiritual, and, in the best sense, civilized* (Война — это языческое, нецивилизованное, идолопоклонническое изобретение человечества. Мир божественен, духовен и в самом лучшем смысле этого слова цивилизован) / *Worcester Democrat and the Ledger Enterprise*, 22.09.1939 [CA].

Наивысшим благом для человечества является победоносный мир: *We are moving forward surely, irresistibly, and perhaps with God's aid, swiftly towards victorious peace* (Мы верно, непреклонно и с божьей помощью приближаемся к победоносному миру) / *Bury Free Press*, 01.12.1944 [BNA] <...> *Implore God for a victorious peace* (Молим Бога о победоносном мире) / *The Wilmington Morning Star*, 26.05.1940 [CA]. Как видно из приведенных контекстов, одержать превосходство над злом и врагом как его физическим воплощением можно только с помощью Бога, что еще раз подчеркивает мысль о том, что в сознании людей (особенно в период тяжелых испытаний) мир является синонимичной религии и добру константой. Религиозная метафора в таком случае дает возможность интерпретировать

добро как морально-этическую категорию, детерминированную не только национальными и социальными, но и морально-нравственными установками носителей языка.

В проанализированных дискурсах на текстовом уровне религиозная метафора выражается и через концептуальное противопоставление света и тьмы, добра и зла, праведных и нечестивых поступков, что соотносится с библейским сюжетом о сотворении мира Богом, когда он разделил тьму и свет, создал день и ночь и сотворил мир: *Enable us to see the forces Thou hast in reserve in this universal struggle between light and darkness. Make clear to us wherein we fight on the side of Thy truth* (Вразуми нас увидеть твою силу в этой всемирной борьбе между светом и тьмой. Укажи нам путь, по которому следует идти для борьбы ради твоей правды) / The Wilmington Morning Star, 03.04.1945 [CA] <...> *It is the struggle between truth and error; sin and righteousness, light and darkness, God and the Devil* (Это битва между правдой и ложью, грехом и праведностью, светом и тьмой, Богом и дьяволом) / Queensland Times, 17.01.1942 [Trove].

Если приведенные контексты выражают лишь надежду на светлое будущее, веру в победу над злом с помощью Бога, стремление жить в лишенном зла и ужасов разрушения мире, то материалы, датированные 1945 годом, преисполнены радости и эйфории от одержанной победы, которая в рамках анализируемой метафоры интерпретируется через лексические единицы с религиозной семантикой: *Their (allied forces) deeds have lit a holy flame that nothing can destroy* (Действия объединенных сил зажгли священный огонь, который никто не может потушить) / Daily Advertiser, 22.08.1945 [Trove].

Проведенный анализ религиозной метафоры показал, что в военно-публицистических дискурсах Великобритании, США и Австралии периода Второй мировой войны рассматриваемая сфера-источник обнаруживает больше общих черт, чем особенностей.

5. Заключение

Проведенное исследование подчеркивает необходимость самостоятельного изучения военно-публицистического дискурса как гибридного типа коммуникации и системы метафор, используемой при моделировании войны и мира. Авторами показано, что одним из средств образной репрезентации прошлого в военно-публицистических дискурсах Великобритании, США и Австралии выступает религиозная метафора, которая располагает войну и мир на разных полюсах шкалы ценностных ориентаций и разводит коннотативные смыслы в рамках одной метафорической модели, актуализируя бинарные аксиологические оппозиции «добро — зло», «свет — тьма». Это напрямую соотносится с такой чертой дискурса

о войне, как мифологизированность — постижение окружающей действительности через призму бинарных оппозиций мира и войны, света и тьмы, порядка и хаоса, друга и врага, своих и чужих.

Доминантность метафоры и универсальность транслируемых ей смыслов в трех дискурсах связаны со сферой-источником и объясняются тем, что любая религия является универсальным культурным механизмом регуляции человеческой деятельности и базируется на дуализме добра и зла. Такая характеристика присуща военно-публицистическому дискурсу независимо от его языковой и национальной принадлежности, так как представления о войне как разрушающей силе и о мире как созидательной потенции человечества универсальны. Кроме того, период интенсивных военных действий (как экстралингвистический фактор) абсолютизирует добро (мир) и зло (войну) для стран, входивших в один союзнический лагерь. Немногочисленные специфические отличия обусловлены лингвокультурными и экстралингвистическими факторами и проявляются в частотности единиц модели в трех дискурсах, в разнообразии продуцируемых образов, в развернутости метафор.

Источники и принятые сокращения

1. *Философский словарь* / под ред. Фролова И. Т. — Москва : Республика. — 2001. — 719 с.
2. BNA — *Archive The British Newspaper Archive* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed 23.09.2020).
3. CA — *Chronicling America: The National Endowment for the Humanities and the Library of Congress* [Electronic resource]. — Access mode : <https://chroniclingamerica.loc.gov/> (accessed 23.09.2020).
3. *Trove* [Electronic resource]. — Access mode : <https://trove.nla.gov.au/> (accessed 23.09.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бачурин В. Д. Манипулятивные технологии, применяемые СМИ в современном военно-политическом дискурсе / В. Д. Бачурин // Политическая лингвистика. — 2014. — № 4 (50). — С. 99—104.
2. Бойко С. В. Философские проблемы войны и мира : типы и виды войн современной эпохи, их особенности / С. В. Бойко // Научная мысль. — 2014. — № 1 (120). — С. 16—24.
3. Захаров В. П. Корпусная лингвистика / В. П. Захаров, С. Ю. Богданова. — Иркутск : ИГЛУ, 2011. — 161 с.
4. Ищенко Н. А. Военный дискурс и дискурсивное измерение войны / Н. А. Ищенко // Культура народов Причерноморья. — 2007. — № 116. — С. 22—24.
5. Кондратьева О. Н. Метафорическая репрезентация религиозных концептов в литературе Древней Руси / О. Н. Кондратьева // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2011. — № 4 (29). — С. 36—47.

6. Олянич А. В. Милитарный (военный) дискурс / А. В. Олянич // Дискурс-Пи. — 2015. — № 12 (2). — С. 165—167.
7. Солопова О. А. Архитектоника светлого будущего в зарубежных военно-публицистических дискурсах периода Второй мировой войны / О. А. Солопова, М. С. Салтыкова // Russian Journal of Linguistics. — 2019. — № 23 (3). — С. 762—783. — DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-762-783.
8. Солопова О. А. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов : колокола победы и Russia's V-Day / О. А. Солопова, А. П. Чудинов // Russian Journal of Linguistics. — 2018. — № 22 (2). — С. 313—337. — DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337.
10. Чудинов А. П. Политическая метафорология : дискурсивный поворот / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. А. Солопова. — Москва : Флинта. — 2020. — 236 с.
11. Ainsa F. Necesidad de la utopia / F. Ainsa. — Buenos-Aires : Tupac Ediciones, 1990. — 171 p.
12. Barber R. British Myths And Legends / R. Barber. — Southhampton : The Folio Society, 2007. — 572 p.
13. Bernat O. The development of intercultural competence of students at a foreign lesson when working with digital archives of the Second World War period (based on the material of periodicals) / O. Bernat, M. Chernysheva, N. Shatrovich, M. Raevskaya. // ICERI2019 Proceedings 2019. — Spain : Seville, 2019. — P. 6051—6058.
14. Birke J. A clustering approach for the nearly unsupervised recognition of non-literal language / J. Birke, S. Anoop // Proceedings of EACL-06 2006. — Italy : Trento, 2006. — P. 329—336.
15. Chilton P. A. Manipulations, Memes and Metaphors : the Case of Mein Kampf / P. A. Chilton // New Perspectives on Manipulative and Ideological Discourse in Pragmatics and Discourse Analysis. — Amsterdam : Benjamins, 2005. — P. 15—43.
16. Frank R. M. Shifting Identities : Metaphors of Discourse Evolution / R. M. Frank // Metaphor and Discourses. — New York : Palgrave MacMillan, 2009. — P. 173—189.
17. Gibbs R. W. The Social Cognitive Dynamics of Metaphor Performance / R. W. Gibbs, L. J. Cameron // Cognitive Systems Research. — 2008. — № 2. — P. 64—75.
18. Harvey A. D. The Body Politic : Anatomy of a Metaphor / A. D. Harvey // Contemporary Review. — 1999. — P. 23—45.
19. Koshkarova N. N. Confrontation or Warfare: how information in the Western Mass-Media Creates Discourse Destruction / N. N. Koshkarova, N. B. Ruzhentseva // Voprosy kognitivnoy lingvistiki. — 2016. — № 4 (49). — P. 129—134.
20. Lakoff G. Metaphor and war : the Metaphor System Used to Justify War in the Gulf / G. Lakoff // Peace Research. — 1991. — № 2 (3). — P. 25—32.
21. Lakoff G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. — Chicago : University of Chicago Press, 2003. — 193 p.
22. Mollin S. The Use of Face-Threatening Acts in the Construction of In- and Out-Group Identities in British Parliamentary Debates / S. Mollin // The Discursive Construction of Identities On- and Offline. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2018. — P. 205—226.
23. Musolff A. The Embodiment of Europe : how do Metaphors Evolve? / A. Musolff // Body, Language and Mind 2 : Sociocultural Situatedness (Cognitive Linguistics Research 35.2). — Berlin : Mouton de Gruyter, 2008. — P. 301—326.
24. Osborn M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric / M. Osborn // Western Speech. — 1967. — № 31. — P. 121—131.

25. *Shutova E.* Statistical metaphor processing / E. Shutova, S. Teufek, A. Korhonen // *Computational Linguistics*. — 2013. — № 39 (2). — P. 301—353.
26. *Solopova O. A.* Prognostic Potential of Political Metaphors / O. A. Solopova, A. P. Chudinov // *Fachsprache*. — 2019. — 41 (S1). — P. 48—64. — DOI: 10.24989/fs.v41iS1.1765.
27. *Solopova O. A.* Retrospective analysis of British political discourse about the future of the USSR / O. A. Solopova // *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*. — 2019. — № 4. P. 124—134. — DOI: 10.20916/1812-3228-2019-4-124-134.
28. *Starr S.* The Israel conflict system : analytic approaches / S. Starr, S. Dubinsky. — London : Routledge, 2015. — 270 p.
29. *Trim R.* Metaphor and the Historical Evolution of Conceptual Mapping / R. Trim. — New York : Palgrave Macmillan, 2011. — 230 p.
30. *Vertessen D.* A Metaphorical Election Style : patterns of Symbolic Language Use in Belgian Politics / D. Vertessen, C. de Landtsheer // *Politics, Language and Metaphor*. — London : Routledge, 2008. — P. 271—285.

MATERIAL RESOURCES

- BNA* — *Archive The British Newspaper Archive*. Available at: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk/> (accessed 23.09.2020).
- CA* — *Chronicling America: the National Endowment for the Humanities and the Library of Congress*. Available at: <https://chroniclingamerica.loc.gov/> (accessed 23.09.2020).
- Trove*. Available at: <https://trove.nla.gov.au/> (accessed 23.09.2020).

REFERENCES

- Ainsa, F. (1990). *Nesiedad de la utopia*. Buenos Aires: Tupac Ediciones. 171 p.
- Bachurin, V. D. (2014). Manipulative technologies used by the media in modern military-political discourse. *Political linguistics*, 4 (50): 99—104. (In Russ.).
- Barber, R. (2007). *British Myths And Legends*. Southhampton: The Folio Society. 572 p. (In Russ.).
- Bernat, O., Chernysheva, M., Shatrovich, N., Raevskaya M. (eds.). (2019). The development of intercultural competence of students at a foreign lesson when working with digital archives of the Second World War period (based on the material of periodicals). *ICERI2019 Proceedings 2019*. Spain: Seville. 6051—6058.
- Birke, J. (2006). A clustering approach for the nearly unsupervised recognition of nonliteral language. *Proceedings of EACL-06 2006*. Italy: Trento. 329—336.
- Boyko, S. V. (2014). Philosophical problems of war and peace: types and types of wars of the modern era, their features. *Scientific thought*, 1 (120): 16—24. (In Russ.).
- Chilton, P. A. (2005). Manipulations, Memes and Metaphors : the Case of Mein Kampf. *New Perspectives on Manipulative and Ideological Discourse in Pragmatics and Discourse Analysis*. Amsterdam: Benjamins. 15—43.
- Chudinov, A. P., Budaev, E. V., Solopova, O. A. (eds.). (2020). *Political metaphorology: discursive turn*. Moscow: Flint. 236 p. (In Russ.).
- Frank, R. M. (2009). Shifting Identities: Metaphors of Discourse Evolution . *Metaphor and Discourses*. New York: Palgrave MacMillan. 173—189.
- Frolova, I. T. (ed.). (2001). *Philosophical Dictionary*. Moscow: Republic. 719 p. (In Russ.).

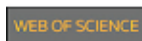

- Gibbs, R. W., Cameron, L. J. (2008). The Social Cognitive Dynamics of Metaphor Performance. *Cognitive Systems Research*, 2: 64—75.
- Harvey, A. D. (1999). The Body Politic : Anatomy of a Metaphor. *Contemporary Review*, 275: 23—45.
- Ishchenko, N. A. (2007). Military discourse and the discursive dimension of war. *Culture of the peoples of the Black Sea region*, 116: 22—24. (In Russ.).
- Kondratieva, O. N. (2011). Metaphorical representation of religious concepts in the literature of Ancient Rus. *Questions of cognitive linguistics*, 4 (29): 36—47. (In Russ.).
- Koshkarova, N. N. (2016). Confrontation or Warfare: how information in the Western Mass-Media Creates Discourse Destruction. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 4 (49): 129—134.
- Lakoff, G. (1991). Metaphor and war: the Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. *Peace Research*, 2 (3): 25—32.
- Lakoff, G., Johnson, M. (2003). *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press. 193 p.
- Mollin, S. (2018). The Use of Face-Threatening Acts in the Construction of In- and Out-Group Identities in British Parliamentary Debates. *The Discursive Construction of Identities On- and Offline*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 205—226.
- Musolff, A. (2008). The Embodiment of Europe: how do Metaphors Evolve? *Body, Language and Mind 2: Sociocultural Situatedness (Cognitive Linguistics Research 35.2)*. Berlin: Mouton de Gruyter. 301—326.
- Olyanich, A. V. (2015). Militar (military) discourse. *Discourse-P*, 12 (2): 165—167. (In Russ.).
- Osborn, M. (1967). The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric. *Western Speech*, 31: 121—131.
- Shutova, E., Teufek, S., Korhonen, A. (2013). Statistical metaphor processing. *Computational Linguistics*, 39 (2): 301—353.
- Solopova, O. A. (2019). Retrospective analysis of British political discourse about the future of the USSR. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 4:124—134. DOI: 10.20916/1812-3228-2019-4-124-134.
- Solopova, O. A., Chudinov, A. P. (2018). Diachronic analysis of political metaphors in the british corpus: from victory bells to russia's V-Day. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2): 313—337. DOI: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-313-337. (In Russ.).
- Solopova, O. A., Chudinov, A. P. (2019). Prognostic Potential of Political Metaphors. *Fachsprache*, 41 (S1): 48—64. DOI: 10.24989/fs.v41iS1.1765.
- Solopova, O. A., Saltykova, O. A. (2019). Architectonics of a bright future in foreign military-publicistic discourses during the Second World War. *Russian linguistic journal*, 23 (3): 762—783. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-3-762-783. (In Russ.).
- Starr, S., Dubinsky, S. (2015). *The Israel conflict system: analytic approaches*. London: Routledge. 270 p.
- Trim, R. (2011). *Metaphor and the Historical Evolution of Conceptual Mapping*. New York: Palgrave Macmillan. 230 p.
- Vertessen, D. A. (2008). Metaphorical Election Style: patterns of Symbolic Language Use in Belgian Politics. *Politics, Language and Metaphor*. London: Routledge. 271—285.
- Zakharov, V. P., Bogdanova, S. Yu. (2011). *Corpus linguistics*. Irkutsk: IGLU. 161 p. (In Russ.).

Шуйская Ю. В. Синтаксические средства формирования образа политического деятеля в заголовках ведущих американских газет / Ю. В. Шуйская, Р. Ю. Анисимов, Е. А. Дроздова // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 168—180. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-168-180.

Shuyskaya, Yu. V., Anisimov, R. Yu., Drozdova, E. A. (2021). Syntactic Means of Forming the Image of a Politician in Headlines of Leading American Newspapers. *Nauchnyi dialog*, 4: 168-180. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-168-180. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-168-180

Синтаксические средства формирования образа политического деятеля в заголовках ведущих американских газет

Шуйская Юлия Викторовна¹

orcid.org/0000-0002-6752-3063

доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой теории и
практики периодической печати
shuyskaya@yandex.ru

Анисимов Роман Юрьевич²

orcid.org/0000-0002-4773-148X

старший преподаватель кафедры
вторых иностранных языков
anisimovry@gmail.com

Дроздова Екатерина Александровна³

orcid.org/0000-0003-4272-8772

старший преподаватель кафедры
теории и практики иностранных языков
katrin104@yandex.ru

¹ Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова (Москва, Россия)

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)

³ Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Syntactic Means of Forming the Image of a Politician in Headlines of Leading American Newspapers

Yuliya V. Shuyskaya¹

orcid.org/0000-0002-6752-3063

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of theory and practice of periodicals
shujskaya@yandex.ru

Roman Yu. Anisimov²

orcid.org/0000-0002-4773-148X

Senior Lecturer of the Department
of Second Foreign Languages
anisimovry@gmail.com

Ekaterina A. Drozdova³

orcid.org/0000-0003-4272-8772

Senior Lecturer, Department of Theory
and Practice of Foreign Languages
katrin104@yandex.ru

¹ A. S. Griboedov Institute of International Law and Economics (Moscow, Russia)

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

³ Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются синтаксические средства формирования образа политического деятеля в заголовках англоязычных газет на материале сайтов соответствующих изданий. Актуальность исследования обусловлена тем, что в 2020—2021 годах онлайн-СМИ приобрели особую важность: в условиях изоляции, связанной с пандемией, многие читатели вместо печатной версии газеты стали читать онлайн-версию, дизайн которой позволяет прочитать заголовок и лид, не видя основного текста озаглавленного материала. Поднимается вопрос о порядке слов и позиции фамилии лидера в предложении как средстве позиционирования фигуры политического лидера. Представлены результаты сопоставительного анализа заголовков газет «The New York Times» и «The Washington Post» за период 20 января 2009 — 20 февраля 2009, 20 января 2017 — 20 февраля 2017, 20 января 2021 — 20 февраля 2021. Указанные периоды соответствуют первому месяцу работы в должности президента США Барака Обамы (2009), Дональда Трампа (2017) и Джозефа Байдена (2021]. Доказано, что газеты используют манипулятивные технологии в заголовках, опираясь на коммуникативную роль подлежащего и его место в структуре предложения. В частности, поддерживаемый данным СМИ президент позиционируется как активный политический деятель и главное действующее лицо, а неподдерживаемый — как второстепенный и малоактивный.

Ключевые слова:

средства массовой информации; порядок слов; подлежащее; синтаксис; газета; онлайн-версия; заголовки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Syntactic means of forming the image of a politician in the headlines of English-language newspapers on the material of the websites of the corresponding publications are considered in the article. The relevance of the study is due to the fact that in 2020—2021 online media acquired particular importance: in the conditions of isolation associated with the pandemic, many readers, instead of the printed version of the newspaper, began to read the online version, the design of which allows you to read the headline and lead without seeing the main text of the titled material. The question is raised about the order of words and the position of the leader's surname in the sentence as a means of positioning the figure of a political leader. The results of a comparative analysis of the headlines of "The New York Times" and "The Washington Post" for the period January 20, 2009 — February 20, 2009, January 20, 2017 — February 20, 2017, January 20, 2021 — February 20, 2021 are presented. These periods correspond to the first month in office of US President Barack Obama (2009), Donald Trump (2017) and Joseph Biden (2021]. It has been proven that newspapers use manipulative technologies in headlines, relying on the communicative role of the subject and its place in the structure of the sentence. In particular, the president supported by this media is positioned as an active politician and the main character, while the unsupported president is positioned as a secondary and inactive one.

Key words:

mass media; word order; subject; syntax; newspaper; online version; title.

УДК 811.111'367.52+070.46:004.738.5

Синтаксические средства формирования образа политического деятеля в заголовках ведущих американских газет

© Шуйская Ю. В., Анисимов Р. Ю., Дроздова Е. А., 2021

1. Введение

Большинство современных газет имеет онлайн-версию, которая поддерживается и обновляется наряду с печатной или вместо нее. Тексты материалов у печатной и онлайн-версии часто совпадают, однако кардинально отличается демонстрация текста: в онлайн-версии читатель не имеет физической возможности увидеть текст статьи полностью, пока не перейдет по соответствующей ссылке. По умолчанию он видит на сайте заголовок, лид, иногда — первый абзац статьи.

Эта манера подачи материалов многократно увеличивает функционал заголовка: набираемый более жирным и более крупным шрифтом, чем первый абзац текста, он призван привлечь внимание к публикации и определить переход читателя по ссылке на полный текст статьи. Фактически многие читатели просматривают названия статей, а полный текст читают лишь в том случае, если их заинтересовал заголовок.

Как было показано в исследованиях [Анисимов, 2020; Анисимов, 2019; Баженова, 2020; Пустовалов, 2013], англоязычная пресса существенно отличается от русскоязычной с точки зрения построения заголовков в новых условиях онлайн-бытования. Заголовок в англоязычной газете в большинстве случаев представляет собой сжатый пересказ текста: одно-два предложения, из которых можно вынести представление об основном содержании статьи. Такой заголовок позволяет не переходить по ссылке, чтобы получить общее представление о повестке дня: читатель сайта англоязычной газеты может прочесть только заголовки, так как в них в общих чертах рассказывается обо всех значимых новостях. Как отмечает В. Ю. Варзапова, «в подобных заголовках на уровне глубинной структуры скрыта вторичная структура предикации, семантически и синтаксически сближающая их со сложными предложениями» [Варзапова, 2020, с. 86]. Эта традиция озаглавливания текста через пересказ существенно отличается от русской традиции озаглавливания газетной статьи: русскоязычные газеты в печатной и в онлайн-версии используют большое количество заголовков с отсылками к прецедентным феноменам: крылатым выражениям из литературы, кинофильмов и пр. Выне-

сенное в заголовок словосочетание, связывающее данный заголовок с каким-либо известным аудитории прецедентным текстом, позволяет читателю идентифицировать заглавие со своей апперцепционной базой, но зачастую не дает даже отдаленного представления о содержании статьи. Соответственно, русскоязычный читатель может получить обобщенное представление о повестке дня из части заголовков и прочесть полностью либо пропустить (если заголовок не реализовал функцию привлечения внимания) другую часть текстов газеты.

Англоязычные заголовки по сравнению с русскоязычными более содержательные и значительно менее экспрессивные: в них существенно реже встречаются фигуры речи, тропы, игра слов и пр. Воздействие на читателя осуществляется через синтаксическую структуру заголовка. Для иллюстрации данного тезиса рассмотрим заголовки, посвященные американским политическим лидерам в начале их президентского пути: первый месяц после инаугурации Джо Байдена (с 20 января 2021 по 17 февраля 2021], Дональда Трампа (с 20 января 2017 по 20 февраля 2017) и Барака Обамы во время первого президентского срока (с 20 января 2009 по 20 февраля 2009]. В первый месяц после вступления в должность политик из кандидата в президенты превращается в действующего президента, и практически каждый его шаг в этом качестве освещается прессой.

Для анализа выбраны заголовки статей, опубликованных за указанные периоды в газетах «The New York Times» [NYT] и «The Washington Post» [WP]. Онлайн-версии этих двух газет наиболее популярны в США, по данным исследования агентства Рейтер. По статистике, они уверенно лидируют не только в США, но и в мире по количеству платных подписок на онлайн-версию: «The Reuters survey, a leading statistical source published Tuesday, is international in scope but broke out a question to U.S. readers who pay for digital news about what publications they access» [Edmonds] (Исследование агентства «Рейтер», ведущего статистического ресурса, опубликованное во вторник, является интернациональным, однако поднимает вопрос о читателях США, которые платят за доступ к публикациям) (перевод наш. — Е. Д.). И далее названы три наиболее популярных результата: «The top three results: 1. New York Times (39 %), 2. Washington Post (31 %), 3. Local (30 %)» [Там же].

Это позволяет предположить, что стратегия озаглавливания текстов, используемая этими изданиями, является эффективной.

Рассмотрим синтаксические особенности заголовков статей, посвященных Обаме, Трампу и Байдену в первые месяцы их президентства, извлеченных из указанных выше газет.

2. Синтаксическая позиция имени политического лидера в газетном заголовке

Первый месяц работы нового президента — период, когда граждане тщательно следят за его действиями, а средства массовой информации сообщают буквально о каждом шаге политического лидера. Оба анализируемых средства массовой информации публикуют в указанные периоды ежедневно по 5—6 материалов о действиях президента. Газета «Washington Post» в этот период открывает специальный раздел «First 100 days» («Первые сто дней»), посвященный действиям президента в первые сто дней его управления страной.

подавляющее большинство заголовков 2021 года, посвященных Джо Байдену — как в «New York Times», так и в «Washington Post» — построены по следующей модели: фамилия президента является первым словом заголовка, она занимает позицию подлежащего, и далее следует глагол-сказуемое, описывающий действия политика:

(1) *Biden will not watch Trump's impeachment trial: 'I have a job'* (Байден не будет смотреть процесс по импичменту Трампа: «Мне есть чем заняться») [WP, 09.02.2021].

(2) *Biden must make a tough decision on Afghanistan — and quickly* (Байден должен принять жесткое решение по Афганистану — и быстро) [WP, 09.02.2021].

(3) *Biden says he will impose new sanctions on Myanmar leaders over coup* (Байден заявил, что введет новые санкции против лидеров Мьянмы из-за переворота) [WP, 11.02.2021].

(4) *Biden will stop the U.S. troop drawdown in Germany, but also push for smaller deployments around* (Байден остановит сокращение войск США в Германии, но также будет настаивать на развертывании небольших войск вокруг) [WP, 11.02.2021].

(5) *Biden plows ahead on pandemic agenda — with an eye on Trump's trial* (Байден продвигается вперед по плану пандемии — с оглядкой на суд над Трампом) [WP, 12.02.2021].

(6) *Biden Is Right to Go Big* (Байден верно действует, шагая широко) [NYT, 04.02.2021].

(7) *Biden Charts a New Course in Guatemala* (Байден наметил новый курс в Гватемале) [NYT, 10.02.2021].

(8) *Biden Trims Ambitions on School Reopening Pledge* (Байден ограничивает амбиции по поводу обещания открыть школу) [NYT, 11.02.2021].

(9) *Biden Is the Big Spender America Wants* (Байден — тот крупный потребитель, который нужен Америке) [NYT, 12.02.2021].

(10) *Biden Signals He's Flexible on Immigration Overhaul* (Байден сигнализирует о своей гибкости в вопросе иммиграционной политики) [NYT, 18.02.2021].

Заголовки подобного типа позиционируют президента как активное действующее лицо, смысловой центр ситуации: позиция подлежащего в совокупности с активным залогом глагола формирует образ уверенного политика, взявшего страну в свои руки.

На втором месте по распространенности среди заголовков, посвященных президенту в первый месяц его правления, фразы, в которых фамилия президента также является первым словом, но при этом синтаксически выступает как второстепенный член — например, определение:

(11) *Biden economic adviser Jared Bernstein on how Biden plans to advance racial equity* (Экономический советник Байдена Джаред Бернштейн о том, как Байден планирует продвигать расовое равенство) [WP, 04.02.2021].

(12) *Biden administration to move Friday to rescind Medicaid work requirements* (Администрация Байдена переместит пятницу и отменит требования к работе по программе Medicaid) [WP, 12.02.2021].

(13) *Biden's ambitious plan to push back against techno-autocracies* (Амбициозный план Байдена по противодействию техно-автократии) [WP, 12.02.2021].

(14) *Biden Administration Moves to Rejoin U.N. Human Rights Council* (Администрация Байдена переезжает в Совет ООН по правам человека) [NYT, 07.02.2021].

(15) *Biden Appointments Signal a Trade Approach That Hews to the Left* (Назначения Байдена свидетельствуют о том, что торговый подход идет вразрез с левыми) [NYT, 08.02.2021].

(16) *Biden Administration Urges Supreme Court to Uphold Affordable Care Act* (Администрация Байдена призывает Верховный суд соблюдать Закон о доступном медицинском обслуживании) [NYT, 10.02.2021].

Значительно меньшую часть составляют заголовки, в которых фамилия президента находится не на первом месте, в позиции подлежащего во второй части сложного предложения либо в качестве второстепенного члена, например:

(17) *The new-administration job hunt is brutal. The Biden era is no exception.* (Искать новую администрацию тяжело. Эпоха Байдена не исключение) [WP, 12.02.2021].

(18) *North Carolina man threatened to assassinate Biden, feds say: 'I'm going to come kill'* (Мужчина из Северной Каролины угрожал убить Байдена, федералы говорят: «Я собираюсь убить») [WP, 12.02.2021].

(19) *Man Is Charged With Threatening to Kill Biden* (Человек обвинен в том, что угрожал убить Байдена) [NYT, 11.02.2021].

(20) *Stay or Go? Biden, Long a Critic of Afghan Deployments, Faces a Deadline* (Остаться или уйти? Байден, давно критикующий развертывание афганских войск, приближается к дедлайну) [NYT, 16.02.2021].

Обе газеты посвятили первому месяцу правления нового президента более тысячи заголовков каждая (1124 в «The Washington Post» и 1876 в «The New York Times»). В «The New York Times» прослеживается более последовательное превалирование заголовков первого типа — фамилия президента в роли подлежащего, являющегося первым словом предложения. Из 1876 заголовков с упоминанием Джо Байдена 1201 построены по указанной модели (64 %), 508 — первое слово *Байден*, но не в роли подлежащего, 167 — фамилия президента в середине заголовка. «The Washington Post» при несколько меньшем общем количестве заголовков демонстрирует сходную статистику: в 751 случае (66 %) фамилия президента — первое слово и подлежащее, в 306 — первое слово и определение, в 67 — не первое слово.

Те же закономерности можно проследить на примере освещения первого месяца работы президента Барака Обамы в 2009 году: большинство заголовков в обеих газетах начинается с фамилии *Obama*, это слово является подлежащим, и заголовок описывает какие-то активные действия президента:

(21) *Obama Invites Congressional Leaders for Cocktails at the White House* (Обама приглашает лидеров Конгресса на коктейли в Белый дом) [WP, 28.01.2009].

(22) *Obama Makes Stimulus Pitch with CEOs* (Обама стимулирует генеральных директоров) [WP, 28.01.2009].

(23) *Obama Attends Ford's Theatre Gala* (Обама посетил гала-концерт в Театре Форда) [WP, 11.02.2009].

(24) *Obama Points to Shovel-Ready Transportation Project Close to Home* (Обама указывает на готовый к работе транспортный проект «Рядом с домом») [WP, 11.02.2009].

(25) *Obama Will Sign Stimulus Bill on Tuesday* (Обама подпишет законопроект о стимулах во вторник) [WP, 14.02.2009].

(26) *Obama Riding the Wave* (Обама на волне) [NYT, 16.02.2009].

(27) *Obama Signs Stimulus Plan* (Обама подписывает план стимулирования) [NYT, 17.02.2009].

(28) *Obama Announces Mortgage Plan* (Обама объявляет ипотечный план) [NYT, 18.02.2009].

(29) *Obama Makes Overtures to Canada's Leader* (Обама заигрывает с лидером Канады) [NYT, 19.02.2009].

(30) *Obama Bans Gimmicks, and Deficit Will Rise* (Обама запрещает уловки, и дефицит будет расти) [NYT, 19.02.2009].

По заголовкам первого, второго и третьего типа в 2009 году прослеживается сходная с данными 2021 года статистика: более тысячи заголовков в обеих газетах, из них — более 50 % построены по приведенной выше схе-

ме «фамилия президента = первое слово = подлежащее», на втором месте структура «фамилия президента = первое слово = не подлежащее (чаще всего определение)», на третьем — «фамилия президента — не первое слово».

Однако данные за 2017 год — год вступления во власть Дональда Трампа — существенно отличаются от данных 2009 и 2021 года. Прежде всего, заголовков с упоминанием фамилии президента в обеих газетах значительно меньше — за сопоставимый период 2017 года — первый месяц со дня инаугурации — всего 506 в «The Washington Post» и 611 в «The New York Times». Уменьшение количества заголовков почти в два раза может объясняться политической ориентацией обоих изданий, позиционирующих себя как газеты демократической ориентации [Edmonds]. Барак Обама и Джо Байден баллотировались на пост президента США от демократической партии, а Дональд Трамп — представитель республиканцев.

Среди выявленного количества заголовков процент фраз, в которых фамилия президента является первым словом и подлежащим, существенно ниже, чем в заголовках о Байдене и Обаме. Типовая структура заголовка о деятельности Дональда Трампа выявляется, например, в следующих примерах:

(31) *Fed leaves interest rate unchanged amid uncertainty over Trump policies* (ФРС оставила процентную ставку без изменений на фоне неопределенности в отношении политики Трампа) [WP, 01.02.2017].

(32) *Ukraine fighting could pose early challenge to Trump* (Боевые действия на Украине могут стать первым вызовом для Трампа) [WP, 01.02.2017].

(33) *54 % of the country didn't vote for Trump. For Democrats, that's a start.* (54 % населения страны не голосовали за Трампа. Для демократов это начало) [WP, 01.02.2017].

(34) *Democrats' goal with court nomination: Make it a referendum on Trump* (Цель демократов с выдвижением в суд: провести референдум по Трампу) [WP, 02.02.2017].

(35) *Tale of an Iraqi woman dying because of Trump travel ban unravels* [Рассказ о иракской женщине, умершей из-за запрета Трампа на поездки, распутывается] [WP, 02.02.2017].

(36) *'Unbelievable Turmoil': Trump's First Month Leaves Washington Reeling* («Невероятная суматоха»: первый месяц Трампа оставил Вашингтон в шоке) [WP, 14.02.2017].

(37) *'I Inherited a Mess,' Trump Says, Defending His Performance* («Я унаследовал беспорядок», — говорит Трамп, защищая свою работу) [NYT, 16.02.2017].

(38) *Constraints Threaten Trump's Promise of an Immigration Crackdown* (Ограничения угрожают обещанию Трампа об иммиграционном подавлении) [NYT, 17.02.2017].

(39) *Mar-a-Lago Neighbors Discover Costs of Trump's Visits* (Соседи по Мар-а-Ларго узнают о стоимости визитов Трампа) [NYT, 19.02.2017].

(40) *John McCain Becomes Critic in Chief of the Trump Administration* (Джон Маккейн становится главным критиком администрации Трампа) [NYT, 19.02.2017].

Фамилия действующего президента, чей политический курс не поддерживается данным средством массовой информации, зачастую ставится в постпозицию даже в тех случаях, когда конструкция фразы позволяет поставить ее в инициальную позицию: например, заголовок *'I Inherited a Mess,' Trump Says* мог бы быть сформулирован как *Trump says...* без ущерба для его содержания. Среди выделенных заголовков, посвященных деятельности Трампа в первый месяц в должности президента, структура «фамилия президента = первое слово = подлежащее» выявлена всего 112 раз в заголовках в «The Washington Post» и 178 — в «The New York Times», то есть менее трети от общего числа.

3. Синтаксическая структура заголовка как средство моделирования представления о личности лидера

Как было показано выше, газеты демократической направленности, описывая действия поддерживаемого ими кандидата в президенты в первый месяц на новом посту, используют в качестве превалирующей структуры предложение, в котором фамилия президента является первым словом и при этом подлежащим. Подлежащее — главный член предложения, в большинстве случаев — его тема, коммуникативный центр. Английский язык крайне редко прибегает к конструкциям с инвертированием подлежащего и сказуемого: «В английском языке, несмотря на известные исключения <...> сказуемое редко предшествует подлежащему. Инверсия сказуемого нехарактерна для английского языка и редко используется не только в нейтральной, но и в эмоционально окрашенной речи. <...> Порядок слов в английском языке устойчивый; подлежащее, как правило, занимает позицию в начале предложения» [Макарова, 2020, с. 89]. Фиксированный порядок слов не позволяет варьировать позицию подлежащего, однако позволяет сформулировать фразу иначе — так, чтобы подлежащим стало другое действующее лицо. По образцу приводимых А. И. Смирницким в качестве иллюстрации этого изменения структуры фраз *The hunter killed the wolf* и *The wolf was killed by the hunter* [Смирницкий, 2007, с. 145] можно изменить структуру фразы — например, приведенный выше заголовок *Obama Signs Stimulus Plan* мог бы быть сформулирован как *Stimulus Plan was signed by Obama*, и при сохранении общего смысла он воспринимался бы принципиально иначе: не «Обама подписал

план», а «План был подписан Обамой». В первом случае в центре внимания — Обама, во втором случае — план.

При этом в предложении, в котором сказуемое стоит в активном залоге, подлежащее чаще всего реализует коммуникативную роль активного действующего лица — агента, по У. Чейфу [Чейф, 1975, с. 158]. Агент мыслится как коммуникативный и организующий центр фразы — «тот, кто» (осуществляет действие) и «тот, про кого» (сказано предложение).

Типовая модель заголовка, посвященного президенту — кандидату от демократической партии, в газетах «The Washington Post» и «The New York Times» формирует, таким образом, имидж активного президента, волевого человека, который в первые дни управления страной проявляет себя как активное действующее лицо — субъект.

Если кандидат в президенты не поддерживается издателем газеты, его действия освещаются в ином синтаксическом ракурсе: его фамилия гораздо чаще выступает в роли дополнения или определения, что формирует его восприятие как второстепенного участника ситуации, марионетки.

Выявленные закономерности синтаксической структуры заголовков в двух газетах, чьи электронные версии являются наиболее часто скачиваемыми в мире, позволяют продемонстрировать используемые авторами заголовков манипулятивные технологии. В условиях восприятия текста в электронном виде — с экрана компьютера, смартфона или планшета — заголовок становится определяющим фактором решения, читать или не читать далее полный текст материала. В свежем выпуске газеты читатель, обращающийся к электронной версии, видит набор заголовков-гиперссылок, и, чтобы составить схематичное представление о повестке дня, этих заголовков ему может быть вполне достаточно. Если из этих заголовков явствует, что избранный президент активен, постоянно предпринимает какие-то действия (что подчеркивается в большом количестве заголовков) и при этом выступает как ведущий, а не как ведомый, то читатель либо утверждается в своей политической позиции (если поддерживает партию, выдвинувшую данного президента), либо, напротив, разочаровывается в своем выборе (если изначально этого президента не поддержал).

Помимо политической программы президента, важна и его персоналия. Барак Обама — первый за всю историю Соединенных Штатов президент-афроамериканец, Джо Байден — самый старший из всех 46-ти президентов (на момент вступления в должность — 78 лет) и второй за историю государства президент-католик (первым был Джон Кеннеди). Они нуждаются в поддержке дружественных СМИ, придающей им уверенность, позиционирующих самые незначительные их решения как активные действия. Дональд Трамп, напротив, еще во время предвыборной

кампании был чрезвычайно активен: выступал с провокационными заявлениями в социальных сетях, претворил в жизнь многочисленные радикальные меры. Газеты, не поддерживавшие его политическую программу, старались психологически нивелировать эту активность, привлечь внимание к отрицательной оценке действий президента — уже в первый месяц правления Трампа был поставлен вопрос о его импичменте.

5. Заключение

Типовой заголовок материала в электронной версии американских газет «The Washington Post» и «The New York Times» представляет собой свернутый анонс текста статьи и функционально заменяет прочтение текста. Проанализированный корпус из более чем 9000 заголовков за период 20 января 2009 — 20 февраля 2009, 20 января 2017 — 20 февраля 2017 и 20 января 2021 — 20 февраля 2021 показал, что в указанные периоды (первый месяц работы нового избранного президента США в новой должности) концентрация заголовков с упоминанием действующего президента высока: до 35 % от общего числа заголовков за сутки. Если политическая позиция президента поддерживается газетой, то среди заголовков превалирует структура предложения, в которой первая лексема — фамилия президента, в коммуникативной роли агента, обозначает главное действующее лицо. Это позволяет сформировать образ нового правителя как чрезвычайно активного деятеля, уверенно взявшегося за задачи президента. Если же политическая программа президента газетой не поддерживалась, заголовки приблизительно в 2—2,5 раза реже освещают его деятельность, а преимущественная синтаксическая позиция его фамилии — дополнение или определение, в середине или в абсолютном конце предложения.

Синтаксическая структура заголовка, таким образом, позволяет газетам манипулировать общественным сознанием: с учетом отмеченной независимым исследованием популярности двух проанализированных газет формируемый ими образ президента влияет на восприятие фигуры политического лидера во всем мире. Так, поддерживаемый «The Washington Post» и «The New York Times» Барак Обама был переизбран на второй срок в 2013 году, а не поддерживаемый этими СМИ Дональд Трамп не смог выиграть выборы в 2020 и в течение своего президентского срока часто подвергался критике и осуждению общественности.

Источники и принятые сокращения

1. NYT — *The New York Times* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.nytimes.com/> (accessed: 20.02.2021).

2. WP — *The Washington Post* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.washingtonpost.com/> (accessed: 20.02.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Р. Ю. Газетный заголовок качественной английской и американской прессы как средство привлечения внимания / Р. Ю. Анисимов // Казанская наука. — 2019. — № 7. — С. 28—30.

2. Баженова Е. Ю. Дискурсивные стратегии представления информации в новостных текстах британских СМИ (на материале качественных Интернет-газет) : диссертация ... кандидата филологических наук / Е. Ю. Баженова. — Благовещенск, 2020. — 182 с.

3. Варзапова В. Ю. Заголовок англоязычного медиатекста как объект лингвосомиотического исследования (на материале заголовков сетевых версий изданий *The Telegraph* и *The Independent*) : диссертация ... кандидата филологических наук / В. Ю. Варзапова. — Хабаровск, 2020. — 203 с.

4. Макарова Е. Н. Лингвистические средства передачи коммуникативного статуса подлежащего и сказуемого как объект сопоставительного исследования / Е. Н. Макарова // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2020. — Т. 6, № 2. — С. 85—94. — DOI: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_85_94.

5. Пустовалов А. В. Пресса Великобритании: между «бумажным» прошлым и цифровым будущим / А. В. Пустовалов // Вестник Пермского университета. — 2013. — № 3 (23). — С. 191—205.

6. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка / А. И. Смирницкий. — Москва : URSS, 2007. — 296 с.

7. Чейф У. Значение и структура языка / У. Чейф. — Москва : Прогресс, 1975. — 432 с.

8. Anisimov R. Y. The newspaper headline in the digital reality: from “hook” to text surrogate / R. Y. Anisimov // *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization: Methodology and Experience of Empirical Research*. XXIII International Conference named after professor L. N. Kogan. — Yekaterinburg, 2020. — P. 231—235.

9. Edmonds R. The New York Times and Washington Post each draw more paid digital readers than all local websites, a new report found [Electronic resource] / R. Edmonds. — Access mode : <https://www.poynter.org/business-work/2020/the-new-york-times-and-washington-post-each-draw-more-paid-digital-readers-than-all-local-websites-a-new-report-found/> (accessed: 23.02.2021).

10. *Longman Dictionary of Contemporary English*. — Harlow : Pearson Education Limited, 2006. — 1950 p.

MATERIAL RESOURCES

NYT — *The New York Times*. Available at: <https://www.nytimes.com/> (accessed: 20.02.2021]. (In Russ.).

WP — *The Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/> (accessed: 20.02.2021]. (In Russ.).

REFERENCES

Anisimov, R. Y. (2020). The newspaper headline in the digital reality: from “hook” to text surrogate. In: *Culture, Personality, Society in the Conditions of Digitalization*:

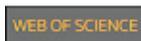
- Methodology and Experience of Empirical Research. XXIII International Conference named after professor L. N. Kogan. Yekaterinburg. P. 231—235.*
- Anisimov, R. Yu. (2019). Newspaper headline of high-quality English and American press as a means of attracting attention. *Kazan science*, 7: 28—30. (In Russ.).
- Bazhenova, E. Yu. (2020). *Discursive strategies for presenting information in news texts of the British media (based on the material of high-quality Internet newspapers)*. PhD Diss. Blagoveshchensk. 182 p. (In Russ.).
- Chaf, U. (1975). *Meaning and structure of language*. Moscow: Progress. 432 p. (In Russ.).
- Edmonds, R. *The New York Times and Washington Post each draw more paid digital readers than all local websites, a new report found*. Available at: <https://www.poynter.org/business-work/2020/the-new-york-times-and-washington-post-each-draw-more-paid-digital-readers-than-all-local-websites-a-new-report-found/> (accessed: 23.02.2021).
- Longman Dictionary of Contemporary English*. (2006). Harlow: Pearson Education Limited. 1950 p.
- Makarova, E. N. (2020). Linguistic means of transferring the communicative status of the subject and predicate as an object of comparative research. *Theoretical and Applied Linguistics*, 6/2: 85—94. DOI: 10.22250/2410-7190_2020_6_2_85_94. (In Russ.).
- Pustovalov, A. V. (2013). Press of Great Britain: between the “paper” past and the digital future. *Bulletin of Perm University*, 3 (23): 191—205. (In Russ.).
- Smirnitsky, A. I. (2007). *Syntax of the English language*. Moscow: URSS. 296 p. (In Russ.).
- Varzapova, V. Yu. (2020). *The title of the English-language media text as an object of semiotic linguistic research (based on the headings of the online versions of The Telegraph and The Independent)*. PhD Diss. Khabarovsk. 203 p. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Щелок Т. И. Эпитеты в рассказе «Der große Wildenberg» Зигфрида Ленца / Т. И. Щелок // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 181—196. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-181-196.

Shchelok, T. I. (2021). Epithets in Story “Der große Wildenberg” by Siegfried Lenz. *Nauchnyi dialog*, 4: 181-196. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-181-196. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-181-196

**Эпитеты в рассказе
«Der große Wildenberg»
Зигфрида Ленца**

Щелок Татьяна Ивановна
orcid.org/0000-0002-6512-9783
кандидат филологических наук, доцент
ttschelok@rambler.ru

Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический
университет имени В. М. Шукшина
(Бийск, Россия)

**Epithets in Story
“Der große Wildenberg”
by Siegfried Lenz**

Tatiana I. Shchelok
orcid.org/0000-0002-6512-9783
PhD in Philology, Associate Professor
ttschelok@rambler.ru

Shukshin Altai State University
for Humanities and Pedagogy
(Biysk, Russia)

© Щелок Т. И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению эпитетов, использованных современным немецким писателем Зигфридом Ленцем для выстраивания сюжетной линии и создания образов своих героев в рассказе «Der große Wildenberg», раскрывающем общественные проблемы, разочарования, переживания и страхи простого человека, ожидающего встречи с высокопоставленной персоной. Новизна исследования видится в том, что в данной работе с особым вниманием анализируются и описываются эпитеты, служащие средством реализации художественного пространства, определения места в нем и формирования представлений о главном действующем лице — как заявлено в заголовке «великом Вильденберге». Показано, как на протяжении всего рассказа с помощью характеризующих слов порождаются, поддерживаются и в конце неожиданно рушатся авторитет, величие и власть Вильденберга, что обманывает ожидания читателя. Актуальность связана с выявлением функциональных и структурных особенностей имеющихся в произведении эпитетов. Обнаружены следующие типы уточняющих лексем: образительные и эмоциональные эпитеты; эпитеты с прямым значением и тропеические; оценочные и психологические эпитеты; простые и расширенные эпитеты; свободные и входящие во фразеологические единицы эпитеты; общезыковые эпитеты.

Ключевые слова:

эпитет; функции эпитета; типы эпитетов; художественное произведение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the epithets used by the modern German writer Siegfried Lenz to build a storyline and create images of his characters in the story “Der große Wildenberg”, which reveals social problems, disappointments, worries and fears of an ordinary person waiting for a meeting with a high-ranking person. The novelty of the research is seen in the fact that the epithets that serve as a means of realizing the artistic space, determining the place in it and forming ideas about the main character — as stated in the title “the great Wildenberg” is analyzed and described with special attention in this work. It is shown how, throughout the story, with the help of characterizing words, the authority, greatness and power of Wildenberg are generated, maintained and at the end unexpectedly collapsed, which deceives the reader's expectations. Relevance is associated with the identification of functional and structural features of the epithets available in the work. The following types of qualifying lexemes were found: pictorial and emotional epithets; epithets with direct meaning and tropical; evaluative and psychological epithets; simple and extended epithets; free and included in phraseological units epithets; common language epithets.

Key words:

epithet; functions of the epithet; types of epithets; work of fiction.

Эпитеты в рассказе «Der große Wildenberg» Зигфрида Ленца

© Щелок Т. И., 2021

1. Введение

Актуальность темы исследования обусловлена изучением и описанием эпитетов, использованных современным немецким писателем, новеллистом и драматургом Зигфридом Ленцем в одном из его коротких рассказов, относящихся к классическому — хронологическому — стилю повествования. «Der große Wildenberg» — произведение, рассказывающее о реалиях жизни, об абсурдности бытия, проблемах общества и вовлеченности в них человека. В этой ситуации представляется интересным выявление и анализ лексем, уточняющих и характеризующих описываемое. Кроме того, в самом названии рассказа также присутствует эпитет, который — при первоначальном прочтении заголовка — вызывает в сознании читателя определенный образ главного героя, обладающего, казалось бы, величием, силой и прочими положительными качествами, выделяющими его из ряда других людей. С языковой точки зрения достойны внимания лексические единицы, использованные автором для создания сюжетного пространства и образа Вильденберга.

2. Эпитет как объект лингвистического исследования

Невозможно представить себе художественные произведения без слов, наиболее точно, ярко, при необходимости эмоционально, образно и насыщенно отражающих авторское видение описываемой ситуации. Эпитеты, пожалуй, являются наиболее часто употребляемым стилистическим средством в литературе благодаря своей уникальности: одно-единственное меткое слово способно обогатить речь, изменить отношение к прочитанному, понять замысел пишущего, почувствовать его настроение и т. п.

Изучению слов указанного типа в различных языках посвящено много работ. Так, Р. П. Козлова пишет об эпитете как неотъемлемом элементе русской языковой системы, в связи с чем его необходимо исследовать только в сочетании с другими словами, поскольку именно в этом случае раскрывается его «смысловая многогранность», вся «гамма его красок и оттенков», все «смысловые приращения» [Козлова, 2001, с. 8]. Автор указывает на «подвижность семантической структуры» [Там же, с. 9] эпитета, благодаря которой становится возможным варьирование смыслов в зависимости от контекста: своеобразие эпитета раскрывается на фоне системных связей. Смысл стано-

вится доступным для понимания только благодаря своему материальному воплощению в знаке в пространстве контекста [Исаева, 2013, с. 30].

Т. М. Фадеева рассматривает сложный эпитет в русском языке в качестве основного средства, «ядерной единицы» [Фадеева, 2011а, с. 47], способствующей реализации художественного пространства посредством выполнения роли «концептуального, эмоционального и эстетического определения предмета (в широком понимании)», сжатого представления его значимых признаков, актуализации в пределах имеющегося контекста «изобразительно-выразительного потенциала определяемого» [Фадеева, 2014, с. 10]. Автор отмечает «стилеобразующий характер» сложных эпитетов в текстах, продуцируемых языковой личностью [Там же, с. 15]. В данном контексте уместно упоминание об окказиональных словах означенного типа, нашедших отражение в произведениях писателей и поэтов благодаря их словотворчеству и богатым словообразовательным возможностям языка [Горелкина, 2010; Фадеева, 2010; Фадеева, 2011б]. Именно такие эпитеты придают стилю языковой личности ее индивидуальные черты.

Цвет в жизни каждого народа играет важную роль, получая символическое значение, выражая «субъективное мировидение» [Фадеева, 2011в, с. 45]; цветовые эпитеты образуют специфическую группу колоративной лексики. Эпитеты-цветономинанты, по мнению Т. М. Фадеевой, отражают национальный менталитет и представляют «интеллектуальную или эмоциональную авторскую оценку» [Фадеева, 2011в, с. 45]. Р. В. Корякина также интересуется особенностями семантики и функционирования эпитетов-цветообозначений, но уже в героическом эпосе олонхо, считающемся древнейшим искусством якутов и повествующем о прародителях людей. Исследователь приходит к выводу, что слова, характеризующие цвет, частотны в эпосах [Koryakina, 2018]. К. И. Масленникова отмечает важные функции цветовых эпитетов — поэтизацию и метафоризацию текста: «Цветовой эпитет позволяет создать гармонию и контраст, подчеркнуть возвышенное и низменное и служить эффективным средством создания идеала» [Масленникова, 2010, с. 183].

Человек воспринимает в окружающем его мире, безусловно, не только цвета: он стремится описать увиденное в природе, наделяя его при этом антропоморфными чертами. Используемые в данном случае определения показывают, «как человеческое мышление переносится на отдельные объекты или явления» [Белова, 2015, с. 10], как автором ощущается и передается эмоциональное состояние этих объектов или явлений.

А. И. Попова на материале французского языка делает выводы о «зрительности» и «незрительности эпитетов»: существуют слова, «описывающие зрительно воспринимаемые качества, а также зрительные образы»

(прилагательные, связанные со светом и цветом) [Попова, 2008, с. 356], и слова, отражающие внутренний, а не зримый мир, «портрет темпераментов» [Попова, 2008, с. 359]. При этом «зрительные» эпитеты являются большей частью нейтральными и общепонятными в отличие от «психологических», в качестве которых могут выступать редкие слова. Как представляется, к последней из названных групп можно отнести перцептивные синестетические эпитеты, способствующие вербализации внутреннего мира человека и его опыта [Иванова, 2017].

Т. К. Бадалова изучает поэтику эпитетов в лирике Махджура Ширвани, азербайджанского поэта 18 века, и приходит к выводу, что присутствие слов данного класса в стихотворных произведениях зависит от целей и мыслей, которые поэт желает донести до адресата, от его личного отношения к описываемым образам и воздействует на духовный мир читателя. Именно яркие и притягательные эпитеты помогают поэту точно передать свои мысли, вызвать соответствующее настроение у читающего или слушающего [Бадалова, 2011]. С. Е. Молчанова также отмечает, что эпитеты способствуют динамическому развитию сюжета, задают тональность и формируют эмоциональный фон художественного произведения [Молчанова, 2015].

О. Л. Любовская анализирует типы семантических отношений, присутствующих в двуступенчатых эпитетах английского языка, и возможности передать их на русский. Предлагаемая автором классификация раскрывает «индивидуальную морфолого-синтаксическую структуру» [Любовская, 2011, с. 134] эпитетов, придающую им высокую степень интенсивности и оценочно-экспрессивной коннотации. При этом, как обнаружено, достаточно сложно в полном объеме, без уменьшения или изменения семантической емкости, передать на переводящем языке все составляющие значения и образности двуступенчатых характеризующих слов.

Так, упомянутые работы представляют результаты исследований лингвистами эпитета как явления и закономерностей его функционирования, прежде всего, в художественном тексте и отражают далеко не весь спектр вопросов, связанных с изучением данного феномена. Продолжается обсуждение понятия «эпитет». На сегодняшний день, как известно, принято рассматривать названный термин в широком (любое определение может быть эпитетом) и узком (только определение с экспрессивно-эмоциональной и смысловой нагрузкой может быть эпитетом) понимании [Байбулатова, 2009]. В этой работе за основу принят первый из названных подходов.

3. Эпитеты в рассказе «Der große Wildenberg»

«Der große Wildenberg» [Deutsche Kurzprosa] — рассказ, написанный в 1958 году одним из наиболее прославленных и наиболее читаемых не-

мецких авторов послевоенного времени Зигфридом Ленцем. Основная проблема, которой посвящено данное произведение, — обманутые ожидания, переживаемые простым человеком перед встречей и во время разговора с потенциальным работодателем. Автор достаточно детально описывает ситуацию и все сложности, которые пришлось пережить его героям, прежде всего рассказчику, от лица которого ведется повествование, вследствие чего содержательно текст можно разделить на несколько частей: 1) получение рассказчиком письма, согласно содержанию которого он должен явиться на собеседование на фабрику, и первый неудачный визит на возможное место работы; 2) вторая попытка пройти на фабрику и встреча с доктором Сетцки, радушно встретившим рассказчика и проводившим к другому сотруднику; 3) встреча с доктором Петерсеном, «открывшим двери» к своему начальнику; 4) долгожданная встреча с Вильденбергом. Каждому из этих этапов соответствует определенный набор эпитетов, помогающих понять и почувствовать настроение рассказчика. Безусловно, характеризующие слова могут выражать как эксплицитную, так и имплицитную модальность, имея при этом различную семантическую направленность в зависимости от ситуации: «В одних случаях Зигфрид Ленц заинтересован эксплицитно выразить свою мысль, однозначно и вербально называя факты, а в других случаях он прибегает к импликациям, то есть намеком, подсказкой, косвенным обстоятельством помогает читателю правильно понять смысл излагаемого» [Свидерская, 2004, с. 10]. Эпитеты занимают значимое место в структуре текста, давая автору возможность самовыражения.

Итак, повествование начинается предложением, давшим главному герою веру в положительные изменения в его жизни:

(1) *Mit dem Brief kam **neue** Hoffnung* / С письмом появилась **новая** надежда (здесь и далее перевод наш. — Т. Щ.).

Эпитет *neu* указывает на внезапное ожидание блага, на перспективы осуществления желаемого, на переживаемые волнующие моменты и рождение радостного внутреннего состояния рассказчика. Однако эта «новая надежда» покидает его спустя лишь несколько мгновений — после прочтения письма:

(2) *Er war nur **kurz**, enthielt keine Anrede, er war mit **gleichgültiger** Höflichkeit diktiert worden* / Оно было **кратким**, без обращения, продиктованным с **равнодушной** вежливостью.

Прилагательное *kurz*, характеризующее объем письма, как представляется, коррелирует с вышеописанным эпитетом *neu*, указывая на практически полное крушение ожиданий, быструю смену событий в жизни, на зависимость от других людей и обстоятельств, на мимолетность и неоправдан-

ность надежды на лучшее будущее. Это же впечатление усиливает эпитет *gleichgültig*: пишущему абсолютно все равно, кто и в каком эмоциональном состоянии читает его послание, он просто выполнил свою работу и ему не важны последствия. Несмотря на эти обстоятельства, адресат читает строки снова и снова, пытаясь найти в них хоть какое-нибудь утешение:

(3) Obwohl ich den Brief mehrmals las, nach Worten suchte, die ich in der *ersten* Aufregung überlesen zu haben fürchtete, und obwohl all meine Versuche, etwas Gutes für mich herauszulesen, misslangen, glaubte ich *einige* Hoffnungen in ihn setzen zu können, denn man lud mich ein, zum Werk herauszukommen und mich vorzustellen / Хотя я несколько раз прочел письмо в поисках слов, которые мог пропустить в состоянии *первого* волнения, и хотя все мои попытки найти в написанном что-нибудь хорошее не оказались успешными, все же мне показалось, что я могу возложить на него *некоторые* надежды, поскольку меня пригласили прийти на завод и рассказать о себе.

Характеризующее слово *erst* показывает, с одной стороны, смятенное состояние чувств рассказчика, осознание всех последствий ситуации, а с другой — умение владеть собой и сохранять силу духа: в нелегком психологическом состоянии, преодолев «*первое* волнение», он вместо одной «*новой надежды*» (*neue Hoffnung*) находит в читаемых строках «*некоторые надежды*» (*einige Hoffnungen*). Очевидно, что эпитеты *neu* и *einige* выражают разную степень уверенности в своих перспективах, но в данной ситуации словосочетание *einige Hoffnungen* предпочтительнее, поскольку оно называет неединичное явление. Много надежд, даже самых неопределенных, — иногда лучше, чем одна.

Описание фабрики, куда приглашен главный герой, как видится, имеет символическое значение: *ein lang gestrecktes flaches Gebäude, eine hohe Backsteinmauer* (*вытянутое в длину плоское* здание, *высокая* кирпичная стена).

Уточняющие слова *lang gestreckt*, *flach*, *hoch* конструируют образ пространства, у читателя возникает впечатление перемещения по длинному тоннелю. Темно, идет снег, нет ни одного встречного. *Высокая кирпичная стена* кажется угнетающей и бесконечной. Вид фабричного здания и стены, с одной стороны, как бы усиливают безнадежность этого визита, а с другой — окружавшую одинокого путника темноту помогают преодолеть *электрические лампы* (*elektrische Bogenlampen*), освещающие дорогу. Есть свет, пусть даже созданный человеческими руками, — значит, можно добраться до конца, до цели. Неяркое освещение гармонирует с неопределенными надеждами, оставшимися у рассказчика, помогает им не угаснуть.

В конце пути героя ожидает некоторое разочарование из-за ситуации, описанной посредством следующих эпитетов: *eine schwache elektrische Bir-*

ne (*тусклая электрическая* лампочка), ein *alter, mürrischer Mann* (*пожилой, ворчливый* мужчина), ein *schäbiger Holztisch* (*покосившийся* стол).

Получается, что освещение меняет свое качество: более мощные на протяжении всей дороги лампы превращаются в одну слабую. Значит, и надежды рассказчика изменяются: они преобразуются в одну-единственную надежду, вероятно, тоже более слабую. Кроме света *тусклой электрической* лампочки, перемене настроения способствует и вид привратника, *пожилого и ворчливого* мужчины, сидящего за *покосившимся* столом. Образ сторожки и ее владельца, отреагировавшего на визит посетителя раздражением, вызывают вопрос: не конец ли это долгого одинокого и в итоге напрасного пути? Однако упоминание имени Вильденберга заставляет сторожа переменить отношение к запоздавшему гостю: в нем чувствуется одновременно и *мягкая* насмешка (*sanfter Spott*), и *профессиональное* сочувствие (*berufsmäßiges Mitleid*). Насмешка появляется, очевидно, потому, что привратник знает, что Вильденберг еще на рабочем месте, но пройти к нему нельзя. Таким образом «*мягко*» принижается статус рассказчика и подчеркивается важность Вильденберга. А сочувствие связано с пониманием того, как сложно простому человеку попасть на встречу к столь значимой персоне — Вильденбергу.

По-видимому, по причине все той же участливости — теперь уже одновременно и к рассказчику, и к Вильденбергу — сторож сообщает, насколько много работы у последнего. Этот *великий* человек (*dieser große Mann*) несет на себе тяжелое бремя своих обязанностей и принимает свои решения в *молчаливом* одиночестве (*schweigende Einsamkeit*) за *далекими* дверями (*ferne Türen*). Эпитет *великий* придает, безусловно, значимость и важность описываемой персоне. Признанию величия способствует также и невозможность попасть к нему на прием в данное время, хотя в письме имеется приглашение. Способность и право решать сложные вопросы в одиночестве — признак всемогущества, большого ума, а уточняющее слово *молчаливый* наводит на мысль о секретности и сохранении в тайне информации о подписанных документах. К тому же Вильденберг постоянно находится за *далекими* дверями, вне пределов досягаемости для всех желающих.

В конце встречи сторож рекомендует рассказчику прийти еще раз завтра и квалифицирует свои слова как *единственный* совет (*der einzige Rat*). Эпитет *единственный* характеризует только один возможный, ничего не обещающий, выход из имеющейся ситуации и еще усиливает эмоциональное напряжение мужчины, который с крошечным проблеском надежды вынужден был так и поступить.

На следующее утро рассказчик снова идет на фабрику. И снова уличные лампы выполняют важную функцию символа света: они еще горят.

Значит, надежда еще есть. И охранник встречает своего знакомого дружелюбно, как будто уже ждет его. После достаточно *продолжительного* разговора по телефону (*telefonierte längere Zeit*) привратник сообщает со счастливым усердием (*mit glücklichem Eifer*), что ему удалось узнать, куда все же можно пройти рассказчику. Очевидно, что первое из уточняющих прилагательных в очередной раз подчеркивает, как сложно встретиться с Вильденбергом по причине его занятости; а второе — насколько этот пожилой мужчина — по существу мелкий служащий — рад работать на одном предприятии со столь значимым человеком и быть хотя бы чем-то ему полезным. Рвение и энтузиазм сторожа помогают рассказчику испытать чувство радости и сделать еще один шаг к достижению желаемой цели.

Положительные эмоции поддерживает секретарша доктора Сетцки, бойкая и худая (*forsch, mager*). Мимолетное описание фигуры девушки указывает на ее подвижность, энергичность, способность выполнять поручения быстро. Здесь присутствует резкий контраст по сравнению со сценой у домика сторожа, даже не впустившего рассказчика внутрь после первого краткого знакомства и несмотря на дружелюбный прием. Секретарь же предлагает чашку только что заваренного ею чая, что рассказчик счел за *добрый* знак (*gutes Zeichen*). В некоторые моменты жизни малейшее внимание со стороны другого человека — пусть даже и в соответствии с его прямыми служебными обязанностями — заставляет думать о хорошем и верить в свои силы. Так и рассказчик вдруг избавляется от страхов и чувствует такую уверенность, что решается предложить девушке одну из *двух* своих сигарет (*eine von meinen beiden Zigaretten*). Этим он выражает благодарность за *добрый* знак с ее стороны, и ему не жаль поделиться почти последним, что у него есть.

Наконец приходит с большим опозданием доктор Сетцки. Извиняясь за непунктуальность, он ссылается на Вильденберга, *великого одинокого* работника (*der große einsame Arbeiter*), который никому не дает покоя, постоянно переспрашивает и перепроверяет *все* дела (*alle Dinge*) по нескольку раз, вследствие чего просто невозможно придерживаться *точного* расписания (*genauer Tagesplan*). Приведенные эпитеты, с одной стороны, подчеркивают ответственность, основательность и тщательность Вильденберга, бывшего в курсе всего происходящего на фабрике, а с другой — выражают скрытую иронию: как можно описывать его с помощью слов «великий одинокий работник», если с ним рядом постоянно кто-либо находится? Кроме того, Вильденберг должен понимать, что у каждого сотрудника свой рабочий график и ему не следует держать других работников при себе. Естественно, у рассказчика нет времени над этим подумать, и после слов доктора Сетцки он испытывает *некоторый* ужас (*ein wenig Furcht*)

из-за того, что ему через *несколько секунд* (*in wenigen Sekunden*) нужно предстать перед таким серьезным человеком. С точки зрения выразительных средств языка здесь является примечательным, что и высшая степень страха, и количество времени описываются посредством одной и той же лексемы *wenig*. По-видимому, автор стремился таким образом показать, как все в жизни переменчиво и насколько соизмеримы чувства и время.

Доктор Сетцки провожает рассказчика в кабинет доктора Петерсена, *правой* руки Вильденберга (*die rechte Hand Wildenbergs*), который должен открыть перед ним *все следующие двери* (*alle weiteren Türen*) к великому человеку (*der große Mann*). Напряжение посетителя нарастает, поскольку доктор Петерсен — непосредственно приближенный к Вильденбергу человек, «последняя преграда», которую нужно преодолеть на своем пути. Рассказчик понимает, насколько сильно он сейчас полностью зависит от этой *правой* руки, которая, возможно, при положительном исходе встречи распахнет для него все оставшиеся двери. К тому же наличие такого помощника у Вильденберга еще раз подчеркивает чрезвычайную важность присутствия последнего на фабрике. Эпитеты, использованные доктором Сетцки, на первый взгляд, производят впечатление на слушателя, все больше внушая ему мысли о величии Вильденберга. Кроме того, доктор Сетцки с *большим* восхищением (*mit großer Bewunderung*) описывает умение Вильденберга выбирать людей, однако, уходя, он мимоходом кладет руку на плечо своего спутника. И здесь уже закрадывается сомнение, настолько ли велик Вильденберг, как о нем привыкли говорить, или же доктор Сетцки таким образом выражает свою поддержку рассказчику с тем, чтобы подбодрить и придать ему сил перед встречей?

Оставшись в одиночестве, посетитель размышляет над словами Сетцки, вспоминает тон его голоса и осознает, что в восхищении скрывается *тайная* ирония (*heimliche Ironie*). Разумеется, он не знает, с чем это связано и как все можно объяснить, но сомнение, появившись, продолжает укрепляться. Так ли велик авторитет этого постоянно работающего человека? Или же за громким именем скрываются абсолютно другие качества?

Следующая сцена — встреча с доктором Петерсеном, богатырем с *водянистыми* глазами (*ein Hüne mit wässerigen Augen*). Эпитет *водянистый* характеризует важную часть тела человека, способную рассказать многое о своем обладателе. В данном случае цвет глаз можно интерпретировать как бесцветный, а взгляд — отчасти пустым. Можно предположить, что доктор Петерсен не имеет выдающихся способностей, а занимаемого положения он добился благодаря своей напористости и трудолюбию. Добившись желаемого, он ничего не хочет менять в жизни. Возможно, по этой причине он заставляет себя ждать, придавая тем самым важность и своей

фигуре, и дает соответствующий инструктаж посетителям — сократить время пребывания у Вильденберга до минимально возможного, — чтобы сохранить его авторитет в их глазах. Кроме того, богатырское телосложение подкрепляет его слова. Именно такое сочетание внешних качеств и делает его *правой* рукой Вильденберга: знающим помощником и одновременно «преградой», которую нужно успешно миновать. Доктор Петерсен непременно хочет, чтобы его словам подчинялись, вследствие чего не стесняется лишний раз о них напомнить, в частности, посредством *поспешных* жестов (*hastiges Zeichen*). Для посетителя такие жесты — психологический стимул именно для недолгой беседы с Вильденбергом, а для Петерсена — тайный знак его власти над пришедшими.

И вот долгожданная встреча с Вильденбергом. Она сразу начинается с контраста между услышанным ранее и сейчас: посетителя приглашает подойти поближе *дружелюбный* и *слабый* голос (*eine freundliche, schwache Stimme*). Первый эпитет представляется вполне уместным, так как расположение, благосклонность и доброжелательность по отношению к другому могут быть неотъемлемыми качествами *великого* и значимого человека. Второе из характеризующих слов никак не может быть связано с внушенным рассказчику представлением о Вильденберге: откуда у столь важной персоны слабость? Образ дорисован еще несколькими деталями: *маленький, страдальчески улыбающийся* мужчина (*ein kleiner, leidvoll lächelnder Mann*), сидящий в углу за *гигантским* столом (*ein riesiger Schreibtisch*). И здесь очередное противоречие: *малый* рост, конечно, не влияет на деловые качества, но выражение лица как часть образа вызывает недоумение. Интересно, что автор при описании голоса и внешности выбирает параллельно соотносимые эпитеты: *дружелюбный* — *маленький* и *слабый* — *страдальчески улыбающийся*. Первая пара слов не усиливает, но и не разрушает образ *великого* Вильденберга (*der große Wildenberg*), а вторая — формирует образ уставшего, неприметного человека. Кроме того, незначительность данной персоны на фабрике подчеркивает ее размещение в углу большой комнаты за *гигантским* столом. Размер и комнаты, и стола как будто заставляют Вильденберга потеряться. Такое впечатление поддерживается упоминанием пенсне *без оправы* (*ein randloser Zwicker*). Этот предмет гардероба, кажется, делает фигуру своего хозяина еще менее заметной, поскольку ее некоторая часть — из той, что видна над столом, — скрывается за не имеющим границы стеклом, становится более неопределенной и расплывчатой. Вильденберг, как выясняется, имеет проблемы со здоровьем, о чем свидетельствует его *подагрическая* рука (*eine gichtige Hand*). На основе этого эпитета можно предположить, что это уже немолодой мужчина, страдающий хроническими заболеваниями.

И где же *великий* Вильденберг?

Во время беседы обнаруживается, что на самом деле Вильденберг — робкий, одинокий человек, находящийся все время в этой комнате за *пустым* письменным столом (*der leere Schreibtisch*). Последнее обстоятельство говорит о том, что работа — лишь видимость, никакие важные дела он ни с кем не обсуждает. К тому же он устал от одиночества, ему хочется поговорить, при этом в качестве темы для разговора он выбирает историю фабрики. Он провел, по-видимому, здесь всю жизнь, является руководителем предприятия и поэтому все дни проводит в кабинете. Рассказчик несколько раз вспоминал совет доктора Петерсена, порывался уйти, однако Вильденберг всякий раз просил остаться и неустанно жаловался на свое одиночество. Так прошло несколько часов.

И вот финал повествования. Вся абсурдность ситуации и неожиданная развязка истории заключаются в последнем абзаце: рассказчик узнает, что Вильденберг вообще не видел его документы! Ему лишь изредка приносят что-либо на подпись, да и то с целью, чтобы он не чувствовал себя так одиноко. Кроме того, документы сразу же забирают, не дав времени изучить их. Скорее всего, он не глядя подписал и приглашение на собеседование рассказчику. В конце Вильденберг шепчет своему гостю, что ему следует по поводу работы поговорить с доктором Сетцки, которого можно найти через привратника. Этим окончательно развенчивается образ величия руководителя, оказавшегося ненужным, незаметным, не обладающим настоящей властью на своей фабрике.

4. Заключение

Итак, преувеличенное почтение к вышестоящим, чинопочитание часто приводит к неправильному о них представлению, что и нашло отражение в рассказе Зигфрида Ленца. Для определения границ авторитета и создания образа важную роль играют эпитеты, которые могут относиться к разным семантическим и структурным типам.

С учетом функциональных характеристик использованные автором уточняющие слова относятся к двум группам: изобразительные (например: *hohe Bachsteinmauer*; *ferne Türen*, *ein kleiner Mann*, *ein riesiger Schreibtisch*) и эмоциональные (например: *neue Hoffnung*, *glücklicher Eifer*, *gleichgültige Höflichkeit*) эпитеты. Число слов, подчеркивающих существенные признаки, немногим превышает количество лексем, описывающих эмоции: 23 и 18 единиц соответственно.

С учетом способа номинации в тексте можно выделить эпитеты с прямым значением (например: *gichtige Hand*, *ein mürrischer Mann*) и тропеические (например: *rechte Hand*, *heimliche Ironie*, *sanfter Spott*). При этом

первые существенно преобладают над вторыми: 28 лексем с прямым и 13 с переносным значением.

По семантическому параметру в рассказе выделены оценочные (например: *einzigster Rat*, *berufsmäßiges Mitleid*, *genauer Tagesplan*) и психологические (например: *ein großer Mann*, *randloser Zwicker*, *leerer Schreibtisch*, *wenige Sekunden*) эпитеты. Лексические единицы, служащие для более сильной актуализации определенного признака — психологические эпитеты, — превосходят лексемы с оценочной семантикой: 31 и 10 слов соответственно.

С учетом структурной организации представляется возможным говорить о наличии в рассказе простых (например: *hastiges Zeichen*, *wässerige Augen*, *gutes Zeichen*) и расширенных (например: *lang gestrecktes Gebäude*, *leidvoll lächelnder Mann*) эпитетов. Расширение эпитета за счет вхождения в него грамматически зависимых слов отмечено только в двух случаях.

Если говорить о типологии эпитетов в зависимости от степени устойчивости образуемых ими коллокаций, то надо заметить, что автор предпочитает использовать свободные эпитеты (например: *elektrische Bogenlampen*, *weitere Türen*). Эпитетов, входящих в состав фразеологических клише, обнаружено 7 единиц (например: *rechte Hand*, *sanfte Ironie*, *großer Mann*).

С точки зрения стилистики все эпитеты относятся к книжной речи, а по степени освоенности — к общеязыковым.

Очевидно, что многообещающий эпитет *groß*, вынесенный автором в заголовок рассказа, не оправдывает ожидания читателя: великий Вильденберг оказывается на самом деле неприметным, одиноким и болезненным человеком. Служащие же все время дают своему руководителю совершенно не соответствующее действительности описание, поскольку, оставаясь всего лишь людьми со своими слабыми и сильными сторонами, они в любой ситуации стремятся извлечь для себя выгоду.

Источники

1. Lenz S. Der große Wildenberg / S. Lenz // Deutsche Kurzprosa : рассказы немецких писателей : книга для чтения на немецком языке [Electronic resource] / авт.-сост. Е. А. Жеребина. — Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. — С. 49—53.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбулатова Г. Г. Эстетические возможности прилагательного-эпитета в его узком и широком применении / Г. Г. Байбулатова // Вестник Башкирского университета. — 2009. — Т. 14, № 3. — С. 814—816. — ISSN: 1998-4812.

2. Баталова Т. К. Поэтика эпитетов лирики Махджера Ширвани / Т. К. Баталова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского

го. Серия: Филология. Социальные коммуникации. — 2011. — Т. 24 (63), № 3-2. — С. 105—110.

3. Берлова С. А. Персонификация как прием конструирования эпитетов о природе (на материале романа «Джейн Эйр») / С. А. Берлова // Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. — 2015. — № 9. — С. 6—10.

4. Горелкина А. В. Сложные окказиональные эпитеты в мемуарной прозе А. Белого / А. В. Горелкина // Вестник Московского городского педагогического университета. — 2010. — № 2. — С. 30—35. — ISSN: 2074-7829.

5. Иванова Р. П. Перцептивный синестетический эпитет как средство вербализации внутреннего мира человека / Р. П. Иванова // Внутренний мир человека : эмоции, когниция, коммуникация : материалы Всероссийской конференции памяти доктора филологических наук, профессора, члена-корреспондента СО АН Высшей школы России Юрия Марцельевича Малиновича. — Абакан : Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 2017. — С. 95—102.

6. Исаева И. П. Теории смысла в лингвокогнитивных и лингвосемантических концепциях / И. П. Исаева // Общетеоретические и типологические проблемы : сборник научных статей. — Бийск : АГАО, 2013. — С. 26—31.

7. Козлова Р. П. Система языка и эпитет (на материале произведений С. Н. Сергеева-Ценского) / Р. П. Козлова // Вестник Тамбовского университета. — 2001. — № 3—5 (23). — С. 8—10.

8. Любовская О. Л. Типы семантических отношений между компонентами двуступенчатого эпитета и способы его перевода на русский язык / О. Л. Любовская // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2001. — № 3. — С. 134—139. — ISSN: 1813-1921.

9. Масленникова К. И. Стилистические особенности цветового эпитета в романе Колетт «Le blé en herbe» («Ранние всходы») / К. И. Масленникова // Studia linguistica. — 2010. — № XIX. — С. 178—183.

10. Молчанова С. Е. Особенности употребления эпитетов в произведениях Сидни Шелдона / С. Е. Масленникова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2015. — № 12—1. — С. 156—159. — ISSN: 2073-0071.

11. Попова А. И. Лингвостилистические особенности «текстовой живописи» А. Мишо: незрительность эпитетов / А. И. Попова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена Аспирантские тетради (Общественные и гуманитарные науки). — 2008. — № 33 (7), ч. 1. — С. 355—359.

12. Сви́дерская В. Л. Модально-модусные значения возможности и необходимости в нарративном дискурсе современного немецкого языка (на материале произведений Зигфрида Ленца) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. Л. Сви́дерская. — Иркутск, 2004. — 191 с.

13. Фадеева Т. М. Сложный эпитет в художественном тексте романтической поэзии / Т. М. Фадеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2010. — № 3. — С. 46—51. — ISSN: 2072-8522.

14. Фадеева Т. М. Взаимодействие сложного эпитета в художественном тексте с другими средствами выразительности / Т. М. Фадеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2011. — № 4. — С. 47—54. — ISSN: 2072-8522.

15. Фадеева Т. М. Структурные особенности окказиональных сложных эпитетов / Т. М. Фадеева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6—2. — С. 680—683. — ISSN: 1993-1778.

16. *Фадеева Т. М.* Семантическое своеобразие колоративных сложных эпитетов / Т. М. Фадеева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2011. — № 5. — С. 40—45. — ISSN: 2072-8522.

17. *Фадеева Т. М.* Сложный эпитет — ядерная единица художественного пространства в русском языке : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Т. М. Фадеева. — Москва, 2014. — 43 с.

18. *Koryakina R.* Peculiarities of the Color Epithets Functioning in the Yakut Heroic Epic Olonkho / R. Koryakina // Journal of History Culture and Art Research. — 2018. — Vol. 7, №. 4. — P. 245—256. — DOI: 10.7596/taksad.v7i4.1842.

MATERIAL RESOURCES

Lenz, S. Der große Wildenberg. In: Zhrebina, E. A. (ed.). (2011). *Deutsche Kurzprosa: stories of German writers*. Sankt-Peterburg: Publisher RGPU im. A. I. Gertsena. 49—53. (In Russ.).

REFERENCES

Baybulatova, G. G. (2009). Aesthetic possibilities of the adjective-epithet in its narrow and wide applications. *Bulletin of the Bashkir University*, 14 (3): 814—816. ISSN: 1998-4812. (In Russ.).

Batalova, T. K. (2011). Poetics of the epithets of the lyrics of Mahjor Shirvani. In: *Scientific notes of the Tavrichesky National University named after V. I. Vernadsky. Series: Philology. Social communication*, 24 (63)/3-2: 105—110. (In Russ.).

Berlova, S. A. (2015). Personification as a device of building nature epithets (the case study of the novel “Jane Eyre”). In: *Word. Sentence. Text: analysis of linguistic culture*, 9: 6—10. (In Russ.).

Fadeeva, T. M. (2010). Complex epithet in fictional text of romantic poetry. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 3: 46—51. ISSN: 2072-8522. (In Russ.).

Fadeeva, T. M. (2011). Semantic originality of color complex epithets. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 5: 40—45. ISSN: 2072-8522. (In Russ.).

Fadeeva, T. M. (2011). Structural features of occasional complex epithets. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N. I. Lobachevsky*, 6—2: 680—683. ISSN: 1993-1778. (In Russ.).

Fadeeva, T. M. (2011). The interaction of a complex epithet in a literary text with other means of expression. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 4: 47—54. ISSN: 2072-8522. (In Russ.).

Fadeeva, T. M. (2014). *Complex epithet — the nuclear unit of artistic space in Russian: author's abstract of PhD Diss.* Moscow. 43 p. (In Russ.).

Gorelkina, A. V. (2010). Complex occasional epithets in A. Bely's memoir prose. *Bulletin of the Moscow City Pedagogical University*, 2: 30—35. ISSN: 2074-7829. (In Russ.).

Isaeva, I. P. (2013). Theories of meaning in linguo-cognitive and linguo-semantic concepts. In: *General theoretical and typological problems: collection of scientific articles*. Biysk: AGAO. 26—31. (In Russ.).

- Ivanova, R. P. (2017). Perceptual synesthetic epithet as a means of verbalizing the inner world of a person. In: *The inner world of a person: emotions, cognition, communication: materials of the All-Russian conference in memory of Doctor of Philology Yuri Martseyevich Malinovich*. Abakan: Khakass State University N. F. Katanova. 95—102. (In Russ.).
- Koryakina, R. (2018). Peculiarities of the Color Epithets Functioning in the Yakut Heroic Epic Olonkho. *Journal of History Culture and Art Research* 7 (4): 245—256. DOI: 10.7596/taksad.v7i4.1842.
- Kozlova, R. P. (2001). The system of language and epithet (the case study of the works of S. N. Sergeev-Tsensky). *Tambov University Bulletin*, 3—5 (23): 8—10. (In Russ.).
- Lyubovskaya, O. L. (2001). Types of semantic relations between the components of a two-stage epithet and ways of translating it into Russian. *Bulletin of St. Petersburg University. Series I. Philology. Oriental studies. Journalism*, 3: 134—139. ISSN: 1813-1921. (In Russ.).
- Maslennikova, K. I. (2010). Stylistic features of the color epithet in the novel by Colette “Le blé en herbe” (“Early shoots”). *Studia linguistica*, XIX: 178—183. (In Russ.).
- Molchanova, S. E. (2015). Features of the use of epithets in the works of Sydney Sheldon. *Actual problems of the humanities and natural sciences*, 12—1: 156—159. ISSN: 2073-0071. (In Russ.).
- Popova, A. I. (2008). Linguo-stylistic features of “text painting” by A. Michaud: the lack of visibility of epithets. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 33 (7)/1: 355—359. (In Russ.).
- Sviderskaya, V. L. (2004). *Modal-modus meanings of the possibility and necessity in the narrative discourse of the modern German language (a case of the works of Siegfried Lenz)*: PhD Diss.. Irkutsk. 191 p. (In Russ.).

**ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА.
ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE**

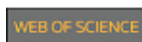
.....

Александр Модестович Подоксенов, д-р филос. наук (Елец)
Валентина Алексеевна Телкова, канд. филол. наук (Елец)
Виктория Александровна Самойленко, аспирант (Саранск)
Григорий Петрович Талашов, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Ирина Александровна Киселева, д-р филол. наук (Москва)
Ксения Алексеевна Поташова, канд. филол. наук (Москва)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Светлана Петровна Гудкова, д-р филол. наук (Саранск)
Татьяна Владимировна Дячук, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)

Богданова О. В. Легенда о разбойнике Кудеяре и ее интерпретация Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо» / О. В. Богданова, Г. П. Талашов // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 198—210. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-198-210.

Bogdanova, O. V., Talashov, G. P. (2021). Legend of Robber Kudeyar and Its Interpretation by N. Nekrasov in Poem “Who Lives Well in Russia”. *Nauchnyi dialog*, 4: 198-210. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-198-210. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-198-210

Легенда о разбойнике Кудеяре и ее интерпретация Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо»

Богданова Ольга Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-6007-7657

доктор филологических наук,
профессор

olgabogdanova03@mail.ru

Талашов Григорий Петрович²

orcid.org/0000-0003-1910-2595

кандидат филологических наук
gptalashov@mail.ru

¹ Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

² Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ в рамках научного проекта
№ 20-012-00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra.
Личность, деятельность, творческое наследие
Некрасова в оценках отечественных
мыслителей и исследователей»

Legend of Robber Kudeyar and Its Interpretation by N. Nekrasov in Poem “Who Lives Well in Russia”

Olga V. Bogdanova¹

orcid.org/0000-0001-6007-7657

Doctor of Philology, Professor
olgabogdanova03@mail.ru

Grigory P. Talashov²

orcid.org/0000-0003-1910-2595

PhD in Philology
gptalashov@mail.ru

¹ The Herzen State Pedagogical University
of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

² St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 20-012-00272
“N. A. Nekrasov: pro et contra.
Personality, activity, creative heritage
of Nekrasov in the assessments
of domestic thinkers and researchers”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о релевантности интерпретации и художественного воплощения легенды «О двух великих грешниках», вошедшей в главу «Пир на весь мир» поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Авторы работы акцентируют, что в основе некрасовского эпизода, с одной стороны, лежит знакомый фольклорный сюжет, с другой — он интерпретирован поэтом иначе, чем традиционно принято в народных текстах. В ходе анализа подчеркнуто, что если в фольклоре акцент сделан на образе разбойника Кудеяра, подвергшегося духовному преображению, то в поэме Некрасова упор перенаправлен на образ «другого разбойника», пана Глуховского, который, в представлении автора поэмы, оказывается «грешнее всех». Уделяется особое внимание аспекту вытеснения Некрасовым нравственных составляющих социальными. Продемонстрировано, что Некрасов подходит к решению стержневого вопроса главы «Кто на Руси грешнее всех?» тенденциозно и устраняется от осмысления триады «грех помещика, грех разбойника, грех крестьянина», предложенной героями-вахлаками, участниками главы «Пир...», но производит сюжетно-смысловую «подмену» и во всех «грешных» эпизодах единственным виновником-грешником признает дворянина, исключительно на социальном уровне противопоставленного крестьянину.

Ключевые слова:

поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»; глава «Пир на весь мир»; легенда «О двух великих грешниках»; фольклор; традиция; тенденциозность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article considers the relevance of the interpretation and artistic embodiment of the legend “About two Great Sinners”, which is included in the chapter “A Feast for the whole World” of the poem by N. Nekrasov “Who lives well in Russia”. The authors emphasize that the Nekrasov episode, on the one hand, is based on a familiar folklore plot, on the other — it is interpreted by the poet differently than is traditionally accepted in folk texts. The analysis pointed out that, if in the folklore emphasis is placed on the image of the robber Kudeyar undergoing spiritual transformation, in the poem of Nekrasov focus redirected to the image of “the other robber”, pan Glukhovsky, who, in the view of the author of the poem, is the “most sinful of all”. The article pays special attention to the aspect of the displacement of moral components by social ones. It is demonstrated that Nekrasov approach to solving the core issue of the head, “Who in Russia most sinful of all?” biased and removed from understanding the triad of “sin of the landowner, sin of the robber, sin of the peasant” proposed by the heroes of the Chapter “Feast...”, but makes a scene-meaning “substitute” all “sinners” episodes only responsible for the sinner recognizes the nobleman, only at the social level, opposed to the peasant.

Key words:

Nekrasov’s poem “Who lives well in Russia”; the chapter “A Feast for the whole World”; the legend “About two Great Sinners”; folklore; tradition; tendentiousness.

Легенда о разбойнике Кудеяре и ее интерпретация Н. А. Некрасовым в поэме «Кому на Руси жить хорошо»

© Богданова О. В., Талашов Г. П., 2021

1. Введение

Актуальность изучения поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» обусловлена тем, что в течение долгих десятилетий (если не столетия) творчество поэта рассматривалось исключительно в ракурсе его демократических тенденций и *природа* поэтических текстов писателя оставалась практически без внимания. Исследователями-некрасоведами были созданы весомые, классические — с современной точки зрения — научные труды [Бухштаб, 1989; Гин, 1962; Евгеньев-Максимов, 1953; Евстигнеева, 1971; Мельгунов, 1989; Пайков, 2000; Прийма, 1987; Скатов, 1985 и др.], однако уловимая социальная тенденция в восприятии некрасовского наследия доминировала: поэт неизменно включался в ряд писателей-народолюбцев, борцов за крестьянские права и свободы, однако без учета объективной (существовавшей еще и в XIX веке) критической рефлексии. Потому цель настоящего исследования — проанализировать широко вовлеченные в научный оборот тексты поэта, в частности, изучить поэму «Кому на Руси жить хорошо», но взглянуть на нее с позиции «pro et contra», выделить новые, ранее не акцентированные критикой грани поэтического текста, выявить природу внутренних авторских интенций.

Основными методами, применяемыми в процессе исследования, избраны историко-литературный, сравнительно-типологический, интертекстуальный, поэтологический, комплексность которых позволяет актуализировать новые грани творческого наследия художника, осмыслить разноректорные интенции его поэтики.

Теоретической базой работы послужили фундаментальные труды основоположников сравнительно-сопоставительного литературоведения [Веселовский, 1989; Жирмунский, 1979; Бахтин, 1975; Данилевский, 1984 и др.], научные работы современных отечественных и зарубежных некрасоведов [Кошелев, 1999; Красносельская, 2016; Макеев, 2017; Смирнов, 2009; Luisier, 2005 и др.].

Практическая значимость исследования состоит в том, что наблюдения и выводы могут быть использованы при дальнейшем глубоком и объективном изучении отечественной литературы, включены в общие и специаль-

ные историко-теоретические курсы по русской литературе в ее вузовских и школьных изводах.

2. Композиционные и нарративные особенности главы «Пир на весь мир»

Легенда о разбойнике Кудеяре в поэме Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» располагается в последней по времени написания (по сути «заключительной») главе «Пир на весь мир» (1876). Финальная позиция главы заставляет пристальнее взглянуть на нее с различных точек зрения.

В композиционном плане глава «Пир на весь мир» представляет собой череду нанизанных на единый сюжетно-фабульный стержень историй, среди которых три являются главными, так как отвечают на актуализированный в тексте главы вопрос (героев и автора) «Кто на Руси грешнее?». Если первая, концептуальная в контексте главы, история «О холопе примерном — Якове верном» интерпретирует грех помещика-злодея Поливанова, если третья касается «Крестьянского греха», то фольклорная (в основе своей) легенда о Кудеяре появляется в «Пире...» в связи с намерением осмыслить «третий» существующий грех — грех разбойника.

Нарративные слагаемые истории «О двух великих грешниках» опосредованы голосом «смирненного богомола» [Некрасов, 1982, с. 201], «издавна навеща<вшего> вахлацкую сторонушку, Ионы Ляпушкина. Повествовательному сказу Ионы предшествует череда мелких «промежуточных» соображений (размышлений) повествователя о неких обычаях и случаях, имевших место в мире. Авторские мини-рассказы не имеют никакой (даже опосредованной) связи с главной историей Ионы о разбойнике Кудеяре, носят характер случайный («нередки случаи» [Некрасов, 1982, с. 202]), занимают позицию окказиональную и потому наводят на мысль (поддерживают и укрепляют гипотезу) о совокупности этих мини-эпизодов как предварительном плане главы, череде тех «подготовительных» набросков, которые Некрасов планировал (мог рассматривать) как перспективу поэмы в целом или ее отдельных глав, в частности, необходимого «фактического материала» для завершения поэмы.

Однако, как уже было отмечено исследователями (см. комментарий к полному собранию сочинений [Некрасов, 1982]), в 1872 году эти «мини-наброски» были отринуты, а в 1876 году материала для всех «свернутых» эпизодов не хватило («фактический материал <...> собирать некогда и трудно...» [Кони, 1968, с. 260]). Судьба рассказа Ионы в этих обстоятельствах оказалась счастливой: материал был подарен А. Ф. Кони, и место для него в поэме было найдено.

При чтении главы кажется, что длинной чередой сведений (мини-эпизодов) повествователь пытается предварить историю Ионы и поближе по-

знакомить с героем-рассказчиком, однако нарратор не высвечивает линию жизни персонажа, но знакомит с самим явлением странничества, к которому причастен смиренный Ляпушкин. На этом пути автор оборачивает наррацию неожиданным ракурсом: вместо «подготовительного» рассказа о благочестивом Ионе Некрасов обращается к примерам странничества-«попрошайства» [Некрасов, 1982, с. 202], странничества-воровства, странничества-обмана («дальше Троицы-Сергия он сам-то не бывал» [Некрасов, 1982, с. 202]), вспоминает историю старца-бродяги, посулившего научить деревенских девиц петь, но «перепорти<вшего> всех» [Некрасов, 1982, с. 202]. Готовя к знакомству с Ионой, повествователь не выводит «лицевую сторону» [Некрасов, 1982, с. 203] страннического «промысла», а неожиданно множит истории о бродяжках-богомолх, их натуре и поведении: вспоминает босого Фомушку, старообрядца Кропильникова, поминает о посадской вдове Ефросиньюшке, героем самостоятельной крестьянской зарисовки оказывается даже кот Васька [Некрасов, 1982, с. 205]. Обилие мелких деталей, которые насыщают «проходные» эпизоды, несоразмерность историй-впечатлений, непрописанность образов случайных (эпизодических) персонажей-странников (которые, как ни парадоксально, наделены собственными именами) свидетельствуют о недоработанности текста, о подмене качества количеством. И это «количество» уводит далеко в сторону от ожидаемого рассказа Ионы, перегружает текст несущественными деталями и косвенными побочными вкраплениями. В стремлении насытить поэму материалом Некрасову, теряющему в результате болезни физические силы, вероятно, было жаль выпускать (пропускать) те или иные заготовки и зарисовки, тот подготовительный экстракт, который не получил развития, но (по мнению некоторых исследователей, прежде всего комментаторов текста, см.: [Некрасов, 1982, с. 675]) превратился в лирические отступления. Однако объяснительно-оправдательная стратегия, предпринимаемая комментаторами к собранию сочинений Некрасова, в данном случае не меняет существа проблемы: лиризации, субъективизации или философизации, характерных для жанровых доминант авторского отступления, некрасовский текст не достигает, он перегружен избыточными «прозаизированными» сведениями, мелкими проходными деталями и остается в рамках повествовательно-констатирующего вектора. К лиризации текста эти свернутые отступления-свидетельства отношения не имеют и должны быть сочтены лишь излишними («случайными»).

3. Фольклорные источники истории разбойника Кудеяра

В центре рассказа «божьего странника» Ионушки Ляпушкина стоит образ широко известного в русском фольклоре легендарного разбойника

Кудеяра, то есть ионов рассказ становится своеобразной иллюстрацией к «слову грубому» скупщика-купца Еремина, который, присоединившись к вахлацкому спору о грехе, самыми грешными людьми на земле назвал разбойников:

Кто всех грешней? подумайте! —

«Ну, кто же? говори!»

— Известно кто: разбойники! [Некрасов, 1982, с. 200].

Как известно, легенда о Кудеяре-разбойнике имеет фольклорные корни и в различных вариантах широко распространена в областях центральной России: «Где-где Кудеяр ни разбойничал! И в Калуге, и в Туле, и к Рязани приходил, и к Ельцу, и к Воронежу, и к Смоленску — везде свои станы расставлял и много кладов позарыл в землю...» [Костомаров, 1989, с. 12].

Наиболее полный свод сюжетов по Кудеяру в 1930-е годы собрал и систематизировал профессор-фольклорист Н. П. Андреев [Андреев, 1929; Андреев, 1936]. По наблюдениям ученого, в русском фольклоре наличествуют различные варианты знаменитой легенды (ученый представил в «Указателе...» около полусотни вариантов [Андреев, 1929]), среди которых сюжетное развитие истории может идти (в том числе) и по варианту, близкому некрасовскому, то есть с убийством еще более «лютого» грешника, чем сам разбойник Кудеяр. Однако, согласно наблюдениям Н. П. Андреева, «двойной» сюжет менее популярен в народе (см. также: [Гин, 1962]), но и в случае «сдвоенности», по словам исследователей, в центре легендарного сюжета неизменно остается образ Кудеяра и история его духовного преображения.

Если у Некрасова причиной перерождения героя-разбойника становится наречное *вдруг*:

Днем с полюбовницей тешился,

Ночью набеги творил,

Вдруг у разбойника лютого

Совесть Господь пробудил [Некрасов, 1982, с. 207],

то в вариантах, например, из собрания «Фольклора Воронежской области» импульсом к преображению душегуба Кудеяра названы смерти друга и жены:

«У него <у Кудеяра> был товарищ Сим или Симон; однажды они поспорили о силе и ловкости своих коней, порешили для опыта перескочить с Меркуловой горы на Кудеярову через Майров дол, где течет Соколка. Ку-

деяр на своем коне перескочил, но Сим оборвался и упал в долище. В том месте, где он провалился под землю с конем, ударил родник,носящий до сих пор его имя.

Ни с того, ни с сего захворала жена Кудеяра, любимая Настя, и в одночасье померла. Похоронили ее в дубовом гробу, нарядили в парчу и бархат с жемчугами и самоцветами, зарыв с ней вместе в могилу все уборы и драгоценности, принадлежавшие покойнице, и насыпали над нею курган.

Похоронил Кудеяр сразу и друга верного, и жену любимую, постыл ему белый свет. Вспомнил Кудеяр, что он христианин и дал обет — грехи тяжкие замаливать. Всех молодцов своих отпустил и остался один. Завалил все ходы в свое подземное жилье и один под горою стал жить, свои и людские грехи перед Господом замаливать» [Фольклор ..., 1949, с. 127–128].

В процитированном варианте народной легенды эксплицируется больше причинной мотивации (реалистической подосновы), чем в ее литературном варианте, но у Некрасова его *вдруг* оттеняет момент чудесного вмешательства Господа, к которому (кажется) и будут обращены все последующие упования-молитвы заглавного героя. Однако так ли это?

4. Интерпретация народной легенды Некрасовым

Известно, что народная традиция историю Кудеяра (часто) связывает с многочисленными кладами, которые будто бы закопал разбойник — отсюда (как подтверждают специалисты-историки) в центральной России множество Кудеяровых возвышенностей (гор, холмов, городищ) и Кудеяровых оврагов (низин, ям), в которых, по местным преданиям, спрятаны награбленные кудеяровы сокровища, которые (еще) возможно отыскать. Однако Некрасов оставляет в стороне мотив сокровищ и кладов (условно — мотив богатства), но актуализирует фабульную линию грабежа и жестокости, причем не Кудеяра, а «второго разбойника» — пана Глуховского,

Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне [Некрасов, 1982, с. 209].

По словам исследователя В. И. Мельника, из существующих изводов о народном разбойнике Некрасов предпочел самый ««кровавый» вариант легенды» [Мельник, 2001, с. 168].

В беседе с Кудеяром, признаваясь во множестве содеянных грехов, пан Глуховский цинично вызывает:

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,

Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю! [Некрасов, 1982, с. 209]

«Дублирующий» сюжет нужен Некрасову для сопоставления «двух великих грешников»: один отдается раскаянию и, следовательно, может уповать на прощение, другой — достоин лишь смерти от ножа, без покаяния и сожаления. Однако мотивация, которую приводит Некрасов для «оправдания» разбойника, аккумулирует в себе некую «двойственность» [Мельник, 2001, с. 171]. По верному наблюдению исследователя, «поэт <...> не всегда различал, так сказать, нравственное содержание подвига» [Мельник, 2001, с. 170], у него происходит «тонкая подмена» [Мельник, 2001, с. 170]. Так, в данном случае Некрасов в отличие от народной легенды смещает акцент с образа разбойника Кудеяра на образ «разбойника» Глуховского, потому реакцией старосты-вахлака Власа по окончании рассказа Ионы становится парадоксальное замечание не об ожидаемой аксиологии жизни и поступков фольклорного разбойника, но о помещике-пане: «Ой, господи! / Велик дворянский грех!» [Некрасов, 1982, с. 210]. По-некрасовски неожиданно (и алогично) доминанта с яркого (и в народе, несомненно, эпицентрисческого) персонажа, легендарного разбойника Кудеяра, перемещается на образ дворянина-помещика: грех разбойничий подменяется грехом дворянским, нравственное — социальным.

Если народное сознание сосредоточено на спасении души грешника-разбойника («свои и людские грехи перед Господом замаливать» [Кони, 1969, с. 261]), то акцент у Некрасова сдвинут в сторону «греха» пана:

Много жестокого, страшного
Старец о пане слыхал [Некрасов, 1982, с. 209].

И тогда в эпизоде с Кудеяром христианская заповедь «Не убий» переориентируется, обретает обновленную (трансформированную и, как следствие, искаженную в сравнении с фольклором) интерпретацию: наказание, постигшее пана Глуховского, по Некрасову, справедливо и осенено Божьей волей:

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..

*Слава творцу вездесущему
Днесь и во веки веков* [Некрасов, 1982, с. 210].

Трагизм ситуации отвлекает от «безбожной» реинтерпретации, предложенной поэтом («якобы благословленного Богом убийства» [Мельник, 2001, с. 171]), чудо, свершившееся с обновленным (возродившимся) героем, уводит от размышлений о подлинной сущности им содеянного. Всуе поминная имя и образ Божий, Некрасов по существу выступает поэтом-атеистом, только стилизующим (маскирующим) нарратацию под видимость народного и христианского мировосприятия, по сути же далеко удаляясь от него.

5. Современный взгляд на образ некрасовского Кудеяра

Вольная трактовка библейских (общечеловеческих) постулатов в период расцвета советской атеистической морали могла быть воспринята как народная, а сама поэма — как эпос крестьянской (то есть народной) жизни. Сегодня же должно стать очевидным, что переделки-новации Некрасова несли в себе явные черты *псевдонародности*. Неслучайно песня «Жили двенадцать разбойников», которая входила в сценический репертуар Ф. И. Шаляпина (о чем напоминает едва ли не каждый исследователь, касающийся главы «Пир...»), включала в себя *только* первую часть легенды «О двух великих грешниках», связанную с линией и образом Кудеяра, но никоим образом не касалась фабулы и образа пана Глуховского (шаляпинские вкус и чутье возвращали легенду к истинному народному звучанию).

Легенда «О двух великих грешниках», услышанная смиренным странником Ионой на Соловках и поведенная вахлакам у волжской переправы, из рассказа о грешнике-разбойнике превратилась у Некрасова в главе «Пир на весь мир» (и в предшествующих главах поэмы) в историю о грешнике-помещике, удерживая спор в ранее установившихся в тексте тенденциозных пределах, сосредоточивая размышления о грешниках исключительно на социальном моменте: грешники у Некрасова — это помещики, дворяне, паны. Заявленный к обсуждению купцом Ермиловым грех разбойника аннигилируется, ломая «грешную триаду» (помещик — разбойник — крестьянин, предложенную вахлаками), превращая ее в дуалистическое (устойчиво тенденциозное) некрасовское противостояние: дворянин ↔ простолюдин. Однако и последняя диада вскоре (в следующем по сюжету фрагменте «Крестьянский грех») будет «обнулена» и обращена в монаду.

На фоне приведенных размышлений становятся различимы «строительные леса» (Л. Н. Толстой) поэмы: из нанизанных на сюжетный стержень конспективно свернутых эпизодов Некрасов сознательно (и одновре-

менно случайно — *по случаю* предоставленного ему материала, например, А. Ф. Кони) вычленил и прорабатывал только соответствующие его ведущей идее фрагменты-истории, причем в главе «Пир...» это уже не идея поиска счастливица, но грешника. Поэт вкладывал «конспект» анекдота в уста героя и разворачивал его как предмет спора (грешник-помещик — грешник-разбойник — грешник-крестьянин), намереваясь следовать этой перспективе. Однако желание поэта быть ближе к тяготам судебных народных, крестьянских (а может быть, и болезнь художника) «корректировало» эти позиции и упрощало их, «отвлекало» писателя, сводя многоголосый (поливариативный) спор о *многих грешниках* к сольной партии о единственно признанном Некрасовым и его героями *грешнике-помещике*, сводя «народный эпос» (по сути) к политическому плакату.

6. Выводы

С позиции «pro et contra», изначально принятой для проводимого анализа, можно заключить, что в современных условиях аксиологические ракурсы поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» должны быть существенно скорректированы. Так, можно утверждать, что в главе «Пир на весь мир» при интерпретации истории разбойника Кудеяра Некрасов отходит от народной (фольклорной) традиции и ориентируется на упрощенный (и давно опробованный им в поэме) вариант дихотомичного противостояния «помещик ↔ крестьянин». Интенции нравственного плана, актуализируемые русским фольклором, сдвигаются Некрасовым на фоновый (несущественный) уровень. Традиция религиозного народного мировосприятия вольно корректируется и, как следствие, деформируется, подчиняя глубинные нравственно-моральные опоры русского народа поверхностным и популярным в 60—70-е годы XIX века принципам и приемам демократизма (в том числе и в области литературы). Успешно начатый Некрасовым и органично воплощенный на уровне первой части поэмы «Кому на Руси жить хорошо», «эпос народной жизни» к финалу (так и не осуществленному) все больше подчиняется опробованным трафаретным стратегиям, эксплуатируемым поэтом в последние годы его жизни. Последнее происходило по целому комплексу причин, в числе которых как физическое недомогание поэта, ослабленного болезнью, так и убежденность в необходимости поддерживать (ранее сложившийся) авторитет демократически ориентированного писателя. Однако, как бы то ни было, важно констатировать: *народный* пафос поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» по мере выстраивания целостного текста все явственнее подменялся пафосом *народническим*, что существенно ослабляло творческий потенциал создаваемого произведения.

Источники

1. Костомаров Н. И. Кудеяр / Н. И. Костомаров. — Москва : Книга, 1989. — 256 с.
2. Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений : в 15 томах / Н. А. Некрасов ; ИРЛИ СССР, Пушкинский Дом. — Т. 5 : «Кому на Руси жить хорошо» / ред. Ф. Я. Прийма. — Ленинград : Наука, 1982. — 688 с.
3. Фольклор Воронежской области / сост. В. А. Тонков. — Воронеж : Воронежское областное книгоиздательство, 1949. — 298 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов [по системе Аарне] / Н. П. Андреев. — Ленинград : Гос. русское географическое об-во, 1929. — 118 с.
2. Андреев Н. П. Русский фольклор / Н. П. Андреев. — Москва ; Ленинград : Учпедгиз, 1936. — 496 с.
3. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.
4. Бухштаб Б. Я. Н. А. Некрасов : проблемы творчества / Б. Я. Бухштаб. — Ленинград : Советский писатель, 1989. — 349 с.
5. Веселовский А. Н. Историческая поэтика / А. Н. Веселовский. — Москва : Высшая школа, 1989. — 404 с.
6. Гин М. М. Спор о великом грешнике / М. М. Гин // Русский фольклор : материалы и исследования. — Москва ; Ленинград : Наука, 1962. — Т. 7. — С. 82—98.
7. Данилевский Р. Ю. Литературные связи XVIII–XIX вв. / Р. Ю. Данилевский. — Ленинград : Наука, 1984. — 276 с.
8. Дунаев М. М. Православие и русская литература : в 3 частях / М. М. Дунаев. — Москва : Христианская литература, 1997. — Ч. III. — С. 170–185.
9. Евгенийев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова / В. Е. Евгенийев-Максимов. — Москва ; Ленинград : Наука, 1953. — 282 с.
10. Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» / Л. А. Евстигнеева // Н. А. Некрасов и русская литература : сборник научных статей. — Москва : Наука, 1971. — 512 с.
11. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение / В. М. Жирмунский. — Ленинград : Наука, 1979. — 494 с.
12. Кони А. Ф. Статьи и воспоминания о русских литераторах / А. Ф. Кони. — В книге : Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 томах / А. Ф. Кони. — Москва : Юридическая литература, 1966–1969. — Москва : Юридическая литература, 1968. — 6 : 695 с.
13. Кошелев В. А. «Кому на Руси жить хорошо» : о великой поэме и о вечной проблеме / В. А. Кошелев. — Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1999. — 166 с.
14. Красносельская Ю. И. Стоит ли искать «ключи от счастья»? (Об источниках и смыслах одного мотива у Некрасова и Салтыкова-Щедрина) / Ю. И. Красносельская // Карабиха : историко-литературный сборник. — Ярославль : Ярославск. кн. изд-во, 2016. — Вып. 9. — С. 127–139.
15. Макеев М. С. Николай Некрасов / М. С. Макеев. — Москва : Молодая гвардия, 2017. — 463 с.
16. Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист : малоизученные аспекты проблемы / Б. В. Мельгунов. — Ленинград : Наука, 1989. — 280 с.

17. Мельник В. И. «Кому на Руси жить хорошо» : проблема христианского сознания в поэме / В. И. Мельник // Некрасовский сборник / отв. ред. Б. Мельгунов. — Вып. 13. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — С. 166–173.

18. Пайков Н. Н. Феномен Некрасова: избранные статьи о личности и творчестве поэта / Н. Н. Пайков. — Ярославль : Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2000. — 120 с.

19. Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература / Ф. Я. Прийма. — Ленинград : Наука, 1987. — 264 с.

20. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему...» : о творчестве Н. А. Некрасова / Н. Н. Скатов. — Москва : Просвещение, 1985. — 174 с.

21. Смирнов С. Монументализация фантомов : некоторые особенности бытования идеологической биографии Н. А. Некрасова / С. Смирнов // Вопросы литературы. — 2009. — № 6. — С. 77–99.

22. Luisier A. Nikolaj Nekrasov : Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution / A. Luisier. — Zürich : Pano Verlag, 2005. — 301 S.

MATERIAL RESOURCES

Folklore of Voronezh Region. (1949). Voronezh: Voronezh regional publishing house. 298 p. (In Russ.).

Kostomarov, N. I. (1989). *Kudejar*. Moscow: Kniga. 256 p. (In Russ.).

Nekrasov, N. A. (1982). *Collected works: in 5 vol. 5: Who lives well in Russia*. Leningrad: Nauka. 688 p. (In Russ.).

REFERENCES

Andreev, N. P. (1929). *Index of fairy-tale stories (according to the Aarne system)*. Leningrad: Russkoe geograficheskoe ob-vo. 118 p. (In Russ.).

Andreev, N. P. (1936). *Russian folklore*. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz. 496 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Hudozhestvennaja literatura. 504 p. (In Russ.).

Bukhshtab, B. Ja. (1989). *N. A. Nekrasov: questions of creativity*. Leningrad: Sovetskiy pisatel. 349 p. (In Russ.).

Veselovskiy, A. N. (1989). *Historical Poetics*. Moscow: Vysshaja shkola. 404 p. (In Russ.).

Gin, M. M. (1962). Dispute about the great sinner. In: *Russian folklore. Reading materials*. Moscow; Leningrad: Nauka. 7: 82–98. (In Russ.).

Danilevskiy, R. Ju. (1984). *Literary relations of XVIII–XIX cent.* Leningrad: Nauka. 276 p. (In Russ.).

Dunaev, M. M. (1997). *Orthodox Christianity and Russian literature: in 3 vol.* Moscow: Khristianskaya literatura. III: 170–185. (In Russ.).

Evgenyev-Maksimov, V. E. (1953). *Creative way of N. A. Nekrasov*. Moscow; Leningrad: Nauka. 282 p. (In Russ.).

Evstigneeva, L. A. (1971). Controversial issues of studying of Nekrasov's poem "Who lives well in Russia". In: *N. A. Nekrasov and Russian literature*. Moscow: Nauka. 512 p. (In Russ.).

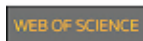
Zhirmunskij, V. M. (1979). *Comparative Literature Studies*. Leningrad: Nauka. 494 p. (In Russ.).

- Koni, A. F. (1968). Articles and memoirs about Russian writers. In: Koni, A. F. *Collected works: in 8 vol.* Moscow: Juridicheskaya literatura. Moscow: Juridicheskaya literatura. 8: 695 p. (In Russ.).
- Koshelev, V. A. (1999). *"Who lives well in Russia": about the great poem and the eternal problem.* Velikiy Novgorod: NovGU im. Ja. Mudrogo. 166 p. (In Russ.).
- Krasnoselskaya, Ju. I. (2016). Is it worth looking for the "keys to happiness"? (About the sources and meanings of one motif in Nekrasov and Saltykov-Shchedrin). *Karabiha*, 9: 127–139. (In Russ.).
- Makeev, M. S. (2017). *Nikolay Nekrasov.* Moscow: Molodaya gvardiya. 463 p. (In Russ.).
- Melgunov, B. V. (1989). *Nekrasov is a journalist. Poorly studied aspects of the problem.* Leningrad: Nauka. 280 p. (In Russ.).
- Melnik, V. I. (2001). "Who lives well in Russia": problem of Christian consciousness in poem]. In: Melgunov, B. (ed.). *Nekrasovskiy sbornik.* Sankt-Petersburg: Nauka. 13: 166–173. (In Russ.).
- Paykov, N. N. (2000). *Nekrasov's Phenomenon: selected articles about poet's personality and work.* Jaroslav: Jarosl. gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo. 120 p. (In Russ.).
- Priyma, F. Ya. (1987). *Nekrasov and Russian Literature.* Leningrad: Nauka. 264 p. (In Russ.).
- Skatov, N. N. (1985). *"Ya liru posvyatil narodu svoymu...": about Work of N. A. Nekrasov.* Moscow: Prosveshhenie. 174 p. (In Russ.).
- Smirnov, S. (2009). Monumentalization of Phantoms: Some Features of Existence of ideological biography of N. A. Nekrasov. *Voprosy literatury*, 6: 77–99. (In Russ.).
- Luisier, A. (2005). *Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution.* Zürich: Pano Verlag. 301 p. (In Germ.).

Гудкова С. П. Жанровое своеобразие цикла путешествий в современной отечественной поэзии (на материале «Индийского цикла» В. Полозковой) / С. П. Гудкова, В. А. Самойленко // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 211—224. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-211-224.

Gudkova, S. P., Samoylenko, V. A. (2021). Genre Originality of Travel Cycle in Modern Russian Poetry ("Indian cycle" by V. Polozkova). *Nauchnyi dialog*, 4: 211-224. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-211-224. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-211-224

**Жанровое своеобразие
цикла путешествий
в современной
отечественной поэзии (на
материале «Индийского
цикла» В. Полозковой)**

Гудкова Светлана Петровна
orcid.org/0000-0002-5894-6347,
ResearcherID AAC-5874-2019
доктор филологических наук, доцент
sveta_gud@mail.ru

Самойленко Виктория Александровна
orcid.org/0000-0003-0012-8736,
ResearcherID AAB-7477-2021
аспирант
samojlenko.viktoria@yandex.ru

Национальный исследовательский
Мордовский государственный
университет им. Н. П. Огарева
(Саранск, Россия)

**Genre Originality
of Travel Cycle
in Modern Russian Poetry
("Indian cycle"
by V. Polozkova)**

Svetlana P. Gudkova
orcid.org/0000-0002-5894-6347,
ResearcherID AAC-5874-2019
Doctor of Philology, Associate Professor,
sveta_gud@mail.ru

Victoria A. Samoylenko
orcid.org/0000-0003-0012-8736,
ResearcherID AAB-7477-2021
postgraduate student
samojlenko.viktoria@yandex.ru

National Research
Ogarev Mordovia State University"
(Saransk, Russia)

© Гудкова С. П., Самойленко В. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению жанровых особенностей лирического цикла путешествий в современной поэзии на примере «Индийского цикла» (2008) Веры Полозковой. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления лирического цикла путешествий как синтетической жанровой формы, в структуре которой происходят различного рода изменения, в первую очередь синтезируются жанровые черты лирического цикла и травелога. Изучение этой жанровой формы позволяет не только определить своеобразие творческой манеры автора и его места в современном литературном процессе, но и проследить основные тенденции развития лирического цикла путешествий в современной отечественной поэзии в целом. Новизна исследования состоит в выявлении жанровых, проблемно-тематических, композиционных особенностей «Индийского цикла», позволяющих сделать вывод о расширении жанрово-типологических признаков цикла путешествий за счет дополнительных лирических мотивов (пейзажных, философских, любовных). Установлено, что лирический цикл путешествия В. Полозковой построен по реальному географическому маршруту, образ посещаемой страны становится сюжетообразующей основой. В ходе исследования выявляются особенности художественного восприятия географического и культурно-исторического пространства восточной страны, национального колорита и атрибутики. Анализируются особенности влияния маршрута путешествия на внутренний мир лирической героини. Переосмысливаются культурные коды и штампы, связанные со стереотипным восприятием Индии. В работе доказано, что «Индийский цикл» В. Полозковой ярко демонстрирует наметившуюся в современной поэзии тенденцию жанрового синтеза.

Ключевые слова:

В. Полозкова; Индия; современная поэзия; лирический цикл путешествий; травелог; жанровый синтез; образ путешественника; лирическая героиня

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of genre features of the lyrical cycle of travel in modern poetry on the example of "Indian Cycle" (2008) by Vera Polozkova. The relevance of the study is due to the need to comprehend the lyrical cycle of travel as a synthetic genre form, in the structure of which various kinds of changes take place, first of all, genre features of the lyric cycle and travelogue are synthesized. The study of this genre form makes it possible not only to determine the originality of the author's creative manner and his place in the modern literary process, but also to trace the main trends in the development of the lyric cycle of travel in modern Russian poetry as a whole. The novelty of the research lies in the identification of genre, problem-thematic, compositional features of the "Indian Cycle", which makes it possible to draw a conclusion about the expansion of the genre-typological features of the travel cycle due to additional lyrical motives (landscape, philosophical, love). It is established that the lyrical cycle of V. Polozkova's travel is built along a real geographical route, the image of the country being visited becomes a plot-forming basis. In the course of the study, the peculiarities of the artistic perception of the geographical, cultural and historical space of the eastern country, national spirit and attributes are revealed. The features of the influence of the travel route on the inner world of the lyrical heroine are analyzed. Cultural codes and clichés associated with stereotypical perception of India are being rethought. The work proves that V. Polozkova's "Indian Cycle" clearly demonstrates the trend of genre synthesis emerging in contemporary poetry.

Key words:

V. Polozkova; India; contemporary poetry; lyrical travel cycle; traveler; genre synthesis; the image of the traveler; lyrical heroine

Жанровое своеобразие цикла путешествий в современной отечественной поэзии (на материале «Индийского цикла» В. Полозковой)

© Гудкова С. П., Самойленко В. А., 2021

1. Жанровые особенности лирического цикла путешествий

В современном отечественном литературоведении очевиден устойчивый интерес к динамике развития такой крупной жанровой формы поэзии, как лирический цикл путешествий. Исследовательское внимание направлено прежде всего на выявление особенностей данной синкретической формы, объединяющей в себе черты травелога и лирического цикла. Жанрообразующими признаками лирического цикла путешествий становятся, с одной стороны, единство проблематики и общность сюжетных мотивов и образов, наличие образа путешественника, с которым связано пунктирное развитие лирического сюжета, основанного на мотивном комплексе впечатлений от культурно-исторического облика посещаемой страны / города; реальный или вымышленный маршрут путешествия, введение документальных элементов; с другой — относительная самостоятельность отдельных стихотворений, входящих в цикл, и жанровая свобода. Последняя определяется как способность цикла синтезировать внутри своей структуры признаки разных жанров в зависимости от авторских задач: создание поэтического путеводителя, передача атмосферы того или иного географического пространства, раскрытие душевного мира и впечатлений героя-путешественника, репрезентация оппозиции «родное — чужое».

Отметим, что цикл путешествий как крупная жанровая форма лирики, оригинальное «сверхжанровое» образование, свое развитие получает во второй половине XIX века и на рубеже столетий становится одним из популярных жанров в творчестве поэтов Серебряного века. С течением времени цикл путешествий значительно расширил свои идейно-смысловые доминанты, и в современной поэзии отчетливо выделяется две его художественные парадигмы: циклы с реальным географическим маршрутом (Е. Рейн «Сапожок», «Старая Англия — Новая Англия», Л. Лосев «Итальянские стихи», О. Николаева «Варшава», О. Хлебников «Открытие Индии. Путевые заметки», М. Амелин «Итальянская симфония», «Памяти восточной Пруссии» и др.) и циклы с вымышленным (воображаемым) маршрутом (О. Седакова «Китайское путешествие», О. Хлебников «Прощание с городом», Д. Бобышев «Петербургские небожители», О. Николае-

ва «Испанские письма», «Путешественник» и др.). Воображаемое путешествие становится результатом ассоциативных воспоминаний лирического героя, воплощает мнемонические процессы, которые становятся смысло- и структурообразующими факторами такого типа поэтического текста.

Следует отметить, что современные поэты продолжают традиции лирических путешествий, наметившиеся в русской классической поэзии, где образ той или иной страны является не столько объектом изучения и осмысления, сколько импульсом к постижению собственного внутреннего мира, переосмыслению жизненных ценностей [Гудкова, 2020]. Наиболее привлекательными для русских поэтов становятся европейские страны с богатым культурно-историческим наследием — Италия, Германия, Франция, а также далекие экзотические страны с устоявшимися религиозно-философскими и мировоззренческими традициями — Африка, Китай, Индия.

2. Образ Индии в художественном осмыслении русских писателей

Особое место в творчестве русских писателей занимает Индия, страна с ярко выраженными социально-экономическими культурными и природными стереотипными представлениями: страна буддизма, слонов, бродячих коров, заклинателей змей и т. п.

Первые попытки художественного осмысления этой загадочной страны были даны еще Афанасием Никитиным в его путевых записках «Хожение за три моря» (XVI в.), в которых автор не переставал удивляться быту и нравам индийского народа: «И тут Индийская страна, и простые люди ходят нагие, а голова не покрыта, а груди голы, а волосы в одну косу заплетены, и все ходят брюхаты, а дети рождаются каждый год, а детей у них много. Куда я ни иду, за мной людей много — дивятся белому человеку» [Никитин]. Следует отметить, что уже в древнерусской литературе Индия воспринималась как страна мечты, колыбель мудрости и воплощение рая на земле [Фисковец, 2011].

В XIX веке не менее увлекательные описания страны даны путешественником, писателем и художником А. Салтыковым в «Письмах из Индии» (1851) и др. Несмотря на то, что сборник представлял собой свод отредактированных писем к родным, они многогранно репрезентировали Индию и образ автора-путешественника. Сборник пользовался огромной популярностью среди современников и был одним из наиболее цитируемых изданий в европейской литературе.

Примечательно, что сложившийся стереотипный образ Индии становится объектом осмысления не только в художественно-публицистических жанрах (мемуары, путешествия, записки, письма и т. п.), но и в литературном творчестве писателей, которые никогда не были в Индии. Так, И. С. Шмелев

в романе «Няня из Москвы» (1936) описывает «Эн-дию» глазами простой крестьянской женщины, Дарьи Степановны Синициной, пораженной индийским гостеприимством: «По горам ездили, по лесам... и на носилках носили нас тамошние люди-людоеды, — голые-разголые, а тут обвязочна. А на головах у них целные простыни намотаны, от жары. Тут зима, а у них лето, жара-жарища, потела я все там, — льет и льет, вся мокрая. И самое Рождество! <...> Рождества нет. Солнце палит, голые людоеды ходят, обезьяны эти в лесу визжат, будто мы в ад попали. Плакала я...» [Шмелев, 2015, с. 253].

С течением времени устойчивое восприятие Индии как страны-сказки, страны контрастов и глубочайшей мудрости не меняется. Отметим, что ярким поэтическим образом восточная страна становится и в отечественной поэзии. Начиная с XVIII века и по настоящее время к Индии и индийским мотивам обращались М. В. Ломоносов, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, А. А. Фет, С. Я. Надсон, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, И. А. Бунин, Н. С. Гумилев, Вяч. Иванов, Н. Рерих и мн. др. В связи с этим особенно примечательным становится творчество Н. Рериха и К. Бальмонта, для которых Индия стала страной вдохновения, а поэзия наполнилась дыханием восточной мудрости. Эти поэты внесли большой вклад в приобщение России к индийской культуре, в постижение ее философских и религиозных основ. Проживая в этой стране, путешествуя по ее городам, изучая ее язык, они смогли почувствовать и понять индийский колорит и воплотить его в своем творчестве.

В начале XXI столетия была предпринята попытка систематизации данной темы. Результатом явилось издание антологии «Лотос в воздухе: Индия в стихах русских поэтов» [Лотос в воздухе ..., 2009], куда вошли стихи отечественных авторов об Индии, созданные на протяжении четырех столетий. В предисловии к антологии автор-составитель М. Синельников отмечает, что одной из задач издания было не только поэтическое обобщение образа восточной страны, но и изучение изменения взглядов русских поэтов разных эпох на Индию [Там же, с. 4].

Среди поэтов-путешественников рубежа XX—XXI веков, на кого образ Индии произвел глубокое впечатление, можно назвать творчество О. Хлебникова («Открытие Индии», 2007) и В. Полозковой («Индийский цикл», 2008). Оба поэта создали свои циклы путешествий по впечатлениям от поездки в Индию. О. Хлебников совершил ее вместе с паломниками, «разношерстной публикой», «разного социального и культурного уровня», которую объединило желание «попасть в ашрам под Бангалором, к Рави Шанкару, овладеть «Искусством жизни» («The Art of Living»), а также (за исключением меня) строгое вегетарианство» [Хлебников, 2003]. Ощущая себя преемником А. Никитина, поэт подробно описывает свои чувства и эмоции от увиденного.

3. Творчество В. Полозковой и ее отношение к Индии

Своеобразное «духовное паломничество» совершает и В. Полозкова, отправляясь в дальнейшее путешествие. По мере погружения в индийский быт и культуру поэтесса приобретает внутреннее успокоение и душевное просветление. С открытием Индии она открывает новый взгляд на мир и человека.

Следует отметить, что В. Полозкова — сегодня одна из ярких поэтов сетевого пространства. Отношение к ее творчеству в современном литературоведении и критике весьма неоднозначно. Многие отмечают однообразие мотивов и образов ее стихов: «...они у нее почти все о неразделенной любви женщин к мужчинам, бога к человеку» [Идлис и др., 2009]; стандартные и повторяющиеся из сборника к сборнику поэтологические особенности: «Залихватская патетика. Умеренная артхаусная романтика. Трогательные, но альбомные посвящения товарищам по медиа, сцене или лицейским годам. Правдивая, но пустоватая юго-восточная экзотика. <...> Навязанные в зубах аллитерации» [Воронков, 2013]. Однако в большинстве своем исследователи отмечают искренность, энергию, особую харизму как главные отличительные особенности поэта-блогера [Идлис и др., 2009], называют В. Полозкову «поэтом нового поколения», а ее лирику определяют, как откровенную, дерзкую и рискованную [Чаландзия, 2012].

На наш взгляд, оригинальность поэтического мировидения автора наиболее ярко проявилась именно в «Индийском цикле», написанном под впечатлением от ее первого путешествия в Индию в 2008 году, которое она совершила вместе со своим знакомым. В то время путешественникам было чуть более двадцати лет. Данный цикл вошел в третью поэтическую книгу В. Полозковой «Осточерчение» (2013). Несмотря на то, что совершала эту поездку молодая поэтесса, для нее, как мы уже отмечали, она явилась своеобразной духовной дорогой и внутренним преображением. Следует уточнить, что в дальнейшем В. Полозкова еще не раз посетит эту удивительную страну, которая так изменила ее мировосприятие. С 2012 по 2014 годы цикл был дополнен еще одиннадцатью текстами. Для нас важна именно первая публикация цикла, воспринимаемая как целостное поэтическое единство, отражающее не только впечатления от страны, но и принятие себя, жизненных перипетий и сложностей.

4. Особенности сюжета и композиции «Индийского цикла»

Цикл, созданный по реальным впечатлениям, имеет сложную композиционную структуру. Он состоит из 16 самостоятельных стихотворений, большинство из них озаглавлены по названиям городов («Дели», «Варанаси», «Каджурао», «Орча», Пушкар», «Джайпур», «Гоа» и др.), которые посетили путешественники, и охватывает период в 25 дней (с 2 по 27 ноября

2008 года). Внутренняя композиция каждого поэтического текста выстраивается по определенной схеме: хроникальная последовательность, точная датировка, наличие адресата, выход в контекст «большого» и «малого» времени.

Нельзя не согласиться с мыслью Д. Н. Замятина: «Путешествия расширяют сознание, обостряют чувства. Энергетика эмоций в ходе путешествия заводит моторы возможного восприятия. В ходе путешествия человек видит и чувствует по-другому “расширяя” пространство» [Замятин, 2002, с. 13]. Кроме того, мы наблюдаем присутствие «расширенного» пространства в «Индийском цикле» В. Полозковой. Моделируя образ страны, поэтесса отталкивается от многочисленных индийских культуронимов, топонимов, религиозно-философских учений Востока. Размышление о социокультурных и географических особенностях страны, ее религиозных и мифологических воззрениях выводят повествование в пространство «большого времени». Однако в ходе развития лирического сюжета выстраивается двойной путь: обретение и открытие Индии и обретение и открытие себя самой как свободной, самодостаточной и независимой личности, существующей здесь и сейчас: «Только ведь моя Индия из меня не денется никуда / Моя Индия не закончится никогда» [Полозкова, 2013].

В основе цикла лежит своеобразный романнный сюжет, где завязкой становится уже первое стихотворение цикла «Дели» — это первый город, которые посетили путники: «Чему учит нас Дели, мой свет? / Тому, как могущественны жара, нищета и лень / И тому, что всё распадётся на пепел, / мел, полиэтилен / И тому, что всё тлен / и всё обратится в тлен / <...> / Чему учит нас Индия? Тому, что молчанье речь, / расстояние лучший врач, / Того, чего не имеешь — не потерять, / что имеешь — не уберечь / Так что обналичь и потрать свою жизнь / до последней старости, / Проживи поскорее прочь» [Полозкова, 2013].

Автор избирает усложненную внутреннюю композиционную структуру отдельных стихотворений, входящих в цикл. Поэтесса использует ряд риторических вопросов, направленных на понимание всеобщего и частного. Большинство стихотворений начинается с вопросов: чему учит нас тот или иной город Индии? Ответ рождается в ходе развития лирического сюжета: русского человека Индия учит ценить то, что имеешь; понимать бедного и слабого, отделять истинное от ложного, вечное от сиюминутного. Пугающая бедность, грязь и нечистоты — это только поверхностный взгляд на страну. Путешественник, преодолевающий пространства, не только получает знание об индийской культуре и традициях, но и проходит своего рода жизненный путь, на котором происходит символическая смерть и рождение странника, обретающего Рай на земле, который трактуется как неизменность и первозданность образа страны со дня ее сотво-

рения: «Чему учит нас Варанаси, мой свет? / Тому лишь, что жизнь есть сон / Тому, что всю мощность средства передвижения / заключает в себе клаксон / <...> / Чему Варанаси учит меня? / Тому, что окажешься на вершине, дойдя до дна / Тому, что у нас начались последние, / а у них ещё ветхозаветные времена...» [Полозкова, 2013].

Поэта интересует не только выход в общекультурное пространство и понимание мира и человека, но весьма значимым является и обращение к внутреннему миру лирической героини, образ которой тесно слит с образом самого автора. Именно отсюда ряд риторических вопросов: «чему Индия учит меня?». Продолжая традиции поэтов Серебряного века, и прежде всего Н. Гумилева, К. Бальмонта, которые вместе с экзотикой далеких стран открывали тайники собственной души, современная поэтесса также обращается к внутреннему «я», пытаясь разобраться в личностных переживаниях и ощущениях. В ходе развития лирического сюжета читатель понимает, что поездка в Индию явилась попыткой бегства героини от самой себя. Разрыв любовных отношений, одиночество, непонимание, творческий кризис — все это и подталкивает ее к бегству из Москвы, смене обстановки. Однако путешествие по Индии, казавшееся героине средством отвлечения от проблем, становится своеобразной духовной дорогой к высшим ценностям: «Каждый бог тут всевидящ, мама, / и ничего, если ты неимущ и тощ. / Варишь себе неизвестный науке овощ, / добавляешь к нему / какой-нибудь хитрый хвощ / И бываешь счастлив; неважно, что на тебе за вещь, / Важно, мама, какую ты в себе / заключаешь при этом мощь» [Полозкова, 2013].

5. Адресаты цикла и их функциональная роль в тексте

Значимость в структуре цикла приобретают адресаты. Каждое отдельное стихотворение цикла представляет собой письмо-обращение к самому близкому и доверительному лицу, что придает лирическому повествованию особую исповедальность и искренность. О. С. Мальчугина, анализируя особенности композиционной структуры цикла В. Полозковой, выделяет три адресата. Исследователь отмечает, что в большинстве стихотворений есть обращения к адресату «мой свет» (8 стихотворений), к матери (4 стихотворения), одно адресовано некому Тиме [Мальчугина, 2014, с. 106]. Мы не можем согласиться с мнением исследователя о том, что «мой свет» и Тим — это разные лица. На наш взгляд, символическая форма-обращение «мой свет» не подразумевает абстрактного адресата, а скрывает обращение к любимому, к которому еще так свежи чувства. Вся поездка строится как бегство от разочарований. Путешествие становится своеобразным спасением. Погружаясь в первозданную культурную атмосферу Индии, лирическая героиня постигает путь «опрошения», приближения к «теле-

сности», «наготe» человеческой души («Орча», «Агра», «Пушкар», «Гоа»). Своими новыми ощущениями она делится именно с тем, от кого убежала, но кто еще занимает важное место в ее сердце. Отсюда теплота, искренность, эмоциональность и особая исповедальная наполненность в открытии Индии: «... Чему Орча учит меня? / Тому, что через неделю мой праведный гнев зачах...» [Полозкова, 2013].

По мере соприкосновения с открытым индийским миром героиня приобретает внутреннее спокойствие, она приходит к гармонии с собой, все личные обиды и трудности отступают на второй план, происходит внутреннее просветление и освобождение от разочарований. Именно поэтому к финалу цикла героиня уже спокойно может назвать имя, к кому обращалась «мой свет»: «Как ты там, моё слабое утешение, моя ржавая ссадина, / ломаная банка из-под тепла? / У меня в айпode сто пять твоих фотографий, / так что я тебя сюда привезла. / Я на севере Гоа, Тим, тут такой же бог, как у нас, / но куда чуднее его дела» [Полозкова, 2013].

Особая исповедальная тональность создается и за счет обращения к образу матери. Заметим, что этот прием основополагающий в поэзии В. Полозковой. Откровенная беседа требует внимательного слушателя. Мама как самый близкий человек, доверительный адресат, не случайно появляется в стихах, наполненных наибольшими сомнениями и душевными переживаниями («Древнерусская тоска», «Гоа», «The Very Last One»). Возникает обостренное чувство тоски и желание поделиться собственными открытиями этого беднейшего в материальном отношении мира: «Мы в пустыне, мама, нет ничего, кроме звука пицалки, / запаха ночи, огня, песка, / Я смотрю на всё это дело, мама, и тут, конечно, / древнерусская обязательная тоска» [Полозкова, 2013].

Заметим, что стихи, обращенные к матери, несут понимание обретенного нового знания и особой внутренней безысходности, героиня словно ищет поддержку и защиту в лице родного человека («Так что, мама, кризис коммуникации, / творческое бессилие, / отторгающая среда — / Это всё, бесспорно, большие проблемы, да» [Полозкова, 2013]). Стихи же, направленные к любимому, в большей степени информативно нагружены, в них много подробностей о новом мире, отвлекающем лирическую героиню от собственных проблем. В любом случае обращения к воображаемым адресатам помогают развитию лирического сюжета: соединяют рассказ о реально увиденных культурно-бытовых реалиях и осмысление внутреннего мира женской души.

6. Интертекстуальный контекст

Многочисленные аллюзии и реминисценции, вводимые в структуру цикла, также способствуют усилению лирической составляющей текста.

В. Полозкова упоминает русского путешественника А. Никитина, ей становится близким его эмоциональный рассказ об Индии и ее жителях. Свое путешествие она уподобляет удивительным рассказам Свифта о странах Гулливера и его ощущениях. Знаковой становится и отсылка к современному поэту-песеннику Б. Гребеншикову, его песне «Древнерусская тоска», в которой актуализируется неприятие постперестроечной эпохи. Вступая в поэтический диалог с современным автором, используя символический образ «древнерусской тоски», В. Полозкова подчеркивает внутреннюю боль от увиденной бедности и чувства безысходности, которое остро ощущает иностранец в Индии: «Люди будто сушёные, мама, — рука у взрослого человека / всегда толщиной с плоть. / На каждом товаре по сантиметровому слою пыли, / каждая спальня — сырая клеть, / Здесь никто ничего не сносит, не убирает, / не ремонтирует — / всему просто дают истлеть» [Полозкова, 2013].

В. Полозкову часто спрашивают в интервью, как она относится к людям, живущим в Индии, как воспринимает их бедность и нищету. После нескольких посещений Индии на эти вопросы она отвечает: «Первый рефлекс — накормить. Их запястья в среднем уже в два раза, чем у среднестатистического человека. Но правда в том, что это не правда. Они не умирают. У них другой порог брезгливости. Для них не грязны вещи, которые грязны для нас, органический мусор — не мусор вовсе. Он часть круга бытия. Гниет. Так должно быть. Зачем его убирать? Они себя не лелеют. Берегут, но понимают, что они временная субстанция. Жизнь слишком мала сама по себе. Они никуда не торопятся. У них нет истерической паники, что они что-то не успеют. Они в большой степени свободны от эгоизма. Они часть цикла. Побыло, умерло, сгнило, перевоплотилось» [Гудкова и др., 2020].

Для того, чтобы принять подобное восприятие страны, поэте пришлось пройти сложный путь внутренней смерти и нового рождения, которое и дало первое путешествие. Отсюда такое страстное желание открыть Индию читателю, ту Индию, которую она увидела сама.

7. Роль культурных и бытовых деталей в цикле

Значительное внимание в «Индийском цикле» уделяется бытовым деталям, национальной атрибутике. Автор рассказывает о национальной индийской еде и напитках (ласси, папая, парата, кюфта, роти, дала, бирьяни, кёрд и т. п.), индийских праздниках (сангут), национальной одежде. Взгляд путешественника привлекает разнообразная индийская флора и фауна («Дело к вечеру, где-то уже включается / электрический треск цикад»; «Мы ночуем в пустыне, мама, пахнет кострами, травами / и верблюдами, ущемляемыми в правах»; «и перебегают дорогу босые женщины

в сари — / у любой ребёнок к груди прижат, / И коровы тощие возлежат, никому не принадлежат» и т. п.).

Скульптурные и архитектурные памятники, упоминаемые в цикле, не становятся центральными объектами поэтического осмысления, а выступают как неотъемлемая часть облика страны, дополняют ее реалистичный образ («Тадж Махал был построен, чтобы все расы мира / встречались перед воротами в Тадж Махал»). Как справедливо замечают исследователи: «<...> парадигма индийских культуронимов участвует в формировании фрагмента индивидуально-авторской картины мира. Ономастические и апеллятивные индийские культуронимы являются своеобразными топонимическими ориентирами, позволяющими составить не только маршрут автора по стране, но и эксплицировать экзотические реалии Индии» [Грудеева и др., 2014].

В лирическом цикле В. Полозковой реальное географическое пространство становится поэтическим феноменом, которое наполняется бытовыми, историко-культурными и социальными реалиями и атрибутами. При создании образа Индии знаковыми становятся и частые отсылки к философским категориям, доминантным концептуализаторам страны, таким, например, как «молчание», «тишина ума». Лирической героине становится близкой философия индийских «муни» («молчание точнее, чем речь...»), людей, «достигших состояния внутреннего безмолвия». Через такие понятия, как «молчание», «внутренняя тишина», «опрошение», «обнажение души», лирическая героиня и приходит к принятию себя, внутренней свободы.

Весьма значимым для понимания основной идеи произведения становится и авторское переосмысление фразеологизмов, актуализирующих философскую составляющую цикла («молчанье речь, / расстояние лучший врач, / Того, чего не имеешь — не потерять, что имеешь — не убежать»; «... все произошло из праха и все возвращается в прах» и др.). Подобные размышления, навеянные и укрепленные в сознании героини во время путешествия, освобождают ее от внутренних страхов и сомнений. Своеобразной кульминацией в развитии поэтического сюжета становится стихотворение «Последнее утро», где ощущается новый импульс к жизни: «Слышишь благовест, погружая лицо / в прохладную мякоть звёзд — / над Москвой не бывает звёзд. / Пахнет пряным вест. / Пахнет жжёным ост. / И становясь чист, отверст и предельно прост...» [Полозкова, 2013].

Душевное спокойствие, внутреннее просветление, умиротворенность — вот, что дала Индия лирической героине, а вместе с ней и самому автору. Однако характерный жанровый признак лирического цикла путешествия — оппозиция «родное — чужое» — реализуется лишь в развязке. Заметим, что автор переосмысливает традиционный композицион-

ный прием, благодаря которому поэты оттеняют ностальгию по родине, подчеркивают разность восприятия мира «чужого» и «родного». На протяжении всего своего путешествия героиня постигала сложный мир Индии, его она не противопоставляла русскому, родному, а пыталась с реалистической точностью передать атмосферу далекой страны. И только в финале цикла ощущается внутренняя боль и тоска от расставания с Индией. Последнее стихотворение датируется окончанием путешествия (27 ноября), когда героиня прилетает в Москву. Контрастность чувств и ощущений подчеркивается противопоставлением холодной, суетной Москвы и душевной гармонии, что дала героине далекая Индия: «Тут зима, запах неуют, мрака, глухого бешенства — / надо всеми прямо-таки разлит. / Только у меня полный бак иронии и прития, / ничего-то меня не трогает и не злит» [Полозкова, 2013].

8. Заключение

Таким образом, В. Полозкова на основе впечатлений от путешествия создает специфическую крупную жанровую форму — лирический цикл путешествий, где сюжетообразующей основой становится образ Индии, ее географические, социально-политические и культурные особенности. Выстроенный географический маршрут, присутствие образа путешественника, введение топонимических, ономастических и культурно-бытовых реалий, своеобразные композиционные приёмы, специфичных для отдельных стихотворений, входящих в цикл, — все это, с одной стороны, способствует созданию образа страны, а с другой — передает чувства и эмоции путешественника, его преображенное восприятие действительности и внутреннего мира. Реальное земное пространство «пропущено» через приемы поэтического осмысления, взгляд нарратора, переосмысление художественной оппозиции «родное-чужое»; высказанные впечатления от путешествия преобразуются в идейно-смысловой поэтический феномен. «Индийский цикл» В. Полозковой ярко демонстрирует наметившуюся в современной поэзии тенденцию жанрового синтеза. Лирический цикл путешествий В. Полозковой, синтезируя черты пейзажной, философской и любовной лирики, становится средством репрезентации авторского мирозидения как целостной художественной системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Воронков В.* Рецензия на : Вера Полозкова. Осточернение [Электронный ресурс] / В. Воронков // Воздух. — 2013. — № 3—4. — Режим доступа : <http://www.tnu.in.ua/study/books/entry-1660032.html> (дата обращения 02.12.2020).
2. *Гудкова С. П.* Особенности сюжетосложения лирических циклов путешествий в русской поэзии Мордовии конца XX — начала XXI вв. / С. П. Гудкова, О. Ю. Осьму-

хина, В. А. Самойленко // Вестник угрюдения. — 2020. — № 3 (10). — С. 436—445. — DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-436-445.

3. Грудеева Е. В. Индийские культуронимы в поэтических текстах Веры Полозковой: семантика и функционирование [Электронный ресурс] / Е. В. Грудеева, К. А. Елистратова, Д. В. Минец // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. — 2014. — № 40. — Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21987759> (дата обращения 03.12.2020).

4. Замятин Д. Н. Образы путешествий: социальное освоение пространства / Д. Н. Замятин // Социологические исследования. — 2002. — № 2 — С. 12—22.

5. Идлис Ю. Поэт, Рапопорт и Гамаюн [Электронный ресурс] / Ю. Идлис, А. Денисова // Русский репортер. — 2009. — 26 февраля. — Режим доступа : <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=6391> (дата обращения 08.12.2020).

6. Лотос в воздухе : Индия в стихах русских поэтов / сост. М. И. Синельников. — Москва : Ключ-С, 2009. — 285 с.

7. Мальчугина О. С. Композиционная структура «Индийского цикла» Веры Полозковой / О. С. Мальчугина // Scripta manent. — 2014. — № 20. — С. 102—110.

8. Никитин А. Хожение за три моря [Электронный ресурс] / А. Никитин // Librebook, сайт. — Режим доступа : https://librebook.me/hojdenie_zh_tri_moria_afanasii_nikitin/vol1/1 (дата обращения 01.12.2020).

9. Полозкова В. Осточернение [Электронный ресурс] / В. Полозкова. — Москва : Лайвбук, 2013. — 184 с. — Режим доступа : <https://avidreaders.ru/book/ostocherchenie.html> (дата обращения: 01.12.2020).

10. Полозкова В. Моя Индия [Электронный ресурс] / В. Полозкова. — Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/media/id/5ac9e0d679885ebb4ce16c6c/nashi-liudi-v-indii-vera-polozkova-5aeb2ca8c3321b1f23ef52e5> (дата обращения 02.12.2020).

11. Шмелев И. С. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 4 / И. С. Шмелев. — Москва : Книжный Клуб Книгозек, 2015. — 736 с.

12. Фисковец Е. В. Образ Индии в русской литературе : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук [Электронный ресурс] / Е. В. Фисковец. — Петрозаводск, 2011. — Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30350189> (дата обращения 01.12.2020).

13. Хлебников О. Васюки на родине шахмат, или индийский пейзаж в туркменской рамке [Электронный ресурс] / О. Хлебников // Новая газета. — 2003. — 20 февраля. — Режим доступа : <https://novayagazeta.ru/articles/2003/02/20/19370-vasyuki-na-rodine-shahmat-ili-indiyskiy-peyzazh-v-turkmen-skoy-ramke> (дата обращения 02.12.2020).

14. Хлебников О. Инстинкт сохранения : собрание стихов / О. Хлебников. — Москва : Зебра Е : Новая газета, 2008. — 470 с.

15. Чаландзия Э. Поэт на грани шоу-бизнеса : интервью с В. Полозковой [Электронный ресурс] / Э. Чаландзия // Российская газета. — 2012. — 14 декабря. — Режим доступа : <http://yarcenter.ru/articles/culture/literature/poet-na-grani-shou-biznesa-60526> (дата обращения 03.12.2020).

REFERENCES

Chalandziya, E. (2012) Poet on the verge of show business: interview with V. Polozkova. *Russian newspaper, December 14*. Available at: <http://yarcenter.ru/articles/culture/literature/poet-na-grani-shou-biznesa-60526> (accessed 03.12.2020). (In Russ.).

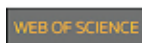

- Fiskovets, E. V. (2011). *The Image of India in Russian Literature: author's abstract of PhD Diss.* Petrozavodsk. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30350189> (accessed 01.12.2020). (In Russ.).
- Gudkova, S. P., Osmukhina, O. Yu., Samoylenko, V. A. (2020). Features of plot building of the lyrical cycles of travels in russian poetry of Mordovia of the late XX — early XXI centuries. *Bulletin of Ugric studies*, 3 (10): 436—445. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-436-445. (In Russ.).
- Grudeva, E. V., Elistratova, K. A., Minets, D. V. (2014). Indian culturonyms in poetic texts of Vera Polozkova: semantics and functioning. In *the world of science and arts: issues of philology, arts and culturology*, 40. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21987759> (accessed 03.12.2020). (In Russ.).
- Idlis, Yu., Denisova, A. (2009). Poet, Rapoport and Gamayun. *Russian reporter, February 26*. Available at: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=6391> (accessed 08.12.2020). (In Russ.).
- Khlebnikov, O. (2003). Vasyuki in the homeland of chess, or the Indian landscape in the Turkmen frame. *New Newspaper, February 20*. Available at: <https://novayagazeta.ru/articles/2003/02/20/19370-vasyuki-na-rodine-shahmat-ili-indiyskiy-peyzazh-v-turkmenskoy-ramke> (accessed 02.12.2020). (In Russ.).
- Khlebnikov, O. (2008). *Conservation Instinct: Collected Poems*. Moscow: Zebra E: Novaya gazeta. 470 p. (In Russ.).
- Malchugina, O. S. (2014). The composite structure of Vera Polozkova's Indian cycle. *Scripta manent*, 20: 102—110. (In Russ.).
- Nikitin, A. Walking across three seas. In: *Librebook*. Available at: https://librebook.me/hodjenie_za_tri_moria_afanasii_nikitin/vol1/1 (accessed 01.12.2020). (In Russ.).
- Polozkova, V. (2013). *Agonizing*. Moscow: Layvbuk. 184 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/ostocherchenie.html> (accessed 01.12.2020). (In Russ.).
- Polozkova, V. *My India*. Available at: <https://zen.yandex.ru/media/id/5ac9e0d679885ebb4ce16c6c/nashi-liudi-v-indii-vera-polozkova-5aeb2ca8c3321b1f23ef52e5> (accessed 02.12.2020). (In Russ.).
- Shmelev, I. S. (2015). *Collected Works*. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovek. 5/4. 736 p. (In Russ.).
- Sinelnikov, M. I. (ed.). (2009). *Lotus in the air: India in the verses of Russian poets*. Moscow: Klyuch-S. 285 p. (In Russ.).
- Voronkov, V. (2013). Review on: Vera Polozkova. *Agonizing*. In: *Vozdukh, [Air]*, 3—4. Available at: <http://www.tnu.in.ua/study/books/entry-1660032.html> (accessed 02.12.2020). (In Russ.).
- Zamyatin, D. N. (2002). Travel imagery: social space exploration. *Sociological Research*, 2: 12—22. (In Russ.).

Дячук Т. В. Интеллигент и крестьянин в цикле Глеба Успенского «Крестьянин и крестьянский труд»: динамика взаимодействия в контексте идеи «слияния с народом» / Т. В. Дячук // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 225—239. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-225-239.

Dyachuk, T. V. (2021). An Intellectual and a Peasant in Gleb Uspensky's Cycle "Peasant and Peasant Labor": Dynamics of Interaction in Context of Idea of "Merging with People". *Nauchnyi dialog*, 4: 225-239. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-225-239. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-225-239

**Интеллигент и
крестьянин в цикле Глеба
Успенского «Крестьянин
и крестьянский труд»:
динамика взаимодействия
в контексте идеи «слияния
с народом»**

Дячук Татьяна Владимировна
orcid.org/0000-0001-6834-9944
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
кафедры русской литературы
dia4uk.tanya@yandex.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена»
(Санкт-Петербург, Россия)

**An Intellectual and a
Peasant in Gleb Uspensky's
Cycle "Peasant and
Peasant Labor": Dynamics
of Interaction in Context
of Idea of "Merging with
People"**

Tatiana V. Dyachuk
orcid.org/0000-0001-6834-9944
PhD in Philology, Senior Researcher,
Department of Russian Literature
dia4uk.tanya@yandex.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

© Дячук Т. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Анализируется цикл очерков Г. И. Успенского «Крестьянин и крестьянский труд» в аспекте актуальной для русской литературы второй половины XIX — начала XX веков проблемы взаимоотношения народа и интеллигенции. Констатируется кризис в изучении «крестьянских» циклов Успенского, обусловленный преобладанием идеологической интерпретации. Утверждается, что ключ к пониманию крестьянства Успенский находит не в социально-экономических условиях его быта, а в области эстетики. Точкой сближения, в которой крестьянин и интеллигент предстают равноправными субъектами общения, является, по мысли Успенского, эстетическое отношение к труду. Между крестьянским трудом и творческим усилием художника устанавливается имплицитное соответствие. Поэтому интеллигент оказывается необходимым посредником в процессе обретения крестьянством своего собственного «голоса». Доказывается, что эстетическая утопия в цикле «Крестьянин и крестьянский труд» была сокрушена этическим максимализмом писателя. Крестьянское хозяйство представлено Успенским разумно организованным порядком, антропосферой, в которой трудящийся крестьянин уподоблялся монарху и Творцу. В свою очередь, интеллигент объявлялся самозванцем, отмеченным «антихристовой» печатью. В творческом сознании Успенского эстетическое и этическое оказывались в трагическом и безысходном противоречии, а перспектива «слияния с народом» — иллюзорной.

Ключевые слова:

Глеб Иванович Успенский; народничество; интеллигенция; антихрист; крестьянство; слияние с народом.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The cycle of essays by G. I. Uspensky “The Peasant and the Peasant Labor” in the aspect of the actual for Russian literature of the second half of the XIX — early XX centuries problems of relations between the people and the intellectuals are analyzed in the article. The crisis in the study of the “peasant” cycles of Uspensky, caused by the predominance of ideological interpretation, is stated. It is argued that Uspensky finds the key to understanding the peasantry not in the socio-economic conditions of his life, but in the field of aesthetics. The point of convergence, in which the peasant and the intellectual appear as equal subjects of communication, is, according to Uspensky, the aesthetic attitude to work. An implicit correspondence is established between peasant labor and the creative effort of the artist. Therefore, the intellectual turns out to be a necessary mediator in the process of the peasantry acquiring its own “voice”. It is proved that the aesthetic utopia in the cycle “Peasant and Peasant Labor” was crushed by the ethical maximalism of the writer. The peasant economy is represented by the Uspensky reasonably organized order, the anthroposphere, in which the working peasant was likened to the monarch and the Creator. In turn, the intellectual was declared an impostor, marked by the “antichrist” seal. In Uspensky’s creative consciousness, the aesthetic and ethical found themselves in a tragic and hopeless contradiction, and the prospect of “merging with the people” was illusory.

Key words:

Gleb Uspensky; populism; intellectuals; Antichrist; peasantry; merging with the people.

Интеллигент и крестьянин в цикле Глеба Успенского «Крестьянин и крестьянский труд»: динамика взаимодействия в контексте идеи «слияния с народом»

© Дячук Т. В., 2021

1. Крестьянские» очерки Г. И. Успенского: кризис интерпретации в отечественном литературоведении

После десятилетий забвения творческая индивидуальность писателя-народника Глеба Ивановича Успенского вновь вызывает живой исследовательский интерес [Токарев, 2020; Успенский П., 2020]. Однако к его знаменитым очеркам о деревне, оставившим глубокий след в русской культуре, современные исследователи обращаются редко [Кудряшов, 2006]. В науке о литературе действует инерция сложившегося в середине прошлого века представления о «крестьянских» циклах Успенского («Из деревенского дневника» (1877—1880), «Крестьянин и крестьянский труд» (1880), «Пришло на память» (1881), «Без определенных занятий» (1881), «Власть земли» (1882), «Из разговоров с приятелями (на тему о власти земли)» (1882)), когда произведения писателя рассматривались в контексте идеологической критики народничества [Лисин, 1961, с. 179—247; Соколов, 1968, с. 221—256 и др.]. Советские ученые сетовали о народнических «иллюзиях», которые Успенский разделял, но — как отмечалось в историко-литературных исследованиях — сам же и опровергал, достоверно изображая социально-экономическое положение русской деревни. Согласно утвердившемуся мнению, Успенский представал в двух ипостасях: художник, изображающий «правду жизни», одерживал в нем победу над заблуждающимся народником. Творческий путь позднего Успенского выпрямлялся и получал заданный вектор — от «ложной» идеологии народничества к марксизму, осознать историческую правоту которого писателю помешала трагическая болезнь. При этом утверждалось, что народнические «заблуждения» Успенского, явившиеся для писателя источником страданий, оказались сильнейшим средством агитации в пользу марксизма. Впервые об этом было сказано в некрологе «По поводу смерти Г. И. Успенского», помещенном в 1902 году в ленинской «Искре» (от 1 мая 1902 года, № 20). Канон был задан и сохранялся на протяжении советского периода изучения творчества Успенского. При таком идеологизированном подходе нивелировалась острота религиозно-

этических вопросов, поставленных писателем, а его творческий облик обесцвечивался.

Помимо народнических «иллюзий», советские литературоведы ставили в вину писателю «невероятно причудливое сочетание взаимоисключающих идей» [Лисин, 1961, с. 236] в его творчестве 80-х годов. При этом часто цитировали отзыв редактора журнала «Отечественные записки» М. Е. Салтыкова-Щедрина, жаловавшегося в письме к Н. К. Михайловскому от 6 февраля 1884 года: «Успенский совсем с пути сбился. Таковую философию заковыривает, что чертям тошно... На каждом шагу противоречия, одна мысль другую побивает, а я сижу и привожу эти противоречия в порядок» [Цит. по: Мордовченко, 1938, с. 217].

В самом деле, если оценивать очерки Успенского аналитически, то их идейный «беспорядок» бросается в глаза. Яростный противник крепостного права, Успенский утверждает, что крепостная зависимость помогла сохранить идеальный мужицкий тип (Отрывок пятый из «Деревенского дневника»). В противоречии с собственными высказываниями о необходимости народного просвещения, писатель неожиданно заявляет, что сельская школа должна учить только тому, как жить безгрешно (очерк XI «Школа и строгость» из цикла «Власть земли»). Отрицая буржуазную модернизацию русской деревни, Успенский признает, что она существенно облегчает труд и быт пахаря (очерк «Смягчающие вину обстоятельства» из цикла «Крестьянин и крестьянский труд»). Многочисленные примеры, демонстрирующие зыбкость идейной позиции Успенского, подробно описаны в научной литературе, посвященной писателю.

Вместе с тем проницательный исследователь творчества Успенского М. Б. Богаткина еще полвека назад предупреждала о том, что исследования, нацеленные на опровержение идейных «ошибок» писателя, обедняют его творческую индивидуальность [Богаткина, 1972, с. 167].

Ведь сама популярность Успенского среди его современников свидетельствует о том, что читатели искали и находили в его творчестве нечто иное, чем искаженное преломление социально-политических идей. А. М. Горький в «Беседах о ремесле» (1931) свидетельствовал: «Мы воспринимали истерическую лирику его рассказов о деревне эмоционально, как воспринимается музыка. Глеб Успенский будил в нас какое-то особенно тревожное и актуальное чувство...» [Горький, 1953, с. 342].

Поверх фактографии и «идей», противоречиво и спонтанно изложенных Успенским, читатели следили за динамикой настроений и переживаний интеллигента, пытающегося сблизиться с неизвестным Другим — русским крестьянином.

2. Рассказчик-интеллигент и герой-крестьянин: столкновение двух ценностных позиций

Действительно, все очерковые циклы конца 1870 — начала 1880-х годов построены как лирический монолог интеллигента, стремящегося постигнуть крестьянский мир и приобщиться к «подлинной правде жизни» [Успенский, 1954, т. XIV, с. 579]. Уточним: вопрос о сущности крестьянства был продиктован не этнографическим интересом, а стремлением открыть человечеству путь к полноте, гармонии и святости. С земледельческим, «безгрешным» [Успенский, 1949, т. VIII, с. 73], строем жизни писатель и его народнически настроенные современники связывали надежды на духовное спасение человечества. Но для этого необходимо было разобраться в том, что представляет собой, по словам известного публициста А. Н. Энгельгардта, «никому неизвестное, неразгаданное существо, которое называется мужиком» [Энгельгардт, 1937, с. 38].

В глазах интеллигентного наблюдателя крестьянский мир оставался замкнутым, упрямо хранящим свою *тайну* (слово, часто применяемое Успенским к крестьянству). Столкновением двух ценностных позиций: рефлексирующего интеллигента и крестьянина — был определен конфликт во всех «крестьянских» циклах Г. Успенского.

Под интеллигенцией, по определению А. М. Скабичевского, писатель понимал «совершенно особенный, отдельный, междусословный слой людей, исключительно работающий мозгом» [Скабичевский, 1888, с. 243]. В терминологии Успенского интеллигенция — это «неплательщики», «не мужики», «не мужицкое человечество». Переживания «не мужика» были подробно описаны Успенским в его многочисленных очерках и понятны образованному читателю, к эмоциональному опыту которого писатель постоянно апеллировал. Однако попытки установить диалогические отношения с «другим», замкнутым в себе, крестьянским сознанием оказывались безрезультатными. Среди писателей-народников Успенский наиболее остро переживал и фиксировал неспособность интеллигента даже к самой элементарной форме диалога — бытовому разговору. Так, в «крестьянских» циклах Успенского повторяется ситуация: интеллигент-рассказчик, пытающийся вступить в диалог с пахарем, терпит коммуникативную неудачу. В результате обмена репликами между говорящими не возникает смысловых отношений. Приведем характерный пример из «Деревенского дневника»: «Никогда, никому из находящихся в этой кучке (группе случайно встретившихся мужиков. — Т. Д.) не придет в голову, что вам (интеллигенту. — Т. Д.) хочется или надо просто поговорить об обыкновенных житейских вещах, никто и не думает подозревать в вас какой-нибудь интерес к личному делу крестьян и никто не думает интересоваться вашим лич-

ным барским делом. Что ж с вами делать? — “Угостите, барин, кузнецов-то... Право слово!”.. Другими словами: “что пришел-то?.. Хоть полштофа с тебя, шатушего, разгрызть”...» [Успенский, 1940, т. V, с. 29].

В отличие от Достоевского, который в 1876 году, признаваясь в «любви к народу», обговаривал условия будущего «необходимого контракта» образованного сословия с крестьянством (О любви к народу. Необходимый контракт с народом // Дневник писателя. Февраль 1876) [Достоевский, 1981, т. 22, с. 42—45], Успенский не видел ни малейшей возможности сближения с народом. В дебютном «крестьянском» цикле «Из деревенского дневника» (1877—1880) за актуальным социальным планом изображения (социальное расслоение общины, «мироеды», кулаки, сельская беднота) открывался план экзистенциальный, связанный со сложным комплексом негативных эмоций, которые вызывала русская деревня в наблюдающем ее интеллигенте. Чувства интеллигента-наблюдателя по отношению к деревне и крестьянству: «страх», «испуг» и «ужас» — были манифестированы в суггестивном нагнетании образов, связанных со смертью, мраком, роковой случайностью. Увиденная сквозь призму страха и отчаяния, деревня представляла inferнальным пространством смерти, а крестьяне — преступниками, не сознающими своей вины [Дячук, 2020]. Преступное состояние крестьянского мира смягчалось только одним фактом, обнаруженным Успенским, — любовной связью крестьянина с землей.

Любовь к земле как феномен крестьянской жизни (по словам писателя, «источник <...> хитроумной механики народной жизни») [Успенский, 1954, т. XIV, с. 579] Успенский поставил предметом изучения в следующем цикле — «Крестьянин и крестьянский труд» (1882). В отличие от первого цикла «Из деревенского дневника», в котором изображались различные крестьянские типы в разных местностях и обстоятельствах, в «Крестьянине и крестьянском труде» взгляд писателя был сфокусирован на семье новгородского крестьянина — Ивана Ермолаевича. Как и в предыдущем цикле, в «Крестьянине...» два главных действующих лица: Иван Ермолаевич с его «аристократически-крестьянской душой» и интеллигент-рассказчик, расколотый «надвое гуманством мыслей и дармоедством поступков» [Успенский, 1950, т. VII, с. 55]. В первом же очерке рассказчик признается, что, несмотря на год жизни в деревне, рядом с семьей Ивана Ермолаевича, «я не понимаю, зачем существует на свете семья и из-за чего она бьется, а семья тоже совершенно понять не может и удивляется: зачем собственно я существую на белом свете?» [Там же, с. 7]. Интеллигент констатирует бессмысленность крестьянского труда, в результате которого производится «навоз», «да и того не остается, ибо и он идет в землю, земля ест навоз, люди и скот едят, что дает земля» [Там же, с. 19].

В земледельческий круг, замкнутый «землей», «хлебом», «навозом», вписан Бог, который «поминается только как участник в этой бесплодной по результатам деятельности лаборатории» [Там же, с. 27]. Тем не менее близость Бога крестьянин Иван Ермолаевич «ощущал почти до осязания» [Там же].

Участие Бога в крестьянской жизни заставляет автора прибегать к реминисценциям из Ветхого Завета. Сравнивая Ивана Ермолаевича с охотником Исавом, продавшим свое первородство за «чечевичную похлебку», Успенский задается вопросом: «Из каких лакомых приправ сварена та чечевичная похлебка, за которую он явно продает свое первородство?» [Там же, с. 28—29].

Ответ был найден писателем в третьем очерке — «Поэзия земледельческого труда», где раскрывалась «тайна» крестьянства, маркируемая Успенским в терминах религиозной апофатки («неразгаданная тайна», «чудотворно просветившее» обстоятельство [Там же, с. 30]). Рассказчик причащается «тайне» крестьянства благодаря воспоминанию о Венере Милосской. Крестьянин Иван Ермолаевич, огорченный поведением теленка, парадоксально напомнил рассказчику художника, в свою очередь расстроенного реставрацией античной статуи. Крестьянское хозяйство и статуя Венеры Милосской в восприятии интеллигента-рассказчика соположены как эстетические объекты, репрезентирующие сущностные атрибуты красоты: полноту, неизбыточность и целостность. Поэтому теленок, не желающий исполнять волю хозяина крестьянского двора, так же грубо посягает на красоту и порядок, как реставратор, нарушающий идеальную форму античной скульптуры.

3. «Крестьянин-художник» как субъект и объект эстетического отношения

Метафора «крестьянин-художник» отмыкает «тайну» крестьянства, которая состоит, по Успенскому, в «поэзии земледельческого труда». В примыкающем к циклу «Крестьянин и крестьянский труд» очерке под названием «Пришло на память» Успенский в поисках языка описания обратился к романтической эстетике, говоря о том, что в непрерывно трудящейся крестьянке Варваре действовал «дух» [Успенский, 1950, т. VII, с. 128]. Творческий дух крестьянства творит ежедневную «поэзию» труда. Так понимаемая «поэзия» земледелия контрастно противопоставлена «прозе» крестьянской жизни, о которой много писал Успенский: подати, бедность, неурожай и т. п. Казалось бы, крестьянин, одолеваемый заботами о самом необходимом, невосприимчив к прекрасному. По Успенскому, напротив, сокровенным стремлением крестьянина, проявляемым в труде, является сотворчество с природой.

Эстетическое отношение к труду — это и есть та точка сближения, в которой крестьянин и интеллигент оказываются способны понять друг друга и предстать равноправными субъектами общения. Между крестьянским трудом и творческим усилием художника устанавливается имплицитное соответствие. Не случайно цикл «Крестьянин и крестьянский труд» содержит многочисленные референции к образам мирового искусства. Успенский рассуждает о современной живописи и художниках [Там же, с. 36], упоминает о Венере Милосской и Александровской колонне [Там же, с. 58], ссылается на произведения отечественной литературы.

Перечислим тексты, которые упоминаются и оцениваются Успенским на страницах цикла «Крестьянин и крестьянский труд»: М. Ю. Лермонтов «Когда волнуется желтеющая нива»; А. С. Пушкин «Деревня», «Бесы», «Зимняя дорога», «Брожу ли я вдоль улиц шумных»; Н. А. Некрасов «Элегия»; А. И. Кольцов «Урожай», «Косарь», «Песня пахаря»; А. А. Фет «Венера Милосская»; Ф. И. Тютчев «Эти бедные селенья...»; а также «чувствительные романы», которых «начитался» автор [Там же, с. 49], и «необгонимая тройка» Гоголя из поэмы «Мертвые души» [Там же, с. 57]. Крестьянин как объект изображения в русской поэзии — вот что интересует Успенского. Однако писатель приходит к выводу, что русские поэты не смогли выработать адекватного языка для описания крестьянского мирозерцания.

В среде интеллигенции Успенский отыскивает поэта, сумевшего открыть красоту в формах, наиболее близких крестьянскому сознанию: «Это — Кольцов» [Успенский, 1950, с. 36]. В трактовке кольцовской поэзии Успенский следует за В. Г. Белинским, выступившим в 1845 году со статьей «О жизни и сочинениях Кольцова», благодаря которой народные песни Кольцова вошли «в круг чтения разночинцев, столичных интеллектуалов, наследников литературной и общественной позиции Белинского» [Шеля, 2018, с. 137]. (В том, что Успенский опирался на статью русского критика, убеждает его письмо к Е. П. Летковой от 24 июня 1884 года [Успенский, 1951, т. XIII, с. 378], где он, как и Белинский в вышеупомянутой статье, советует внимательно прочитать кольцовские «Песню пахаря» и «Урожай» [Белинский, 1982, т. 8, с. 112]).

Белинский утверждал, что Кольцов «был сыном народа в полном значении этого слова» [Там же, с. 111]. Выражение «сын народа» обрело особую популярность в народнической литературе 1870—1880-х годов. Еще в 1869 году А. М. Скабичевский в статье «Живая струя (вопрос о народности в литературе)» заявлял о том, что «новое слово» о народе «выскажут вполне только истинные “дети народа”»; «только они, родившиеся и выросшие в атмосфере общинной жизни», способны осуществить «идеал искусства на социологической подкладке» [Скабичевский, 1888, с. 44].

Позже и сами писатели-народники склонялись к этому убеждению. Так, Златовратский в «Деревенских буднях» с тоской признавался, что «“ветхий” культурный художник» (с которым писатель отождествлял себя) [Златовратский, 1882, с. 93] не может достоверно изобразить народную жизнь. Для ее изображения нужен человек, вышедший из народной среды.

Подобные сомнения были знакомы и Успенскому. Случай с Кольцовым вселял в него надежду на то, что «голосом народа» (из письма к В. А. Гольцеву, сентябрь 1889 года) [Успенский, 1954, т. XIV, с. 338] может быть писатель некрестьянского происхождения. Ведь в статье Белинского речь шла не об уподоблении простонародному сознанию, а о синтезе культуры и народности: «Нельзя было теснее слить своей жизни с жизнью народа, как это само собой сделалось у Кольцова» [Белинский, 1982, т. 8, с. 112]. Для народника нет выше цели, нежели «слить свою жизнь с народной» [Там же]. При этом Белинский указывал на органический характер подобного «слияния»: «само собой сделалось» [Там же].

Успенский ценит в Кольцове способность приобщиться к «поэтическому целому» крестьянской жизни. Так, в кольцовском «Урожае», который цитирует Успенский, крестьянский труд предстает как благословляемое Богом сотворчество земледельца и природы. (Отметим, что в художественной рефлексии Серебряного века кольцовская поэзия стала восприниматься сквозь призму «крестьянских» очерков Успенского [Айхенвальд, 1998, с. 125—132]).

4. «Монарх» и «самозванец»: религиозно-этический аспект труда

Размышляя над крестьянским трудом-творчеством, Успенский выстраивает иерархию господства и рабства, описываемую императивами «повинуйся» и «повелевай». Крестьянин подчиняется природе, которая, «вкореная в его сознание идею о необходимости безусловного повиновения, <...> весьма обстоятельно знакомит Ивана Ермолаевича и с удовольствиями власти, т. е. дает ему возможность и самому (несмотря на то, что он в рваном тулупе и рваных лаптях) ежеминутно испытывать те же самые удовольствия своего собственного могущества, которые знакомы только монарху и никому другому» [Успенский, 1950, т. VII, с. 44].

Иначе говоря, крестьянин — раб Божий, но Господин над земною тварью. Ему покоряются люди (жена, работники, дети), животные, земля. В очерках Успенского крестьянская повседневность предстала разумно организованным порядком, антропосферой, в которой крестьянин уподоблялся Творцу. Согласно христианской антропологии, «мир следует за человеком, потому что он есть как бы природа человека; его можно было бы назвать “антропосферой”». И эта антропокосмическая связь осущест-

вляется тогда, когда осуществляется связь образа человека с его Первообразом — Богом...» [Лосский, 1991, с. 241].

В то время как крестьянин помещен Успенским в центр чувственно-материального космоса, или, говоря словами философа С. Булгакова, «райского хозяйства», в котором человек предан «бескорыстному любовному труду над природой» [Булгаков, 1993, т. 1, с. 171], место интеллигента-художника остается непроясненным. Напомним о том, что первый крестьянский цикл Успенского «Из деревенского дневника» заканчивался призывом к жертвенному безымянному подвигу, в результате которого интеллигента ждала участь «быть “потребленным” народною средою без остатка, даже без воспоминания, подобно тому, как не вспоминается съеденный час назад кусок бифштекса» [Успенский, 1940, т. V, с. 40]. В «Крестьянине и крестьянском труде» участь интеллигента видится Успенскому еще более безысходной. Крестьянская жизнь настолько полна, гармонична и прекрасна, что встречает пришельца суровым предостережением: «Не суйся!». Очерк с таким названием заканчивается сценой свержения в бездну: «Не имея под ногами никакой почвы, <...> я, как перо, был поднят на воздух дыханием правды Ивана Ермолаевича и неотразимо почувствовал, как и я, и все эти книжки, газеты, романы, перья, корректуры, даже теленок, не желающих делать того, чего желает Иван Ермолаевич, — все мы беспорядочной, безобразной массой, со свистом и шумом летим в бездонную пропасть...» [Успенский, 1950, т. VII, с. 55].

Евангельский сюжет об исцелении бесноватых и бесах, вошедших в стадо свиней и низринувшихся в бездну (Мф. 8:28-34; Мк. 5:1-20; Лк. 8:26-37), здесь обогащен рядом литературных реминисценций: на стихотворение А. С. Пушкина «Бесы» («Бесконечны, безобразны, / В мутной месяца игре / Закружились бесы разны, / Будто листья в ноябре...») и одноименный роман Достоевского (ср. «Не имея под ногами никакой почвы, кроме книжного гуманства»).

Образ пропасти метафорически указывает на степень отчуждения интеллигента от земли. Экзистенциальный ужас интеллигента перед русской деревней («Из деревенского дневника») сменяется в «Крестьянине...» еще более сильной эмоцией — отчаянием. Можно с уверенностью утверждать, что это чувство объединяло писателей-народников и отразилось в произведениях Н. Е. Каронина-Петропавловского (повесть «Борская колония»), Г. А. Мачтета (повесть «Блудный сын»), А. О. Новодворского (рассказ «Сувенир», роман «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны»), П. В. Засодимского (роман «Хроника села Смурина: Из жизни рус. крестьянина») и постоянного оппонента Успенского — Н. Н. Златовратского. В финале центрального произведения Златовратского — романа «Устои» — умира-

ющая народница недоумевает: «Куда же стремится этот стихийный океан? Какой смысл для меня в “устоях”, если им не нужна любовь, мысль, самопожертвование, если они *всем* (курсив автора произведения. — Т. Д.) не дают смысла жизни, полной и цельной, если любовь, мысль и самопожертвование не могут жить с ними как единое, цельное, неразделимое?» [Златовратский, 1951, с. 517].

В свою очередь Успенский, разбираясь в причинах, не допускающих «единый, цельный, неразделимый» союз, видит ущербность как в крестьянстве, так и в интеллигенции. Цельность крестьянского типа, в терминологии Златовратского обозначаемая словом *устои*, оказывается настолько хрупкой, что достаточно лишь «прикосновения» цивилизации, «одно только легкое касание — и тысячелетние идеальные постройки превращаются в щепки» [Успенский, 1950, т. VII, с. 59]. О гибели прекрасного мужицкого типа Успенский рассказал в последнем десятом очерке цикла — «Результаты и заключение».

Русской интеллигенции — представителям «образованного немужицкого человечества» [Там же, с. 89] — адресован IX очерк «Узы неправды». Успенский характеризует духовное состояние интеллигенции евангельской формулой: «Сердца исполнены горькой желчи и в узах неправды». Писатель цитирует восьмую главу из «Деяний святых апостолов», в которой рассказывается о том, как маг Симон, выдававший себя за Мессию, хотел купить у апостола Петра дар — наложением рук низводить Святого Духа. Апостол Петр ответил лжехристу, пожелавшему творить чудеса: «Итак, покайся в сем грехе твоём, и молись Богу: может быть, отпустится тебе помысел сердца твоего; ибо вижу тебя исполненного горькой желчи и в узах неправды» (8: 22-23).

По мнению Успенского, интеллигенция, подобно самозванцу Симону, отмечена «антихристовой печатью». Поэтому самоосуждение интеллигента оказывается не актом покаяния, а демонстрацией безмерной гордыни, которая в трактовке писателя предстает родовой чертой русской интеллигенции. Мнимое покаяние интеллигента-народолюбца Успенский разоблачает на примере собственного литературного высказывания: «Проклинает он (представитель привилегированного сословия. — Т. Д.) себя толь-в-точь так, как я проклинал себя в предыдущей главе под названием “Не суйся!” Там я проклял себя (конечно, только для образчика), по-видимому, беспощадно. Не смешал ли я там себя с грязью? Смешал и уничтожил; но это только по-видимому <...> А как я хвалю мужика? О, тут я (а со мной и все вышеупомянутые не мужики) дохожу почти до восторженного состояния; я преподношу Ивану Ермолаевичу такие дары, что у него не хватит духу и пикнуть мне насчет земельки... Во-первых, я валю к его ногам всю ци-

визацию всех веков и народов и изображаю ее так, что иначе, как «паршивою», наименовать ее невозможно; в прошлой главе для образчика я привел некоторые приемы, употребляемые при проклятиях цивилизации. Душа поющего хваления мужику, будучи поражена антихристовой печатью, не может и в этом случае поступать вполне совестливо и просто. В приведенном образчике под цивилизацией поименованы кабаки, извозчики, пьянство, наклонности к разрушению семейных порядков, показано, что «от цивилизации» Алексей бьет жену, и т. д. Словом, взято множество свинств и все они наименованы цивилизацией, которая поэтому сама собой уже оказывается свинством. В проклятиях цивилизации, умышленно представляемой в виде свинства только, я с успехом могу выдвигать на сцену и скрежетать зубами и при словах “пиджак”, “кадриль”, “петровская папироска”... Всё у меня сойдет с рук, как у деревенского кулака сходит с рук тухлая рыба, гнилая мука, линючий ситец. В этом роде я могу греметь годы, и в то же время, во имя антихристовой печати, опять-таки останусь, как рыба, нем насчет секрета. Ведь, говоря по совести, я знаю же, что цивилизация выдумала массу добра для человечества; ведь по сущей совести я знаю, что моя-то личная жизнь значительно облегчена, услаждена, благодаря этой настоящей цивилизации; но мне жаль открыть Ивану Еромолаевичу секрет, потому что, когда он «раскусит», так он меня непременно прибьет за то, что я ему всё врал» [Успенский, 1950, т. VII, с. 97—99]. Рассказчик-писатель признается в том, что его самобичевание перед мужиком было неискренним. Вслед за осознанием греха («я ему всё врал»), казалось бы, должно последовать раскаяние и попытка исправления. Однако это оказывается не так. Рассказчик-интеллигент признается в том, что ему «жаль открыть секрет», и эта фигура умолчания делает попытку преодоления греха безуспешной. Метанойи («изменения мысли»), достигаемой в процессе покаяния, не происходит.

Косвенным подтверждением этому является дальнейшее творчество Успенского. В словах из приведенного выше пассажа — «в проклятиях цивилизации, умышленно представляемой в виде свинства только, я с успехом могу выдвигать на сцену и скрежетать зубами и при словах “пиджак”, “кадриль”, “петровская папироска”» — предвосхищен сюжет очерка 1885 года «“Пинжак” и чорт», где «цивилизация» представлена в виде разрушающих крестьянский мир «пинжаков», «кадрилей» и всяческого «свинства».

5. Заключение

В цикле «Крестьянин и крестьянский труд» писатель занят поиском оснований, на которых может осуществиться заветная мечта интеллигента-народника — слияние с народом. Таким основанием, по мнению Успен-

ского, является эстетика труда. Красота обнаруживается в самом процессе земледельческого труда, представленном как сотворчество Бога, природы и крестьянина. По отношению к этому антропокосмическому единству интеллигент оказывается лишним, объявляется самозванцем и антихристом. В качестве доказательства «антихристовой» сущности интеллигента рассказчик предъявляет собственное лжераскаianie. Однако наряду с инвективами в адрес интеллигенции Успенский находит в ней способность к эстетическому восприятию и пониманию красоты. Поэтому интеллигент (как в случае с Кольцовым и, в конечном счете, с самим Успенским) оказывается необходимым посредником в процессе обретения крестьянством своего собственного «голоса». Иначе говоря, без эстетической интуиции интеллигента «тайна» крестьянства остается неразгаданной.

Источники

1. *Белинский В. Г.* Собрание сочинений : в 9 томах / В. Г. Белинский. — Москва : Художественная литература, 1982. — Т. 8. — 783 с.
2. *Булгаков С. Н.* Сочинения : в 2 томах / С. Н. Булгаков. — Москва : Наука, 1993. — Т. 1. — 603 с.
3. *Горький А. М.* Собрание сочинений : в 30 т. / А. М. Горький. — Москва : ГИХЛ, 1953. — Т. 25. — 520 с.
4. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1981. — Т. 22. — 407 с.
5. *Златовратский Н. Н.* Деревенские будни / Н. Н. Златовратский. — Санкт-Петербург : тип. А. А. Краевского, 1882. — 254 с.
6. *Златовратский Н. Н.* Устои. История одной деревни / Н. Н. Златовратский. — Москва : ГИХЛ, 1951. — 542 с.
7. *Скабичевский А. М.* Беллетристы-народники : Ф. Решетников, А. Левитов, Гл. Успенский, Н. Златовратский и пр. / А. М. Скабичевский. — Санкт-Петербург : тип. В. С. Балашева, 1888. — 315 с.
8. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1940. — Т. V. — 484 с.
9. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1949. — Т. VIII. — 647 с.
10. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1950. — Т. VII. — 547 с.
11. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1951. — Т. XIII. — 704 с.
12. *Успенский Г. И.* Полное собрание сочинений / Г. И. Успенский. — Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1954. — Т. XIV. — 839 с.
13. *Энгельгардт А. Н.* Из деревни : 12 писем / А. Н. Энгельгардт. — Москва : Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. — 491 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айхенвальд Ю. А.* Силуэты русских писателей : в 2 томах / Ю. А. Айхенвальд. — Москва : Терра — Книжный клуб ; Республика, 1998. — Т. 1. — 304 с.

2. Богаткина М. Б. Г. И. Успенский : (проблемы изучения) / М. Б. Богаткина // Проблемы художественного мастерства : сборник статей. Днепропетровск : Издательство Днепропетровского университета, 1972. — С. 163—167.
3. Дячук Т. В. Мортальное пространство русской деревни в прозе писателей-народников (П. В. Засодимский, Г. И. Успенский, Н. Е. Каронин-Петропавловский) / Т. В. Дячук // Успехи гуманитарных наук. — 2020. — № 2. — С. 265—271.
4. Кудряшов И. В. Изображение кризиса национального духовного бытия в русской литературе второй половины XIX века (П. И. Мельников-Печерский, Н. С. Лесков, В. Г. Короленко, Г. И. Успенский) / И. В. Кудряшов. — Арзамас : АГПИ им. А. П. Гайдара, 2006. — 198 с.
5. Лисин Л. Ф. Г. И. Успенский : творческий путь / Л. Ф. Лисин. — Иркутск : б. и., 1961. — 331 с.
6. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви ; Догматическое богословие / В. Н. Лосский. — Москва : СЭИ, 1991. — 287 с.
7. Мордовченко Н. И. М. Е. Салтыков-Щедрин — редактор Г. И. Успенского / Н. И. Мордовченко // Глеб Успенский : материалы и исследования / отв. ред. И. И. Векслер. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР; Институт литературы, 1938. — Т. 1. — С. 207—219.
8. Соколов Н. И. Г. И. Успенский : жизнь и творчество / Н. И. Соколов. — Ленинград : Художественная литература. Ленингр. отделение, 1968. — 319 с.
9. Токарев Д. «Долго-долго смотрел на нее» : эротическое и идеологическое в визуальной метафорике рассказа Глеба Успенского «Выпрямила» / Д. Токарев // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 5. — С. 63—82.
10. Успенский П. Гипотеза Якобсона, Глеб / Иванович и перверсия : безумие Г. Успенского и его рассказ «Выпрямила» / П. Успенский // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 5 (165). — С. 44—62.
11. Шеля А. «Русская песня» в литературе 1800—1840-х гг. / А. Шеля. — Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 2018. — 216 с.

MATERIAL RESOURCES

- Belinsky, V. G. (1982). *Collected Works*: vol. 1—9. Moscow: Fiction. 8. 783 p. (In Russ.).
- Bulgakov, S. N. (1993). *Works*: vol. 1—2. Moscow: Nauka. 1. 603 p. (In Russ.).
- Dostoevsky, F. M. (1981). *Complete Works*. Leningrad: Science. Leningrad branch. 22. 407 p. (In Russ.).
- Engelhardt, A. N. (1937). *From the village: 12 letters*. Moscow: State. social and economic publishing house. 491 p. (In Russ.).
- Gorkiy, A. M. (1953). *Collected Works*: vol. 1—30. Moscow: State publishing house of fiction. 25. 520 p. (In Russ.).
- Skabichevsky, A. M. (1888). *Belletristic populists: F. Reshetnikov, A. Levitov, Ch. Uspenskiy, N. Zlatovratsky and others*. St. Petersburg: type. V. S. Balasheva. 315 p. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1940). *Full Collected Works*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. V. 484 p. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1949). *Full Collected Works*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. VIII. 647 p. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1950). *Full Collected Works*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. VII. 547 p. (In Russ.).

- Uspenskiy, G. I. (1951). *Full Collected Works*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. *XIII*. 704 p. (In Russ.).
- Uspenskiy, G. I. (1954). *Full Collected Works*. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. *XIV*. 839 p. (In Russ.).
- Zlatovratskiy, N. N. (1882). *Rustic everyday life*. St. Peterburg: tip. A. A. Krayevskogo. 254 p. (In Russ.).
- Zlatovratskiy, N. N. (1951). *Foundations. The story of a village*. Moscow: State publishing house of fiction. 542 p. (In Russ.).

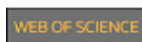
REFERENCES

- Aykhenwald, Yu. A. (1998). *Silhouettes of Russian writers: in 2 volumes*. Moscow: Terra — Book Club; Republic. *I*: 304 p. (In Russ.).
- Bogatkina, M. B. (1972). G. Uspensky: (problems of study). In: *Problems of artistic skill*. Dnepropetrovsk: Publishing House of Dnepropetrovsk University. Pp. 163—167. (In Russ.).
- Dyachuk, T. V. (2020). Mortal Space of Russian Village in Prose of Writers-Populists (P. V. Zaslodimsky, G. I. Uspensky, N. E. Karonin-Petropavlovsky). *Modern humanities success*, 2: 265—271. (In Russ.).
- Kudryashov, I. V. (2006). *Image of the crisis of national spiritual life in Russian literature of the second half of the 19th century (P. I. Melnikov-Pechersky, N. S. Leskov, V. G. Korolenko, G. I. Uspensky)*. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute named after A. P. Gaidar. 198 p.
- Lisin, L. F. (1961). *G. I. Uspensky: creative path*. Irkutsk. 331 p. (In Russ.).
- Lossky, V. N. (1991). *Essay on the mystical theology of the Eastern Church; Dogmatic theology*. Moscow: SEI. 287 p. (In Russ.).
- Mordovchenko, N. I. (1938). M. E. Saltykov-Shchedrin — editor G. I. Uspensky. In: Veksler, I. I. (ed.). *Gleb Uspensky: materials and research*. Moscow; Leningrad: Publishing House of USSR Academy of Sciences; Institute of Literature, 1938. *I*: 207—219. (In Russ.).
- Shelya, A. (2018). *“Russian Song” in the literature of the 1800—1840s*. Tartu: Publishing house of Tartu University. 216 p. (In Russ.).
- Sokolov, N. I. (1968). *G. I. Uspensky: life and work*. Leningrad : Fiction. Leningrad department. 319 p. (In Russ.).
- Tokarev, D. (2020). “I looked at her for a long, long time”: erotic and ideological in the visual metaphor of Gleb Uspensky’s story “Straightened”. *New literary review*, 5: 63—82. (In Russ.).
- Uspenskij, P. (2020). Jakobson’s hypothesis, Gleb / Ivanovich and Perversion: G. Uspensky’s Madness and his Short Story “Straightened”. *New literary review*, 5 (165): 44—62. (In Russ.).

Киселева И. А. Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 240—253. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253.

Kiselyova, I. A., Potashova, K. A. (2021). Features of Poetic Ecphrasis in A. Pushkin's Poem "The Commander" (1835): from Draft to Clean Copy. *Nauchnyi dialog*, 4: 240-253. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-240-253

Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику

Киселева Ирина Александровна

orcid.org/0000-0002-9629-0035

ResearcherID V-4311-2019

доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой русской
классической литературы
ia.kiseleva@mgou.ru

Поташова Ксения Алексеевна

orcid.org/0000-0002-0164-0371

ResearcherID Y-9252-2018

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русской классической
литературы
kseniaslovo@yandex.ru

Московский государственный
областной университет
(Москва, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 19-78-00118 «Визуализация художественного образа в русской поэзии конца XVIII — первой трети XIX века»

Features of Poetic Ecphrasis in A. Pushkin's Poem "The Commander" (1835): from Draft to Clean Copy

Irina A. Kiselyova

orcid.org/0000-0002-9629-0035

ResearcherID V-4311-2019

Doctor of Philology, professor,
Head of Department,
Department of Russian Classical Literature
ia.kiseleva@mgou.ru

Ksenia A. Potashova

orcid.org/0000-0002-0164-0371

ResearcherID Y-9252-2018

Phd in Philology, associate professor
Department of Russian Classical Literature
kseniaslovo@yandex.ru

Moscow Region State University
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The article was prepared with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 19-78-00118 "Visualization of the artistic image in Russian poetry of the late 18th — first third of the 19th century"

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность поставленной проблемы связана с необходимостью уточнения особенностей пушкинского живописного экфрасиса. Впервые обозначено, что своеобразие экфрасиса в стихотворении «Полководец» определено его одическим жанровым содержанием, характеризующимся пластичностью, калейдоскопичностью, пространственной объемностью. Через сопоставление черновиков и беловика стихотворения «Полководец» определена роль лексической и грамматической семантики, семантики синтаксических конструкций в визуализации словесного образа и вербализации живописного артефакта. Особое внимание уделено глаголам со зрительным и ментальным значением, создающим эффект присутствия, эффект зрительных аллюзий, эффект ожившей картины, создающим психологический портрет героя. Обозначается роль наречий и указательных местоимений с дейктической семантикой, способствующих созданию эффекта присутствия и служащих средствами обозначения пространственных координат. Акцентируется роль приема движения и приема контраста в создании иллюзии зрительно воспринимаемого образа. Посредством аналитического разбора экфрасиса стихотворения «Полководец» представлена пушкинская концепция образа генерала М.Б. Барклая-де-Толли, который предстает как отвергнутая толпой и неоцененная по достоинству героическая личность. Выдвигается гипотеза о том, что посредством вербализации портрета работы Дж. Доу Пушкин канонизирует в сознании читателя героя Отечественной войны 1812 года, поэтически преображая его портрет в икону.

Ключевые слова:

художественный образ; экфрасис; поэтика зрительного; А. С. Пушкин; Барклай де Толли.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The urgency of the matter is associated with the need to clarify the features of Pushkin's pictorial ecphrasis. For the first time it is indicated that the originality of the ecphrasis in the poem "The Commander" is determined by its odic genre content, characterized by plasticity, kaleidoscopicity, and spatial dimensionality. The role of lexical and grammatical semantics, semantics of syntactic constructions in the visualization of the verbal image and the verbalization of the pictorial artifact was determined by comparing the drafts and the clean copy of the poem "The Commander". Particular attention is paid to verbs with visual and mental meaning, creating the effect of presence, the effect of visual allusions, the effect of a revived picture, creating a psychological portrait of the hero. The role of adverbs and demonstrative pronouns with deictic semantics, contributing to the creation of the effect of presence and serving as a means of designating spatial coordinates, is indicated. The role of reception of movement and reception of contrast in creating the illusion of a visually perceived image is emphasized. Through an analytical analysis of the ecphrasis of the poem "The Commander", Pushkin's concept of the image of General M. B. Barclay de Tolly, who appears as a rejected and unappreciated heroic figure by the crowd. The hypothesis is put forward that by verbalizing the portrait of the work of J. Dow, Pushkin canonizes in the mind of the reader the hero of the Patriotic War of 1812, poetically transforming his portrait into an icon.

Key words:

artistic image; ecphrasis; the poetics of the visual; A. S. Pushkin; Barclay de Tolly.

Особенности поэтического экфрасиса в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец» (1835): от черновика к беловику

© Киселева И. А., Поташова К. А., 2021

1. Введение

В 1830-х годах А. С. Пушкин был частым посетителем выставок и частных живописных коллекций, мастерских художников. В стихотворении «Полководец» (1835) переданы впечатления поэта от посещения Военной галереи Зимнего дворца, уникального мемориального зала, созданного в честь победы русской армии над Наполеоном в благодарность участникам войны и в назидательность потомкам. В галерее представлены 329 погрудных портретов генералов, 4 портрета главнокомандующих, выполненные в полный рост, и 3 конных портрета — император Александр I и его союзники, прусский король и австрийский император, все они выполнены английским художником Джорджем Доу по заказу Императора Николая I. Центральное место в стихотворении отведено описанию впечатления от ростового портрета генерала М. Б. Барклая-де-Толли. Генерал представлен на фоне Монмартрских высот накануне взятия Парижа в 1814 году (как и на других полотнах, изображение приурочено к тому моменту военных действий, который признан важнейшим для полководца).

2. Стихотворение А. С. Пушкина «Полководец» в оценках современников

Поэтические достоинства стихотворения были высоко оценены уже в первых откликах после публикации стихотворения в «Современнике» [Пушкин, 1836, с. 192—194]. Характер этих откликов отвечает идеям литературной критики 1830-х годов, в которой подчеркивалось реалистическое начало пластичных образов, созданных Пушкиным. Журнал «Северная Пчела» известил о выходе в свет нового тома пушкинского «Современника» 15 октября 1836 года, в этом же извещении дан один из первых откликов на стихотворение «Полководец», которое названо одним «из лучших свидетельств, что гений нашего поэта не слабеет, не вянет, а мужается и растет, что Россия должна ждать от него много прекрасного и великого» [Извещение о публикации ..., 1836, с. 1]. В письме к П. А. Вяземскому

А. И. Тургенев восторженно отметил: «Барклай — прелесть!» [Остафьевский архив ..., 1899—1913, т. III, с. 334]. Созвучные слова восхищения находим и у Н. В. Гоголя в письме к Н. Я. Прокоповичу (25 января 1837): «Где выберется у нас полугодие, в течение которого явились бы разом две такие вещи, каковы “Полководец” и “Капитанская дочь”» [Гоголь, 1937—1952, т. XI, с. 85]. Развернутая характеристика «Полководца» дана в письме Н. И. Греча к Пушкину: «Этим стихотворением, образцовым и по наружной отделке, вы доказали свету, что Россия имеет в вас истинного поэта, ревнителя чести, жреца правды, благородного поборника добродетели, возносящегося светлым ликом и чистою душою над туманами предрассудков, поверий и страстей, в которых коснеет пресмыкающаяся долу прозаическая чернь» [Пушкин, 1937—1959, т. XVI, с. 163—164]. В ответе Гречу Пушкин повторил свой восторженный отзыв о Барклае: «Стоическое лицо Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении военного искусства; но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения» [Пушкин, 1937—1959, т. XVI, с. 163—164]. За однозначно восторженными откликами на стихотворение последовали и критические суждения, как то посвященные пушкинскому произведению страницы дневника Л. И. Голенищева-Кутузова, наметившие полемику вокруг образа полководца, см. подробнее: [Черейский, 1966, с. 56—58].

3. Общая дескрипция рукописи и история текста стихотворения

А. С. Пушкина «Полководец»

Процесс создания произведения, отражающего историческую концепцию образа генерала М. Б. Барклая-де-Толли, был долгий, о чем свидетельствуют черновые рукописи поэта. В связи с наличием нескольких черновиков «Полководца», обнаруженных в разное время, основной круг проблем в изучении этого стихотворения связан с текстологическим анализом. Известны две полные рукописи «Полководца»: черновик и перебеленная рукопись. Черновик написан в альбоме 1833—1834 годов (тетрадь № 2344, РГБ) на листах 282 об.—252 об. и имеет заголовок «Барклай де Толли» (заголовок предваряет стихотворение, подчеркнут), в конце стихотворения обозначена дата: «7 апреля 1835 Светл. Воскр.» (первоначальное *6 апреля* исправлено на *8 апреля*, затем на *7 апреля*). В рабочей тетради № 2382 записаны не вошедшие в черновик из альбома стихи 56—57 («О люди! Жалкий род, достойный слез и смеха! // Жрецы минутного, поклонники успеха!»). Перебеленная рукопись имеет иное заглавие — «Полководец», в конце сделана помета с датой: «7 апр. 1835 Св. воскр. С. П. Б. мятель и мороз» [Мануйлов и др., 1939, с. 142]. На наличие двух разных

черновых автографов впервые указал Н. О. Лернер [Лернер, 1915, с. 476], транскрипция обоих черновых вариантов была сделана В. А. Мануйловым и Л. Б. Модзалевским, обратившимися к стихотворению как предмету текстологического анализа [Мануйлов и др., 1939, с. 125—164]. С. М. Бонди на материале рукописей «Полководца» изучал особенности пушкинских описок: «Любопытен случай описки, когда в торопливом письме одно слово разрывается на две части: рука уже спешит двигаться вправо для нового слова, а пальцы еще дописывают прежнее слово. Пример в черновике “Полководца” в “Альбоме 1833—1835 гг.”» [Бонди, 1931, с. 175]. Однако, несмотря на проведенную исследователями текстологическую работу, сопоставлений черновиков и беловика с целью выявления механизмов создания зримого художественного образа сделано не было.

Первая публикация стихотворения в журнале «Современник» датируется 1836 годом — в сравнении с черновыми рукописями в печатный текст была внесена правка в поэтическое описание портрета Барклая-де-Толли, вызванная «несомненно художественными соображениями» [Мануйлов и др., 1939, с. 148]. Кроме того, в процессе подготовки текста к публикации Пушкин полностью отказался от чернового и белового варианта 56—59 стихов, посвященных М. И. Кутузову. Этот отказ от публикации фрагмента породил полемику исследователей, пытавшихся объяснить причины замены стихов. Если Н. О. Лернер объяснял замену чернового варианта цензурными соображениями, то Ю. Н. Тынянов полагал, что правку Пушкина объясняет принцип художественной целесообразности [Тынянов, 1934, с. 324]. Смысловую нагрузку пропущенного отрывка в контексте всего поэтического замысла, а также причины его исключения из белового текста объяснял и В. П. Старк, считавший, что «изменение в стихотворении следует признать вынужденным сложившейся ситуацией, а не совершенным по соображениям художественного порядка» [Старк, 1988, с. 157]. На существование еще одной рукописи стихотворения, выполненной чернилами набело без единой правки в альбоме Великой Княгини Елены Павловны, указала Н. Н. Петрунина, полагавшая, что эта обнаруженная в 1969 году запись сделана поэтом уже после первой публикации стихотворения в ходе возможной возникшей дискуссии между поэтом и княгиней.

Однако при значительном внимании к истории текста «Полководца» остаются недостаточно изученными возможности текстологии как одного из инструментов понимания произведения и вскрытия механизмов рождения художественного образа, а между тем именно текстологический метод важен для «понимания творческого гения поэта, способствует адекватной реконструкции его картины мира» [Киселева и др., 2020, с. 401].

4. Особенности поэтического экфрасиса стихотворения

А. С. Пушкина «Полководец» в связи с его жанровым содержанием

Рассматривая стихотворение «Полководец», нельзя не отметить его близость к одическому жанру, проявляющуюся в выборе объекта поэтического интереса — героической фигуры знаменитого полководца, — монологичном построении, «в котором реализуется высокое духовно-нравственное начало текста» [Киселева, 2012, с. 186], композиционном и стилистическом своеобразии. Кроме того, что стихотворение «Полководец» являет собой характерное для оды воспевание героя, оно строится по ее классическим канонам: приступ (с 1 по 21 стих), рассуждение (с 22 по 55 стих), эмоциональное заключение (с 56 по 61 стих). «Беспорядок лирический» [Державин, 1864–1871, т. VII, с. 539], который в оде на самом деле всегда логичен и заключается в том, что «лирик в пространным кругу своего светлого воображения видит вдруг тысячи мест, от которых, чрез которые и при которых достичь ему предмета, им преследуемого; но их нарочно пропускает или, так сказать, совмещает в одну совокупность, чтоб скорее до него долететь» [Там же, т. VII, с. 540], также в тексте «Полководца» присутствует в полной мере. Пушкин в этом стихотворении, несмотря на его романтический пафос и основную идею противостояния личности и толпы, в формальном отношении выступает наследником классицистической традиции с ее культом разума. Именно об этом наследии, напрямую не указывая на связь с жанром оды, говорит Пумпянский в своей статье «О принципе исчерпывающего деления»: «Уметь анализировать и перечислять в порядке есть главное дело ума. Глупость, опуская все возможные причины, прямо попадает в единственно верную и на вопрос: почему пир в Петербурге? — прямо отвечает: потому что царь мирится с Меншиковым. Это примитивизм. У Пушкина 7 возможных причин и 8-я верная» [Пумпянский, 1982, с. 209].

Особенно явственно «принцип исчерпывающего деления» наблюдается в первой части «Полководца» (в приступе). Кажущееся вольное перечисление отрицания того, чего нет ни в одной из палат царских чертогов, на самом деле определяется точным перечислением тех ценностей, которые есть в других палатах, и таким образом создается ощущение безусловной ценности Военной галереи. Перечислительные конструкции с семантикой отрицания лишь на первый взгляд могут показаться случайными. Перечисляются различные (в том числе противоположные) ценности: власть и богатство («не золотом, не бархатом богата» [Пушкин, 1937–1959, т. III, с. 378], а в черновике — «не в ней поставлен трон под балдахином» [Там же, т. III, с. 956]), государственность («не в ней алмаз венца хранится за стеклом» [Там же, т. III, с. 378], в черновике — «алмазный скифтр

не в ней хранится за стеклом» [Там же, т. III, с. 956]), возвышенная чистота («ни девственных мадон» [Там же, т. III, с. 378], в черновике — «ни святости мадон» [Там же, т. III, с. 956]), наслаждение жизнью («ни фавнов с чашами, ни полногрудых жен» [Там же, т. III, с. 378]) и т. д. Но наряду с этим перечисления указывают на реальные комнаты в Зимнем дворце, в которых находятся сокровища. Чтение черновика позволяет восстановить привязку образов к артефактам: вероятно, когда Пушкин пишет о «святости мадон», то имеются в виду картины Рафаэля и Тициана; в черновике: на «флоренти<нских> жен», на «фавнов Рубенса» [Там же, т. III, с. 956]. Если в черновике прямо указано на тронный зал («поставлен трон под балдахин<ом>» [Там же, т. III, с. 956]), на алмазную кладовую («алмазный скифтр... под стеклом» [Там же, т. III, с. 956]), в которой за хрустальным куполом хранятся символы Царской власти (скипетр, венец, держава), носящие «знаковый характер» и выполняющие «сакральную функцию» [Киселева, Поташова, 2018, с. 38], то в беловике все это представлено более лаконично («алмаз венца хранится за стеклом» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 378]), но в этой лаконичности реальность все равно узнаваема, она предстает стройным калейдоскопом картинок, воскрешающих в зрительной памяти залы Зимнего дворца. Именно одическая направленность стихотворения во многом определила механизмы создания зримо-осязаемого образа. Рассуждая об оде как лирической поэзии, Г. Р. Державин отмечал, что «в превосходных лириках всякое слово есть мысль, всякая мысль картина, всякая картина чувство» [Державин, 1864—1871, т. VII, с. 523].

5. Механизмы визуализации пространства в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец»

Начинает поэт с того, что обозначает пространственные границы своего будущего предмета описания — «У русского царя в чертогах есть палата...» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 378], тем самым уже сближая свой словесный опыт с искусством визуальным, так как именно «пространства — область живописца» [Лессинг, 1957, с. 210]. Этот принцип — представление пространства — действует на протяжении всего текста: как при описании всей палаты («Но сверху до низу, во всю длину, кругом...» (4 стих), «Тут нет ни сельских нимф...» (7 стих), «Сюда начальников народных наших сил...» (12 стих), «Меж ими я брожу...» (15 стих) [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 378—379]), так и при описании портрета Барклая («Там грусть великая. Кругом — густая мгла...» (29 стих), «За ним — военный стан» (30 стих), «Там устарелый вождь!» (52 стих) [Там же, т. III, с. 378—380]). Средствами выражения пространственных координат выступают наречия и указательные местоимения, содержащие в себе дейкти-

ческую семантику, способствующую созданию эффекта присутствия. Относительно черновика пространственные характеристики претерпевают минимальные изменения. В частности, меняется 4 стих. Если в черновике взгляд наблюдателя был направлен «с низу до верху» (в двух вариантах черновика [Там же, т. III, с. 956]), то в беловике оптическое движение меняется: взгляд теперь идет «сверху до низу» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 378]. Логично, что эта мена произошла под влиянием описанного ниже портрета Баркляя, при рассмотрении которого Пушкина прежде всего привлекает «чело». Именно оно — «чело, как череп голый», расположенное на темном фоне — «густая мгла» [Там же, т. III, с. 379], — выступает сигнальной точкой зрительного восприятия, что оказывается созвучным и высокому одическому стилю, и собственно семантике героического образа, сосредоточившего в себе блестящий ум и высоконравственный характер. В окончательном варианте пространственного видения соблюдается первичность направленности оптического вектора сверху вниз, подразумевающей панорамность видения.

Визуализации создаваемого образа способствует и используемый Пушкиным прием движения, создающий иллюзию пребывания в описываемом месте. Этим приемом начинается — «Нередко медленно меж ими я брожу...» (15 стих) [Там же, т. III, с. 378] — и продолжается — «Всегда остановлюсь пред ним...» (24 стих) [Там же, т. III, с. 378] — основная часть стихотворения, связанная с описанием портрета и рассуждением о личности полководца. Описание движения претерпевает от черновика к беловику некоторые изменения. Если в беловом варианте 15 стиха Пушкин избирает для характеристики своего пребывания в Военной галерее наречие образа действия «нередко» и качественное наречие «медленно», то в черновых вариантах средством характеристики посещения являлись наречие образа действия «часто» и качественное наречие «в тишине» [Там же, т. III, с. 957]. Данная мена, с одной стороны, не столь принципиальна, так как смысл кардинально не меняется и связан с выражением особого интереса к объекту любования, но, с другой стороны, уточнение способствует переносу акцента на возможность наглядного представления действия: увидеть медленное движение естественнее, чем увидеть тишину. Замена наречия «часто» синонимичным наречием «нередко» обусловлена стремлением поэта к высокому стилю и отказом от возможных оттенков суетности движения, присущих наречию «часто». В беловике Пушкиным создается зрительная величественность движения, которая достигает своей вершинности в окончательном варианте 24 стиха. Если в черновиках 24 стиха для характеристики своего движения у картины поэт использует форму глагола несовершенного вида («всегда стою пред ним», «останов-

ляюсь я пред ним» [Там же, т. III, с. 957]), то в беловике преимущество отдается глаголу совершенного вида («всегда остановлюсь пред ним» [Там же, т. III, с. 379]). Появившийся перфектив «сочетается с обстоятельством времени, и в этом контексте отменяется идея актуальности состояния в момент речи» [Падучева, 2010, с. 250], но при этом актуализируется длительно повторяющееся присутствие в конкретном месте мемориального зала, то есть представлено именно пространство, что способствует возникновению зрительных аллюзий. Появившееся живописное тяготение усиливается однородным сказуемым, выраженным зрительным глаголом («...не свожу // С него моих очей» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 378]) с ментальной коннотацией, таким образом, зрительное восприятие оказывается неотделимо от собственно размышления, само же зрение выступает процессом, «уникальность которого связана с возможностью познания человека» [Поташова, 2020, с. 261].

6. Механизмы вербализации «Портрета М. Б. Барклая-де-Толли» (1829) Дж. Доу в стихотворении А. С. Пушкина «Полководец»

Пушкинский экфрасис портрета Барклая отличается лаконичностью и точностью. Непосредственному описанию полотна отведены лишь 27—31 стихи. Для описания поэт использует короткие предложения, создающие череду зрительных образов. Пушкин определяет тип портрета («он писан во весь рост» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 379]), его пространственный смысловой центр («чело, как череп голый, // Высоко лоснится» [Там же, т. III, с. 379]), композицию картины («кругом — густая мгла», «за ним — военный стан» [Там же, т. III, с. 379]). Собственно экфрасис портрета Барклая являет собой риторическую фигуру, в основе которой лежит воссоздание существующего артефакта, «непосредственное изображение конкретного объекта» [Ходель, 2002, с. 23]. Портрет Барклая служит для Пушкина средством постижения тайны личности Барклая. В 32—35 стихах «Полководца» поэт посредством развернутого рефлексивного вопроса («Свою ли точно мысль художник обнажил...» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 379]) переходит от «воспроизведения воспроизведения» [Фрейденберг, 1998, с. 250] к постижению самой личности изображенного. При достаточно точной передаче общего содержания картины Дж. Доу, Пушкин привносит в свой поэтический экфрасис опыт лицезрения живописных полотен Рембрандта (см. подробнее: [Поташова, 2016]), знаковым для которых является прием высокого контраста между светом и тенью («чело... высоко лоснится» — «кругом — густая мгла»), тогда как в полотне Дж. Доу контраст кажется более мягким. Возможно, что опыт восприятия рембрандтовских картин с их напряженным психологизмом определяет и просвечивание мо-

тива «оживления картины»: «глядит с презрительною думой» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 379].

В процессе работы над указанными стихами Пушкин отказывается от именовании Барклая: если в черновике встречаются такие номинации, как «несчастный Вождь», «таинственный старик», «возвышенный старик», «старик угрюмый», «стар<ец> хладн<ый>» [Там же, т. III, с. 957], то в беловике поэт производит их замену на местоимение «он», что характерно для поэтического и ораторского стилей и активно используется в жанре оды, где «элементы поэтического слова» предстают «конструированными под углом ораторского действия» [Тынянов, 1977, с. 230]. Отказ Пушкина от именовании Барклая не имеет абсолютного характера. В 36 и 52 стихах поэт называет его вождем. В 36 стихе Пушкину важно обозначить положение Барклая в обществе, определившее выбор его личности как объекта изображения, и его трагедию: «О вождь несчастливый!» [Пушкин, 1937—1959, т. III, с. 379]. В 52 стихе именование выполняет функцию подчеркивания героического характера Барклая, его отваги, при помощи сравнения создается яркий контрастный образ истинного воина: «Там устарелый вождь! Как ратник молодой» [Там же, т. III, с. 379]. Сравнение с молодым ратником актуализирует зрительное воображение читателя, поддерживаемое диалогом-представлением поэта с полководцем: «бросался ты в огонь» [Там же, т. III, с. 379].

Эффект ожившей картины влечет за собой остро прочувствованные размышления над трагической личностью Барклая, которая предстает в романтическом ореоле непонятого героя: «в молчанье шел один» [Там же, т. III, с. 379]. Как отмечал С. Л. Франк, в «Полководце» Пушкин «заключает свое размышление над трагической судьбой непонятого и отвергнутого общественным мнением военного гения Барклая де Толли» [Франк, 1957, с. 47–48]. Г. М. Кока, размышляя над созданным Пушкиным образом генерала Барклая де Толли, точно указал: «В „Полководце“ Пушкин прославляет не военные заслуги Барклая и правильность его стратегической линии — все это полагается несомненным и не требующим доказательств, — но его нравственный подвиг» [Кока, 1969, с. 34]. Пушкин много работает над стихами, характеризующими конфликт личности и толпы, при этом противопоставляет «посюстороннему земному тщеславию <...> небесный ориентир» [Есаулов, 2021, с. 97], косвенно уподобляя Барклая самому образу Христа, что особенно очевидно при внимании к черновикам, в которых стоит помета, связанная с датой завершения стихотворения — «7 апреля 1835 Светл. Воскр.». Дата завершения стихотворения имеет изменения, значима дата мены — первоначальное 6 апреля исправлено на 8 апреля, затем на 7 апреля. Пасха в 1835 году приходилась как раз на 7 апреля, тогда как, скорее всего, работа над черновиком шла еще и 8 апреля (6 апреля,

вероятно, поэт подошел к завершению одного из вариантов текста). В первой публикации Пушкин не ставит дату завершения стихотворения, но подспудно образ Христа в тексте присутствует. На него указывают мотив спасения («народ, таинственно спасаемый тобою» [Пушкин, 1937–1959, т. III, с. 379]), мотив поругания («ругается слепой и буйный век» [Там же, т. III, с. 379]), мотив смирения («безмолвно уступить и лавровый венец» [Там же, т. III, с. 379]). Используемые в заключительной части стихотворения по отношению к образу Барклая характеристики («высокий лик») и вербально выраженные впечатления от него («в восторг и в умиление») отсылают читателя от портрета к иконе. Посредством вербализации портрета работы Дж. Доу Пушкин преобразует его в иконичный образ, канонизируя в сознании читателя героя Отечественной войны 1812 года.

7. Выводы

Стихотворение Пушкина «Полководец» представляет собой размышление о трагической судьбе генерала М. Б. Барклая-де-Толли, способное создать в читательском восприятии иллюзию присутствия в залах Зимнего Дворца и лицезрения самого портрета. По силе зрительного эффекта «Полководец» относится к одному из самых ярких пушкинских текстов, собственно только «Полководец», «Мадонна» и черновой набросок «Везувий зев открыл...» являют собой чистый экфрасис живописного произведения, притом в «Полководце» экфрасис предстает самым объемным, развернутым, вобравшим в себя практически все возможные механизмы создания иллюзии зрительного восприятия в поэтическом тексте. Своеобразие экфрасиса в стихотворении «Полководец» определено его одическим жанровым содержанием, характеризующимся пластичностью, калейдоскопичностью, пространственной объемностью. Посредством создания живописного экфрасиса Пушкин разворачивает перед читателями собственную концепцию образа генерала Барклая-де-Толли, который предстает как отвергнутая толпой и нецененная по достоинству героическая личность.

Источники

1. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений : в 14 томах / Н. В. Гоголь. — Москва, Ленинград : Издательство АН СССР, 1937—1952.
2. Державин Г. Р. Сочинения : в 9 томах / под редакцией Я. К. Грота / Г. Р. Державин. — Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1864—1871.
3. Извещение о публикации стихотворения «Полководец» // Северная пчела. — 1836. — № 236 (15 октября). — С. 1.
4. Лессинг Г.-Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / Г.-Э. Лессинг ; общ. ред. и примечания Г. М. Фридлендера. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1957. — 518 с.

5. *Остафьевский* архив князей Вяземских : в 8 томах / под ред. и с примечаниями В. И. Сaitова. — Санкт-Петербург : Шереметев, 1899—1913.

6. *Пушкин А. С.* Полководец / А. С. Пушкин // Современник. — 1836. — Т. III. — С. 192—194.

7. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений : в 17 томах / А. С. Пушкин. — Москва, Ленинград : Издательство АН СССР, 1937—1959.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бонди С. М.* Новые страницы Пушкина : стихи, проза, письма / С. М. Бонди. — Москва : Мир, 1931. — 208 с.

2. *Есаулов И. А.* Каменноостровский цикл А. С. Пушкина как пасхальный текст : мимесис, парафрасис, катарсис (Статья первая) / И. А. Есаулов // Проблемы исторической поэтики. — 2021. — Т. 19. — № 1. — С. 88—123. — DOI: 10.15393/j9.art.2021.9002.

3. *Киселева И. А.* Роль событий войны 1812 года в формировании имперских настроений русского общества первой трети XIX века : к вопросу о патриотизме Лермонтова / И. А. Киселева // Вестник Московского государственного областного университета. — 2012. — № 4. — С. 182—187.

4. *Киселева И. А.* Проблема текстологического описания автографов М. Ю. Лермонтова из «Записной книжки В. Ф. Одоевского» (1841 г.) / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Canadian-american slavic studies. — 2020. — Т. 54. — № 4. — С. 387—402. — DOI: 10.30965/22102396-05404003.

5. *Киселева И. А.* Семантика и поэтика русского костюма в «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина / И. А. Киселева, К. А. Поташова // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 2. — С. 36—48. — DOI: 10.15393/j9.art.2018.5043.

6. *Кока Г. М.* Пушкин о полководцах двенадцатого года / Г. М. Кока // Прометей : историко-биографический альманах. — Москва : Молодая гвардия, 1969. — Т. 7. — С. 17—37.

7. *Лернер Н. О.* Примечания к стихотворению А. С. Пушкина «Полководец» / Н. О. Лернер // Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 6 томах : Библиотека великих писателей / под редакцией С. А. Венгерова. — Санкт-Петербург : Брокгауз-Ефрон, 1907—1915. — Т. VI. — 1915. — С. 476

8. *Мануйлов В. А.* «Полководец» Пушкина / В. А. Мануйлов, Л. Б. Модзалевский // Пушкин : Временник Пушкинской комиссии. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1939. — [Вып.] 4/5. — С. 125—164.

9. *Падучева Е. В.* Событийное и статальное значение глаголов совершенного вида в русском языке / Е. В. Падучева // Проблемы грамматики и типологии : сборник статей памяти Владимира Петровича Недялкова. — Новосибирск : Сибирская академическая книга, 2010. — С. 240—252.

10. *Поташова К. А.* Поэтическая формула «я вижу» в творчестве К. Н. Батюшкова : творческое усвоение державинской традиции / К. А. Поташова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 258—271. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-258-271.

11. *Поташова К. А.* Влияние живописи на эстетический идеал русской литературы первой трети XIX века (А. С. Пушкин и М. Ю. Лермонтов) : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / К. А. Поташова. — Москва : МГОУ, 2016. — 267 с.

12. Пумпянский Л. В. Об исчерпывающем делении, одном из принципов стиля Пушкина Л. В. Пумпянский ; предисловие Н. И. Николаева // Пушкин : Исследования и материалы. — Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1982. — Т. 10. — С. 204—215.
13. Старк В. П. К истории создания стихотворения «Полководец» / В. П. Старк // Временник Пушкинской комиссии. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1988. — Вып. 22. — С. 149—158.
14. Тынянов Ю. Н. Ода как ораторский жанр / Ю. Н. Тынянов. — В книге : Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов. — Москва : Наука, 1977. — С. 227—252.
15. Тынянов Ю. Н. Пушкин и Кюхельбекер / Ю. Н. Тынянов // Литературное Наследство, кн. 16—18. — Москва : Жур.-газ. объединение, 1934. — С. 321—378.
16. Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель / С. Л. Франк. — В книге : Франк С. Л. Этюды о Пушкине / С. Л. Франк. — Мюнхен : [б. и.], 1957. — С. 28—57.
17. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности / О. М. Фрейденберг. — Москва : Восточная литература, 1998. — 800 с.
18. Ходель Р. Экфрасис в русской литературе / Р. Ходель // Экфрасис в русской литературе : сборник трудов Лозаннского симпозиума / под редакцией Л. Геллера. — Москва : МИК, 2002. — С. 23—30.
19. Черейский Л. А. К стихотворению Пушкина «Полководец» / Л. А. Черейский // Временник Пушкинской комиссии, 1963. — Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1966. — С. 56—58.

MATERIAL RESOURCES

- Derzhavin, G. R. (1864—1871). *Works: in 9 volumes*. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
- Gogol, N. V. (1937—1952). *Complete works: in 14 volumes*. Moscow, Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
- Lessing, G.-E. (1957). *Laocoon, or the boundaries of painting and poetry*. Moscow: State Publishing House of Fiction. 518 p. (In Russ.).
- Notice of the publication of the poem "General"* (1836). In: *Northern Bee*, 236 (October 15), p. 1. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1836). *Commander. Contemporary, III*: 192—194. (In Russ.).
- Pushkin, A. S. (1937—1959). *Complete works: in 17 volumes*. Moscow, Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. (In Russ.).
- Saitov, V. I. (ed.). (1899—1913). *Ostafievsky archive of princes Vyazemsky: in 8 volumes*. St. Petersburg: Sheremetev. (In Russ.).

REFERENCES

- Bondi, S. M. (1931). *New pages of Pushkin : poetry, prose, letters*. Moscow: Mir. 208 p. (In Russ.).
- Esaulov, I. A. (2021). Pushkin's Kamennostrovsky cycle as an Easter text: mimesis, paraphrasis, catharsis (Article one). *Problems of Historical Poetics*, 19 (1): 88—123. DOI: 10.15393 / j9.art.2021.9002. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A. (2012). The role of the events of the war of 1812 in the formation of imperial sentiments in Russian society in the first third of the 19th century: Lermontov's patriotism. *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 4:182—187. (In Russ.).

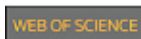

- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2018). Semantics and poetics of Russian costume in the “History of the Russian State” by N. M. Karamzin. *Problems of historical poetics*, 16 (2): 36—48. — DOI: 10.15393/j9.art.2018.5043. (In Russ.).
- Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. (2020). Problem of textological description of M. Yu. Lermontov’s autographs from the “Notebook of V. F. Odoevsky” (1841). *Canadian-american slavic studies*, 54 (4): 387—402. DOI: 10.30965/22102396-05404003. (In Russ.).
- Koka, G. M. (1969). Pushkin about the commanders of the twelfth year. In: *Prometheus*. Moscow: Molodaya gvardiya. 7: 17—37. (In Russ.).
- Lerner, N. O. (1915). Notes to the poem by A. S. Pushkin’s “General”. In: Pushkin, A. S. *Collected works*. St. Petersburg: Brockhaus-Efron. VI: 476. (In Russ.).
- Manuylov, V. A. Modzalevsky, L. B. (1939). “The Commander” of Pushkin. In: *Pushkin: Vestnik of the Pushkin Commission*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 4/5: 125—164. (In Russ.).
- Paducheva, E. V. (2010). Eventive and static meaning of perfective verbs in Russian. In: *Problems of grammar and typology: a collection of articles in memory of Vladimir Petrovich Nedyalkov*. Novosibirsk: Siberian academic book. 240—252. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2020). Poetic Formula “I see” in K. N. Batyushkov’s Work: Creative Assimilation of the Derzhavin Tradition. *Nauchnyi dialog*, 8: 258—271. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-258-271. (In Russ.).
- Potashova, K. A. (2016). *The influence of painting on the aesthetic ideal of Russian literature in the first third of the 19th century (AS Pushkin and M. Yu. Lermontov): PhD Diss.* Moscow: MGOU. 267 p. (In Russ.).
- Pumpyansky, L. V. (1982). On the exhaustive division, one of the principles of Pushkin’s style. In: *Pushkin: Research and materials*. Leningrad: Science. Leningrad. department. 10: 204—215. (In Russ.).
- Stark, V. P. (1988). To the history of the creation of the poem “The Leader”. *Vestnik of the Pushkin Commission*. Leningrad: Nauka. Leningradskoye otделение. 22: 149—158. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1977). Oda as an oratorical genre. In: Tynyanov, Yu. N. *Poetics. Literary history. Cinema*. Moscow: Nauka. 227—252. (In Russ.).
- Tynyanov, Yu. N. (1934). Pushkin and Kuchelbecker. In: *Literary Heritage*, book 16—18. Moscow: Zhur.-Gaz. association. 321—378. (In Russ.).
- Frank, S. L. (1957). Pushkin as a political thinker. In: Frank, S. L. *Sketches about Pushkin*. Munich. 28—57. (In Russ.).
- Freidenberg, O. M. (1998). *Myth and literature of antiquity*. Moscow: Eastern Literature. 800 p. (In Russ.).
- Hodel, R. (2002). Ekphrasis in Russian literature. In: Geller, L. (ed.). *Ekphrasis in Russian literature Proceedings of the Lausanne Symposium*. Moscow: MIC. 23—30. (In Russ.).
- Chereisky, L. A. (1966). To Pushkin’s poem “The Commander”. In: *Proceedings of the Pushkin Commission, 1963*. Leningrad: Science. Leningrad branch. 56—58. (In Russ.).

Подоксенов А. М. Пришвин и Сталин : художественный образ вождя в творчестве писателя / А. М. Подоксенов, В. А. Телкова // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 254—270. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-254-270.

Podoksenov, A. M., Telkova, V. A. (2021). Prishvin and Stalin: Artistic Image of the Leader in Writer's Work. *Nauchnyi dialog*, 4: 254-270. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-254-270. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-254-270

Пришвин и Сталин: художественный образ вождя в творчестве писателя

Подоксенов Александр Модестович

orcid.org/0000-0001-6405-6140

доктор философских наук, профессор
кафедры философии и социальных наук
podoksenov2006@rambler.ru

Телкова Валентина Алексеевна

orcid.org/0000-0001-5738-3143

кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, методики его
преподавания и документоведения
telkova.2014@bk.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ и
Липецкой области в рамках научного
проекта

№ 20-412-480001 «Художник и власть:
Михаил Пришвин и советские вожди»

Prishvin and Stalin: Artistic Image of the Leader in Writer's Work

Alexander M. Podoksenov

orcid.org/0000-0001-6405-6140

Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Philosophy and Social
Sciences
podoksenov2006@rambler.ru

Valentina A. Telkova

orcid.org/0000-0001-5738-3143

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian Language,
Methods of its Teaching and
Documentation
telkova.2014@bk.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR
and the Lipetsk Region,
project number 20-412-480001

“The Artist and the Power:
Mikhail Prishvin and the Soviet Leaders”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена тем, что предметом статьи является еще не рассмотренный в пришивноведении вопрос о том, кто был реальным прототипом чекиста Сутулова в романе Пришвина «Осударева дорога». Показано, что в отечественной литературе трудно найти художника слова, чье творчество в такой же мере было бы обусловлено влиянием идейно-политического контекста. Новизна исследования состоит в том, что впервые предпринята попытка показать, как через художественный образ чекиста Сутулова — одного из главных героев романа «Осударева дорога» — Пришвин стремится отразить идейно-политические установки, характерные особенности поведения, стиль мышления и речи Сталина. Особое внимание уделяется анализу ранее не издававшегося из-за цензурных ограничений 18-томного «Дневника» писателя, который стал доступен для читателя только в постсоветское время. Показано, что через художественный образ Сутулова Пришвин дает свою личностную оценку роли Сталина в развитии государства, стремясь художественно верно и правдиво отобразить характерные черты той атмосферы экономического, политического и духовного сверхнапряжения, в котором жило советское общество в 1930-е годы накануне Великой Отечественной войны.

Ключевые слова:

Пришвин; Сталин; Достоевский; марксизм; большевизм; идеология; политика; революция; государство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is due to the fact that the subject of the article is the question of who was the real prototype of the Chekist Sutulov in Prishvin's novel "Tsar's road", which has not yet been considered in the history of foreign affairs. It is shown that in Russian literature it is difficult to find master of the pen, whose work would be to the same extent conditioned by the influence of the ideological and political context. The novelty of the research lies in the fact that for the first time an attempt was made to show how, through the artistic image of the Chekist Sutulov, one of the main characters of the novel "Tsar's Road", Prishvin seeks to reflect the ideological and political attitudes, characteristic features of behavior, style of thinking and speech of Stalin. Particular attention is paid to the analysis of the 18-volume "Diary" of the writer, which was not previously published due to censorship restrictions, which became available to the reader only in the post-Soviet period. It is shown that, through the artistic image of Sutulov, Prishvin gives his personal assessment of Stalin's role in the development of the state, striving to artistically faithfully and truthfully reflect the characteristic features of that atmosphere of economic, political and spiritual super-tension in which Soviet society lived in the 1930s on the eve of the Great Patriotic War.

Key words:

Prishvin; Stalin; Dostoevsky; Marxism; Bolshevism; ideology; politics; revolution; state.

Пришвин и Сталин: художественный образ вождя в творчестве писателя

© Подоксенов А. М., Телкова В. А., 2021

1. Актуальность изучения творчества М. М. Пришвина

Признанный советский писатель, кавалер орденов Знак Почета (1939) и Трудового Красного Знамени (1943), медали «За трудовую доблесть» (1946), лауреат премии Министерства просвещения РСФСР за лучшую книгу для детей (1945), Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954) не был ни апологетом советской власти, ни певцом политического режима большевиков. Ни в одном художественном произведении Пришвин не славословил Сталина, тем более не посвящал ему свои книги, что в те годы многие делали ради писательской карьеры. Многие годы считалось, что Пришвин в своем творчестве никогда не обращался к его образу и среди почти двух тысяч источников библиографического указателя литературы о творчестве писателя за период с 1908 по 2013 годы нет ни одной статьи по теме «Сталин и творчество Пришвина», см.: [Михаил ..., 2013].

Как настоящий художник и мыслитель, Пришвин не мог обойти вниманием деятельность ключевых политических фигур своего времени, и размышления о самом грозном вожде большевизма, о его роли в становлении советского государства занимают значительное место в пришвинском 18-томном «Дневнике» (1991—2017), публикация которого дает ключ к разгадке многих тайн художественных образов и прототипов героев его творчества. Дневниковые записи Пришвина — одно из ценнейших свидетельств очевидца о своем времени, о действующих лицах, идейно-политических спорах и нравственной атмосфере общества, то есть о том реальном человеческом бытии, суть которого позже столь неоднозначно будут комментировать политологи и критики советско-коммунистического мироустройства.

Разумеется, тема пришвинского отношения к партийно-государственной деятельности Сталина всегда привлекала внимание исследователей. Интерес вызывает анализ взглядов Пришвина на роль Сталина в сложные и порой критические для советского общества периоды (коллективизация и индустриализация, предвоенное обострение международной обстановки, годы Великой Отечественной войны и послевоенное время) в трудах целого ряда исследователей: см.: [Кузнецов, 1990; Павловский, 1993; Холодова, 2000; Варламов, 2003]. Правда, упомянутые исследователи, работы которых в той или иной мере затрагивали тему отношения Пришвина

к Сталину, не касались вопроса о прототипе чекиста Сутулова в романе «Осударева дорога» и не могли использовать в полной мере материалы 18-томного «Дневника» писателя, публикация которого завершилась, как уже было отмечено, только в 2017 году.

2. Правление Сталина: эволюция взглядов Пришвина

Известно, что к Октябрьской революции и к захватившей власть партии большевиков Пришвин относился резко отрицательно, однако его мысль никогда не концентрировалась лишь на негативных моментах происходящего. Принципиально не приемля социальное насилие и политическую диктатуру большевизма, Пришвин тем не менее оставался убежденным государственным и, как художник слова, прилагал все усилия для духовного облагораживания и смягчения нравов советского общества, пытаясь найти рациональное зерно в деятельности правящей партии и ее вождей.

Понятно, что особое внимание здесь привлекал генеральный секретарь партии большевиков Сталин, отношение к которому у Пришвина с течением времени существенно менялось. Так, если в начале 1930-х годов в его дневниковых записях Сталин предстал «диким человеком Кавказа во всей своей наготе <...> прям, честен, вообще прост, как полицейский пристав из грузин царского времени» [Пришвин, 2006, с. 143], то в середине десятилетия звучит уже иная оценка качеств генсека: «“Я” Сталина родилось из кавказской, кровной верности, непостижимого упорства “кровника” в достижении цели. <...> Он, вероятно, беспрерывно “прижимает человека к стене”, ловит его с поличным его блажи и одного, отпустив, делает своим человеком навсегда, другого, когда *надо*, без колебания уничтожает» [Пришвин, 2010а, с. 368—369]. Выделяя курсивом слово «*надо*», Пришвин отмечает ту ключевую дилемму отношений власти и индивида, коренные интересы которых зачастую разделены непримиримым противоречием личного «хочется» и государственного «надо».

Безусловно, как гражданин и патриот Пришвин понимал жизненную необходимость скорейшего укрепления военно-экономической мощи государства, что в условиях обострения международной обстановки в предвоенные годы требовало от Кремля жестокой кары всех, кто препятствует развитию страны. Так, писатель приходит к выводу, что жестокость Сталина вызвана необходимостью борьбы с оппозицией, еще со времен Октября продолжавшей мечтать о мировой революции и стремящейся к власти под лозунгами демократии и либерализма. Эти политические дискуссии вполне приемлемы и даже необходимы в спокойные периоды, но совершенно вредоносны для страны в критические и переломные моменты ее истории. Сегодня, убежден Пришвин, для государства господствует импе-

ратив «*Так надо!*» — в отношении индустриализации нашей страны, «так надо» — в отношении военизации, народного образования, национальностей, лыжного спорта и т. п.: так надо». Поэтому разного рода оппозиционеры являются обманщиками, когда призывают к политической свободе, ибо «предлагают свободу там, где господствует только “так надо”. Они, обманывая, поднимают народ (сознательно или бессознательно), с тем, чтобы свергнуть деспота, сесть самим на трон и для народа объявить прежнее “так надо”, — вот почему заключает Пришвин, — после каждой кровавой гекатомбы и всеобщего нравственного возмущения встает опять Сталин более могучим, чем был» [Пришвин, 2010a, с. 755].

Будучи человеком историософского мышления, даже в годы апогея сталинского террора Пришвин полагал, что «нельзя судить историю и нельзя даже понять ее, имея перед собой только жертвы» [Пришвин, 2010b, с. 21]. Как патриот и просто здравомыслящий гражданин, сам переживший хаос революционного беззакония, писатель убежден в необходимости сильной власти, которая единственно способна увести страну с путей экономической, политической и культурной деградации. Не случайно в самый разгар репрессий 1937 года он пишет в «Дневнике»: «Вот, вспомнив конец Империи, когда надо было тысячами казнить — и не казнили, понимаешь, что в решительном действии в отношении колебателей основ нашего государства может сказаться и действительно его мощь» [Пришвин, 2010a, с. 631]. То, что свое время не сделал царь Николай II, хотя бы для оправдания навязанного ему либералами прозвища «кровавый», ныне без малейших колебаний осуществил Сталин. Так сложнейшая идейно-политическая обстановка в стране и развитие событий в мире в предвоенные годы приводят Пришвина к выводу, что советское мироустройство неразрывно с именем Сталина и в системе государственной власти, «конечно, Сталин — всё» [Пришвин, 2010b, с. 171].

Вместе с тем следует отметить, что период правления Сталина — это не только время классовой борьбы, насильственной коллективизации деревни и политического террора против инакомыслящих, но и время глубочайшей трансформации всего общественного устройства, о чем свидетельствовала бурная индустриализация страны: возведение новых городов, строительство заводов и фабрик, прокладка каналов и дорог, развитие культуры, медицины и образования. Внимательный и вдумчивый наблюдатель, Пришвин не мог не отметить великую правду советской эпохи — неподдельный энтузиазм огромного большинства людей, воодушевленных идеей строительства нового мира, участие в котором давало реальную возможность для каждого простого человека подняться из низов жизни, получить профессию и образование. Поэтому понятно желание писателя на конкретном примере художественно отразить происходящие в стране

глубокие перемены, изменение быта и психологии миллионов советских граждан, массовый энтузиазм людей, строящих под руководством партии большевиков новое общество. Всегда чутко откликавшийся в своем творчестве на злободневные проблемы общества, он, конечно же, не мог обойти вниманием грандиозные стройки социализма.

3. Художественный образ Сталина в романе «Осударева дорога» и «Дневнике» писателя

В начале 1930-х годов у Пришвина возникает замысел книги о возведении Беломорско-Балтийского канала, соединившего Белое море с Онежским озером — «Осударева дорога», которая ценна прежде всего тем, что представляет собой неподдельный «документ эпохи» — свидетельство повседневной жизни советских людей со всем многообразием их взглядов, суждений и заблуждений. В ходе работы над романом, которая займет долгие 14 лет — с 1933 по 1947 год, писатель несколько раз меняет названия: «Быль», «Былина», «Север», «Падун», «Царь природы», «Педагогическая поэма», «Повесть о том, что было и чего не было», «Новые берега» и, окончательно, «Осударева дорога», хотя это название появляется одним из первых еще в 1933 году. Незарастающий след «Осударевой дороги», как народ прозвал царскую просеку, Пришвин видел еще в начале XX века, путешествуя в 1906 году по северным лесам России, в результате чего появилась его первая книга «В краю непуганых птиц» (1907). Поэтому в 1933 году он просто не мог не поехать на стройку, затеянную в крае истоков его творческого пути: «Я не мог везде побывать в тех местах, где в молодости пробежал мой колобок, — отмечает он в Дневнике, — но все-таки был я на канале, где тогда был Край Непуганых птиц, был в Соловках, где тогда были монахи, был в Надвоицах и Новострое, где рыбу ловили...» [Пришвин, 2009, с. 914—915].

Для Пришвина как художника слова важно было своими глазами увидеть те кардинальные изменения, что произошли в дремучих лесах Выгорейского края со времен его давнего путешествия. Но еще более важным было стремление найти пути решения извечной проблемы несовпадения интересов индивида и власти, предстающих в художественном мышлении писателя как в пушкинских образах Евгения и Медного всадника, так и в идущей от Достоевского теме анализа человеческой души и тех ее глубинных противоречий, что выступают в виде столкновений желания с долгом, свободы с необходимостью, «хочется» личности с государственным «надо». Осмысляя социальные и религиозно-нравственные проблемы советской эпохи в контексте традиций гуманизма русской литературы, он стремится художественно изобразить особенности тех отношений человека и общества, что несет новое время и новые формы государственного устройства.

Вслед за Достоевским, считавшим основной целью творчества — постижение тайных глубин человеческой души, Пришвин видит свою задачу в анализе психологии людей, которые по воле государства оказались на великой стройке социализма, в показе особенностей трансформации их сознания под влиянием советской идеологии. «Канал не так интересен со своей внешней, прямо скажу, — щегольской стороны, как с внутренней, со стороны создавшего его человеческого творческого потока: тут соприкасаешься с чем-то огромным» [Пришвин, 1937, с. 41], — пишет он в одном из очерков, которые по итогам своей поездки он издаст в 1937 году отдельной книгой, описание деталей и бытовые зарисовки жизни строителей из которой затем войдут в «Осудареву дорогу». Поэтому главным в романе для писателя становятся не столько внешние трудности покорения природы, сколько стремление понять, что же происходит с душой и сознанием людей при их столкновении с грозной волей правящей партии, взявшей курс на строительство прекрасного будущего.

Как при царях-самодержцах, так и при Сталине железная воля государства собирала на свои великие стройки людей со всей России: «Были среди них худые и гибкие телом, с горящими как уголь глазами горцы, были коротенькие, на изогнутых ногах, жители степей, черкесы, киргизы, узбеки, были даже в чалмах, татары в халатах, раскосые монголы в своих тюбетейках, и русские смешивались в наречиях: орловские, рязанские, владимирские, ростовские, сибирские» [Пришвин, 1984, с. 61]. Весь этот многоплеменный народ был направлен на строительство Беломорканала прежде всего для «социальной перековки» — так советская власть называла свой замысел перевоспитания людей, сознание которых, пройдя горнило принудительного труда, должно так переродиться, чтобы человек из врага государства стал его союзником.

Вновь и вновь возвращаясь к разработке идеологии повествования о Беломорско-Балтийском канале, в «Дневнике» 1936 года Пришвин отмечает, что наконец-то определился с одной из главных сюжетных линий романа: «Раскрыть психологически и выразить, что революционер подлинный непременно должен сделаться строителем» [Пришвин, 2010а, с. 189]. Образ такого титана-строителя, возглавившего процесс созидания нового мироустройства, в понимании Пришвина, как и многих людей того времени, вполне логично отождествлялся с главным действующим лицом партии и государства. Так, в ходе работы над развитием сюжета романа у писателя формируется и крепнет решение сделать одного из ключевых персонажей «Осударевой дороги» воплощением «*подлинного революционера*», в качестве которого, как ему казалось, мог быть Сталин.

Хотя сам художественный образ сталинского прототипа возникнет у Пришвина довольно поздно — лишь через четыре года после поездки на строительство канала, но зато в своих основных чертах оформится быстро — всего за две недели. Так, если в дневниковой записи 21 июля 1937 года появляется ни к чему не обязывающая зарисовка: «Растопырив ноги, сутулый человек стоял на плотине и следил за ящерицей (от солнечного луча)», то 29 июля этот физиологический признак упоминается в качестве фамилии: «Настоящий коммунист (каких было довольно) личное свое все помещает в общественное (Сутулый)». И 5 августа уже окончательный вывод: «Определяется Сутулый, чекист», основные черты которого — «пафос рядового марксиста <...> стремительность фанатической веры», и самый главный его вопрос — темпы строительства: «Роль Сутулого именно в темпах, и это ему легко делать: он весь в том, чтобы сделать канал в срок» [Пришвин, 2010а, с. 689, 697, 702].

Акцент Пришвина на *темпах* строительства — художественное отражение одной из главных особенностей эпохи первых десятилетий советской власти, когда перед партией большевиков со всей остротой стоял вопрос выживания первой социалистической страны во враждебном окружении. Именно о темпах развития экономики как решающем условии сохранения геополитической независимости государства предельно жестко говорил прежде всего Сталин: «Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. <...> Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. Для этого есть у нас все “объективные” возможности» [Сталин, 1951а, с. 38, 41]. Говоря о возможностях, генсек правящей партии, конечно же, не случайно слово «объективные» употреблял в кавычках, безусловно, осознавая ту колоссальную инерцию торможения технически отсталого хозяйства огромной страны, маховик развития которого можно привести в движение только чрезвычайным напряжением всех сил. И о том, как были обеспечены итоги первой пятилетки, выполненной за четыре года, Сталин в январе 1933 года скажет со всей откровенностью: чтобы достичь нужных результатов, правящая партия должна была беспощадно «подхлестывать страну, ускоряя ее бег вперед» [Сталин, 1951в, с. 183].

Борьба за темпы строительства, призывы руководства страны и партии досрочно выполнять годовые и пятилетние планы развития промышленности находили широкий отклик, рождая массовый энтузиазм людей. Духом соревновательности были проникнуты буквально все сферы жизни общества и все отрасли народного хозяйства. Для пришвинского сознания, в котором художественно-эстетическое восприятие действительности всегда было связано с ее философским осмыслением, было

очевидно, что поворот политического курса на ускоренное развитие экономики — историческая необходимость эволюции советского государства и сегодня основная задача власти в том, чтобы на смену революционерам-разрушителям пришли люди дела, люди-строители: «И дивисься, как мог сделать такой переворот человек, сам вышедший из партийной кружковщины. <...> Сутулый пусть будет мой воображаемый Сталин» [Пришвин, 2010a, с. 780].

Как художественный герой, Сутулов выступает в романе собирательным образом большевика, который все личное отдает на службу общественному, да и сама этимология его фамилии указывает, что он «*сутулится*» от тяжелой ответственности за порученное партией дело, живет, как нужно, а не как ему хочется. «Надо Сутулова изобразить как Сталина и Сталина понимать как предел ухода личности в дело (общество)» [Пришвин, 2013b, с. 570], — отмечает писатель задачу раскрытия художественного образа. Так, в «Осударевой дороге» Пришвин вновь возвращается к вопросу о «настоящем большевике» — предмете его раздумий всех советских лет, и Сталин как прототип чекиста Сутулова становится тем художественным образом, который в полной мере воплощает представление писателя о герое революционного времени.

Чтобы обозначить сходство Сутулова с вождем, писатель наделяет героя характерными признаками, копируя установленный в Кремле стиль общения, о чем свидетельствует подчеркнуто официальное обращение «*товарищ*» между персонажами, что весьма прозрачно намекает на прообраз уже в первых сценах его появления в романе: «Позовите ребят, товарищ Уланова, — распорядился начальник.

— Слушаю, товарищ Сутулов, — ответила по-военному женщина.

И, обернувшись, открыла дверь.

— Маша, — остановил ее начальник, — ты ребятам нашим скажи насчет табаку, как сейчас говорили: чтоб и духу не было.

— Слушаю, товарищ Сутулов, — ответила Уланова» [Пришвин, 1984, с. 33].

Манера разговора Сутулова вполне узнаваемо передает не только назидательно-властные интонации, но и акцентированный вопросно-ответный стиль риторики Сталина: «Мы думаем, — ответил серьезно, не улыбаясь, очень властно и твердо Сутулов, — жизнь надо устраивать на земле хорошо и прочно. Так ли я говорю, товарищ Уланова? — сказал он, не улыбаясь, а только смягчая голос» [Там же, с. 37].

Примечательным моментом сходства Сутулова с вождем выступает не только манера разговора, но и общее для обоих религиозное семейное прошлое, которое обнаруживается в сцене знакомства героя с выговскими

раскольниками: «Я сам, — сказал, подумав, Сутулов, — вышел из старообрядцев.

— Какого же согласия? — почтительно спросил Мироныч.

— Никакого согласия: деды были, как и вы, поморского согласия, а отцы называли себя “немоляками”» [Там же, с. 39—40].

В признании Сутулова, что он «вышел» из секты «немоляк»-старообрядцев вполне очевидный намек на то, что и Сталин в свое время «вышел» из христианства. Как известно, будущий генсек партии большевиков получил религиозное образование, окончив с отличием четырехклассное Горийское духовное училище и затем пять курсов (из шести) Тифлисской духовной семинарии, из которой был исключен в 21 год по причине неявки на экзамены. Позже, в 1931 году, Сталин отмечал: «В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста. <...> Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма» [Сталин, 1951б, с. 113]. И в этом частном моменте личной жизни Сталина-Джугашвили со всей явственностью проявлялась духовная противоречивость той эпохи, когда люди с традиционно-православным воспитанием вступали на путь революционной деятельности, бесповоротно отрекаясь от своих прежних взглядов и семейных корней, а художественная и научная интеллигенция столь же радикально меняла свои мировоззренческие идеалы, переходя от материализма к идеализму и религии.

В отличие от монархии советская власть в лице чекиста Сутулова — начальника одного из участков строительства Беломорканала — свою задачу видела не столько в привлечении раскольников к работе на государство, как это делал Петр I, прокладывая лесную просеку, чтобы перетаскать свои фрегаты в Онежское озеро, сколько в опровержении их веры, что фактически уравнивало их в качестве сторон религиозно-мировоззренческого спора. В дневниковых записях Пришвин неоднократно говорит об идейной близости религиозных ересей и революционного движения, рассматривая большевизм как один из вариантов религиозного культа, который с фанатизмом внедрял в сознание людей марксистскую идеологию, отчего последняя приобретала черты сектантства.

В связи с этим понятно, почему тема строительства социализма, в рамках которой история сооружения Беломорско-Балтийского канала выступает как частный момент, приобретает в романе религиозный подтекст. Провозгласив марксизм единственно верным учением, большевики пытались выдать свои частные узкогрупповые интересы за универсальную правду. Именно об этом в романе упоминает писатель, говоря о своем увлечении идеями социализма в юности: «Мы сами, революционеры того времени <...> были похожи

на бегунов: мы были странники в своем народе», и европейская безбожная «правда была нам дороже родного села» [Пришвин, 1984, с. 10].

Сектантские аспекты большевизма в «Осударевой дороге» проявляются прежде всего в провозглашении главенства идеи над жизнью, что обнаруживается при первом же разговоре Сутулова со старообрядцами, которые глубоко убеждены, что жить нужно не по желанию, а «по плану жить, как отцы наши и деды жили: жить по Священному писанию.

— Неверно, — перебил старика Сутулов. — В этом Писании план определен на жизнь небесную: тут, на земле, как-нибудь с жуликами, а там, на небе, будут ангелы и архангелы. У нас, дедушка, план должен быть один-единственный и на земную жизнь» [Пришвин, 1984, с. 39].

В подготовительных заметках к роману Пришвин отмечает, что «встречу раскольников с большевиками придумать невозможно» [Пришвин, 2013а, с. 287], тем самым обозначая свою давнюю мысль о сходстве большевизма с религиозным сектантством. Действительно, для таких, как Сутулов, марксистско-ленинская идеология, которой руководствуется власть в советском государстве, была типичным «началом религии, отсюда и оптимизм: человечина вся связанная у жертвенного костра, и жрец обращается к заре, и Бог от зари посылает огонь, и костер загорается. Вот Сталин у нас и вяжет людей в коммунизм для костра жертвенника» [Пришвин, 2013b, с. 712]. Именно так, по образному сравнению писателя, в большевизме осуществляется симбиоз жесткой рациональности классовой борьбы с утопической мечтой об идеальном общественном устройстве. В понимании Пришвина, происходящие в советской России изменения вполне соразмерны с преобразованиями Петра Великого, и в «Осударевой дороге» этот сюжет получает свое прямое развитие. Захватив власть, большевики начинают свое царствование тоже с переделки государственного устройства: «Петр I разорвал связь с прошлым. <...> И начал строить новую Россию. <...> Такое же строительство и Сталина» [Пришвин, 2010а, с. 409—410].

Как Достоевский в свое время видел в Петре не только великого реформатора, но и жестокого деспота и писал, что «Деспотизм вовсе не в духе русского народа... Он слишком миролюбив и любит добиваться своих целей путем мира, постепенно. А у Петра пылали костры и воздвигались эшафоты для людей, не сочувствовавших его преобразованиям» [Достоевский, 1980, с. 15], так и Пришвин уже в новое историческое время видит, что Сталин «ломает страну не плоше Петра» и, добиваясь исполнения своей воли, точно так же, как царь, бьет людей «массами, не разбирая правых от виноватых» [Пришвин, 2006, с. 69].

Сравнивая правление Сталина с царствованием Петра I и вводя советский период в общий контекст русской истории, Пришвин видит свою за-

дачу художника в том, чтобы связать разорванную нить времени, будучи глубоко убежден, что связь эпох возможна только через творческую личность, в памяти которой оживает правда минувших дней. Так, в самом начале романа отец показывает своему сыну Зуйку то страшное место в болотистых лесах, где во время Северной войны в 1702 году подданные царя волоком тащили морские корабли в Онежское озеро в тыл шведам.

« — Осударева дорога! — сказал отец.

Остановились. Отец шапку снимает. <...>

— Что тут народа легло! — говорит отец.

И шапку как снял, так все и не надевает» [Пришвин, 1984, с. 15].

Однако речь здесь идет не только о великой жертвенности русского народа, священный труд которого обеспечил победу Петра в войне со шведами. Полузаросшая царская просека для Пришвина — это исторический контекст раскрытия главной темы — темы жизни и страданий каторжан-современников, которые по воле Сталина сгонялись со всей страны для прокладки великого водного пути: «Ехали, будто падали, из неведомых недр разноплеменной страны десятками, сотнями, тысячами люди белые, желтые, черноглазые, голубоглазые, светловолосые, и черные, и рыжие» [Там же, с. 61]. Безликость «падавших» на строительство канала людей в романе наглядно показывает сцена механического отношения власти к заключенным, которые при регистрации «подходят бесконечной очередью и так же исчезают потом, как брызги водопада», представая перед начальством как неразличимые «тысячи разных людей, разных народностей, и каждый, мелькнув, выпадал из памяти, как выпадает фигурка из пены воды, бьющейся на камнях порога» [Там же, с. 61, 64].

В «Осударевой дороге» Сутулов олицетворяет государственную власть, которая требует неукоснительного исполнения плана работ. Желая достичь жизненного схождения Сутулова с прототипом, писатель намеренно наделяет его скупыми и жесткими чертами, желая показать отчужденность власти от народа. Смысл схематизма героя именно в том, пишет Пришвин, чтобы «в Сутулове дать загадку личности Сталина: все видят дело, а сам деятель за ним скрывается» [Пришвин, 2014, с. 71]. И надо сказать, что творческий замысел автора полностью оправдался: вплоть до выхода потаенного на многие годы 18-томного корпуса «Дневников» (напомним, публикация их завершилась лишь в 2017 году), никто из исследователей-пришвиноведов так и не догадался о зашифрованном художественном послании писателя.

Действительно, образ чекиста Сутулова в «Осударевой дороге» максимально идеологизирован, прямолинеен и почти полностью лишен живых черт личности, за что писателя часто критиковали как современники, читавшие роман еще в рукописи, так и многие из представителей последую-

щих поколений пришивиноведов. Тем не менее Пришвин был предельно верен реалиям жизни, ибо через схематизм изображения Сутулова стремился передать общее представление современников о вожде: «Для нас всех Сталин — не человек, а какая-то центральная сила нашего времени» [Пришвин, 2013b, с. 569], а потому его истинный облик должен быть окутан тайной, которая недоступна для простых граждан советского государства.

Прокладка Беломорско-Балтийского канала, осуществляемая каторжным трудом заключенных, для Пришвина выступает в качестве обобщенного образа всего советского общества, строительство которого во главе со Сталиным с ожесточенным напряжением ведет партия большевиков. «Мы все строим какой-то канал. <...> На канал должен быть собран и показан народ: тут была вся Россия» [Пришвин, 2010a, с. 683, 766] — гласят дневниковые записи 1937 года, отражая восприятие писателем идейно-политической атмосферы тех лет, когда все великие стройки социализма велись прежде всего путем военной организации труда и под жестким контролем государства.

Примечательной чертой Сутулова как типичного представителя карательных органов выступает то, что у него не возникает и мысли о создании элементарных бытовых условий для заключенных, прибывающих в лагерь. Такое же отношение и вышестоящего начальства, что демонстрирует уже первый приказ, поступивший из управления строительства канала: «В Надвоицы направляется транспорт каналаармейцев. Принять завтра первую тысячу. Бросьте их в лес» [Пришвин, 1984, с. 52]. На беспокойство же своей помощницы Маши Улановой, встревоженной решением отправить огромную массу людей на неустроенное место в лесу, Сутулов отвечает твердо и жестко: «Они там скоро сами себе выстроят жилища» [Там же, с. 55]. Более того, он даже возмущен проявлением ее заботы о каких-то условиях быта для заключенных: «Мы взялись построить канал, соединяющий два моря: шуточное ли дело! И вдруг ты остановилась перед таким пустяком — куда нам деть людей. <...> Мы бросим их в дело, и увидишь, через два месяца, самое большое, у нас будет выстроен город» [Там же, с. 57].

Философский склад ума и психологическая проницательность помогают Пришвину понять сущностную взаимосвязь действующих сил и субъектов исторического движения советского общества, чтобы через художественные образы строителей канала показать особенности отношений между властью и народом. В словах Сутулова о прокладке Беломорско-Балтийского канала как большом государственном деле, для которого судьбы и жизнь каторжан являются пустяком («лес рубят — щепки летят»), обнажается суть отношения большевизма к народу как расходному материалу для реализации своих великих замыслов. Для Пришвина такая идеология неприемлема прежде всего потому, что ведет к обезличиванию чело-

века: «Коммунизм и есть распространение законов механики на человеческое общество. <...> Река Выг, дикая, порожистая, заключается в машины. <...> Согласно с этим механизмом и люди организуются, вживаются в создаваемые участки и под предлогом коммунизма становятся механизмом» [Пришвин, 2012, с. 564].

Хотя, с другой стороны, признает Пришвин, механизация производства и развитие соответствующего стиля мышления — одно из важнейших условий технического прогресса общества. «Царское время ужасно виновато в косности. И взрыв технический должен был произойти: и он при Сталине совершился, такой технический, что само государство превратилось в такую точную машину, что ни один человек не ускользнул от учета» [Пришвин, 2010а, с. 719]. Поэтому закономерно, что представитель власти — Сутулов, выражая дух наступающей технической эпохи, в романе предстает воплощением механизма принуждения советского государства, которое готово пойти на любые жертвы ради достижения своих целей.

Размышляя о сущности советского мироустройства, Пришвин стремится понять, в чем же заключается основная идея современности, которая определяет сознание и самочувствие людей. Глубоко присущая писателю историчность мышления приводит его к выводу, что одной из главных черт всей русской государственности выступает насилие как над отдельным индивидом, так и над всем обществом. «То, что совершается у нас, нельзя приписывать Сталину, или Энгельсу. <...> Наша государственность устанавливается дубинкой Петра. Все это известно, а ново — это попытка (моя) защиты Петровой дубинки. “Осударева дорога” сто раз переделывалась, но ее начальная мысль была именно в оправдании насилия» [Пришвин, 2016, с. 113].

Действительно, кроме несомненного зла насаждения классовой борьбы, политической диктатуры и тоталитарной идеологии, несомненная заслуга большевизма была в том, что сама жестокость государственного насилия служила делу развития образования, науки и медицины, укреплению экономической и военной мощи страны. Коллективизация и индустриализация, трудности быта и героизм труда — все это было проявлением того исторического «надо», на основе которого только и возможно создать великое государство. «Вот это “Надо” и требуется воплотить в личности Сутулова» [Пришвин, 2013b, с. 711], — заключает Пришвин. Так, в дневниковых набросках писателя обозначается стержневая идея повествования о строительстве Беломорканала — одной из множества великих строек социализма, которые лучше всего иного выразили суть сталинизма в качестве особой политики и метода модернизации общества накануне надвигающихся исторических катаклизмов.

Обостренное чувство духовной сопричастности своему времени и пронизательность подлинного мыслителя закономерно вызывали у Пришвина желание найти историософское оправдание советской власти. Очевидно, что через художественный образ Сутулова писатель формулирует свой вывод: как государственный деятель Сталин состоялся не только потому, что с помощью интриг и вероломства сумел расправиться с оппозицией, но прежде всего потому, что сумел понять, что пути развития страны определяет прежде всего великое историческое «ТАК НАДО». Проявив огромную политическую волю, Сталин сумел повести людей за собой и добиться необходимых изменений, обусловивших экономический, социальный и культурный прогресс общества. «Значит, “народный вождь”, — отмечает Пришвин, — это не тем народный, что народ избрал его, а что он “богоизбранный вождь”: заставил народ признать себя как вождя. Так у нас на глазах происходило со Сталиным» [Пришвин, 2013а, с. 411].

Победа в Великой Отечественной войне для Пришвина стала импульсом к окончательному пересмотру как роли Сталина, так и партии большевиков. Когда грозные вызовы истории вновь ставят перед народом задачу выживания, тогда не до личных обид на большевизм и государство: «Мне надо, как автору, подчинить себя, свое мнение, свое “хочется” творимому единству мнений. <...> Все мы освещены одним светом этого “Надо”, и что это “Надо” несет нам ветер истории, но не партия, не Сталин» [Пришвин, 2013b, с. 58, 59], — пишет он о причинах своего примирения с властью.

4. Заключение

Подводя итог, отметим: отличительная черта Пришвина как художника и мыслителя в способности не только в полной мере ощущать «ветер истории», но и осознавать запросы своего времени, видеть за повседневной россыпью частных событий экономическую необходимость и политическую подоплеку происходящего. Художественная ценность изображения Сталина в образе Сутулова в том, что писатель пытается дать личную оценку роли Сталина, избегая исторического субъективизма и предвзятости, которые в разных обликах проявляются во все времена. Так, если в коммунистическую эпоху господствующей тенденцией было приписывание всех достижений исключительно воле и мудрости Сталина, то в постсоветский период практически те же факты толковались если не как поражения, то как предтечи будущих социальных бед и катастроф. Через образ Сутулова Пришвин дает свою личностную оценку роли Сталина в развитии государства, стремясь художественно верно и правдиво отобразить характерные черты той атмосферы экономического, политического и духовного сверхнапряжения, в которой жило советское общество в 1930-е годы накануне Великой Отечественной войны.

Источники

1. *Михаил Михайлович Пришвин : библиографический указатель* / сост. Н. В. Борисова, З. Я. Холодова. — Иваново : ЛИСТОС, 2013. — 175 с. — ISBN 978-5905158-21-6.
2. *Пришвин М.* Отцы и дети / М. М. Пришвин. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1937. — 63 с.
3. *Пришвин М. М.* Собрание сочинений : в 8 томах / М. М. Пришвин. — Москва : Художественная литература, 1984. — Т. 6. Осударева дорога. — С. 5—214.
4. *Пришвин М. М.* Дневники. 1930—1931 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2006. — 704 с. — ISBN 5-94668-041-2.
5. *Пришвин М. М.* Дневники. 1932—1935 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2009. — 1008 с. — ISBN 978-5-94668-060-8.
6. *Пришвин М. М.* Дневники. 1936—1937 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010а. — 992 с. — ISBN 978-5-94668-073-8.
7. *Пришвин М. М.* Дневники. 1938—1939 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010б. — 608 с. — ISBN 978-5-94668-077-6.
8. *Пришвин М. М.* Дневники. 1942—1943 / М. М. Пришвин. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 813 с. — ISBN 978-5-8243-1627-8.
9. *Пришвин М. М.* Дневники. 1944—1945 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый хронограф, 2013а. — 944 с. — ISBN 978-5-94881-187-1.
10. *Пришвин М. М.* Дневники. 1946—1947 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый хронограф, 2013б. — 968 с. — ISBN 978-5-94881-222-9.
11. *Пришвин М. М.* Дневники. 1948—1949 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый хронограф, 2014. — 824 с. — ISBN 978-5-94881-273-1.
12. *Пришвин М. М.* Дневники. 1950—1951 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2016. — 736 с. — ISBN 978-5-94668-186-5.
13. *Сталин И. В.* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 т. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951б. — Т. 13. — С. 104—123.
14. *Сталин И. В.* Итоги первой пятилетки : доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б): 7 января 1933 г. / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 т. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951в. — Т. 13. — С. 161—215.
15. *Сталин И. В.* О задачах хозяйственников (1931) / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 т. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951а. — Т. 13. — С. 20—42.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варламов А. Н.* Пришвин / А. Н. Варламов. — Москва : Молодая гвардия, 2003. — 548 с.
2. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1980. — Т. 20. Статьи и заметки. 1862—1865. Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого). — С. 5—22.
3. *Кузнецов Ф.* Бунт и примирение Пришвина / Ф. Кузнецов // Наше наследие. — 1990. — № 2. — С. 83—84.
4. *Павловский А. И.* «...Сигналы людям будущего» (О дневнике М. Пришвина 1930 года) / А. И. Павловский // Русская литература. — 1993. — № 1. — С. 81—91.
5. *Холодова З. Я.* Художественное мышление М. М. Пришвина : Содержание, структура, контекст / З. Я. Холодова. — Иваново : Иваново, 2000. — 296 с.

MATERIAL RESOURCES

- Borisova, N. V., Kholodova, Z. Ya. (eds). (2013). *Mikhail Mikhailovich Prishvin: bibliographic list*. Ivanovo: LISTOS. 175 p. ISBN 978-5905158-21-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. (1937). *Fathers and Sons*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 63 p. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1984). *Collected Works in 8 volumes. Osudareva doroga*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 6: 5—214. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2006). *Diaries. 1930—1931*. Sankt-Peterburg: Rostok. 704 p. ISBN 5-94668-041-2. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2009). *Diaries. 1932—1935*. Sankt-Peterburg: Rostok. 1008 p. ISBN 978-5-94668-060-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2010a). *Diaries. 1936—1937*. Sankt-Peterburg: Rostok. 992 p. ISBN 978-5-94668-073-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2010b). *Diaries. 1938—1939*. Sankt-Peterburg: Rostok. 608 p. ISBN 978-5-94668-077-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2012). *Diaries. 1942—1943*. Moscow: ROSSPEN. 813 p. ISBN 978-5-8243-1627-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2013a). *Diaries. 1944—1945*. Moscow: Novyy khronograf. 944 p. ISBN 978-5-94881-187-1. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2013b). *Diaries. 1946—1947*. Moscow: Novyy khronograf. 968 p. ISBN 978-5-94881-222-9. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2014). *Diaries. 1948—1949*. Moscow: Novyy khronograf. 824 p. ISBN 978-5-94881-273-1. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2016). *Diaries. 1950—1951*. Sankt-Peterburg: Rostok. 736 p. ISBN 978-5-94668-186-5. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1951a). About the tasks of business executives (1931). In: *Works: in 13 volumes*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury. 13. 20—42. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1951b). Conversation with German writer Emil Ludwig. In: *Works: in 13 volumes*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury. 13. 104—123. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1951c). Results of the first five-year plan: report at the joint plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the CPSU (b): January 7, 1933. In: *Works: in 13 volumes*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury. 13. 161—215. (In Russ.).

REFERENCES

- Dostoevsky, F. M. (1980). *Complete works: in 30 volumes. Articles and Notes 1862—1865. Two camps of theoreticians (Concerning «The Day» and something else)*. Leningrad: Nauka. 20. 5—22. (In Russ.).
- Kholodova, Z. Ya. (2000). *Artistic thinking of M. M. Prishvin: Content, structure, context*. Ivanovo: Ivanovo. 296 p. (In Russ.).
- Kuznetsov, F. (1990). Rebellion and reconciliation of Prishvin. *Nashe nasledie* [Our legacy], 2: 83—84. (In Russ.).
- Pavlovskiy, A. I. (1993). “... Signals to the people of the future” (About M. Prishvin’s diary of 1930). *Russian Studies in Literature*, 1: 81—91. (In Russ.).
- Varlamov, A. N. (2003). *Prishvin*. Moskva: Molodaya gvardiya. 548 p. (In Russ.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

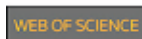

Александр Альбертович Сулейманов, канд. истор. наук (Якутск)
Алексей Владимирович Бодрин, канд. истор. наук (Арзамас)
Ангелина Сергеевна Рогожина, канд. истор. наук (Орел)
Анна Ивановна Татарникова, канд. истор. наук (Тобольск)
Валерий Валентинович Цысь, д-р истор. наук (Нижевартовск)
Владимир Александрович Зверев, д-р истор. наук (Новосибирск)
Вячеслав Викторович Калинов, д-р истор. наук (Москва)
Давид Иосифович Раскин, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Елена Владимировна Бодрова, д-р истор. наук (Москва)
Мария Александровна Пономарева, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Наталья Александровна Жерлицына, канд. истор. наук (Москва)
Ольга Петровна Цысь, канд. истор. наук (Нижевартовск)
Сергей Алексеевич Баканов, д-р истор. наук (Челябинск)
Юлия Гариевна Благодер, д-р истор. наук (Краснодар)
Юлия Михайловна Галкина, канд. истор. наук (Екатеринбург)

Баканов С. А. Государственный бюджет СССР в 1950—80-е годы : динамика и структура доходов / С. А. Баканов // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 272—289. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-272-289.

Bakanov, S. A. (2021). State Budget of USSR in 1950s — 80s: Dynamics and Structure of Income. *Nauchnyi dialog*, 4: 272-289. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-272-289. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-272-289

Государственный бюджет СССР в 1950—80-е годы: динамика и структура доходов

Баканов Сергей Алексеевич
orcid.org/0000-0002-0746-8912

доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории России
и зарубежных стран
bakanov-s@mail.ru

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 20-09-00175
«Городские бюджеты, межбюджетные
отношения и бюджетное неравенство
в СССР в 1950—1980-е гг.»

State Budget of USSR in 1950s — 80s: Dynamics and Structure of Income

Sergey A. Bakanov
orcid.org/0000-0001-5257-1188

Doctor of History,
Head of the Department of History
of Russia
and Foreign Countries
bakanov-s@mail.ru

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 20-09-00175
“City budgets, interbudgetary relations
and budget inequality in the USSR
in the 1950—1980s”

© Баканов С. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются динамика и структура доходной части государственного бюджета СССР в период с 1950 по 1989 годы на материале официальных статистических сборников, издававшихся Министерством финансов СССР. Утверждается, что динамика доходов государственного бюджета СССР в течение всего изучаемого периода была положительной. Отмечается постоянный рост доходов, имевший среднегодовое значение около 6,5 % по отношению к предыдущему году, что позволяло увеличивать бюджет более чем на одну треть почти в каждой пятилетке. Указывается, что всего за изучаемый период доходная часть государственного бюджета выросла в 11,6 раза. Автор приходит к выводу, что историческая динамика распределения доходов между бюджетами разного уровня свидетельствует о нарастающей тенденции к децентрализации советской экономики. Выявлено, что данная тенденция выглядит менее однозначной, если проследить изменение доли доходов республиканских и местных бюджетов в структуре государственного бюджета СССР. Показано, что важнейшим сдерживающим фактором децентрализации советской экономики было бюджетное регулирование, которое, с одной стороны, позволяло государству изымать в бюджет большую часть прибылей социалистического хозяйства, а с другой — держало под контролем бюджетные ресурсы местных властей.

Ключевые слова:

государственный бюджет СССР; бюджетная система СССР; государственные доходы; налоговая система; советская экономика в 1950—80-е годы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The dynamics and structure of the revenue side of the state budget of the USSR in the period from 1950 to 1989 are considered on the basis of official statistical collections published by the Ministry of Finance of the USSR. It is stated that the dynamics of the revenues of the state budget of the USSR during the entire studied period was positive. There was a constant increase in income, which had an average annual value of about 6,5 % in relation to the previous year, which made it possible to increase the budget by more than one third in almost every five-year period. It is indicated that in just the period under study, the revenue side of the state budget increased by 11,6 times. The author comes to the conclusion that the historical dynamics of the distribution of incomes between the budgets of different levels testifies to the growing tendency towards the decentralization of the Soviet economy. It was revealed that this trend looks less unambiguous if we trace the change in the share of revenues of the republican and local budgets in the structure of the USSR state budget. It is shown that the most important deterrent to the decentralization of the Soviet economy was budget regulation, which allowed the state, on the one hand, to withdraw to the budget most of the profits of the socialist economy, and on the other, to keep the budgetary resources of local authorities under control.

Key words:

state budget of the USSR; the budgetary system of the USSR; government revenues; tax system; Soviet economy in the 1950s and 80s.

Государственный бюджет СССР в 1950—80-е годы: динамика и структура доходов

© Баканов С. А., 2021

1. Введение

Экономику «позднего» СССР в современной российской историографии принято описывать в категориях постепенного «демонтажа» или «эрозии» командно-административной системы управления, выразившихся в курсе на децентрализацию принятия хозяйственных решений в советской экономике 1950—80-х годов [Гайдар, 2006; Некрасов, 2019; Ханин, 2002]. Такой подход достаточно хорошо аргументирован с различных теоретических и даже идеологических позиций, так как в его логику вполне укладываются все советские экономические реформы данного периода. Однако этот подход оставляет за скобками исследования одну из важнейших сфер экономической жизни — сферу финансов. А ведь именно финансовые инструменты обеспечивали все эти годы централизованное управление плановой экономикой. Степень централизации и возможности для экономического маневра в СССР в значительной мере зависели от объема финансовых ресурсов, которыми могло распоряжаться государство. Эти средства концентрировались в государственном бюджете СССР, доходы и расходы которого аккумулировали от 45 до 55 % ВВП страны [Синельников, 1995, с. 4].

Бюджетная система СССР сложилась в 1920—30-е годы. Свой окончательный вид она приобрела на рубеже 1950—1960-х годов с принятием общесоюзного и республиканских законов, регулирующих бюджетные права Союза ССР и отдельных союзных республик [Закон СССР от 30.10.1959; Закон РСФСР от 15.12.1961]. Эта система объединяла в себе бюджеты всех уровней административного управления. Так, государственный бюджет СССР включал в себя собственно бюджет Союза ССР, которым распоряжалось союзное правительство, и бюджеты союзных республик, которыми распоряжались республиканские правительства. Бюджеты союзных республик в свою очередь делились на бюджет республики и на местные бюджеты отдельных областей, краев и автономий. Местные бюджеты также разделялись на региональный бюджет и бюджеты отдельных городов и районов. Планируемые доходы и расходы бюджетов всех уровней на будущий год сводились министерством финансов СССР в проект государственного бюджета СССР, который выносился на утверждение Верховным Советом СССР в текущем году.

В историографии проблемы формирования доходной части государственного бюджета СССР можно выделить два этапа. В советский период эта тема интересовала выдающихся экономистов Я. Г. Либермана, К. Н. Плотнокова, В. П. Дьяченко, Г. А. Рабиновича, Д. А. Аллахвердяна и др. [Аллахвердян, 1982; Дьяченко, 1978; Либерман, 1970; Плотноков, 1955; Рабинович, 1988.] В их работах основное внимание уделялось преимуществам советской системы налогообложения, которая позволяла минимизировать участие населения в формировании государственных доходов и возлагала основную ответственность в данной сфере на социалистическое хозяйство. В постсоветский период фокус исследовательского интереса сместился от достоинств бюджетной системы СССР к ее недостаткам, таким как нарастание бюджетного дефицита во второй половине 1980-х годов, как изъятие прибыли у предприятий, консервирующее экстенсивный путь их развития, или как утрата регулирующей функции подоходного налога. Данные сюжеты нашли свое отражение в трудах российских экономистов — С. Г. Синельникова, Е. Г. Ясина, И. В. Архипкина, И. В. Караваевой и др. [Архипкин, 2001; Караваева и др., 2007; Синельников, 1995; Ясин, 2002] Тем не менее общим для обоих периодов историографии является то, что вне ее поля зрения оставалась историческая динамика государственных доходов как в контексте роста финансовых возможностей советского государства, так и в контексте скорости накапливающихся изменений.

Целью данной статьи является изучение динамики и структуры доходной части государственного бюджета СССР на длительном, но сопоставимом историческом интервале с 1950 по 1989 годы. Бюджет 1990 года остался за рамками исследования по причине неполной сопоставимости с предшествующими бюджетами, вызванной изменениями в законодательстве.

Источниками для изучения исторической динамики государственных доходов СССР стали официальные статистические сборники, издававшиеся Министерством финансов СССР в рассматриваемый период [ГБ, 1956; ГБ, 1966; ГБ, 1972; ГБ, 1976; ГБ, 1982; ГБ, 1987; ГБ, 1988; ГБ, 1990], а также сборники Госкомстата СССР серии «Народное хозяйство СССР» [НХ, 1959; НХ, 1960]. Содержащаяся в них информация позволяет построить почти непрерывные динамические ряды по большинству статей доходов. Динамические ряды по отдельным статьям дохода за весь изучаемый период сводились автором настоящей статьи в электронную базу данных, на основе которой и осуществлялись все необходимые вычисления. Сведение бюджетов за разные периоды было затруднено также тем, что до денежной реформы 1961 года в официальной статистике использовались неденоминированные значения. Для сопоставимости показателей в базе данных по временному отрезку с 1950 по 1960 годы производился перерасчет в пропорции 1×10 .

2. Динамика доходов

Динамика доходов государственного бюджета СССР в течение всего периода 1950—80-х годов была положительной (рис. 1). Наблюдался постоянный рост доходов, имевший среднегодовое значение около 6,5 % по отношению к предыдущему году, что позволяло увеличивать бюджет более чем на одну треть почти в каждой пятилетке. Самые высокие значения годовых приростов доходов госбюджета (10—11 %) наблюдались в 1951, 1967, 1968, 1970 и 1982 годах, минимальные же приросты (менее 2 %) были отмечены в 1955, 1961 и 1983 годах. Всего за изучаемый период доходная часть госбюджета выросла в 11,6 раза, с 42,2 млрд руб. в 1950 году (с учетом изменения цен в 1961 году) до 493,6 млрд руб. в 1989 году (рис. 1).

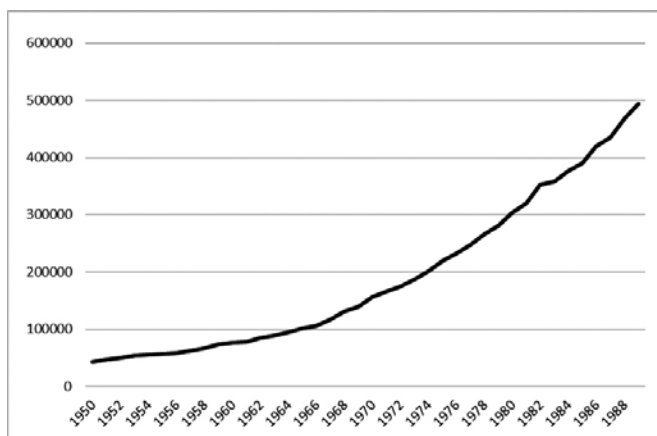

Рис. 1. Динамика доходов государственного бюджета СССР в 1950—1989 годах (млн руб.)

Одновременно с доходами пропорционально увеличивалась и расходная часть госбюджета, рост которой составил те же 11,6 раза с 41,3 млрд руб. в 1950 году до 482,6 млрд руб. к 1989 году. Обращает на себя внимание тот факт, что доходы обычно, за исключением второй половины 1980-х годов, превышали расходы, то есть бюджет был профицитным. Эта положительная разница максимально могла составлять от 5,1 % до 7,5 %, как было в 1951, 1952 и 1960 годах, а минимально — 0,6 % — 0,7 % как в 1965 и 1966 годах, при среднем значении в 2,2 %. Во второй половине 1980-х годов профицит сменился дефицитом. По подсчетам Е. Т. Гайдара, уже в 1985 году размер дефицита составил 13,9 млрд руб. и далее неуклонно нарастал: 45,5 млрд руб. в 1986 году, 52,5 млрд руб. в 1987, 80,6 млрд руб. в 1988 [Гайдар, 2005, с. 344]. В 1989 году превы-

шение расходов над доходами составило 91 781 млн руб. (18 % бюджета), из которых собственно дефицит финансовых ресурсов был утвержден Верховным Советом СССР на 1989 год в размере 34 893,1 млн руб., или около 7 % бюджета [ГБ, 1990].

Структура доходной части государственного бюджета СССР на протяжении всего изучаемого периода была довольно стабильной. Основной вклад в доходы государственного бюджета вносили налог с оборота и отчисления от прибыли предприятий, а также средства государственного социального страхования и налоги с населения. Но роль отдельных элементов системы со временем менялась (рис. 2, рис. 3).

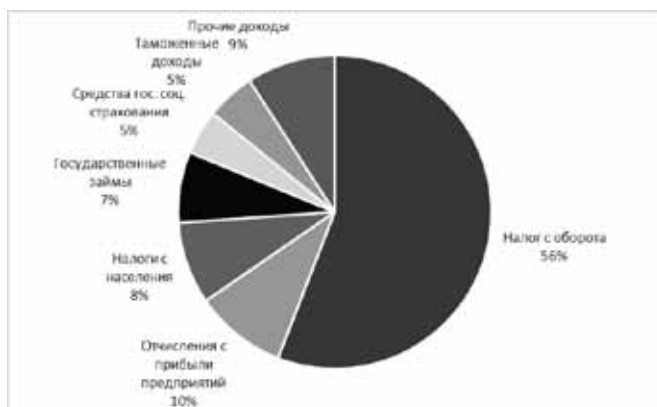

Рис. 2. Структура доходов государственного бюджета СССР в 1950 году

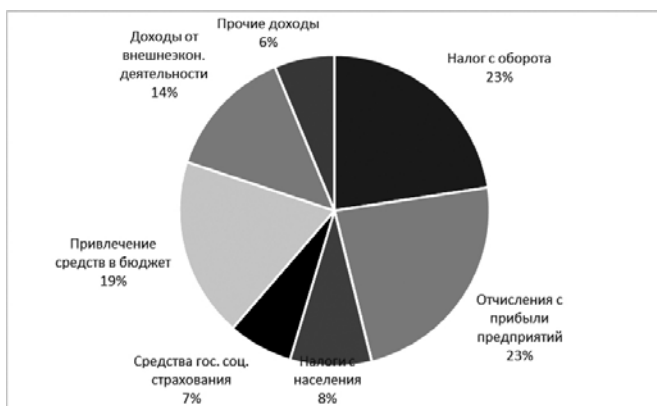

Рис. 3. Структура доходов государственного бюджета СССР в 1989 году

3. Основные источники доходов

Важнейшим источником доходов государства в начале 1950-х годов был налог с оборота. Данный налог был учрежден в 1930 году и заменил собою ряд косвенных налогов. Он взимался с отдельных предприятий в виде разницы между оптовыми и розничными ценами на отдельные группы товаров, являясь по своей сути наценкой. В отраслях тяжелой промышленности его ставки были низкими или отсутствовали вовсе, в то время как в легкой и пищевой они были высокими. Это позволяло правительству регулировать ценообразование и изымать у наиболее рентабельных предприятий часть потенциальной прибыли, полученной за счет высоких цен, установленных государством, на их продукцию. По мнению И. В. Караваевой, конечным плательщиком этого налога выступали не предприятия, а население, уплачивающее его при приобретении товаров и услуг в сети розничной торговли [Караваева и др., 2007, с. 67—73].

Объем средств, получаемых госбюджетом от налога с оборота, от пятилетки к пятилетке неуклонно возрастал. Так, в первой половине 1950-х годов ежегодно этот налог приносил (с учетом переоценки 1961 года) 22—24 млрд руб., в 1960-е годы — от 30 до 44 млрд руб., в 1970-е — от 49 до 88 млрд руб. и в 1980-е — от 94 до 111 млрд руб. За весь период доход по этой статье вырос в 4,7 раза. Однако доля налога с оборота в структуре госбюджета также неуклонно сокращалась. Если в начале 1950-х годов она превышала 50 % всех доходов, то уже в 1960—1965 годах она снизилась до 38—40 %. С 1968 по 1981 годы она стабильно держалась на уровне в 30—32 %, а во второй половине 1980-х годов она сократилась до 21—22 %. Это объясняется опережающим темпом роста других источников дохода. По своему вкладу в совокупный доход налог с оборота уже в конце 1960-х годов отошел на второе место.

Первенство же получили отчисления с прибыли предприятий. Они были закреплены налоговой реформой 1930 года и приобрели свой окончательный вид в ходе хозяйственной реформы 1965 года. Предприятия должны были вносить в бюджет отчисления от прибыли, плату за производственные основные фонды и нормируемые оборотные средства, фиксированные рентные платежи, а также свободный остаток прибыли, который образовывался после выплаты всех остальных обязательных платежей. Государство регламентировало предельный размер расходов из прибыли для каждого предприятия, тем самым определяя, какую часть прибыли предприятие неспособно потратить самостоятельно. Эти остатки и должны были передаваться в бюджет. По оценкам Е. Г. Ясина, с помощью данного налогового механизма у предприятий изымалось от 60 до 80 % их чистого дохода. Государство могло произвольно увеличивать плановые отчисления от прибыли даже в тех

случаях, когда предприятие терпело убытки, покрывая их предоставлением дешевого государственного кредита [Ясин, 2002, с. 171]. Поскольку это позволяло собрать фактически любую запланированную сумму, то не удивительно, что роль данного налогового инструмента неуклонно возрастала.

В начале 1950-х годов (с учетом переоценки 1961 года) платежи от прибыли приносили казне от 4 до 5,8 млрд руб., что составляло 9—11 % доходов госбюджета. К 1955 году они достигли отметки в 10,2 млрд руб. (18 % доходов), к 1960 — 18,6 млрд руб. (24 %), к 1965 — 30,8 млрд руб. (30 %), к 1970 — 54 млрд руб. (34 %), к 1975 — 69,7 млрд руб. (31 %), к 1980 — 89,8 млрд руб. (31 %), к 1985 — 119,4 млрд руб. (30 %). Абсолютный максимум по данной статье дохода был достигнут в 1986 году — 129,8 млрд руб., а затем последовало снижение до 115,5 млрд руб. к 1989 году, что составило только 23 % от совокупных доходов бюджета за данный год, но позволило сохранить этому показателю первое место среди источников дохода. За весь период доход бюджета от отчислений с прибыли предприятий увеличился в рекордные 28,6 раза. Однако, как уже говорилось выше, это феноменальное увеличение только отчасти может быть объяснено ростом рентабельности. В значительной мере на него оказывал влияние действовавший хозяйственный механизм, позволяющий государству контролировать расходы предприятий, которые они делали из прибыли. Наиболее высокие темпы роста по данной статье наблюдались в период с 1950 по 1955 годы, когда отчисления от прибыли выросли в 2,5 раза, с 1955 по 1970 годы они достигали значений 65—81 % за пятилетку. Затем, в 1970—1985 годах, темпы упали до 28—33 % за пятилетку, пока в конце 1980-х годов из-за хозяйственных реформ периода перестройки не сменились отрицательными значениями (–11 % за 1986—1989 годы).

Третьим по важности в 1950-е годы, но всего лишь пятым в 1980-е годы источником дохода государственного бюджета СССР были налоги с населения, которые включали подоходный налог, сельскохозяйственный налог и налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. В среднем налоги с населения давали около 8 % поступлений в госбюджет ежегодно. Причем разброс предельных значений этого показателя был минимальным — от 7 до 9 %. При этом совокупный рост объемов поступлений в бюджет из данного источника за весь период 1950—80-х годов был пропорционален росту всех доходов госбюджета и составил те же 11,6 раза. В 1950-е годы объем налоговых поступлений от населения составлял 3,5—5,5 млрд руб. ежегодно, в 1960-е — 5,8 — 12,7 млрд руб., в 1970-е — 13,7—24,5 млрд руб. и в 1980-е — 25,5 — 41,6 млрд руб. При этом рост доходов от налога на холостяков за весь рассматриваемый период был незначительным (около двух раз) с 741 млн руб. в 1950 году до 1519 млн руб. к 1989 году, в то время как зна-

чение сельскохозяйственного налога вообще сократилось более чем в 4 раза с 963 млн руб. в 1953 году до 219 млн к 1989 году.

4. Роль подоходного налога с граждан

Важнейшее место среди налогов с населения занимал подоходный налог. Его удельный вес среди всех налогов с населения резко вырос с 57—61 % в начале 1950-х годов (когда еще относительно высоким был вклад сельскохозяйственного налога) до 94—95 % во второй половине 1980-х годов. В 1950-е годы он ежегодно обеспечивал казне 2—4 млрд руб., в 1960-е — 4,6—10,5 млрд руб., в 1970-е — 11,6—21,6 млрд руб., в 1980-е — 22,9—37,4 млрд руб. Всего доходы по данной статье выросли в 18,3 раза, а их среднегодовое увеличение составило около 8 %. При этом в рассматриваемый период ставки подоходного налога не увеличивались, более того, в 1960—80-е годы происходило даже некоторое сокращение налоговой базы этого финансового источника. Так, в восьмой пятилетке был снижен на 25 % размер ставок подоходного налога с рабочих и служащих, получавших заработную плату от 61 до 80 руб., в результате около 30 млн человек стали уплачивать данный налог по пониженным ставкам, а число граждан, полностью освобожденных от уплаты налогов, увеличилось на 13,4 %. Также с 1970 года изменился не облагаемый налогом минимум доходов от кустарных промыслов, что уменьшило число плательщиков налога среди кустарей на 68 % [ГБ, 1972, с. 5]. С 1984 года была введена прогрессивная шкала подоходного налога, но при этом не облагаемый налогом минимум доходов был установлен в 70 руб.

На диаграмме (рис. 4) видно, что кривая динамики поступлений от подоходного налога с граждан в интервале с 1965 по 1987 годы имеет форму почти идеальной прямой линии, что наталкивает на определенное подозрение об искусственном нормировании данного показателя. Если в предшествующие 15 лет ежегодный абсолютный прирост этого налога колебался в диапазоне от 144 млн руб. до 591 млн руб. со средним значением около 303 млн руб., то в указанный период колебания прироста находились в диапазоне между 729 млн руб. в год до 1416 млн. руб. со средним значением 1088 млн руб. Столь значительное ежегодное увеличение доходов бюджета от подоходного налога с граждан в официальных статистических сборниках объяснялось общим ростом благосостояния населения. Однако такое объяснение на фоне рассмотренного выше сокращения налоговой базы и «подозрительного» поведения кривой линии выглядит недостаточным и требующим проверки. Проверить его можно было бы, оценив изменения объема фонда заработной платы в стране. К сожалению, напрямую данные официальной статистики не позволяют этого сделать. Но косвенно об этих

изменениях может свидетельствовать динамика фонда государственного социального страхования (рис. 4).

Рис. 4. Динамика доходов государственного бюджета СССР от подоходного налога с граждан и от взносов средств государственного социального страхования (млн руб.).

Этот фонд в 1930-е — 1940-е годы рассчитывался отдельно от государственного бюджета, но в 1950—1980-е годы входил в его структуру. Средства государственного социального страхования формировались из страховых взносов предприятий и организаций, поступлений от работников за путевки в оздоровительные лагеря и дома отдыха, прочих доходов (к которым обычно относилось возмещение расходов на выплату пособий по временной нетрудоспособности в связи с травмами или профессиональными заболеваниями), а также субсидий из союзного бюджета. Наиболее значимой статьей доходов здесь были страховые взносы предприятий. Тарифы социального страхования дифференцировались в зависимости от отрасли народного хозяйства. Распоряжаться средствами фонда должны были профессиональные союзы во главе с ВЦСПС. Каждому профсоюзу устанавливалась единая ставка, которая в 1950—70-е годы колебалась в диапазоне от 3,7 до 10,7 % к фонду заработной платы предприятия [Постановление ВЦСПС от 29.02.1960].

На диаграмме (рис. 4) показано, что между 1965 и 1981 годами объемы поступлений средств социального страхования росли довольно равномерно, но все же заметно отставали от прироста доходов бюджета от подоходного налога с населения. Таким образом, образовывался определенный разрыв между доходами работающего населения и объемами социальных выплат. Этот разрыв будет устранен путем изменения тарифных ставок, которые начали действовать с 1982 года и колебались в зависимости от

отрасли в диапазоне от 4,5 до 14 % от фонда заработной платы [Постановление СМ СССР от 23.01.1980]. Эти меры позволили аккумулировать в бюджете социального страхования сразу же на 49 % больше средств, что в абсолютном выражении составило 22,3 млрд руб. в 1982 году, то есть на 7 млрд руб. больше, чем годом ранее. В последующие годы кривая роста фонда социального страхования будет повторять контуры кривой роста подоходного налога. Доля средств государственного социального страхования в структуре доходов государственного бюджета увеличилась с 4,6 % в начале 1950-х годов до 6,7 % к 1989 году. В среднем увеличение доходов по данной статье происходило на 7 % в год (за исключением рекордного роста 1982 года) с колебаниями в пределах от 1 до 11 %. В абсолютном выражении рост составил 16,8 раза с 1,9 млрд руб. в 1950 году (с учетом переоценки 1961 года) до 33 млрд руб. к 1989 году. По нашему мнению, данные расчеты позволяют отклонить гипотезу об искусственном нормировании показателя динамики поступлений от подоходного налога с населения.

5. «Исчезнувшие», «появившиеся» и «прочие» статьи доходов

Значимой статьей доходов бюджета в первой половине 1950-х годов были государственные займы, включающие займы, реализуемые по подписке (львиная доля доходов по данной статье), внутренние выигрышные займы, поступления от приобретения государственных займов трудовыми сберегательными кассами, а также поступления средств по денежно-вещевым лотереям. Суммарно вклад данного источника дохода составлял от 5 до 8 % государственного бюджета, или 3—4 млрд руб. в год. Во второй половине 1950-х годов от практики государственных займов по подписке правительство отказалось, что привело к стремительному сокращению доли всей данной статьи доходов до 1 % к 1960 году и 0,1 % к 1965 году. В конце 1980-х годов доходы по данной статье вновь выросли за счет поступлений от внутренних выигрышных займов и денежно-вещевых лотерей (по всей видимости, из-за стремительно прогрессирующего товарного дефицита) и начали приносить казне около 2 млрд руб. в год.

Существенный вклад в доходы государственного бюджета приносил таможенный доход. Однако в доступных статистических сборниках имеются сведения о его размерах только для первой половины 1950-х годов, когда он составлял от 2,1 до 3,6 млрд руб. в год, что давало 5—6 % доходов госбюджета. В последующие периоды данная статья в статистических сборниках отсутствовала, и при расчетах автор был вынужден включать ее в прочие доходы. При этом в сборниках конца 1980-х годов в структуре доходов бюджета появляется в качестве самостоятельной новая статья — доходы от внешнеэкономической деятельности, — составляющая, например,

в 1988 году 62,6 млрд руб. (13 % всех доходов бюджета), а в 1989 году — 67,1 млрд руб. (почти 14 %). Эта статья объединяла в себе таможенные доходы и доходы от экспорта. К сожалению, выделить внутри нее цифры только по таможенному доходу не представляется возможным.

Особую значимость для бюджета СССР доходы от экспорта получили в результате резких изменений мировых цен на энергоносители в 1970-е — начале 1980-х годов, обеспечивая советской экономике приток «нефтедолларов». Данные о доходах от внешнеэкономической деятельности в официальных статистических сборниках начали отображаться лишь с 1988 года. Поэтому по предшествующим периодам судить об объемах этого показателя можно только по косвенным данным. Экспертные оценки говорят о постепенном повышении доли доходов от внешнеэкономической деятельности, начиная с конца шестидесятых годов примерно с 10—12 % от общей величины доходов до 18—20 % в начале восьмидесятых годов. По мнению С. Г. Синельникова, рост данного вида доходов в 1970-е — первой половине 1980-х годов был связан с наращиванием объемов экспорта энергоносителей, а последовавшее снижение доли данного показателя во второй половине 1980-х годов объясняется резким падением мировых цен на нефть [Синельников, 1995, с. 4].

Если некоторые важные статьи доходов официальная статистика старалась не раскрывать, то по ряду относительно мелких статей статистические сборники содержат весьма подробную информацию. Например, лесной доход, вклад которого в течение всего рассматриваемого периода не превышал уровня в 0,2 % от всех доходов госбюджета, или подоходный налог с кооперативных и общественных организаций, приносящий 0,3 — 0,4 % доходов госбюджета (за исключением пика в 1955—1960 годах, когда его доля достигала 0,8—0,9 %). Доля подоходного налога с колхозов была также невелика, 0,6 % в начале 1950-х годов, от 1 до 1,5 % в 1955—1965 годах и от 0,3 до 0,4 % в последующие годы. Местные налоги и сборы играли для госбюджета относительно заметную роль только в 1950-е годы, когда их вклад в общий доход достигал 1,5 %, а затем снизился до 0,3 %. Примечательно, что рост доходов государства от местных налогов в абсолютном выражении был самым медленным — всего в 2,3 раза, с 672 млн руб. в 1950 году до 1,5 млрд руб. к 1989 году.

Даже с учетом мелких статей дохода доступные для анализа статистические сборники по государственным бюджетам СССР не позволяют путем простого сложения всех видов доходов получить 100 %. Часть доходов оказалась полностью недоступна для исследования. Эти пропущенные значения объединялись автором статьи в категорию «прочие доходы». Их доля в бюджете долгое время нарастала. Если в 1950—1952 годах она со-

ставляла 7,5—9 %, то уже в 1953 году поднялась до 16 % и держалась на уровне 15—22 % до середины 1970-х годов, затем вновь увеличившись с 24 % в 1975 году до 34 % к 1987 году.

С 1988 года в структуре бюджета появились две новые статьи: доходы от внешнеэкономической деятельности, о которых уже говорилось выше, и «привлечение средств для обеспечения финансирования расходов» [ГБ, 1990, с. 5]. Каких-либо пояснений по содержанию данной статьи в статистических сборниках не приводится, но ее роль при комплектовании бюджетных доходов была исключительной — 90,1 млрд руб. в 1988 году (19 % бюджета) и 91,7 млрд руб. в 1989 году (18,5 %). По всей видимости, данная статья включала внешние заимствования, которые, судя по темпам роста государственного долга, принесли казне 2,9 млрд долларов США в 1986 году, 7,8 млрд в 1987, 3,8 млрд в 1988 и 11 млрд в 1989 [Гайдар, 2005, с. 345] При пересчете этих сумм в рубли по официальному курсу получается соответственно 11,6 млрд руб. в 1986 году, 31,2 млрд руб. в 1987, 15,2 млрд руб. в 1988 и 44 млрд руб. в 1989. Как видно из приведенных расчетов, внешние займы не покрывали полностью доходы бюджета по данной статье. Поэтому можно предположить, что в ней отражаются также изъятия средств из сберкасс и проводимая Госбанком денежная эмиссия. За вычетом доходов от внешнеэкономической деятельности и доходов от привлечения средств для обеспечения финансирования расходов доля прочих расходов в 1988—1989 годах снизилась до 5,5—6 %, сделав доходную часть бюджета более прозрачной. Можно предположить, что в период до 1988 года эти виды доходов также могли иметь существенное влияние, но не отражались в опубликованной статистике, формируя категорию прочих доходов.

6. Место заключения: пределы бюджетной децентрализации

Поступление доходов в государственный бюджет производилось на всех уровнях бюджетной системы СССР. Отдельные виды доходов, например, доходы от внешнеэкономической деятельности, зачислялись напрямую в бюджет Союза, другие — например, налог с оборота или подоходный налог с граждан — зачислялись в государственный бюджет, и уже оттуда министерство финансов перераспределяло их между союзным и республиканским бюджетами, третьи — например, местные налоги или подоходный налог с кооперативов — зачислялись напрямую в местные бюджеты. Отчисления от прибыли предприятий производились в бюджеты соответствующего уровня подчинения. Предприятия союзного подчинения вносили платежи в союзный бюджет, республиканского — в республиканский, областного — в областной. Такой подход делал отчисления от прибылей важнейшим источником собственных доходов для всех уровней

бюджетной системы СССР. При этом пропорции, в которых осуществлялось зачисление доходов в бюджеты разного уровня, позволяют увидеть реальные сдвиги в сфере децентрализации финансов.

Так, налог с оборота в начале 1950-х годов почти полностью зачислялся в союзный бюджет (от 86 до 92 %), к 1960 году в него передавалось уже только 64 % данного налога, с 1961 по 1973 годы в среднем в союзный бюджет зачислялось 55 % налога, с 1974 по 1983 годы — 44 %, а далее последовало довольно стремительное перераспределение в пользу республиканских и местных бюджетов. Доля союзного бюджета в поступлении данного налога последовательно убывала с 33 % в 1984 году до 27 % в 1985 году, 23 % в 1986 году, 20 % в 1987 и 11 % в 1988.

Налоги с населения в начале 1950—1951 годов делились между союзным и республиканским бюджетами в пропорции 50 % × 50 %, однако в 1952—1955 годах зачисление в союзный бюджет нормировалось уже на уровне 72 %. По периоду с 1956 по 1959 годы в статистических сборниках данные по этому показателю отсутствуют, но с 1960 по 1989 годы отмечается устойчивый переход к новой пропорции. В этот период в союзный бюджет зачислялось в среднем 43 % данного вида доходов. Причем ежегодные колебания нормы были незначительными — в границах между 39 % и 45 %.

В первой половине 1950-х годов в среднем около 65 % всех отчислений от прибыли предприятий поступало в союзный бюджет. Изменение принципов управления промышленностью во второй половине 1950-х годов привело к существенному перераспределению доходов по данной статье в пользу республиканских и местных бюджетов. Так, с 1960 по 1965 годы в союзный бюджет поступало в среднем только 34 % отчислений с прибыли. Хозяйственная реформа 1965 года вновь изменила эту пропорцию. С 1966 по 1980 годы в союзный бюджет поступало от 52 % до 59 % отчислений с прибыли со средним значением около 55 %, а с 1981 по 1989 годы — от 59 % до 65 % со средним значением — 63 %.

Историческая динамика распределения между бюджетами разного уровня основных источников доходов в целом свидетельствует о нарастающей тенденции к децентрализации советской экономики. Однако если проследить изменение доли доходов республиканских и местных бюджетов в структуре государственного бюджета СССР, то эта выявленная тенденция окажется менее однозначной. В первой половине 1950-х годов доля союзных республик в доходах государственного бюджета составляла только 23—25 %. С 1960 по 1965 годы она достигает своих максимальных значений — 57—59 %. Затем начинается ее постепенное снижение, до 50 % к 1970 году, до 47 % к 1980, до 45 % к 1985. В годы перестройки доля

доходов союзных республик вновь начала расти, достигнув к 1989 году 51,6 %. По доходам местных бюджетов прослеживается похожая динамика. Их доля в государственном бюджете в первой половине 1950-х годов держалась на уровне 13,5—15,5 %. Затем в первой половине 1960-х годов она в среднем находилась на уровне 18 %. В годы «золотой пятилетки» она незначительно поднялась до 19,4 %. Потом также последовало снижение до в среднем 17 % в 1971—1975 годах, 16 % в 1976—1980 годах и до 14 % в 1981—1985 годах. Перестройка здесь также ознаменовала рост до 21,6 % к 1989 году.

При этом в абсолютном выражении объем средств, аккумулируемых в республиканских и местных бюджетах вырос в 26 раз, с 9,7 млрд руб. в 1950 году до 254,9 млрд руб. к 1989 году, а объем собственно местных бюджетов вырос в 18 раз с 6,5 млрд руб. в 1950 году до 118,4 млрд руб. к 1989 году. Отставание местных бюджетов объясняется тем, что бюджетная система СССР ограничивала местные органы власти в установлении самостоятельных источников доходов местных бюджетов. Выше уже говорилось о том, что местные налоги и сборы за весь рассматриваемый период выросли всего в 2,3 раза. Их доля в структуре доходов местных бюджетов в первой половине 1950-х годов держалась на уровне 10 %, затем в 1960-е годы она снизилась до 3,5 %, в 1975—1985 годах она упала до 2,4 %, а в 1986—1989 годах — до 1,5 %. Данные цифры наглядно демонстрируют, что доходы местных бюджетов оказались полностью зависимыми от поступлений из вышестоящих бюджетов.

Таким образом, децентрализация бюджетной системы СССР имела свои достаточно четкие пределы. Ее основным направлением была постепенная передача бюджетных прав на уровень союзных республик, что, однако, не сопровождалось дальнейшей их передачей на уровень краев, областей и т. д. Важнейшим сдерживающим фактором децентрализации советской экономики было бюджетное регулирование, которое, с одной стороны, позволяло государству изымать в бюджет большую часть прибыли социалистического хозяйства, а с другой — держало под контролем бюджетные ресурсы местных властей. В итоге и хозяйственная, и политическая элита СССР оставались в постоянной зависимости от вышестоящих уровней управления, что являлось фундаментом сохранения командно-административной системы, а определенное перераспределение источников доходов в пользу нижестоящих бюджетных звеньев, наблюдавшееся в 1960-е годы, не нарушало основных принципов этой системы. Фактическое расширение финансовых возможностей органов местного самоуправления происходило исключительно за счет общего роста доходов государственного бюджета СССР.

Источники и принятые сокращения

1. ГБ, 1956 — *Государственный бюджет СССР* за четвертую и пятую пятилетки (1946—1950 и 1951—1955 гг.). Статистический сборник / отв. ред. Г. Дундуков, сост. Г. Дарков. Министерство финансов СССР. — Ленинград : Библиотека Минфина России, 1956. — 138 с.
2. ГБ, 1966 — *Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик*. Статистический сборник / ред. Н. В. Гаретовский, сост. Г. В. Дарков. — Москва : Финансы, 1966. — 224 с.
3. ГБ, 1972 — *Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик* 1966—1970 гг. Статистический сборник / отв. ред. В. С. Павлов, сост. Г. В. Дарков. — Москва : Финансы, 1972. — 231 с.
4. ГБ, 1976 — *Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик* 1971—1975 гг. Статистический сборник / отв. ред. В. С. Павлов, сост. Н. И. Шишкина. — Москва : Финансы, 1976. — 214 с.
5. ГБ, 1982 — *Государственный бюджет СССР и бюджеты союзных республик* 1976—1980 гг. Статистический сборник / отв. ред. и сост. В. Г. Пансков. — Москва : Финансы, 1982. — 184 с.
6. ГБ, 1987 — *Государственный бюджет СССР*. 1981 1985 гг. Статистический сборник / отв. ред. В. Г. Пансков. — Москва : Финансы и статистика, 1987. — 214 с.
7. ГБ, 1988 — *Государственный бюджет СССР*. 1988 : краткий статистический сборник / отв. В. В. Барчук. — Москва : Финансы и статистика, 1988. — 159 с.
8. ГБ, 1990 — *Государственный бюджет СССР*. 1990 : краткий статистический сборник / отв. В. В. Барчук. — Москва : Финансы и статистика, 1990. — 160 с.
9. Закон СССР от 30.10.1959 — *О бюджетных правах Союза ССР и союзных республик* : Закон СССР от 30.10.1959 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://museumreforms.ru/node/13882> (дата обращения 01.03.2020).
10. Закон РСФСР от 15.12.1961 — *О бюджетных правах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, автономных советских социалистических республик и местных советов народных депутатов РСФСР* : Закон РСФСР от 15.12.1961 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://museumreforms.ru/node/13882> (дата обращения 01.03.2020).
11. НХ, 1959 — *Народное хозяйство СССР в 1958 году*. Статистический ежегодник. — Москва : Госстатиздат, 1959. — 960 с.
12. НХ, 1960 — *Народное хозяйство СССР в 1959 году*. Статистический ежегодник. — Москва : Госстатиздат, 1960. — 920 с.
13. Постановление ВЦСПС от 29 февраля 1960 — *Об утверждении инструкции о порядке взимания страховых взносов, расходования и учета средств государственного социального страхования* : Постановление Президиума ВЦСПС от 29 февраля 1960 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5503.htm (дата обращения 25.03.2020).
14. Постановление СМ СССР от 23 января 1980 — *О тарифах взносов на государственное социальное страхование по профессиональным союзам*: Постановление Совета Министров СССР № 54 от 23 января 1980 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.base.garant.ru> (дата обращения 25.03.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Аллахвердян Д. А. Финансово-кредитная система СССР / Д. А. Аллахвердян. — Москва : Наука, 1982. — 336 с.

2. *Архипкин И. В.* Трансформация функциональной направленности налоговой политики в России XX века : автореферат диссертации ... кандидата экономических наук : 08.00.01 / И. В. Архипкин. — Москва, 2001. — 165 с.
3. *Гайдар Е. Т.* Гибель империи : уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 439 с. — ISBN 5-8243-0759-8.
4. *Гайдар Е. Т.* Долгое время. Россия в мире : очерки экономической истории / Е. Т. Гайдар. — Москва : Дело, 2005. — 655 с. — ISBN 5-7749-0389-3.
5. *Дьяченко В. П.* История финансов СССР (1917—1950 гг.) / В. П. Дьяченко. — Москва : Наука, 1978. — 496 с.
6. *Караваева И. В.* Налог с оборота как важнейший финансовый источник индустриальных преобразований / И. В. Караваева, О. В. Сиполс // Финансы и кредит. — 2007. — № 1. — С. 67—73.
7. *Либерман Я. Г.* Государственный бюджет СССР в новых условиях хозяйствования / Я. Г. Либерман. — Москва : Наука, 1970. — 366 с.
8. *Некрасов В. Л.* «Дилемма Хрущева» : реформы Госплана СССР, нефтехимический проект и вызовы холодной войны (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.) / В. Л. Некрасов. — Москва : ИВИ РАН, 2019. — 174 с. ISBN 978-5-94067-507-5.
9. *Плотников К. Н.* Доходы бюджета советского государства : очерки истории / К. Н. Плотников. — Москва : Госфиниздат, 1955. — 556 с.
10. *Рабинович Г. А.* Государственный бюджет СССР / Г. А. Рабинович. — Москва : Финансы и статистика, 1988. — 383 с.
11. *Синельников С. Г.* Бюджетный кризис в России : 1985—1995 годы / С. Г. Синельников. — Москва : Евразия, 1995. — 370 с. — ISBN 5-88268-014-X.
12. *Ханин Г. И.* Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые / Г. И. Ханин // Свободная мысль — XXI. — 2002. — № 5. — С. 72—94.
13. *Ясин Е. Г.* Российская экономика : Истоки и панорама рыночных реформ : курс лекций / Е. Г. Ясин. — Москва : ГУ ВШЭ, 2002. — 437 с. — ISBN 5-7598-0107-4.

MATERIAL RESOURCES

- GB, 1956 — *The State budget of the USSR for the fourth and fifth five-year plans (1946—1950 and 1951—1955). Statistical collection. Ministry of Finance of the USSR.* (1956). Leningrad: Library of the Ministry of Finance of Russia. 138 p. (In Russ.).
- GB, 1966 — *The State Budget of the USSR and the budgets of the Union republics. Statistical collection.* (1966). Moscow: Finance. 224 p. (In Russ.).
- GB, 1972 — *The State Budget of the USSR and the budgets of the Union republics of 1966—1970. Statistical collection.* (1972). Moscow: Finance. 231 p. (In Russ.).
- GB, 1976 — *The State Budget of the USSR and the budgets of the Union republics of 1971—1975. Statistical collection.* (1976). Moscow: Finance. 214 p. (In Russ.).
- GB, 1982 — *The State Budget of the USSR and the budgets of the Union republics of 1976—1980. Statistical collection.* (1982). Moscow: Finance. 184 p. (In Russ.).
- GB, 1987 — *State Budget of the USSR. 1981—1985. Statistical collection.* (1987). Moscow: Finance and Statistics. 214 p. (In Russ.).
- GB, 1988 — *State Budget of the USSR. 1988: a brief statistical collection.* (1988). Moscow: Finance and Statistics. 159 p. (In Russ.).
- GB, 1990 — *The State budget of the USSR. 1990: a brief statistical collection.* (1990). Moscow: Finance and Statistics. 160 p. (In Russ.).

- NH, 1959 — *The National Economy of the USSR in 1958. Statistical Yearbook.* (1959). Moscow: Gosstatizdat. 960 p. (In Russ.).
- NX, 1960 — *The National economy of the USSR in 1959. Statistical Yearbook.* (1960). Moscow: Gosstatizdat. 920 p. (In Russ.).
- On budget rights of the USSR and the Union Republics: The Law of the USSR of 30.10.1959.* Available at: <http://museumreforms.ru/node/13882> (accessed 01.03.2020). (In Russ.).
- On budget rights of the Russian Soviet Federative Socialist Republic, Autonomous Soviet Socialist Republics and local Councils of People's Deputies of the RSFSR: The Law of the RSFSR of 15.12.1961.* Available at: <http://museumreforms.ru/node/13882> (accessed 01.03.2020). (In Russ.).
- On the approval of the instructions on the procedure for collecting insurance premiums, spending and accounting of state social insurance funds: The Resolution of the Presidium of the VTSPS of February 29, 1960.* Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5503.htm (accessed 25.03.2020). (In Russ.).
- On the rates of contributions to state social insurance for trade unions: Resolution of the Council of Ministers of the USSR № 54 of January 23 1980.* Available at: <http://www.base.garant.ru> (accessed 25.03.2020). (In Russ.).

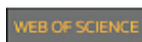
REFERENCES

- Allakhverdyan, D. A. (1982). *Financial and credit system of the USSR.* Moscow: Nauka. 336 p. (In Russ.).
- Arkhipkin, I. V. (2001). *Transformation of the functional orientation of tax policy in Russia of the twentieth century.* Author's of PhD Diss. Moscow. 165 p. (In Russ.).
- Dyachenko, V. P. (1978). *Financial history SSSR (1917—1950).* Moscow: Nauka. 496 p. (In Russ.).
- Gaidar, E. T. (2005). *Long time. Russia in the world: essays on Economic History.* Moscow: Delo. 655 p. ISBN 5-7749-0389-3. (In Russ.).
- Gaidar, E. T. (2006). *The Death of the Empire: lessons for modern Russia.* Moscow: ROSSPEN. 439 p. ISBN 5-8243-0759-8. (In Russ.).
- Karavaeva, I. V., Sipols, O. V. (2007). The turnover Tax as an important financial source of industrial transformation. *Finance and credit, 1:* 67—73. (In Russ.).
- Khanin, G. I. (2002). Decade of the triumph of the Soviet economy. Years of the fifties. *Free thought-XXI, 5:* 72—94. (In Russ.).
- Lieberman, J. G. (1970). *The State budget of the USSR in the new economy.* Moscow: Nauka. 366 p. (In Russ.).
- Nekrasov, V. L. (2019). «Khrushchev's Dilemma»: *The reforms of the State Planning Committee of the USSR, the petrochemical project and the challenges of the Cold War (the second half of the 1950s — the first half of the 1960s).* Moscow: IVI RAS. 174 p. ISBN 978-5-94067-507-5. (In Russ.).
- Plotnikov, K. N. (1955). *Budget revenues of the Soviet state: essays on history.* Moscow: Gosfinizdat. 556 p. (In Russ.).
- Rabinovich, G. A. (1988). *State budget of the USSR.* Moscow: Finance and Statistics. 383 p. (In Russ.).
- Sinelnikov, S. G. (1995). *The budget crisis in Russia: 1985—1995.* Moscow: Eurasia. 370 p. ISBN 5-88268-014-X. (In Russ.).
- Yasin, E. G. (2002). *Russian economy: The origins and panorama of market reforms: a course of lectures.* Moscow: Higher School of Economics. 437 p. ISBN 5-7598-0107-4. (In Russ.).

Благодер Ю. Г. Тернистый путь на Восток: экспедиция в Китай советника канцелярии В. Ф. Братищева в 1757 году / Ю. Г. Благодер // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 290—303. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-290-303.

Blagoder, Yu. G. (2021). Thorny Way to the East: Expedition to China of Adviser to the Chancellery V. F. Bratishchev in 1757. *Nauchnyi dialog*, 4: 290-303. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-290-303. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-290-303

**Тернистый путь на Восток:
экспедиция в Китай
советника канцелярии
В. Ф. Братищева в 1757 году**

Благодер Юлия Гариевна
orcid.org/0000-0001-5257-1188
доктор исторических наук, доцент,
blagoder_1@mail.ru

федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Кубанский государственный
технологический университет»

(Краснодар, Россия)

**Thorny Way to the East:
Expedition to China
of Adviser to the Chancellery
V. F. Bratishchev in 1757**

Yulia G. Blagoder
orcid.org/0000-0001-5257-1188
Doctor of History, Associate Professor,
blagoder_1@mail.ru

Federal State Budgetary Educational
Institution of Higher Education “Kuban
State Technological University”

(Krasnodar, Russia)

© Благодер Ю.Г., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлены факты, свидетельствующие о намерении Российской империи в середине XVIII века установить равноправные взаимовыгодные отношения с Китаем. Приводятся фрагменты архивных документов (указов, памятных записок, инструкций, рапортов и проч.) об экспедиции курьера В. Ф. Братищева. Основное внимание уделяется анализу документов, в которых представлены описания длительной подготовки дипломатического визита, переговоров В. Ф. Братищева с цинскими чиновниками в Китае. Оценивается степень информативности документальных источников. Документы демонстрируют серьезное намерение российской администрации решить путем переговоров политические и экономические вопросы, которые позволили бы Российской империи усилить свои позиции на Дальнем Востоке. В статье отмечены принципы функционирования административной системы Российской империи середины XVIII века. Автор данной статьи считает дипломатический визит В. Ф. Братищева примером столкновения принципов европоцентризма, которые активно завоевывали позиции в политике российской правящей элиты, и представлений жителей Срединной империи о превосходстве собственной цивилизации, окруженной варварами. Изучение данного исторического события и учет допущенных дипломатических ошибок актуальны как для исторической науки, так и современного политического межгосударственного взаимодействия.

Ключевые слова:

Российская империя; Китай; российско-китайские отношения; российские дипломаты; В. Ф. Братищев; Великая империя Цин.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The facts testifying to the intention of the Russian Empire in the middle of the 18th century to establish equal mutually beneficial relations with China is presented in the article. Fragments of archival documents (decrees, memoranda, instructions, reports, etc.) about the expedition of the courier V. F. Bratishchev are given. The main attention is paid to the analysis of documents, which provide descriptions of the long preparation of the diplomatic visit, negotiations of V. F. Bratishchev with Qing officials in China. The degree of informativeness of documentary sources is assessed. The documents demonstrate the serious intention of the Russian administration to resolve political and economic issues through negotiations that would allow the Russian Empire to strengthen its position in the Far East. The article notes the principles of functioning of the administrative system of the Russian Empire in the middle of the 18th century. The author of this article considers the diplomatic visit of V. F. Bratishchev to be an example of the clash between the principles of Eurocentrism, which were actively gaining positions in the policy of the Russian ruling elite, and the ideas of the inhabitants of the Middle Empire about the superiority of their own civilization, surrounded by barbarians. Studying this historical event and taking into account the diplomatic mistakes made are relevant both for historical science and modern political interstate interaction.

Key words:

Russian Empire; China; Russian-Chinese relations; Russian diplomats; V. F. Bratishchev; Great Qing Empire.

Тернистый путь на Восток: экспедиция в Китай советника канцелярии В. Ф. Братищева в 1757 году

© Благодар Ю.Г., 2021

1. Введение

Прошло 265 лет со времени подписания императрицей Елизаветой Петровной указа Коллегии иностранных дел (май 1756 года) о направлении советника канцелярии Василия Федоровича Братищева курьером в Китай. В научной литературе, посвященной истории взаимоотношений России со странами Востока, этому историческому сюжету уделяется достаточно мало внимания. Между тем, академиком В. С. Мясниковым, Г. И. Саркисовой была проведена серьезная работа по отбору, систематизации и опубликованию документов 1752—1765 годов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи [Мясников, 2011; Саркисова, 1991; Саркисова, 1993]. Сборник «Русско-китайские отношения в XVIII веке. Документы и материалы. Т. VI» (ответственный редактор академик С. Л. Тихвинский) [Русско-китайские отношения ..., 2011] содержит Указы российских самодержцев, Правительствующего Сената и Коллегии иностранных дел; промемории (памятные записки), направленные из столицы в провинцию; инструкции, запросы административных учреждений, канцелярские цидулы (краткие записки, сообщения, распоряжения); письма, рапорты, докладные записки чиновников и доношения участников дипломатической миссии. Часть материалов касается визита в Китай В. Ф. Братищева.

Несмотря на то, что доступ к уникальным материалам свободен, интерес ученых к данной теме сегодня ослаблен. Как часто бывает, победы одних людей затмевают неудачи других. Исследователи больше внимания уделяют анализу межгосударственных договоров, которые внесли существенный вклад в развитие российско-китайских отношений, продемонстрировав образец «победной» дипломатии. Примером могут служить описания успехов предшественников Л. В. Измайлова, С. Л. Владиславича-Рагузинского (первая половина XVIII века) и последователей В. П. Ковалевского, Н. Н. Муравьева, Н. П. Игнатьева (XIX в.) и других.

Представленное исследование отличает детальное изучение документов, касающихся исторических событий середины XVIII столетия. Это позволило, во-первых, представить цельную картину экспедиции курьера В. Ф. Братищева; во-вторых, отметить множество исторических деталей не только о Китае и российской дипломатической миссии в это государство,

но и о Российской империи того времени: организации ее системы управления, особенностях административной практики, способах и проблемах коммуникации в плоскости «столица-провинция», взаимодействия между ведомствами и их служащими, путях решения финансовых вопросов чиновниками, прежде всего, российского Дальнего Востока.

2. Подготовка дипломатического визита В. Ф. Братищева в Китай

Российская империя ставила перед собой амбициозные задачи укрепления своих позиций на Дальнем Востоке. Для их реализации требовалось расширить торговлю и закрепить право беспрепятственно следовать по р. Амур. Кроме того, требовали обсуждения текущие вопросы, в частности, об усилении контроля китайской стороны за действием монголов в приграничных землях. Резолюция Коллегии иностранных дел от 28 июля 1754 года — отправная точка подготовительного этапа новой дипломатической экспедиции в Китай [Русско-китайские отношения ..., 2011, с. 40—41]. Как отмечалось выше, в мае 1756 года императрица Елизавета Петровна подписывает указ Коллегии иностранных дел о направлении российских представителей в Китай. Причем в Указе в первую очередь отмечается необходимость «домогаться у китайского богдыхана присылке сюда посольства» [Там же, с. 42] и, как только это произойдет, отправить в Китай ответное посольство. По мнению российской правительницы, таким должен быть первый шаг на пути установления равноправных дипломатических отношений.

Обязанность возглавить миссию была возложена на В. Ф. Братищева. Судьба этого дипломата примечательна и заслуги его перед Отечеством достаточно велики. Как сын священнослужителя, он имел возможность изучать науки в Славяно-греко-латинской академии. Ознакомление с восточными языками проходило под патронажем Г. Я. Кера в Коллегии иностранных дел. Расширение знаний о Востоке, совершенствование арабского и персидского языков продолжилось в Персии, Закавказье. Карьера складывалась достаточно сложно: взлеты сменялись падениями. После возвращения на родину из Персии он испытывал крайнюю нужду, о чем свидетельствует Доношение, отправленное в ноябре 1752 года в Коллегию иностранных дел [Русско-китайские отношения ..., 2011, с. 32]. Описывая свое нищенское существование, он просил о восстановлении жалования, снабжении средствами для частичного погашения долгов и обеспечения успешного несения службы. Доклад Коллегии иностранных дел императрице Елизавете I содержит подробный рассказ о службе В. Ф. Братищева в Персии, доносах, поступивших на него, и проведенном разбирательстве, восстановившем доброе имя российского резидента при дворе персидского шаха. Указом российской правительницы назначает В. Ф. Братищева советником канцелярии

с ежегодным жалованием 1200 рублей и отдает распоряжение выплатить по 600 рублей жалования за годы, прожитые в России после возвращения из Персии. Впрочем, Штатс-контора не спешила с выплатой денег, ссылаясь на их отсутствие. О разбирательстве этого вопроса свидетельствуют просьба В. Ф. Братищева о помощи, направленная в Коллегию иностранных дел 12 июня 1756 года, прошение Коллегии иностранных дел в Правительствующий Сенат обязать указанное выше ведомство осуществить выплаты, промемория Коллегии иностранных дел в Штатс-контору о намечающейся экспедиции в Китай, участии в ней В. Ф. Братищева и необходимости произвести ему денежную выплату [Там же, с. 45—51].

Вступив в новую должность, советник канцелярии направляется в Китай. Несмотря на ранг курьера, ему вменялись в обязанность не только передача документов, но и решение важных задач: договориться о свободном судоходстве по р. Амур, что имело неоспоримую выгоду для России, а также, получить согласие императора на обучение китайскому и маньчжурскому языкам российских учеников в Пекине и обмен посольствами «для возобновления соседней дружбы» [Там же, с. 36], обсудить приграничные вопросы.

Коллегия иностранных дел серьезно подошла к подготовке предстоящей экспедиции. Принимая во внимание тот факт, что руководитель экспедиции не владел китайским языком, с ним были отправлены переводчик монгольского языка Василий Шарин и Ефим Сахновский, хорошо изучивший китайские язык и традиции во время обучения в IV Российской Духовной миссии в Пекине и службы на кяхтинской таможне. Сопровождать курьера из Селенгинска и обратно и следить за безопасностью должны были селенгинский комендант В. В. Якоби и трое солдат.

Материальное обеспечение было следующим. Все участники путешествия получали жалованье за год вперед. Кроме того, курьеру предоставлялись 1500 рублей на содержание за пределами России, и для различных нужд выделялась пушнина, наиболее ценная, чтобы не вызвать насмешки иноземцев, на сумму до 500 рублей. Как свидетельствуют документы, специальные подарки из Петербурга не отправлялись. По усмотрению курьера, одаривание должно было производиться мягкой рухлядью. Согласно ведомости от 20 мая 1757 года, в Иркутском казначействе были получены 51 ангарский соболь и 10 камчатских бобров на сумму 400 рублей 40 копеек по охотским и ангарским ценам (500 рублей по переоценке, произведенной в Иркутске) [Русско-китайские отношения ..., 2011, с. 166]. Поручик В. В. Якоби получил на дорожный проезд и содержание дополнительно 300 рублей. Двум толмачам и трем солдатам сверх годового жалования выдано мягкой рухляди на 30 рублей для обмена на серебро или золото [Там же, с. 78—79, 150]. Об указанных выше средствах, предполагаемых

В. Ф. Братищеву, сообщает и отдельный указ российской императрицы [Там же, с. 44]. Канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, чтобы ускорить передвижение членов дипломатической миссии, распорядился выделить почтовые и уездные подводы вместо ямских [Там же, с. 53].

3. Пребывание в Китае В. Ф. Братищева и его свиты

29 августа 1757 года курьер со своей свитой прибыл в Пекин. При себе он имел документы: Листы от Правительствующего Сената к «тамошнему Трибуналу» [Там же, с. 53—54] на русском и латинском языках, свидетельствующие о его полномочиях и содержащие предложения урегулировать возникшие конфликты с монголами (с перечнем убытков, понесенных россиянами), паспорт с государственной печатью и переводом на латинский язык и Инструкцию, выданную Коллегией иностранных дел. Пункт 11 последнего документа требовал «пристойными способами разведывать» [Там же, с. 60] численность войск империи Цин, характер отношений китайцев с джунгарами и местного населения со служителями православной и католической церкви.

В Пекине Российский Посольский двор находился в крайнем запустении, поэтому путешественникам оказал поддержку глава V Духовной миссии архимандрит Амвросий. Он разместил их в кельях православного монастыря. Этот факт войдет в историю плодотворного сотрудничества российских священнослужителей и дипломатов на территории Китая [Благодер, 2009, с. 34—41]. Иноземцы все время находились под пристальным контролем: Посольский двор окружал «многолюдный караул под видом охранения» [Русско-китайские отношения ... 2011, с. 200].

Первый визит 30 августа В. Ф. Братищев, как и полагалось, нанес чиновникам Лифаньюаня или, как именovali европейцы, «Палаты внешних сношений», чтобы вручить официальные бумаги («Листы Правительствующего сената»). Пришлось приложить немало усилий для того, чтобы получить возможность продолжить обсуждение намеченных вопросов с представителями более высокого ранга.

11 сентября В. Ф. Братищев и его переводчики были приняты в летней императорской резиденции Жэхэ. Российский курьер обратил внимание цинских чиновников (в «Журнале бытности в Пекине» он их именует «алиха амбань, асхани амбань и князь Хутуринга» или «хинские господа министры», «китайские министры» [Русско-китайские отношения ..., 2011, с. 175]), на то, что решение проблемы доставки продовольствия жителям Охотского и Удского острогов и иных поселений российского Дальнего Востока возможно лишь судами из Нерчинска через Ингоду в Амур и далее морем. От имени Правительствующего сената было дано заверение, что в случае, если император разрешит российским судам беспрепятствен-

но следовать по реке Амур, то китайские подданные будут защищены от малейших обид. Далее были представлены факты, свидетельствующие о грабежах, убийствах мирных жителей российских поселений монголами, проживающими на территории подконтрольной империи Цин. Для того чтобы пресечь преступления, российская сторона предлагает установить караулы с двух сторон границы. От имени Правительствующего сената В. Ф. Братищев обратился с просьбой разрешить проживание в Пекине россиян, проявивших желание изучать маньчжурский и китайский языки. Обращение российского курьера к высокопоставленным чиновникам завершилось предложением осуществить обмен посольствами: императрица Елизавета Петровна ожидала посольство империи Цин с поздравлениями по случаю ее восшествия на престол и изъявляла готовность отправить ответное с немалыми дарами. Таким образом, мы видим, что В. Ф. Братищев четко следовал инструкциям, данным ему в России.

Результаты дипломатического визита были неоднозначны. Положительно решился только вопрос о возможности российским ученикам продолжить занятия в Пекине. Отмечалось намерение направить чиновникам в Урге предписание разобраться в сути приграничных ссор между монголами и россиянами. Окончательное решение «пограничного вопроса» предусматривало участие высокопоставленных представителей российской стороны. Решение вопроса о свободном судоходстве на р. Амур, по словам чиновников, требовало серьезного обдумывания и, в связи с этим, откладывалось. В своем Журнале пребывания в Пекине курьер отмечает: пользующийся неограниченным доверием императора министр Фугун интересовался у своего переводчика, российская сторона обращается с просьбой о единовременной милости императора пропустить суда или речь идет о регулярном свободном судоходстве. Безусловно, речь шла о закреплении равных прав, но четкой формулировки в российских документах не было. По мнению о. Сигизмунда, весьма расположенного к В. Ф. Братищеву, цинское правительство опасалось, что северный сосед еще больше укрепит свои позиции на приамурских территориях и, воспользовавшись благоприятной ситуацией, начнет захват земель. В докладе правителю Срединной империи о прошедшей беседе чиновники, опасаясь вызвать его гнев, умолчали о дерзком предложении варваров, какими видели в Китае всех иноземцев, отправить посольство в Россию. В. Ф. Братищеву дали понять, что воцарение российской императрицы произошло слишком давно, 15 лет назад, и нового повода для организации посольства пока нет.

Результаты миссии могли быть более благоприятными, если бы не стоял так остро «джунгарский вопрос». Империя Цин стремилась полностью подчинить Джунгарию и Восточный Туркестан. Оказывая помощь джун-

гарским беженцам, Россия вызвала недовольство императора. Из письма В. Ф. Братищева селенгинскому коменданту В. В. Якоби узнаем о том, что, получив тревожные известия, правитель Китая «пришел в жестокую запальчивость» и грозил прислать к российским границам армию [Там же, с. 198—199]. Несмотря на то, что этот вопрос не был вынесен российской стороной на обсуждение, судя по всему, действия России негативно сказывались на межгосударственных отношениях, в общем, и на данном визите российского курьера, в частности. Кроме того, следует принять во внимание тот факт, что контакты с представителями цинских властей велись с помощью небеспристрастного посредничества иезуитов, скрыто препятствовавших установлению дружественных отношений между приграничными державами.

В Пекине 29 сентября российский курьер был вновь принят в Лифаньюане, где ему был вручен ответный «Лист Правительствующему Сенату». Как требовала давно сложившаяся традиция, курьерам вручались подарки императора. Так, В. Ф. Братищев получил «две коробки серебра весом во сто лан, пять штук разных шелковых материй и два тюня или 24 конца китайки»; И. В. Якоби получил «одну коробку серебра весом в 50 лан, три штуки разных шелковых материй и 13 концов китайки» [Там же, с. 187], серебром и тканями были одарены и остальные члены миссии. В. Ф. Братищев «пристойно благодарил» императора за проявленную милость, «удовольственное содержание» [Там же, с. 187] в столице империи Цин, за подарки.

Вернувшись на родину, курьер представил отчет о расходовании выделенных средств, прежде всего пушнины, предоставленной для одаривания. Согласно отчету Секретной экспедиции Коллегии иностранных дел, 5 соболей были подарены приставу Санлою, согласившемуся пропускать на Посольский двор «надобных людей», 6 соболей — монголам, сопровождавшим российскую экспедицию. Продав оставшуюся рухлядь, В. Ф. Братищев выручил 520 лан серебра (884 рубля) [Там же, с. 224]. Судя по длительной переписке, дальнейшая судьба этого серебра вызовет интерес различных ведомств. Бумаги довольно долго, причем неоднократно, будут «кочевать» из Кяхтинской таможни в Сибирский Приказ, далее в Коллегию иностранных дел, Правительствующий Сенат и обратно. Причиной неприятного разбирательства послужил рапорт директора Кяхтинской таможни Еремея Владыкина о том, что серебро В. Ф. Братищевым не было указано в росписи. Между тем вывезенные из Китая вещи были оценены и отмечены клеймом, за них была выплачена пошлина. Серебро находилось вместе с иными вещами, но досмотрено не было. Впоследствии глава миссии передал его В. В. Якоби на сохранение до получения дальнейших инструкций. Как писал В. Ф. Братищев в Коллегию иностранных дел, таможня, проводя досмотр, «не всю свою должность исправила»,

а на него «сомнение возымела» [Там же, с. 226]. Чтобы сохранить свое доброе имя, советник канцелярии просил Коллегию иностранных дел сообщить об истинном положении дел в Правительствующий Сенат, откуда ранее поступил указ разобраться, как и для чего было вывезено серебро. Опрос всех участников инцидента показал, что произошла «неумышленная оплошность». Убытки казна не понесла, и расследование этого дела завершилось благополучно. Анализ документов позволяет представить бюрократическую Россию XVIII века, в которой царила строгая иерархия, отсутствовала самостоятельность служащих в принятии решений даже по малозначимым вопросам, велась длительная переписка между ведомствами, замедляющая темп политической жизни. Ускорение ведению дел придавало лишь личное вмешательство императрицы и Правительствующего Сената. Документы свидетельствуют о том, что в стране уживались аккуратность в ведении дел и служебная халатность.

4. Заметки о Китае, составленные курьером В. Ф. Братищевым

Впечатления российского курьера от поездки были им отражены в Журнале экспедиции, Доношении в Коллегию иностранных дел, а также литературном сочинении «Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую бытность в Пекине». В. Ф. Братищев дублирует известные ранее сведения из истории Китая, делает пометки о местных достопримечательностях (например, Великой Китайской стене) и бытовой архитектуре.

На фоне идеализации Китая всемогущего цинского правителя Айсинь Цзюэлю Хун Ли в Европе XVIII века считали примером просвещенного монарха. В. Ф. Братищев же отметил в нем весьма горячий темперамент, гордость, склонность к тирании, жестокость к подчиненным. Впрочем, все китайцы и маньчжуры получают нелестную характеристику: «гордыми мнениями надуты», так как считают свое государство центром мира, «по застенелости и упрямству» не признают высокий статус правителей других стран [Там же, с. 201].

Несомненную ценность представляет информация об особенностях организации китайской административной системы. В документах присутствуют сюжеты о службе местных чиновников. Достаточно подробно характеризуются функциональные обязанности и принципы вознаграждения представителей чиновничества каждого класса. Автор отмечает, что полиция «в исправности состоит <...> весьма крепко смотрит, чтобы нигде <...> бесчинств не происходило <...> продерзости строго унимают» [Братищев, 2011, с. 337].

Автор «Осведомления» подчеркивает высокий уровень научных знаний в империи Цин, перечисляет астрономические инструменты

Пекинской обсерватории, описывает своеобразную систему книгопечатания.

Российский курьер описал духовную жизнь восточной страны. Уделено внимание истории становления и основным принципам конфуцианства, его влиянию на функционирование административной системы. Многое из того, что не соответствовало привычной русской традиции, а именно: религиозный синкретизм, сложные иероглифы, необычное звучание музыкальных инструментов — российский путешественник оценил негативно.

В «Осведомлении» описываются монеты и бумажные деньги, присутствует характеристика отдельных элементов китайской экономики: отмечаются отсутствие купеческих компаний, наделенных императорскими привилегиями, и наличие широкой сети таможен для сборов пошлины.

В документах, направленных В. Ф. Братищевым в Коллегию иностранных дел, а также в «Осведомлении» Китай предстает малопривлекательным. Российский курьер отмечает отдельные детали, касающиеся вопросов политики, дипломатии, беря за основу собственные наблюдения, а исторические заметки, описания быта, элементов местной культуры черпает из трудов Вольтера. Незатейливые характеристики китайской жизни, несмотря на свою содержательную неполноценность и простоту, все же позволили автору воссоздать достаточно широкую картину жизни Китая середины XVIII века. Впрочем, подобные яркие, но поверхностные описания внесли немалый вклад в формирование в просвещенных умах российского общества идеализированного образа Китая.

Многие китайские и маньчжурские слова (имена политических деятелей, географические наименования), даты исторических событий, которые записал российский курьер, были впоследствии исправлены И. К. Россохиным. Как предполагал востоковед, ошибки были допущены из-за незнания В. Ф. Братищевым китайского и маньчжурского языков и получения сведений от европейских миссионеров.

Непростая экспедиция В. Ф. Братищева в Китай завершилась. Изучив привезенные из Пекина документы, Коллегия иностранных дел отметила ее низкую результативность, о чем незамедлительно уведомила Правительствующий Сенат. По мнению исследователей архивных материалов того времени, вероятно, именно это обстоятельство, повлияло на дальнейшую карьеру В. Ф. Братищева. Несмотря на богатый опыт, он был отстранен от дипломатической работы и продолжал службу в Штатс-конторе, а затем — в Юстиц-конторе.

5. Заключение

Анализ документальных материалов показал, что в Российской империи середины XVIII века присутствовал интерес к установлению взаимовыгод-

ных отношений с Китаем, но неудача миссии В. Ф. Братищева продемонстрировала отсутствие желания российской элиты считаться со спецификой китайского мировосприятия. Мы видим выразительный пример столкновения во внешней политике принципов европоцентризма и китаецентризма. Не был в должной степени учтен опыт предшественников (Л. В. Измайлова, С. Л. Владиславича-Рагузинского). Как отмечает профессор Н. А. Самойлов, «на протяжении длительного исторического времени дихотомия “Китай — варвары” являлась важнейшим элементом модели мира, в которой китайский император воспринимался правителем» [Самойлов, 2019, с. 116]. Российская сторона не приняла должных мер для достижения успеха. Следует отметить, что на курьера, не обладающего широкими полномочиями, были возложены посольские обязанности. В Китае церемонии приема послов «варваров» придавали большое значение. Не последнюю роль играло поднесение «дани». Зная об этом, в России сочли, что курьерская миссия вполне допускала невысокий чин ее главы, малочисленность свиты, отсутствие особых знаков внимания по отношению к правителю империи Цин (к примеру, отправку даров). В результате визит В. Ф. Братищева цинской элитой был воспринят как малозначащее событие. В свете сказанного становится понятно, почему цели установить равноправные отношения, получить согласие на свободное судоходство по р. Амур достигнуты не были, а просьба вновь принимать российских учеников, желающих познать основы китайского и маньчжурского языков, не противоречащая политике по отношению к данникам, была удовлетворена. Европейская практика показывала, что обмен посольствами может способствовать установлению равноправных дипломатических отношений, но Китай в середине XVIII века следовал своим традиционным принципам [Самойлов, 2006, с. 114—121]. Кроме того, проблема расширения геополитического влияния уже начала заявлять о себе. Как отмечалось ранее, столкновение интересов («джунгарский вопрос») негативно сказалось на результатах экспедиции 1757 года.

Не стоит исключать и субъективные факторы. Обратим внимание на личность российского курьера. Бесспорно, В. Ф. Братищев имел солидный дипломатический опыт. Но была ли его кандидатура удачной для решения серьезных задач в Китае? Он не владел китайским или маньчжурским языками, не разбирался в тонкостях китайской внешней политики, во многом полагался на протекцию европейских миссионеров, не учитывая того, что они вели свою игру и не желали усиления позиций России. Четкое следование инструкциям, полученным на родине, свидетельствует о его исполнительности и осторожности, что является немаловажным для дипломата, но этого оказалось недостаточно. Европейцы достигли в Китае большего результата благодаря хитрости, таланту завязывать полезные знакомства,

плести интриги, проявлять щедрость по отношению к цинским сановникам, способным оказать содействие. Анализ документов показал, что практически всю пушнину, выделенную специально для удовлетворения текущих нужд и одаривания местных чиновников, В. Ф. Братищев выгодно продал и вырученные средства вернул в российскую казну. Как отмечал в Журнале экспедиции российский курьер, он ожидал, что после вручения ответных «Листов» цинские чиновники прокомментируют их содержание, но это не произошло. Надежда курьера на откровенность чиновников свидетельствует о непонимании им специфики местной дипломатической традиции. Однако следует учитывать, что в середине XVIII века большая часть населения Российской империи вообще не имела представления о дальневосточных землях и Китае, а в сознании представителей элитарных кругов образ Китая формировался на основе весьма искаженных сведений, поступавших из Европы, и экзотических изделий китайского декоративно-прикладного искусства, занимавших особое место в интерьерах императорских резиденций и дворцов знати. Согласие возглавить экспедицию в столь отдаленное и малоизученное государство говорит о неординарных личностных качествах В. Ф. Братищева, его решительности и смелости.

Коллегией иностранных дел была проведена большая подготовительная работа по сбору информации, которая могла бы пригодиться курьеру, но не было сделано главное: не дана объективная оценка потенциала Китая, не проведен анализ достижений и ошибок предшественников. Подводя итог, назовем те факторы, в которых следует искать корни дипломатической неудачи миссии 1757 года: во-первых, европоцентристский подход российских правителей к ведению внешней политики; во-вторых, игнорирование критических замечаний русских (российских) послов XVII — первой половины XVIII века в Китай и принятие идеализированного образа этого восточного государства, созданного европейцами; в-третьих, отсутствие в России дипломатов, владеющих языками народов Центральной и Восточной Азии, хорошо знающих их историю и традиции, понимающих специфику цинской дипломатии.

Между Российской империей и Великой империей Цин как сопредельными державами должны были сложиться и складывались «особые» отношения. Анализ посольских экспедиций XVIII столетия, в том числе и В. Ф. Братищева, показал, как тяжело Россия искала свой дипломатический путь в Китай.

Источники и принятые сокращения

1. *Братищев В. Ф.* Осведомление или некоторое поверение Вольтеровых о Китае примечаний, собранное в краткую Братищева бытность в Пекине / В. Ф. Братищев //

Русско-китайские отношения в XVIII веке : документы и материалы. Т. 6. 1752—1765 / отв. ред. С. Л. Тихвинский. — Москва : Памятники исторической мысли, 2011. — С. 331—339.

2. *Русско-китайские* отношения в XVIII веке : документы и материалы. Т. 6. 1752—1765 / отв. ред. С. Л. Тихвинский. — Москва : Памятники исторической мысли, 2011. — 429 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Благодер Ю. Г.* Роль сотрудников Русской духовной миссии в Пекине в формировании представлений о Китае в российском обществе XIX в. / Ю. Г. Благодер // Известия Алтайского государственного университета. — 2009. — № 4—1 (64). — С. 34—40.

2. *Мясников В. С.* Русская дипломатия и Китай (середина XVIII века) / В. С. Мясников // Русско-китайские отношения в XVIII веке : документы и материалы. Т. 6. 1752—1765. — Москва : Памятники исторической мысли, 2011. — С. 7—23.

3. *Самойлов Н. А.* Изучение истории социокультурного взаимодействия России и Китая: традиционные подходы и новые парадигмы / Н. А. Самойлов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2006. — № 4. — С. 114—121.

4. *Самойлов Н. А.* Эволюция представлений о китайском миропорядке и даннической системе в эпоху Цин / Н. А. Самойлов / XXX Международный конгресс по востоковедению и историографии стран Азии и Африки : к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869—1930). 19—21 июня 2019 г. : материалы конгресса. — Санкт-Петербург : НП-Принт, 2019. — С. 116—117.

5. *Саркисова Г. И.* Братищев В. Ф. и его миссия в Пекине в 1757 г. / Г. И. Саркисова // Проблемы Дальнего Востока. — 1993. — № 3. — С. 135—147.

6. *Саркисова Г. И.* Российский дипломат В. Ф. Братищев / Г. И. Саркисова // Общество и государство в Китае : тезисы докладов XXII научной конференции. — Москва : Восточная литература, 1991. — № 3. — С. 102—118.

MATERIAL RESOURCES

Bratishchev, V. F. (2011) Information or some belief of Voltaire's about China notes, collected in a brief Bratishchev stay in Beijing. In: *Tikhvinsky, S. L. (ed.). Russian-Chinese relations in the 18th century: documents and materials. 1752—1765.* Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 6: 331—339. (In Russ.).

Tikhvinsky, S. L. (ed.). (2011). *Russian-Chinese relations in the 18th century: documents and materials. 1752—1765.* Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 429 p. (In Russ.).

REFERENCES

Blagoder, Yu. G. (2009). The role of the staff of the Russian Spiritual Mission in Beijing in the formation of ideas about China in Russian society in the 19th century. *Bulletin of Altai State University*, 4—1 (64): 34—40. (In Russ.).

Myasnikov, V. S. (2011). Russian diplomacy and China (mid. XVIII century). In: *Tikhvinsky, S. L. (ed.). Russian-Chinese relations in the 18th century: documents and materials. 1752—1765.* Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. 6: 7—23. (In Russ.).

- Samoylov, N. A. (2006). Studying the history of socio-cultural interaction between Russia and China: traditional approaches and new paradigms. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 4: 114—121. (In Russ.).
- Samoylov, N. A. (2019). Evolution of ideas about the Chinese world order and tributary system in the Qing era. In: *XXX International Congress on source study and historiography of Asian and African Countries: To the 150th anniversary of academician V. V. Bartold (1869—1930): congressional notes*. St. Petersburg: NP-Print. 116—117. (In Russ.).
- Sarkisova, G. I. (1991). Russian diplomat V. F. Bratishchev. In: *Society and state in China: abstracts of reports: XXII scientific conferences*. Moscow: Vostochnaya literatura. 3: 102—118. (In Russ.).
- Sarkisova, G. I. (1993). Bratishchev V. F. and his mission in Beijing in 1757. *Far Eastern Affairs*, 3: 135—147. (In Russ.).

Бодрин А. В. Формирование синодального режима церковного управления в контексте взаимоотношений светских и духовных властей в 1721—1725 годах (на материалах Нижегородской епархии) / А. В. Бодрин // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 304—324. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-304-324.

Bodrin, A. V. (2021). Formation of the Synodal Regime of Church Administration in the Context of the Relationship between Secular and Spiritual Authorities in 1721—1725 (Nizhny Novgorod Diocese). *Nauchnyi dialog*, 4: 304-324. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-304-324. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-304-324

**Формирование
синодального
режима церковного
управления в контексте
взаимоотношений светских
и духовных властей
в 1721—1725 годах (на
материалах Нижегородской
епархии)**

Бодрин Алексей Владимирович
orcid.org/0000-0003-4443-0777
кандидат исторических наук, доцент
кафедры социальной работы,
сервиса и туризма
germes.al@yandex.ru

Арзамасский филиал, федеральное
государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Национальный
исследовательский Нижегородский
государственный университет
им. Н. И. Лобачевского»
(Арзамас, Россия)

**Formation of the Synodal
Regime of Church
Administration in the Context
of the Relationship between
Secular and Spiritual
Authorities in 1721—1725
(Nizhny Novgorod Diocese)**

Alexey V. Bodrin
orcid.org/0000-0003-4443-0777
PhD in History, Associate Professor,
Department of Social Work,
Service and Tourism
germes.al@yandex.ru

Arzamas Branch, National Research
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod

(Arzamas, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросу формирования синодального режима управления Русской Православной Церковью и сопутствующим проблемам во взаимоотношениях светской и духовной власти. Уделяется внимание новой политике государства в лице Синода в отношении местного епископата. На материалах нижегородского региона охарактеризованы особенности организации епархиального управления. Приводится краткая биография местного епископа Питирима, одного из приближенных Петра I. Представлены результаты анализа проблем во взаимоотношениях государства и церкви в политической сфере. Предлагается классификация данных проблем на основе различных аспектов взаимодействия светских и духовных лиц. Особое внимание уделяется вопросам, связанным со статусом Синода и его реальными возможностями представлять интересы духовенства. Показано на региональном материале, что духовенство в синодальных условиях оказалось в зависимом положении от властей как центральных, так и местных. Автор особо останавливается на фактах, описывающих произвол чиновников в отношении лиц духовного звания, вмешательство в их компетенцию по тем или иным вопросам. Доказано, что учреждение Синода и всеобщая бюрократизация в правление Петра I изменили характер церковно-государственных отношений и выступили предпосылками возникновения новых трудностей.

Ключевые слова:

Синод; Сенат; государство; церковь; епископат; епархия; проблемы; управление.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the formation of the synodal regime of government of the Russian Orthodox Church and related problems in the relationship between secular and spiritual authorities. Attention is paid to the new policy of the state represented by the Synod in relation to the local episcopate. The peculiarities of the organization of the diocesan administration are characterized on the materials of the Nizhny Novgorod region. A brief biography of the local Bishop Pitirim, one of the close associates of Peter I is presented. The results of the analysis of problems in relations between the state and the church in the political sphere are given. A classification of these problems is proposed on the basis of various aspects of interaction between secular and clergy. Special attention is paid to issues related to the status of the Synod and its real possibilities to represent the interests of the clergy. It is shown on regional material that the clergy, under synodal conditions, found themselves in a dependent position on the authorities, both central and local. The author especially dwells on the facts describing the arbitrariness of officials in relation to persons of clergy, interference in their competence on certain issues. It has been proved that the establishment of the Synod and the general bureaucratization during the reign of Peter I changed the nature of church-state relations and acted as prerequisites for the emergence of new difficulties.

Key words:

Synod; Senate; the state; church; episcopate; diocese; problems; control.

Формирование синодального режима церковного управления в контексте взаимоотношений светских и духовных властей в 1721—1725 годах (на материалах Нижегородской епархии)

© Бодрин А. В., 2021

1. Введение

Создание Синода в 1721 году формально стало отправной точкой нового этапа во взаимоотношениях государства и церкви в Российской империи, получившего в отечественной историографии название синодального. Несмотря на то, что фактически уже с 1700 года в период так называемого местоблюстительства патриаршего престола и стал формироваться административный режим управления Русской Православной Церковью, когда царь Петр «поручал по возможности все церковные дела Сенату и вновь открываемым коллегиям» [Карташев, 1997, с. 162], официальное открытие Синода 14 февраля 1721 года означало окончательное юридическое оформление духовных преобразований предшествующих десятилетий.

Период 1721—1725 годов имеет безусловную научную ценность с точки зрения анализа того комплекса проблем во взаимоотношениях светской и духовной власти в политической плоскости, которые зародились в это время и продолжали оставаться в своих основных чертах в последующие правления преемников Петра I. Несомненно, что синодальная практика государственно-церковных отношений отразилась и на деятельности местного епископата, вынужденного функционировать в новых исторических условиях. Именно изучение регионального материала позволяет более широко, полно и объективно исследовать процесс формирования и дальнейшей эволюции государственного режима церковного управления в политическом контексте взаимоотношений светских и духовных властей.

Историография синодального периода истории Русской Православной Церкви представлена довольно большим количеством работ как церковных, так и светских ученых. Первые крупные обобщающие труды дореволюционных историков были посвящены изучению политико-юридических аспектов государственно-церковных отношений, положению и структуре Синода, его взаимоотношениям с Сенатом [Верховский, 1912; Знаменский, 2000; Рункевич, 1900]. Особо следует остановиться на фундаментальных исследованиях русских ученых, вынужденных эмигрировать из страны после Октябрьской революции 1917 года. В этих работах рас-

сматривались самые разные политические вопросы церковной реформы Петра I, а именно: учреждение Синода, его полномочия и деятельность, организация епархиального управления, епископат и его взаимоотношения с гражданскими властями и т. д. [Карташев, 1997, с. 139—170; Смолич, 1996, с. 27—182; Тальберг, 2008, с. 115—163].

Региональные аспекты начального этапа складывания синодальной системы отражены в диссертационных исследованиях, в которых изучались вопросы, связанные со взаимоотношениями епископата с Синодом, местными властями и дворянством; давалась общая характеристика архиерейской власти и архиерейского дома (назначения епископов, их компетенция, структура управления, бюджет и т. д.) [Виденеева, 2001; Закржевский, 2000; Харина, 2012 и др.]. При этом на данный момент отсутствуют полноценные работы, посвященные анализу проблематики церковно-государственных отношений 1720-х годов на материалах Нижегородской епархии. До некоторой степени к ним можно отнести труды с подробной биографией епископа Питирима, чья деятельность на церковном посту рассматривается на фоне реформ Петра I [Макарий (Миролюбов), 1857, с. 32—81; Морохин, 2009, с. 2—100].

Источниковая база исследования представлена комплексом опубликованных и неопубликованных (архивных) документов, позволяющих достаточно подробно раскрыть процесс выстраивания нового курса в отношении регионального духовенства и сопутствующие ему проблемы. К числу опубликованных документов следует отнести материалы синодального архива [Описание документов ..., т. 1, т. 2, т. 4, т. 5], а также статьи, сообщения НГУАК [Действия НГУАК, т. 13, т. 16]; неопубликованные документы состоят из управленческой документации синодальной канцелярии [РГИА, ф. 796, оп. 1, 2, 6].

2. Организация управления епархией

Учреждение Св. Синода в 1721 году и формирование нового режима церковного управления происходило как на центральном, так и на региональном уровнях, затронув многие стороны епархиальной жизни.

Как пишет И. К. Смолич, «происходившие изменения касались упорядочения и юридического закрепления практики взаимоотношений епархиальных архиереев со Святейшим Синодом, с подчиненным духовенством, с епархиальными учреждениями и с верующими» [Смолич, 1996, с. 165], что в условиях нового церковного режима означало значительное усиление контроля над региональным епископатом. Этому был посвящен целый ряд синодальных постановлений 1720-х годов, регулировавших даже участие высших духовных лиц в официальных мероприятиях.

Так, согласно синодальному определению от 10 марта 1725 года, членам Синода во всех публичных процессиях и церемониях перед архиереями и архимандритами должны были «иметь первенство и высшее место» [Описание документов ..., т. 5, с. 118].

Определение Синода от 23 апреля 1723 года запрещало епархиальным главам выезжать за пределы своей территории без разрешения высшей духовной инстанции. «А ежели которому архиерею» [РГИА, ф. 796, оп. 2, д. 509, л. 180], как было сказано в определении, «какая возымеется нужда в которую епархию ехать» [Там же, д. 509, л. 180], то было необходимо заблаговременно уведомить Синод отдельным донесением.

Синодальные указы 1724 года вводили личную ответственность епархиальных властей над их подчиненными в части сбора денег с архиерейских и монастырских вотчин — «дабы ничего излишнего по своим приходам <...> никто не собирал и запрещенным взяткам отнюдь не касался» [Там же, оп. 1, д. 127, л. 32]. За подобные финансовые нарушения епископы могли быть подвергнуты взысканию, а их подчиненные — выплате штрафов.

Вводилась и юридическая обязанность церковных властей подавать в законный срок рапорты в Синод о получении указов и исполнении по ним.

Однако на практике, в т.ч. в нижегородском регионе, имело место «слабое отправление» [Описание документов ..., т. 2, ч. 1, с. 782] по указам, «недоставление даже ответствований» [Там же, с. 782] об их получении, что и привело к необходимости издания со стороны Синода нескольких указов и подтвердительных предписаний на этот счет. При этом архиереев на основании именного указа от 27 января 1721 года «за неответствование и нерепортование» [Там же, с. 783] следовало штрафовать.

Уже в начале синодального периода «в связи с бюрократизацией государственного аппарата все более сложным становилось и делопроизводство епархиальных управлений» [Смолич, 1996, с. 165], что затрудняло выполнение епископом своих духовных функций, в результате чего он «оказывался по большей части прикован к своему письменному столу» [Там же, с. 166]. Так, в 1725 году от архиереев, прибывших в С.-Петербург на похороны Петра I, во время встречи с обер-прокурором Синода И. В. Болтиным, поступила коллективная просьба рассмотреть возможность не подписывать им донесения о епархиальных делах и рапорты о получении указов, а уполномочить на это приказных управляющих архиерейского дома.

Рассмотрев данное предложение, Синод 12 марта того же года в своем определении лишь частично удовлетворил просьбу архиереев и разрешил не подписывать только рапорты о получении указов, «остальные же доношения подписывать собственноручно по прежнему» [Описание документов ..., т. 5, с. 121].

Как отмечает А. Е. Виденеева, «с утверждением абсолютизма, пришедшего на смену сословно-представительной монархии, была связана глубокая реорганизация всех институтов Русского государства в XVIII в.» [Виденеева, 2001, с. 183]. Серьезные перемены произошли и в Русской православной церкви. В значительной мере они затронули епархиальные кафедры [Там же]. Административным центром епархии был архиерейский дом, располагавшийся в Нижегородском кремле. Преимущественная роль в епархиальном управлении отводилась представителям духовенства, однако для канцелярского делопроизводства — оформления и хранения епархиальной документации — архиерейский дом содержал солидный штат светских служителей [Там же].

Обширный функционал, который был возложен на местный епископат, не позволял архиерею самостоятельно отвечать за все вопросы, связанные с управлением епархией.

Уже в 1722 году в Синод от нижегородского епископа поступила просьба о назначении ему помощника — особого управляющего в части администрирования всеми епархиальными сборами (денежными, хлебными, рекрутскими), что было связано с большим количеством раскольников, «ко исследованию и обращению которых» [РГИА, ф. 796, оп. 2, д. 120, л. 50], как писал в своем донесении Питирим, «тщатися надлежит со всегдашним трудом не отложно» [Там же, д. 120, л. 50]. По словам Питирима, борьба с расколом является его «нужнейшим пастырским делом» [Там же, д. 120, л. 50]. Второй причиной был немногочисленный состав служащих архиерейского дома, не позволявший отнести в сферу их ответственности осуществление епархиальных сборов. Хотя Синод и назначил Питириму управляющего, но с той оговоркой, что заведывание этими делами должно проходить «с ведома его, епископа» [Там же, д. 120, л. 50]. «За умножением раскольнических дел» [Там же, д. 120, л. 50] в соответствии с решением Синода от 12 февраля 1722 года для отправления «денежных и хлебных и рекрутных нарядов и прочих» [Там же, д. 120, л. 50] определялся специальный помощник из Монастырского приказа, который объективно без какого-либо производства по отношению к вотчинным крестьянам безостановочно и в указанные сроки реализовывал бы поставленную задачу по епархиальным сборам и рекрутским наборам.

В том же синодальном определении от 12 февраля 1722 года содержалось требование к Монастырскому приказу, чтобы он отправил донесение, «кто именем ко оному правлению определен будет» [Там же, д. 120, л. 50]. Однако архивные источники не содержат данных относительно того, кто был назначен на эту должность.

Непосредственное взаимодействие духовного ведомства и епархий осуществлялось через должность стряпчего, который присутствовал при

Синоде с целью приема указов и их быстрой рассылки по регионам. Причиной введения такой должности стала крайняя медлительность, с которой доставлялись синодальные указы и приговоры. Поэтому Синод издал специальное определение, в котором говорилось, что «быть всегда при Синоде из каждой архиерейской епархии <...> по стряпчему» [Там же, д. 379, л. 134]. Это решение было объявлено, в числе прочих, и оказавшемуся в Москве стряпчему от Нижегородской епархии И. Богданову, но с таким добавлением, чтобы он без синодального указа из Москвы не уезжал и еженедельно по понедельникам и пятницам являлся в Синод.

За самовольный «без указу» [Там же, д. 379, л. 134] выезд из Москвы и отсутствие в Синоде предусматривалось суровое наказание — «и лишен будет движимого и недвижимого имения и сослан будет на галеру» [Там же, д. 379, л. 134]. Что касается Нижегородской епархии, то, согласно решению местного епископа, стряпчие менялись в порядке очередности от таких монастырей, как Печерский, Макарьевский и Благовещенский. Именно на монастыри была возложена задача по материальному обеспечению стряпчих.

Однако в донесении стряпчего Островщикова на имя Питирима речь шла о том, что на содержание стряпчих от других епархий денежная плата берется «с дворового числа» [Там же, д. 379, л. 134]. В связи с этим владыка Питирим считал нужным, предварительно обсудив с другими епархиями ежегодный объем средств, расходовавшихся на содержание стряпчих, и источники их финансирования, принять «общательное определение, дабы во всех епархиях о таких расходах было уравниение» [Там же, д. 379, л. 134]. Однако было ли поддержано предложение Питирима, неизвестно (какого-либо решения в деле нет).

3. Епископ Питирим как руководитель Нижегородской епархии

Исторически этот период пришелся на время епископата Питирима, человека, по характеристике А. С. Храмцовского, «светлого ума и твердой воли» [Действия НГУАК, 1913, т. 16, вып. 1, с. 2], возглавлявшего Нижегородскую епархию с 1719 по 1738 годы. К моменту назначения епископом Питирим два года занимал должность архимандрита Кержебельмашского Успенского монастыря. Предыдущий глава епархии Сильвестр был переведен в Смоленск. Именно после его ухода «Нижегородская Митрополия сделана Епископиєю» [Макарий (Миролюбов), 1857, с. 64], и первым епископом на вакантную кафедру 23 марта 1719 года был избран архимандрит Питирим с той целью, чтобы «действовать свободнее и успешнее в деле обращения раскольников» [Макарий (Миролюбов), 1857, с. 64], хотя в прошлом он и сам был раскольником [Цыпин, 2006].

Питирим пользовался особым уважением и доверием со стороны Петра I, который умел находить достойных и талантливых людей, «способных к выполнению его великих замыслов и реформ» [Действия НГУАК, 1913, т. 16, вып. 1, с. 2]. Питирим был первым из епархиальных архиереев, который отозвался на предложение Петра открыть духовную школу. Недаром именно в Н. Новгороде 30 мая 1722 года император отмечал свое 50-летие, совпавшее с 500-летием Н. Новгорода. Епископ наряду с другими светскими и духовными сановниками был одним из приглашенных на обед в честь императора и императрицы, который состоялся в доме Г. Д. Строганова [Действия НГУАК, 1912, т. 13, вып. 3, с. 2]. Положение Питирима, несмотря на интриги со стороны подчиненного ему духовенства, было устойчивым на протяжении всего правления Петра I, «никто не мог оклеветать хорошо известного ему Епископа» [Макарий (Миролюбов), 1857, с. 81].

Более того, в 1724 году Питирим «за усердное обращение раскольников к Православной церкви» был возведен в звание архиепископа [Описание документов и дел архива Синода, т. 4, с. 4].

Именно непримиримая позиция нижегородского епископа по отношению к расколу привела к расширению территориальных границ епархии. На момент назначения Питирима на архиерейскую должность епархия включала в себя такие города, как Н. Новгород, Алатырь, Курмыш и Ядрин с сопредельными селениями. Сразу после посвящения в епископы из Патриаршей области к епархии были приписаны города Балахна, Юрьевец Поволжский, Галич с уездами, а в 1722 году — Ярополч, Гороховец, Арзамас с уездами и Вязниковская слобода, что позволило распространить административную власть Питирима на присоединенные территории и, соответственно, вести борьбу с раскольниками на новых землях.

4. Государство и церковь: проблемы взаимоотношений

Выстраивание новой модели государственно-церковных отношений сопровождалось целым рядом проблем разноаспектного характера, наиболее выпукло проявившихся на региональном уровне, примером чего служит Нижегородская епархия, во главе которой стоял в тот период епископ Питирим (1719—1738).

Первая группа проблем касалась административного статуса Синода в системе центральных учреждений Российской империи, в рамках которой у духовного ведомства отсутствовали реальные рычаги прямого воздействия на гражданские учреждения при решении самых разных вопросов, из-за чего постоянно приходилось обращаться в Сенат либо напрямую к императору, что серьезно бюрократизировало всю систему церковного управления. Данную группу проблем довольно наглядно иллюстрируют вопросы, связанные

со сбором оброчных и окладных денег с земельного фонда Русской Православной Церкви. Оброчные деньги с архиерейских и монастырских вотчин поступали в Монастырский приказ на основании именных синодальных и сенатских указов и расходовались целевым образом на содержание госпиталей, школ, богаделен, на разные церковные нужды, на жалование приказным служащим и на «всякие мелочные приказные расходы» [Описание документов ..., т. 5, с. 10]. Однако с течением времени сбор оброчных денег стал неуклонно падать, поэтому Камер-контора, в виде служебного мнения, предложила Синоду провести так называемую переобработку монастырских и архиерейских вотчин, но с поручением этого дела кому-либо «из царедворцев и офицеров» [Там же, с. 10], так как дворяне синодального ведомства, ранее осуществлявшие такие сборы «едва не все» [Там же, с. 10], были отправлены в Герольдмейстерскую Канцелярию, а приказные архиерейских домов «и не таких нужнейших отправок по неоднократным указам не отправляют, да оное дело и не их должности правления» [Там же, с. 10]. По мнению Камер-конторы, без переобработки она «и надеяния не имеет» [Там же, с. 11] на сбор данных денег в прежнем размере.

С этой целью Синод для упорядочения доходов Камер-конторы стал настоятельно требовать составления правильных епархиальных ведомостей о доходах и недоимках, их скрупулёзного сбора, соблюдения строгой экономности в их расходах. Сама контора почти в каждом донесении в Синод писала, что «о той переобработке из вотчин просят непрестанно» [Там же, с. 11], и просила прислать для этого «царедворцев» [Там же, с. 11].

Синод в подтвердительных указах, адресованных Камер-конторе, настаивал на скорейшей доставке подробных ведомостей о сборах и недоимках даже с возможностью составления прогноза относительно временных сроков, в которые будут произведены полные сборы и восполнены недостающие деньги. Среди причин недобора Камер-контора указывала незаконное вмешательство в эти сборы разных офицеров и комиссаров, назначаемых в провинции от генералитета для подушного сбора на полки; притеснения, которые они совершали по отношению к крестьянам и синодальным сборщикам; «насилие над ними и взяточничеством» [Там же, с. 12].

Пример такого «помешательства» [Там же, с. 12] был и в Нижегородской епархии «по вступлении армейских и гварнизонных полков в вотчины» [Там же, с. 12], принадлежащие архиерейскому дому и монастырям. В этих вотчинах чиновникам Камер-конторы присланные от генералитета офицеры запретили производить данный сбор, а «иных и из вотчин выбили» [Там же, с. 13]; собранные деньги «отняли и зачли в подушный оклад» [Там же, с. 13]. После неоднократных донесений Камер-конторы о злоупотреблениях при сборе оброчных денег и фактах насилия по от-

ношению к церковным крестьянам со стороны офицерского состава Синод обратился по этому предмету с ведением в Сенат, но ведение не было принято. Сенат требовал, чтобы Синод четко зафиксировал «имянно, с ясным росписанием и доказательствы, когда, где, что и от кого происходило из показуемых помешательств от генералитета и земских комиссаров» [РГИА, ф. 796, оп. 6, д. 5, л. 7]. Ответной реакцией Синода на это требование были ряд указов в Камер-Коллегию и вторичное ведение в Сенат, но без предоставления необходимой доказательной базы ввиду принятия срочных мер против незаконных действий военных должностных лиц. Источники не содержат данных относительно того, какое решение было принято в Сенате по этому делу, но известно, что Камер-Коллегия рапортовала в Синод, что «оные комиссары ныне в Камер-Коллегии не ведомы, а ведомы в Военной Коллегии» [Описание документов ..., т. 5, с. 14]. Несмотря на обращение Синода в Военную Коллегию, эта проблема так и не была решена для духовного ведомства в положительную сторону.

Другой вопрос был связан с доставкой в Синод документов (окладных книг и образцовых ведомостей) обо всех налоговых платежах и недоимках с земель, ранее принадлежавших патриарху, епископам и монастырям, которые в соответствии с указом Петра I от 14 февраля 1721 года «сборами и правлением ведать в одном Духовном Синоде» [Там же, т. 1, с. 110], что, однако, оказалось сложной задачей в бюрократических реалиях петровской России.

Сначала Синод делал соответствующий запрос в Сенат, тот отдавал распоряжение Камер-Коллегии, которая несла ответственность за доставку книг и ведомостей о платежах и сборах с духовных вотчин. Однако коллегия ведомости не присылала, поэтому Синоду приходилось делать новый запрос в Сенат, который издавал второй указ на этот счет, после которого весной-летом 1721 года требуемые документы наконец были доставлены в Синод.

Однако, как оказалось, эти ведомости «в действо употребить весьма не возможно» [РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 127, л. 32]; они были «краткие и неясно росписанные, а иные и зело неисправные» [Там же, д. 127, л. 32].

После третьего синодального запроса в Сенат Камер-Коллегия вообще отрицала наличие у нее таких книг и ведомостей: кроме тех выписок, которые были ранее сделаны в коллегии и отправлены в Синод, «никаких других окладных и доимочных книг <...> не имеется» [Описание документов ..., т. 1, с. 111].

Между тем Синод на основании указа от 14 февраля 1721 года о переходе церковных имений от Монастырского приказа под его юрисдикцию дал распоряжение местным духовным властям «о всепоспешном и порядочном сборе <...> окладных денег...» [Там же, с. 112]. Докладывая о по-

лучении этого указа и о мерах, принятых ими к его исполнению, некоторые архиереи сообщали в Синод о затруднениях, с которыми они столкнулись.

Так, в донесении Питирима, епископа нижегородского, перечислены следующие проблемы: во-первых, отсутствие окладных, неокладных, приходных книг, что не позволяло даже приступить к вышеозначенным сборам, а также «куда сколько и на которые сроки платить того неведомо» [Там же, с. 113]; во-вторых, нехватка служащих (приказных и рассыльных людей) для осуществления данных сборов; в-третьих, финансовое обеспечение этих мероприятий «всякие приказные расходы из каких сборов держать? <...> служители, откуда жалованьем их довольствовать?» [Там же, с. 113]. Несмотря на все попытки Синода решить вопросы, поставленные перед ним местными церковными властями, в частности, определить людей по епархиям, ответственных за данные сборы, проблема вотчинных платежей по-прежнему не решалась за отсутствием необходимых бумаг.

Невозможность самостоятельного разрешения этой проблемы госаппаратом потребовала вмешательства самого императора, который собственноручно оставил следующую задокументированную резолюцию: «прислать ведомости подлинные, о чем, куды надлежит, послать крепкие из Сената указы» [РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 127, л. 32].

Камер-Коллегия в очередном донесении, направленном в Синод, отрицала наличие у нее особых ведомостей по монастырским вотчинам, однако она специальными указами обязала воевод максимально быстро доставить все необходимые документы епархиальным управляющим.

Ко второй группе проблем следует отнести сохранявшуюся на местном уровне незаконную юрисдикцию светских властей в вопросах управления церковными землями. Так, в донесении синодального советника архимандрита Симонова монастыря Петра говорилось, что в Нижегородской губернии, равно как и в других провинциях и городах, монастырю принадлежат разные вотчины, которые фактически управляются коллежскими чиновниками, «от которых их приездов чинятся тем вотчинам и монастырю убытки и разорение не малое» [Описание документов ..., т. 1, с. 336]. На прошение, поданное наместником Петром в Московскую губернскую канцелярию о прекращении вмешательства так называемых светских командиров в дела монастырских вотчин, вице-губернатор ответил, что «без послушных указов из Прав. Сената и из Камер-Коллегии он тех выездов унять не может» [Там же, с. 337]. Получив донесение архимандрита Петра, Синод своим указом потребовал от Камер-Коллегии, чтобы упомянутые вотчины были возвращены монастырю и «дабы впредь в те вотчины посланные из Камер-Коллегии не выезжали» [Там же, с. 337].

Похожее по содержанию донесение было и от поверенных Воскресенского монастыря на Истре монаха Сергия и стряпчего Бронского о возвращении вотчин, которыми владеют в разных губерниях воеводы и прочие светские управляющие. В частности, монастырю принадлежали земли в Алатырской провинции, относившейся к Нижегородской епархии. Основная суть донесения сводилась к следующему. Монастырь, основываясь на указе от 14 февраля 1721 года о возвращении церковной собственности прежним владельцам, то есть духовенству, за исключением тех вотчин, которые были розданы по именным указам разным лицам в пожизненное владение, отправил в свои имения строителей и управляющих. Однако воеводы и «градские управители» [Там же, с. 556] монастырских приказчиков в поместья не впустили, а в вопросах управления вотчинными делами и сбора государственных податей «учинили остановку и запустили на тех вотчинах многую доимку и чинят многие обиды» [Там же, с. 556], отказываясь выполнять положения государственных указов.

В связи с этим представители монастыря просили Синод о возвращении вотчин законным владельцам. Поскольку вотчины, перечисленные в донесении, по именным указам никому не были переданы, то Синод определил возратить их монастырю с подтверждением, чтобы «оныя содержаны были в достодолжном охранении, под опасением штрафа и доимок взыскания» [Там же, с. 557]; было принято решение и об отстранении светских чиновников от управления церковными поместьями.

Ситуация с землями Симонова и Воскресенского монастырей была не единственным свидетельством данной проблемы. Ранее описанные вопросы о церковных сборах и платежах еще даже более открыто демонстрируют масштаб этой проблемы, не ограниченный лишь монастырскими вотчинами. Синодальный указ 1721 года, адресованный региональным епископам, прямо запрещал впускать в архиерейские и монастырские вотчины губернских и провинциальных камериров, комиссаров и прочих чиновников, поскольку все финансовые и административные вопросы управления церковными землями относились к компетенции архиерейских и монастырских служащих.

Третья группа проблем включала в себя нанесение физического, морального и материального ущерба духовным лицам со стороны местных властей. В донесении епископа Питирима, равно как и других епархиальных архиереев, речь шла о том, что не только по налоговым делам, но и для отправления правосудия в церковные вотчины направлялись подьячие с солдатами, которые по отношению и к священнослужителям, и к крестьянам «чинят обиды, берут с них подводы, бьют их на правеже, держат продолжительное время под караулом и раззоряют в конец» [Там же,

с. 357]. Кроме этого, дьяконов и других представителей церковного причта по самым разным делам, в том числе по истцовым искам, забирали в приказы и держали довольно долго под стражей, тем самым нанося им «не малые убытки и озлобления» [Там же, с. 358]. Отталкиваясь от этих донесений, Синод 6 сентября 1721 года отправил в Сенат ведение, но привело ли оно к каким-либо результатам, из материалов дела установить не удастся.

В любом случае в ведении разъяснялось, что компетенция Синода над вверенной ему сферой была законодательно оформлена именным указом Петра I от 25 января 1721 года, разосланным по всем коллегиям и губерниям Российской империи и прямо требовавшим от светских и духовных лиц «за важное и сильное правительство иметь» [Там же, с. 357], в том числе выполнять синодальные указы. В другом императорском указе от 15 марта 1721 года, на который также ссылался Синод в данном ведении, указывалось на недопустимость рассмотрения разного рода судебных дел (нанесение оскорбления, драка, кража и т. д.), в которых фигурировали духовные лица, в светских учреждениях, «а на которых и оговор какой будет в каком партикулярном злодеянии, таких отсылать к Синоду» [Там же, с. 358].

Последний указ в свое время был сообщен Сенату с пояснением об обязательной его рассылке «в надлежащие места» [Там же, с. 358]. Но был ли он разослан, Синод так и не был уведомлен. А между тем Синоду из вышеуказанных донесений было хорошо известно, что «указы постоянно нарушались местными властями» [Смолич, 1996, с. 211], и, как итог, с духовенством поступали «злодерзостно» [Описание документов ..., т. 1, с. 358].

Четвертая группа проблем охватывала широкий круг вопросов, связанных с государственными административными и финансовыми обязательствами регионального духовенства. Во-первых, это рекрутский набор с церковных вотчин для формирования армейских и гарнизонных полков, а также для службы в адмиралтействе. Первое донесение от Камер-коллегии об этом сборе было подано в Синод 15 июля 1721 года. Но поскольку людей так и не присылали, коллегия была вынуждена повторно просить Синод об издании подтвердительных указов по духовному ведомству. Со своей стороны, коллегия уведомляла Синод, что по приговору 12 января 1722 года уже отправила такие же подтвердительные указы к губернаторам, вице-губернаторам, воеводам и камерирам.

Так, по первому наряду требовалось собрать и представить в губернские и воеводские правления, а также к камерирам «с осьмидесяти трех с полу» [Там же, т. 2, ч. 1, с. 184], а по второму «со ста с пятнадцати дворов по человеку в указном мундире» [Там же, с. 184]. В 1723 году следовало «собрать в новой наряд» [Там же, т. 1, с. 369] со всех вотчин синодального ведомства 1746 человек, приходившихся на 144 906 дворов. По провинциям число

дворов распределялось следующим образом; например, на Нижегородскую приходилось 6052 двора, на Арзамасскую — 719, на Алатырскую — 1211 [Там же, с. 369]. Анализ переписки Синода показывает, с какими трудностями он сталкивался при решении подобного рода дел. Схема набора рекрутов была следующая. Камер-коллегия сообщала в Синод число подлежащих сбору рекрутов. Синод издавал соответствующее распоряжение, на основании которого присылали рекрутов, которых уже перенаправляли в Военную коллегия. Последняя годных к военной службе принимала, а негодных возвращала обратно, с тем чтобы их заменили другими; кроме того, «потребуется произвести следствие, почему на месте не произведено было рекрутам надлежащего освидетельствования» [Там же, с. 370]. При этом новобранцы постоянно бежали, и, хотя через Синод делалось распоряжение о розыске, бегство не прекращалось. В итоге Синоду приходилось вести длинные переписки с различными учреждениями, и вопрос о рекрутском наборе оборачивался огромным многотомным делом.

Во-вторых, это сбор с местного церковного причта денег на так называемое канальное денег. В 1721 году в Синод поступило прошение от всех Арзамасских священников, которые просили, чтобы «Его Императорское Величество пожаловал бы их не велел на них причетниках <...> оных канальных, положенных с дворового числа, денег править» [Там же, с. 689]. В нем также содержалось и соответствующее правовое обоснование незаконности этого налога, так как в царском указе 1718 года о сборе канальных денег вовсе не упоминалось о представителях церкви; речь шла только о церковных вотчинах. После первого же прошения Арзамасских священников Синод обратился в Камер-коллегию с вопросом, на каком основании камерирами и комиссарами спрашивается с церковников канальный налог. Поскольку дело состоит из прошения и справки по нему и не содержит никаких других исторических документов, невозможно достоверно ответить, разрешилось ли оно в пользу церковнослужителей.

В-третьих, это сбор со светских и духовных вотчин в соответствии с указом Сената продовольствия и фуража для расквартированных на зиму драгунских и пехотных полков. Синод в рамках своей обычной бюрократической практики отправил в регионы традиционные предписания с целью выполнения вышеозначенного указа наравне с дворцовыми и помещичьими вотчинами. Однако оказалось, что исполнение этого указа вызвало серьезные проблемы: назначение местным воеводой ко взиманию с синодальных вотчин большого количества провианта и фуража, «чем какое определено было расположением, составленным в Камер-Коллегии» [Там же, с. 608]; требование размещения лошадей, принадлежащих военным, не только в вотчинах, но и в монастырях; ответное требование со сторо-

ны монастырей относительно зачета ранее взятых с них излишних сборов. По этому поводу Синод неоднократно переписывался с Камер-коллегией и Сенатом, отстаивая равенство несения государственной повинности подведомственными ему вотчинами наряду с дворцовыми и помещичьими. Например, отвечая на вопрос о размещении лошадей «в монастырях и монастырских вотчинах» [Там же, с. 609], Синод указывал на неверную интерпретацию текста указа, который разрешал ставить лошадей в вотчинах, но никак не в монастырях. В частности, Синод писал Сенату, что «монастыри устроены не на лошадей, а на прославление Божия имени, и утруждать теми оных, яко домов святых не надлежит» [Там же, с. 609]. При этом продовольственные сборы для военных могли осуществляться и по экстраординарным ситуационным причинам. Например, в 1723 году состоялся марш драгунских полков через Н. Новгород, Алатырь, Симбирск, Самару и Саратов в Царицын, который требовал соответствующего продовольственного обеспечения. В связи с этим Синод предписал Монастырскому приказу разослать к духовным лицам вышеуказанных городов послушные указы на эту тему и потом донести, «что того провианта и с чьих синодальной команды вотчин собрано будет» [Там же, т. 2, ч. 2, с. 77].

В-четвертых, это строительная повинность, связанная с обязательной постройкой в С.-Петербурге на Васильевском острове каменного дома. В соответствии с именным указом Петра I от 14 февраля 1719 года всем собственникам, имеющим крестьян, в том числе архиерейским домам и монастырям, было приказано «строить каменное и деревянное строение» [РГИА, ф. 796, оп. 2, д. 487, л. 171]. Размер возводимого дома напрямую зависел от числа крестьянских дворов, что подробно разъясняли последующие указы от 8 марта и 14 ноября 1722 года: «с тысячи до семи сот дворов строить дом на десяти саженьях, а с семи сот до пяти сот на восьми саженьях, а с пяти сот до трех сот дворов на пяти саженьях...» [Там же, л. 171]. Поскольку Нижегородский Архиерейский дом имел на правах владения «ниже пяти, а свыше трех сот дворов» [Там же, л. 171], то Канцелярия Полицмейстерских дел отвела ему на Васильевском острове место для возведения каменного дома на 5 саженьей, что, исходя из донесения епископа Питирима, представлялось невозможным по чисто экономическим причинам. Как писал Питирим, ему строиться «не чем и не на что» [Там же, л. 171], так как согласно указу Монастырского приказа Архиерейский дом уже был обложен ежегодным налогом, а приступить к новому сбору «на то строение» [Там же, л. 171] с домовых вотчин в отсутствие императорского указа он не может. Епископ доносил об этом в Синод, с тем чтобы остановить при строительстве «не причлась к дому его к какому неисправлению» [Там же, л. 171]. После подачи в 1722 году донесения о дефиците средств

у Нижегородского Архиерейского дома строение действительно не возводилось, хотя никакой резолюции на документе не было. Однако отведенное место продолжало числиться за нижегородским архиереем, и Канцелярия Полицмейстерских дел на протяжении 1720—1730-х годов требовала уплаты за место поземельных денег «за прошлые годы» [Там же, л. 172] и заставляла строиться. Окончательно этот вопрос решился в пользу Архиерейского дома только в 1733 году после длительных бюрократических согласований и анализа доходов и расходов Нижегородской епархии.

В-пятых, это использование архиерейских и монастырских подворий в Москве для размещения канцелярий, съезжих дворов, казенных поклаж и несение духовенством соответствующих расходов.

Анализируя подобную практику, Синод пришел к выводу, что церковные подворья заняты не по решению центральных властей, а по «партикулярным распоряжениям» [Там же, д. 69, л. 24] отдельных светских чиновников. Все это причиняло подворьям «не малую škodu, а иным и запустение» [Там же, д. 69, л. 24], а архиерейским домам и монастырям «напрасные убытки» [Там же, д. 69, л. 24]. Более того, духовные лица, которые приезжали в Москву, были вынуждены снимать для себя частные квартиры. В посвященном этому ведению от 19 января 1722 года Синод поставил перед Сенатом вопрос об освобождении подворий «от таких убыточных и стеснительных постоев» [Там же, д. 69, л. 24] как в настоящее, так и в будущее время. Со своей стороны, Сенат пожелал знать «имянно: кто, где и от кого на подворьях квартиры занял» [Там же, д. 69, л. 24]. В соответствии с синодальным указом назначенный от Монастырского приказа стряпчий Воскресенского монастыря А. Бронский на основе полученного реестра составил опись московских подворий. Так, Нижегородское архиерейское подворье располагалось в Китай-городе, на ул. Варварской около церкви М. Блаженного. Это был каменный дом с двумя верхними и тремя нижними палатами. В верхних по указу Московской Губернской канцелярии жили два «цыфирных учителя, да при них школьников сто человек, учатся арифметику и часть геометрию» [Там же, д. 69, л. 24]; в нижних — «их, учителей, жильцы» [Там же, д. 69, л. 24]. Выписку А. Бронского 23 мая того же года Синод отправил в Сенат, при этом требуя освобождения всех подворий и компенсации за те повреждения, которым они подверглись за период постоев. 24 октября Синод одновременно обратился как в Сенат, так и в Полицмейстерскую канцелярию, которую он считал виновной в этом деле, да к тому же действующую единолично, не ставя в известность по таким случаям ни Монастырский приказ, ни ведомство по делам православного исповедания. Ссылаясь на нормы законодательства, в частности 13 Главу Магистратского Устава, уравнивающие в вопросе казенных

постоев светских и духовных лиц, Синод в своем новом ведении в Сенат выразил полную готовность выделить квартиры для постоев не только «в прочих синодской команды домах, но и на архиерейских подворьях» [Там же, д. 69, л. 25] при соблюдении следующего условия «ежели в домах знатных персон, равно с теми (то есть епископскими подворьями. — А. Б.) квартирующие будут» [Там же, д. 69, л. 25]. В сенатском определении от 30 октября 1722 года было вынесено решение относительно перспектив освобождения церковных подворий; так, по нижегородскому говорилось, что учителям и ученикам «быть по прежнему» [Там же, д. 69, л. 25], пока для них не найдется свободных мест. Подобное решение в основном распространялось и на подворья других епархий. Однако данное определение категорически не устраивало Синод, поэтому в своем новом ведении в Сенат он поставил ультиматум, по которому, если к 30 ноября архиерейские и монастырские подворья в Москве не будут полностью очищены, то для их освобождения будут отправлены состоящие в распоряжении синодального ведомства солдаты Преображенского полка, «которыми оные подворья упразднены будут, без требования от светских команд позволения» [Там же, д. 69, л. 26].

19 ноября состоялась совместная конференция Синода и Сената, на которой было принято решение «мундиры и другую подобную поклажу с подворьев взять» [Там же, д. 69, л. 26], а чтобы ускорить их перенос в другие помещения, было предписано вице-губернатору Воейкову безотлагательно обследовать в Москве палаты и амбары при казенных зданиях.

Тем не менее подворья оставались, как и раньше, заняты разными постоями и складами. Поэтому 9 января 1723 года состоялось новое определение Синода с требованием вознаграждения из табельных доходов Штабс-Канторы за весь период, когда подворья были заняты постоями и казенными поклажами не только в Москве, но и во всех городах. О синодальном решении были уведомлены главы всех епархий и Синод. Однако Сенат в ведении от 21 октября 1723 года отказал в своем согласии на такое вознаграждение, мотивируя это, с одной стороны, физической невозможностью очистить подворья «в скором времени» [Там же, д. 69, л. 26], а с другой, тем, что «табельных доходов, кроме определенных мест, ни на какие расходы держать не велено» [Там же, д. 69, л. 26].

Сенат был не единственным административным органом, с которым Синод взаимодействовал в вопросе освобождения нижегородского церковного подворья. Параллельно это дело рассматривалось в Монастырском приказе, в который было подано отдельное прошение стряпчего Нижегородского архиерейского дома Ф. Муравского, в котором речь шла о том, что подворье в Китай-городе от многочисленного постоя крайне разорено и что жи-

вут там «неведомо какие ремесленные и промышленные люди» [Там же, д. 376, л. 132], неизвестно какой Коллегией туда поставленные. В другом прошении, адресованном уже в духовное ведомство, Ф. Муравский описывал ранее сложившуюся ситуацию с архиерейским подворьем в Москве и просил Синод распорядиться о выводе оттуда математической школы вместе с другими постояльцами с невозможностью размещения кого-либо на постои в будущем, так как подворье необходимо «для приезда архиерейского и домовых его служителей» [Там же, д. 376, л. 132]. По этому прошению Синод затребовал из Монастырского приказа данное дело для рассмотрения, с тем чтобы составить для Сената ведение об освобождении подворья для служебных нужд Нижегородского архиерейского дома.

Из дела следует, что Монастырский приказ провел опись подворья, а также допросил в лице вице-губернатора Ершова всех живущих там лиц. Допрос показал, что еще в 1720 году, согласно указу Губернской канцелярии, подворье нижегородского епископа было отведено для двух учителей — Ф. И. Рыбникова и С. И. Русинова «для учения математической науке учеников» [Там же, д. 376, л. 132]. Часть помещений этого подворья они сдавали торговцам, ремесленникам, крестьянам с разрешения вице-губернатора Воейкова «из найма без поручных записей» [Там же, д. 376, л. 133].

Конечным результатом этого дела стала резолюция Монастырского приказа, состоявшая из следующих пунктов: а) отправить в Московскую Губернскую канцелярию промеморию с тем, чтобы выяснить, на основе какого указа было занято подворье нижегородского архиерея; б) «с описью ль им то подворье отдано и в скольких палатах жить велено» [Там же, д. 376, л. 133]; в) «по указу ль Губернской Канцелярии или сами собою» [Там же, д. 376, л. 133] учителя сдавали квартиры другим жильцам; г) допросить купцов, чьи вещи находились в погребах подворья, «за сколько они те погреба рядили» [Там же, д. 376, л. 133]. Однако, как и в случае с Сенатом, дело осталось нерешенным, поскольку промемория так и не была отправлена из-за того, что стряпчий Ф. Муравский «с того числа в Монастырский Приказ не ходил» [Там же, д. 376, л. 133].

5. Выводы

Таким образом, отмена института патриаршества с последующим созданием ведомства по делам православного исповедания (Синода) привела к огосударствлению церкви и ее включению в административную структуру Российской империи на правах одного из подчиненных элементов как на общеимперском, так и региональном уровнях управления. Хронологически синодальная реформа пришлась на период руководства Нижегородской епархией епископа Питирима (1719—1738), вынужденного работать

в условиях нового режима государственно-церковных отношений, при котором вводился бюрократический надзор над местным епископатом. Это и получение санкции Синода на выезд из своей епархии, и установление персональной ответственности за сбор денег с духовных вотчин, и введение процедуры подачи рапортов в Синод о получении указов и исполнении по ним, и в целом усиление административной дисциплины служащих архиерейского дома своего рода регионального правительства по церковным делам. Все большее усложнение системы епархиального управления при наличии значительного числа раскольников, обращение которых в официальное православие Питирим видел своей основной задачей, актуализировало проблему чрезмерной загруженности местного епископа, в связи с чем Синод счел необходимым назначить ему особого помощника по всем епархиальным сборам, что является специфической особенностью Нижегородской епархии. Изменившийся характер взаимоотношений государства и церкви наполнил новым содержанием связанные с ними проблемы, с которыми и столкнулся епископ Питирим на своем посту: неподотчетность гражданских учреждений Синоду; незаконная замена церковной юрисдикции светской при управлении архиерейскими и монастырскими землями; злоупотребления полномочиями со стороны чиновников и нанесение ущерба духовным лицам; наложение на духовенство разнообразных повинностей, нередко противоречащих действующим на тот момент законодательным нормам. Их решение в рамках синодального режима зачастую было не в пользу духовенства.

В определенной степени эти проблемы были еще и следствием невероятной бюрократизации государственной жизни петровского времени, при которой наблюдалось дублирование компетенций различных ведомств при рассмотрении тех или иных дел; сложность и длительность переписок между правительственными учреждениями; медлительность исполнительных органов.

Источники и принятые сокращения

1. Действия НГУАК — *Нижегородской* губернской ученой архивной комиссии: сборник статей, сообщений, описей дел и документов. — Нижний Новгород : Типография Нижегородское печатное дело, 1912. — Т. 13, Вып. 3.
2. Действия НГУАК — *Нижегородской* губернской ученой архивной комиссии: сборник статей, сообщений, описей дел и документов. — Нижний Новгород : Типография Нижегородское печатное дело, 1913. — Т. 16, Вып. 1.
3. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1868. — Т. 1.
4. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1879. — Т. 2, Ч. 1.

5. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1878. — Т. 2, Ч. 2.
6. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1880. — Т. 4.
7. *Описание* документов и дел, хранящихся в архиве Св. Пр. Синода. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1897. — Т. 5.
8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 796 (Канцелярия Синода). Ф. 796. Оп. 1. Д. 127. Л. 32; Оп. 2. Д. 509. Л. 180; Д. 120. Л. 50; Д. 379. Л. 134; Д. 487. Л. 171; Д. 69. Лл. 24, 25, 26; Д. 376. Лл. 132, 133; Оп. 6, Д. 5, Л. 7.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верховский П. В.* Очерки по истории Русской церкви в XVIII и XIX столетии / П. В. Верховский. — Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1912. — 145 с.
2. *Виденеева А. Е.* Ростовский архиерейский дом и система епархиального управления в XVIII веке : диссертация ... кандидата исторических наук / А. Е. Виденеева. — Ярославль, 2001. — 300 с.
3. *Закржевский А. Г.* Архиерейская власть в системе церковно-государственных отношений в первой половине XVIII века : диссертация ... кандидата исторических наук / А. Г. Закржевский. — Санкт-Петербург, 2000. — 183 с.
4. *Знаменский П. В.* История Русской Церкви / П. В. Знаменский. — Москва : Крутицкое патриаршее подворье, 2000. — 464 с.
5. *Карташев А. В.* Очерки по истории русской церкви : в 2 т. Т. 2 / А. В. Карташев. — Москва : Терра, 1997. — 564 с.
6. *Макарий* (Миролюбов Н. К.). История Нижегородской иерархии, содержащая в себе сказание о нижегородских иерархах с 1672 до 1850 года / сочинение архимандрита Макария. — Санкт-Петербург : Издание книгопродавца Н. Г. Овсянникова, 1857. — 247 с.
7. *Морохин А. В.* Архиепископ Нижегородский и Алатырский Питирим. Церковный деятель эпохи перемен / А. В. Морохин. — Нижний Новгород : Книги, 2009. — 272 с.
8. *Рункевич С. Г.* История русской церкви под управлением святейшего синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство святейшего правительственного синода (1721—1725 гг.) / С. Г. Рункевич. — Санкт-Петербург : Тип. А. П. Лопухина, 1900. — 429 с.
9. *Смолич И. К.* История Русской церкви. 1700—1917 : кн. 8. Ч. 2 / И. К. Смолич. — Москва : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского Монастыря, 1996. — 798 с.
10. *Тальберг Н. Д.* История Русской Церкви : в 2 т. Т. 2 / Н. Д. Тальберг. — Москва : Правило веры, 2008. — 775 с.
11. *Харина Н. С.* Тобольский архиерейский дом в XVII — 60-е гг. XVIII в. : диссертация ... кандидата исторических наук / Н. С. Харина. — Барнаул, 2012. — 294 с.
12. *Цыпин В. Протоиерей.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / В. Цыпин. — Москва : Издательство Сретенского монастыря, 2006. — 816 с.

MATERIAL RESOURCES

Actions of NSUAC — *Nizhny Novgorod provincial scientific archival commission: a collection of articles, reports, inventories of files and documents.* Nizhniy Novgorod: Tipografiya Nizhegorodskoe pechatnoe delo. (In Russ.).

Description of documents and files stored in the archives of St. Pr. Synod. (In Russ.).
RGIA — *Russian State Historical Archives.* (In Russ.).

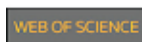
REFERENCES

- Kartashev, A. V. (1997). *Essays on the history of the Russian Church*. Moskva: Terra. 2: 564 p. (In Russ.).
- Kharina, N. S. (2012). *Tobolsk bishop's house in the 17th — 60s XVIII century: PhD Diss.* Barnaul. 294 p. (In Russ.).
- Makariy (a priest, Mirolubov, N. K.). (1857). *The history of the Nizhny Novgorod hierarchy, containing the legend about the Nizhny Novgorod hierarchs from 1672 to 1850*. Sankt-Peterburg: Izdanie knigoprodavtsa N. G. Ovsyannikova. 247 p. (In Russ.).
- Morokhin, A. V. (2009). *Archbishop of Nizhny Novgorod and Alatyr Pitirim. Church leader of the era of change*. Nizhniy Novgorod: Knigi. 272 p. (In Russ.).
- Runkevich, S. G. (1900). *History of the Russian Church under the direction of the Holy Synod. Establishment and initial structure of the Most Holy Government Synod (1721—1725)*. Sankt-Peterburg: Tip. A. P. Lopukhina. 1. 429 p. (In Russ.).
- Smolich, I. K. (1996). *History of the Russian Church. 1700—1917*. Moskva: Izdatelstvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo Monastyrya. 8/2. 798 p. (In Russ.).
- Talberg, N. D. (2008). *History of the Russian Church*. Moskva: Pravilo very. 2/2. 775 p. (In Russ.).
- Tsypin, V. Protoierey. (2006). *History of the Russian Orthodox Church: Synodal and Contemporary Periods*. Moskva: Izdatelstvo Sretenskogo monastyrya. 816 p. (In Russ.).
- Verkhovskiy, P. V. (1912). *Essays on the history of the Russian Church in XVII and XX century*. Varshava: Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga. 145 p. (In Russ.).
- Videneeva, A. E. (2001). *Rostov bishop's house and the system of diocesan administration in the XVII century: PhD Diss.* Yaroslavl. 300 p. (In Russ.).
- Zakrzhevskiy, A. G. (2000). *Bishops' authority in the system of church-state relations in the first half of the XVII century: PhD Diss.* Sankt-Peterburg. 183 p. (In Russ.).
- Znamenskiy, P. V. (2000). *History of the Russian Church*. Moskva: Krutitskoe patriarshee podvorye. 464 p. (In Russ.).

Бодрова Е. В. Падение инновационной активности в топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации в 1990-е годы и его последствия / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 325—339. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-325-339.

Bodrova, E. V., Kalinov, V. V. (2021). Decline in Innovation Activity in Fuel and Energy Complex of Russian Federation in 1990s and Its Consequences. *Nauchnyi dialog*, 4: 325-339. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-325-339. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-325-339

Падение инновационной активности в топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации в 1990-е годы и его последствия

Бодрова Елена Владимировна¹

orcid.org/0000-0001-7889-3054

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
evbodrova@mail.ru

Калинов Вячеслав Викторович²

orcid.org/0000-0002-9709-7720

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории
kafedra-i@yandex.ru

¹ МИРЭА — Российский
технологический университет
(Москва, Россия)

² Российский государственный
университет нефти и
газа (национальный исследовательский
университет)
имени И. М. Губкина
(Москва, Россия)

Decline in Innovation Activity in Fuel and Energy Complex of Russian Federation in 1990s and Its Consequences

Elena V. Bodrova¹

orcid.org/0000-0001-7889-3054

Doctor of History, Professor
Head of the Department of History
evbodrova@mail.ru

Vyacheslav V. Kalinov²

orcid.org/0000-0002-9709-7720

Doctor of History, Associate Professor
Head of the Department of History
kafedra-i@yandex.ru

¹ MIREA — Russian Technological
University
(Moscow, Russia)

² National University of Oil and Gas
«Gubkin University» (National Research
University))
(Moscow, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена значимостью осуществления цифровизации топливно-энергетического комплекса страны. На основе архивных данных и изучения оценок ведущих экспертов рассматривается проблема падения инновационной активности в топливно-энергетическом комплексе (ТЭК) РФ в контексте либеральных реформ, реализуемых в 1990-е годы. В результате анализа документов, статистических данных и иных материалов доказано, что инвестиционные программы сворачивались, до минимума сократилось бурение в нефтегазовой промышленности, нарастали социальные проблемы. Особое внимание уделено выявлению причин падения инновационной активности. Формулируется вывод о том, что кризисное положение ТЭК, отсутствие достойного финансирования лишило возможности ученых вести разработки на уровне, адекватном требованиям современного мирового энергетического рынка. Поднимается вопрос о взаимодействии руководителей ТЭК с центральными государственными органами, которые все более осложнялись из-за возрастающего налогового давления. Доказано, что в условиях всеобщего кризиса неплатежей предприятия ТЭК, не имея свободных средств, практически прекратили отчисления в фонд финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР). Ставка на появление «эффективных менеджеров», привлечение иностранного капитала, систему безаддресной бюджетной поддержки НИОКР себя не оправдала. Росла импортозависимость, которая не преодолена в полной мере до сих пор.

Ключевые слова:

топливно-энергетический комплекс; реформы 1990-х годов; кризис; нефтяная промышленность; отраслевая наука.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is due to the importance of digitalization of the country's fuel and energy complex. On the basis of archival data and a study of the assessments of leading experts, the author considers the problem of the decline in innovative activity in the fuel and energy complex (FEC) of the Russian Federation in the context of liberal reforms implemented in the 1990s. As a result of the analysis of documents, statistical data and other materials, it was proved that investment programs were curtailed, drilling in the oil and gas industry was reduced to a minimum, and social problems were growing. Particular attention is paid to identifying the reasons for the decline in innovative activity. The conclusion is made that the crisis situation in the fuel and energy complex, the lack of adequate funding has deprived scientists of the opportunity to develop at a level adequate to the requirements of the modern world energy market. The question is raised about the interaction of the heads of the fuel and energy complex with the central state bodies, which were increasingly complicated due to the increasing tax pressure. It is proved that in the conditions of a general crisis of non-payments, enterprises of the fuel and energy complex, having no free funds, practically stopped provisions to the fund for financing research and development work (R&D). The stake on the emergence of "effective managers", attraction of foreign capital, and a system of unaddressed budgetary support for R&D has not justified itself. Import dependence grew, which has not yet been fully overcome.

Key words:

fuel and energy complex; reforms of the 1990s; a crisis; oil industry; industry science.

Падение инновационной активности в топливно-энергетическом комплексе Российской Федерации в 1990-е годы и его последствия

© Бодрова Е. В., Калинов В. В., 2021

1. Введение

В условиях критической значимости осуществления технологического прорыва, модернизации ТЭК страны, преодоления его зависимости от импортных технологий возрастает роль разработки оптимальной и последовательно реализуемой государственной инновационной политики. Согласно заключениям специалистов, в развитых странах более 50 % прироста валового внутреннего продукта (ВВП) обеспечивается инновациями, роль и значимость которых в связи с этим сложно переоценить [Рогова, 2018, с. 105—169]. В связи с этим актуализируется проблема определения причин падения инновационной активности в ТЭК Российской Федерации в 1990-е годы.

В целом общее переосмысление проблемы развития ТЭК в период перехода к рынку можно охарактеризовать как весьма сложный и противоречивый процесс. Общим в рассуждениях большей части авторов является констатация неблагополучия в реальном секторе экономики в целом, включая низкий спрос на инновации, закупку в основном готового импортного оборудования. Часть авторов рассматривает нефтегазовый комплекс (НГК) страны в качестве препятствия на пути развития инновационной экономики [Модернизация ..., 2010, с. 11].

Однако президент одной из крупнейших нефтяных компаний страны «ЛУКОЙЛ» В. Ю. Алекперов утверждает, что именно НГК России не только обеспечил экономическую выживаемость страны, но и заложил основу для последующего ее устойчивого социально-экономического развития [Алекперов, 2011]. Исследователь М. М. Козеняшева формулирует, на наш взгляд, совершенно справедливый вывод о том, что неудачу экономических реформ обусловил прежде всего недостаточный концептуальный анализ проблемы влияния постиндустриализма на весьма специфичную российскую экономику. Обоснованным представляется и вывод автора о необходимости придания ускоренного инвестиционно-инновационного развития нефтяной отрасли, играющей в экономике РФ системообразующую и мультипликативную роль [Козеняшева, 2009].

Нами были изучены определенные аспекты проблемы эволюции государственной научно-технической политики на различных этапах отече-

ственной истории [Калинов, 2018, с. 73—102], развития нефтяной отрасли в контексте российской модернизации [Бодрова и др., 2014]. Однако проблема определения причин инновационной активности ТЭК в трансформационный период требует специального исследования с целью неповторения ошибок недавнего прошлого.

2. Попытки обеспечить устойчивое развитие ТЭК на первом этапе осуществления реформ 1990-х годов

Исследование показало, что еще в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 1 июня 1992 года № 363 «О неотложных мерах по использованию процесса конверсии предприятий оборонных и машиностроительных отраслей в целях обеспечения устойчивой работы топливно-энергетического комплекса России» и поручением Правительства от 25 декабря 1992 года № ГХ-П11-49916 был разработан проект «Государственной программы использования конверсии предприятий оборонного и машиностроительного комплексов в целях развития топливно-энергетического комплекса». Этот проект был подготовлен в связи с письмом Министра топлива и энергетики Российской Федерации Ю. К. Шафраника от 18 марта 1993 года, автор которого настаивал на приоритетности вопроса стабилизации и развития ТЭК и поэтому считал целесообразным сконцентрировать задания по конверсии и развитию предприятий всех отраслей народного хозяйства (не только оборонных) в интересах комплекса в одной программе, государственным заказчиком которой было призвано выступить Минтопэнерго [ГАРФ, ф. 10066, оп. 1, д. 72, л. 70—71].

В марте 1993 года Правительство РФ «в целях повышения устойчивости работы топливно-энергетического комплекса страны, ликвидации зависимости отраслей этого комплекса от поставок оборудования предприятиями-монополистами и импортных поставок, ускорения развития предприятий комплекса и роста его научно-технического и производственного потенциала» утвердило эту Программу и дало распоряжение Минэкономики, Минфину совместно с Минтопэнерго и Госкомпромом предусмотреть финансирование работ, включенных в Государственную программу использования конверсии предприятий оборонного и машиностроительного федерального бюджета и запланированных программой внебюджетных источников. При этом соответствующие средства выделялись предприятиям и организациям, выполняющим указанные работы, независимо от их ведомственной подчиненности и форм собственности. Устанавливалось, что на финансирование работ по использованию конверсии для стабилизации производства в отраслях топливно-энергетического комплекса, развитию и повышению технического уровня этих отраслей в 1993 году должно было быть направлено не менее 20 %

средств, предусматриваемых для финансирования конверсии в федеральном бюджете и федеральных внебюджетных фондах, а также не менее 35 % льготных кредитов, предоставляемых с участием Правительства Российской Федерации. В 1994 году и последующих годы на эти цели должно было быть выделено не менее 20 % средств [Бодрова и др., 2014, с. 277—279].

Централизованное финансирование НИОКР по созданию оборудования для ТЭК предусматривалось осуществлять согласно Федеральным целевым программам «Топливо и энергия» и «Реструктуризация и конверсия оборонной промышленности». Генеральным заказчиком НИОКР выступало Министерство экономики России. Требовали решения вопросы координации научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ межотраслевого и отраслевого значения, но большая часть научно-исследовательских институтов и конструкторских бюро находилась в крайне тяжелом финансовом положении, сокращалась тематика по разработке новой техники, приходила в упадок опытно-экспериментальная база. Конверсионные производства, ориентированные на потребности ТЭК, сталкивались с дополнительными трудностями в силу того, что оборонные предприятия не имели налаженных связей с заказчиками в нефтяной промышленности и не располагали в достаточном объеме информацией о потребностях отрасли в оборудовании и услугах [Архив ГД ФС РФ, ф. 10100, оп. 14, д. 3768, л. 6].

Формирование внебюджетных фондов финансирования НИОКР, производимое за счет отчислений до 1,5 % себестоимости продукции предприятий ТЭК, в 1994 году стало производиться на добровольных началах. В условиях всеобщего кризиса неплатежей предприятия, не имея свободных средств, почти прекратили отчисления в фонд финансирования НИОКР. В 1994 году практически не было открыто финансирование из бюджета Федеральной целевой программы «Топливо и энергия». При согласованных объемах финансирования с Минэкономки России 116 млрд руб. реально финансировалась лишь подпрограмма «Энергетическая стратегия России» [Там же].

В 1995 году Министерство топлива и энергетики заявило о необходимости концентрировать объемы НИОКР на следующих главных направлениях научно-технического прогресса в отраслях ТЭК: освоение новых энергетических технологий межотраслевого характера; освоение нового более эффективного оборудования; реконструкция и модернизация существующей техники на предприятиях комплекса; разработка и создание на государственном уровне единого правового, экономического и информационного пространства, обеспечивающего стабилизацию положения комплекса, а в дальнейшем — его развитие в новых рыночных условиях [Бодрова и др., 2014, с. 279—280].

3. Результаты реализации планов

Изучение архивных документов позволяет оценить и результаты реализации государственной политики в этой сфере. 14 октября 1997 года Комитет Государственной Думы по промышленности, строительству, транспорту и энергетике провел парламентские слушания «О состоянии производства отечественного оборудования для нефтегазового комплекса и угольной промышленности России», в которых приняли участие депутаты Государственной Думы, представители органов государственной власти, федеральных органов исполнительной власти, организаций и предприятий, занятых в области разработки, производства, поставок и использования оборудования для нефтегазового комплекса и угольной промышленности [Архив ГД ФС РФ, ф. 10100, оп. 14, д. 3740, л. 109—118]. В ходе обсуждения участники парламентских слушаний констатировали наличие следующих проблем: из нефтеносных пластов извлекалось не более 25—40 % нефти [Там же, л. 99]; износ основных фондов предприятий ТЭК достиг критического состояния, составив в нефтедобыче 54 %, в нефтепереработке — 77 %, в газопереработке — 78 %, в газодобыче — 42 %, в угольной промышленности — 56 % [Там же, л. 109].

Сложившаяся ситуация в значительной мере предопределила падение объемов добычи этих ресурсов, ухудшение состояния безопасности труда, возникновение дополнительных сложных экологических проблем. По мнению выступающих, такое состояние обуславливалось в первую очередь тем, что за годы реформ в машиностроении оказалось утраченным до 80 % промышленного производства. По данным Государственного комитета Российской Федерации по статистике, например, на 96 % сократился выпуск буровых установок для эксплуатационного и глубокого бурения, на 98 % — турбобуров, на 64% — проходческих комбайнов для угольной промышленности, на 75 % — очистных комбайнов для угольных шахт и т. д. [Там же]. Одновременно заместитель Министра топлива и энергетики В. В. Бушуев отмечал, что из-за отсутствия государственного маркетинга и скоординированного маркетинга со стороны товаропроизводителей и потребителей промышленности производилось оборудование, не соответствующее требованиям отрасли [Там же, л. 3]. Кроме того, в 1997 году в отрасль совсем перестали поступать централизованные средства, тогда как в 1990 году они составляли 80 % [Там же, л. 2]. В рекомендациях парламентских слушаний приводились в связи с этим следующие данные: с 1992 по 1996 годы объем капиталовложений в развитие производства оборудования для ТЭК уменьшился более чем в 4 раза [Там же, л. 110].

В общей сложности доля импорта в закупке оборудования для нефтегазового комплекса и угольной промышленности к этому времени достиг-

ла 35 %. Одновременно констатировалось, что предприятия РФ, занятые производством оборудования для ТЭК, освоили и были готовы выпускать около 95 % требуемой номенклатуры, но производственные мощности их были загружены менее чем на 50 %, а введенные мощности по производству оборудования на заводах военно-промышленного комплекса (ВПК) использовались всего на 20 % [Там же].

В этой ситуации профессор РГУ нефти и газа имени И. М. Губкина В. Я. Кершенбаум полагал необходимым разработку национальной промышленной программы, включавшей восстановление нефтегазовой отрасли. Речь шла буквально о катастрофическом ее состоянии, так как был велик износ оборудования, практически свернуто производство геологоразведочного бурового оборудования (наблюдался спад в 20—30 раз), снижение производства буровых установок составило 96 %, самоходных буровых установок — 93 %, турбобуров — 98 %. Одновременно ученый напомнил, что СССР был в ряду передовых в производстве турбобуров. Но в 1990-е годы это оборудование закупалось за рубежом. Так, в 1996 году только врубочных машин для добычи угля было закуплено на \$ 360 млн. В качестве главной причины создавшегося положения В. Я. Кершенбаум назвал устранение от этой проблемы государства, федеральной власти [Там же, л. 37—38].

Ю. П. Бородин, представитель Российского союза промышленников и предпринимателей, предложил реализовать широкую программу технического перевооружения, настаивая на необходимости проведения на основе тендеров единой государственной научно-технической политики, обеспечивающей поддержку тем проектам и предприятиям, которые осваивают новые технологии [Там же, л. 99].

Достаточно жестко парламентarii оценивали позицию правительства в этой связи: «Не создав отечественному производителю оборудования для нефтегазового комплекса и угольной промышленности оптимальных условий для достижения должного их финансово-экономического положения и осуществления производственной деятельности, Правительство РФ не только разрешило свободную конкуренцию со стороны иностранных фирм, но в апреле 1996 года своим постановлением снизило пошлины на импорт нефтегазового оборудования в 4 раза (с 20 % до 5 % его таможенной стоимости). Сложилась ситуация, когда продажа оборудования для ТЭК превращается в криминальный сектор российского рынка» [Там же, л. 110].

Устранение государства от процесса регулирования импорта оборудования привело к созданию системы перекачки валюты за рубеж, обогащения посреднических фирм, разрушению отечественного производства. Обобщая перечисленные в то время экспертами причины падения объемов производства отечественного оборудования для нефтегазового комплекса и угольной

промышленности, назовем в ряду основных такие, как просчеты проводимых в стране экономических реформ, устранение государства, а также ситуация, сложившаяся в отрасли из-за «браконьерского» освоения нефтяных месторождений еще в доперестроечный период. В результате: российские предприятия были брошены в стихийный рынок, где они вынуждены были действовать по навязываемым им условиям; исчезли оборотные средства, начался процесс неплатежей за поставленную продукцию, катастрофически упали объемы капиталовложений; потребителю продукции нефтегазового и угольного машиностроения были предложены униженные связанные кредиты, по которым западный заимодавец стал диктовать условия их реализации и приобретения этой продукции; действующая система никак не дифференцируемых налогов на добавленную стоимость, на прибыль; пени на неплатежи в бюджет и внебюджетные фонды, независимо от того, чем они порождены, — все это создавало ситуацию, когда предприятия вынуждены были допускать многомесячные задержки заработной платы. Сложилась парадоксальная ситуация, когда им было выгодно стать нерентабельным, чтобы не платить налоги государству.

Рост закупок оборудования по импорту, в значительной мере справедливо, объяснялся низким качеством отечественного оборудования, плохой комплектностью. Качество страдало во многом из-за ориентации на объемы выпускаемой недорогой продукции. Несовершенной была система стандартизации (в середине 1990-х годов около 50 % продукции для нефтегазового комплекса и угольной промышленности не имели государственных стандартов, а действующие не соответствовали международным) [Там же, л. 112]. Весьма серьезной проблемой в производстве оборудования для ТЭК оставалось недостаточное его научное обеспечение. Система безадресной бюджетной поддержки НИОКР себя не оправдала.

Многие предприятия ВПК, обладая наиболее совершенным в России технологическим потенциалом, приступили к выпуску оборудования для ТЭК. В рамках программы «Конверсия» в подпрограмме «Развитие производства оборудования для ТЭК» участвовали более 200 предприятий ВПК, производивших более 30 % номенклатуры оборудования, которое по своим качественным характеристикам в большинстве случаев отвечало самым взыскательным требованиям, но, как правило, имело высокую стоимость [Там же, л. 111].

Блокирующими факторами для производства нефтегазового оборудования также явились: отсутствие соответствующего законодательства; высокие ставки и короткие сроки кредитования российских банков; отсутствие механизма временного инвестирования свободных средств различных хозяйствующих субъектов посредством лизинга; недостаточная яс-

ность вопроса земельных отношений; нерешенность вопроса о налоговых платежах при передаче имущества в лизинг и др.

Для улучшения ситуации был принят Указ Президента РФ № 305 «О борьбе с коррупцией и о конкурсном распределении бюджетных ассигнований» [Указ 1997]. Считалось необходимым создать механизмы наиболее эффективной реализации объемов инвестиций из федерального бюджета, направленных на эти цели, что положительно сказывалось бы и на вовлечении средств потребителей продукции. В частности, предполагалось реструктуризировать научную сферу, которая обслуживала интересы нефтегазового комплекса и угольной промышленности, создать условия, при которых научно-исследовательские организации смогут выпускать продукцию, востребованную потребителем. Говорилось о совершенствовании базы, способной предоставлять информацию о возможностях отечественных предприятий по выпуску продукции, достоверные данные о его качестве, сервисном обслуживании. В ряду возможных направлений называлось также развитие лизинга оборудования как формы, которая могла бы существенно поддержать процесс модернизации производства в условиях совершенно недостаточной государственной экономической поддержки этих предприятий.

Но кризис отраслевой науки развивался по нарастающей. Справедливости ради отметим, что отдельные вертикально-интегрированные компании в этих тяжелейших экономических условиях демонстрировали инновационную активность. Так, еще в 1992 году при поддержке компании «ЛУКОЙЛ» было создано открытое акционерное общество «Российская инновационная топливно-энергетическая компания» (ОАО «РИТЭК»), которая во второй половине 1990-х годов активизировала процесс разработки и внедрения современных технологий с целью восстановления фонда бездействующих скважин [Грайфер, 1992]. Вот какую оценку «РИТЭКу» в 2009 году дал В. Ю. Алекперов: «В название “РИТЭК” заложена главная идея — инновации. В наши дни это слово у всех на слуху <...> Но в 1992 году, когда задумывался “РИТЭК”, немногие понимали, о чём идёт речь. Сегодня эта небольшая компания специализируется на разработке месторождений с трудноизвлекаемыми запасами. До “РИТЭКа” считалось, что это неперспективные объекты, то есть заведомо убыточные. Но Валерий Исаакович Грайфер и его коллектив доказали обратное. Приведу один пример. Каждую тонну добытой нефти “РИТЭК” восполняет 3,5 т извлекаемых запасов. Это беспрецедентный для нефтяной промышленности показатель» [Учитель ..., 2009, с. 7].

Но эти результаты были достигнуты ценой серьезных усилий. Пример «РИТЭК» был в те годы, скорее, исключением. Вице-президент ОАО «ЛУКОЙЛ» Л. А. Федун, выступая в 1999 году в Государственной Думе,

весьма красноречиво и эмоционально обрисовал ситуацию в нефтяной отрасли. По его мнению, самой большой проблемой явилась приватизация, которая началась не в 1992 году, не в 1993 году, а еще в 1988—1989 годы, когда с выходом знаменитых законов о предприятиях и предпринимательской деятельности, о трудовых коллективах началось массированное создание совместных предприятий, кооперативов, арендных предприятий в отрасли. Всего их к началу 1990-х годов появилось более тысячи. По его словам, массовое участие нефтяников из Канады, Голландии в осуществлении ремонта, в восстановлении скважин в обмен на нефть, ваучерная приватизация не обеспечили «ни одной копейки в добычу нефти и газа». Говорить об инвестициях, когда налоги составляли 62 % от объема продаж, с точки зрения выступающего, было невозможно. При этом добыча упала на 30 %. Если в середине 1980-х годов Советский Союз вкладывал примерно 20—25 млрд долларов в нефтедобычу в год, то уже в 1986 году эта цифра сократилась примерно до 16 млрд, из которых значительная часть шла в Казахстан. В 1990-е годы средняя сумма вложений инвестиций составляла 7—7,5 млрд долларов. В 1998 году — лишь 5 млрд долларов. Компании «ЛУКОЙЛ», «Газпром», «Сургутнефтегаз» сумели выжить в этих условиях, потому что их возглавляли профессионалы и государственники. По оценке Л. А. Федуна, «уродливая чубайсовская схема» приватизации приводила к руководству остальных компаний людей малокомпетентных. Напоминая о высшей степени опасной ситуации, приведшей в конце 1980-х годов к обвалу нефтяной промышленности, «который затем завершился определенными политическими процессами», Л. А. Федун предупредил: «Такой же обвал назревает и сейчас» [Архив ГД ФС РФ, ф. 10100, оп. 14, д. 3760, л. 3].

Действительно, ставка на появление «эффективных менеджеров» и иностранные инвестиции оказалась иллюзией. Эффективность созданных в 1990-е годы совместных предприятий, на которые возлагались большие надежды, заведующий сектором Института макроэкономических исследований при Министерстве экономики РФ Е. В. Балацкий оценивал крайне низко. Действительно, вклад подобных предприятий в целом в ВВП страны оказался невелик: в 1995 году он не достигал 3 %. Не отличались эти предприятия и повышенной инвестиционной активностью. К 1996 году они аккумулировали лишь 0,6 % занятых в российской экономике [Балацкий, 1998, с. 10].

Известный эксперт М. М. Козеняшева также невысоко охарактеризовала эффективность совместных предприятий на примере нефтегазовой отрасли. Никакой модернизации отрасли с их помощью осуществлено не было [Козеняшева, 2009, с. 111—112].

4. Оценки экспертами итогов развития ТЭК в 1990-е годы в целом

Своеобразным подведением итогов развития ТЭК страны в 1990-е годы стало расширенное заседание коллегии Минтопэнерго РФ, которое состоялось 19 февраля 1999 года. Директор института геологии нефти и газа Сибирского Отделения Российской наук, академик А. Э. Конторович заявил о том, что в Правительство им была направлена записка, посвященная вопросам формирования нефтегазового комплекса Восточной Сибири. При наличии инвестиций, по оценкам ученого, добыча нефти к 2015 году могла бы достичь по ресурсам 20 млн т, к 2020 году — 43 млн и 2030 году — 48—50 млн т. Ковыктинское месторождение, по его расчетам, к 2010 году могло бы дать 30 млрд куб. м газа в год, к 2015 году — примерно 40, к 2030 году — примерно 60 млрд куб. м в год. Академиком было предложено сформировать единую программу формирования нефтегазовой промышленности Восточной Сибири и Республики Саха и выхода Сибири на Азиатско-Тихоокеанский регион. При этом необходимо было, указывал он, учитывать специфику месторождений региона, которая требует внедрения новых технологий, в том числе разработанных Сибирским отделением РАН. Однако это требовало средств и другого рода государственной поддержки фундаментальной и отраслевой науки.

Одним из определяющих характер решений, принятых коллегией, явилось выступление Министра природных ресурсов РФ В. П. Орлова, который задался вопросом, почему, имея запасов газа в десять раз меньше, чем Россия, Соединенные Штаты добыли в 1997 году газа примерно столько, сколько Россия? Имея запасов нефти в недрах в семь раз меньше чем Россия, США добыли нефти почти 400 млн т, а не 300, как наша страна. Вопрос, по мнению выступающего, должен стоять так: «Как этот гигантский потенциал, на порядок превышающий тот же сырьевой потенциал Европейских стран или США, вовлечь в дело» [ГАРФ, ф. 10240, оп. 1, д. 2921, л. 26].

Министр топлива и энергетики РФ С. В. Генералов попытался ответить на вопрос о причинах такой ситуации, объясняя ее превращением ТЭК в донора страны: «Предприятия ТЭК, несмотря на тяжелейшее финансовое положение, обеспечили поступление более 130 млрд рублей налоговых платежей в бюджеты всех уровней, чем внесли свой весомый вклад в формирование доходной части. Как и в предыдущие годы, ТЭК продолжал оставаться главной опорой и надеждой общества, сохраняя свою стабилизирующую и интегрирующую роль в экономике России» [Там же, л. 117].

Действительно, согласно данным М. М. Козеняшевой, несмотря на сложную ситуацию в ТЭК, ежегодно в 1990-е годы «Газпром» и нефтяные компании датировали экономику РФ на 25 млрд долларов. Если в 1994 году

нефтяной комплекс обеспечивал 6 % всех бюджетных поступлений, то в 1998 году — 22 % [Архив ГД ФС РФ, ф. 10100, оп. 14, д. 5599, л. 26—32].

С. В. Генералов охарактеризовал в целом сложившееся на тот момент положение как критическое: после некоторого роста добычи нефти и газового конденсата в 1997 году объем их добычи в 1998 году снова снизился, составив 33,7 млн т, или 99,2 % к уровню 1997 года. К существовавшим ранее проблемам — острому недостатку капиталовложений, тяжелому финансовому положению предприятий, отягощенному несовершенством налоговой системы, — в 1998 году добавились низкие мировые цены на нефть. В результате производственные показатели в большинстве нефтяных компаний заметно ухудшились. Ограниченная платежеспособность на нефтепродукты привела к снижению не только объемов переработки, но и объема экспорта [ГАРФ, ф. 10240, оп. 1, д. 2921, л. 119].

Особое внимание на коллегии было обращено на состояние дел в отраслевой науке. Еще Постановлением Правительства от 6 июля 1994 года № 790 было принято решение учредить на базе «Российского межотраслевого научно-технического комплекса «Нефтеотдача» Акционерное общество открытого типа, 38 % акций которого закреплялись на 3 года в федеральной собственности. Указанным постановлением Правительства был подтвержден установленный ранее механизм финансирования НИОКР, опытно-промышленных испытаний и внедрения новых технологий и технических средств повышения нефтеотдачи пластов за счет реализации на свободном рынке нефти, добываемой компанией и ее дочерними предприятиями на опытно-промышленных полигонах из залежей с трудноизвлекаемыми запасами (ОАО «Татнефтеотдача», ОАО «Пурнефтеотдача», ОАО «Нижневартоннефтеотдача», ОАО «Ульяновскнефтеотдача» и др.) [Постановление 1994]. Итогом деятельности явилось внедрение на тот момент более 130 новых технологий, разработанных НТК, с уровнем дополнительной добычи нефти около 10 млн т в год. Подпрограмма «Увеличение нефтеотдачи продуктивных пластов», которая реализовывалась в рамках федеральной целевой программы «Топливо и энергия», предусматривала финансирование в объеме 86,6 млн (денонсированных) рублей, в том числе из средств федерального бюджета — 72,6 млн руб., из внебюджетных источников — 6,0 млн руб. Однако в действительности в 1996—1998 годы из запланированных 40 млн руб. было выделено всего 5,5 млн руб. [Государственная ..., 2014, с. 417].

5. Заключение

Таким образом, из-за стратегических просчетов при проведении макроэкономической политики в 1990-е годы в Российской Федерации кризис в социально-экономической сфере в целом и в топливно-энергетическом

комплексе, в частности, продолжал развиваться. Сворачивались инвестиционные программы, до минимума сократилось бурение, нарастали социальные проблемы. Взаимоотношения с центральными государственными органами все более осложнялись из-за возрастающего налогового давления. Между тем расчеты показывали, что для стабилизации добычи нефти требовались весьма крупные средства, но планируемые, а тем более в реальности направляемые Правительством инвестиции были много меньше. На фоне падения цен на нефть ситуация еще более осложнялась. Стоимость нефти оказалась сравнимой со стоимостью ее транспортировки.

В условиях финансовой дестабилизации из-за растущих неплатежей, дефицита инвестиций, высоких процентов ставок на кредиты, сокращающихся производственных мощностей, невозможности модернизации и снижения издержек, жесткой налоговой политики и политики ценообразования на продукцию отрасли, кризиса государственного управления сокращались возможности не только расширенного, но и простого воспроизводства. В результате частичной приватизации и перепрофилирования, финансовой зависимости от текущих интересов нефтяных корпораций в отраслевой науке наблюдалось снижение перспективных теоретических и научно-практических работ, сужалась проблематика и объемы исследований, снижалась инновационная активность. В результате отраслевая наука развалилась. Отдельные исключения спасти ситуацию в целом не могли. Ставка на эффективных менеджеров и иностранные инвестиции не оправдалась. Доля ввозимого оборудования возрастала.

Проблема последствий развала отраслевой науки в 1990 годы, все больших объемов поставляемого импортного оборудования с особой остротой дала о себе знать в 2014 году, когда были введены антироссийские ограничительные технологические санкции. К сожалению, эта проблема не разрешена до сих пор. Разработка оптимальных инновационных программ требует извлечения уроков из исторического опыта.

Источники и принятые сокращения

1. Архив ГД ФС РФ — *Архив Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации*. Ф. 10100 (Комитет по образованию и науке, по промышленности, строительству и наукоёмким технологиям, экономической политике и предпринимательству). Оп. 14. Д. 3740. Л. 2, 3, 37, 38, 99, 109—118; Д. 3760. Л. 3; Д. 3768. Л. 6; Д. 5599. Л. 26—32.
2. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 10066 (Государственный комитет РФ по промышленной политике). Оп. 1. Д. 72. Л. 70—71; Ф. 10240 (Министерство энергетики РФ). Оп. 1. Д. 2921. Л. 26, 117, 119.
3. Постановление 1994 — *Об учреждении* акционерного общества открытого типа «Научно-технологическая компания Российский межотраслевой научно-технический

комплекс “Нефтеотдача” (РМНТК “Нефтеотдача”))»: постановление Правительства РФ от 06.07.1994 № 790 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.lawmix.ru/expertlaw/254952> (дата обращения: 09.12.2020).

4. Указ 1997 — *О первоочередных мерах по предотвращению коррупции и сокращении бюджетных расходов при организации закупки продукции для государственных нужд* : Указ Президента Российской Федерации от 08.04.1997 № 305 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.torgi2.stavkray.ru/jetspeed/portal/content/view/document/general/laws/pres_305.htm (дата обращения: 17.11.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алекперов В. Ю.* Нефть России : прошлое, настоящее и будущее / В. Ю. Алекперов. — Москва : Креативная экономика, 2011. — 430 с.

2. *Балацкий Е. В.* Малые, совместные и иностранные предприятия в российской экономике переходного периода / Е. В. Балацкий // Вестник Российской академии наук. — 1998. — Т. 68, №. 1. — С. 9—14.

3. *Грайфер В. И.* РИТЭК — символ новизны и прогресса / В. И. Грайфер // Нефтяник. — 1992. — № 10.

4. *Государственная политика в нефтегазовой сфере в контексте российской модернизации* / Е. В. Бодрова, В. В. Калинов, М. Н. Филатова и др. — Москва : МАОРИ, 2014. — 813 с.

5. *Калинов В. В.* Достижения и просчеты государственной научно-технической политики СССР в послевоенный период / В. В. Калинов // Российский технологический журнал. — 2018. — Т. 6, №1. — С. 73—102.

6. *Козеняшева М. М.* Глобализация мирового нефтяного хозяйства и российский нефтяной комплекс / М. М. Козеняшева. — Москва : ГУУ, 2009. — 252 с.

7. *Модернизация в России как условие ее успешного развития в XXI веке* / отв. ред. А. Н. Аринин. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 317 с.

8. *Рогова В. А.* Кадровые проблемы развития высоких технологий в России в зеркале Глобального индекса инноваций / В. А. Рогова // Российский технологический журнал. — 2018. — Т. 6, №. 4. — С. 105—169.

9. *Учитель, соратник, единомышленник* : выдающемуся российскому нефтянику Валерию Исааковичу Грайферу исполняется 80 лет: интервью с президентом ОАО «ЛУКОЙЛ» В. Ю. Алекперовым // Нефть России. — 2009. — № 11 (176). — С. 7.

MATERIAL RESOURCES

Apkhiv GD FS RF — *Archive of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation*. F. 10100. (In Russ.).

Postanovleniye 1994 — *On the establishment of an open joint-stock company “Scientific and technological company” Russian interbranch scientific and technical complex “Nefteotdacha” (RMNTK “Nefteotdacha”): Decree of the Government of the Russian Federation of 06.07.1994 No. 790*. Available at: <http://www.lawmix.ru/expertlaw/254952> (accessed: 09.12.2020). (In Russ.).

Ukaz 1997 — *On priority measures to prevent corruption and reduce budgetary expenditures when organizing the purchase of products for state needs: Decree of the President of the Russian Federation of 08.04.1997 No. 305*. Available at: <http://>

www.torgi2.stavkray.ru/jetspeed/portal/content/view/document/general/laws/pres_305.htm (accessed: 11.17.2020). (In Russ.).

GARF — *State Archives of the Russian Federation*. F. 10066. (In Russ.).

REFERENCES

- Alekperov, V. Yu. (2011). *Oil of Russia: past, present and future*. Moscow: Creative Economy. 430 p. (In Russ.).
- Arinin, A. N. (ed.). (2010). *Modernization in Russia as a condition for its successful development in the XXI century*. Moscow: ROSSPEN. 317 p. (In Russ.).
- Balatsky, E. V. (1998). Small, joint and foreign enterprises in the Russian economy in transition. *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 68/1: 9—14. (In Russ.).
- Bodrova, E. V., Kalinov, V. V., Filatova, M. N. et al. (2014). *State policy in the oil and gas sector in the context of Russian modernization*. Moscow: MAORI. 813 p. (In Russ.).
- Graifer, V. I. (1992). RITEK — a symbol of novelty and progress. *Oilman*, 10. (In Russ.).
- Kalinov, V. V. (2018). Achievements and miscalculations of the state scientific and technical policy of the USSR in the post-war period. *Russian technological journal*, 6/1: 73—102. (In Russ.).
- Kozenyasheva, M. M. (2009). *Globalization of the world oil economy and the Russian oil comple*. Moscow: GUU. 252 p. (In Russ.).
- Rogova, V. A. (2018). Personnel problems of the development of high technologies in Russia in the mirror of the Global Innovation Index. *Russian technological journal*, 6/4: 105—169. (In Russ.).
- Teacher, colleague, like-minded person. Prominent Russian oilman Valery Isaakovich Graifer turns 80: interview with President of OAO LUKOIL V. Yu. Alekperov*. (2009). *Oil of Russia*, 11 (176): 7. (In Russ.).

Галкина Ю. М. Славист как разведчик : французская Школа восточных языков и Русская революция в 1918 году / Ю. М. Галкина // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 340—356. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-340-356.

Galkina, Yu. M. (2021). Slavist as a Scout: French School of Oriental Languages and Russian Revolution in 1918. *Nauchnyi dialog*, 4: 340-356. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-340-356. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-340-356

Славист как разведчик: французская Школа восточных языков и Русская революция в 1918 году

Галкина Юлия Михайловна

orcid.org/0000-0002-4863-5027

кандидат исторических наук, ассистент
кафедры новой и новейшей истории
iulia.galkina@urfu.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда (РНФ),
проект № 20-78-10014
«От Соглашения к Пакту: франко-русские /
франко-советские отношения
в период 1890—1930-х гг.»

Slavist as a Scout: French School of Oriental Languages and Russian Revolution in 1918

Yulia M. Galkina

orcid.org/0000-0002-4863-5027

PhD in History, Assistant, Department
of Modern and Contemporary History
iulia.galkina@urfu.ru

Ural Federal University named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Yekateriburg, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by Russian Science Foundation (RSF),
project number 20-78-10014
“From Consent to the Pact: Franco-
Russian / Franco-Soviet relations in the
1890-1930s”

© Галкина Ю. М., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материалах Национального архива Франции рассматривается деятельность выпускников-славистов Школы восточных языков (Париж) в 1918 году в России. В центре внимания — филологи и дипломаты: А. Мазон, А. Гокье, Ж. Сишель-Дюлонг, П. Блей. Их активность в Советской России и взгляд на происходящие в стране события реконструированы на основе писем, направленных директору Школы восточных Языков — П. Буайе. Показано, что многие идеи, декларируемые специалистами-русистами, являются отражением господствующих во французской политической элите умонастроений: идея скорого падения власти большевиков, уверенность в германском следе русской революции, стремление рассматривать политические трансформации Советской России через призму французского исторического и парламентского опыта. Отмечается, что наиболее критическую позицию в осмыслении событий в России занял А. Гокье, поставив в центр своей аналитической работы потребности русского человека. Новизна исследования заключается в рассмотрении роли Франции в процессе эскалации Гражданской войны в России, что длительное время находилось в «слепом пятне» исследовательского интереса. Автор статьи реконструирует контакты выпускников Школы с антибольшевистским подпольем. Выявляются роль и значение ученых в поддержании разведывательной деятельности Франции в Советской России.

Ключевые слова:

Русская революция; Школа восточных языков; Французский Институт; Поль Буайе; Андре Мазон; антибольшевизм

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on the materials of the National Archives of France, the activity of graduates-Slavists of the School of Oriental Languages (Paris) in 1918 in Russia is considered. The article focuses on philologists and diplomats: A. Mazon, H. Gauquié, J. Sichel-Dulong, P. Blay. Their activity in Soviet Russia and their view of the events taking place in the country are reconstructed on the basis of letters sent to the director of the School of Oriental Languages — P. Boyer. It is shown that many of the ideas declared by specialists in Russian studies are a reflection of the mentality prevailing in the French political elite: the idea of the imminent fall of the Bolshevik power, confidence in the German trace of the Russian revolution, the desire to view the political transformations of Soviet Russia through the prism of French historical and parliamentary experience. It is noted that H. Gauquié, took the most critical position in understanding the events in Russia, placing the needs of the Russian person at the center of his analytical work. The novelty of the research lies in the consideration of the role of France in the escalation of the Civil War in Russia, which for a long time was in the “blind spot” of research interest. The author of the article reconstructs the contacts of the School’s alumni with the anti-Bolshevik underground. The role and importance of scientists in supporting the intelligence activities of France in Soviet Russia are revealed.

Key words:

Russian revolution; School of Oriental Languages; French Institute; Paul Boyer; André Mazon; anti-bolshevism.

Славист как разведчик: французская Школа восточных языков и Русская революция в 1918 году

© Галкина Ю. М., 2021

1. Причины и время появления специалистов Школы восточных языков в Советской России

Произошедшие в октябре 1917 года революционные события и дальнейший выход Советской республики из войны поставили перед Третьей Республикой задачу сохранения России в орбите своего влияния и максимально возможного в текущих условиях возобновления сопротивления Германии, в связи с чем появилась необходимость получения точных сведений о политической, военной, экономической ситуации в Республике Советов, что позволяло бы более искусно влиять на обстановку в лагере бывшего союзника. Традиционно сведения о всестороннем положении страны собирались сотрудниками Военного министерства Франции. Военные атташе, представители 2 Бюро Генерального Штаба, регулярно составляли соответствующие отчеты и направляли их в Париж. Другим носителем информации было Министерство иностранных дел, по своим каналам информировавшее руководство о состоянии страны пребывания. Однако заключение Брест-Литовского перемирия поставило работающие в России официальные французские структуры в сложную ситуацию: дипломатический корпус и военная миссия фактически перешли на нелегальное положение. Этому способствовало отсутствие признания Советской республики со стороны западных держав, откровенно враждебное отношение европейских элит к большевикам, выразившееся в поддержке контрреволюционных сил. Так или иначе, в сложившейся обстановке ответственные лица Третьей Республики нуждались в информации о состоянии дел в России, основанной на квалифицированном экспертном мнении. Такими экспертами стали сотрудники «Альянс Франсез», Французского Института и Школы восточных языков, которая также рассматривается в рамках данной статьи. Специалисты этих учреждений работали в России с 1916 года, будучи привлеченными в Комитет управления пропаганды, созданный по инициативе французского офицера связи Ж. Ланглуа с целью формирования позитивного образа союзника и негативного образа врага в общественном мнении России. Подобная политика соответствовала современной эпохе тенденциям привлекать к работе с общественным мнением интеллектуалов, в том числе ученых и представителей мира искусства [Forcade, 2004, p. 432].

В декабре 1917 года министр иностранных дел С. Пишон учредил комиссию по решению русского вопроса под председательством государственного министра, антикоммуниста А. Франклина-Буйона. В комиссию входили глава службы пропаганды при французской военной миссии в России граф де Шевии, журналист и востоковед Робер де Ке (Robert de Caix) и директор Школы восточных языков Поль Буайе. Перед ней стояла задача конкретизировать стратегию работы в России, расширить деятельность службы пропаганды и представить список из числа специалистов, которых можно направить в Россию [Geist, 2019]. Французские чиновники считали, что «теперь, когда мир стал окончательным, нам больше нечего ожидать от большевистской партии, кроме предательств и новых столкновений ...» [AN, 62AJ/66, р. VI], и в рамках борьбы с большевиками планировали укрепить сотрудничество с аналогичными службами пропаганды стран Согласия: Великобритании, США, Италии и Бельгии. Тем более что «на этом поле приходится бороться с подавляющим большинством жителей России» [Geist, 2019]. Одним из инструментов претворения этой идеи в жизнь стала отправка в Россию выпускников Школы восточных языков, инициированная ее руководителем Полем Буайе (1864—1949), профессором-славистом. Специалистам Школы предписывалось вступить в связь с теми политическими кругами, которые хотят остаться преданными Альянсу и создать сложности для немцев [AN, 62AJ/66, р. VI—X]. Подобная практика уже обсуждалась в 1917 году и с тех пор занимала умы руководителей Третьей Республики: считалось, что французы, в довоенное время работавшие в России в качестве инженеров, профессоров и др., способны оказать неоценимые услуги своему правительству, занимаясь подпольной работой и таким образом готовя замену большевистскому режиму [Ibid]. Интеллектуальным стимулом выступила разработанная в октябре 1917 года славистом Андре Мазоном программа «Как в настоящее время должна выглядеть французская активность в России». Учёный высказал мнение, что Франции следует перестать направлять в Россию «специальных агентов», «вечно подозрительных и часто неспособных выполнять свою задачу». Намекая на себя и своих коллег, Мазон утверждал, что такими задачами должны заниматься специалисты, компетентные в русских делах и обладающие связями в России [AN, 62AJ/66, Note sur ce que devrait être présentement l'action française en Russie]. Идеи Мазона в итоге были услышаны: 8 декабря 1917 года министр иностранных дел Стефан Пишон издал приказ, в котором силами специальной Комиссии требовалось в кратчайшие сроки составить список специалистов, «знающих Россию», для скорейшего их использования в этом регионе [AN, 62AJ/66, Note pour le Ministre des Affaires Étrangères].

На сегодняшний день Национальный архив Франции располагает коллекцией писем и выдержек из писем, датированных февралем-июлем 1918 года, которые П. Буайе получал из России от своих учеников: Жильбера Сишеля-Дюлонга, Андре Мазона и Анри Гокье, представлявших так называемую «московскую группу» агентов влияния [Галкина, 2017, с. 134]. В этих письмах ученики П. Буайе, сохранившие со своим мэтром теплые, дружеские отношения, пытались представить свое мнение о политической ситуации в России, обосновать положение различных политических сил, спрогнозировать их будущее, преподнести свое понимание общественного мнения и тех действий, которые Третья Республика должна предпринять по отношению к бывшему союзнику.

На протяжении 1918 года П. Буайе подбирал из числа своих учеников потенциальных агентов для отправки в Россию с миссией «разведки и пропаганды» [Pondoroulo, 2011, p. 357]. В одном из писем послу Жозефу Нулансу Буайе выразился так: «Я говорил Вам: чтобы бороться с немецким влиянием, обеспечиваемым в России отлично вышколенными агентами, чтобы защитить наше французское дело, Вам необходимо увеличить число агентов влияния. Вы можете написать мне, и я без всякого бахвальства покажу Вам ребят, владеющих русским языком, умеющих руководить людьми и делами в России ...» [AN, 62AJ/66, L'administrateur de l'Ecole Nationale des Langues Orientales vivantes à Monsieur Noulens]. Кандидатуры и время появления агентов в России согласовывались и контролировались послом Нулансом, при этом посол не видел срочной необходимости в отправки сколько-нибудь значительного числа выпускников Школы, полагая, что первоочередной задачей для Франции является силовое решение вопроса. По его мнению, деятельность специалистов в сфере гуманитарного знания будет востребована после того, как большевики будут свергнуты военным путем [AN, 62AJ/67, Письмо Ж. Нуланса — П. Буайе].

2. Деятельность специалистов Школы в Советской России: Андре Мазон

Наиболее ценным учеником П. Буайе считался выдающийся филолог-русист Андре Мазон. Французская исследовательница С. Кёре полагает, что в 1918 году А. Мазон находился в Советской России с целью «сбора материалов для библиотек» и в этом качестве впоследствии был арестован чекистами [Кёре, 2009, с. 289]. Действительно, формально работая при французской военной миссии, А. Мазон не являлся её сотрудником: он находился в России в научной командировке по заданию Министерства народного просвещения Франции. Однако «научная командировка» была всего лишь легендой для прикрытия его разведывательной деятельности [Спиридонова, 2013, с. 200].

А. Мазон отправился в Москву в начале 1918 года: данный визит был для него далеко не первым: с 1905 года он преподавал французский язык в Харьковском университете [Там же], нередко приезжал в Петербург для работы с материалами по творчеству и биографии И. А. Гончарова [Geist, 2019]. В феврале 1918 года он прибыл в Хельсинки и некоторое время вращался в кругах финского слависта, правого националиста Иосеппи Микколы и его супруги. Пара держала популярный по тем временам литературный салон, который привлекал выдающихся писателей, ученых-славистов, артистов — в шутку его называли «генеральное консульство славян» [Hellman, 2009, p. 125]. Из Хельсинки А. Мазон направлял П. Буайе информацию о ходе Гражданской войны в Финляндии и настроениях местной интеллектуальной элиты, ее отношении к немцам, англичанам, французам и русским. Также в Париж направлялись сведения о перемещениях И. Микколы [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. André Mazon, Helsingfors, le 25 février 1918], выполнявшего в 1918 году дипломатическую миссию по приказу финского правительства.

В конце марта 1918 года Мазон перебрался в Россию. Приезд слависта в столицу горячо ожидался главой службы пропаганды при французской миссии в России графом де Шевии. Он писал: «Мазон приедет в Москву. Он будет заводить связи с людьми политических, университетских кругов, и я знаю его достаточно хорошо, чтобы быть уверенным в том, что он выполнит возложенную на него миссию. Тем более что сейчас необходимо иметь в Москве первоклассно информированного человека» [AN, 62AJ/66, Письмо Полю Буайе].

Несмотря на довольно длительную историю отношений Мазона с Россией, ученый был заложником господствующих в среде интеллектуальной элиты и представителей МИД Франции идей, которые гласили, что победа большевиков обеспечена случайным стечением обстоятельств, и прочили им недолгое пребывание у власти. Так, посол Франции в России Ж. Нуланс в апреле 1918 года телеграфировал в МИД: «У большевиков безнадёжная ситуация. Их режиму осталось 3 недели, максимум месяц жизни» [AMAE, SG, Dossier 670, Télégramme de Noulens (Vologda, 14 avril 1918)], в это же время ему синхронно «вторил» А. Мазон: «Угасающий большевизм больше не поддерживается ничем, кроме штыков Красной гвардии, которую он пытается превратить в Красную армию, пополнив добровольцами <...> Никто здесь не верит, даже Троцкий, что эта армия, в настоящее время находящаяся в зачаточном и хаотическом состоянии, может когда-либо превратиться в национальную армию, способную сражаться с иностранцем. <...> Мы можем развить эмбрион, собрать эти банды в подобие воинского подразделения <...>; но это только отсрочит неизбежное падение больше-

визма, и не более того» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. André Mazon, Vologda-Moscou, 11 avril 1918].

Подобные размышления были актуальны ввиду зародившегося в марте-апреле 1918 года проекта организации Красной Армии силами французских военных специалистов. В военном министерстве Третьей Республики существовала идея, что большевики смогут оказать сопротивление Германии, если Франция поможет восстановить боеспособность вооруженных сил Советского государства. В переговорном процессе принимали участие Наркомвоен Л. Троцкий, начальник французской военной миссии Ж. Лавернь и социалист Ж. Садуль: уже в конце марта соглашение между этими сторонами было достигнуто. Однако вскоре большевикам в этой помощи было отказано. Господствующие в среде французских представителей настроения выразил А. Мазон: «Это говорит Вам о том, какой ошибкой было бы с нашей стороны оказать эффективную помощь в организации этой революционной карикатурной армии и тем самым оказать большевизму поддержку, которая не сделала бы его национальным правительством, но способствовала бы утере нашей связи со всеми подлинно национальными партиями в России, включая эсеров и меньшевиков» [Ibid.]. Мазон был уверен, что оппозиция в лице эсеров и меньшевиков становится сильнее по мере «изнашивания большевизма» и целью французов в регионе является поддержка умеренных социалистов и либералов, а также кадетов, чтобы в опоре на союзников они имели возможность собрать свои силы, «поддержать растущий износ большевизма» и подготовить японскую интервенцию, вокруг которой можно будет «восстановить здоровые российские силы» [Ibid.]. Кроме того, Мазон разделял влиятельное мнение о том, что России можно помочь только с помощью настоящей «хирургии» — решительной операции, позволяющей удалить большевиков из руководства страной в краткосрочной перспективе; медицинские метафоры можно было услышать и от секретаря посольства Франции Луи де Робьена: по его мнению, «к России нельзя применять гомеопатию» [de Robien, pp. 84—85; 289—290]. В конце апреля А. Мазон писал П. Буайе: «... В противном случае мы будем вынуждены нанести серию уколов булавкой, которые не будут иметь никакого другого эффекта, кроме как постепенно оттолкнуть от нас всю Россию, зато крепкий удар в нужное время вернет ее на нашу сторону» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. André Mazon, le 25 avril 1918].

Тем не менее некоторые французы высказывали мнение, что большевики — серьезная сила, с которой имеет смысл считаться, и предлагали услуги посредника между двумя правительствами: главным образом, это были представители левого движения. К ним А. Мазон также выразил свое отношение. Наиболее известным представителем французских левых

в России был Ж. Садуль, именно против него Мазон неоднократно высказывал критические замечания: «... некоторые из нас, из наших союзников были сбиты с толку невежественными, слепыми, хуже того, недобросовестными информаторами. Здесь есть люди, которые все еще верят в реальность силы большевизма и отстаивают политику, основанную на этой так называемой силе, которая с каждым днем становится все более непопулярной. Они (люди типа Садуля. — Ю. Г.) думают, что манипулируют большевиками, а на самом деле большевики манипулируют ими» [Ibid.]. Мазон полагал, что присутствие Садуля в Москве способно нанести французской политике в России серьезный урон [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. André Mazon, le 10 mai 1918], так как его донесения дезориентируют руководство Третьей Республики.

Целью французского присутствия А. Мазон видел деятельность по «прочному объединению оппозиционных партий» для создания союза, способного просуществовать до исчезновения «национальной опасности» в лице большевизма [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. André Mazon, le 14 juin 1918]. Главным образом славист видел жизнеспособность коалиции правого центра (под ним он понимал «правых кадетов» П. И. Новгородцева и Е. Н. Трубецкого, тяготеющих к ним либералов В. И. Гурко и П. Б. Струве, а также «старых бюрократов» А. В. Кривошеина и В. Н. Ковковцова) и левого центра (это — «левые кадеты», меньшевики-оборонцы, правые эсеры и эсеры центра, представители «Союза возрождения»), однако политической силой, которая должна доминировать в России, Мазон считал именно левоцентристов как более склонных к политическому компромиссу: «В любом случае, если мы идем к коалиционному правительству, левый центр должен быть центром притяжения. Сдвиг вправо может быть осуществлен много позже и должен происходить постепенно» [Ibid.].

А. Мазон был также инициатором программ «французского действия» в России: он предлагал вовлечь в работу по сбору информации для руководства Третьей Республики представителей французской колонии в России: «Все французы в России должны собирать информацию в своих кругах по мере возможностей» [AN, 62AJ/66, Note sur ce que ...]. В итоге ученый-славист был арестован чекистами в ночь с 31 августа на 1 сентября 1918 года в особняке Левашова на Фонтанке [Breuillard, 2011, p. 21]. Считается, что причиной ареста послужила встреча А. Мазона с отцом стрелявшего в М. Урицкого Л. Каннегиссера Акимом Каннегисером [Niqueux, 2013]. Находясь в Бутырской тюрьме, А. Мазон писал своим коллегам-ученым с просьбой о заступничестве перед А. Луначарским: «Не сочтете ли Вы возможным дать знать об этом тов. <...> Луначарскому, свидетельствуя ему в том, что Вы меня давно знаете как человека, посвящавшего себя ис-

ключительно научной деятельности и в последние 6 месяцев, по командировке от Министра Народного Просвещения Франции, собирающего печатные документы по истории русской революции?» [Niqueux, 2013]. С иронией вспоминал об этом случае его коллега, славист, член французской военной миссии Пьер Паскаль: «Мазон пытается убедить всех в том, что он обычный библиотечкарь» [Паскаль, 2014, с. 577]. В итоге А. Мазон был освобожден 12 декабря 1918 года, как он сам утверждал, благодаря вмешательству народного секретаря Н. А. Скрипника [Ibid.].

3. Деятельность специалистов Школы в Советской России: Анри Гокье

Другим учеником П. Буайе, отправившимся в Россию, стал Анри Гокье, которому на момент командировки было 24 года. Это «путешествие» стало началом его будущей дипломатической карьеры: деятельность А. Гокье в Советской Республике, по всей видимости, была высоко оценена сотрудниками МИД, куда он в итоге был принят на службу. Известно, что в 1930-е годы он служил секретарем посольства Франции в Варшаве, вел переговоры с советскими представителями в преддверии Второй мировой войны [Документы ..., 1976, с. 605]; впоследствии работал послом в Югославии, Венгрии, Индонезии [Liste chronologique ...].

А. Гокье имел достаточно широкий круг знакомств в России и сотрудничал с Н. Д. Авксентьевым, Ф. И. Даном, В. М. Зензиновым, П. Б. Струве, Н. И. Астровым, А. Н. Сперанским, А. В. Кривошеиным, А. А. Мануиловым, Н. М. Кишкиным, Г. А. Алексинским, А. Р. Гоцем, а также эпизодически общался с Г. В. Чичериным, А. М. Коллонтай, но основным его контактом был Борис Савинков, которого француз называл «жемчужиной» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M.G ..., Moscou, le 24 avril 1918].

В отличие от А. Мазона А. Гокье слабо верил в коалицию партий в России: «Большинство наших самых активных союзников среди трудящихся и особенно среди правых эсеров. Они многому научились, но и многое забыли во время господства большевиков; <...> кажется, у них явная склонность к «кадетизации». К сожалению, кадеты и эсеры — русские, особенно они «русские» в плане идей, когда дело касается программ и лозунгов; вряд ли можно надеяться на коалицию партий, но можно работать на коалицию отдельных лиц» [Ibid.]. При этом Гокье призывал не переоценивать возможности эсеров, влияние которых серьезно сократилось с роспуском Учредительного собрания.

Объясняя репрессивную политику большевиков, Гокье опирался на аргумент о потере ими власти за пределами Москвы и предлагал французской военной миссии по возможности поддерживать контакт с больше-

виками при условии «давать только туманные советы», чтобы замаскировать истинную политику Франции [Ibid.]. При этом Гокье предполагал, что в обозримом будущем большевистское руководство предъявит французам ультиматум, выдворяющий их из России, тем более что политику союзников он образно сравнивал с сюжетом басни И. А. Крылова «Квартет», где «играли» «загадочная Япония», «колеблющаяся Англия», итальянцы, мечтающие только о том, чтобы не пустить большевизм в свою страну, американцы, стремящиеся быть одновременно бизнесменами и демократами. Но в то же время Гокье питал искреннюю надежду на то, что позиции Третьей Республики достаточно крепки для того, чтобы сопротивляться большевикам. Эту надежду подпитывала убежденность, что «большевизм, проникнувший в солдата упрощенной идеей немедленного мира, проник в крестьянина идеей полного одобрения на захват всего, что он хочет. Но когда крестьянин взял, в нем просыпается инстинкт удержать добытое. Не исключено, что в ближайшее время мы станем свидетелями полной “буржуизации” российского мужика» [Ibid.]. Гокье также критиковал «западных доктринеров» из Вашингтона, Лондона и Парижа, которые, защищая диссертации о социалистических, коммунистических, демократических или радикальных тенденциях русского народа, напрасно стремятся найти в народе «политические ориентации». Гокье считал, что русский человек далек от политических дебатов и поглощен лишь двумя потребностями: спасти свою жизнь и получить кусок земли, «все, что мы можем им дать — это порядок» [AN, 62AJ/67, Extrait d’une lettre de M.G ..., Moscou, le 6 juin 1918]. Критика западных соратников была подчас беспощадной: он называл своих коллег выглядящими как «нелепые маньяки, наделенные скудным чувством реальности», сетовал на политическую разношерстность союзников. Подобная ситуация, по мнению Гокье, способствовала превращению Франции в подобие «Дон Кихота», которого в итоге, при всей его благородной миссии, русские обвинят во всех постигших их бедах [Ibid.]. В этой ситуации особенные надежды представитель Школы восточных языков возлагал на Бориса Савинкова, всецело зависящего от содействия французов. Высокая оценка его деятельности во многом опиралась на личные симпатии А. Гокье к Б. Савинкову: француз писал, что именно Савинков дал ему «чувство самоконтроля, ясности и энергии» [AN, 62AJ/67, Extrait d’une lettre de M.G ..., Moscou, le 24 avril 1918].

Идея ориентации на отдельных выдающихся представителей антибольшевистского подполья также нашла свое выражение в письме П. Буайе от 6 июня 1918 года: «Будем полагаться на Деникина и Савинкова или на других им подобных (они редки), но только не на Учредительное собрание или Думу — мертвые собрания, избранные мертвой Россией, которые

уже ничего собой не представляют» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M.G ..., Moscou, le 6 juin 1918]. Тогда же, в первых числах июня, в разгар выступления чехословацкого корпуса, Гокье сообщил, что в ближайшее время собирается поехать в командировку — «увидеть Волгу», — однако в конце июня он по-прежнему находился в Москве.

Существует версия, что убийство германского посла Мирбаха было устроено при содействии французов [Владимирова, 1927, с. 269]. На сегодняшний день не существует прямых доказательств участия Третьей Республики в заговоре против немецкого дипломата, однако известно, что в июне 1918 года А. Гокье контактировал с левыми эсерами: «Я вам рассказывал, что снова встретил здесь Камкова, лидера левых эсеров, первый контакт, который вы мне передали в Школе через посредничество Ангарского ...» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M.G ..., Moscou, le 21 juin 1918]. Под вопросом остаётся частота таких контактов с Камковым, не исключено, что со стороны Гокье они могли быть эпизодическими. Кроме того, пребывая в Москве, Гокье встречался с французским диверсантом Анри де Вертамоном, осужденным по так называемому «делу Локкарта», о чем свидетельствует краткая блокнотная запись Феликса Дзержинского: «Между Пушкинскими и Никитскими воротами сидели на скамейке» [Галкина, 2017, с. 134].

Не позднее середины августа 1918 года деятельность А. Гокье, по всей видимости, была раскрыта чекистами. В письме от 23 августа граф де Шевийи сообщал П. Буайе, что Гокье и его коллега Эрик Лабонн совершили некую неумышленную, но очень серьезную ошибку и в данный момент находятся в опасности [AN, 62AJ/67, Письмо Шевийи — П. Буайе]. Вскоре А. Гокье покинул территорию Центральной России.

Осенью 1918 года А. Гокье работал во французской миссии в Киеве в качестве дипломатического представителя при Добровольческой армии, получил высокую оценку со стороны А. И. Деникина, а в середине ноября был отозван в Яссы [Деникин, 2002, с. 63]. Примечательные воспоминания об А. Гокье сохранились у участника Белого движения на Юге России Василия Шульгина. Ему особенно запомнилось «предсказание» французского дипломата: «Конечно, вы ведете борьбу с Лениным, и Франция в этом будет вам помогать. Но когда-нибудь вы, как русский патриот, поймете, что Ленин большой человек» [Шульгин, 2012, с. 210].

Помимо коллекции писем, полученных от А. Мазона и А. Гокье, Национальный архив располагает отдельными письмами и других конфиденентов П. Буайе: донесениями Ж. Сишеля-Дюлонга, который до Первой мировой войны заведовал на Урале сетью приисковых торговых магазинов «Анонимной платиновой компании» [Белобородов, 2018, с. 193], и военного

инженера, бывшего преподавателя русского языка в Париже П. Блей. Примечателен тот факт, что оба выпускника Школы восточных языков стремились объяснить текущие политические события в России и поведение народных масс национальными особенностями характера, сформировавшимися в глубоком прошлом. Так, Ж. Сихель-Дюлонг в ноябре 1918 года писал: «Для рабочего мы просто назойливая помеха, разрушители свободы; героями русского народа по-прежнему остаются Стенька Разин и Пугачев; вот что сделало большевизм таким успешным: “диета”, при которой человек питается далеко не каждый день и заодно подвергается избиениям, но зато имеет возможность жить по своему усмотрению ...» [AN, 62AJ/67, Extrait d'une lettre de M. Sichel-Dulong, Arkhangel, le 13 novembre 1918]. П. Блей, в свою очередь, обращаясь к историческим сюжетам, предостерегал французов от германской опасности в России: «Мы должны любой ценой избежать ситуации, при которой русские “направят” в Германию обращение, адресованное в 862 году их предками-славянами варягам: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”» [AN, 62AJ/66, Etude sur la situation en Russie]. Ресурсы для оказания сопротивления новым «варягам» П. Блей видел, с одной стороны, в работе православной церкви, которая должна пробудить религиозные чувства, патриотизм и организовать «сопротивление захватчику, как это было в 1611 году», с другой — в деятельности Франции: организации интервенции в Сибирь, агитации в оккупированных немцами зонах, направлении в Россию так называемого Верховного комиссара, основной задачей которого станет стремительное восстановление ориентированной на союзников торговли. Для этого, по мнению П. Блея, «следует наладить отношения с местными организациями и коммерсантами, показать им настоящую силу союзников и дать понять, что союзники хотят прийти на помощь русскому народу, спасти его от голода и беспорядка, показать, что немцы хотят лишь эксплуатировать Россию» [Ibid.].

4. Заключение

Аналитическая работа А. Мазона высоко оценивалась многими современниками, ответственными лицами Франции. Информация слависта заслужила доверие военного атташе: «Генерал Лавернь находит в Андре Мазоне первого свидетеля» [AN, 62AJ/66, Письмо П. Буайе (Париж, 13 мая 1918)], посол Нуланс в одной из телеграмм, адресованных в МИД Франции, уверял, что «Мазон превосходно исполняет свои обязанности» [AMAE, Correspondance politique et commerciale, Télégramme, Vologda, 7 avril 1918]. Советник Ж. Клемансо по финансовым вопросам, Ф. Франсуа-Марсаль, с которым Буайе находился в теплых отношениях, выражал

директору Школы восточных языков благодарность за возможность ознакомиться с наблюдениями А. Гокье и А. Мазона: они были сочтены руководством как весьма точные, отличающиеся глубоким проникновением в суть происходящих в России процессов.

Деятельность учеников позволяла П. Буайе направлять руководству Французской Республики свои предложения по решению «русского вопроса», при этом доверие к Буайе было весьма велико: в одном из писем Ф. Франсуа-Марсаль писал: «Президент Республики помнит о возможной аудиенции с вами» [AN, 62AJ/66, Письмо Франсуа-Марсаль — П. Буайе (Париж, 15 мая 1918)]. Другим способом «достучаться» до высшего руководства страны стала переписка П. Буайе с «Полибием»: под этим псевдонимом в годы Первой мировой войны работал влиятельный журналист Жозеф Рейнах, имевший, как и его дядя, тесную связь с премьер-министром Ж. Клемансо [Winock, 2007, p. 223, 226]. Основываясь на выводах, сделанных «выдающейся московской командой»: Гренаром, Мазоном и Гокье, — главным образом, в части высокого престижа Франции в России, Буайе писал ему, что многие страны, в том числе Англия, Япония, уже выразили определенную позицию по вопросу интервенции и по вмешательству в русские дела и только Франция остается на обочине конкретных решений, и просил Рейнаха-Полибия довести до сведения С. Пишона и Ж. Клемансо его позицию: «Скажите Пишону и Клемансо, что молчание Франции разрушительно!» [AN, 62AJ/67, Письмо П. Буайе — Полибию (Париж, 16 августа 1918)].

Таким образом, антибольшевистская деятельность была уделом не только французских спецслужб: гражданские служащие, ученые, предприниматели также принимали посильное участие в свержении власти большевиков, выступали в качестве экспертов по «русскому вопросу» для ответственных лиц Третьей Республики. Их «патроном» выступало Министерство иностранных дел Франции. Согласно традициям французского МИДа, одной из задач дипломата в стране пребывания являлось поддержание контактов, с которыми его предшественники ранее установили тесные связи, а также он имел возможность организовать вокруг себя проживающих в России соотечественников с целью использования их личного и делового опыта и потенциала [Georgy, 1998, p. 510]. Данная практика нашла широкое отражение в деятельности посла Франции в России Ж. Нуланса, консула Ф. Гренара, слависта А. Мазона.

Характеризуя высокую степень доверия руководства Третьей Республики сведениям выпускников Школы восточных языков, отметим, что французские элиты, в первую очередь, расценивали мотивы и поведение русских в контексте целесообразности для интересов Франции и соб-

ственных культурных стереотипов: по справедливому замечанию А. Вершинина, французы не могли адекватно осмыслить русскую революцию, потому что для этого им было необходимо выйти за пределы принятого во французской политической культуре дискурса о революции как об освободительной борьбе нации против авторитаризма [Вершинин, 2012, с. 144]. Основным ориентиром для них была борьба с большевизмом, и в этом отношении выводы А. Мазона об обреченности режима левых радикалов, незначительности их поддержки отвечали устремлениям руководства Франции, в частности Ж. Клемансо. Позиция французского премьер-министра была отчетливо антибольшевистской: в декабре 1917 года посол Ж. Нуланс был смущен необходимостью встречи с Л. Троцким (по инициативе последнего), так как это вызвало бы недовольство Ж. Клемансо, которого он опасался, скомпрометировало бы посла в глазах французского руководства [Верстрат, 1999, с. 246]. Это сужало политический маневр и предписывало действовать и мыслить в фарватере антибольшевистского направления. Кроме того, происходящие в России политические пертурбации осмыслялись славистами А. Мазоном и А. Гокье в духе французских парламентских традиций: деятельность партий, их вес в политической системе России рассматривались как путь к реализации французского политического опыта.

Источники и принятые сокращения

1. *Верстрат М.* Дорогами прошлого. Воспоминания банкира / М. Верстрат // Из глубины времен. — 1999. — № 11. — С. 244—282.
2. *Деникин А. И.* Очерки русской смуты : Вооруженные силы Юга России. Распад Российской Империи. Октябрь 1918 — январь 1919 / А. И. Деникин. — Минск : Харвест, 2002. — Т. 4. — 560 с.
3. *Документы внешней политики СССР.* — Москва : Политиздат, 1976. — Т. 20. — 814 с.
4. *Паскаль П.* Русский дневник (1916—1918) / П. Паскаль. — Екатеринбург : Гонзо, 2014. — 591 с. — ISBN 978-5-904577-36-0.
5. *Шульгин В. В.* Тени, которые проходят / В. В. Шульгин. — Санкт-Петербург : Нестор-история, 2012. — 688 с. — ISBN 978-5-90598-638-3.
6. AN — *Archives Nationales de France.* 62AJ/66, 62AJ/67.
7. AMAE — *Ministère des Affaires Étrangères.* Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve. Correspondance politique et commerciale. Nouvelle Serie (1987—1914) ; Serie «Guerre 1914—1918», Dossier 670.
8. *De Robien L.* Journal d'un diplomate en Russie (1917—1918) / L. de Robien. — Paris : La librairie Vuibert, 2017. — 361 p. — ISBN 978-2-311-10218-5.
9. *Liste chronologique des ambassadeurs, envoyés extraordinaires, ministres plénipotentiaires et chargés d'affaires de France à l'étranger depuis 1945* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/maep0035-0120_cle8a5377.pdf (accessed 12.10.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белобородов С. А. Жильбер Сисель-Дюлонг — «исследователь» иконописи старообрядцев Среднего Урала / С. А. Белобородов // Традиции русской духовной культуры в памятниках письменности XVI—XX вв. : сборник статей. — Новосибирск : ООО Полиграфическая компания «Апостроф», 2018. — С. 192—200. — ISBN 978-5-93889-360-3.
2. Вершинин А. А. Мировая революция под звуки «Марсельезы», 1919—1923 : к истокам французского коммунистического движения / А. А. Вершинин. — Москва : URSS, 2012. — 200 с. — ISBN 978-5-397-03136-3.
3. Владимиров В. Год службы «социалистов» капиталистам. Очерки по истории контрреволюции в 1918 году / В. Владимиров. — Москва, Ленинград : Государственное издательство, 1927. — 386 с.
4. Галкина Ю. М. Антисоветская деятельность Службы пропаганды Франции в России в 1918 году / Ю. М. Галкина // 100 лет органам государственной безопасности : избранные материалы межрегиональных научно-практических конференций «Научное и социальное использование документов органов государственной безопасности в исторической ретроспективе : проблемы и перспективы», 2009—2017 гг. — Екатеринбург : Изд-во АМБ, 2017. — С. 133—135. — ISBN 978-5-8057-0983-9.
5. Кёре С. Русский язык и «ментальная карта» Европы в XX веке : размышления на примере Франции / С. Кёре // Россия и Франция. XVIII—XX века / отв. ред. П. П. Черкасов. — Москва : Наука, 2009. — Выпуск 9. — С. 287—304. — ISBN 978-5-02-037002-9.
6. Спиридонова Д. В. Французская лингвистическая советология : Андре Мазон / Д. В. Спиридонова, К. Л. Филатова, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. — 2013. — № 1. — С. 198—202.
7. Breuillard J. Mazon linguiste / J. Breuillard // Revue des études slaves. — 2011. — Vol. 82, № 1. — Pp. 11—54. — DOI: 10.3406/slave.2011.7998.
8. Forcade O. Information, censure et propagande / O. Forcade // Encyclopédie de la Grande Guerre. — Paris : Bayard, 2004. — Pp. 425—438. — ISBN 2227139455.
9. Geist M. Entre transmission des savoirs et propagande politique : Jules Patouillet et l'Institut français de Pétrograd à l'époque de la Grande Guerre [Electronic resource] / M. Geist // Pratiques de la médiation des savoirs. — Paris : Éditions du Comité des travaux historiques et scientifiques, 2019. — Access mode : <https://books.openedition.org/cths/5403#text> (accessed 23.10.2020).
10. Georgy G. La diplomatie française et le renseignement / G. Georgy // Le Renseignement à la français. — Paris : Economica, 1998. — Pp. 509—516.
11. Hellman B. Meetings and clashes. Articles on Russian literature / B. Hellman. — Helsinki : Helsinki University Press, 2009. — 300 p.
12. Niqueux M. Lettres d'André Mazon aux savants russes (1910—1919) [Electronic resource] / M. Niqueux // Revue des études slaves. — 2013. — LXXXIV. 1—2. — Pp. 265—285. — Access mode : <https://journals.openedition.org/res/1093#ftn38> (accessed 24.10.2020).
13. Pondopoulo A. Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l'École des langues orientales dans les années 1910 / A. Pondopoulo // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815—1917). — Paris : École Nationale des Chartes, 2011. — Pp. 341—359.
14. Winock M. Clemenceau / M. Winock. — Paris : Perrin, 2007. — 688 p. ISBN 13 9782262018481.

MATERIAL RESOURCES

- AMAE — *Ministère des Affaires Étrangères. Centre des Archives diplomatiques de La Courneuve. Correspondance politique et commerciale. Nouvelle Serie (1987—1914); Serie «Guerre 1914—1918», Dossier 670.* (In Fren.).
- AN — *Archives Nationales de France.* 62AJ/66, 62AJ/67. (In Fren.).
- Denikin, A. I. (2002). *Essays of the Russian troubles: Armed Forces of the South of Russia. The collapse of the Russian Empire. October 1918 — January 1919, 4.* Minsk: Harvest. 560 p. (In Russ.).
- De Robien, L. (2017). *Journal d'un diplomate en Russie (1917—1918).* Paris: La librairie Vuibert. 361 p. ISBN 978-2-311-10218-5. (In Fren.).
- Documents of the foreign policy of the USSR, 20.* (1976). Moscow: Politizdat. 814 p. (In Russ.).
- Liste chronologique des ambassadeurs, envoyés extraordinaires, ministres plénipotentiaires et chargés d'affaires de France à l'étranger depuis 1945.* Available at: https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/maep0035-0120_cle8a5377.pdf (accessed 12.10.2020). (In Fren.).
- Pascal, P. (2014). *Russian diary (1916—1918).* Yekaterinburg: Gonzo. 591 p. ISBN 978-5-904577-36-0. (In Russ.).
- Shulgin, V. V. (2012). *Shadows that pass.* Saint Petersburg: Nestor-history. 688 p. ISBN 978-5-90598-638-3. (In Russ.).
- Verstrat, M. (1999). *The Roads of the past. Memoirs of a banker. From the depths of time, 11:* 244—282. (In Russ.).

REFERENCES

- Beloborodov, S. A. (2018). Gilbert Sishel-Dulong — “researcher” of the iconography of the Old Believers of the Middle Urals. In : *Traditions of Russian spiritual culture in the monuments of writing of the XVI—XX centuries.: collection of articles.* Novosibirsk: LLC Printing company “Apostrophe”. 192—200. ISBN 978-5-93889-360-3. (In Russ.).
- Breuillard, J. (2011). Mazon linguiste. *Revue des études slaves*, 82 (1): 11—54. DOI: 10.3406/slav.2011.7998. (In Fren.).
- Forcade, O. (2004). Information, censure et propagande. In: *Encyclopédie de la Grande Guerre.* Paris: Bayard. 425—438. ISBN 2227139455. (In Fren.).
- Galkina, Yu. M. (2017). Anti-Soviet activity of the French Propaganda Service in Russia in 1918. In: *100 years of state security bodies: selected materials of interregional scientific and practical conferences “Scientific and social use of documents of state security bodies in historical retrospect: problems and prospects”, 2009—2017.* Yekaterinburg: AMB Publishing House. 133—135. ISBN 978-5-8057-0983-9. (In Russ.).
- Geist, M. Entre transmission des savoirs et propagande politique: Jules Patouillet et l'Institut français de Pétrograd à l'époque de la Grande Guerre. In: *Pratiques de la médiation des savoirs.* Paris: Éditions du Comité des travaux historiques et scientifiques, 2019. Available at: <https://books.openedition.org/cths/5403#text> (accessed 23.10.2020). (In Fren.).
- Georgy, G. (1998). La diplomatie française et le renseignement. In: *Le Renseignement à la français.* Paris: Economica. 509—516. (In Fren.).
- Hellman, B. (2009). *Meetings and clashes. Articles on Russian literature.* Helsinki: Helsinki University Press. 300 p.

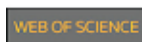

- Kere, S. (2009). Russian language and the “mental map” of Europe in the XX century: reflections on the example of France. In: *Russia and France. XVIII—XX centuries*, 9. Moscow: Nauka. 287—304. ISBN 978-5-02-037002-9. (In Russ.).
- Niqueux, M. (2013). Lettres d’André Mazon aux savants russes (1910—1919). *Revue des études slaves*, 1—2: 265—285. Available at: <https://journals.openedition.org/res/1093#ftn38> (accessed 24.10.2020). (In Fren.).
- Pondopoulo, A. (2011). Paul Boyer, ses liens avec la Russie et les enjeux politiques de la réforme de l’École des langues orientales dans les années 1910. In: *La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815—1917)*. Paris: École Nationale des Chartes. 341—359. (In Fren.).
- Spiridonova, D. V., Filatova, K. L., Chudinov, A. P. (2013). French linguistic Sovietology: Andre Mazon. *Political linguistics*, 1: 198—202. (In Russ.).
- Vershinin, A. A. (2012). *The world Revolution under the sounds of the “Marseillaise”, 1919—1923: to the origins of the French communist movement*. Moscow: URSS. 200 p. ISBN 978-5-397-03136-3. (In Russ.).
- Vladimirova, V. (1927). *Year of service of “socialists” to capitalists. Essays on the history of the counter-revolution in 1918*. Moscow, Leningrad: State Publishing House. 386 p. (In Russ.).
- Winock, M. (2007). *Clemenceau*. Paris: Perrin. 688 p. (In Fren.). ISBN 13 9782262018481.

Жерлицына Н. А. Османский и британский факторы в антифранцузском сопротивлении бейлика Константины в 1830—1837 годах / Н. А. Жерлицына // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 357—371. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-357-371.

Zherlitsina, N. A. (2021). Ottoman and British Factors in Anti-French Resistance of Beylik Constantine in 1830—1837. *Nauchnyi dialog*, 4: 357-371. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-357-371. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-357-371

**Османский и
британский факторы
в антифранцузском
сопротивлении бейлика
Константины в 1830—
1837 годах**

Жерлицына Наталья Александровна
orcid.org/0000-0001-8647-9419
кандидат исторических наук
ведущий научный сотрудник
ns_inafr@mail.ru

Институт Африки
Российской академии наук
(Москва, Россия)

**Ottoman and British Factors
in Anti-French Resistance
of Beylik Constantine
in 1830—1837**

Natalia A. Zherlitsina
orcid.org/0000-0001-8647-9419
PhD in History
Leading Researcher
ns_inafr@mail.ru

Institute for African Studies,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Жерлицына Н. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается малоизученный начальный период антиколониальной борьбы алжирского народа против французской оккупации. До 1830 года Алжирское регентство представляло собой полуавтономную провинцию Османской империи. Доказано, что в первые годы после захвата Францией духовные связи с бывшей метрополией оставались сильными и определяли стратегии сопротивления бывшей турецкой правящей верхушки в стране. Автор отмечает, что последний бей бейлика Константины, Ахмед, верный идеям османизма, в течение семи лет оказывал эффективное сопротивление попыткам французов утвердиться в этой алжирской провинции. В статье показано, что хотя атрибуты независимости Константины в эти годы указывали на ее арабский характер, но в основе Ахмед-бей сохранил турецкую концепцию государства. Сделан вывод о том, что законная власть, как и прежде, опиралась на санкцию турецкого султана — духовного и политического лидера Османской империи. Автор заключает, что Ахмед-бей потерпел поражение будучи лишённым поддержки союзерена. Доказано, что ему не удалось заручиться и помощью Великобритании, которая хотя и противилась французскому экспансионизму, но не считала Алжир столь уж важным, чтобы вступить из-за него в конфликт с Францией.

Ключевые слова:

Алжир; Франция; Османская империя; Великобритания; Ахмед-бей; колониализм; антиколониальная борьба; французская колониальная идеология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The poorly studied initial period of the anti-colonial struggle of the Algerian people against the French occupation is considered. Until 1830, the Algerian Regency was a semi-autonomous province of the Ottoman Empire. It is proved that in the first years after the capture of France, spiritual ties with the former metropolis remained strong and determined the strategies of resistance of the former Turkish ruling elite in the country. The author notes that the last bey of Constantine's Beylik, Ahmed, loyal to the ideas of Ottomanism, for seven years effectively resisted the attempts of the French to establish themselves in this Algerian province. The article shows that although the attributes of Constantine's independence in those years indicated its Arab character, Ahmed Bey retained the Turkish concept of the state. It is concluded that the legal power, as before, relied on the sanction of the Turkish Sultan, the spiritual and political leader of the Ottoman Empire. The author concludes that Ahmed Bey was defeated without the support of his suzerain. It is proved that he did not manage to enlist the help of Great Britain, which, although opposed to French expansionism, did not consider Algeria so important to enter into a conflict with France because of it.

Key words:

Algeria; France; Ottoman Empire; Great Britain; Ahmed Bey; colonialism; anti-colonial struggle; French colonial ideology.

Османский и британский факторы в антифранцузском сопротивлении бейлика Константины в 1830—1837 годах

© Жерлицына Н. А., 2021

1. Введение

XIX век ознаменовался накатом соперничества европейских держав за колониальный раздел мира. Франция и Великобритания выступали как два наиболее важных актора и конкурента в данном процессе. В 1830 году Франция оккупировала Алжир, положив начало колонизации арабских стран. Перед тем как организовать военную экспедицию, дипломатия королевства предприняла шаги, чтобы заручиться поддержкой других европейских держав. Так, в целом положительно к планам Франции отнеслись Российская империя и Пруссия. Австрия, а еще более Великобритания выступали против французского начинания. Эти две империи настаивали на сохранении статуса-кво в отношении третьей стороны — Османской империи, формально считавшейся сюзереном африканских провинций, в том числе Алжира. Поэтому в первом десятилетии после захвата Алжира Франции пришлось столкнуться не только с сопротивлением местного населения, но и с попытками противодействия со стороны Османской империи и Великобритании.

При том, что антиколониальная борьба в Алжире хорошо изучена европейской, арабской и советской / российской наукой, основное внимание в работах на эту тему уделяется более поздним периодам освободительной борьбы алжирцев и определенным фигурам, например эмиру Абд аль-Кадиру, см. работы: [Видясова, 2019; Дьяков, 2014; Ланда, 2017; Alleg, 1981; Lauri, 2004]. Задачей данной статьи является освещение начального периода антифранцузского сопротивления в Алжире, связанного с именем османского правителя бейлика Константины Ахмед-бея. Источниками для этого исследования послужили воспоминания и переписка Ахмед-бея из опубликованных документов французских и арабских архивов.

2. Османский Алжир

К моменту завоевания Францией Алжир представлял собой полуавтономную провинцию Османской империи — регентство, пользующееся самоуправлением в международных делах, но сохранявшее преданность метрополии и турецкому султану как халифу правоверных. Алжир связывали с Высокой Портой как религиозные узы, так и правящая в провинции

элита турецкого происхождения. В отличие от других африканских провинций Османской империи — Туниса, Триполи, где за несколько веков турецкая администрация смешалась с местной знатью и стала считать себя магрибинцами, в Алжире правящая турецкая администрация всячески противилась смешению с местным населением, браки турок с местными женщинами считались предосудительными. В результате это привело к отчуждению турецкой власти от населения страны.

Регентство под управлением избираемого турецкими янычарами дея состояло из четырех бейликов: Дар-эс-Султан располагался в г. Алжире и его окрестностях. Из бейликов Орана, Титтери и Константины последний был самым обширным, богатым и густонаселенным во всем регентстве. По различным оценкам, ко времени французского вторжения в Алжир в бейлике Константины проживало более 1 млн жителей, в столице г. Константине — около 80 тыс. человек [Mercier, 1891, p. 512]. Бейлик производил в изобилии пшеницу, ячмень, скот, воск, мед, оливковое масло, которыми торговал с внешним миром и особенно с французским Марселем через порт Бон. Константина была житницей всего регентства, именно здесь выращивалась большая часть продовольствия для снабжения Алжира. Отсюда поставлялась и древесина для военно-морской отрасли, — ведь известно, что корсарство вплоть до начала XIX века составляло основу экономики регентства.

Беи Константины, как и другие османские правители Алжира, испытывали традиционные трудности в интеграции подведомственных территорий, населенных свободолюбивыми арабскими и кабилскими племенами, и в сборе с них налогов. Многие племена отказывались платить налоги турецкой администрации и склонялись к повиновению только после того, как к ним применялась вооруженная сила. Так, в горной части Сахеля налоги не платились регулярно, здесь требовались войска для сбора налогов, и в южной части бейлика налоги можно было собирать только с помощью военной силы [Sessions, 2011, p. 84].

Дей Хусейн назначил Ахмед-бея правителем бейлика Константины в 1826 году. Последний происходил из местной знатной и богатой семьи: его дед по отцовской линии бей Ахмед аль Колли правил Константиной с 1756 по 1771 годы. Ахмед-бей слыл человеком справедливым, прямым и жестким. Так, уже в первый год своего правления он лично возглавил военную экспедицию по сбору налогов с подведомственных племен и, столкнувшись с сопротивлением, приказал убить 16 человек. У непокорного племени аль-Амапра реквизируют 15 600 овец, 1660 коров, 32 лошади и 11 верблюдов [Vayssettes, 1869, p. 592]. Хитрый дипломат и энергичный солдат, он умел манипулировать вождями арабских племен и энергично действовать оружием всякий раз, когда его авторитет подвергался сомнению.

3. Оккупация Алжира Францией в 1830 году

Когда в 1827 году начался конфликт дея Хусейна с Францией и морская блокада Алжира, дей поручил Ахмед-бею «укрепить порт Бон, который может подвергнуться нападению французов» (здесь и далее переводы выполнены нами. — *Н. Ж.*) [Emerit, 1949, p. 71]. Беспокойство дея вызывало только состояние побережья и порты регентства, так как до этого европейцы в своих угрозах Алжиру ограничивались бомбардировками побережья с военных кораблей. Так было в 1816 году во время англо-голландской экспедиции под командованием лорда Эксмута, и в 1824 году, когда Великобритания прислала эскадру в составе 22 судов. В своих воспоминаниях Ахмед-бей пишет, что в июне 1830 году, когда французский экспедиционный корпус высаживался на алжирское побережье, он, еще не зная о происходящем, во главе отряда в 400 кавалеристов прибыл в столицу регентства с ежегодной данью. Будучи непосредственно вовлеченным в события в столице, Ахмед-бей рассказывает, как окружение дея оценивало происходящее и как принимались решения о стратегии обороны регентства. Алжирцы до последнего не верили, что французы захотят оккупировать их страну, они считали, что все обойдется военной стычкой: «французы хотят поскорее закончить эту войну и вернуть свою армию в Европу. Эти бледнолицые мужчины, для которых климат этой страны опасен. Если война затянется, значит, мы одержим победу; с нашими противниками случится то, что случилось со всеми, кто пытался высаживаться здесь...» Власти Алжира не ожидали войны и не были к ней готовы: «не было подготовлено ни артиллерии, ни вооружений; было лишь около дюжины орудий, которые доставили только после объявления войны» [Emerit, 1949, p. 72].

Ахмед Бей, который был на поле боя, предложил дею Хусейну следующую стратегию: позволить французским войскам высадиться на побережье и продвинуться вглубь страны, чтобы затем схватить их в клешни между алжирскими войсками с целью разорвать связь с их десантными кораблями. Но алжирский дей предпочел тактику, предложенную его зятем Ибрагимом-агой, и алжирцы ввязались в сражение на побережье с французской армией, превосходившей алжирскую современными вооружениями и опытом. Как следствие, г. Алжир капитулировал через двадцать дней после начала французского вторжения.

4. Бейлик Константины после французского вторжения

Ахмед-бей, как и многие другие, был поражен этим скоростным крахом турецкого режима. В бою за г. Алжир он потерял 200 человек из своих 400, но когда его отряд уходил домой в Константину, к ним присоединились еще около 1600 беженцев [Laffont, 1980, p. 138]. С возвращени-

ем Ахмед-бея в Константину начался новый период его правления: падение столицы стало для него сигналом о полной независимости, предоставившей ему свободу действовать и владеть судьбой и положением бейлика. Административный гений Ахмед-бея получил выражение в целом ряде реформ, и прежде всего военной. Ловко воспользовавшись вспыхнувшей в бейлике во время французского вторжения смутой, Ахмед-бей избавился от янычар и турецкого ополчения, прежде навязываемых ему алжирским деем. Многие янычары были убиты или изгнаны. Бей реорганизовал армию по египетскому образцу, по успешному примеру своего могущественного соседа-реформатора Мухаммеда Али. В Константине были построены новые большие казармы и наняты постоянные силы, состоящие из 2 тыс. зуавов из племен кабилы и 1,5 тыс. арабских кавалеристов. «Я, — писал Ахмед-бей султану Махмуду II, — нанял новые войска и кавалерию, что стоило мне всего моего состояния» [Vayssettes, 1869, p. 604]. Таким образом, у него появилась боеспособная верная армия. Затем бей занялся укреплением оборонительных сооружений бейлика и ремонтом артиллерийского снаряжения.

В основе административной и налоговой реформ Ахмед-бея лежал отказ от сложной и запутанной османской системы, упрощение и упорядочение администрации бейлика и отмена некоторых налогов, вызывавших неприятие и возмущение населения. Оставаясь османским администратором, Ахмед-бей осознавал, что отныне должен опираться в своей власти на вождей арабских племен и поэтому поднял статус арабского языка — до этого языком государственной власти в Алжире был турецкий. Арабизированная «республика» утвердилась в бейлике Константины, она получила новые атрибуты независимого государства: титул паши для губернатора, чеканка собственной валюты, свой флаг — украшенный мечем Зульфикаром с раздвоенным лезвием на красном фоне.

Константина чеканила собственные монеты из золота, серебра, бронзы и меди в 1830, 1831, 1832, 1834 и 1837 годах, они были произведены по типу османских: на аверсе было написано имя султана Махмуда II, а на оборотной стороне — дата и место чеканки — Константина. Первый удар по ценности валюты Константины был нанесен в 1832 году, когда французы окончательно захватили главный порт и центр внешней торговли провинции — г. Бон. Деньги теряли ценность и во время попыток французов захватить г. Константину. Но эффективность денежной системы Ахмед-бея была доказана тем, что данная валюта пережила падение режима паши в 1837 году и надолго сохранилась на местном рынке. Реформы в Константине дали импульс к развитию торговли между столицей бейлика, Тунисом и Сахарой. По некоторым оценкам, в период правления Ахмеда-бея объем торговли достигал 5 млн франков в год [Roughton, 1985, p. 368].

Хотя атрибуты независимости Константины указывали на ее арабский характер, но в основе Ахмед-бей сохранил турецкую концепцию государства. Законная власть, как и прежде, опиралась на санкцию турецкого султана — духовного и политического лидера Османской империи. Эти убеждения имеют первостепенное значение для понимания зависимости и привязанности Ахмед-бея к Высокой Порте, а также его полного отказа в дальнейшем предпринять какие-либо шаги без санкции султана. Паша неукоснительно следовал предписаниям ислама, обязывавшим подчиняться высшему религиозному авторитету — халифу мусульман, султану Махмуду II. Так, паша писал: «Я управлял своими делами и управлял страной, вверенной мне представителями Высокой Порты, никогда не нарушая приказов султана» [Emerit, 1949, p. 76].

Ахмед-бей был последовательным сторонником и турецкой системы управления в отношении арабского населения, традиционно использовавшейся в османском Алжире. Искусство управления турецкой администрации сводилось к проверенным рецептам: разделять, чтобы править; полагаться на привилегированные племена, руками которых воевать с непокорным населением. Вот что бей писал по этому поводу в своих воспоминаниях: «Государство не должно успокаивать того, кто хочет господствовать над арабами, ибо может случиться такое обстоятельство, когда эти люди все едины, как братья, окажутся организованными для восстания. И наоборот, если среди них существует война или раздоры, те, кто хочет ими править, всегда уверены, что у них есть сторонники. К тому же вступившие в войну племена разоряют страну и облегчают господство всем, чья власть осуществляется издалека и не имеет непрестанно большого количества войск или гарнизонов в укрепленных местах для исполнения своих приказов» [McDougall, 2017, p. 46].

Османский характер и глубокая связь Ахмед-бея с Высокой Портой в полной мере проявились в последующих событиях вокруг бейлика. С самого начала тактикой сопротивления французам для Ахмед-бея стала декларация приверженности Османской империи. Так, на письмо генерала Б. Клозеля, содержащее предложение «заплатить Франции такую же дань, которую я платил дею, одним словом, подчиниться», Ахмед-бей ответил: «Константина зависела от алжирского дея и должна была ему подчиняться, но Алжир, в свою очередь, зависит от султана Константинополя. Для того чтобы принять предложенное мне соглашение, необходимо предварительно получить его согласие. Единственный ответ, который я должен дать французам, что мы проконсультируемся с султаном Махмудом, о возвышенной воле которого мы поспешим сообщить генералу» [Emerit, 1949, p. 77]. Как признается сам Ахмед бей, такой ответ нужен был только для

того, чтобы «затянуть переговоры и не навлечь резким отказом на страну новые бедствия» [Ibid.].

5. Реакция Османской империи на оккупацию Алжира

Отношение Османской империи к событиям в Северной Африке определялось серьезными внутренними и внешними вызовами, стоявшими перед Высокой Портой. Многочисленные восстания на периферии, самыми опасными из которых для будущего империи были греческая война за освобождение (1821—1829) и восстание Мухаммеда Али в Египте с 1831 года, не позволяли османским правителям вплотную заняться ситуацией в Алжире. Три великие державы — Франция, Великобритания и Россия — вели между собой тонкую и противоречивую дипломатическую игру. Решая судьбу агонизирующей империи, они в 1827 году нанесли сокрушительное морское поражение объединенному флоту османов в Наварине. В 1830 году Османская империя еще не успела оправиться от поражения, нанесенного ей Российской империей в войне 1828—1829 годов. Все эти события свидетельствуют о том, насколько трагично было положение Османской империи и сложны были новые обязанности османских правителей по поддержанию и сохранению единства и модернизации своего государства; именно в этой сложной ситуации возникает алжирский вопрос. Так как конфликт между Францией и деем Алжира длился около четырех лет, Высокая Порта рассчитывала перевести его в дипломатическое русло и неоднократно, но безуспешно направляла посланников для урегулирования спора.

После взятия Алжира французской армией все скромные политические попытки Высокой Порты, направленные сначала на то, чтобы предотвратить захват города, а затем вернуть его, не имели никаких результатов, так как Османская империя не имела ни военных, ни дипломатических средств, чтобы отстаивать свое право перед Францией. Единственная мера, к которой прибегла Порта, — направление французскому правительству протестов, в которых напоминала, что Алжир — неотъемлемая часть Османской империи. Французы, решив сохранить за собой Алжир, действовали таким образом, чтобы парализовать любые османские политические акции перед другими великими державами.

В 1832—1833 годах алжирский вопрос был еще более вытеснен из османской повестки дня событиями, связанными с наступлением на Константинополь армии мятежного Мухаммеда Али. Только после подписания в марте 1833 года договора с Египтом Высокая Порта вновь занялась нерешенным вопросом о французской оккупации Алжира. Ахмед-паша сам лично неоднократно писал султану, напоминая о плачевной судьбе Алжира. 15 сентября 1833 года послание Махмуду II направила община

Константины, в котором просила султана назначить новым пашой регентства Ахмед-бей: «Французы разогнали ваших янычар в провинции, там не осталось оружия, военной техники, ваш народ больше не существует, не оставляйте нас. Жители Алжира, горожане, племена и шейхи просят Вас прислать им саблю, кафтан и титул Паши и назначить его для управления страной. За короткое время и с божьей помощью мы могли бы отвоевать Алжир» [Emerit, 1949, p. 82]. Ахмед-бей, со своей стороны, сопроводил эту просьбу личным письмом, в котором подтвердил свою преданность султану, подчеркнул большое значение и ответственность, возложенную на него общиной Константины, и заявил о своей решимости изгнать неверных из страны, чтобы вернуть Алжир в качестве провинции Османской империи. Осуществление такой задачи и ее легитимация в глазах алжирцев требовали одобрения и согласия султана Махмуда II. «Я, — писал Ахмед-бей султану, — решил вернуть Алжир и нуждаюсь только в Боге и Вашей высокой воле <...> Я беру на себя ответственность за максимально возможное соблюдение божественных правил и навязываю населению только то, что было законно предписано Богом, его пророком и его преемниками халифами <...> я не откажусь ни вызвать затруднения у французов, ни вторгнуться на еще неоккупированную алжирскую территорию... » [Emerit, 1949, p. 83].

Реакция Константинополя на эту инициативу Ахмед-бея оказалась уклончивой. Султан не хотел давать титул паши провинции Алжир Ахмад-бею, ведь это означало бы что «провинция Алжир» теперь равна бейлику Константины и что Высокая Порта отказывается от прав на другие бейлики, находящиеся в настоящее время в руках французской армии. Великий везир Османской империи Равуф-паша ответил Ахмед-бею следующее: «Ваше поведение по отношению к французам и ваш ответ на их предложения, по моему, полностью соответствуют справедливости. Это единственный путь, который может способствовать благу религии и мусульман. Без сомнения, я хотел бы оказать вам помощь: в данный момент я нахожусь в мире со всеми христианскими державами и не могу расстроить его без самой серьезной причины. Продолжайте уклончиво отвечать, если к вам придут новые предложения. Отвечайте французам, что вы подданные Константинополя и можете иметь дело с ними только через меня. Прежде всего я рекомендую вам держать меня в курсе всех предложений, которые вам будут сделаны. Соблюдайте повиновение, которое мне причитается. Заключите мир, только если я прикажу. Не волнуйтесь. Я позабочусь о вас» [Emerit, 1949, p. 84].

6. Ахмед-бей в поисках союзников: позиция Великобритании

Хотя директивы Высокой Порты и соответствовали образу действий, выбранному Ахмед-беем, но он надеялся на более реальную поддержку.

Разочарованные ответом османского правительства, на которое они возлагали такие надежды, власти Константины вынуждены были начать поиски других союзников на международной арене. Очевидным антагонистом Франции и страной не менее могущественной была Великобритания. Ее консул в Алжире Роберт Сент-Джон принимал энергичное и заинтересованное участие во всех событиях вокруг оккупации Алжира. 4 июля 1830 года, когда алжирская делегация вынуждена была отправиться на руины алжирской Касбы обсуждать с генералом Бурмоном условия капитуляции регентства, в ее составе был и Сент-Джон. Имея возможность свободно общаться в качестве дипломатического представителя как с французскими оккупационными властями, так и с представителями различных групп алжирских элит, английский консул оказывал большое влияние на происходящее в провинции. Именно он внушал надежду алжирцам на скорое окончание оккупации и предстоящий отвод французских войск из Северной Африки. По мысли Сент-Джона, возможны были несколько сценариев развития событий в Алжире: французы могли сохранить его как колонию; оставить только военную базу на побережье; уйти из страны, но назначить правителя из местных жителей и заставить выплачивать дань Франции; вернуть провинцию Османской империи на условиях назначения наместника из Константинополя [McDougall, 2017, p. 37].

В беседах и дипломатической переписке он резко критиковал французскую политику по отношению к местному населению: «В течение пяти лет оккупации правление различных губернаторов, назначаемых в Алжир, совершенно настроило туземцев против французов и показало их полнейшее игнорирование процессов колонизации. Я уверен, что ничего, кроме системы тотального истребления, не даст французам возможности продвинуться дальше занимаемых ими сейчас опорных пунктов» [Darcy, 1904, p. 143]. Об Ахмед-бее Сент-Джон всегда высказывался с большим оптимизмом, расточая похвалы его управленческому таланту, администрации, сильной армии: «Бей Константины уверенно правит всем регентством за исключением Бона, Бужи, Алжира и Орана» [Darcy, 1904, p. 144]. Другие английские дипломаты в регионе также поддерживали тесные связи с властями Константины. Так, английский вице-консул в тунисской Бизерте «предлагал ему (Ахмед-бею) любое оружие и амуницию, которые могли потребоваться, а также снабжал его нужной информацией» [Darcy, 1904, p. 145]. Многие сановники из окружения Ахмед-бея считали, что именно Великобритания может заставить Францию отказаться от Алжира.

Тем временем французская военная администрация, видя, что Ахмед-бей отказывается от подчинения и диалога, не платит никаких налогов, с целью наказать «мятежника» решила отдать бейлик Константины в управле-

ние бею соседнего Туниса. Диван Константины решительно отверг проект зависимости бейлика от тунисского Бея: «То, что вы нам предлагаете, нас никоим образом не устраивает. Мы довольны администрацией Ахмед-бея и не хотим менять правителя. Разве вы не так же, как мы, зависимы от Халифа в Константинополе? В каком качестве вы пришли требовать нашего подчинения? Только султан Махмуд может решить вопрос о разделе своих владений...» [Emerit, 1949, p. 94]. Хотя данный план, инициатором которого был генерал Клозель, носил поверхностный характер и не был одобрен в Париже, но угроза оказаться между двух огней — Францией и Тунисом — заставила Ахмед-бея еще активнее искать внешней поддержки.

Поэтому после того, как осенью 1833 года Высокая Порта фактически отказалась поддержать планы Ахмед-бея, он обратился ко всей знати Константины — вождям племен, каидам, шейхам, горожанам — с предложением одобрить отправку петиции в британский парламент в январе 1834 года. Эта петиция представляет собой впечатляющий манускрипт: длиной в три метра и шириной в 24 см, она содержит 2307 подписей, а также 52 печати шейхов и кайдов племен. Арабский текст начинается с перечисления нарушений, совершенных французами в ходе оккупации: захват имущества хабусов, массовые убийства, осквернение мечетей и кладбищ. Далее следует обращение за помощью к Великобритании, чтобы остановить «кровопролитие и попрание законов в нашей стране. Мы взываем к вам о помощи <...> Бог дал вам задачу поддерживать порядок и направлять человека...» Авторы петиции поясняют, что «слышали, что английский парламент заботится о соблюдении закона наций и интересов человечества, а также о поддержании братства человечества». И далее: «Мы знаем об искренности англичан ко всем, кто сам искренен, и об их доброй вере в отношении договоров и о том, что они не нарушают законов человечества и прав народов, и поэтому мы предлагаем вам наше прошение, чтобы вы могли судить о разнице между нами и этими неверными, вероломными (французами), изгоните их из нашей среды, ибо они не имеют никаких прав в нашей стране». Петиция содержала упоминание и о планах французов передать бейлик в управление Тунису. Алжирцы с возмущением восклицали: «Мы свободны! Как они (французы) позволяют себе продавать нас губернатору Туниса?» [McDougall, 2017, p. 41].

Петиция была передана сэру Томасу Риду, английскому консулу в Тунисе, который официально направил ее в МИД Великобритании. Но надежды народа Константины опять были тщетны: международная конъюнктура на этот момент складывалась так, что Великобритания не была склонна вступать в спор с Францией из-за Алжира. Ее больше волновали события в Египте, стратегическом пункте Ближнего Востока, контролирующем путь

в британскую колонию Индию. Колониальный департамент МИД Великобритании проигнорировал алжирскую петицию и посоветовал своему консулу в регионе сэру Томасу Риду не совершать по этому поводу никаких безрассудств и проявлять величайшую осмотрительность в своих отношениях с алжирскими вождями, чтобы избежать возникновения спора и не нанести ущерб ни Великобритании, ни Франции [Marchand, 1913, p. 268].

По молчанию правительства Великобритании, последовавшему после отправки петиции, Ахмед-бей и народ Константины, поняли, что их задача теперь будет более сложной и что они должны полагаться только на себя, чтобы защитить бейлик Константины. На новые попытки французов заставить его признать верховенство Франции Ахмед-бей отвечал: «Я зависим от османского правительства и имею под своей властью более миллиона мусульман, которые не согласились покориться французским христианам. Заставить их подчиниться вашей власти невозможно, поскольку Бог создал нас свободными <...> подписание мирного договора имеет вполне определенный объем и смысл; но подчинение власти христианина имеет другой объем и смысл <...> мы говорим вам, что свобода — это главное, перемирие с согласием предпочтительнее, но силой подчинить нас невозможно...». Из-за провала любых попыток договориться французские оккупационные власти склонялись к варианту провести силовую операцию против Константины: «Следует всерьез задуматься о изгнании этого человека (Ахмед-бея) из Константины, если мы хотим добиться некоторого прогресса во французском владычестве в регентстве...» [Emerit, 1949, p. 97]

7. Два штурма Константины французской армией: 1836, 1837 годы

Первая французская военная экспедиция против Константины началась в ноябре 1836 года. Ахмед-бей, знавший о качественном и количественном превосходстве вражеского оружия, решил, как хороший стратег, продумать тактику заранее. Его план состоял в следующем: оборона столицы была поручена генералу Бен Каиссе, сам Ахмед-бей во главе кавалеристского отряда расположился лагерем на пути в Константину, наблюдая за маршем французской армии. Когда основные силы врага миновали этот пункт, Ахмед-бей ударил в арьергард французов, где находился обоз с запасами оружия и провианта, при этом было убито много противников и захвачена часть экипажей. «То, что смогло присоединиться к большому войску, дошло до него только в разгроме и в величайшем беспорядке» [Wagner, 1938, p. 106]. Когда, наконец, экспедиционная армия расположилась лагерем перед Константиной, фельдмаршал Клозель «искал глазами депутацию, которая должна была принести ему ключи от города, когда внезапный огонь батареи разрушил его иллюзии и вернул его на землю» [Lauri, 2004, p. 132].

Французы потерпели полное поражение и вынуждены были срочно ретироваться из бейлика. Что касается Ахмед-бея, то он уже знал, что, несмотря на его успех и, скорее, благодаря этому успеху, Франция не оставит его в покое. Неудача экспедиции в Константинополе имела большой резонанс во Франции, где пресса выступала против маршала Клаузеля и его опрометчивых планов в бывшем алжирском регентстве. Французское правительство назначило генерал-губернатором Алжира генерала Дамремона, который сосредоточил все свое внимание на проблеме Константины. Перед тем, как предпринять последний военный штурм, Дамремон, как и его предшественники, сделал попытку договориться с Ахмед-беем. По условиям соглашения, Константина должна была признать суверенитет Франции, а французский флаг развиваться на крепости столицы два раза в год; Ахмед-бей должен был выплачивать дань в 2 млн франков; принять французский гарнизон в Константине; взамен ему было обещано звание паши и оставлено управление бывшим бейликом Константины.

Ахмед-бей обсуждал условия соглашения, собрав вместе диван бейлика, улемов, шейхов и вождей племен, и вместе они решили отказаться. Вот как Ахмед-бей объяснял это решение в письме султану: «Я подпишу только с вашего согласия и приказа; мы достаточно сражались с неверными, мы с местными жителями израсходовали все, чем располагали, на нужды солдат и прочее; мы в полном бедствии, приходите к нам на помощь вашими советами и отправкой боеприпасов» [Emerit, 1949, p. 114]. Но помощь от Константинополя не придет: никакой положительной реакции не было зафиксировано в этот сложный и решительный период, несмотря на многочисленные письма и просьбы. Высокая Порта не поняла или, скорее, сделала вид, что не понимает отчаянного положения бейлика Константины.

Штурм Константины французскими войсками, состоявшийся в октябре 1837 года, происходил под личным руководством генерала Дамремона, он привлек к нему все французские войска из гг. Алжира и Орана. «Несмотря на наше ожесточенное сопротивление, — вспоминал Ахмед-бей, — часть стены города была разрушена бомбардировкой, которая прекратилась только на восьмой день, и большинство из нас пало мучениками или было ранено» [Emerit, 1949, p. 115]. Ожесточенный бой продолжился на улицах Константины. После падения города Ахмед-бей с группой сторонников скрылся на юге Алжира и еще в течение одиннадцати лет сражался с французами.

8. Заключение

Таким образом, захват бейлика Константины положил конец первому этапу сопротивления алжирцев французскому колониализму и окончатель-

но разорвал связи между Алжиром и Османской империей. Ахмед-бей, опиравшийся в сопротивлении европейской экспансии на верность метрополии и турецкие принципы управления, потерпел поражение, будучи лишенным поддержки сюзерена. Не удалось ему заручиться и помощью Великобритании, которая хотя и противилась французскому экспансионизму, но не считала Алжир столь уж важным, чтобы вступить из-за него в конфликт с Францией. Захват Константины оказал в самой Франции даже большее влияние, чем захват Алжира: он позволил французским лидерам изменить свою концепцию колонизации Алжира, которая до этого предусматривала только оккупацию побережья и опорных пунктов. Противостояние с Ахмед-беем показало, что только полная колонизация Алжира сделает Францию полноправной владелицей африканской колонии.

Источники

1. *Darcy J.* France et Angleterre. Cent Annees de rivalite colonial / J. Darcy. — Paris, Perrin, 1904. — 481 p.
2. *Emerit M.* Les memoires d'Ahmed dernier bey de Constantine / M. Emerit // *Revue Africaine*. — Vol. 93. — Constantine; Paris, 1949 — P. 65—125.
3. *Marchand E.* l'Europe et la conquete d'Alger / E. Marchand. — Paris, Librairie academique Perrin et Co, 1913. — 339 p.
4. *Mercier E.* Histoire de l'Afrique septentrionale (Berberie) depuis les temps les plus recules jusqu'a la conquete francaise (1830) / E. Mercier. — Paris, Leroux, 1891. — T. 3. — 540 p.
5. *Vayssettes E.* L'histoire de Constantine sous la domination turque / E. Vayssettes // *Recueil des notices et memoires de la societe archéologique de la province de Constantine*. Vol. XIII. — Constantine, Alger, 1869. — P. 453—621.
6. *Wagner M.* Lettres sur l'expédition de Constantine / M. Wagner. — Constantine, Alger, 1838. — 169 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Видясова М. Ф.* Алжир у трех дорог / М. Ф. Видясова, В. В. Орлов. — Москва : Садра. — 2019. — 224 с. — ISBN: 978-5-907041-29-5.
2. *Дьяков Н. Н.* Магриб, Машрик, Россия : материалы по историографии и истории арабских стран / Н. Н. Дьяков. — Санкт-Петербург : СПбГУ. — 2014. — 559 с. — ISBN: 978-5-4391-0108-5.
3. *Ланда П. Г.* История арабских стран / П. Г. Ланда. — Москва : ИВ РАН, 2017. — 440 с. — ISBN: 978-5-98196-022-2.
4. *Alleg H.* La guerre d'Alger / H. Alleg. — Paris : Temps Actuels, 1981. — 607 с.
5. *Laffont P.* Histoire de la France en Algerie / P. Laffont. — Paris : Plon, 1980. — 574 p.
6. *Lauri G. B.* The French conquest of Algeria / G. B. Lauri. — London, 2004. — 215 p.
7. *McDougall J. A.* A World no longer shared. Losing the Droit de cite in Nineteenth-Century Algiers / J. McDougall // *Journal of the economic and social history of the Orient*. — 2017. — № 60. — P. 18—49. — DOI: 10.1163/15685209-12341418.
8. *Roughton R. A.* Economic motives and French imperialism: the 1837 Tafna Treaty as a case study / R. A. Roughton // *The Historian*. — 1985. — Vol. 47, № 3 (May). — P. 360—381.

9. *Sessions J. E. By Sword and Plow. France and the Conquest of Algeria* / J. E. Sessions. — London : Cornell University Press. — 2011. — 365 p. — ISBN: 978-0-8014-4975-8.

MATERIAL RESOURCES

- Darcy, J. (1904). *France et Angleterre. Cent Annees de rivalite colonial*. Paris: Perrin. 481 p. (In French).
- Emerit, M. (1949). Les mémoires d'Ahmed dernier bey de Constantine. In: *Revue Africaine*. Constantine; Paris. 93. 65—125. (In French).
- Marchand, E. (1913). *L'Europe et la conquete d'Alger*. Paris, Librairie académique Perrin et Co. 339 p. (In French).
- Mercier, E. (1891). *Histoire de l'Afrique septentrionale (Berbérie) depuis les temps les plus reculés jusqu'à la conquête français (1830)*. Paris: Leroux. 3. 540 p. (In French).
- Vayssettes, E. (1869). L'histoire de Constantine sous la domination turque. In: *Recueil des notices et mémoires de la société archéologique de la province de Constantine*. Constantine, Alger. XIII. 453—621. (In French).
- Wagner, M. (1838). *Lettres sur l'expédition de Constantine*. Constantine, Alger. 169 p. (In French).

REFERENCES

- Alleg, H. (1981). *La guerre d'Alger*. Paris: Temps Actuels. 607 p. (In French).
- Dyakov, N. N. (2014). *Maghreb, Mashrik, Russia: materials on the Historiography and History of the Arab Countries*. Sankt-Peterburg: SPbGU. 559 p. ISBN: 978-5-4391-0108-5. (In Russ.).
- Laffont, P. (1980). *Histoire de la France en Algerie*. Paris, Plon. 574 p. (In French).
- Landa, R. G. (2017). *History of Arab countries*. Moscow: IV RAN. 440 p. ISBN: 978-5-98196-022-2. (In Russ.).
- Lauri, G. B. (2004). *The French conquest of Algeria*. London. 215 p.
- McDougall, J. (2017). A World no longer shared. Losing the Droit de Cite in Nineteenth-Century Algiers. *Journal of the economic and social history of the Orient*, 60: 18—49. DOI: 10.1163/15685209-12341418.
- Roughton, R. A. (1985). Economic Motives and French Imperialism: The 1837 Tafna Treaty as a Case Study. *The Historian*, 47—3 (May): 360—381.
- Sessions, J. E. (2011). *By Sword and Plow. France and the Conquest of Algeria*. London: Cornell University Press. 365 p. ISBN: 978-0-8014-4975-8.
- Vidyasova, M. F., Orlov, V. V. (2019). *Algeria on three roads*. Moscow: Sadra. 224 p. ISBN: 978-5-907041-29-5. (In Russ.).

Зверев В. А. Сельские учебные заведения Западной Сибири конца XIX — начала XX века: санитарно-техническое и гигиеническое состояние / В. А. Зверев, А. И. Татарникова // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 372—390. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-372-390.

Zverev, V. A., Tatarnikova, A. I. (2021). Rural Educational Institutions of Western Siberia in End of 19th — Beginning of 20th Centuries: Sanitary and Hygienic Conditions. *Nauchnyi dialog*, 4: 372-390. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-372-390. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-372-390

Сельские учебные заведения Западной Сибири конца XIX — начала XX века: санитарно-техническое и гигиеническое состояние

Зверев Владимир Александрович¹
orcid.org/0000-0003-0108-4499
доктор исторических наук, профессор
sosna232@yandex.ru

Татарникова Анна Ивановна²
orcid.org/0000-0002-0854-4956
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
tatob777@yandex.ru

¹Новосибирский государственный педагогический университет (Новосибирск, Россия)

²Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук (Тобольск, Россия)

Rural Educational Institutions of Western Siberia in End of 19th — Beginning of 20th Centuries: Sanitary and Hygienic Conditions

Vladimir A. Zverev¹
orcid.org/0000-0003-0108-4499
Doctor of History, Professor
sosna232@yandex.ru

Anna I. Tatarnikova²
orcid.org/0000-0002-0854-4956
PhD in History, Senior Researcher
tatob777@yandex.ru

¹Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia)

²Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Tobolsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследование посвящено изучению проблемы санитарно-технического и гигиенического состояния школьных зданий и помещений в период интенсивного развития сети образовательных учреждений в Западно-Сибирском регионе в конце XIX — начале XX веков. Цель работы — охарактеризовать условия функционирования сельских учебных заведений в отдаленной провинции, показать их влияние на реализацию образовательного процесса в обозначенный период. Авторы рассматривают меры по улучшению условий обучения учащихся в образовательных учреждениях, предпринимаемые органами власти, представителями медицины, учителями и общественными активистами. Принимаются во внимание такие характеристики функционирования учебных заведений, как наличие / отсутствие собственного здания, площадь пола на каждого учащегося, состояние воздуха, отношение площади окон как проводников света к площади пола, источники водоснабжения, способ отопления, наличие вентиляции, расположение и количество отхожих мест (туалетов), частота и способы уборки школьных помещений, наиболее распространенные заболевания школьников. Делается вывод о положительных сдвигах в организации врачебно-санитарного надзора за школами, проявившихся в организации периодических ревизий школ (проверялось их соответствие действующим пространственно-планировочным и санитарным требованиям), активизации усилий по обновлению школьной мебели и ее ремонту, а также санитарно-гигиеническому просвещению обучающихся.

Ключевые слова:

учебные заведения; Западная Сибирь; санитарно-техническое состояние; гигиенические условия; водоснабжение; отопление; вентиляция; объем воздуха; отхожие места.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The study is devoted to the study of the problem of the sanitary-technical and hygienic state of school buildings and premises during the period of intensive development of the network of educational institutions in the West Siberian region in the late 19th — early 20th centuries. The purpose of the work is to characterize the conditions for the functioning of rural educational institutions in a remote province, to show their influence on the implementation of the educational process in the designated period. The authors consider the measures taken by the authorities, medical representatives, teachers and community activists to improve the learning environment for students in educational institutions. Considering such characteristics of the functioning of educational institutions as the presence / absence of their own building, floor area for each student, air composition, the ratio of the area of windows as conductors of light to the floor area, water supply sources, heating, ventilation, location and number of latrines (toilets), the frequency and methods of cleaning school premises, the most common diseases of schoolchildren. The conclusion is made about positive shifts in the organization of medical and sanitary supervision of schools, manifested in the organization of periodic audits of schools (their compliance with the current spatial planning and sanitary requirements was checked), intensification of efforts to update school furniture and its repair, as well as sanitary and hygienic education of students.

Key words:

educational institutions; Western Siberia; sanitary and technical condition; hygienic conditions; water supply; heating; ventilation; air volume; latrines.

Сельские учебные заведения Западной Сибири конца XIX — начала XX века: санитарно-техническое и гигиеническое состояние

© Зверев В. А., Татарникова А. И., 2021

1. Введение

Одним из показателей модернизации российского общества в конце XIX — начале XX веков стало интенсивное развитие системы образования, проявившееся в увеличении количества учебных заведений в стране, поступательном росте численности обучающихся, повышении доли грамотных среди населения, активизации усилий по подготовке педагогических кадров.

Наибольшую заинтересованность в получении образования демонстрировали жители российских городов, в то время как крестьянство отличалось более слабой мотивацией, поскольку востребованность грамотных в сельском хозяйстве была гораздо ниже, чем в промышленности. Только на рубеже XIX—XX веков, по мере активизации развития промышленности и товарно-денежных отношений, усиления урбанизационных процессов, роста аграрных миграций, в российском обществе постепенно начинает меняться отношение к грамотности.

По своей ведомственной принадлежности образовательные учреждения могли относиться к Министерству народного просвещения, Министерству внутренних дел, железнодорожному ведомству, ведомствам Святейшего синода, Императрицы Марии и др.

Осознание населением необходимости и пользы овладения грамотой выразилось в увеличении количества приговоров сельских и волостных сходов, ходатайствующих перед местными властями об открытии в их селении начальной школы. Высокую заинтересованность в строительстве школ проявляли переселенцы, водворявшиеся на отведенные для них земли и образующие новые населенные пункты — переселенческие поселки.

Нередкими были случаи, когда с просьбами об открытии школы жители селений обращались к чиновникам по нескольку раз. Не дождавшись положительных сдвигов в удовлетворении ходатайств, крестьяне брали все расходы по открытию и содержанию «домовых», «вольных» школ на себя.

Несмотря на увеличение государством расходов на образование, острыми для чиновников, учителей, учащихся и их родителей были вопросы, связанные со строительством школьных зданий, наймом помещений под школу, обеспечением учебных заведений соответствующей мебелью, учебной литерату-

рой, наглядными пособиями. Немало проблем в функционировании учебных заведений было связано с их несоответствием существующим требованиям к освещению, отоплению, водоснабжению, вентиляции, отведению отхожих мест и пр. Неудовлетворительные санитарно-технические и гигиенические характеристики школьных зданий негативно сказывались на здоровье обучающихся, служили благоприятным фоном для распространения инфекционных заболеваний, затрудняли реализацию учебного процесса в целом.

Анализ научной литературы по вопросам развития образования и здравоохранения в России, ее регионах в позднеимперский период показал незначительное число специальных исследований, посвященных изучению санитарно-технических и гигиенических условий функционирования учебных заведений.

Взаимосвязь состояния школьной гигиены и заболеваемости учащихся была исследована Ф. Ф. Эрисманом, А. П. Доброславиным, Г. В. Хлопным [Эрисман, 1895; Доброславин, 1874; Хлопин, 1908]. Санитарное состояние учебных заведений в ряде сельских местностей Сибири охарактеризовали Н. И. Палопеженцев и Н. И. Делекторский [Палопеженцев, 1894; Делекторский, 1911].

В отечественной историографии советского периода вопросы соответствия учебных заведений конца XIX — начала XX веков научным санитарно-гигиеническим нормам затрагивались в публикациях Н. С. Юрцовского, Ф. Ф. Шамахова и др. [Юрцовский, 1923; Шамахов, 1956].

Современный этап изучения вопроса отличается появлением новых работ, в которых проблемы санитарно-технического и гигиенического состояния школьных учреждений получили более широкое освещение [Беленцов, 2005; Михашенко, 2008; Караваева, 2008; Исакова, Кос, 2013; Клевцова, Жиров, 2016; Журин, 2017;].

Тем не менее исследования эти носят локальный характер, содержащиеся в них выводы сложно экстраполировать на всю систему образовательных учреждений в Западно-Сибирском регионе.

Многие вопросы законодательного регулирования технических, санитарных и гигиенических условий функционирования образовательных учреждений, реальной картины состояния дел в данной сфере и их влияния на реализацию образовательного процесса в школах пока остаются вне поля зрения историков.

2. Развитие школьного дела в Западной Сибири в конце XIX — начале XX веков

Школьное образование вплоть до середины XIX века не получило широкого распространения в Сибири. Так, к 1842 году в регионе функциони-

ровало 3 гимназии (в Тобольске, Томске и Иркутске), 21 уездное училище, 34 приходские и 2 частные школы. Число учащихся в них составляло всего 2788 человек [[Вольфсон], 1903, с. 2].

Географическая удаленность от центральной части страны, слабая хозяйственная освоенность сибирских территорий, неразвитость транспортной сети негативно сказывались на расширении сети учебных заведений. Медленное развитие школьного дела определялось распространенным в российском обществе, в том числе среди чиновников, отношением к Сибири как краю каторги и ссылки, населенному «дикими» коренными народами и асоциальными элементами, просвещать которые было делом необязательным и даже опасным.

К 50-м годам XIX века уровень грамотности горожан региона оставался крайне низким, составляя, к примеру, в Тобольске и Барнауле — по 5 %, Тюмени — 6, Томске — 8, Омске — 10 % [Бакулина и др., 2010, с. 114]. С грамотностью крестьянского населения дела обстояли еще хуже. В Тобольской губернии умели читать и писать лишь 2 % сельских жителей, в Томской — 1,3 % [Миненко, 1991, с. 133].

Заметные положительные сдвиги в расширении сети учебных заведений и повышении уровня грамотности населения относятся к 80—90-м годам XIX века. Они были связаны с изменением политики имперской власти в отношении Сибири, следствием которой стала смена имиджа региона. Последний начинает восприниматься и властью, и обществом уже не как «страна изгнания», а как «край холодный, но не голодный», имеющий огромный экономический потенциал.

Интенсификация аграрной колонизации сибирских земель, рост численности населения, развитие капиталистических отношений, открытие Транссиба, вовлечение отдаленной провинции в общероссийский и мировой рынок, повышение спроса на квалифицированную рабочую силу в городах, внутренние миграции — эти и другие факторы дали импульс школьному строительству.

Возросшие образовательные запросы западносибирского общества побуждали государство увеличить финансирование учебных заведений за Уралом. Однако выделяемые правительством средства не могли удовлетворить потребность сибиряков в школах в полном объеме. Проблема открытия новых учебных заведений решалась также за счет денежных средств местных бюджетов, церкви, меценатов, крестьянских обществ и др.

Проявлением меняющегося отношения к образованию становится интенсивное развитие сети учебных заведений разного типа, в особенности школ грамотности, начальных училищ и церковно-приходских школ. Увеличение сети образовательных учреждений стало характерным явлением для всех реги-

онов страны, в том числе Западной Сибири. Так, в период с 1888 по 1909 годы в Тобольской губернии число учебных заведений увеличилось с 498 до 1285, в Томской — с 384 до 1598 [Подсчитано по: Обзор Тобольской..., 1889, с. 63 (1-я pag.); Обзор Тобольской..., 1910, с. 40—41 (2-я pag.); Обзор Томской..., 1889, с. 71 (2-я pag.); Обзор Томской..., 1910, с. 92 (2-я pag.)].

На территории региона осуществляли образовательную деятельность учебные заведения разного типа: школы грамотности, церковно-приходские школы, «министерские» начальные училища, прогимназии и гимназии, духовные и учительские семинарии, реальные и епархиальные училища и пр. В 1879 году на одно учебное заведение в городах Западной Сибири приходилось в среднем 1509, в сельской местности — 3299 человек [[Вольфсон], 1903, с. 3].

Наиболее быстрыми темпами росло число начальных школ, представленных школами грамоты, церковно-приходскими школами, городскими и ремесленными училищами и др. Если в 1885 году в Западно-Сибирском учебном округе насчитывалось 666 начальных учебных заведений, то в 1908/1909 учебном году — 1363 [Войтеховская, 2011, с. 135—136]. Подавляющее большинство начальных школ находилось в сельской местности.

Наряду с начальными школами увеличивалось количество образовательных учреждений среднего уровня. В 1909 году в средних учебных заведениях региона обучалось около 8,5 тыс. человек, в 1914 — около 14 тыс., в 1916 — более 17 тыс. [Ищенко, 2011, с. 24].

Открытие новых школ предполагало в первую очередь решение вопроса о том, в каком здании будет размещаться учебное заведение. Растущая тяга сибиряков к просвещению удовлетворялась путем предоставления для учебных нужд наемных или «даровых» (подаренных меценатами) помещений.

К 1908 году в Западной Сибири (включая Акмолинскую и Семипалатинскую области) в арендованных помещениях располагались 26,5 % начальных училищ, к 1914 году собственных помещений не имели уже 36,7 % школ указанного типа [Войтеховская, 2011, с. 138].

Расширение масштабов школьного строительства в регионе поставило перед государством задачу не только увеличения финансирования системы образования, но и подготовки педагогических кадров, материально-технического оснащения учебных заведений, обеспечения санитарных и гигиенических условий обучения в целях поддержания здоровья учащихся и учителей.

3. Планировочные и санитарно-гигиенические требования к учебным заведениям во второй половине XIX — начале XX веков

В основу пространственно-планировочных и гигиенических требований к открываемым школам были положены идеи отечественных гигиени-

стов — Ф. Ф. Эрисмана, А. П. Доброславина, Д. Д. Бекарюкова, Г. В. Хлопина и др. Ими были разработаны рекомендации к вентиляции, отоплению, освещению школьных зданий, требования к отдельным помещениям («раздевальням», классам, рекреациям, отхожим местам и пр.). Значительное внимание уделили основоположники отечественной гигиены вопросам качества школьной мебели, устройства парт и др.

Результаты исследований ученых были учтены Министерством народного просвещения и легли в основу утвержденных типовых проектов школьных зданий, рассчитанных на различное количество учащихся. Для обеспечения необходимых санитарно-гигиенических условий обучения в 1904—1908 годах были выработаны инструкции, содержащие указания о способах поддержания чистоты в помещениях школы, вентиляции, дезинфекции отхожих мест, обеспечения качественной питьевой водой и пр. [Инструкция ..., 1906; Проект ..., 1904].

Согласно существовавшим инструкциям при строительстве здания учебного заведения необходимо было учитывать особенности местности, на которой оно будет располагаться (высокая / низкая, открытая / закрытая, тихая / шумная); удаленность от фабрик и заводов, загрязняющих воздух; наличие и качество источника питьевой воды; материал для отопления (дрова, торф, каменный уголь). При выборе места для школы обязательно должен был присутствовать санитарный врач, ставящий свою подпись в акте осмотра местности [Брейтман, 1909, с. 11].

Фасад школы рекомендовалось обращать на юго-запад или юго-восток, при этом здание должно было иметь большое количество окон, обеспечивающих левостороннее освещение классных помещений, с оптимальным соотношением поверхности окон к площади пола, составлявшим 1:5. Указывалось, что цвет стен должен быть белым — для равномерного распределения света по классу [Беленцов, 2005, с. 129].

Особое внимание уделялось самим классным помещениям, в которых обучаемые проводят основную часть учебного времени. Кабинет, предназначенный для 36 учеников, должен был иметь площадь около 55 м² и содержать 233 м³ воздуха. Предписывалась постоянная вентиляция (приточное отверстие и две вытяжки) с расчетом, чтобы во время урока воздух мог замениться два-три раза [Беленцов, 2005, с. 128]. Рекомендованная высота классной комнаты составляла 4—4,5 м. Считалось, что при меньшей высоте учащиеся будут испытывать недостаток воздуха, при большей — в классе могут возникать акустические помехи [Клевцова и др., 2016, с. 9].

Помещение для школы должно было иметь, помимо классных комнат, как минимум рекреационный зал, раздевалку, комнату для учителя. В учебных заведениях, рассчитанных на большое число учащихся, реко-

мендовалось включать в планировку гимнастический зал, помещение для библиотеки, комнаты для директора и приемной, помещение для сторожа.

Пол в школе полагался двойной, прочный, сухой, теплый, без щелей и дыр. Потолки нужно было делать из толстого леса, промазывать глиной и сверху засыпать землей или другим подходящим материалом, плохо проводящим тепло.

Отхожие места в учебном заведении предписывалось устраивать в сенях или дальнем коридоре, но так, чтобы запах, исходящий от них, не попадал в учебные помещения. Устройство отхожих мест во дворе не приветствовалось; если существовала такая необходимость, их следовало соединять со школой теплым коридором [Брейтман, 1909, с. 22—23]. Пол и сиденья в клозетах нужно было вычищать песком не реже одного-двух раз в неделю, а во время эпидемий — ежедневно.

Пространственно-планировочные требования предъявлялись не только к зданию и внутренним помещениям школы, но и к школьному двору. Здесь предполагалось устройство детской площадки для прогулок и игр учащихся, сада (огорода), хозяйственных строений, колодца и пр.

Санитарно-гигиенические правила в отношении учебных заведений касались частоты проведения влажных уборок школьных помещений (ежедневно), их дезинфекции, способов и периодичности удаления нечистот из отхожих мест, поддержания сухости и теплоты в здании, проветривания помещений, устройства умывальников и мест для питья воды. Также были разработаны инструкции относительно школьной мебели, устройства парт, классной доски [ГАТО, ф. 100, оп. 1, д. 123, л. 2].

Вышеперечисленные требования к планировке и санитарно-гигиеническому состоянию учебных заведений разрабатывались с целью «устранения всех вредных для правильного развития и здоровья учащихся условий» [Инструкция ..., 1906, с. 1]. Постоянный контроль за техническим и санитарно-гигиеническим состоянием школ осуществлялся силами врачей, представителей местных органов власти, попечительских советов.

4. Результаты санитарных осмотров сельских школ Западной Сибири в конце XIX — начале XX века

В Западно-Сибирском регионе, как и в других частях империи, санитарный надзор за школами первоначально был организован в городах. Так, в Томске санитарные осмотры школ стали осуществляться с 1883 года, а в 1903 году была введена должность школьного врача [ГАТО, ф. 233, оп. 2, д. 2973, л. 14 об.]. В его обязанности входило оказание медицинской помощи учащимся, наблюдение за их физическим состоянием, санитарный надзор в учебных заведениях [Устав ..., 1914, с. 38].

В деревнях осмотры школ осуществлялись силами сельских врачей, должность которых была учреждена в 1889 году, а также инспектирующими чиновниками Западно-Сибирского учебного округа, образованного в 1885 году.

Собранные представителями медицины и чиновниками сведения о материально-технических и санитарно-гигиенических условиях обучения в учебных заведениях региона помещались в ежегодных врачебных отчетах по губерниям, отчетах инспекторов народных училищ, публиковались в специализированных периодических изданиях, адресованных преимущественно медицинским работникам («Сибирский врач», «Врачебно-санитарная хроника г. Томска», «Здоровье для всех» и др.).

К сожалению, сбор данных о техническом и санитарном состоянии школ не носил планомерного и централизованного характера. В административно-территориальных единицах Западно-Сибирского региона он проводился в разное время и имел множество недостатков: отрывочность и приблизительность предоставляемых сведений, выборочность объектов осмотра, халатное отношение некоторых должностных лиц к своим непосредственным обязанностям, пренебрежение существующими инструкциями. Тем не менее имеющиеся в распоряжении исследователей фрагментарные данные о результатах проведенных осмотров учебных заведений позволяют воссоздать относительно объективную картину технического и санитарно-гигиенического состояния школьных зданий разного типа на рубеже XIX—XX веков.

Так, анализ архивных материалов, содержащих сведения о санитарном состоянии школ за 1897 год, собранные врачебной управой Тобольского губернского правления, показывает реальное положение дел в 237 сельских учебных заведениях губернии. Выборочный осмотр школ проводился здесь на основании специального опросного листа «относительно школьных зданий и классной обстановки», утвержденного администрацией Западно-Сибирского учебного округа. Врачи посетили 78 школ в Ишимском округе, 66 — в Курганском, 33 — в Ялуторовском, 20 — в Тобольском, 16 — в Тюкалинском, 12 — в Тюменском, 10 — в Туринском и 2 — в Березовском округах [Подсчитано по: ГА в Тобольске, ф. И352, оп. 1, д. 593, л. 8 об. — 149].

В результате знакомства с санитарно-технической обстановкой в учебных заведениях было признано удовлетворительным санитарное состояние 71 школы (30 % всех осматриваемых заведений), не вполне удовлетворительным — 92 (38,8 %), неудовлетворительным — 74 (31,2 %).

Из 237 школ 58 (24,4 %) не имели никакой вентиляции. В остальных учебных заведениях помещения проветривались посредством форточек и / или отверстий в стене.

В 14 (5,9 %) школьных зданиях объем воздуха на одного учащегося не превышал 1 м³, в 138 (58,2 %) данный показатель составлял от 1 до

4 м³. При описании таких учебных заведений указывалось на чрезмерную духоту в помещениях, спертый воздух, тесноту и несоразмерность площади классных комнат количеству детей. Относительно неплохой показатель объема воздуха был отмечен в 85 учебных заведениях: от 4 до 6 м³ на человека приходилось в 69 (29,1 %) школах, свыше 6 — в 16 (6,8 %).

Особое внимание при осмотре школ уделялось водоснабжению. Речной водой для питья пользовались учащиеся 141 (59,5 %) сельской школы, колодезной — 48 (20,2 %), озерной — 11 (4,6 %). О водоснабжении остальных 37 учебных заведений сведений нет. Характеризуя источники питьевой воды, врачи нередко отмечали их недоброкачественность, указывая на мутность, зловонный запах, присутствие органических веществ.

Осмотр «ретирад» (туалетов) показал, что лишь в 6 (2,5 %) школах они имелись внутри зданий. В 32 (13,5 %) они располагались «при школе», в 151 (63,7 %) — вдали от нее. В 48 (20,2 %) учебных заведениях специально устроенные отхожие места отсутствовали. Учащиеся отправляли свои естественные потребности во дворе учебного заведения либо в ближайшем к школе соседском хлеву. Большинство имевшихся при школах отхожих мест были холодными, очищались несвоевременно, их выгребные ямы зачастую оказывались переполненными.

Сельские врачи указывали на загрязненность школьных дворов, отсутствие влажной уборки помещений, тесноту в классах, низкие потолки, плохой пол, слабое освещение, неудовлетворительное отопление и другие нарушения санитарно-технических норм. Примечательно, что наибольшее количество нареканий со стороны проверяющих вызвало санитарное состояние тех школ, которые размещались в наемных домах, принадлежавших частным лицам (крестьянам).

Аналогичных нежелательных характеристик удостаивались при врачебных осмотрах многие учебные заведения Томской губернии и Омского округа Акмолинской области. Полученные по итогам неоднократных ревизий школ Сибирского казачьего войска данные также свидетельствовали о непригодности многих зданий для учебного процесса, о малой вместимости классных помещений, недостаточности воздуха в них. «Кубическое содержание воздуха во всех школах неудовлетворительное; в них могло бы поместиться только по девять учащихся на школу. Между тем, в действительности эта цифра равнялась двадцати двум, т. е. почти в 2,5 раза более», — констатировали проверяющие в 1887 году [ИАОО, ф. 67, оп. 1, д. 1548, л. 112 об.]. Переполненность учебных классов была одной из основных причин для отказа в принятии на обучение новых желающих.

Обстоятельному обследованию на соответствие санитарно-гигиеническим нормам сибирские школы были подвергнуты в 1910—1911 годах

по инициативе Томского общества практикующих врачей, разославшего по учебным заведениям Сибири специально разработанные программы изучения их санитарного состояния.

В результате осмотра подверглись 1251 (28,2 %) сельская школа из 4442 функционировавших в регионе. Данные проведенного исследования показали, что 47 % сибирских школ располагались в ветхих зданиях. Лишь 55 % из них содержались в чистоте. Умывальники для учащихся имелись в 20,4 % школ, при этом для питья в 82 % учебных заведений использовалась сырая, не всегда доброкачественная вода. В 7 % школ были устроены теплые отхожие места, в 83 % — холодные, во дворе, на расстоянии от 5 до 100 м от здания школы. Половина «ретирад» содержалась в неудовлетворительном состоянии, а в 20 % учебных заведений туалеты не очищались вовсе. Около 10 % школ отхожих мест не имели.

Из числа осммотренных учебных заведений, находящихся в Западной Сибири, 13 % были признаны переполненными. Лишь 14,8 % школ имели высоту потолков 3,5 м и более. Учебные заведения с удовлетворительным освещением составляли 32,7 % [Делекторский, 1913, с. 10—14].

В целом ревизия сибирских школ показала, что рекреационные залы и коридоры в зданиях учебных заведений очень редки, а прихожие и «раздевальни» «мало поместительны» [Делекторский, 1913, с. 12].

Не имея собственных зданий, школы разного типа размещались в наемных домах, не предназначенных изначально для нужд обучения. Чаще всего в обычных крестьянских избах, а иногда и в церковных сторожках открывались церковно-приходские школы. К примеру, в 1893—1894 годах из 302-х школ названного типа, действующих в Томской губернии, собственные помещения имели только 95 (31 %), в наемных домах располагалось 66 (22 %), в частных квартирах — 63 (21 %). В церковных сторожках ютилось 78 (26 %) церковно-приходских школ [Томского ..., 1895, с. 74].

Следует отметить, что по итогам осмотров учебных заведений наряду с преобладающими отрицательными характеристиками сельских школьных зданий и условий обучения в них нередко встречались и положительные отзывы инспектирующих лиц. Так, в 1900 году одним из лучших в Курганском уезде было признано новое здание «министерского» училища в с. Лебяжье: «Содержится чисто. Обширная классная комната с окнами с трех сторон. Квартира учителя из двух комнат, при ней кухня, сени и кладовая. Классная комната вентилируется тремя отверстиями в стене и тремя форточками. Окон 13. На одного ученика 2,8 куб. м воздуха. Ретирад на расстоянии 10 сажен [от здания училища], отдельный для мальчиков и девочек» [ГА в Тобольске, ф. И352, оп. 1, д. 705, л. 123 об. — 124].

Среди учебных заведений Сибирского казачьего войска хорошим состоянием отличалась Татарская поселковая школа, обследованная в 1905 году : «Помещение просторное и светлое, содержится опрятно и чисто. Парты удобны, учебные пособия и библиотека, хотя и небогатая, имеются» [ИАОО, ф. 67, оп. 2, д. 2335, л. 25 об.].

В целом санитарно-технические и гигиенические условия в «министерских» и «казачьих» школах были лучше, чем в школах грамоты и церковно-приходских школах. Сказывались большее внимание властей к первым и проблемы финансирования вторых.

5. Действия местной администрации, врачей и педагогов по улучшению условий функционирования сельских школ

Развитие сети образовательных заведений в сельской местности породило для органов местной власти, врачей и педагогов массу проблем, связанных с неудовлетворительным санитарно-техническим и гигиеническим состоянием указанных учреждений инфраструктуры. Расположение значительного числа учебных заведений в наемных помещениях, изначально не предназначенных для нужд школы, переполненность классов, теснота, отсутствие вентиляции и другие недостатки заставляли принимать меры, направленные на минимизацию негативного влияния окружающей обстановки на самочувствие детей.

Одним из злободневных для учебных заведений в сельской местности являлся вопрос плохого отопления. Считавшиеся более эффективными для обеспечения тепла голландские печи имелись в незначительной части деревенских школ, в то время как в большинстве преобладали утермарковские либо традиционные русские печи, уступавшие по своим характеристикам «голландкам» и имевшие меньшую теплоотдачу.

Зачастую в зимнее время учащиеся и педагоги вынуждены были заниматься в верхней одежде в холодных помещениях.

В архивах сохранилось немало дел, содержащих переписку сельских учителей с инспекторами народных училищ по поводу имевшихся проблем обеспечения школ необходимыми для обучения условиями.

В своих письмах учителя обращали внимание чиновников на неудовлетворительное состояние учебных помещений, отсутствие вентиляции, постоянный холод и сырость, сквозняки, протекающие крыши, нехватку дров для отопления, недостаток школьной мебели и пр. Например, педагог Романовского сельского училища Е. Тимофеева в апреле 1903 года в письме, адресованном инспектору народных училищ 1-го района Тобольской губернии А. Гуляеву, просила содействия, чтобы «проконопатить дом, поправить крышу на доме, исправить кухонную и классную печи, исправить [настенные]

классные часы». Состояние Загваздинской сельской школы подробно описал ее учитель: «Камин совсем развалился, дымит <...> приходится заниматься при 5 или 7°C тепла». «С самого начала существования школьного здания, — говорилось в письме, — стены его не только не были оштукатурены, но даже и не выбелены, не говоря уже об окнах, дверях и поле школы, которые <...> кажутся закоптелыми. Внутренним видом школа скорее напоминает собой мрачную грязную казарму» [ГА в Тобольске, ф. И483, оп. 1, д. 48, л. 9, 11 об.].

Приведенные примеры говорят о равнодушии педагогов к санитарно-техническому состоянию учебных заведений и условиям пребывания в них детей, об активной позиции учителей в вопросах искоренения недостатков в организации школьного дела.

Предметом неустанных забот представителей власти, педагогов и родителей была школьная мебель. Малое количество ученических парт и скамеек, их физический износ, несоответствие возрасту школьников оказывали отрицательное влияние на организацию учебного процесса и здоровье детей. Например, в отчете о санитарном состоянии школ Сибирского казачьего войска за 1886 год отмечалось: «В большей части школ скамьи и столы старой конструкции. Нередко приходится наблюдать, что учащиеся разного роста, без разбора, сидят на одной и той же скамье, причем одному приходится вытягивать ноги из-под стола, в то время как ноги соседа остаются на весу, не хватая до пола». В результате школьники сидят криво, что вызывает у них «общие расстройства питания, искривление позвоночника, расстройства зрения и неправильность кровообращения» [ИАОО, ф. 67, оп. 1, д. 1565, л. 35 об.].

Стремясь изменить в лучшую сторону существующее положение дел в санитарно-техническом состоянии учебных заведений, чиновники и представители медицины предпринимали большие усилия по изысканию средств на ремонт ветхих школьных зданий, оснащение мебелью, по привитию простейших санитарно-гигиенических навыков ученикам. Налаживая тесные контакты непосредственно с учителями школ, местные врачи организовывали непродолжительные курсы и лектории по вопросам гигиены, распространенных заболеваний школьников и способов их профилактики, оказания неотложной помощи учащимся.

Успех в распространении гигиенических знаний и навыков среди учеников во многом зависел от личной заинтересованности и активности учителя в этом деле.

Сельские врачи, в обязанность которых входило проведение периодических осмотров учебных заведений на закрепленной за ними территории, организовывали дезинфекцию школьных помещений, давали бесплатные медицинские консультации и лечили учащихся, занимались санитарным просвещением не только детей, но и их родителей.

С 1904—1905 годов в школах региона начинают проводиться ежегодные медицинские осмотры, растет частота проверок соблюдения учебными заведениями санитарно-технических и гигиенических предписаний. Это было связано с учреждением в 1904 году в составе Министерства народного просвещения врачебно-санитарной части учебных заведений во главе с профессором гигиены Г. В. Хлопиным, в обязанности которой входила организация контроля за санитарным состоянием школ. Одним из первых результатов работы врачебно-санитарной части стало создание и распространение опросных листов среди врачей, в которые вносились данные о всех технических и санитарных условиях функционирования школы.

Наиболее успешно врачебно-санитарный надзор осуществлялся в тех школах, которые находились в непосредственной близости от уездных городов, отличались транспортной доступностью и близостью к месту пребывания сельского врача. Учебные заведения, расположенные в отдаленных частях врачебного участка, вдали от дорог, вниманием врачей и училищных инспекторов были обделены.

С началом Первой мировой войны санитарный надзор за школами был практически приостановлен. Многие врачи и фельдшеры отправились на фронт или были направлены на лечение военнопленных и беженцев. Усилился дефицит дезинфицирующих и лекарственных средств, сократилось финансирование. Это негативно сказалось на санитарно-технических и гигиенических условиях функционирования учебных заведений. Откладывался на неопределенный срок ремонт в школах, не обновлялась школьная мебель, не хватало материала для топки печей и пр.

6. Заключение

Таким образом, одним из следствий вовлечения Западной Сибири на рубеже XIX—XX веков в общероссийские модернизационные процессы стало увеличение потребности местного социума в образовании, что, в свою очередь, активизировало развитие школьного дела.

Расширение масштабов школьной сети актуализировало для властей задачу обеспечения санитарно-гигиенических условий обучения, соответствующих гигиеническим нормам, о чем свидетельствует появление в 1900-е годы разнообразных инструкций, содержащих указания о способах поддержания чистоты в помещениях школ, вентиляции, освещения, дезинфекции отхожих мест, обеспечения качественной питьевой водой и т. п.

Регламентация пространственно-планировочных и санитарных предписаний при строительстве школьных зданий преследовала цель обеспечения нормальных санитарно-гигиенических условий функционирования учебных заведений и поддержания здоровья подрастающего поколения.

Однако на деле технические и санитарные характеристики школ сильно отличались от норм, изложенных на бумаге.

Увеличение числа желающих получить хотя бы начальное образование опережало темпы школьного строительства. Собственных зданий, предназначенных специально для учебных заведений, катастрофически не хватало. Решением данной проблемы стало открытие школ в наемных (частных) домах, принадлежавших местным жителям, а также в общественных зданиях, приспособленных под нужды школы. Подобная практика получила наибольшее распространение в сельской местности, где строительство новых зданий для школы тормозилось дефицитом финансовых средств.

Санитарно-технические характеристики большинства сельских учебных заведений не выдерживали критики. Особенно это касалось школ, располагавшихся в наемных домах. Ветхое состояние, теснота помещений, сырость и холод, отсутствие вентиляции, плохое освещение, спертый воздух, отсутствие или неудовлетворительное состояние отхожих мест были вполне будничным явлением для большинства школ.

Перечисленные недостатки отрицательно сказывались на организации образовательного процесса, вынуждая учителей отменять занятия в холодное время года, усаживать учащихся за парты, не соответствующие параметрам их физического развития, размещать крестьянских детей за двухместные парты по четыре-пять человек.

Стремление изменить сложившуюся ситуацию в лучшую сторону нашло отражение в организации санитарного надзора за состоянием учебных заведений, проведении ежегодных ревизий школ на их соответствие действующим пространственно-планировочным и санитарным требованиям, а также в усилиях по обновлению школьной мебели и ее ремонту.

В рассматриваемый период были сделаны первые шаги по установлению более тесных контактов между учителем, местным врачом, обучающимися и их родителями. Это нашло отражение в проведении ежегодных медицинских осмотров школьников, организации краткосрочных учительских курсов по оказанию неотложной помощи детям и профилактике распространения болезней, дезинфекции школьных помещений. Врачи и наиболее инициативные представители сельской интеллигенции проводили тематические лекции для школьников и родителей по вопросам гигиены, профилактики и лечения распространенных болезней.

Положительные сдвиги в становлении школьного санитарного надзора и улучшении санитарно-технических и гигиенических условий функционирования учебных заведений были прерваны начавшейся Первой мировой войной, политическими и экономическими потрясениями 1917—1922 годов.

В наследство установившейся в регионе советской власти досталось множество нерешенных проблем в сфере народного образования, в числе которых было неудовлетворительное санитарное состояние большинства учебных заведений.

Источники и принятые сокращения

1. ГА в Тобольске — *Государственный* архив в г. Тобольске. Ф. И352 (Врачебное отделение Тобольского губернского управления, 1797—1917 гг.). Оп. 1. Д. 593. Л. 2—48; Д. 705. Л. 123 об. —124; Ф. И483 (Инспектор народных училищ 1-го района Тобольской губернии, 1900—1918 гг.). Оп. 1. Д. 48. Л. 9, 11 об.

2. ГАТО — *Государственный* архив Томской области. Ф. 100 (Дирекция народных училищ Томской губернии, 1899—1920). Оп. 1. Д. 123. Л. 2; Ф. 233 (Томская городская управа, 1822—1918). Оп. 2. Д. 2973. Л. 14 об.

3. ИАОО — *Исторический* архив Омской области. Ф. 67 (Войсковое хозяйственное правление Сибирского казачьего войска, 1767—1918). Оп. 1. Д. 1565. Л. 35 об; Д. 1548. Л. 112 об; Оп. 2. Д. 2335. Л. 25 об.

4. *Инструкция* врачам учебных заведений Министерства народного просвещения и формы санитарной отчетности. — Санкт-Петербург : Типография В. Я. Мильштейна, 1906. — 67 с.

5. *Обзор* Тобольской губернии за 1888 г.: приложение к всеподданнейшему отчету начальника Тобольской губернии. — Тобольск : Типография губернского управления, 1889. — 139 с.

6. *Обзор* Тобольской губернии за 1909 г. — Тобольск : Типография губернского управления., 1910. — 36 с.

7. *Обзор* Томской губернии за 1888 г. — Томск : Типография губернского управления, 1889. — 41 с.

8. *Обзор* Томской губернии за 1909 г. — Томск : Типография губернского управления, 1910. — 64 с.

9. *Проект* плана организации школьно-санитарного надзора в городах // Труды IX Пироговского съезда, изданные организационным комитетом съезда. — Санкт-Петербург, 1904. — Том 4. — С. 78—84.

10. *Томского* епархиального училищного совета отчет. — Томск : Типо-литография П. И. Макушина, 1895. — Приложение 10: О состоянии церковных школ епархии за 1893/1894 учебный год. — 79 с.

11. *Устав* врачебный: узаконения по врачебно-санитарной части, дополненные постановками разъяснениями Сената и правительственных постановлений, правилами и инструкциями / под ред. Л. А. Колычева. — Петроград : Издание юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1914. — 660 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бакулина Т. И.* Историческая география Сибири : учебное пособие / Т. И. Бакулина, В. А. Ермолаева. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2010. — 248 с.

2. *Беленцов С. И.* Санитарно-гигиеническое состояние средних общеобразовательных учреждений во второй половине XIX — начале XX в. / С. И. Беленцов // Современные наукоемкие технологии. — 2005. — № 1. — С. 128—131.

3. Брейтман М. Школьная гигиена: составлено применительно к потребностям русской средней и низшей школы / М. Брейтман. — Санкт-Петербург : Журнал «Русская школа», 1909. — 118 с.
4. Войтеховская М. П. Развитие начального образования в Западно-Сибирском учебном округе в связи с планами введения всеобщего обучения / М. П. Войтеховская // Вестник Томского государственного университета. — 2011. — Выпуск 4 (16). — С. 135—136.
5. Вольфсон Д. Школьное дело в Сибири : статистический отчет / Д. Вольфсон. — Тобольск : Типография Епархиального братства, 1903. — 8 с.
6. Делекторский Н. И. О санитарном состоянии сибирских сельских школ / Н. И. Делекторский // Сибирский врач. — 1911. — № 1. — С. 9—16.
7. Доброславин А. П. Очерк основ санитарной деятельности / А. П. Доброславин. — Санкт-Петербург : Типография Я. Трея, 1874. — 289 с.
8. Журин Н. П. Церковно-приходские и начальные училища при станциях Великой Сибирской железной дороги конца XIX — начала XX в. / Н. П. Журин // Баландинские чтения. — 2017. — Том 12, № 1. — С. 38—44.
9. Исакова Е. Г. Образовательные учреждения в городском пространстве Западной Сибири (1860—1917) / Е. Г. Исакова, В. В. Кос // Профессиональное образование в России и за рубежом. — 2013. — № 3 (11). — С. 141—148.
10. Ищенко О. В. Развитие общего и профессионального образования в Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / О. В. Ищенко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 2 (8). — С. 82—85.
11. Караваева Е. В. Формирование санитарной культуры учащихся духовного ведомства в конце XIX — начале XX в. (на примере Томского епархиального женского училища) / Е. В. Караваева // Сибирский медицинский журнал. — 2008. — Том 23, № 3-2. — С. 118—125.
12. Клевцова О. В. Школьные здания во второй половине XIX в.: технические и гигиенические требования (на примере Орловской губернии) / О. В. Клевцова, Н. А. Жиров // История: факты и символы. — 2016. — № 4. — С. 8—14.
13. Миненко Н. А. Культура русских крестьян Зауралья, XVIII — первая половина XIX в. / Н. А. Миненко. — Москва : Наука, 1991. — 222 с.
14. Михашенко А. Л. Становление и развитие образования в российской провинции в 1719—1917 гг. (на материале Южно-Зауральского региона Западной Сибири) / А. Л. Михашенко. — Курган : КГУ, 2008. — 332 с.
15. Палопеженцев Н. И. Народное образование в г. Ялуторовске и Ялуторовском округе Тобольской губернии / Н. И. Палопеженцев. — Тобольск : Губернская типография, 1894. — Часть 1. — 103 с.
16. Хлопин Г. В. Вопросы школьной гигиены и педагогики на II Международном конгрессе по школьной гигиене в Лондоне / Г. В. Хлопин. — Санкт-Петербург : Типография П. П. Сойкина, 1908. — 123 с.
17. Шамахов Ф. Ф. Народное образование в Западной Сибири в конце XIX — первые годы XX в. / Ф. Ф. Шамахов // Ученые записки Томского государственного педагогического института. — 1956. — Том 15. — С. 3—103.
18. Эрисман Ф. Ф. Из области школьной гигиены: санитарная обстановка учебных заведений / Ф. Ф. Эрисман. — Москва : Типо-литография В. Рихтер, 1895. — 68 с.
19. Юрцовский Н. С. Очерки по истории просвещения в Сибири / Н. С. Юрцовский. — Новониколаевск : Сибирское областное государственное издательство, 1923. — Выпуск 1. — С. 164—166.

MATERIAL RESOURCES

- Draft plan for organizing school sanitary supervision in cities. (1904). In: *Proceedings of the IX Pirogov congress, published by the organizing committee of the congress*, 4. St.Petersburg. 78—84. (In Russ.).
- GA in Tobolsk — *State Archives in Tobolsk*. F. I352 (Medical department of the Tobolsk provincial administration, 1797—1917); F. I483 (Inspector of public schools of the 1st district of the Tobolsk province, 1900—1918). (In Russ.).
- GATO — *State Archives of the Tomsk Region*. F. 100 (Directorate of public schools in Tomsk province, 1899—1920); F. 233 (Tomsk City Council, 1822—1918). (In Russ.).
- IAO — *Historical archive of the Omsk region*. F. 67 (Military economic administration of the Siberian Cossack Host, 1767—1918). (In Russ.).
- Instructions for doctors of educational institutions of the Ministry of Public Education and forms of sanitary reporting*. (1906). St. Petersburg: V. Ya. Milstein's printing house. 67 p. (In Russ.).
- Kolycheva, L. A. (ed.). (1914). *Charter medical: legalization of the medical-sanitary part, supplemented by article-by-article explanations of the Senate and government decrees, rules and instructions*. Petrograd: Edition of the legal bookstore of V. P. Anisimov. 660 p. (In Russ.).
- Review of the Tobolsk province for 1888: an appendix to the all-subject report of the head of the Tobolsk province* (1889). Tobolsk: Lip. stat. com. 139 p. (In Russ.).
- Review of the Tobolsk province in 1909*. (1910). Tobolsk: Provincial administration printing house. 36 p. (In Russ.).
- Review of the Tomsk province for 1888*. (1889). Tomsk: Provincial administration printing house. 41 p. (In Russ.).
- Review of the Tomsk province for 1909*. (1910). Tomsk: Provincial administration printing house. 64 p. (In Russ.).
- Tomsk diocesan school council report, 10: On the state of church schools in the diocese for the 1893/1894 academic year*. (1895). Tomsk: Typo-lithograph of P. I. Makushin.. — 79 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Bakulina, T. I., Ermolaeva, V. A. (2010). *Historical geography of Siberia: textbook*. Tyumen: Tyumen State University Publishing House. 248 p. (In Russ.).
- Belentsov, S. I. (2005). Sanitary and hygienic state of secondary educational institutions in the second half of the XIX — early XX century. *Modern high technologies*, 1: 128—131. (In Russ.).
- Breitman, M. (1909). *School hygiene: compiled in relation to the needs of the Russian secondary and lower school*. St. Petersburg: Journal "Russian School". 118 p. (In Russ.).
- Delektorskiy, N. I. (1911). About the sanitary condition of Siberian rural schools. *Siberian doctor*, 1: 9—16. (In Russ.).
- Dobroslavin, A. P. (1874). *Essay on the foundations of sanitary activity*. St. Petersburg: Printing house of J. Trey. 289 p. (In Russ.).
- Erisman, F. F. (1895). *From the field of school hygiene: sanitary conditions of educational institutions*. Moscow: Tipo-lithography V. Richter. 68 p. (In Russ.).

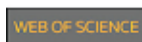
- Isakova, E. G., Kos, V. V. (2013). Educational institutions in the urban space of Western Siberia (1860—1917). *Professional education in Russia and abroad*, 3 (11): 141—148. (In Russ.).
- Ishchenko, O. V. (2011). Development of general and vocational education in Western Siberia in the second half of the XIX — early XX century. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2 (8): 82—85. (In Russ.).
- Karavaeva, E. V. (2008). Formation of sanitary culture of students of spiritual department in late XIX — early XX century (Tomsk diocesan female school). *Siberian medical journal*, 23/3-2: 118—125. (In Russ.).
- Khlopin, G. V. (1908). *Questions of school hygiene and pedagogy at the II International Congress of School Hygiene in London*. St. Petersburg: Printing house of P. P. Soikin. 123 p. (In Russ.).
- Klevtsova, O. V., Zhirov, N. A. (2016). School buildings in the second half of the 19th century: technical and hygienic requirements (Oryol province). *History: facts and symbols*, 4: 8—14. (In Russ.).
- Mikhashchenko, A. L. (2008). *Formation and development of education in the Russian province in 1719—1917 (South Trans-Ural region of Western Siberia)*. Kurgan: KSU, 332 p. (In Russ.).
- Minenko, N. A. (1991). *Culture of Russian peasants of the Trans-Urals, XVIII — first half of the XIX century*. Moscow: Nauka. 222 p. (In Russ.).
- Palopezhentsev, N. I. (1894). *Public education in the city of Yalutorovsk and the Yalutorovsk district of Tobolsk province, 1*. Tobolsk: Provincial printing house. 103 p. (In Russ.).
- Shamakhov, F. F. (1956). Public education in Western Siberia at the end of the XIX — early years of the XX century. *Scientific notes of the Tomsk State Pedagogical Institute*, 15. 3—103. (In Russ.).
- Voytekhovskaya, M. P. (2011). Development of primary education in West Siberian educational district in connection with plans for the introduction of universal education. *Bulletin of the Tomsk State University*, 4 (16). 135—136. (In Russ.).
- Wolfson, D. (1903). *School business in Siberia: statistical report*. Tobolsk: Printing House of Diocesan Brotherhood. 8 p. (In Russ.).
- Yurtsovsky, N. S. (1923). *Essays on the history of education in Siberia, 1*. Novonikolaevsk: Siberian Regional State Publishing House. 164—166. (In Russ.).
- Zhurin, N. P. (2017). Church parish and primary schools at the stations of the Great Siberian Railway of the late 19th — early 20th centuries. *Balandin readings*, 12/1: 38—44. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Пономарева М. А. Образы отношений дворянства и крестьянства в русской либеральной литературе в конце XIX — начале XX веков / М. А. Пономарева // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 391—409. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-391-409.

Ponomareva, M. A. (2021). Images of Relations between Nobility and Peasantry in Russian Liberal Literature in Late 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 4: 391-409. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-391-409. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-391-409

Образы отношений дворянства и крестьянства в русской либеральной литературе в конце XIX — начале XX веков

Пономарева Мария Александровна

orcid.org/0000-0001-8135-3067

ResearcherID M-1122-2016

Scopus Author ID 6603544114

доктор исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой отечественной
истории XX—XXI веков
ponomariya@sfedu.ru

Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону, Россия)

Images of Relations between Nobility and Peasantry in Russian Liberal Literature in Late 19th — Early 20th Centuries

Maria A. Ponomareva

orcid.org/0000-0001-8135-3067

ResearcherID M-1122-2016

Scopus Author ID 6603544114

Doctor of History, Associate Professor,
Head of the Department of Russian
History of the XX—XXI centuries
ponomariya@sfedu.ru

Southern Federal University
(Rostov-on-Don, Russia)

© Пономарева М. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена особенностям отображения отношений дворянства и крестьянства в русской либеральной мысли рубежа XIX—XX веков. Выполнен обзор историографии по проблеме, основное внимание уделено складывавшейся с середины 1980-х годов традиции изучения либеральной интеллигенции в России и особенностей взаимоотношений «образованного меньшинства и крестьянского мира», представлен анализ новейшей научной литературы. Особое внимание уделено основным подходам к изучению темы, выделены микроисторический, позиционный и другие подходы, концепция «новой локальной истории». Заявлена необходимость их комплексного использования. Представлены результаты сравнительного анализа различных групп источников: воспоминаний и мемуаров, периодической печати, статистических материалов, переписки. Поднимается вопрос о различиях в самоидентификации российского дворянства, а также во взаимных представлениях двух важнейших сословий пореформенной России. Новизна исследования видится в том, что на основе новых методологических подходов выделены несколько образов отношений дворянства и крестьянства на рубеже XIX—XX веков: «предпринимательский», «попечительский», «барский»; даны их отличительные характеристики. Предлагаемая классификация обусловлена основными представлениями российского дворянства о крестьянах в условиях институционализации либеральной идеологии.

Ключевые слова:

дворянство; крестьянство; пореформенная Россия; образы отношений; либеральная литература; либеральная интеллигенция; земство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the peculiarities of the representation of relations between the nobility and the peasantry in Russian liberal thought at the cusp of XIX—XX centuries. A review of the existing historiography on the problem is carried out, the main attention is paid to the emerging from the middle 1980s the traditions of studying the liberal intelligentsia in Russia and the peculiarities of the relationship between the “educated minority and the peasant world”, an analysis of the latest scientific literature is presented. Special attention is paid to the main research approaches to the study of the topic, microhistorical, positional and other approaches, the concept of “new local history” is highlighted and the need for their complex use is declared. The results of a comparative analysis of various groups of sources are presented: reminiscence and memoirs, periodicals, statistical materials, correspondence. The question is raised about the differences in the self-identification of the Russian nobility, as well as in the mutual representations of the two most important estates of post-reform Russia. The novelty of the study is seen in the fact that, on the basis of new methodological approaches, several images of relations between the nobility and the peasantry have been identified at the cusp of XIX—XX centuries: the image of the “new entrepreneurial type”, “guardianship” and “preservation of traditions”, conventionally “lordly”, as well as the image of “free action”; their distinctive characteristics are given. The proposed classification is due to the main ideas of the Russian nobility about the peasants in the context of the institutionalization of liberal ideology.

Key words:

nobility; peasantry; post-reform Russia; images of relationships; liberal literature, liberal intelligentsia; zemstvo.

Образы отношений дворянства и крестьянства в русской либеральной литературе в конце XIX — начале XX веков

© Пономарева М. А., 2021

1. Введение: историография и методология изучения

К началу XX века прошло уже несколько десятилетий после крестьянской реформы, резко изменившей жизнь значительной части населения страны. Отношения между дворянством как первенствующим сословием России и крестьянством в связи с нерешенностью множества аграрных проблем особенно обострились. К этому времени при еще существующем земском варианте либерализма постепенно институционализируются различные варианты либеральной идеологии. Как верно отметила М. Могильнер, «освобожденные из крепостной зависимости крестьяне вливались в “общество”, меняя его очертания, заставляя лидеров общественного мнения размышлять в протонациональных категориях, описывающих единое национально-государственное тело» [Могильнер, 2008, с. 16]. Лидерами общественного мнения в конце XIX — начале XX веков, безусловно, являлась интеллигенция, дворяне так называемого «нового типа», принявшие и адаптировавшиеся к новым экономическим отношениям в деревне, а также широкий круг представителей земского движения, среди которого было немало помещиков крупной и средней руки. Развитие пореформенной России определяли противоречивые отношения между двумя ведущими социальными слоями общества — дворянством и крестьянством. Каждый из этих слоев переживал активный процесс расслоения, связанный со стремительным развитием новых экономических условий. Взаимные постоянно преобразующиеся представления двух основных социальных слоев пореформенной России — крестьянства и дворянства, представляют интерес для современных исследователей как возможность изучения форм и направлений социальной трансформации модернизирующихся сообществ.

В советской доперестроечной исторической науке либерализм рассматривался как негативная тенденция общественно-политического развития страны. Поражение либералов в политической борьбе оценивалось как закономерный результат, изначально заложенный в реформистской теории и практике либерализма. Главным мерилom ценности выступала ленинская концепция революционного прогресса. Генезис русского либерализма изучался главным образом в трех вариантах: как часть истории русской общественной мысли (исследование либеральных идей и течений до конца

XIX века); развитие земского либерализма как одной из сословных организационных форм в период с 1864 по 1905 годы; эволюция буржуазных политических партий и организаций в начале XX века (главное внимание уделялось в основном политическим партиям, преимущественно кадетам). Пристальное изучение заявленного вопроса началось в России в середине 1980-х годов, что было обусловлено как процессами, происходившими в стране, так и особенностями развития российской исторической литературы, в которой все большее внимание уделялось не героическому индивиду, а личности как внутреннему духовному сосуду. Проблемы комплексного изучения либерализма как самостоятельной идеологической и политической силы были подняты в середине 1980-х годов Н. М. Пирумовой и К. Ф. Шацилло. Монография Н. М. Пирумовой была посвящена истории возникновения, становления и развития одной из групп русской интеллигенции — служащих земств, так называемого «третьего элемента» [Пирумова, 1986]. Важность исследования данной темы определялась значением земской оппозиции, роль которой в условиях России трудно переоценить. Кроме того, в период с 1864 по 1895 годы именно земство выражало все многообразие либеральных идей и являлось организационной базой русского либерализма, носителями идеалов которого выступали ориентированные на развитие капиталистических отношений представители дворянства. Широким общественным движением, к которому в 1890-х годах примыкала земская интеллигенция, оставалось либеральное народничество. К. Ф. Шацилло одним из первых обратил внимание на «новый либерализм», появившийся в России в начале XX века и ведущий свое начало от «легального марксизма» [Шацилло, 1985]. Автор вступил в полемику с Е. Д. Черменским, который еще в конце 1930-х годов рассматривал либерализм данного периода как внутреннее единое течение, носившее исключительно земскую окраску [Черменский, 1939].

В 1995 году в РГГУ прошла конференция «Россия в новое время. Образованное меньшинство и крестьянский мир: поиск диалога», на которой был представлен широкий спектр мнений по изучаемому вопросу. В частности, была высказана идея, что русская интеллигенция — типичная маргинальная группа, ощутившая неинтегрированность России ни в европейский, ни в азиатский мир как особенность, неповторимость страны. В связи с этим интеллигенция проявляла несколько типов поведения, каждый из которых базировался на чувствах разочарования и вины, порожденных несоответствием результатов и ожиданий. Во-первых, непосредственное служение народу путем подражания ему, а в конечном счете — слияние с ним, данная позиция может выглядеть одинаково у людей политически и идейно глубоко различных. Во-вторых, полный разрыв с националь-

ми традициями и культурными корнями, подчеркнутый космополитизм, «гражданство мира». Тем самым — частичная компенсация чувства вины и неудовлетворенности жизнью, полный разрыв с властью, уход в подполье, в оппозицию, в диссидентство. Очень сильно развито ощущение социальной не востребованности и мысль о вечном противостоянии интеллигенции и власти. В-третьих, теория «малых дел»; она позволяет сблизить две оценочные установки: служение людям и служение Отечеству. Но ни одна стратегия не интегрирует интеллигенцию ни в народ, ни во власть, поскольку в тоталитарном обществе интеллигенция не нужна как посредник, поэтому она уничтожается или вырождается, а в демократическом — превращается в слой специалистов — интеллектуалов, выполняющих профессиональные функции [Баландина, 1995, с. 7—9]. Иная точка зрения в отношении российских либералов была представлена Л. В. Селезневой, которая утверждала, что, оставаясь западниками, они признавали глубокое своеобразие русского исторического процесса, который коренился в общинном укладе из-за запаздывания в историческом развитии страны. При этом общинный уклад, по мнению либералов, должен был смениться новыми формами социально-экономической жизни, импульсом к чему должны были послужить демократические политические институты, грамотность и политическая свобода. Интеллигенция стояла на реальной почве, но недооценивала традиционный менталитет российского крестьянства. Раскол национальной культурной традиции, заключавшийся в существенной разнице между традиционной ментальностью крестьянства и либеральной ментальностью российской интеллигенции, определил ход исторического развития России в начале XX века [Селезнева, 1995, с. 59—60].

Как верно отметил А. П. Логунов, в историографии 1990-х годов наблюдались две тенденции по переосмыслению российской истории: ликвидация «белых пятен» по направлению постановки и разработки вопросов и проблем, либо не вовлекавшихся ранее в орбиту научных интересов, либо остававшихся далеко на периферии. В результате на исторической арене появились новые деятели и оттенки, в научных спорах процессы развития стали преобладать над регрессом и застоем и даже слова менялись с *борьбы*, *эксплуатации* на термины: *поиск*, *реформа* и т. п.; стремление найти иной ключ к объяснению своеобразия российской истории, в результате чего научная деятельность направилась по новому руслу — изучение духовного развития и российской ментальности. Однако характерными чертами стали и предметная модернизация исторического материала, и попытки придания современной действительности общеисторического значения [Логунов, 1995, с. 3—6].

Проблема дуализма российской истории, «ее единства» была поставлена еще в классической российской историографической литературе. Переход от

«традиционного» к «цивилизационному» обществу характеризуется в Европе появлением средних классов, а в России — все более усиливающейся конфликтностью между «образованным меньшинством» и основным населением (в основном, крестьянством), и этот процесс основывался на общенациональном диалоге. Оба участника этого диалога были активны и готовы к взаимодействию, однако каждый из них стремился «навязать» собственное миропонимание: «образованное меньшинство» — что народ непросвещен, необразован, не готов к осознанию собственных приоритетов и к самореализации. Отсюда дистанцирование от народа, сострадание ему, что привело к попытке ограничения негативных черт народной активности во имя его же блага, поиску для мобилизации позитивных народных черт, и весь этот процесс в результате закончился разочарованием для «образованного меньшинства». Речь может идти не о диалоге с народом, а о диалоге с образом народа. Крестьянский мир жил, в свою очередь, ожиданием решений сверху, при этом замыкаясь, но и давя на власть и «образованное меньшинство» как неотъемлемый компонент власти. В результате и с этой стороны имело место несовпадение ожиданий и реалий. Главная закономерность, по мнению А. П. Логунова, заключалась в следующем: чем дальше внешне, тем ближе внутренне [Логунов, 1995, с. 3—6]. К концу 1990-х годов, несмотря на наличие дискуссионных вопросов, состоялось первое обобщение имевшихся подходов, сформулированы общие выводы [Либерализм ..., 1996; Российский либерализм ..., 2004].

В новейшей историографии взгляды российского дворянства на роль и место крестьян в условиях новой России стали предметом изучения исследователей как в рамках проблем, связанных с особенностями реализации аграрной модернизации страны [Шаповалов и др., 2012, с. 99—104], так и в рамках изучения взглядов конкретных представителей либерального дворянства, представителей земств, либеральной интеллигенции [Пономарева, 2004]. Данный вопрос ставится при изучении проблем развития общественного движения в России в данный период в целом [Дмитриева, 2020, с. 292—299] и дворянства и крестьянства как отдельных социальных слоев, в частности [Кузьмин, 2007].

Новейший этап историографии социального развития России данного периода был определен научным спором об особенностях складывания уровня благосостояния крестьянства в России, развернувшимся вокруг публикации научной работы Б. Н. Миронова «Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века», в которой автор представил картину социального развития России с конца XVIII по 1917 год [Миронов, 2013, с. 136—144]. Наконец, в монографическом исследовании Н. С. Цинцадзе раскрываются вопросы историографии различных аспектов

социально-экономической истории пореформенной России, в частности, особенности восприятия демографических и экологических последствий аграрной модернизации страны во второй половине XIX — начале XX века различными социальными и профессиональными группами: крестьянством, земскими деятелями, учеными, чиновниками, государственными и общественно-политическими деятелями, интеллигенцией [Цинцадзе, 2012].

Учитывая сложившееся поле исторического анализа, в данном исследовании мы опираемся на подход, описанный М. Блоком, согласно которому история является наукой о людях во времени [Блок, 1986]. Интерпретативный поворот в гуманитарных исследованиях позволяет нам сосредоточиться на микроисторических сюжетах, на основе которых проанализировать представления российского дворянства о своем «Я» и о «другом» — крестьянах, при этом учитывая, что «в более широкие поведенческие связи могут быть включены также и чувственные понятия, религиозные представления и коммуникативные формы» [Бахманн-Медик, 2017, с. 78]. В данном контексте применимы подходы так называемой «новой локальной истории», подразумевающие восприятие мира через оппозицию «своего» и «чужого», обозначение границы, как отделения «нашего места» от «их места» [Лотман, 1996, с. 174]. Граница всегда более аморфна, следовательно, более восприимчива к влиянию иных культур. Она достаточно уязвима для вторжения извне, но одновременно обеспечивает «непрерывающийся диалог» между пограничными культурами [Маловичко и др., 2003, с. 6—7]. Данный подход позволяет выявить внутренние мотивы, интеллектуальные усилия, личное целеполагание и психологию авторов исторического нарратива в рассматриваемый период. Кроме того, при анализе взглядов на крестьянство российского дворянства мы считаем необходимым исходить из положений так называемого «позиционного подхода», согласно которому существует значимая связь между должностью (позицией), занимаемой индивидом или группой, и возможностью принимать ими значимые для общества решения, распоряжаться общественными ресурсами [Mills, 1956]. Наконец, формирование и изображение идентичности предполагает соответствующий способ представления истории как непрерывного потока, плавно перетекающего из прошлого в современность [Конструирование ..., 2019, с. 7]. В связи с этим представляется интересным на основе сложившегося комплекса методологических подходов выделить основные образы отношений дворянства и крестьянства в русской либеральной литературе исходя из двух основных условий: процесс развития основных черт и особенностей мировоззрения дворян, их взглядов на российское крестьянство, его место и роль в пореформенной России, а также выявление зависимости между данными взглядами и

структурой социального расслоения самого слоя земледельческой элиты конца XIX — начала XX веков, особенностей взаимоотношений различных типов российского дворянства с крестьянами в изменившихся социально-экономических и политических условиях.

2. «Предпринимательский», «попечительский», «барский» образы отношений между российским дворянством и крестьянством

О различных образах отношений между дворянами и крестьянами упоминается в очерке «Люди провинции». В данном эссе, напечатанном в журнале «Вестник Европы» в 1885 году, автор описывает встречу с предприимчивым мелкопоместным дворянином Кубриным. Главная задача автора заметок — выяснить, каким образом у него получается при малом количестве земли, не имея крепостных, увеличивать капитал и какую роль в этом играют его взаимоотношения с работниками в поместье. Кубрин несколько раз довольно пренебрежительно отзываясь о своих работниках: «Каждый день по стакану крови своей порчу... Я положил за правило себе: всегда делать как раз наоборот тому, что говорят мне работники. Только так и можно уберечься от их хитростей» [Абрамова, 1885, с. 640]. Тем не менее, как мы видим, главная его претензия — необходимость всегда быть «начеку», поскольку и работники, и сам барин заботятся каждый о своих интересах. В данном случае предприимчивость хозяина вступает в противоречие с желанием работников соблюсти свои интересы. Причем крестьян Кубрин делит на два типа: те, у кого главная выгода — ничего не делать, и те, кто «мужик честный», кому «можно помочь» [Абрамова, 1885, с. 642]. Более того, в опубликованном очерке Кубрин советуется с мужиком Прасолом, у которого «учился хозяйничать» [Абрамова, 1885, с. 656] и который, по образному выражению автора, «... один из тех редких, сильных и практических умов, которые встречаются и между мужиками и которых настоящее назначение — делать большое дело» [Абрамова, 1885, с. 656]. Об уважительном отношении к крестьянам читаем и в очерке «Из воспоминаний циклиста», опубликованном в 1903 году в «Русской мысли» и описывающем диалог между автором и нотариусом из Польши, который смог завоевать доверие некоего Дзенгеля — «дикого мужика»: «Во-первых, я никогда не юлил перед ним, как это иногда делают господа из интеллигенции. А, во-вторых, в отношениях с ним и вообще с мужиками я никогда не навязывал своих вкусов, но всегда старался служить их интересам... Вы думаете, что указать крестьянину путь к благосостоянию, — влияние не моральное?» [Пруз, 1903, с. 91].

Кстати говоря, урядник из очерка о Кубрине совсем не видит сложности в стилях поведения крестьян, о котором говорит главный герой, от-

мечая только лень и невежество мужиков: «Что им хозяйское добро! Им бы только спать да пьянствовать вволю» [Абрамова, 1885, с. 640]. Подобное же мнение выражено С. Матвеевым в очерке «Из жизни современного крестьянского мира»: «Альфонцев жалуется и упрекает меня, что я избаловал народ. Он говорит, что, бывало, они не шлялись, что их не переслушаешь и их дел веки не распутаешь; что они врут все и сами не знают, чего им надо, а нечего делать, вот и шляются» [Матвеев, 1916, с. 119].

Несколько иной образ отношений дворян и крестьян представлен в воспоминаниях князя С. Е. Трубецкого «Минувшее» [Трубецкой, 1991], подробно описывавшего взаимоотношения деда — князя А. А. Щербатова с крестьянами его поместья — села Хорошее, в котором, по воспоминаниям автора, еще сохранились черты старого уклада жизни. Князь Александр Алексеевич Щербатов (1829—1902 гг.), как известно, с 1863 по 1869 годы являлся первым всесословно выборным московским городским головой, известным благотворителем [Щербатов, 2009]. В основном проживал в селе Хорошее, находившемся с 1802 года в Павлоградском уезде Екатеринославской губернии. Губерния имела относительно высокий уровень плотности населения — наличное городское и сельское население в 1897 году составило 1872,7 тыс. чел. [Сельское хозяйство ..., 1923, с. 18]. В этих условиях остро вставал вопрос о смене условий повседневной жизни как дворян, так и крестьян. А. А. Щербатов являлся ярким представителем дворянского сословия, старавшегося сохранить видимость «старого порядка».

Данной цели служил, по воспоминаниям С. Е. Трубецкого, традиционный «выход» деда на подъезд с колоннами хорошевского дома со всей семьей встречать крестьян, приветствовать их хлебом с солью. Эта традиция была обустроена разными деталями, не меняющимися из года в год: слова приветствия с крыльца, чинные поклоны баб, общение с мужиками в толпе об урожае, обязательное угощение. Хорошевскими крестьянами хозяин поместья воспринимался в качестве отца, второго родителя. Это проявлялось в церемонии деревенских свадеб, которые обязательно заезжали в господский дом, чтобы молодая чета могла просить благословения. Сам А. А. Щербатов поддерживал такие отношения: «Дедушка всегда неизменно лично принимал свадьбы и никогда не сокращал времени приема, хотя б и плохо себя чувствовал; он считал, что не имеет права от этого уклоняться» [Трубецкой, 1991, с. 34]. А. А. Щербатов, по воспоминаниям С. Е. Трубецкого, чувствовал себя «отцом крестьян», обязанным заботиться о них в меру своих сил и возможностей, последние, впрочем, были действительно велики. Несмотря на то, что сам Щербатов был сторонником освобождения крестьян от крепостной зависимости и горячо поддерживал реформы Александра II, он считал необходимым сохранять

традиционный уклад жизни в поместье: «Крестьяне уже были не “его”, но он по-прежнему оставался “их” барин» [Трубецкой, 1991, с. 35]. Князь А. А. Щербатов строил просторные церкви в своих имениях, но кроме этого — школы и больницы, чаще каменные, чтобы уберечь от пожаров. Он помогал нуждающимся, не афишируя свою помощь, приобщал крестьян к русской культуре. Так, в новой школе в Хорошем была выстроена большая зала для «народных чтений» с волшебным фонарем.

Таким образом, к началу XX века сформировались три образа отношений дворян и крестьянства: предпринимательский «новый тип», «попечительский тип», «барский» тип. Представители каждого из этих образов исходили из собственных суждений о благе и интересах, которые часто не совпадали ни с самоидентификацией конкретного дворянина или крестьянина, ни с взаимными представлениями друг о друге.

3. Земские либералы, либеральная профессорская и творческая интеллигенция: сравнительный анализ их представлений о роли русского крестьянства в развитии России

На 1895 год сумма расходов всех земских губерний составляла 65 880,751 тыс. руб. [Антропов, 1989, с. 65] Следует согласиться с Н. С. Цинцадзе, что восприятие земцами условий жизни крестьян отличалось высокой степенью заинтересованности, понимания и сочувствия. Крестьянство в отличие от земцев, чиновников, помещиков, ученых, писателей и др., которых эти проблемы касались косвенно, воспринимало свое хозяйственное неустройство наиболее эмоционально [Цинцадзе, 2012, с. 247].

Александр Александрович Корнилов (1862—1925 гг.), историк и секретарь ЦК конституционно-демократической партии, представляет собой один из подобного рода примеров поместного дворянина, чье отношение к крестьянам, сформировавшееся в условиях семейного окружения, университетской среды, было неоднократно «проверено» в непосредственном общении с крестьянами. Как известно, А. А. Корнилов некоторое время служил комиссаром по крестьянским делам Конского уезда Радомской губернии [Галимзянова, 2018, с. 126—135]. В апреле 1887 года, в первое же утро пребывания в должности, в квартире гминного писаря Таневского молодой мужик принес принадлежности для умывания и заученным движением потянулся целовать руку писаря. А. Корнилов высказал возмущение и указал на недопустимость подобного поведения. Во время разговора с мужиком оказалось, что последний являлся войтом общины, то есть волостным старшиной, у которого в подчинении был писарь Таневский. Но войт был из крестьян и потому целовал руку писарю: «Писари же в качестве грамотеев весьма часто шляхетского происхождения, величались над ними, давали им

целовать свою руку и относились к ним (к войтам), как к обыкновенному крестьянству, которое было с их точки зрения попросту “быдлом”» [Корнилов, 1994, с. 150]. Интересно, что принципиальную позицию А. Корнилова не поняла не только шляхта, но и сами крестьяне. Объяснить им, что целование рук — это унижение собственного достоинства, а все люди равны, было невозможно. В этом А. Корнилов убедился, нечаянно подслушав разговор нескольких крестьян у себя в приемной: «И почему это пан комиссар не любит дать поцеловать себе руку или коленку?.. Понятно, потому что он такой гордый человек, что не желает, чтобы до него всякий дотрагивался» [Корнилов, 1994, с. 151]. Действительно, у мужиков была «своя правда», и дело было даже не в «целовании коленки». В Центральной России считалось, например, что «посадить в старосты» значило то же самое, что «отдать в солдаты или разорить», и смекалистые мужики стремились «освободиться от этой почетной должности» [Матвеев, 1916, с. 122]. К этому времени возможность вести крепкое хозяйство у крестьян ценилась выше административных должностей, которые не давали дохода и отбирали драгоценное время, необходимое для ведения сельских дел. И в этом плане позицию дворян, ушедших в земское движение, выразил Б. Прус на страницах «Русской мысли» в 1903 году: «Уверяю вас <...> по долголетней практике я знаю, что, когда мужику не грозит голод, когда у него есть порядочная хата и кой-какие денюжки, он сейчас же выписывает Праздничную Газету или Зарю, обучает детей грамоте и становится таким же хорошим гражданином, как и мы с вами. Правда, он не декламирует, не болтает, но это не мешает ему быть хорошим гражданином» [Прус, 1903, с. 91].

В этом плане взгляды поздних земцев во многом сходились с представлениями либеральной профессорской интеллигенции о крестьянстве. Например, М. М. Ковалевский в своих лекциях, прочитанных в Тейлоранском институте в Оксфорде в 1889—1890 годах и опубликованных в Лондоне под названием «Modern customs and ancient laws of Russia», остановился на характеристике «специфического вида семейного коммунизма» в России — на домашней общине, представляющей собой «неразделенное землевладение» и определяющей менталитет российского крестьянства — психологию взаимозависимости, общинности [Kovalevsky, 1891, p. 47, 49]. Древние общинные институты, по мнению М. Ковалевского — главная причина нищеты в стране: «Я думаю, что русский крестьянин не лишен тяги к индивидуализму, что хорошо доказывает раздел от 2 до 3 млн домашних общин после 1861 года» [Kovalevsky, 1891, p. 65]. Тот факт, что до отмены крепостного права раздел общин происходил значительно реже, М. Ковалевский объясняет фискальными интересами государства, оставаясь на позициях, согласно которым народ был не готов к собственному

«поведению» и «принятию решений»: «Они остаются без естественного контроля и руководства просвещенных классов» [Kovalevsky, 1891, p. 99—100]. М. Ковалевский также подробно описывал будущее развития общинного института в России: «Община исчезнет в России, как исчезла она в Европе. Она уступит место частной собственности на землю тогда, когда пойдет принципиальное трансформирование в капитале... Но это дело далекого будущего...» [Kovalevsky, 1891, p. 118]. В данном подходе он весьма напоминает «попечительский образ» отношений между дворянами и крестьянами, представленный ранее портретом князя А. А. Щербатова.

В работах М. М. Ковалевского мы находим подробное описание взглядов на крестьянство и общественно-политические убеждения в целом многих известных представителей культурной и политической элиты конца XIX — начала XX веков, в частности, Г. И. Успенского, Н. Н. Златовратского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Определяя круг собственных симпатий во взглядах на роль крестьянства в России, М. Ковалевский писал, что два великих русских писателя — Г. Успенский и Н. Златовратский известны в России почти так же, как И. Тургенев и Л. Толстой. Однако Н. Златовратский и Г. Успенский, по мнению автора, рисовали две разные картины крестьянской жизни, два типа русского крестьянства. Г. Успенский видел в крестьянине человека, живущего в регламенте сельскохозяйственного труда и морально, и этически. Парадокс его жизни заключался в том, что пока он собственник, его мораль здорова, но стоит ему потерять хотя бы кусочек земли, как он становится дебоширом, пьяницей и т. д. По мнению Л. В. Селезневой, Н. Златовратский противопоставлял ему тип крестьянина-философа, который считает, что продукты земли принадлежат всем людям, а главная обязанность христианина — помогать соседям [Селезнева, 1995, с. 59—60]. М. Ковалевский признавал правомерность существования обоих типов, изображенных писателями, их одинаковую жизненность в России, но отмечал, что авторы изобразили разные этапы крестьянской исторической эпохи: первый тип — крестьянин, вышедший из общины, второй — находящийся в ней крестьянин-общинник.

И. С. Тургенев, однако, являл собой характерный тип российского дворянина, который, отгородившись от «попечительской» манеры взаимоотношений, предпочел поддержать крестьян, признавая их самостоятельность после освобождения. Так, например, в письме критику, историку литературы и библиографу С. А. Венгерову из Спасского летом 1874 года И. С. Тургенев сообщал о том, что при освобождении своих крестьян он не взял с них денег за усадьбную землю, «что составляло крупную сумму», при выкупе везде уступил им пятую часть земли и угодий, см.: [Цинцадзе, 2012, с. 243]. Учитывая, что в пятидесяти губерниях Европейской России

общее количество всей крестьянской наделной земли, или находящейся по некоторым губерниям во владении сельских обществ, простиралось до 127 388,975 дес. и, следовательно, при сопоставлении общей суммы всех мирских расходов с крестьянской землей оказывалось, что средний размер расходов на одну десятину достигал в Европейской России 35 коп. [Антропов, 1898, с. 7], поступок И. С. Тургенева должен был стать действительным подспорьем для его крестьян в новой жизни.

Компромиссным подходом можно считать концепцию П. Б. Струве, изложенную в статье «Мужики» Г. Чехова» (опубликована в сборнике «На разные темы» (1893—1901). П. Б. Струве писал, что освобождение от власти земли и мирского строя являлось движением вперед, которое в любом случае слагалось из нарушений равновесия. В преобразовании духовного склада в деревне участвовали два отдаляющихся друг от друга слоя. Причиной данного отдаления являлись новые экономические отношения, вторгшиеся в деревню, а также увеличение городского влияния, разрушившего власть земли. П. Струве отмечал двойственность влияния хозяйственной борьбы на личность: победа в этой борьбе являлась необходимым условием роста личности, но и одновременно способствовала утере личностного начала [Струве, 2014, с. 121—132]. Вместе с тем именно П. Струве принадлежит идея о закрывшейся после революции 1905 года «пропасти» между интеллигенцией и народом и «ответственности» интеллигенции за то, что она привнесла в народ: «О том, что между народом и интеллигенцией существует идейная пропасть, в настоящее время могут говорить только черносотенцы или те черносотенцы наизнанку, которые, по-видимому, рекрутируются из бывших декадентских кругов <...> идеи интеллигенции поразительно быстро проникли в народные массы и действительно заразили их» [Струве, 1999, с. 83].

Таким образом, земские либералы, профессорская и творческая интеллигенция, в целом не только и не столько интуитивно, но исходя из собственного опыта освобождения крестьян из крепостной зависимости, представили характеристики крестьянина-общинника и крестьянина — земельного собственника. Важнейшим итогом постепенного превращения из общинника в собственника стало осознание крестьянином собственно «Я» как свободной личности и полноправного участника политических отношений.

4. Заключение

Итак, мемуары А. А. Корнилова «Воспоминания ученого-историка» и С. Е. Трубецкого «Минувшее» интересны с точки зрения выявления взглядов российского дворянства на жизнь и будущее крестьянина, его роль в соци-

ально-экономическом развитии страны. При этом если мемуары С. Е. Трубецкого рисуют перед нами картину помещичье-крестьянского провинциального быта и отражают формирование взглядов помещика-либерала, то воспоминания А. А. Корнилова представляют позицию в отношении крестьянства человека, большую часть жизни посвятившего земскому движению. Лекции М. М. Ковалевского позволяют проследить отношение к крестьянской общине как к особой форме социальных отношений в России. Произведения Г. Успенского, И. Тургенева и других представителей творческой интеллигенции отражают процесс нравственно-психологического погружения российской интеллигенции в крестьянский мир. Наконец, именно на страницах наиболее известных и читаемых либеральных журналов конца XIX — начала XX веков — в «Вестнике Европы» и в «Русской мысли» — представители передового дворянства публиковали рассказы, очерки, аналитические материалы, переписку, на примере которых мы можем проследить развитие мировоззрения либерально настроенного дворянства на изменение места и роли крестьянства в пореформенной России.

Таким образом, основываясь на анализе представленных источников, можно выделить различные образы отношений дворянства и крестьянства в России на рубеже XIX—XX веков. В частности, описываемый выше Кубрин олицетворяет собой образ «нового предпринимательского типа», в рамках которой главный герой, учитывавший изменившиеся социально-экономические условия, новый статус российского крестьянства и видевший процессы расслоения в нем, опирался на тот слой мужиков, которые проявляли «смекалку» и соответствовали предприимчивому характеру самого помещика. На примере Кубрина мы видим тот тип российского дворянства, который был готов идти «на выучку к мужику». В отличие от Кубрина А. А. Щербатов принадлежал к «зубрам» поместного дворянства, соответственно, главной чертой взаимоотношений с крестьянами являлись «попечительство» и «сохранение традиций». А. Щербатов так же, как и Кубрин, не только понимал и признавал необходимость отмены крепостного права, но и осознавал происходившие необратимые изменения в российском крестьянстве и в сельской среде в целом. Однако, считая их чересчур резкими, старался оградить российского мужика от стремительных изменений внешнего мира, неизбежно грозящих последнему, по его мнению, разорением и иными бедами. Третий условный образ отношений — «барский» — основан на представлениях дворян, которые в силу различных причин не видели или не хотели признавать произошедших с российским крестьянством изменений. Их отношение к крестьянам определялось нежеланием признавать в том числе и новый статус собственного сословия. Дворяне — участники земского движения — ставили целью не просто

просвещение российского крестьянства, но в том числе политическое просвещение, которое должно было основываться на достатке каждого конкретного крестьянина и его уверенности в завтрашнем дне. Профессорская и творческая интеллигенция составили еще один образ отношений, который можно условно назвать образом «свободного действия». Его характерной чертой являлось представление о крестьянине как самостоятельном субъекте общественной жизни, способном не только к экономическому, но и к политическому творчеству. При этом как среди участников земского движения, так и среди профессорской и творческой либеральной интеллигенции на рубеже XIX—XX веков по-прежнему сохранялись отдельные черты выделенных нами иных образов отношений между дворянством и крестьянами.

Источники

1. *Абрамова В.* Люди провинции / В. Абрамова // Вестник Европы. — 1885. — Август. — С. 626—657.
2. *Антропов П. А.* Финансово-статистический атлас России : Наглядное графическое изображение финансового состояния России / сост. по офиц. данным П. А. Антропов. — Санкт-Петербург : А. Ф. Маркс, 1898. — 79 с.
3. *Корнилов А. А.* Воспоминания / А. А. Корнилов // Вопросы истории. — 1994. — № 2. — С. 143—159.
4. *Матвеев С.* Из жизни современного крестьянского мира / С. Матвеев // Русское богатство. — 1916. — Сентябрь. — С. 116—142.
5. *Прус Б.* Из воспоминаний циклиста / Б. Прус // Русская мысль. — 1903. — Сентябрь. — С. 71—118.
6. *Сельское хозяйство России в XX веке : сборник статистико-экономических сведений за 1901—1922 годы.* — Москва : Изд-во Наркозема, 1923. — 31 с.
7. *Струве П. Б.* Интеллигенция и народное хозяйство / П. Б. Струве / Избранные сочинения. — Москва : РОССПЭН, 1999. — С. 80—85.
8. *Струве П. Б.* На разные темы. (1893—1901 гг.) : сборник статей / П. Б. Струве — Москва : Книга по Требованию, 2014. — 562 с.
9. *Трубецкой С. Е.* Минувшее / С. Е. Трубецкой. — Москва : ДЭМ, 1991. — 328 с.
10. *Kovalevsky M.* Modern customs and ancient lows of Russia / M. Kovalevsky. — London : David Nutt, 1891. — 269 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баландина Э. Г.* Между властью и народом. Самосознание русской интеллигенции / Э. Г. Баландина // Россия в новое время. Образованное меньшинство и крестьянский мир: поиск диалога : материалы межвузовской научной конференции, 21—22 апреля 1995 г. — Москва : РГГУ, 1995. — С. 7—9.
2. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты : новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.
3. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок ; пер. с фр. Е. М. Лысенко. — Москва : Наука, 1986. — 174 с.

4. *Конструирование истории. Кто мы?* / М. С. Бобкова, М. П. Айзенштат, Г. Е. Гиголаев, С. Г. Мереминский, А. И. Сидоров, К. И. Софронов, А. А. Улунян. — Санкт-Петербург : Евразия, 2019. — 320 с.
5. *Галимзянова Е. А.* Из Царства Польского в Моршанский уезд : А. А. Корнилов и Приютинское братство в борьбе с голодом 1891—1892 гг. / Е. А. Галимзянова // Славянский альманах. — 2018. — № 3—4. — С. 126—135. — DOI: 10.31168/2073-5731.2018.3-4.1.10.
6. *Дмитриева Н. В.* Научный семинар «Общественное движение в российской империи: участники, структуры, идеи» (Ростов-на-Дону, 27 января 2020 г.) / Н. В. Дмитриева, К. Р. Мухаметшина // Новое прошлое = The New Past. — 2020. — № 1. — С. 292—299. — DOI: 10.18522/2500-3224-2020-1-292-299.
7. *Кузьмин А. В.* Взаимная идентификация крестьян и дворян России конца XIX — начала XX вв. : автореф. дис. ... канд. истор. наук / А. В. Кузьмин. — Тамбов, 2007. — 24 с.
8. *Либерализм в России* : сб. ст. / отв. ред. В. Ф. Пустарнаков, И. Ф. Худушина. — Москва : ИФРАН, 1996. — 448 с.
9. *Логунов А. П.* Образованное меньшинство и крестьянский мир: проблемы раскола и диалога / А. П. Логунов // Россия в новое время. Образованное меньшинство и крестьянский мир: поиск диалога : материалы межвузовской научной конференции, 21—22 апреля 1995 г. — Москва : РГГУ, 1995. — С. 3—6.
10. *Лотман Ю. М.* Понятие границы / Ю. М. Лотман // Внутри мыслящих миров : Человек-текст-семиосфера-история. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 464 с.
11. *Маловичко С. И.* Современная историческая наука и изучение локальной истории / С. И. Маловичко, Т. А. Булыгина // Новая локальная история: методы, источники, столичная и провинциальная историография : материалы первой Всероссийской Интернет-конференции. — Ставрополь, 2003. — 262 с.
12. *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века / Б. Н. Миронов. — Москва : Новый хронограф, 2010. — 911 с.
13. *Могильнер М.* Ното имперії: История физической антропологии в России (конец XIX — начало XX вв.) / М. Могильнер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2008. — 512 с.
14. *Островский А. В.* О степени социального расслоения в дореволюционной России / А. В. Островский // Русская революция 1917 г.: проблемы истории и историографии : сб. докладов Межвузовской научной конференции. — Санкт-Петербург : Изд-во СПбГЭТУ ЛЭТИ, 2013. — С. 136—144.
15. *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. / Н. М. Пирумова ; отв. ред. В. Я. Лаврычев ; АН СССР, Ин-т истории СССР. — Москва : Наука, 1986. — 268 с.
16. *Пономарева М. А.* П. Б. Струве в эмиграции (развитие концепции либерального консерватизма) : дис. ... канд. истор. наук / М. А. Пономарева. — Ростов-на-Дону, 2004. — 214 с.
17. *Российский либерализм: идеи и люди* / отв. ред. и сост. А. Кара-Мурза. — Москва : Новое изд-во, 2004. — 613 с.
18. *Селезнева Л. В.* Российские либералы начала XX века о судьбах общины и тенденциях крестьянской ментальности / Л. В. Селезнева // Россия в новое время. Образованное меньшинство и крестьянский мир: поиск диалога : материалы межвузовской научной конференции, 21—22 апреля 1995 г. — Москва : РГГУ, 1995. — С. 59—60.

19. Цинцадзе Н. С. Демографические и экологические проблемы развития аграрного общества России во второй половине XIX — начале XX века в восприятии современников / Н. С. Цинцадзе. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. — 286 с.

20. Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. / Е. Д. Черменский. — Москва ; Ленинград : Гос. соц.-экон. изд-во, 1939. — 374 с.

21. Шаповалов В. А. Формирование нового социального статуса у представителей различных сословий Российской империи в условиях деструктурирования сословного строя пореформенного периода (социально-психологический аспект) / В. А. Шаповалов, К. Н. Лобанов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. — 2012. — № 13 (123). — С. 99—104.

22. Шацлло К. Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. Организация. Программы. Тактика. — Москва : Наука, 1985. — 354 с.

23. Щербатов А. А. На службе Москве и Отечеству / А. А. Щербатов. — Москва : Русский мир, 2009. — 528 с.

24. Mills C. W. The power elite / Wright Mills. — New York : Oxford university press, 1956. — 423 p.

MATERIAL RESOURCES

Abramova, V. (1885). People of the province. In: *Bulletin of Europe, August*: 626—657. (In Russ.).

Agriculture of Russia in the XX century: a collection of statistics and economic data for 1901—1922. (1923). Moskva: Izd-vo Narkozema. 31 p. (In Russ.).

Antropov, P. A. (1898). *Financial and Statistical Atlas of Russia: A clear graphic representation of the financial condition of Russia.* St. Petersburg: A. F. Marks. 79 p. (In Russ.).

Kornilov, A. A. (1994). Memories. *Issues of History*, 2: 143—159. (In Russ.).

Kovalevsky, M. (1891). *Modern customs and ancient lows of Russia.* London: David Nutt. 269 p.

Matveev, S. (1916). From the life of the modern peasant world. In: *Russian wealth, September*: 116—142. (In Russ.).

Prus, B. (1903). From the memories of the cyclist. In: *Russian thought, September*: 71—118. (In Russ.).

Struve, P. B. (1999). Intelligentsia and the National Economy. In: *Selected Works.* Moscow: ROSSPEN. 80—85. (In Russ.).

Struve, P. B. (2014). *On different topics. (1893—1901): collection of articles.* Moscow: Kniga po Trebovaniyu. 562 p. (In Russ.).

Trubetskoy, S. E. (1991). *Past.* Moscow: DEM. 328 p. (In Russ.).

REFERENCES

Balandina, E. G. (1995). Between the government and the people. Self-awareness of the Russian intelligentsia. In: *Russia in modern times. The educated minority and the peasant world: the search for dialogue: materials of the interuniversity scientific conference.* Moscow: RGGU. 7—9. (In Russ.).

Bachmann-Medick, D. (2017). *Cultural turns: new landmarks in cultural sciences.* Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 504 p. (In Russ.).

- Bloch, M. (1986). *Apologie pour l'histoire ou Métier d'historien*. Moscow: Nauka. 174 p. (In Russ.).
- Bobkova, M. S., Ayzenshtat, M. P., Gigolaev, G. E., Mereminskiy, S. G., Sidorov, A. I., Sofronov, K. I., Ulunyan, A. A. (2019). *History construction. Who are we?* St. Petersburg: Evraziya. 320 p. (In Russ.).
- Chermenskiy, E. D. (1939). *The bourgeoisie and tsarism in the revolution of 1905—1907*. Moscow; Leningrad: Gos. sots.-ekon. izd-vo. 374 p. (In Russ.).
- Dmitrieva, N. V., Mukhametshina, K. R. (2020). Research seminar “Social movement in the Russian empire: participants, structures, ideas”. *The New Past, 1*: 292—299. DOI: 10.18522/2500-3224-2020-1-292-299. (In Russ.).
- Galimzyanova, E. A. (2018). From the Kingdom of Poland to the Morshansk district: A. A. Kornilov and the Priutinskoe brotherhood in the fight against the famine of 1891—1892. *Slavic almanac, 3—4*: 126—135. DOI: 10.31168/2073-5731.2018.3-4.1.10. (In Russ.).
- Kara-Murza, A. (ed.). (2004). *Russian liberalism: ideas and people*. Moscow: Novoe izd-vo. 613 p. (In Russ.).
- Kuzmin, A. V. (2007). *Mutual identification of peasants and nobles in Russia at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries: author's abstract of PhD Diss.* Tambov. 24 p. (In Russ.).
- Logunov, A. P. (1995). The educated minority and the peasant world: problems of schism and dialogue. In: *Russia in modern times. The educated minority and the peasant world: the search for dialogue: materials of the interuniversity scientific conference*. Moscow: RGGU. 3—6. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1996). Border concept. In: *Inside Thinking Worlds: Man-Text-Semiosphere-History*. Moscow: Yazyki russkoy kultury. 464 p. (In Russ.).
- Malovichko, S. I., Bulygina, T. A. (2003). Contemporary Historical Science and the Study of Local. In: *History New Local History: methods, sources, metropolitan and provincial historiography: materials of the first All-Russian Internet conference*. Stavropol. 262 p. (In Russ.).
- Mills, C. W. (1956). *The power elite*. New York: Oxford university press. 423 p.
- Mironov, B. N. (2010). *Population welfare and revolutions in imperial Russia: 18th — early 20th centuries*. Moscow: Novyy khronograf. 911 p. (In Russ.).
- Mogilner, M. (2008). *Homo Empire: History of Physical Anthropology in Russia (late 19th — early 20th centuries)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 512 p. (In Russ.).
- Ostrovskiy, A. V. (2013). On the degree of social stratification in pre-revolutionary Russia. In: *Russian revolution of 1917: problems of history and historiography: collection of articles. reports of the Interuniversity Scientific Conference*. St. Petersburg: Izd-vo SPbGETU LETI. 136—144. (In Russ.).
- Pirumova, N. M. (1986). *Zemskaya intelligentsia and its role in social struggle until the beginning of the twentieth century*. Moscow: Nauka. 268 p. (In Russ.).
- Ponomareva, M. A. (2004). *P. V. Struve in emigration (development of the concept of liberal conservatism): PhD Diss.* Rostov-na-Donu. 214 p. (In Russ.).
- Pustarnakov, V. F., Khudushina, I. F. (eds.). (1996). *Liberalism in Russia: collection of articles*. Moscow: IFRAN. 448 p. (In Russ.).
- Selezneva, L. V. (1995). Russian liberals of the early twentieth century on the fate of the community and tendencies of the peasant mentality. In: *Russia in modern times. The educated minority and the peasant world: the search for dialogue: materials of the interuniversity scientific conference*. Moscow: RGGU. 59—60. (In Russ.).

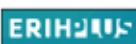

- Shapovalov, V. A., Lobanov, K. N. (2012). Formation of a new social status among representatives of various estates of the Russian Empire in the context of the destructuring of the estate system of the post-reform period (socio-psychological aspect). *Scientific bulletin of Belgorod State University. Series: History. Political science*, 13 (123): 99—104. (In Russ.).
- Shatsillo, K. F. (1985). *Russian liberalism on the eve of the 1905—1907 revolution. Organization. Programs. Tactics*. Moscow: Nauka. 354 p. (In Russ.).
- Shcherbatov, A. A., prince. (2009). *In the service of Moscow and the Fatherland*. Moscow: Russkiy mir. 528 p. (In Russ.).
- Tsintsadze, N. S. (2012). *Demographic and environmental problems of the development of the agrarian society of Russia in the second half of the XIX — early XX century in the perception of contemporaries*. Tambov: Publishing house TGU im. G. R. Derzhavina. 286 p. (In Russ.).

Раскин Д. И. Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX — начала XX века: образование и профессиональная квалификация / Д. И. Раскин // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 410—422. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-410-422.

Raskin, D. I. (2021). Establishment of Highest Bureaucratic Elite in Russian Empire in 19th — Early 20th Centuries : Education and Professional Qualifications. *Nauchnyi dialog*, 4: 410-422. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-410-422. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-410-422

**Формирование высшей
бюрократической
элиты в Российской
империи XIX — начала
XX века: образование
и профессиональная
квалификация**

Раскин Давид Иосифович

orcid.org/0000-0001-7421-7809

ResearcherID G-6569-2015

Author ScopusID 57200614569

доктор исторических наук, профессор
кафедры источниковедения
истории России, Институт истории
d.raskin@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Establishment of Highest
Bureaucratic Elite in Russian
Empire in 19th — Early 20th
Centuries: Education and
Professional Qualifications**

David I. Raskin

orcid.org/0000-0001-7421-7809

ResearcherID G-6569-2015

Author ScopusID 57200614569

Doctor of History, Professor,
Department of Source Study
of Russian History, Institute of History
d.raskin@mail.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

© Раскин Д. И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о роли образования и профессиональной квалификации в формировании высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX — начала XX века. Особое внимание уделяется наличию специального (профильного) образования у министров и директоров департаментов основных гражданских ведомств. Анализируется связь между попыткой дифференциации требований к образовательному цензу чиновников в зависимости от рода службы в начале XIX века, с одной стороны, и проектами отмены гражданских чинов, с другой. Представлены результаты сопоставительного анализа сведений об образовании и служебном опыте представителей высшей бюрократии различных ведомств. Особое внимание уделяется медицинскому и «техническим» ведомствам, руководство которыми требовало специальной квалификации. Показано, что юридическое образование стало считаться профильной квалификацией не только для судебной, но и для административной службы. Приведены возрастные характеристики российских министров на момент занятия ими министерских постов. Доказано, что проблема повышения образовательного уровня российского чиновничества была для высшего и среднего уровня российской бюрократии в основном решена к концу XIX — началу XX века, но проблема профессиональной квалификации по-прежнему существовала, хотя на пути ее разрешения были сделаны значительные шаги.

Ключевые слова:

бюрократия; образование; профессиональная квалификация; служебный опыт; юридическое образование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the role of education and professional qualifications in the establishment of the highest bureaucratic elite in the Russian Empire in the 19th — early 20th centuries is considered in the article. Particular attention is paid to the availability of special (profile) education for ministers and department directors of the main civilian departments. The connection between the attempt to differentiate the requirements for the educational qualification of officials depending on the type of service at the beginning of the 19th century, on the one hand, and projects to abolish civil ranks, on the other are analyzed. The results of a comparative analysis of information about education and service experience of representatives of the highest bureaucracy of various departments are presented. Special attention is paid to medical and “technical” departments, the leadership of which required special qualifications. It is shown that legal education has come to be considered a profile qualification not only for the judicial, but also for the administrative service. The age characteristics of Russian ministers at the time of their occupation of ministerial posts are given. It has been proved that the problem of raising the educational level of the Russian bureaucracy was largely solved for the upper and middle level of the Russian bureaucracy by the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries, but the problem of professional qualifications still existed, although significant steps were taken to resolve it.

Key words:

bureaucracy; education; professional qualifications; work experience; legal education.

УДК 342.531(470+571)+94(47)

Формирование высшей бюрократической элиты в Российской империи XIX — начала XX века: образование и профессиональная квалификация

© Раскин Д. И., 2021

1. Образование

Вопрос об образовательном цензе для поступления на государственную службу и для производства в чины занимал в течение XIX — начала XX веков значительное место. Еще в указе «Об устройстве училищ» от 24 января 1803 года декларировалась необходимость окончания учебного заведения для назначения на гражданскую должность, требующую юридической или иной квалификации [ПСЗРИ, т. 27, № 20597]. Указ от 6 августа 1809 года вводил образовательный ценз для производства в чины 8-го и 5-го классов. Действие этого указа постепенно ограничивалось как узаконненными исключениями из норм указа, так и фактическим неприменением этих норм [Зайончковский, 1978, с. 32—33]. Окончательно указ был отменен «Положением о порядке производства в чины по гражданской службе» от 25 июня 1834 года [2ПСЗРИ, т. 9, № 7224], сохранявшим, тем не менее, преимущества при поступлении на службу и производстве в следующий чин для лиц с высшим и средним образованием. Указ от 9 декабря 1856 года сохранял для этих лиц преимущества при поступлении на службу, но отменял их при производстве в следующие чины [2ПСЗРИ, т. 31, № 31237]. И, наконец, высочайше утвержденное 5 октября 1906 года положение Совета министров устанавливало различные сроки производства в первый классный чин для лиц со средним образованием и лиц, не имевших среднего образования [3ПСЗРИ, т. 26, № 28393].

Повышение общего образовательного уровня российского чиновничества, в том числе его высшего звена, шло параллельно с развитием системы учебных заведений. В 1826 году из 46 членов Государственного совета (то есть высших сановников в царствование Александра I) 6 окончили кадетские корпуса, 20 получили домашнее воспитание и с детства числились на военной службе, 1 после домашнего обучения с юности служил в Сенате, 12 учились за границей, 1 — в частном пансионе в Петербурге, 1 окончил духовную семинарию и лишь 1 — Московский университет [Раскин, 2019, с. 647—648]. А в 1913 году 149 из 182 членов Государственного совета имели высшее образование, в том числе 136 — гражданское, 13 — военное. 20 имели ученые степени и звания. И только

37 получили лишь среднее образование, в том числе 26 — военное [Россия ..., 1995, с 236—237].

Разумеется, в низшем и среднем звене образовательный ценз был ниже. В период с 1841 по 1859 годы высшее образование было всего у 3,2 % чиновников, среднее — у 11,3 %, а низшее — у 85,5 %. Из чиновников, поступивших на службу с 1 ноября 1894 года по 1 августа 1895 года, 32 % имели высшее образование, 15 % — среднее, а 52,5 % — не выше курса уездных училищ, причем из числа последних 8,1 % не имели вообще никакого образования [Зайончковский, 1978, с. 33, 52].

Но формальный образовательный ценз еще не решал проблемы специальной квалификации, необходимой для успешного руководства отдельными отраслями государственного управления.

2. Профессиональное образование в проектах реформы гражданской службы

Одним из аргументов в критике указа 6 августа 1809 года служило как раз несоответствие требуемых знаний специфике службы, на что указывал А. Н. Карамзин, считавший, например, абсурдным требование от председателя судебной палаты знания античной классики, от сенатского чиновника — физики, а от вице-губернатора — основ математики [Зайончковский, 1978, с. 32]. Заметим, однако, что в своей полемике с указом Карамзин упускал из виду (или сознательно не учитывал), что эти знания составляли необходимую часть среднего образования, наличие которого для всех перечисленных им должностей было все-таки желательным.

Уже в 1812 году Александр I, рассмотрев журнал Комитета министров «об образе производства горных чиновников» и мнение государственного контролера (бар. Б. Б. Кампенгаузена), повелел, чтобы «Комитет министров, сообразя сделанные уже изъятия из сих правил по разным ведомствам и приняв во внимание содержащиеся в мнении государственного контролера предположения, равно как и все случаи, которые бы подобного изъятия требовали, составил общее по всем частям постановление: для какого рода службы каких именно наук познание нужно, дабы определив то, подвергать при производстве в чины экзамену с сим сообразному» [РГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 16, л. 350—430]. Разработку вопроса поручили комитету из министров народного просвещения, юстиции и внутренних дел, составившему проект общего положения об испытании гражданских чиновников в науках при производстве их в чины. Этот проект был в 1823 году вынесен на рассмотрение Государственного совета. Проект рассматривался также в Комиссии составления законов. Предполагалось, что «никто без испытания не может первоначально вступить в службу по гражданской ча-

сти, какого бы она свойства ни была. Испытания сии, по коим требуется много различных сведений, для каждого места служения в особенности определяемых, полагается производить дважды: в первый раз в ученых познаниях; а во второй в предметах собственно до службы относящихся» [Там же]. Науки разделялись на общие (грамматика, история, география, арифметика, начальные основания геометрии, физики и законоведения) и частные. В проекте утверждалось, что общие науки необходимы для каждого чиновника, а частные включали сведения, специально необходимые для той или иной должности. Государственная служба должна была разделяться на три главные части (судную, правительственную и дипломатическую) и на три отделения (медицинскую, художественную и ученую), причем для каждой службы должны были быть установлены особые науки или познания. Предполагалось также затруднить способ к переходу из одной части государственной службы в другую [Там же]. Но одновременно вносились предложения связать названия чинов с должностями в существующих учреждениях [Раскин, 2020, с. 2488]. Есть основания предполагать, что именно связь вопроса о разделении государственной службы и, соответственно, требующихся для нее наук на категории с вопросом о реформировании (или даже отмене) Табели о рангах привела к тому, что этот проект (одобренный Александром I), не получил дальнейшего хода.

Ни в одном из дальнейших проектов реформы государственной службы и отмены гражданских чинов тема специального образования не затрагивалась [Зайончковский, 1978; Дубенцов, 1976; Шепелев, 2007].

3. Профессиональное образование в специальных ведомствах

По мере распространения профессионального образования формировалась и особая организация отдельных служб, большинство из которых были военизированы [Шепелев, 1999, с. 164—165]. В этих службах стала играть заметную роль профессиональная квалификация.

Наиболее очевидно необходимость профессионального образования проявилась в службе по медицинскому ведомству. Уже со времени появления в России медицинской службы от медиков требовалось специальное образование. Оно признавалось обязательным и для занятия руководящих должностей в медицинском ведомстве. 14 марта 1812 года была учреждена должность генерал-штаб-доктора гражданской части, по умолчанию (в указе это не комментировалось) принадлежащая профессиональному медику [ПСЗРИ, т. 32, № 25037]. Если первоначально председатель Медицинского совета мог быть из числа гражданских чиновников, например, А. У. Болотников [РБС, т. 3, с. 177—179], то с 8 января 1842 года он назначался только из числа врачей, обладавших признанной профессиональ-

ной репутацией [ВЦУР2, с. 16—17]. Начиная с 1836 года (когда должность директора Медицинского департамента была соединенной с должностью генерал-штаб-доктора гражданской части) во главе департамента находились лица, имеющие медицинское ученое звание. При преобразовании в 1904 году Департамента в Управление главного врачебного инспектора последний назначался из числа докторов медицины [ВЦУР2, с. 33—34, 61]. Этот же порядок предусматривался и в проекте создания Главного управления государственного здравоохранения [Раскин, 2006, с. 149—154].

Другой областью, служба в которой требовала специального образования, было горное ведомство. 9 марта 1826 года был установлен порядок замещения всех должностей по горному ведомству выпускниками Горного кадетского корпуса [2ПСЗРИ, т. 2, № 184]. С 1 января 1834 года по 1 июня 1867 года существовал военизированный Корпус горных инженеров [2ПСЗРИ, т. 9. № 6685; т. 42, № 44649]. Почти все руководители Горного департамента (Департамента горных и соляных дел) имели специальное горное образование. Исключение из 21 директора составляли 4: имевший домашнее образование и большой опыт горной службы сын штейгера Г. С. Качка (1807—1811), окончивший Московский университет и имевший многообразный административный опыт Е. В. Карнеев (1824—1837), начавший службу в горном ведомстве с 15 лет сын горного инженера И. А. Фуллон (1849—1855) и не имевший специального образования Ф. И. Раселли (1875—1881). Характерно, что, хотя по положению председателем Горного ученого комитета являлся директор Горного департамента, на должность председателя этого комитета вместо Ф. И. Раселли был назначен горный инженер А. А. Иосса [Лоранский, 1900, с. 60—105].

Последовательно принцип необходимости специального образования проводился в лесной службе.

С 19 июля 1826 года губернские и старшие лесничие должны были назначаться главным образом из лиц, знавших основы лесного дела, а ученые лесничие и землемеры лесных отделений — из числа воспитанников Лесного института, причем последние получали право на дальнейшее служебное повышение [2ПСЗРИ, т. 1, № 415]. 30 января 1839 года был образован военизированный Корпус лесничих, с 1869 года переведенный в гражданское ведомство, но просуществовавший в подчинении Лесного департамента вплоть до 1918 года [2ПСЗРИ, т. 14, № 11978; т. 42, № 44897].

Однако во главе Лесного департамента стояли, за редким исключением (И. Г. Войнуков, П. А. Кампиони), лица, не имевшие специального лесного образования [ВЦУР3, с. 84—85].

Менее выражена была специализация в ведомстве путей сообщения. В 1809 году был создан военизированный Корпус инженеров путей со-

общения, с 1867 года получивший гражданское устройство [ПСЗРИ, т. 30, № 23996; 2ПСЗРИ, т. 42, № 44897]. Соответственно, все инженерные должности по ведомству занимали инженеры путей сообщения.

Но во главе ведомства стояли далеко не всегда инженеры, например, К. Ф. Толь, А. А. Клейнмихель, К. В. Чевкин, гр. В. А. Бобринский, гр. А. П. Бобринский, К. Н. Посьет, А. Я. Гюббенет, С. Ю. Витте, А. К. Кривошеин, С. В. Рухлов, А. Ф. Трепов [Министерская система ..., с. 469—470]. Во главе Департамента железных дорог (1842—1899) находились в основном инженеры, хотя среди них был и А. Е. Аверкиев, поступивший на службу в 14 лет, будучи едва грамотным, но за долгие годы приобретший большой бюрократический опыт [РБС, т. 1, с. 33]. Главным инспектором частных железных дорог (1858—1870) был бар. А. И. Дельвиг, инженер-путеец по образованию. Департамент сухопутных сообщений (1865—1870) возглавляли профессор гражданской архитектуры В. Д. Евреинов (1865—1869), а затем выпускник Института инженеров путей сообщения Ф. Ф. Масальский. Среди 6 директоров Департамента шоссежных и водяных сообщений (1870—1899) были в основном инженеры путей сообщения, но среди них также двое военных: гр. Н. П. Клейнмихель (1872—1876) и А. Н. Столпак (1893—1895). Во главе Управления казенных железных дорог (1881—1889) и Управления железных дорог (1889—1917), а также Управления по сооружению железных дорог (1899—1922) и Управления шоссежных дорог (1916—1918) находились только инженеры, в основном путей сообщения [ВЦУР, с. 25, 28, 31, 33, 36, 43, 46]. В целом в руководящем составе МПС преобладали инженеры путей сообщения, образовавшие своего рода привилегированную касту. По словам С. Ю. Витте, министр путей сообщения относился к этой касте резко отрицательно [Витте, 2003, с. 85].

После реформы 1864 года признаками специальной службы стала обладать также служба по судебному ведомству. Если ранее на должность уездного судьи мог быть выбран любой отставной корнет, а сенатором стать бывший губернатор или генерал, то в новых судах потребовались профессиональные юристы.

К тому времени в России сложилась система юридического образования: Училище правоведения (с 1835 года), Александровский лицей (эволюционировавший в сторону высшего юридического учебного заведения) и юридические факультеты университетов.

Учреждение судебных установлений 1864 года предусматривало занятие судебных должностей дипломированными юристами. Назначение на судебные и прокурорские должности было обусловлено также обязательным стажем судебной практики. Для выпускников высших учебных заведений по юридической специальности вводился институт кандидатов

на судебные должности. Эти нормы сохранялись и во всех последующих изданиях Свода законов [Свод законов, т. 15, 1864, ст. 202—211, 407]. Таким образом, создавалась корпорация служащих по судебному ведомству — от низших должностей до сенаторов кассационных департаментов Сената.

Начиная с гр. В. Н. Панина (1839—1862) все министры юстиции имели высшее образование и соответствовали критерию либо юридического диплома, либо судебной практики, а чаще и тому, и другому [Министерская система ..., 2005, с. 225—233].

Эти критерии стали распространяться и на руководителей Департамента полиции. Высшее юридическое образование (включая Александровский лицей и Александровскую военно-юридическую академию) имели 18 директоров этого департамента. Большинство из них занимали ранее прокурорские и судебные должности. Исключение составляли лишь имеющие военное образование и опыт жандармской службы Н. И. Петров (1893—1895) и Е. К. Климович (1916) [ВЦУР2, с. 74—75]. Таким образом, высшее руководство полиции было включено в юридическую корпорацию.

Имеющееся мнение о преобладании в бюрократической элите начала XX века гуманитариев (в большинстве юристов), что отрицательно сказывалось на ее способности управлять экономикой [Куликов, 2001; Куликов, 2003, с. 69; Куликов, 2004, с. 13], нуждается в корректировке. Во-первых, за 1894—1917 годы среди министров на 20 выпускников юридических факультетов, 5 выпускников Училища правоведения и 9 — Александровского лицея приходилось лишь 3 выпускника историко-филологических факультетов (причем Г. Э. Зенгер и А. Н. Шварц занимали «профильный» пост министра народного просвещения, и лишь Н. А. Маклаков — непрофильную должность министра внутренних дел), а также 5 — физико-математических и 1 медицинского факультетов. При этом во главе специальных ведомств находились в основном лица с профильным (техническим) образованием. Во-вторых, юридическое образование являлось профильным для административных должностей (как в начале XX века, так и поныне). И, наконец, преобладание юридического образования на высших ступенях государственной службы отражало эволюцию государственного строя Российской империи в направлении правового государства.

Аналогичные явления наблюдались и в таких приближенных к российской системах государственной службы, как прусская и австро-венгерская [Бисмарк, 1940, с. 4—10; Heindl, 2013, s. 29, 39, 96, 259, 264, 269, 296].

4. Служебный опыт

В формировании корпуса высших чиновников значительную роль играл фактор служебного опыта.

Специальное экономическое образование в дореволюционной России практически отсутствовало. Экономическая наука преподавалась на юридических факультетах. Но во главе финансового ведомства (а затем и Министерства торговли и промышленности) стояли лица, получившие если не специальное образование, то специфический опыт службы, требовавшей экономических познаний.

У одних назначению на этот пост предшествовал опыт службы по финансовой части (А. И. Васильев, Ф. А. Голубцов, Д. А. Гурьев, Ф. П. Вронченко, П. Ф. Брок, А. М. Княжевич, Э. Д. Плеске, В. И. Тимирязев, М. М. Федоров, С. И. Тимашев, кн. В. Н. Шаховской), у других — также опыт хозяйственной деятельности, предпринимательства (Е. Ф. Канкрин, А. А. Абаза, И. А. Вышнеградский, С. Ю. Витте) [Министерская система ..., 2005, с. 370—385]. По крайней мере два министра финансов были известными учеными (Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградский), не имевшими традиционного чиновничьего бэкграунда [Ананьич, 2002, с. 13].

Большинство из руководителей центральных учреждений Министерства финансов имели опыт службы в учреждениях Министерства финансов, а к началу XX века и в коммерческих организациях. При этом многие из них служили также по ведомствам МВД, Министерства юстиции, Министерства государственных имуществ, Государственного контроля, а также по межевой части.

В конце XIX — начале XX веков служебный опыт высших сановников все чаще стал включать также службу по выборам — в качестве председателя дворянства, а также в земстве. Можно назвать И. Н. Дурново, кн. Б. А. Васильчикова, Н. А. Наумова, гр. А. А. Бобринского. Особенно часто это наблюдалось в Министерстве земледелия [Министерская система ..., 2005, с. 157—158, 547—550, 554, 556—558].

Наличие длительного служебного опыта было необходимым условием назначения на высшие государственные должности.

Средний возраст российского министра при назначении на должность составлял около 51 года, в том числе при Николае I — 51,7, при Александре II — 45,6, при Александре III — 46,2, при Николае II — 60 лет. По ведомствам он составлял: в МВД — 52,2, в Министерстве юстиции — 49,6, в Министерстве финансов — 52,7, в Министерстве торговли и промышленности — 49, в Министерстве государственных имуществ (Министерстве земледелия и государственных имуществ, Главном управлении землеустройства и земледелия, Министерстве земледелия) — 51, в Министерстве путей сообщения (Главном управлении путей сообщения и публичных зданий) — 54,4, Министерстве народного просвещения — 56,1 и в МИД — 59,4 года. Это предполагало как минимум 30-летний опыт

службы [Министерская система ..., 2005, с. 145—168, 222—233, 313—325, 370—385, 453—470, 542—559, 679—683, 791—809].

5. Заключение

Введение образовательного ценза для чиновников гражданской службы в начале XIX века было объективной потребностью государственного аппарата Российской империи. В результате к концу XIX — началу XX веков общеобразовательный уровень российского чиновничества значительно повысился, особенно на средней и высшей ступени.

Но попытка дифференциации образовательной подготовки чиновников для различных родов службы (необходимость которой была одним из аргументов критики указа 6 августа 1809 года) так и не была законодательно оформлена для большинства ведомств. Исключение составили специальные виды службы (медицинская, горная, лесная, путевская), причем для этих видов службы долгое время существовала военизированная организация. В то же время существенную роль при назначении на руководящие должности играл служебный опыт по соответствующему ведомству. Но низкие требования к наличию управленческой специализации [Ерошкин, 1981, с. 66—67; Raeff, 1957, р. 82—83] были характерны скорее для дореформенного времени. В дальнейшем требования к ней приобрели определенность, причем в большей степени на низшем и среднем, чем на высшем уровне. Универсальной квалификацией, в особенности для руководящих должностей в административно-полицейских органах и, конечно, для пореформенного судебного ведомства, стало высшее юридическое образование.

В начале XX века имели место также «политические» назначения на министерские посты, связанные с партийной принадлежностью кандидатов или их депутатством в Государственной думе, а не с их предшествующим административным опытом. Такие назначения характерны для парламентских монархий. Но в России они были скорее исключением из общего правила, хотя само появление таких назначений свидетельствовало об эволюции российской монархии в сторону парламентаризма.

Ни одно из таких назначений (например, С. В. Рухлова, Н. А. Маклакова, А. Д. Самарина, А. Н. Хвостова и особенно А. Д. Протопопова) нельзя признать особенно удачным.

В целом эволюция системы формирования высшей бюрократии в Российской империи к 1917 году осталась незавершенной.

Источники и принятые сокращения

1. ВЦУР2 — *Высшие* и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 : в 4 т. Т. 2. Центральные государственные учреждения. [Справочник]. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — 260 с.

2. ВЦУРЗ — *Высшие* и центральные государственные учреждения России. 1801—1917 : в 4 т. Т. 3. Центральные государственные учреждения. [Справочник]. — Санкт-Петербург : Наука, 2002. — 228 с.
3. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. Т. 1—45. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1843.
4. 2ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 1—55. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1884.
5. 3ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 1—33. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1885—1917.
6. РГИА — *Российской* государственный исторически архив. Ф. 1159. Фонд : Мемории общего собрания и департаментов (коллекция).
7. РБС — *Русский* биографический словарь : в 25 т. Т. 1. Аарон — Император Александр II / ред. А. А. Половцов. — Санкт-Петербург : тип. И. Н. Скороходова, 1896. — 894 с.
8. *Россия* : 1913 год : статистико-документальный справочник. — Санкт-Петербург : БЛИЦ, 1995. — 415 с.
9. *Свод* законов Российской Империи : в XV т. Т. XV. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1864.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ананьич Б. В.* Власть, предпринимательство и наука в России в конце XIX — начале XX веков : к истории развития производительных сил / Б. В. Ананьич // *Власть и наука, ученые и власть.* 1880-е — начало 1920-х годов : материалы Международного научного colloquium. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — С. 13—25.
2. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания : в 3 т. Т. 1 / О. Бисмарк ; пер. проф. Л. С. Ерусалимского. — Москва : Соцэкгиз, 1940. — 334 с.
3. *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1 / С. Ю. Витте. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 522 с.
4. *Дубенцов Б. Б.* Попытки преобразования государственной службы в России в конце XIX в. / Б. Б. Дубенцов // *Проблемы отечественной истории : сб. статей.* Ч. 1. — Москва-Ленинград, 1976. — С. 202—227.
5. *Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX века) / Н. П. Ерошкин. — Москва : Мысль, 1981. — 252 с.
6. *Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. / П. А. Зайончковский. — Москва : Мысль, 1978. — 299 с.
7. *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914—1917) / С. В. Куликов. — Рязань, 2004. — 472 с.
8. *Куликов С. В.* Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX века: закономерности и типы отношений / С. В. Куликов // *Власть и наука, Ученые и власть.* 1880-е — начало 1920-х годов : материалы Международного научного colloquium. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — С. 54—71.
9. *Лоранский А. М.* Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства в России. 1700—1900 / А. М. Лоранский. — Санкт-Петербург, 1900. — 207 с.
10. *Министерская* система в Российской империи : к двухсотлетию министерств в России / гл. ред. В. П. Козлов. — Москва : РОССПЭН, 2005. — 978 с.

11. Раскин Д. И. Несостоявшаяся реформа управления здравоохранением в России / Д. И. Раскин // Вопросы истории. — 2006. — № 4. — С. 149—154.
12. Раскин Д. И. Николай I и Государственный совет: первые шаги / Д. И. Раскин // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2019 — Т. 52, № 2. — С. 645—654. — DOI: 10.13187/bg.2019.2.645.
13. Раскин Д. И. Пенсионная реформа Николая I / Д. И. Раскин // Былые годы. Российский исторический журнал. — 2020. — Т. 58, № 4. — С. 2485—2494. — DOI: 10.13187/bg.2020.4.2485.
14. Шепелев Л. Е. Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I / Л. Е. Шепелев. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2007. — 464 с.
15. Шепелев Л. Е. Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. / Л. Е. Шепелев. — Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 1999. — 479 с.
16. Raeff M. The Russian Autocracy and its Officials /M. Raeff // Harvard Slavic Studies. — 1957. — Vol. IV. — P. 77—91.
17. Heindl W. Josephinische Mandarine: Bürokratie und Beamte in Österreich, Vol. 2. 1848—1914. (Studien zu Politik und Verwaltung, Bd. 107) / W. Heindl. — Vienna : Böhlau, 2013. — 322 s.

MATERIAL RESOURCES

- Code of laws of the Russian Empire.* (1864). Sankt-Peterburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii. 15/15. (In Russ.).
- PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 1.* Sankt-Peterburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii. 1—45. 1830—1843. (In Russ.).
- 2PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2.* Sankt-Peterburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii. 1—55. 1830—1884. (In Russ.).
- 3PSZRI — *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 3.* Sankt-Peterburg: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii. 1—33. 1885—1917. (In Russ.).
- RGIA — Russian State Historical Archive. Fund: Memories of the General Meeting and Departments (collection). (In Russ.).
- RBS — Polovtsov, A. A. (ed.). (1896). *Russian biographical dictionary.* Sankt-Peterburg. 25/1. 894 p. (In Russ.).
- Russia 1913. Statistical and documentary reference book.* (1995). Sankt-Peterburg: BLITS. 415 p. (In Russ.).
- VTsUR2 — *Higher and central state institutions of Russia. 1801—1917. Central state institutions.* (2001). Sankt-Peterburg: Nauka. 4/2. 260 p. (In Russ.).
- VTsUR3 — *Higher and central state institutions of Russia. 1801—1917. Central state institutions.* (2002). Sankt-Peterburg: Nauka. 4/3. 228 p. (In Russ.).

REFERENCES

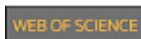
- Ananiich, B. V. (2003). Power, entrepreneurship and science in Russia in the late 19th — early 20th centuries: on the history of the development of productive forces. In: *Power and science, scientists and power. 1880s — early 1920s: proceedings of an International scientific Colloquium.* Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 13—25. (In Russ.).
- Bismarck, O. (1940). *Gedanken und Erinnerungen.* Moscow: Sotsekgiz. 1. 334 p. (In Russ.).
- Dubentsov, B. B. (1976). Attempts to transform the civil service in Russia at the end of the XX century. In: *Problems of Russian history.* Moscow, Leningrad. 1: 202—227. (In Russ.).

- Eroshkin, N. P. (1981). *Feudal autocracy and its political institutions (first half of the 19 century)*. Moscow: Mysl. 252 p. (In Russ.).
- Heindl, W. (2013). *Josephinische Mandarine: Bürokratie und Beamte in Österreich. 1848—1914. (Studien zu Politik und Verwaltung, Bd. 107)*. Vienna: Böhlau. 2. 322 s.
- Kozlov, V. P. (ed.). (2005). *The ministerial system in the Russian Empire: to the bicentennial of ministries in Russia*. Moscow: ROSSPEN. 978 p. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2003). Tsarist bureaucracy and the scientific community at the beginning of the twentieth century: patterns and types of relations. In: *Power and Science, Scientists and Power. 1880s — early 1920s: Proceedings of the International Scientific Colloquium*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 54—71. (In Russ.).
- Kulikov, S. V. (2004). *The bureaucratic elite of the Russian Empire on the eve of the fall of the old order (1914—1917)*. Ryazan'. 472 p. (In Russ.).
- Loranskiy, A. M. (1900). *A brief historical outline of the administrative institutions of the Mining Department in Russia. 1700—1900*. Sankt-Peterburg. 207 p. (In Russ.).
- Raskin, D. I. (2006). The failed reform of healthcare management in Russia. *Questions of history*, 4: 149—154. (In Russ.).
- Raskin, D. I. (2019). Nikolay I and the State Council: first steps. *Bylye gody*, 52 (2): 645—654. DOI: 10.13187/bg.2019.2.645. (In Russ.).
- Raskin, D. I. (2020). Pension reform of Nikolai I. *Bylye gody [Years of old]*, 58 (4): 2485—2494. DOI: 10.13187/bg.2020.4.2485. (In Russ.).
- Shepelev, L. E. (1999). *The official world of Russia: 18th — early 20th century*. Sankt-Peterburg: Iskustvo-SPb. 479 p. (In Russ.).
- Shepelev, L. E. (2007). *The apparatus of power in Russia. The era of Alexander I and Nikolai I*. Sankt-Peterburg: Iskustvo-SPb. 464 p. (In Russ.).
- Raeff, M. (1957). The Russian Autocracy and its Officials. *Harvard Slavic Studies*, IV: 77—91.
- Vitte, S. Yu. (2003). *Memories. Stories in verbatim record*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. 1. 522 p. (In Russ.).
- Zayonchkovskiy, P. A. (1978). *The government apparatus of autocratic Russia in the 19th century*. Moscow: Mysl. 299 p. (In Russ.).

Рогожина А. С. Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX веков / А. С. Рогожина // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 423—437. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-423-437.

Rogozhina, A. S. (2021). Hunger and Food Policy of Russian Empire in Late 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 4: 423-437. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-423-437. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-423-437

Голод и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX веков

Рогожина Ангелина Сергеевна
orcid.org/0000-0002-1022-8135
WoS ResearcherID K-4243-2017
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
rogzhinaas@yandex.ru

Орловский государственный
университет имени И. С. Тургенева
(Орел, Россия)

Hunger and Food Policy of Russian Empire in Late 19th — Early 20th Centuries

Angelina S. Rogozhina
orcid.org/0000-0002-1022-8135
WoS ResearcherID K-4243-2017
PhD in History, Associate Professor
Department of Russian History
rogzhinaas@yandex.ru

Orel State University
(Orel, Russia)

© Рогожина А. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о причинах возникновения и обстоятельствах преодоления голода в России в конце XIX — начале XX веков. Уделяется внимание анализу историографического материала по теме исследования. Выполнен обзор продовольственных кампаний, проводившихся в России в указанный период. Особое внимание уделяется вопросу, связанному с обстоятельствами кампании 1891—1892 годов, которая продемонстрировала несостоятельность продовольственного Устава, действовавшего в России с 1834 года. Автор останавливается на вопросах реформирования государственной продовольственной системы. Рассматриваются основные изменения, происходившие в государственной продовольственной системе и связанные с утверждением продовольственных правил 1900 года. Поднимается вопрос о роли органов местного самоуправления в государственной продовольственной политике изучаемого периода, а также пагубности принципа «самопомощи», положенного в основу государственной продовольственной системы. Уделяется внимание организации благотворительной помощи населению в контексте продовольственных кампаний. Доказано, что российская деревня в 90-е годы XIX — начале XX веков находилась в состоянии перманентного продовольственного кризиса, обусловленного отсутствием работающей модели государственной продовольственной системы.

Ключевые слова:

голод; российская деревня; государственная продовольственная политика; земские учреждения.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the causes and circumstances of overcoming hunger in Russia in the late 19th — early 20th centuries is considered in the article. Attention is paid to the analysis of historiographic material on the research topic. A review of food campaigns in Russia during the specified period is carried out. Particular attention is paid to the issue related to the circumstances of the 1891—1892 campaign, which demonstrated the inconsistency of the Food Regulations in effect in Russia since 1834. The author dwells on the issues of reforming the state food system. The main changes that took place in the state food system and associated with the approval of the food rules of 1900 are considered. The question is raised about the role of local governments in the state food policy of the period under study, as well as the perniciousness of the principle of “self-help”, which is the basis of the state food system. Attention is paid to the organization of charitable assistance to the population in the context of food campaigns. It is proved that the Russian village in the 90s of the XIX — early XX centuries was in a state of permanent food crisis due to the lack of a working model of the state food system.

Key words:

hunger; Russian village; state food policy; zemstvo institutions.

Проблема голода и продовольственная политика Российской империи в конце XIX — начале XX веков

© Рогожина А. С., 2021

1. Причины и предпосылки возникновения голода в России

Неурожай никогда не был для России явлением чрезвычайным. Частота его возникновения была традиционно обусловлена совокупностью климатических и географических факторов. Неурожаи редко случались повсеместно и, как правило, охватывали отдельные районы или даже местности. Неурожай не всегда порождал голод, будучи вместе с тем его основной причиной, наряду с целым комплексом социально-экономических и политических факторов. Одним из них было слабое внимание государственной власти к созданию работающей модели продовольственной системы, регулирующей создание и функционирование специальных механизмов, обеспечивающих как продовольственные, так и семенные запасы населения в условиях обширной территории Российской империи и неразвитой системы путей сообщения.

Законодательное оформление российской государственной продовольственной системы произошло в 1834 году в связи с изданием «Положения о запасах для пособия в продовольствии» [ПСЗРИ, т. 9, с. 691]. Согласно положению, для обеспечения продовольственных потребностей населения в случае неурожая и голода создавались специальные механизмы — сельские хлебозапасные магазины и денежные продовольственные капиталы. Устройство и содержание хлебных запасов в частновладельческих селениях ложилось на плечи владельцев селений и предводителей дворянства, в казенных селениях — на казенные палаты. Денежные капиталы составлялись посредством продовольственного сбора с каждой ревизской души поселян всех наименований, представляя собой собственность не отдельных селений, а губернии в целом. Общий надзор над хлебозапасными магазинами и денежными продовольственными капиталами осуществляли созданные еще в 1822 году Комиссии продовольствия.

Освобождение крестьян и последующие преобразования хозяйственно-распорядительного аппарата внесли кардинальные изменения в механизмы продовольственного обеспечения. Бывшие частновладельческие крестьяне были обязаны самостоятельно уплачивать продовольственный сбор, следить за содержанием хлебозапасных магазинов и ведать составлением и расходованием натуральных запасов через органы крестьянского самоуправления.

Введение земских учреждений не повлекло одномоментного изменения продовольственных правил; в их обязанности входил лишь контроль за ненарушением правил органами крестьянского самоуправления. Однако на протяжении второй половины XIX века полномочия земств по распоряжению продовольственными ресурсами губернии постепенно расширялись, и уже в 70—80-е годы органы местного самоуправления ведали раздачей всех продовольственных запасов губернии, как натуральных, так и денежных.

Вместе с тем институциональный статус земских учреждений и растерянная в первые годы существования инициативность зачастую не позволяли им справляться с продовольственными затруднениями, возникавшими в связи с регулярными неурожаями. Хлебные запасные магазины наполнялись лишь на треть, большая часть денежных продовольственных капиталов состояла в недоимке за крестьянскими обществами, отсутствие мелкой земской единицы не позволяло отслеживать содержание запасов даже на уровне волости, а регулярные земские ходатайства о расширении их полномочий в продовольственном деле зачастую рассматривались как посягательство на решение политических вопросов и отклонялись без объяснений. Что касается позиции государственной власти в решении продовольственных проблем российской деревни, то ее нельзя назвать отстраненной, поскольку в случае значительных недородов и тем более голода правительство немедленно ассигновывало внушительные пособия как из общеимперского продовольственного капитала, так и за счет средств государственного казначейства.

2. Историография проблемы

Дореволюционные исследователи рассматривали голод как хроническое для пореформенной России явление и связывали его с отставанием в сельскохозяйственном производстве, которое объясняли последствиями крестьянской реформы 1861 года и дальнейшей аграрной политикой российского самодержавия. По мнению И. Плотникова, «крестьянские хозяйства находились в течение десятилетий в состоянии регресса; само крестьянство, как общественная группа, как сословие, находилось в состоянии непрерывного обнищания и вырождения» [Плотников, 1921, с. 9]. А. А. Исаев основной причиной неурожая и голода в России считал условия отмены крепостного права, при которых крестьянство не получило в пользование наделы, способные обеспечить доходность в условиях экстенсивной формы обработки земли [Исаев, 1892, с. 12]. На «нищету» крестьянского населения как фактор возникновения голода обращал внимание И. П. Белокопский [Белокопский, 1892, с. 76—77]. К. Одарченко, характеризуя 60—80-е годы XIX века,

называл их десятилетиями экономического застоя и даже экономического регресса [Одарченко, 1900, с. 82]. Многие историки и современники к обстоятельствам, способствовавшим возникновению неурожаев и голода в пореформенной России, относили сохранение общины и круговой поруки [Ермолов, 1906, с. 14—15]. Советская историография также ставила задачу изучения причин возникновения голода в дореволюционной России. В этом отношении обращают на себя внимание работы по социально-экономической истории. Проблема «оскудения» Центра во второй половине XIX века была рассмотрена в исследовании М. С. Симоновой, которая связывала голод в России с обеднением российского крестьянства, вызванным падением доходности крестьянских хозяйств в контексте мирового экономического кризиса [Симонова, 1971, с. 236—263]. На кризисное состояние зернового производства в России в конце XIX века указывал А. С. Нифонтов, считая его результатом преобладания экстенсивной формы эксплуатации сельскохозяйственных земель [Нифонтов, 1974, с. 315—316]. А. М. Анфимов объясняет голод и разорение российского крестьянства социально-экономическими условиями реформы 1861 года, породившими возникновение помещичьих полукрепостнических латифундий [Анфимов, 1984, с. 116]. Вместе с тем для советских историков весьма типична критика форм и методов регулирования государственной продовольственной системы, особенно в конце XIX — начале XX веков. Причину подобной тенденции современные исследователи связывают с некритичным восприятием советской историографией «подходов дореволюционных народнических публицистов и некоторых ученых-аграрников» [Давыдов, 2004, с. 263; Миронов, 2008, с. 639—648], использующих нерепрезентативную источниковую базу для их построения.

3. Продовольственная кампания 1891—1892 годов

Неурожаи в России, как уже было отмечено, происходили регулярно и, как правило, не приводили к возникновению голода. Однако после отмены крепостного права и до начала Первой мировой войны российское крестьянство переживало небывалые по своему масштабу голодные годы, обусловленные, по мнению ряда исследователей, обстоятельствами как социально-политического, так и экономического характера. В период с 1891 по 1912 годы голод постигал Россию 12 раз.

Первенствующее положение в летописи голодных лет России занимают, пожалуй, 1891—1892 годы. Неурожай, главным образом, постиг губернии Центрально-Черноземного региона, Поволжья и Урала. Согласно докладу Хозяйственного департамента МВД, к маю 1891 года в Тульской губернии — «озимые большей частью неудовлетворительны, <...> часть полей перепажаны под яровые посевы»; в Рязанской губернии — «озимые

повсеместно, кроме Егорьевского уезда, неудовлетворительны; яровые от засухи приостановились в росте и начали сохнуть» и т. д. [РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2054, л. 20—21 об.]

Вместе с тем зловещие признаки грядущего голода обозначались еще летом 1890 года. А. С. Ермолов, будущий министр земледелия и государственных имуществ, по окончании своей поездки по восточным и юго-восточным губерниям, осенью 1890 года обратился к министру финансов с предупреждением: «На Россию надвигается страшный призрак голода, — необходимо теперь же, пока не поздно, принять самые решительные меры для предупреждения грядущего бедствия» [Ермолов, 1909, с. 99—101]. Однако правительство долго не признавало факта существования голода и не предпринимало каких-либо существенных действий. Лишь к середине 1891 года органы губернской администрации совместно с земствами начали подготовку к продовольственной кампании. Данный вопрос находился на постоянном контроле губернских властей и был предметом регулярной отчетности в центр [Минаков, 2003, с. 71, 81, 212—213]. В своих действиях земства руководствовались продовольственными правилами 1834 года, а также иными, по большей части уточняющими, нормативными правовыми актами по продовольственной части. Для обеспечения продовольственных потребностей нуждающегося населения в арсенале земств имелись сельские хлебозапасные магазины и заменяющие их общественные продовольственные капиталы, а также губернские продовольственные капиталы. Однако после начала продовольственной кампании выяснилось, что хлебные запасные магазины были практически повсеместно истощены, а большая часть губернских продовольственных капиталов числилась в недоимке за населением. Кроме того, в 1868 году сельские общества получили право переводить натуральные запасы в денежные для составления общественных продовольственных капиталов, которые к началу кампании 1891—1892 годов практически полностью были растрочены [ПСЗРИ, т. 43, с. 431—432].

Отсутствие местных продовольственных средств побудило правительство организовать закупочные операции зернового хлеба для доставки продовольствия и семенного материала в нуждающиеся местности. Закупка хлеба была поручена земствам. Однако земские агенты, вместо того чтобы закупать хлеб у собственных хлеботорговцев, уезжали в чужие далекие, часто южные, губернии, где своим одновременным появлением и несогласованными действиями вызывали непомерное возвышение хлебных цен. Доставка закупленного в отдаленных районах зерна вызывала дополнительные затруднения. По сообщению А. Измайлова, земства из соображений экономии, закупали хлебное зерно без мешков, в результате чего хлеб, привозимый на станции в вагонах, ссыпался прямо на снег по причине

отсутствия специальных помещений для его хранения [Измайлов, 1895, с. 19—20]. Зачастую роль амбаров играли сами вагоны, которые скапливались на станциях в ожидании разгрузки. Доставка привезенного зерна по деревням и селам, особенно, в условиях осенней и весенней распутицы, была совершенно непредсказуема.

Наряду с прямыми ассигнованиями на закупку продовольственного и семенного хлеба, правительством были организованы общественные работы для трудоспособных членов крестьянских семей, которые оказались значительным подспорьем в борьбе с продовольственными затруднениями. В период проведения общественных работ (1892 — июнь 1894 годы) к земельным, строительным, лесным, дорожным и пр. работам было привлечено более 88 тыс. человек [РГИА, ф. 389, оп. 1, д. 7, л. 28]. При этом данная правительственная инициатива была признана убыточной для казны, поскольку по окончании работ вскрылись значительные злоупотребления в деле их организации.

Одной из отличительных особенностей голодных 1891—1892 годов явился небывалый подъем общественной помощи. В главе благотворительного движения встал Особый Комитет Наследника Цесаревича [РГИА, ф. 1683, оп. 1, д. 59, л. 1]. На борьбу с голодом в российскую деревню отправились выдающиеся деятели передовой общественности — В. И. Вернадский, Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко и др. Свой вклад в организацию благотворительной помощи голодающим крестьянам России внесло международное сообщество. В Северо-Американских штатах развернулось масштабное филантропическое движение.

Голод 1891—1892 годов вскрыл недостатки проводимой государственной продовольственной политики, обнажил последствия крестьянской реформы, обнаружил ущербность российской деревни и вызвал необходимость пересмотра продовольственного Устава. Неудачи закупочных операций, порученных земствам, явились одним из главных аргументов в пользу изыятия продовольственного дела из их ведения и дальнейшего совершенствования государственной продовольственной системы.

После окончания кампании 1891—1892 годов правительством неоднократно предпринимались попытки совершенствования продовольственного Устава. С этой целью на протяжении 90-х годов XIX века на разных уровнях государственного управления создавались ведомственные комиссии и комитеты для выработки новых продовольственных правил. Среди них наибольшую известность получила Комиссия под председательством В. К. Плеве. Результатом ее деятельности явилась выработка в 1895 году проекта нового продовольственного Устава. Однако проект оказался невостребованным и «пролежал в столе» вплоть до 1899 года, когда его рас-

смотрение в Государственном совете было вызвано чередой неурожайных 1897—1898 годов.

4. Продовольственный кризис 1897—1898 годов

Для неурожая 1897—1898 годов была характерна неравномерность его распространения. В районах, не считавшихся пострадавшими от неурожая, могли встречаться отдельные местности и даже целые уезды, в которых наблюдался не просто неурожай, а голод. Другой типичной чертой неурожая 1897—1898 годов стала более высокая урожайность владельческих земель, нежели крестьянских. Причина этого заключалась в более качественной обработке земли, более совершенных орудиях труда, удобрениях и семенах.

Для помощи населению постигнутых неурожаем губерний правительство применило уже известные продовольственным кампаниям меры. Так, по поручению МВД Министерство финансов закупило в 1897 году в качестве его комиссионера за счет общеимперского продовольственного капитала хлеб для пострадавшего от неурожая населения Курской, Орловской, Тульской, Тамбовской и Воронежской губерний [Ермолов, 1909, с. 147]. Эта операция была организована согласно постановлению, образованного при МВД междуведомственного совещания по продовольственной части. Купленный хлеб сдавался по заготовительным ценам в пунктах, указанных МВД, после чего все дальнейшие распоряжения относительно приема, хранения, перевозки хлеба к неурожайным местностям входили в круг обязанностей агентов этого министерства. На таких основаниях было приобретено и распределено около 6 млн пудов на сумму 4 475 000 руб. [Ермолов, 1909, с. 147].

Общее заведование делами по продовольствию населения на местах было поручено земствам, сельским обществам, волостным и сельским сходам, волостному и сельскому начальству и, главным образом, земским начальникам [РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2540, л. 178]. Кроме того, в постигнутых неурожаем губерниях вводились должности продовольственных попечителей из местных землевладельцев, приходских священников и других лиц, «проживавших в губерниях и заслуживающих доверия» [РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2540, л. 143]. Попечители получали в ведение участок и под контролем земского начальника оказывали помощь земствам в проверке ходатайств о ссудах на продовольствие и посев и в надзоре за правильной их раздачей [РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2540, л. 143].

Деятельность благотворительного сообщества в кампанию 1897—1898 годов носила стихийный и адресный характер. Она была сосредоточена преимущественно в руках Российского Общества Красного Креста, Попечительства о домах трудолюбия и работных домах, Императорского Вольного

Экономического общества, а также отдельных частных лиц и заключалась в организации продовольственного и семенного обеспечения, медико-санитарной и трудовой помощи пострадавшим. При этом реакция благотворительного сообщества на кризис 1897—1898 годов не была столь бурной по сравнению с кампанией 1891—1892 годов. В определенном смысле это можно объяснить отношением государственной власти к деятельности частных благотворителей, выразившимся в циркуляре МВД от 18 августа 1898 года, согласно которому лица, прибывавшие в губернию, «должны были испрашивать на это разрешение у администрации или через местную полицию, а губернаторы — сообщать в МВД об открытии и результатах деятельности учреждений общественной благотворительности и пользоваться правом закрытия таких заведений только в исключительных случаях» [РГИА, ф. 1287, оп. 4, д. 2540, л. 108]. Однако, по сообщению самих благотворителей, губернские власти часто злоупотребляли своими полномочиями и препятствовали организации благотворительной деятельности во вверенных им наместничествах [ОР РНБ, ф. 783, д. 10, л. 5—5об., 15].

Как уже было отмечено, на протяжении 90-х годов XIX века правительством была инициирована кампания по пересмотру продовольственного законодательства. Был разработан проект нового Устава, который с многочисленными изменениями и дополнениями был высочайше утвержден 12 июня 1900 года. Проект получил название «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей» [ПСЗРИ, т. 20, с. 764—778]. Принципиальных изменений в деле продовольственного обеспечения российской деревни новый Устав не претерпел. В его основе по-прежнему был оставлен принцип «самопомощи» — по выражению И. К. Сухоплюева, «ахиллесова пята» государственной продовольственной системы [Сухоплюев, 1906, с. 23]. Главным отличием новых продовольственных правил явилось устранение органов местного самоуправления от прямого заведования продовольственным делом на местах.

5. Неурожаи 1901, 1902 и 1903 годов

Однако новые «временные» продовольственные правила не выдержали проверки очередным неурожаем, постигшим южные, центральные, приволжские и восточные губернии России в 1901, 1902 и 1903 годы. Правительственная продовольственная кампания этих лет выявила недочеты последних корректировок продовольственной системы. Вместе с тем к успехам правительства можно отнести удачно проведенные закупочные операции продовольственного и семенного хлеба, организованные, как и в кампанию 1897—1898 годов, совместно МВД и Министерством фи-

нансов. Значительным подспорьем в сокращении многомиллионных государственных ассигнований стали местные общественные натуральные и денежные продовольственные запасы. Однако по окончании продовольственной кампании МВД признало несовершенство новых продовольственных правил. Бесспорным становился факт, что преимущественное положение в деле продовольственного обеспечения населения в неурожайные годы занимали хлебные запасные магазины. При этом воспользоваться запасами не представлялось возможности в силу того, что они являлись собственностью каждого отдельного общества. Кроме того, МВД было вынуждено признать поспешность полного отстранения органов местного самоуправления от участия в организации продовольственной помощи, особенно в деле устройства общественных работ.

Отличительной особенностью голодных 1901—1903 годов являлась практически полная намеренная отстраненность отдельных представителей российского общества от участия в благотворительной кампании. По выражению А. С. Ермолова, «новые правила, устранившие в значительной степени от дела общественные учреждения, сочувствием общества не пользовались, и лучшие общественные силы предпочли остаться в стороне — зрителями, а часто суровыми критиками действий администрации, которая их от себя оттолкнула, взвалив на свои плечи тяжелую и не всегда непосильную ей тягость» [Ермолов, 1909, с. 235—236].

6. Голод 1905—1906 годов

Голодные 1905—1906 годы, как и последующие неурожайные 1907, 1908, 1911 и 1912 годы, были весьма типичны для России в отношении как причин и последствий, так и организации продовольственной помощи населению. Вместе с тем голод 1905—1906 годов обращает на себя внимание обстоятельствами, в контексте которых происходила борьба с ним. Очередная продовольственная кампания была проведена в условиях революции, железнодорожных стачек, самовольного разбора хлебных запасных магазинов, разгрома помещичьих хозяйств, угроз земским начальникам, а также требований поголовной раздачи пособий. Как и в прежние кампании, основным способом продовольственного обеспечения населения являлась организация закупок хлеба для нуждающегося населения. Закупочные операции были осуществлены МВД совместно с Губернскими присутствиями при посредстве неперемennых членов. Закупка зерна для обсеменения крестьянских полей была возложена на крестьянские учреждения. Кроме того, в 1905 году Министерством путей сообщения было дано разрешение на внеочередную перевозку по железным дорогам хлеба для нуждающегося населения, а также бесплатное хранение закупленного для крестьян хлеба на станциях на-

значения в течение семидневного срока со дня прибытия. В подкрепление вышеназванной меры Министерством финансов были установлены льготные тарифы для перевозки по казенным железным дорогам продовольственного хлеба и кормовых средств в нуждающиеся местности.

Особенностью голодных 1905—1906 годов было практически полное отсутствие кормовых средств для домашнего скота. По свидетельству А. С. Ермолова, это была «едва ли не большая проблема по сравнению с отсутствием продовольственных хлебов» [Ермолов, 1909, с. 320]. Это происходило, главным образом, по той причине, что крестьяне распахивали всю надельную землю, включая поля, луга и даже леса. По той же самой причине, особенно в условиях суровой зимы 1906—1907 годов, обозначилась проблема отсутствия топлива для крестьянских изб. Недород, осложненный разгромом помещичьих имений, привел к отсутствию необходимости найма на сельскохозяйственные работы, что прежде служило значительным подспорьем для местного населения.

Деятельность благотворительного сообщества в продовольственную кампанию 1905—1906 годов выразилась в помощи Общеземской организации, Российского общества Красного Креста, Попечительства о трудовой помощи, а также Императорского Вольного Экономического Общества, при этом, «частная благотворительность далеко не имела той степени развития, как после 1891 года, да и во многих местностях не было уже и того контингента людей, из которого в прежние годы формировался кадр частных благотворителей» [Ермолов, 1909, с. 337].

Стоимость продовольственной кампании 1905—1906 годов составила для правительства 77 570 398 руб. Средства были позаимствованы из Общеимперского продовольственного капитала. В то же время Высочайший указ от 5 апреля 1905 года о сложении продовольственных долгов государственному казначейству в своем последнем пункте содержал разъяснение о полном списании всех долгов общеимперского капитала на счет казны [Ермолов, 1909, с. 272]. Это означало, что все последующие ассигнования на продовольственное обеспечение населения в случае неурожая или голода производились исключительно за счет средств государственной казны.

Активное участие земских учреждений в продовольственной кампании 1905—1906 годов, выразившееся в организации столовых, пекарен, общественных работ, врачебной помощи, заставило правительство пересмотреть свое отношение к степени участия органов местного самоуправления в продовольственном деле и признать полную несостоятельность «Временных правил 1900 годов».

В последующие кризисные в продовольственном отношении годы, как уже было отмечено, правительством предпринимались типовые способы

обеспечения продовольственных потребностей населения. Никаких принципиальных изменений государственная продовольственная система после принятия «Временных правил» 1900 года не претерпела. Отмеченный исследователями проблемы в качестве «пагубного» принцип «самопомощи», положенный в основу продовольственной системы, не был изменен. Голод 1911—1912 годов явился последним в истории имперской России. 1913—1917 года уже не потребовали от правительства осуществления комплексных мероприятий по обеспечению продовольствия российской деревни, особенно в условиях начавшейся Первой мировой войны. Однако, наряду с административно-полицейскими способами решения продовольственных вопросов и регулирования цен на товары первой необходимости, коронная власть на региональном уровне учитывала и растущую хозяйственную активность структур общественного самоуправления [Минаков, 2014, с. 66—71].

7. Выводы

В 90-е годы XIX века Россия вошла в полосу голодных лет, которые с кратковременными перерывами продолжались вплоть до 1912 года. Одним из самых разрушительных оказался голод 1891—1892 годов, получивший в отечественной историографии наименование «всероссийское разорение» и обусловивший усиление социально-экономического кризиса в российской деревне. Действующая с 1834 года государственная продовольственная система, основанная на устройстве натуральных и денежных запасов с применением принципа «самопомощи» в отношении заведомо некредитоспособных должников, в продовольственную кампанию 1891—1892 годов обнаружила свою несостоятельность. Правительством были задействованы колоссальные материальные ресурсы для устранения явных последствий аграрного кризиса. На борьбу с голодной стихией были брошены усилия всего благотворительного сообщества, объединившегося под эгидой Особого Комитета наследника Цесаревича, будущего императора Николая II. Голод начала 90-х годов XIX века явился поводом к проведению правительственной кампании по пересмотру продовольственного Устава, которая продолжалась вплоть до начала XX века и завершилась изданием «Временных» продовольственных правил. Их концептуальное отличие от прежнего законодательства заключалось в отстранении органов местного самоуправления от заведования продовольственным делом на местах. При этом «ахиллесову пята» продовольственной системы — принцип «самопомощи» — изменения не затронули. Новые продовольственные правила не выдержали проверку чередой неурожайных лет и организованными по их случаю продовольственными кампаниями. Преодоление продовольственных кризисов 1901—1903, 1905—1906, 1907—1908 годов происходило ис-

ключительно за счет средств государственного казначейства и помощи, оказанной представителями благотворительного сообщества, энтузиазм и самоотверженность которых постепенно «таяли». Изъятие продовольственного дела из ведения земских учреждений не имело положительных результатов. Напротив, земства внесли значительный вклад в организацию трудовой помощи в неурожайные годы. В связи с этим необходимо признать, что в России к началу Первой мировой войны так и не сложилась работающая модель государственной продовольственной системы, которая при неизбежном существовании недородов могла исключить возможность возникновения голода.

Источники и принятые сокращения

1. *Высочайше* утвержденное положение Комитета министров «О порядке выдачи ссуд из сословных продовольственных капиталов и из сельских запасных магазинов» от 19 апреля 1868 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — Санкт-Петербург : типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. — Собрание 2, Т. 43. — С. 431—432.

2. *Высочайше* утвержденное Положение о запасах для пособия в продовольствие от 5 июля 1834 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1835. — Собрание 2, Т. 9. — С. 691.

3. *Высочайше* утвержденные Временные Правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей от 12 июня 1900 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1902. — Собрание 3, Т. 20. — С. 764—778.

4. ОР РНБ — *Отдел рукописей* Российской национальной библиотеки. Ф. 783 (Толстые Л. Н., М. Н.). Д. 10. Л. 5—5 об., 15.

5. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД). Оп. 4. Д. 2054. Л. 20—21 об.

6. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1287 (Хозяйственный департамент МВД). Оп. 4. Д. 2540. Л. 108, 143, 178.

7. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1683 (Островский Михаил Николаевич (1827—1901), министр государственных имуществ, председатель Департамента законов, почетный член Академии наук, член Государственного совета). Оп. 1. Д. 59. Л. 1.

8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 389 (Управление общественными работами в местностях, пострадавших от неурожая (Лесной отдел МВД). Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Анфимов А. М.* Экономическое положение и классовая борьба Европейской России, 1881—1904 / А. М. Анфимов. — Москва : Наука, 1984. — 232 с.

2. *Белокопский И. П.* Народное продовольствие в Орловской губернии в земский период (к 25-летию земских учреждений) / И. П. Белокопский. — Чернигов : Земская типография, 1892. — 232 с.

3. Давыдов М. А. К вопросу о «голодном экспорте» хлеба из России в конце XIX — начале XX в. / М. А. Давыдов // Экономическая история: ежегодник. — Москва, 2004. — С. 243—283.
4. Ермолов А. С. Наш земельный вопрос / А. С. Ермолов. — Санкт-Петербург : типография В. Киришабаума, 1906. — 293 с.
5. Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос / А. С. Ермолов. — Санкт-Петербург : типография В. Киришабаума, 1909. — Т. 1—2. — 599 с.
6. Измайлов А. Железные дороги в неурожай 1891 г. / А. Измайлов. — Санкт-Петербург : типография Ю. Н. Эрлих, 1895. — 54 с.
7. Исаев А. А. Неурожай и голод (лекции в Императорском Александровском лицее) / А. А. Исаев. — Санкт-Петербург : типография Р. Голике, 1892. — 45 с.
8. Минаков А. С. Губернаторская власть в годы Первой мировой войны / А. С. Минаков // Российская история. — 2014. — № 5. — С. 62—73.
9. Минаков А. С. Губернское ведомство МВД: состав, функции, взаимодействие с центром (по материалам Орловской губернии второй половины XIX — начала XX веков) : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / А. С. Минаков. — Орел : ОГУ, 2003. — 282 с.
10. Мионов Б. Н. «Самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями»: борьба обществу с монархией / Б. Н. Мионов // Россия и мир: панорама исторического развития. — Екатеринбург : Волот, 2008. — С. 639—648.
11. Нифонтов А. С. Зерновое производство в России во второй половине XIX века / А. С. Нифонтов. — Москва : Наука, 1974. — 318 с.
12. Одарченко К. Организация и задачи земского самоуправления / К. Одарченко. — Москва : Самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями, 1900. — 183 с.
13. Плотников И. Неурожаи в России, их причины и меры борьбы с ними / И. Плотников. — Петроград : Полит. упр. Петрогр. воен. окр., 1921. — 24 с.
14. Симонова М. С. Проблемы социально-экономической истории России / М. С. Симонова. — Москва : Наука, 1971. — 373 с.
15. Сухоплюев И. К. Основной принцип действующей продовольственной системы / И. К. Сухоплюев. — Одесса : Славянская типография Е. Хрисогелос, 1906. — 25 с.
16. Филимонов В. Я. Новый продовольственный закон: пособие к применению временных правил 12 июня 1900 года по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей / В. Я. Филимонов. — Москва : Ф. В. Бусыгин, 1902. — 177 с.

MATERIAL RESOURCES

OR RNL — *Department of Manuscripts of the Russian National Library*. F. 783. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archives*. F. 1287. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archives*. F. 1683. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archives*. F. 389. (In Russ.).

The highest approved provision of the Committee of Ministers “On the procedure for issuing loans from estate food capitals and from rural spare stores” dated April 19, 1868. (1873). In: *Complete collection of laws of Russian Empire (PSZRI)*, 2/43. Saint-Petersburg: printing house of the II Department of His Imperial Majesty’s Own Chancellery. 431—432. (In Russ.).

The highest approved Provisional Rules for meeting the food needs of rural inhabitants of June 12, 1900. In: *Complete collection of laws of Russian Empire (PSZRI)*, 3/20. (1902). Saint-Petersburg: State Printing House. 764—778. (In Russ.).

The highest approved Regulation on reserves for food allowances dated July 5, 1834. In: *Complete collection of laws of Russian Empire (PSZRI)*, 2/9 (1835). Saint-Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 691. (In Russ.).

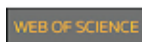
REFERENCES

- Anfimov, A. M. (1984). *Economic situation and the class struggle of European Russia, 1881—1904*. Moscow: Nauka. 232 p. (In Russ.).
- Belokonsky, I. P. (1892). *Folk food in the Oryol province during the zemstvo period (to the 25th anniversary of zemstvo institutions)*. Chernigov: Zemskaya Printing House. 232 p. (In Russ.).
- Davydov, M. A. (2004). On the issue of “hungry export” of grain from Russia at the end of 19th — beginning of 20th century. In: *Economic history: yearbook*. Moscow. 243—283. (In Russ.).
- Ermolov, A. S. (1906). *Our land question*. Saint-Petersburg: V. Kirshbaum's printing house. 293 p. (In Russ.).
- Ermolov, A. S. (1909). *Our crop failures and the food issue, 1—2*. Saint-Petersburg: V. Kirshbaum's printing house. 599 p. (In Russ.).
- Filimonov, V. Ya. (1902). *New food law: a guide to the application of temporary rules on June 12, 1900 to meet the food needs of rural inhabitants*. Moscow: F. V. Busygin. 177 p. (In Russ.).
- Isaev, A. A. (1892). *Crop failure and hunger (lectures at the Imperial Alexander Lyceum)*. Saint-Petersburg: R. Golike printing house. 45 p. (In Russ.).
- Izmailov, A. (1895). *Railways in a poor harvest in 1891*. Saint-Petersburg: Yu. N. Erlikh printing house. 54 p. (In Russ.).
- Minakov, A. S. (2003). *Provincial department of the Ministry of Internal Affairs: composition, functions, interaction with the center (based on materials from the Oryol province of the second half of the 19th — early 20th centuries)*. PhD. Diss. Orel: OSU. 282 p. (In Russ.).
- Minakov, A. S. (2014). Governor's power during the First World War. *Russian history*, 5: 62—73. (In Russ.).
- Mironov, B. N. (2008). “Autocracy is a civil war with all its calamities”: struggle of public against the monarchy. In: *Russia and the world: a panorama of historical development*. Yekaterinburg: Volot. 639—648. (In Russ.).
- Nifontov, A. S. (1974). *Grain production in Russia in the second half of 19th century*. Moscow: Nauka. 318 p. (In Russ.).
- Odarchenko, K. (1900). *Organization and tasks of zemstvo self-government*. Moscow: Autocracy is a civil war with all its calamities. 183 p. (In Russ.).
- Plotnikov, I. (1921). *Crop failures in Russia, their reasons and measures to combat them*. Petrograd: Polit. ex. Petrogr. military. env. 24 p. (In Russ.).
- Simonova, M. S. (1971). *Problems of the socio-economic history of Russia*. Moscow: Nauka. 373 p. (In Russ.).
- Sukhoplyuev, I. K. (1906). *The main principle of the current food system*. Odessa: Slavic Printing House E. Chrysogelos. 25 p. (In Russ.).

Сулейманов А. А. Коренные малочисленные народы Севера Якутии в фокусе академических исследований конца 1980-х — начала 1990-х годов / А. А. Сулейманов // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 438—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-438-453.

Suleymanov, A. A. (2021). Indigenous Small-Numbered Peoples of North of Yakutia in Focus of Academic Research in Late 1980s — Early 1990s. *Nauchnyi dialog*, 4: 438-453. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-438-453. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-438-453

Коренные малочисленные народы Севера Якутии в фокусе академических исследований конца 1980-х — начала 1990-х годов

Сулейманов Александр Альбертович
orcid.org/0000-0001-8746-258X
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник отдела
истории и арктических исследований
alexas1306@gmail.com

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Indigenous Small-Numbered Peoples of North of Yakutia in Focus of Academic Research in Late 1980s — Early 1990s

Alexander A. Suleymanov
orcid.org/0000-0001-8746-258X
PhD in History, senior researcher,
Department of History and Arctic Studies
alexas1306@gmail.com

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

© Сулейманов А. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен исторический анализ исследований, проведенных в течение 1988—1991 годов сотрудниками Академии наук СССР для выявления социально-экономического и этнокультурного положения коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Якутии. При этом основное внимание уделено тем материалам, которые наиболее репрезентативно отражают изменения, произошедшие в оценке учеными последствий проводившейся в советский период отечественной истории государственной политики для аборигенных этносов. Источниками при подготовке статьи послужили выявленные автором архивные материалы, а также опубликованные документы и данные научной литературы. Проведенная работа позволила определить основные направления осуществленных изысканий, которые фокусировались главным образом вокруг осмысления влияния принятых органами власти управленческих решений, а также изменения состояния окружающей среды под воздействием интенсивного промышленного освоения на традиционную культуру и хозяйство коренных народов. Представленный материал свидетельствует о том, что на рубеже 1980—1990-х годов Якутия фактически оказалась в авангарде критики государственной политики, проводившейся по отношению к коренным малочисленным народам Севера на протяжении большей части советского периода.

Ключевые слова:

Арктика; Якутия; Академия наук СССР; коренные народы; государственная политика; научные исследования

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A historical analysis of research conducted during 1988—1991 by employees of the USSR Academy of Sciences to identify the socio-economic and ethnocultural situation of the indigenous small-numbered peoples of the North living in Yakutia is presented in the article. At the same time, the main attention is paid to those materials that most representatively reflect the changes that have occurred in the assessment by scientists of the consequences of the state policy carried out in the Soviet period in the national history of the state policy for indigenous ethnic groups. The sources for the preparation of the article were archival materials identified by the author, as well as published documents and scientific literature data. The work carried out made it possible to determine the main directions of the research, which focused mainly on understanding the impact of management decisions taken by the authorities, as well as changes in the state of the environment under the influence of intensive industrial development on the traditional culture and economy of indigenous peoples. The presented material testifies to the fact that at the turn of the 1980s and 1990s, Yakutia actually found itself at the forefront of criticism of the state policy pursued towards the indigenous peoples of the North throughout most of the Soviet period.

Key words:

Arctic; Yakutia; USSR Academy of Sciences; indigenous peoples; public policy; Scientific research.

Коренные малочисленные народы Севера Якутии в фокусе академических исследований конца 1980-х — начала 1990-х годов

© Сулейманов А. А., 2021

1. Введение

Крупнейший субъект Российской Федерации — Республика Саха (Якутия) — является территорией традиционного проживания нескольких коренных малочисленных народов Севера: долган, чукчей, эвенков, эвенов, юкагиров, а также приравненных к ним региональным законодательством русских арктических старожилов.

В фокус внимания исследователей представители названных аборигенных этносов попали фактически с самого начала существования отечественной Академии наук. Участники Первой Камчатской экспедиции 1725—1730 годов среди прочего составили карту, где были отражены ареалы проживания ряда из этих народов. Процесс научного познания коренных малочисленных народов Севера и документации их уникального этнокультурного наследия в нашей стране, таким образом, насчитывает без малого уже 300 лет. За это время в его развитии приняли участие ведущие североведы — В. Г. Богораз, В. И. Иохельсон, Г. М. Василевич, И. С. Гурвич, В. А. Туголуков и многие другие, а оценки действительности и перспектив аборигенных этносов, роли в их судьбах государства успели претерпеть неоднократные изменения. Долгое время господствующим являлось мнение, что эти народы обречены на физическое вымирание или в лучшем случае на тотальную ассимиляцию. В частности, В. И. Иохельсон заявлял о том, что «юкагиры не имеют будущего» [Иохельсон, 2005, с. 24]. Позднее развитие получила оценка о фактическом «спасении» коренных малочисленных народов Севера советской властью и даровании ею «билета в жизнь» для представителей аборигенных этносов. Серьезные изменения взгляды исследователей претерпели и в период демократических преобразований в нашей стране.

Целью данной статьи является исторический анализ динамики исследовательских подходов к оценке социально-экономического и этнокультурного положения проживающих в Якутии коренных малочисленных народов Севера в конце 80-х — начале 90-х годов XX века, а также выявление основных направлений научного поиска в этот период. В работе, таким образом, представлен сравнительно небольшой исторический про-

межуток, который, однако, вместил в себя ряд репрезентативных примеров трансформации взглядов ученых.

Среди причин, обусловивших необходимость обращения к отмеченным вопросам, одной из важнейших является сложившаяся историографическая ситуация. Вопросы научного изучения коренных малочисленных народов Севера в 1980-е — 1991 годы рассматривались в статьях автора представленной работы [Сулейманов, 2018; Сулейманов, 2020]. Однако анализу динамики позиций ученых при оценке ситуации в местах проживания аборигенных этносов в этих работах уделялось крайне ограниченное внимание. В исследованиях других авторов анализировались отдельные сюжеты из истории изысканий среди коренных народов: реализация некоторых инициатив, разработка какого-то конкретного направления научного поиска, а также деятельность персонала [Академическая..., 2009; Боякова, 2005; Прокопьева, 2015; Роббек, 2010 и др.].

Кроме того, актуализирует разработку заявленной проблематики также тот факт, что реализация эффективной государственной политики в отношении коренных малочисленных народов Севера возможна лишь на основе концептуализации и корректной интерпретации аккумулированного в нашей стране векового опыта, включая наработки в области изучения аборигенных этносов, и представленное исследование может стать одним из «кирпичиков», образующих «фундамент» подобной работы.

2. Сдержанный негатив. «Концепция экономического и социального развития народностей Севера на период 1991—2005»

Переходя собственно к анализу темы исследования, следует отметить, что критическая составляющая в оценке исследователями мероприятий, проводимых органами власти и хозяйствующими субъектами по отношению к коренным малочисленным народам Севера Якутии, появилась значительно раньше, чем в рассматриваемый период. Наиболее наглядным примером наличия критической позиции у ученых в этом отношении является деятельность в 1950-е годы Комиссии по проблемам Севера первоначально при Президиуме, а позднее при Совете по изучению производительных сил Академии наук (АН) СССР [Калеменева, 2018].

Активное участие в ее работе принимал сотрудник Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая (ИЭ) АН СССР (г. Москва) И. С. Гурвич, который осуществил в течение 50-х — начала 60-х годов XX века серию изысканий в арктических районах Якутии. По результатам проведенных исследований ученый подготовил несколько докладных записок, где существующие среди коренных малочисленных народов Севера порядки,

в особенности те, которые насаждались властями, подвергались достаточно серьезной критике [Гурчич, 2004; Гурвич, 2005].

Однако после фокусировки И. С. Гурвича на изысканиях в других регионах Советского Севера подобные критически направленные оценки применительно к фундаментальным аспектам условий жизни аборигенных этносов Якутии автору данной работы удалось встретить только в исследованиях уже перестроечного периода, о которых пойдет речь далее. К сожалению, нет уверенности, что здесь сказалось действительное улучшение социально-экономического положения проживающих в республике представителей коренных малочисленных народов Севера и преимущественно комплементарный характер работ, в которых могли критиковаться лишь частности, обусловлен именно этим, а не другими факторами.

При этом, как свидетельствует выявленный источниковый материал, исследования И. С. Гурвича продолжали сохранять достаточно критическую позицию в оценке социально-экономической и этнокультурной ситуации среди аборигенных этносов Российской Арктики, которую он не стеснялся доводить до органов власти различного уровня. В частности, по результатам изысканий, осуществленных в Шмидтовском районе Чукотского национального округа Магаданской области в 1975 году, ученый подготовил и направил в Совет Министров РСФСР докладную записку «К проблеме улучшения развития хозяйства, культуры и улучшения быта коренного населения Севера Чукотки».

В документе, наряду с целым рядом положительных моментов, включающих, например, неплохую представленность молодежи в оленеводстве, минимальный уровень безработицы, совместное кочевание семей, широкую механизацию труда и др., резко негативную оценку получили сложившиеся практики деятельности промышленных предприятий. В частности, отмечалось загрязнение окрестных рек и морского побережья, сделавшее невозможным традиционную рыболовную и морзверобойную деятельность местного населения. На основании полученных данных И. С. Гурвич пришел к выводу о том, что промышленное освоение Чукотки не увязано с развитием традиционного промыслового хозяйства и «пока что ничего не дало коренному населению, а в ряде случаев способствовало ухудшению бытовых условий» [ГАРФ, ф. А-259, оп. 46, д. 5798, л. 9]. Помимо этого, ученый скептически отнесся к намечавшемуся продолжению политики поселкования, предполагавшей укрупнение населенных пунктов и ликвидацию «неперспективных» сел. По мнению И. С. Гурвича, это могло усугубить ситуацию с сохранностью самобытной этнической культуры чукчей [ГАРФ, ф. А-259, оп. 46, д. 5798, л. 7—25].

Одной из первых ласточек «возвращения» научного сообщества Якутии к критическим позициям стала работа над «Концепцией экономического и социального развития народностей Севера на период 1991—2005». Данный документ разрабатывался под общим руководством Региональной межведомственной комиссии по координации комплексных исследований проблем развития народностей Севера Сибирского отделения (СО) АН СССР, Сибирского отделения Академии медицинских наук СССР и Сибирского отделения Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ), председателем которой являлся член-корреспондент АН СССР В. И. Бойко (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, г. Новосибирск). При этом ведущую роль в разработке экономической части концепции играл Институт экономики комплексного освоения природных ресурсов Севера Якутского филиала СО АН СССР (ИЭКОПРС ЯФ СО АН СССР, г. Якутск).

По инициативе руководства ИЭКОПРС ЯФ СО АН СССР в Якутске в апреле 1988 года было проведено рабочее совещание по подготовке концепции, в котором приняли участие ученые из Кольского и Карельского филиалов АН СССР, Коми филиала Уральского отделения АН СССР, Дальневосточного отделения АН СССР, институтов Якутского филиала АН СССР, ВАСХНИЛ и ряда отраслевых НИИ. На совещании была обсуждена стратегия совместных действий и принят координационный план по подготовке проекта концепции.

Авторам составленного вскоре проекта, среди которых, помимо специалистов ИЭКОПРС ЯФ СО АН СССР из Якутии, были сотрудники Института физико-технических проблем СО АН СССР и Научно-производственного объединения «Якутское», удалось обобщить «результаты исследований социально-экономических проблем развития почти всех 26 народностей Севера и районов их проживания» [Концепция..., 1988, с. 3].

В документе, направленном на формирование «действительно нового социалистического образа жизни народностей Севера» [Концепция..., 1988, с. 7], был рассмотрен широкий спектр проблем в экономике и социальной сфере жизни аборигенных этносов: вопросы влияния транспортно-промышленного освоения, развития традиционных хозяйственных отраслей, местной продовольственной базы, транспортных связей, организации капитального строительства, обеспечения энергоснабжения и внедрения достижений научно-технической революции, демографии и трудовых ресурсов, повышения уровня и качества жизни, расширения самоуправления.

Исследователи обратили внимание на недостатки важнейшего для аборигенных этносов Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 года «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культу-

ры районов проживания народностей Севера». Установленный в нем территориальный подход усложнил «целенаправленность», снизил «конкретность и действенность практических мер», ориентированных на решение существующих проблем. На страницах отчета также подчеркивалось присутствие на Севере «значительных негативных явлений и трудно решаемых проблем в социальной сфере» (сокращение рождаемости, сравнительно высокий уровень смертности детей, деградация семейных отношений и др.), были отмечены «нарушения естественного процесса воспроизводства населения и сложившегося режима использования трудовых ресурсов» из-за массового его перевода на оседлость в поселки, в которых предварительно не была подготовлена соответствующая инфраструктура [Концепция..., 1988, с. 6].

Обращает на себя внимание и негативная оценка последствий индустриального освоения Севера для экологии региона. Так, среди результатов интенсификации его транспортно-промышленного развития были названы сокращение оленьих пастбищ, промысловых угодий, загрязнение окружающей среды. В качестве одного из примеров был приведен Кольский полуостров, где практически исчез пушной промысел [Концепция..., 1988, с. 9—11]. Для исправления ситуации авторы концепции предложили заменить существующее «одностороннее требование адаптации экономических, социальных и духовных интересов коренных народностей Севера к новым формам хозяйственной деятельности» на «комплексный социально-экологический подход к коренной перестройке взаимоотношений промышленного освоения и заселения территорий, с одной стороны, и развития традиционных отраслей хозяйства <...> с другой» [Концепция..., 1988, с. 10]. Однако в целом оценка существующих порядков была достаточно сдержанной [Концепция..., 1988, с. 12—36].

3. В авангарде критики. Научный отчет «Характер и тенденции развития социально-культурных, языковых процессов у народностей Севера Якутии»

Принципиально иной уровень критики содержался в другом документе, также подготовленном в 1988 году — научном отчете сотрудников Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) ЯФ СО АН СССР (г. Якутск) «Характер и тенденции развития социально-культурных, языковых процессов у народностей Севера Якутии». Фактически его появление ознаменовало собой тот факт, что после более чем двух десятилетий упомянутого «молчания» научное сообщество Якутии оказалось в авангарде критики государственной политики, проводившейся по отношению к коренным малочисленным народам Севера на протяжении большей части советского периода.

Авторами отчета являлись У. А. Винокурова (руководитель), Д. Е. Васильева, Х. И. Дуткин, А. Л. Дьяконов, Ф. М. Зыков, В. Х. Иванов, Н. З. Копырин, Р. А. Кузьмина, Л. М. Лукина, В. Б. Огорокова, Б. Н. Попов, В. А. Роббек, П. А. Слепцов, Г. С. Сыромятников и Е. Н. Федорова. Помимо названных выше специалистов, в сборе и обработке материалов принимали участие и другие сотрудники ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР: А. В. Абрамов, В. К. Антонова, Т. В. Аргунова, П. Е. Ефремов, С. С. Максимова, а также художник Е. Заболоцкая и методист Министерства культуры ЯАССР Н. В. Марсанова [РФА ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 15, д. 116, л. 11—12].

Основой для подготовки отчета послужили серия этносоциологических исследований, проведенных в 80-е годы XX века. Так, в течение 1984—1985 годов в Алданском, Жиганском, Ленинском (Нюрбинском), Нерюнгринском, Нижнеколымском и Оленекском районах Якутии сотрудники сектора социологических исследований ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР занимались изучением профессиональных предпочтений и миграционных намерений выпускников восьмых и десятых классов местных школ [РФА ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 19, д. 7, л. 33].

В декабре 1986 и октябре — декабре 1987 годов Е. Н. Федорова, П. А. Слепцов и А. Л. Дьяконов работали среди населения Среднеколымска, Булунского, Верхнеколымского и Оленекского районов. Ими проводилось анкетирование «Мнение городского жителя», «Мнение сельского жителя» и «Север» [РФА ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 19, д. 7, л. 15—16, 33—34]. Всего в рамках анкетирования «Севера» было получено и обработано 449 анкет, из которых 183 заполнили эвены, 174 — эвенки, 28 — юкагиры [РФА ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 15, д. 116, л. 11].

В целом же при подготовке отчета «Характер и тенденции развития социально-культурных, языковых процессов у народностей Севера Якутии» были задействованы материалы, полученные в результате полевых исследований в Булульном, Верхоянском, Жиганском, Кобяйском, Нерюнгринском, Олекминском, Оленекском, Томпонском, Усть-Янском, Верхне-, Средне- и Нижнеколымском районах Якутии, а также в Хабаровском крае и Магаданской области [РФА ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 15, д. 116, л. 10].

Если в рассмотренной ранее «Концепции» критиковались, безусловно, важные, но все же скорее второстепенные моменты, то в отчете «Характер и тенденции...» негативную оценку получили сами государственные подходы по отношению к развитию аборигенных этносов. В работе, среди прочего, нашла отражение следующая позиция авторов: «В современной концепции промышленного освоения Севера не заложена гуманистическая забота о коренных народностях, не продумана система жизнеобеспечения их в новой преобразованной среде». Кроме того, ученые отметили

«дегуманизацию общественных отношений в период застоя», что «особенно ярко проявилось на опыте промышленного освоения районов проживания народностей Севера» [РФА ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 19, д. 28, л. 5].

Серьезной обструкции в этой связи подвергся так называемый «очаговый подход» к развитию северных территорий, в рамках которого приоритет отдавался практически исключительно создаваемым промышленным объектам — «очагам», таким как, например, Депутатский горно-обогатительный комбинат, тогда как поддержка коренных народов и мест их традиционно-го проживания осуществлялась по сугубо остаточному принципу. Массово привлекаемое же к освоению создаваемых индустриальных объектов «вновь прибывающее население», по мнению авторов отчета, «не преследовало цель способствовать расцвету культуры и совершенствованию образа жизни народностей Севера» [РФА ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 15, д. 116, л. 6].

При этом если раньше в работах якутских ученых отстаивалась необходимость ускоренного перевода кочевого населения на оседлый образ жизни [Донской, 1978; Курилюк, 1982], то в рассматриваемом документе говорилось уже о «деструктивных изменениях», которые внесла такая «коренная ломка» в традиционную культуру, и о существующей в связи с этим «тенденции необратимости в условиях стационарного проживания» [ГАРФ, ф. А—385, оп. 46, д. 242, л. 6].

Одним из основных положений, выработанных авторами отчета «Характер и тенденции развития социально-культурных, языковых процессов у народностей Севера Якутии», стало мнение о необходимости возвращения коренным народам Севера «возможности образовывать национальные округа, районы и советы», что являлось «единственно возможным условием всестороннего развития» данных этносов «в условиях НТП (научно-технического прогресса. — А. С.), интенсивных урбанизационных и миграционных процессов». Предоставление такого права, по мнению ученых, дало бы возможность аборигенным этносам обладать приоритетным возможностями при решении вопросов природо- и землепользования, получать компенсации от «министерств и ведомств, ведущих промышленное освоение», принимать реальное участие в выработке решений органами власти, «широко внедрять» местное самоуправление [ГАРФ, ф. А—385, оп. 46, д. 242, л. 2—3].

4. Исследовательские мнения и подходы в условиях роста центробежных тенденций: 1989—1991 годы

Достаточно острой критике принятые на государственном уровне решения подверглись также в научном докладе «К вопросу восстановления Саккырырского района Якутской АССР», который был подготовлен в рамках проведенных по поручению Совета Министров Якутской АССР

в феврале 1989 года исследований в Верхоянском и Кобяйском районах Якутии. Руководил данными изысканиями Ф. С. Донской (ИЭКОПРС ЯФ СО АН СССР).

Саккырырский район, население которого преимущественно составляли эвены, в 1963 году в русле проводимой в стране политики укрупнения административных единиц различного уровня был ликвидирован, а его территория распределена между соседними районами. Это решение в совокупности с другими политическими мерами (коллективизация, поселкование и т. п.) привело, по мнению ученых, к целому спектру проблем. В частности, укрупнение колхозов, сопровождавшееся «ничем не оправданной концентрацией населения в крупных поселках», имело следствием ликвидацию «бесперспективных» небольших деревень, что отрывало их жителей от исконных занятий и привело к нарушению веками сложившегося уклада жизни аборигенного населения Саккырыра. При этом маршруты оленьих кочевий оказались удалены от населенных пунктов, а обширные пастбищные и сенокосные угодья были заброшены [ГАРФ, ф. А—385, оп. 46, д. 242, л. 3—33].

Примечательно, что образованный в том же 1989 году Эвено-Бытантайский национальный район включил в себя только те сельские советы, большинство населения которых в ходе названных выше исследований высказалось за воссоздание Саккырырского района.

В течение августа — октября 1991 года Эвено-Бытантайский район посетили уже сотрудники ИЭ АН СССР. Целью исследований А. И. Кузнецова и Л. И. Миссоновой было выяснение первых результатов создания национального района, социальных и культурных последствий этого решения.

Изыскания проходили главным образом в селе Джаргалах и административном центре района — селе Батагай-Алыта. Ученых определили половозрастной состав эвенского населения, показатели и сферы их трудовой занятости, включая анализ присутствия представителей этноса на руководящих должностях. Кроме того, было установлено количество одноэтничных и этнически смешанных семей, в результате проведенного опроса составлены родословные, на их основе выявлены этнические доли в гено типе эвенов, якутов и русских. При этом у эвенов Эвено-Бытантайского района наблюдался рост этнического самосознания. Если раньше, по данным А. И. Кузнецова и Л. И. Миссоновой, они фактически стыдились своего происхождения, то с образованием национального района «положение изменилось» и называться эвеном стало «престижно и выгодно» [Кузнецов и др., 1993, с. 18]. Это, в частности, проявилось как в смене местными жителями своей национальной принадлежности, так и в записи большинства детей в смешанных семьях эвенами. Однако в целом в жизни эвенов района, по мнению исследователей, «не изменилось ничего»:

преподавание в школе продолжалось вестись на якутском, он же являлся языком общения в семье, образовательных и административных учреждениях. Непропорциональным оставалось присутствие эвенков в местных и районных органах власти и культуры. При этом специалисты выявили негативную роль льгот, предоставленных эвенскому населению после образования Эвено-Бытантайского района — они фактически противопоставляли представителей этого этноса и их соседей якутов, живущих в таких же условиях, но ничего не получавших [Там же].

С развитием центробежных тенденций и приближением момента распада Советского Союза все большую популярность приобретала критика экологических последствий интенсивного промышленного освоения Севера. В Якутии это вылилось в создание в 1990 году комитета «Защита реки Амга», деятельность которого фокусировалась на предотвращении строительства водоотвода для перекачки стока этой реки и организации тогда же Общественного экологического комитета «Виллой». Возникновение последнего было связано, главным образом, с негативным влиянием алмазодобывающих предприятий и гидроэнергетики на экологию бассейнов рек Виллой и Марха. Деятельность этих и других общественных объединений по защите окружающей среды и интересов местного населения сопровождалась активнейшей дискуссией в средствах массовой информации [Григорьев, 2012, с. 19—25].

На таком общественно-политическом фоне в Магаданской области разворачивались подготовительные работы по сооружению на реке Колыма Усть-Среднеканской ГЭС: в 1989 году строительство станции было утверждено приказом Минэнерго СССР, а спустя два года началась прокладка автомобильной дороги до посёлка Усть-Среднекан. Ситуацию осложнял тот факт, что основными «выгодополучателями» от запуска новой ГЭС являлись промышленные предприятия Магаданской области и Оймяконского района Якутии, тогда как потенциально наиболее тяжелые экологические и социально-экономические последствия приходились на население расположенных ниже по течению реки Верхне-, Средне- и Нижнеколымского районов. Сложившаяся ситуация обсуждалась в июне и сентябре 1990 года в ходе встреч представителей общественности названных колымских районов Якутии с руководством «Колымагэсстрой», работниками природоохранных органов Якутской АССР и Магаданской области, а также разработчиками проекта сооружения станции — специалистами института «Ленгидропроект». На этих встречах общественники выразили свое негативное отношение к строительству ГЭС. Аналогичная позиция была озвучена на прошедших в мае 1991 года митингах в Среднеколымске, Зырянке и Нелемном [Иванова и др., 1992, с. 105—106].

В сложившихся условиях изучение проблем соотношения интересов промышленных предприятий и местного населения приобретало все большую актуальность. В связи с этим в стенах ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР были организованы изыскания в рамках темы «Этноэкология Севера в условиях гидростроительства на реке Колыма».

Целью исследований Т. С. Ивановой (руководитель), С. И. Бояковой и Л. М. Даниловой было определение потенциального влияния ввода в эксплуатацию Усть-Среднеканской ГЭС на жизнедеятельность и традиционный образ жизни коренного населения колымских районов Якутии, а также выяснение отношения местного населения к данной проблеме [РФА ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 19, д. 98, л. 34].

В августе 1991 года ученые посетили населенные пункты Верхне-, Средне- и Нижнеколымского районов: Зырянку, Нелемное, Среднеколымск, Березовку, Сылгы-Ытар, Черский, Андрюшкино и Колымское. Передвижения между ними осуществлялись преимущественно на самолетах и моторных лодках [ПМА].

Всего в ходе экспедиции было собрано 917 анкет. По итогам их обработки исследователи установили, что более 80 % опрошенных отрицательно относились к строительству Усть-Среднеканской ГЭС. Свои опасения они связывали с потенциальной угрозой источникам традиционного хозяйства и всему укладу жизни: сокращением популяций промысловых видов животных и рыб, изменением годового режима Колымы и ее притоков, в целом нанесением непоправимого урона местной экосистеме [Иванова и др., 1992, с. 107—108]. Несмотря на это, продолжающееся до сих пор строительство ГЭС началось в том же 1991 году.

Выше были представлены преимущественно исследования, проведенные специалистами, работавшими в научных учреждениях Якутии либо посетившими ее для проведения изысканий. В целях сравнения характера оценок последствий советского периода для коренных малочисленных народов Севера представляется необходимым привести краткий анализ подготовленного сотрудниками ИЭ АН СССР под руководством Г. М. Афанасьева и Ю. Б. Симченко в последний год существования Советского Союза научного отчета «Современное хозяйство народов Крайнего Севера». Данный отчет являлся одной из наиболее значительных работ перестроечного периода, в которой фактически резюмировались итоги советской эпохи для традиционного хозяйства коренных малочисленных народов Севера. Его авторы подробно проанализировали историческую динамику развития и текущее состояние ведущих отраслей хозяйства (оленоводство, рыболовство, охотничий и морзверобойный промыслы, звероводство, переработка кожевенно-мехового сырья) аборигенных этносов, в том числе про-

живающих в арктических районах Якутии. Несмотря на подчеркнuto нейтральный характер работы, предполагавшей главным образом фиксацию хозяйственных показателей, исследователи оценили советский период в целом положительно, отметив, в частности, совершенствование производственной организации, модернизацию основных отраслей, рост производственных показателей. Среди них, например, поголовье оленей в Якутии, увеличившееся со 120 тысяч голов в начале XX века до 330—380 — в 1970-е годы. Вместе с тем на страницах отчета встречались положения о зачастую крайне негативных последствиях «индустриального рывка» («Сибирь подверглась расточительному и губительному для природы промышленному освоению»), усилении разбалансированности показателей темпов роста заработной платы, производительности труда и валовой продукции в последние перед написанием работы годы и др. Однако в целом критика в отчете была значительно более выдержанной, чем в рассмотренных выше работах [ГАРФ, ф. 10026, оп. 4, д. 875, л. 3—241].

5. Заключение

Таким образом, представленный материал свидетельствует о том, что последние годы существования СССР стали переходным периодом в оценке влияния советской действительности на судьбы коренных малочисленных народов Севера. Достаточно быстро те подходы, которые господствовали ранее, уступали свое место позициям, получившим развитие в российском североведении в конце XX столетия. При этом, как было установлено, именно ученые, представляющие академические учреждения Якутии, стали одними из активных акторов распространения этих новых подходов в отношении оценки влияния проводившейся в советский период отечественной истории государственной политики на коренных малочисленных народов Севера. Важнейшее место при этом заняла экологическая повестка, а также критика этнокультурных и социально-экономических последствий. Грустная ирония подобной постановки вопроса и действительно во многом оправданной негативной оценки заключается в том, что сейчас, в особенности «на местах», 1970—1980-е годы считаются одним из самых благоприятных периодов в истории коренных народов Севера.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации : Ф. А-259: Совет министров РСФСР (Совмин РСФСР) : 1917—1991; Ф. А-385 : Верховный Совет РСФСР; Ф. 10026 : Съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации и их органы (объединенный фонд) : 1990—1993.

2. ПМА — Полевые материалы автора : интервью с С. И. Бояковой, г. Якутск, 06.10.2016.

3. РФА ЯНЦ СО РАН — *Рукописный фонд* Архива Якутского научного центра Сибирского отделения РАН : Ф. 5 (Институт языка, литературы и истории Сибирского отделения Академии наук СССР).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Академическая наука в Якутии (1949—2009 гг.)* / гл. ред. А. Ф. Сафронов, отв. ред. В. В. Шепелев. — Новосибирск : Гео, 2009. — 220 с.
2. *Боякова С. И.* Гуманитарные проблемы Арктики : основные направления научных исследований / С. И. Боякова // *Якутия в российском научном пространстве XX — нач. XXI вв. : гуманитарные исследования* / отв. ред. В. Н. Иванов. — Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2005. — С. 5—70.
3. *Григорьев С. А.* Развитие экологического движения Якутии в конце XX века / С. А. Григорьев // *Научные проблемы гуманитарных исследований*. — 2012. — № 3. — С. 19—25.
4. *Гурвич И. С.* О положении юкагиров, эвенов, чукчей, русских старожилов ряда районов Якутской АССР и Магаданской области / И. С. Гурвич // *Этнологическая экспертиза : Народы Севера России : 1959—1962 годы* / отв. ред. З. П. Соколова. — Москва : ИЭА РАН, 2005. — С. 45—113.
5. *Гурвич И. С.* О результатах исследования верхне-колымских юкагиров / И. С. Гурвич // *Этнологическая экспертиза : Народы Севера России : 1956—1958 годы* / отв. ред. З. П. Соколова. — Москва : ИЭА РАН, 2004. — С. 9—20.
6. *Донской Ф. С.* Социально-экономические проблемы переустройства условий труда и быта оленеводов и охотников Крайнего Севера : автореферат кандидатской диссертации / Ф. С. Донской. — Москва : ИСИ АН СССР, 1978. — 22 с.
7. *Иванова Т. С.* Социально-экологические проблемы в бассейне реки Колымы в связи с гидростроительством / С. И. Боякова, Т. С. Иванова // *Человек и Север : исторический опыт, современное состояние, перспективы развития : часть 2*. — Якутск : ЯНЦ СО РАН, 1992. — С. 105—106.
8. *Иохельсон В. И.* Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / В. И. Иохельсон. — Новосибирск : Наука, 2005. — 675 с.
9. *Калеменева Е. А.* Смена моделей освоения Советского Севера в 1950-е гг. : случай комиссии по проблемам Севера / Е. А. Калеменева // *Сибирские исторические исследования*. — 2018. — № 2. — С. 181—200.
10. *Концепция* экономического и социального развития народностей Севера на период 1991—2005 гг. : препринт. — Якутск : ЯФ СО АН СССР, 1988. — 36 с.
11. *Кузнецов А. И.* Этносоциальное положение эвенов в Эвено-Бытантайском районе / А. И. Кузнецов, Л. И. Миссонова // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. — 1993. — № 35. — С. 1—24.
12. *Курилюк А. Д.* Оленеводство Якутской АССР / А. Д. Курилюк. — Якутск : Якутское книж. изд-во, 1982. — 161 с.
13. *Прокопьева П. Е.* Юкагироведческие исследования в ИГИиПМНС СО РАН / П. Е. Прокопьева // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. — 2015. — № 3. — С. 79—83.
14. *Роббек В. А.* Воин, журналист и ученый-северовед (о Феодосии Семеновиче Донском) / В. А. Роббек // *Вопросы истории и культуры северных стран и территорий*. — 2010. — № 4. — С. 58—63.

MATERIAL RESOURCES

- GARF — *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* = State Archive of the Russian Federation: F. A-259: the RSFSR Council of Ministers (Council of Ministers of RSFSR): 1917—1991; F. A-385: the Supreme Council of the RSFSR; F. 10026: the Congress of people's deputies of the Russian Federation, the Supreme Council of the Russian Federation and the organs (pooled fund): 1990—1993. (In Russ.).
- PMA — *Polevyye materialy avtora* = Field materials of the author: an interview with S. I. Boyakova, Yakutsk, 06.10.2016. (In Russ.).
- RFA YaNTs SO RAN — *Rukopisnyy fond Arkhiva Yakutskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya RAN* = Manuscript holdings of the Archive of the Yakut scientific center of the Siberian branch of the Russian Academy of Sciences: F. 5 (Institute of language, literature and history of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences). (In Russ.).

REFERENCES

- Boyakova, S. I. (2005). Humanitarian problems of the Arctic: main directions of scientific research. In: Ivanov V. N. (ed.). *Yakutia in the Russian scientific space XX — beginning. XXI century: humanitarian studies*. Yakutsk: IGI AN RS(Ya). 5—70. (In Russ.).
- Donskoy, F. S. (1978). *Socio-economic problems of restructuring the working conditions and life of reindeer herders and hunters of the Far North: author's abstract of PhD Diss.* Moscow: ISI AN SSSR. 22 p. (In Russ.).
- Grigoryev, S. A. (2021). Development of the ecological movement of Yakutia at the end of the XX century. *Scientific Problems of Humanitarian Research*, 3: 19—25. (In Russ.).
- Gurvich, I. S. (2004). On the results of the study of the Upper Kolyma Yukagirs. In: Sokolova Z. P. (ed.). *Ethnological expertise: The Peoples of the North of Russia*. Moskva: IEA RAN. 9—20.
- Gurvich, I. S. (2005). On the situation of the Yukagirs, Evens, Chukchis, Russian old-timers of a number of districts of the Yakut ASSR and the Magadan region. In: Sokolova Z. P. (ed.). *Ethnological expertise: The Peoples of the North of Russia*. Moscow: IEA RAN. 45—113.
- Iokhelson, V. I. (2005). *Yukagirs and yukagirized tunguses*. Novosibirsk: Nauka. 675 p.
- Ivanova, T. S., Boyakova, S. I. (1992). Socio-ecological problems in the Kolyma River basin in connection with hydro-construction. In: *Man and the North: historical experience, current state, development prospects: part. 2*. Yakutsk: YaNTs SO RAN. 105—106.
- Kalemeneva, E. A. (2018). Change of models of the development of the Soviet North in the 1950s: the case of the Commission on the problems of the North. *Siberian Historical Studies*, 2: 181—200.
- The concept of economic and social development of the peoples of the North for the period 1991—2005: preprint.* (1988). Yakutsk: YaF SO AN SSSR. 36 p.
- Kurilyuk, A. D. (1982). *Reindeer husbandry of the Yakut ASSR*. Yakutsk: Yakutskoe knizhnoye izdatelstvo. 161 p. (In Russ.).
- Kuznetsov, A. I., Missonova, L. I. (1993). Ethnosocial situation of the Evens in the Eveno-Bytantaysky district. *Research in applied and urgent ethnology*, 35: 1—24.

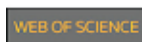

- Prokopyeva, P. E. (2015). Yukagir's researches in IGI PMNS SB RAS. *North-Eastern humanitarian bulletin*, 3: 79—83. (In Russ.).
- Robbek, V. A. (2010). Warrior, journalist and researcher of northern studies (about Feodosiy Semenovich Donskoy). *Questions of history and culture of the Nordic countries and territories*, 4: 58—63. (In Russ.).
- Safronov, A. F., Shepelev, V. V. (eds.). (2009). *Academic science in Yakutia (1949—2009)*. Novosibirsk: Geo. 220 p. (In Russ.).

Цысь В. В. Проекты организации и реформирования православных миссий на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв. / В. В. Цысь, О. П. Цысь // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 454—472. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-454-472.

Tsys, V. V., Tsys, O. P. (2021). Projects of Organizing and Reforming Orthodox Missions in Tobolsk North in 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 4: 454-472. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-454-472. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-454-472

Проекты организации и реформирования православных миссий на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв.

Цысь Валерий Валентинович

orcid.org/0000-0002-9695-3900

WoS ResearcherID O-2448-2015

доктор исторических наук, профессор

кафедры истории России

tsysv@rambler.ru

Цысь Ольга Петровна (2021),

orcid.org/0000-0002-6351-8259

кандидат исторических наук, доцент

кафедры истории России

tsyso@rambler.ru

Нижневартковский

государственный университет

(Нижневартовск, Россия)

Projects of Organizing and Reforming Orthodox Missions in Tobolsk North in 19th — Early 20th Centuries

Valeriy V. Tsys

orcid.org/0000-0002-9695-3900

WoS ResearcherID O-2448-2015

Doctor of History, professor

Department of History of Russia

tsysv@rambler.ru

Цысь Ольга Петровна (2021),

orcid.org/0000-0002-6351-8259

PhD in History, associate professor

Department of History of Russia

tsyso@rambler.ru

Nizhnevartovsk State University

(Nizhnevartovsk, Russia)

© Цысь В. В., Цысь О. П., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы проекты создания, реформирования православных противоязыческих миссий Тобольского Севера в XIX — начале XX вв. Отмечается, что христианизацию коренного населения региона светские и духовные власти рассматривали как механизм интеграции в пространство российской цивилизации в социокультурной, административной и экономической сферах. Делается вывод, что многие предложения по совершенствованию работы миссий носили комплексный характер и предполагали серию различных в целом весьма эффективных мер, таких как централизация управления миссионерским делом, повышение статуса настоятеля миссии, организация систематического обучения детей обских угров и самодийцев в школах, расширение масштабов работы миссий за счет организации новых станов, увеличение финансирования, привлечение к проповедованию «слова Божия» наиболее подготовленных представителей черного и белого духовенства, а также проживавших на севере мещан, казаков, зырян. Авторы статьи отмечают, что преодолеть дистанцию между пониманием механизмов решения стоявших перед миссиями задач и их практической реализацией так и не удалось. Сделан вывод о том, что отсутствие систематичности в работе, большое влияние субъективного фактора, связанного с позицией отдельных епархиальных архиереев, нерешенностью кадрового вопроса, мешали налаживанию деятельности православных миссий.

Ключевые слова:

Русская православная церковь; миссионерство; Западная Сибирь; Тобольский Север; Обдорская миссия; Кондинская миссия; Сургутская миссия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The projects for the creation and reform of the Orthodox anti-pagan missions of the Tobolsk North in the 19th — early 20th centuries are discussed in the article. It is noted that the secular and spiritual authorities considered the Christianization of the indigenous population of the region as a mechanism for integration into the space of Russian civilization in the socio-cultural, administrative and economic spheres. It is concluded that many proposals for improving the work of missions were of a complex nature and involved a series of different, in general, very effective measures, such as centralizing the management of missionary affairs, increasing the status of the head of the mission, organizing systematic training of Ob Ugri and Samoyed children in schools, expanding the scope of mission by organizing new camps, increasing funding, attracting the most prepared representatives of the black and white clergy to the preaching of the “word of God”, as well as the bourgeois, Cossacks, and Zyryans living in the north. However, it was not possible to bridge the distance between the understanding of the mechanisms for solving the tasks facing the missions and their practical implementation. The lack of systematicity in work, the great influence of the subjective factor associated with the position of individual diocesan bishops, the unresolved personnel issue, hindered the establishment of the activities of Orthodox missions.

Key words:

Russian Orthodox Church; missionary work; Western Siberia; Tobolsk North; Obdorskaya mission; Kondinskaya mission; Surgut mission.

Проекты организации и реформирования православных миссий на Тобольском Севере в XIX — начале XX вв.

© Цысь В. В., Цысь О. П., 2021

1. Введение

Миссионерство XIX века на севере Западной Сибири стало продолжением подвижнических усилий схимонаха Федора (митрополита Филофея Лещинского) и его преемников. Как видно из официальных отчетов (донесений) Св. Синоду, тобольские владыки, клирики и монахи, посвящавшие себя миссионерским трудам, весьма скептически относились к государственной политике веротерпимости последней трети XVIII — первой четверти XIX столетий, усматривая в ней возможность возвращения «новообращенной паствы» к зависимости от власти местных шаманов [Artamonova et al., 2018, p. 1197]. Священникам и «церковным» людям более чем 20 православных приходов, открытых в волостях новокрещенных Тобольского Севера, предстояло предпринять колоссальные усилия по окончательному утверждению здесь православной веры.

Принципы «Устава об управлении инородцев» 1822 года и начало их реализации стали правовой основой для включения религиозного просвещения в круг государственных интересов как одной из мер последовательной унификации сословно-правового статуса сибирских народов, приобщения их к русской культуре.

Предполагалось, что такую задачу можно возложить на православное духовенство, хотя при этом сложно было опереться на опыт XVIII века, когда самого факта крещения и последующего формального отправления обрядности считалось достаточным, чтобы тебя признали христианином. Новообращенные теперь должны были стать православными не только по букве, но и по духу, для чего требовались новые подходы, качественно иной уровень подготовки миссионеров, финансового обеспечения их деятельности, другая организация мест для богослужения и общественной молитвы, исполнения церковных обрядов.

Поэтому религиозная и просветительская работа противоязыческих миссий как на Тобольском Севере, так и в других регионах Сибири становится предметом заботы епархиальных властей, привлекает внимание Св. Синода, губернской администрации, а также отдельных гражданских чиновников и священников, обсуждается на страницах периодических изданий. Сами миссии синодального времени институализируются как

учреждения, подчиненные не только церкви, но и государственным интересам.

Выдвигаются предложения, проекты, намечавшие пути совершенствования организации духовных миссий. Их изучение позволяет понять особенности формирования и эволюции государственной политики в отношении народов Северо-Западной Сибири, планы церкви и власти по аккультурации коренного населения.

Проблемы христианизации коренного населения Тобольского Севера в XIX — начале XX вв. становятся предметом изучения в дореволюционный период, что нашло отражение в работах А. И. Сулоцкого, Иринарха (И. Шемановского), И. Рослякова, В. Герасимова, А. А. Дунина-Горкавича [Сулоцкий, 2000; Иринарх, 1906; Росляков, 2003; Герасимов, 1909; Дунин-Горкавич, 1994]. Появление этих трудов было отчасти реакцией на возникающие в ходе деятельности миссионеров трудности. Обращение в православие язычников воспринималось как неизбежный и нужный шаг.

Среди немногочисленных исследований советского периода, затрагивавших интересующую нас тему, можно отметить статьи Н. А. Свешникова, Н. А. Смирнова, В. А. Кононенко [Свешников, 1959; Смирнов, 1967; Кононенко, 1972]. Выводы авторов предопределялись необходимостью избегать позитивных оценок всего, что исходило от РПЦ, и попытки христианизации оценивались в общем как неудачные.

Специальные исследования, посвященные истории противоязыческих миссий севера Западной Сибири, возобновились со второй половины 1990-х годов уральскими и сибирскими исследователями, такими как А. М. Аблажей, Г. Ш. Мавлютова, В. Я. Темплинг, В. Ю. Софронов, Е. М. Главацкая, Г. А. Казарнова, Е. В. Перевалова, О. И. Щурова и др. [Аблажей, 2010; Главацкая, 2005; Казарнова, 2013; Мавлютова, 2001; Перевалова, 2000; Софронов, 2005; Темплинг, 2004; Щурова, 2020].

Первостепенное внимание этими авторами было уделено методам обращения в православие, религиозной политике российского государства в регионе, поиску взаимопонимания между представителями аборигенных и пришлой культур, проблемам религиозного синкретизма и изменения традиционных представлений обских угров. Изучались и подвижнический труд отдельных миссионеров, роль миссионерских организаций в процессе христианизации.

За пределами внимания зачастую остаются сюжеты, касающиеся формирования и эволюции миссионерской политики в отношении «инородцев» Тобольского Севера, возникавшие при этом дискуссии, отношение к различным инициативам «снизу». Важно выяснить, как менялись представления церковной и светской властей об оптимальных принципах

организации противоязыческой миссии, способной успешно решать ставившиеся перед ней задачи. Указанные проблемы стали предметом нашего исследования.

Основными источниками для изучения темы послужили рапорты миссионеров, переписка духовных и светских учреждений, сосредоточенные в Государственном архиве в г. Тобольске и Российском государственном историческом архиве, материалы миссионерских съездов, публикации в периодических печатных церковных изданиях, преимущественно в «Тобольских епархиальных ведомостях».

2. Миссионерские проекты в николаевскую эпоху

Отправной точкой создания православных противоязыческих миссий в крае послужил указ Св. Синода от 24 декабря 1828 года «Об учреждении в Тобольской и Казанской епархиях миссионеров для обращения в православие иноверцев». Как следствие, в начале 1830-х годов при активном участии тобольского архиепископа *Евгения (Казанцева)*, 1825—1831 гг.) была предпринята попытка организовать православную Низовую (Обдорскую) миссию для проникновения христианства в районы расселения северных хантов и ненцев, что, однако, не привело к выработке целостной системы действий, а образованная Обдорская миссия просуществовала недолго, подробнее см.: [Цысь, 2017].

Почти сразу вслед за ликвидацией миссии выдвигается задача утверждения остояков и самоедов в православии посредством создания сети миссионерских школ. Так, биограф тобольских епархиальных архиереев А. И. Сулоцкий сообщал, что преосвященный *Афанасий (Протопопов)*, 1832—1842 гг.) на вопрос синодального управления о том, «какие меры почитает он лучшими для обращения инородцев», ответил: «Принимая в расчет кочующую жизнь остояков и самоедов, я не нахожу другого средства распространения между ними христианства, кроме того, чтобы из среды их же брать детей в духовную семинарию и впоследствии способным из них давать места священнические в приходах остояцких...» [Сулоцкий, 2000, с. 792]. Основная мысль владыки — воспитывать крещеных детей, выделяя талантливых для дальнейшего богословского образования в духовной семинарии, чтобы иметь для миссии духовенство из остояков и самоедов. Он также предлагал организовать низшие училища для «инородцев» в Березове и в «опустевшем почти Кондийском монастыре» [Сулоцкий, 1867, с. 48]. На это предложение последовал Высочайше утвержденный доклад Св. Синода от 6 июня 1836 года, положивший начало открытию Кондинской миссии, где предписывалось в созданном при монастыре училище обучать «только Закону Божию и Русскому языку, чтобы со временем [выпускники

могли] служить толмачами для миссионеров и помощниками» [ПСЗРИ, 2-е., Т. XI, № 9269].

Ревизия, произведенная в 1850—1851 годах генерал-адъютантом Н. Н. Анненковым (членом Государственного Совета), сделала вывод о необходимости реформирования системы управления в Западной Сибири. В связи с этим Высочайшим указом от 17 апреля 1852 года образуется особый Второй Сибирский комитет, на который возлагались функции координатора деятельности министерств и главных управлений. Среди прочего министром государственных имуществ П. Д. Киселевым ставился вопрос «о водворении среди инородцев образования» [Иринарх, 1906, с. 18]. Соответствующее заключение попросили представить генерал-губернатору Западной Сибири Г. Х. Гасфорду. В 1852 году тот, совершив поездку на Тобольский Север, пришел к выводу, что лучшим проводником просвещения должны служить христианская религия и знание русского языка [ГУТО ГА, ф. И191, оп. 1, д. 1, л. 176 об—177]. По мнению генерал-губернатора, необходимо посылать к «инородцам» миссионеров, «знающих различные между собою идиомы языков остякского и самоедского, которые бы жили и перекочевывали с народом и, имея легкие подвижные престолы, совершали бы упрощенные церковные обряды...» [РГИА, ф. 797, оп. 23, д. 39, л. 1 об]. На этом докладе последовала резолюция Николая I: «Г. Протасову сообразить что можно сделать?» [РГИА, ф. 797, оп. 23, д. 39, л. 2].

В 1853 году Главное управление Западной Сибири решило увеличить число обучающихся остяцких детей в Кондинской миссионерской школе, учредить пункты «для образования идолопоклонников» в селах Нахрачинском, Болчаровском, Обдорском Тобольского и Березовского округов, где наряду с преподаванием Закона Божьего, русского языка и счетоводства ввести обучение ремеслам, «дабы они по возвращении в свои семейства могли бы вносить в оные <...> и практические познания, удовлетворяющие материальным нуждам кочевого быта» [ГУТО ГА, ф. И191, оп. 1, д. 1, л. 181 об, 183, 186 об]. Для светской власти подобного рода учебные заведения являлись средством «склонения инородцев к оседлости» и распространения понятий о гражданственности, в чем виделась цивилизаторская миссия «просвещенных» европейцев: улучшение материального положения будет достигнуто только при отказе от кочевого образа жизни, а основы духовности следовало формировать посредством знакомства с «начальными истинами религии и главными обязанностями к правительству, обществу и ближним» [ГУТО ГА, ф. И191, оп. 1, д. 1, л. 186]. В отличие от предложения тобольского архиепископа Афанасия обучение «инородцев» предполагалось сделать массовым, что создавало бы благодатную почву для их культурного и духовного роста.

Главное управление Тобольской губернии в свою очередь предложило снабдить Кондинскую миссию походными церквями, чтобы имелась возможность «отправлять богослужение в самых отдалённых местах нахождения инородцев, и крещеных из них утверждать в вере...» [ГУТО ГА, ф. И191, оп. 1, д. 1, л. 189], учредить дополнительно миссионерские школы в Обдорске, Сургуте и Березове с квартирами для детей «инородцев». При этом указывалось, что обучающимся в свободное время следовало «упражняться в стрельбе из лука и владеть орудиями, необходимыми для звериного промысла» [ГУТО ГА, ф. И191, оп. 1, д. 1, л. 183]. Тогда же Главным Управлением Западной Сибири высказывалось пожелание, чтобы как приходские священники, так и миссионеры были бы знакомы с медициной. В противном случае следовало прикомандировать к каждому приходу по одному фельдшеру [ГУТО ГА, ф. И191, оп. 1, д. 1, л. 190]. Данное намерение, хотя и не было реализовано, тем не менее показывает, что губернские власти видели путь повышения доверия к миссионерам в «инородческой» среде в овладении ими полезных практических знаний и навыков.

Заинтересованность в реформировании миссионерского дела проявил и следующий тобольский владыка *Евлампий (Пятницкий)*, 1852—1856 гг.). Он предложил учредить в Обдорском приходе 2-й причт, что позволило бы священно- и церковнослужителям по очереди совершать разъезды по приходу, а также устроить походную церковь.

Именно это предложение послужило основой для решения Св. Синода от 5/19 ноября 1854 года о восстановлении ранее закрытой Обдорской миссии [РГИА, ф. 797, оп. 23, д. 39, л. 17]. Была отвергнута идея Г. Х. Гасфорда о совершении упрощенных церковных обрядов для новокрещеных. В «определении» Св. Синода содержалось указание снабдить миссионеров инструкциями и требовать от них ежегодных отчетов, подобрать кадры, «готовые на всякие на благо церкви труды и самоотвержения» [РГИА, ф. 797, оп. 23, д. 39, л. 17]. Все остальное, в частности, обучение детей коренного населения ремеслам, распространение медицинских знаний оставили на неопределенное будущее. Таким образом, комплекс органически сочетавшихся культурно-просветительских, экономических преобразований, предложенных светской властью, епархиальный архиерей и Св. Синод заменили рядом привычных, в том числе бюрократических мер.

Подготовленный в 1856 году проект миссионера П. А. Попова составлялся с учетом и в развитие идей, выдвинутых генерал-губернаторским управлением Западной Сибири и тобольским губернатором. Священник поддержал предложение о том, что основными «способами образования народа» должны стать походная церковь для отправления богослужения в труднодоступных кочевьях и училище. Походная церковь должна была

привлекать «инородцев» красотой, благолепием, благочестием служителей, «подстрекать их любопытство». Лишь после укоренения христианской веры, как доносил архиерею П. А. Попов, можно будет перейти ко второму этапу просвещения: организации инородческого училища, в стенах которого сформируется новое поколение, понимающее все выгоды и преимущества оседлой жизни перед кочевой. Помимо Закона Божия, священной истории, арифметики и письмоводства, школа давала бы и практически знания и навыки, обеспечивая в том числе овладение кузнечным, плотницким, токарным, столярным ремеслами, что позволит склонить обучающихся к пониманию выгод оседлости [Судьбы ..., 1994, с. 28—29].

Еще один вариант решения данной задачи предлагал архиепископ Тобольский и Сибирский *Георгий (Яцуржинский, 1845—1852 гг.)*, чему способствовало его личное знакомство с Тобольским Севером во время инспекционных поездок в 1846, 1848—1849, 1851—1852 годах. Помощь в христианизации зауральского населения, по мнению владыки Георгия, может исходить от мигрантов-коми из Печерского края, к тому времени давно уже укоренившихся в православной вере. С начала 1840-х годов в Северное Зауралье по долине р. Северной Сосьвы начинают переселяться семьи ижемских коми (зырян). Миграция шла нарастающими темпами, достигнув пика в 60-е—70-е годы XIX века, см.: [Повод ..., 2006, с. 52—62] Она была вызвана ростом численности населения в Ижмо-Печерском регионе, а также снятием ограничений на переселение крестьян «Уставом об управлении инородцев» (1822 г.) [Там же, с. 53].

Владыка Георгий, во время архиерейского служения в Архангельской и Холмогорской епархии, убедившийся в почитании православных традиций ижемскими зырянами, увидел в последних возможных помощников в содействии миссионерству среди кочевников Тобольского Севера. В рапорте в Св. Синод он доказывал, что, с одной стороны, зыряне, специализировавшиеся на оленеводстве и торговле, по формам хозяйствования и образу жизни близки ненцам и северным хантам и поэтому легко найдут с ними общий язык. С другой стороны, коми зарекомендовали себя как истовые приверженцы христианства. Среди них встречалось немало благодетелей, не уступавших по набожности русским. Архиепископ Георгий еще в 1846 году предлагал губернским властям поощрять миграцию зырян за Урал, благодаря чему «рассадились бы селения подобно селениям их по рекам Ижме и Печере и тут бы процвело благочестие...» [РГИА, ф. 796, оп. 128, д. 90, л. 2 об]. В рапорте о результатах обозрения Березовского края преосвященный рисовал картину будущего освоения региона под влиянием коми по примеру приходов Усть-Колвы в большеземельской тундре: «Молодые холостые самоеды, поучившись при постройке в том селе

церкви и домов разным мастерствам и искусствам, а потом сочетавшись браком с зырянками, отличными любительницами домоводства, обзавелись бы собственными домами, домоводством и скотоводством, подобно зырянам. Дети их, обучаясь при церкви грамоте, закону Божию, сообщают видение христианских истин и благочестия родителям, а со временем распространятся и между прочими самоедами в чумах в семействах самоедских» [РГИА, ф. 796, оп. 128, д. 90, л. 2 об—3].

Таким образом, в этот период на Тобольском Севере появляются центры миссионерского служения — Кондинская и Обдорская миссии. Христианизация Тобольского Севера в проектах, относящихся к николаевской эпохе (1830-е — середина 1850-х годов) предполагалась через организацию русских школ, выпускники которых со временем займут места священно- и церковнослужителей в приходских общинах края и станут надежными помощниками миссионеров, примером для своих соплеменников в образе жизни, родах занятий, нравственности и «гражданственности». Планируется и начинает осуществляться миссионерская работа в ходе регулярных разъездов и отправления богослужений в походной церкви.

Светские власти намеревались использовать комплексный подход к проблеме христианизации, собираясь наделить миссионеров множеством дополнительных функций — от обучения ремеслам до народного врачевания. При всей кажущейся перспективности эти предложения не соответствовали объективным возможностям северного духовенства, да и не подкреплялись конкретными финансовыми или кадровыми ресурсами. Неудачи с превращением Кондинской школы в «кузницу» православных миссионеров из числа самоедов и обских угров (подробнее см.: [Цысь, 2017]) заставили изменить подходы к решению данной проблемы.

3. Миссионерские проекты и их реализация в период правления Александра II

В период «великих реформ» Александра II акцент сместился в сторону реализации серии организационно-распорядительных мероприятий. К тому же при «царе-освободителе» обер-прокурор Д. А. Толстой, замещавший также и должность министра народного просвещения, старался отстранить духовенство от активного участия в создании и работе начальных школ. Оживление общественной жизни, стремление сохранить влияние духовного сословия на другие группы населения, улучшить его материальное положение не могли не отразиться на характере предложений, касавшихся совершенствования миссионерской работы.

Важнейшее направление в комплексе мер, рекомендованных преосвященным *Варлаамом* (*Успенским*, 1862—1872 гг.), — это повышение стату-

са и материального содержания миссионеров, расширение масштабов их деятельности. Организовать работу, по мнению владыки, можно было на основе опыта Бийской и Забайкальской миссий [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 11, д. 716, л. 53]. В своих решениях Варлаам отчасти опирался на предложения упомянутого П. А. Попова, который после 22 лет работы в 1867 году покинул Тобольский Север.

Архиепископ советовал разделить Обдорскую миссию на два стана: Тазовский (по восточному берегу Обской губы до Енисейской губернии) и Обдорский (западный берег Обской губы), естественной границей которых служила бы река Обь. В рапорте в Св. Синод от 24 марта 1866 года Варлаам отмечал, что «один из Обдорских священников мог бы тогда иметь постоянное местопребывание в низовых местностях около Ледовитого моря, где кочуют самоеды и находиться с походною церковью при чуме самоедского князя» [РГИА, ф. 796, оп. 146, д. 731, л. 14 об]. Это давало бы возможность миссионеру «вести кочевую жизнь вместе с ними». Кроме того, 10 марта 1867 года по представлению тобольского архиерея Св. Синод принял указ об учреждении Сургутской миссии [Сургутский ..., 2006, с. 120].

Данные меры позволили бы сократить дистанцию между миссионерами и «инородцами»-язычниками, сделать их контакты более систематическими и регулярными, вменить в обязанность посещать отдаленные труднодоступные территории. Все это потребовало расширения штата сотрудников. В Сургутской миссии он формируется из состава причта градо-Сургутской Троицкой церкви с введением должностей второго священника и третьего причетника для предполагаемых поездок за пределы уездного центра [Сургутский ..., 2006, с. 117]. В Обдорской миссии со второй половины 1867 года число миссионеров — священников возросло до трех, причетников — до четырех, увеличивается размер их жалованья, сюда доставляется вторая походная церковь [РГИА, ф. 796, оп. 146, д. 731, л. 85].

Еще одна мера была направлена на централизацию управления миссионерской работой благодаря назначению ответственного перед преосвященным лица. Первоначально владыка решил поручить общее руководство миссионерским делом на Тобольском Севере настоятелю Кондинского монастыря, который должен был «иметь помощников по Миссии <...> и заведовать всем Березовским, Обдорским и Пелымским краем» и стать своего рода посредником между епархиальным архиереем и местным духовенством [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 11, д. 716, л. 53]. Однако затем Варлаам пошел еще дальше, инициируя создание на Тобольском Севере викариатства. Внимание викарного архиерея, по мнению владыки, сосредоточится «на обращении и утверждении в христианской вере инородцев Березовского и Пелымского края» [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 11, д. 716, л. 53 об]. Пре-

освященному удалось добиться поставленной цели. 12 января 1871 года Св. Синод учредил в составе Тобольской архиепископии Березовское викариатство во главе с епископом Ефремом (Рязановым).

Преосвященный Варлаам не ограничивался исключительно административными и финансовыми мерами в деле усиления миссионерской работы. Он считал возможным привлечение общественности к решению миссионерских задач. 12 марта 1872 года был открыт Тобольский епархиальный комитет Русского Православного миссионерского общества (РПМО), который с момента учреждения определил своей целью «улучшить миссионерское дело в епархии, облегчить просветительскую деятельность пастырей приходских, поставив ее в наилучшие условия, а с другой стороны — постоянно блюсти и надзирать за этой деятельностью» [ГУТО ГА, ф. И156, оп. 26, д. 706, л. 3]. В целом предлагаемые Варлаамом меры отличались последовательностью и комплексностью. Его усилиями удалось увеличить численность, финансирование, масштабы деятельности северных миссий. Однако они не были доведены до конца, и, главное, не был полностью решен важнейший кадровый вопрос. После смещения Варлаама с должности некоторые его начинания были забыты. С 1874 года вакантным осталось место Березовского викарного епископа.

4. Проекты реорганизации православных миссий на Тобольском Севере при Александре III, Николае II и Временном правительстве

Время так называемых «контрреформ» Александра III отмечено упадком миссионерского дела на Тобольском Севере, что едва не привело к закрытию Кондинского монастыря. Совместными усилиями епархиального Братства св. вмч. Дмитрия Солунского и Тобольского комитета РПМО в начале 1890-х годов разрабатывается новая инструкция по руководству миссионерскими учреждениями. Особенность этих нововведений заключалась в централизации управления: вместо трех независимых друг от друга миссий создается одна — «Низовая» — в Обдорске. Березовский и Сургутский благочинные теперь считались помощниками начальника — «при объездах своих благочинный <...> имеют занятия и по делам Миссии...» [Временные ..., 1892, с. 24]. При этом в состав «низовой» миссии оказывались включенными все причты Березовского и Сургутского округов.

Инициатором и проводником этих преобразований выступил протоиерей М. П. Путинцев, занимавший должность березовского благочинного и одновременно настоятеля Обдорской миссии. Его предложения не содержали ничего принципиально нового. Он скорее систематизировал и реанимировал ранее высказывавшиеся преосвященным Варлаамом идеи, которые так и не были полностью реализованы в начале 1870-х годов. В серии рапортов на

имя епископа *Агафангела (Преображенского, 1893—1897 гг.)* М. П. Путинцев уделил особое внимание миссионерской школе, чтобы «сделать ее, так сказать, своим любимым детищем и вести ее под своим бдительным надзором и руководством» [Из истории ..., 2004, с. 224]. На запрос архиерея о мерах по реорганизации миссионерского дела в крае М. П. Путинцев ответил: «Весьма нужен епископ Березовский для миссионерских целей на севере епархии, но с неперенным условием иметь ему резиденцию в Березовском же крае, где существующие миссии находятся в весьма печальном положении и где пребывание преосвященного викария, в качестве начальника миссий, подобно тому, как это имеет место на Алтае и в Забайкалье, послужило бы к оживлению просветительной деятельности миссий, пробудило бы от нравственной спячки и бездеятельности сельское духовенство низовского края...» [Путинцев, 1891, с. 504]. По мнению протоиерея, нужно было создать возможности для более регулярного общения миссионеров с язычниками и новокрещеными, для чего разместить одного из помощников начальника миссии в Шурышкарских юртах, отделить деятельность миссии от службы по приходу, и главное — решить кадровую проблему.

Реализовать, хотя бы отчасти, намеченное М. П. Путинцевым удалось одному из его преемников в должности настоятеля Обдорской миссии игумену Иринарху (Шемановскому), внесшему огромный вклад в становление культурно-просветительских учреждений в крае. Иринарх одним из первых пришел к мысли о необходимости привлечения для христианизации «инородцев» русского населения: купцов, промышленников, крестьян, чиновников. Дело миссии должно касаться не только духовенства, но и всех истинно православных людей. С этой целью, как известно, Иринарх развернул бурную деятельность на крайнем северо-западе Сибири, благодаря чему здесь появились первый музей, первая библиотека, Братство св. Гургия, переводческая комиссия, а также был придан импульс ранее существовавшим учреждениям, таким как инородческая школа и приют, подробнее см.: [Шемановский, 2005]. Инициативы Иринарха пользовались поддержкой преосвященного *Антония (Каржавина, 1897—1910 гг.)*. В докладе на сибирском миссионерском съезде в Иркутске 28 июля 1910 года «О современном состоянии Обдорской миссии» настоятель Иринарх выступил с рядом инициатив, поддержанных делегатами и нашедшими отражение в постановлении: «1) Обдорскую миссию, Тобольской епархии, обнимающую в настоящее время Березовский уезд, расширить присоединением к ней Сургутского уезда и переименовать ее в Тобольскую северную миссию. 2) Тобольскую северную миссию возглавить начальником в сане викарного епископа Тобольской епархии, для чего просить Святейший Синод о восстановлении в Тобольской епархии Березовского викариатства с на-

значением епископской резиденции в Обдорске, как центральном пункте миссионерской деятельности среди инородцев» [Журналы ..., 1910, с. 17]. Предполагалось назначить ежегодное содержание в 4000 руб. епископу Березовскому «как викарию Тобольской епархии, и начальнику миссии» [Журналы ..., 1910, с. 18]. Это предложение осталось нереализованным из-за смены епархиального архиерея и перевода самого Иринарха в Тверь.

Последний проект, который по понятным причинам так и не был доведен до логического завершения, принадлежит преосвященному *Гермогену* (*Долганеву*, 1917—1918 гг.) и протоиерею Г. Тутолмину. В соответствии с предложениями последнего намечалось все приходы Березовского и Сургутского уездов преобразовать в миссионерские, организовать единую для всего края Тобольскую Северную миссию, открыть при Березовской второклассной церковной школе миссионерское отделение для подготовки из числа коренного населения священно- и церковнослужителей, создать новый миссионерский стан на полуострове Ямал, открыть переводческое отделение [Тутолмин, 1918]. Проект также предусматривал организацию двух монастырей в Сургутском уезде, для чего ранее уже были отведены участки в 30 верстах от Сургута и на р. Вах у Охтеурьевских юрт. Вновь вспомнили о необходимости замещения вакансии березовского викарного епископа. Эту должность занял преосвященный Иринарх (Синеоков-Андриевский), вынужденный летом 1918 года сменить убитого большевиками Гермогена. Разумеется, в тот период вопросы миссионерства среди язычников Тобольского Севера неизбежно отходили на второй план, а после поражения белого движения осенью 1919 года окончательно утратили актуальность. Фактически же в проекте Г. Тутолмина не было ничего принципиально нового. Во многом он перекликался с идеями, ранее выдвинутыми игуменом Иринархом (Шемановским), отчасти аккумулировали предложения, неоднократно формулировавшиеся еще в эпоху «освободительных реформ» и «царя-миротворца», что свидетельствует, на наш взгляд, о неспособности православного духовенства вырваться за пределы таких инициатив, которые не приносили кардинальных изменений.

5. Выводы

На протяжении всего периода существования на Тобольском Севере православных миссий наблюдается противоречивое взаимодействие государственных (Второго Сибирского комитета, Главного управления Западной Сибири) и церковных (Св. Синода, Тобольской епархии, Русского православного миссионерского общества) структур при стремлении повысить эффективность миссионерской работы. Можно выделить четыре направления предлагавшихся преобразований: 1) организационное; 2) финансовое; 3) ка-

дровое; 4) совершенствование методов и подходов к решению миссионерских задач. Периодически возникавшие инициативы по переводу на «инородческие» языки Священного Писания и общепотребительных молитв сталкивались с непреодолимыми препятствиями: раздробленностью диалектов, из-за чего составленные миссионерами тексты могли иметь весьма ограниченное распространение; скудным лексическим потенциалом языков народов Тобольского Севера, что делало невозможным передачу многих отвлеченных понятий, подробнее см.: [Темплинг, 2004, с. 11, 14—15].

Сложно сказать, какие варианты не были учтены и не рассматривались как возможные для продолжения христианизации «инородцев» Тобольского Севера. Однако проблема заключалась в том, что реализация одного или двух направлений (например, когда удавалось повысить статус и одновременно увеличить выделение денежных средств) приводила лишь к кратковременному эффекту. Не удавалось решать поставленные задачи в комплексе, что только и позволило бы, на наш взгляд, получить приемлемый результат.

Судьба соответствующих проектов зависела в основном от позиции епархиального архиерея, его внимания к миссионерству на севере Западной Сибири. Не выдвигались сколько-нибудь значимые предложения, за исключением финансовых, Тобольским комитетом РПМО, что свидетельствует об ограниченности возможностей этого «рупора» общественности в деле борьбы с иноверием и инославием. В основном он транслировал идеи, высказанные тобольскими преосвященными, не претендуя на какую-либо самостоятельность. В отсутствии реальной живой связи интеллигентных сил с активной православной паствой, думается, заключалась одна из слабостей выдвигаемых проектов.

В церковных кругах вызревало мнение, что успех будет достигнут тогда, когда христианизация перестанет быть делом исключительно небольшой группы миссионеров, а станет общей заботой приходских клиров и различных групп населения: купцов, чиновников, мещан, казаков, «инородцев», к примеру, зырян. Перспективным виделся также путь выхода миссионеров за узкие рамки духовного просвещения и выполнение ими дополнительных функций, польза от которых была бы вполне очевидной для коренного населения: лечение, обучение «полезным» ремеслам. Однако преодолеть дистанцию от понимания этих задач до их практической реализации в целом так и не удалось.

Источники и принятые сокращения

1. *Временные изменения в Обдорской и Сургутской миссиях // Тобольские епархиальные ведомости.* — 1892. — № 3—4. Отдел офиц. — С. 22—32.

2. ГУТО ГА — *Государственное* учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И156 Тобольская духовная консистория (1721—1922 гг.). Ф. И156. Оп. 11. Д. 716. Оп. 26. Д. 706.

3. ГУТО ГА — *Государственное* учреждение Тюменской области Государственный архив в г. Тобольске. Ф. И191 Благочиние церквей Сургутского уезда Тобольской Епархии, г. Сургут Тобольской губернии (1856 г.). Ф. И191. Оп. 1. Д. 1.

4. *Журналы* миссионерского съезда в Иркутске 1910 г. — Иркутск : Типография М. П. Окунева, 1910. — 64 с.

5. *Из истории* Обдорской миссии : источники / сост. В. Я. Темплинг. — Тюмень : Мандр и К, 2004. — 288 с. — ISBN 5-93020-307-5.

6. ПСЗРИ — *Об Утверждении* духовной миссии в Тобольской Епархии, для обращения и утверждении в вере остяков : высочайше утвержденный доклад Синода от 6 июня 1836 г. № 9269 // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. [1825—1881 гг.]. Т. XI. — Санкт-Петербург : Тип. 2-го Отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1864. — С. 663—665.

7. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 796 Канцелярия Синода. Ф. 796. Оп. 128. Д. 90. Оп. 146. Д. 731.

8. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 797 Канцелярия обер-прокурора Синода. Ф. 797. Оп. 23. Д. 39.

9. *Судьбы* народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства 1822—1941 гг.) : сб. документов. — Тюмень : Управление по делам архивов Администрации Тюменской области, Государственный архив Тюменской области, Тюменский областной центр документации новейшей истории, 1994. — 320 с.

10. *Сургутский* уезд в документальных памятниках XVIII—XIX вв. : источники / сост. В. Я. Темплинг. — Тюмень : Мандр и Ка, 2006. — 376 с. — ISBN 5-93020-372-5

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблажей А. М.* Христианизация коренных народов Сибири в XVIII — начале XX века : опыт теоретического комментирования / А. М. Аблажей // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : Философия. — 2010. — Т. 8, Вып. 2. — С. 65—70.

2. *Герасимов В. Н.*, свящ. Обдорск : исторический очерк / В. Н. Герасимов. — Тюмень : Тип. Сибирской Торговой Газеты, 1909. — 83 с.

3. *Главацкая Е. М.* Христианское освоение Обдорского края / Е. М. Главацкая // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). — Екатеринбург : Банк культурной информации, 2005. — С. 150—186.

4. *Дунин-Горкавич А. А.* О деятельности Обдорской духовной миссии / А. А. Дунин-Горкавич // Нужды Тобольского севера и меры для их удовлетворения. — Шадринск : Исеть, 1994. — С. 63—67.

5. *Иринарх, иер.* [Шемановский И. А.] История Обдорской Духовной миссии (1854—1904) / Иринарх, иер. — Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1906. — 188 с.

6. *Карзанова Г. А.* И. С. Шемановский: миссионер и просветитель Тобольского Севера / Г. А. Карзанова // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры и искусств. — 2013. — № 1 (14) март. — С. 28—33.

6. *Кононенко В. А.* Христианизация малых народов Северо-Западной Сибири в кон. XIX — нач. XX в. / В. А. Кононенко // Уч. зап. Ленингр. пед. института. — Т. 524, Вып. 1. — Ленинград, 1972. — С. 77—85.

7. *Мавлютова Г. М.* Миссионерская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (XIX — начало XX века). — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2001. — 140 с. — ISBN 5-88081-224-3.
8. *Перевалова Е. В.* Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) / Е. В. Перевалова // Древности Ямала. Вып. 1. — Екатеринбург-Салехард : УрО РАН, 2000. — С. 152—190.
9. *Повод Н. А.* Коми Северного Зауралья (XIX — первая четверть XX вв.) / Н. А. Повод. — Новосибирск : Наука, 2006. — 272 с. — ISBN 5-02-029631-7.
10. *Путинцев М.* Святыни и исторические могилы города Березова / М. Путинцев // Тобольские епархиальные ведомости. — 1891. — № 23—24. Отдел неофиц. — С. 495—515.
11. *Росляков И.* Обдорская миссия и ее деятели / И. Росляков // Сибирский листок: 1890—1894. — Тюмень : Мандр и К, 2003. — С. 489—495.
12. *Свешников Н. А.* Христианизация народов Ямальского Севера / Н. А. Свешников // Уч. зап. Енисейского пед. ин-та. Вып. 3. — Енисейск, 1959. — С. 91—111.
13. *Смирнов Н. А.* Миссионерская деятельность церкви (2-я пол. XIX в. — 1917 г.) / Н. А. Смирнов // Церковь в истории России. — Москва : Наука, 1967. — С. 279—297.
14. *Софронов В. Ю.* Миссионерская и духовно-просветительская деятельность Русской Православной церкви в Западной Сибири (конец XVII — начало XX вв.). Ч. I / В. Ю. Софронов. — Тобольск : Изд-во Тобольского государственного педагогического института, 2005. — 144 с. — ISBN 5-85944-187-8.
15. *Сулоцкий А., прот.* Жизнеописание Афанасия, архиепископа Тобольского и Сибирского / А. Сулоцкий // Странник. — 1867. — Январь. — С. 5—57.
16. *Сулоцкий А. И.* Миссионерства Березовского края — Обдорское, Кондинское и в особенности Сургутское / А. И. Сулоцкий // Сочинения : в 3 т. Т. 2 : О сибирском духовенстве / ред. В. А. Чупин. — Тюмень : Издательство Ю. Мандрики, 2000. — С. 789—801. — ISBN 5-93020-069-6.
17. *Темплинг В. Я.* «Я не находил лучшего для себя мира, какой я чувствовал в кочевьях суровых детей суровой тайги» / В. Я. Темплинг // Из истории Обдорской миссии : источники. — Тюмень : Мандр и Ка, 2004. — С. 10—30. — ISBN 5-93020-307-5.
18. *Тутолмин Г.* Назревшая вопиющая необходимость обновления и расширения Березовско-Обдорской миссии / Г. Тутолмин // Тобольские епархиальные ведомости. — 1918. — № 13, 14, 15. Отдел неофиц. — С. 173—179; № 16—17. Отдел неофиц. — С. 211—216.
19. *Цысь О. П.* Кондинская миссия в середине 1840-х — 1880-х гг. / О. П. Цысь // Макарьевские чтения : материалы Международной конференции (18—20 сентября 2017 г.) / ред. А. П. Адлыков. — Горно-Алтайск : РИО ГАГУ, 2017. — С. 294—298.
20. *Цысь О. П.* Научная и общественная деятельность протоиерея М. П. Путинцева / О. П. Цысь // Вестник Сургутского гос. пед. университета. — 2012. — № 3. — С. 87—96.
21. *Цысь О. П.* Сургутская православная миссия 1867—1898 гг.: возникновение, состав, основные направления и результаты деятельности / О. П. Цысь // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2 : История. История Русской Православной Церкви. — 2012. — № 3. — С. 16—29.
22. *Шемановский И. С.* Хронологический обзор достопамятных событий в Березовском крае Тобольской губернии (1032—1910 гг.) / И. С. Шемановский // Избранные труды. — Москва : Сов. спорт, 2005. — С. 107—289.
23. *Щурова О. И.* Вклад обдорского миссионера священника И. С. Шемановского в просвещение коренных народов Крайнего Севера / О. И. Щурова // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. — 2020. — № 8. — С. 95—100.

24. Artamonova N. Ia. Religious migration: the history of missionary work in Siberia / N. Ia. Artamonova, V. N. Asochakova, S. S. Chistanova // *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. — 2018. — Vol. 11, № 8. — Pp. 1188—1210. — DOI: 10.17516/1997-1370-0301.

MATERIAL RESOURCES

GUTO GA — *State institution of the Tyumen region State archive in Tobolsk. Tobolsk church consistory (1721—1922)*. (In Russ.).

GUTO GA — *State institution of the Tyumen region State archive in Tobolsk. Deanery of the churches of the Surgut district of the Tobolsk Diocese, the city of Surgut, Tobolsk province (1856)*. (In Russ.).

Journals of the missionary congress in Irkutsk 1910. (1910). Irkutsk: Tipografiya M. P. Okuneva. 64 p. (In Russ.).

PSZRI — On the Confirmation of the Theological Mission in the Tobolsk Diocese, for the Conversion and Confirmation of the Ostyaks in the Faith: The Highest Approved Report of the Synod of June 6, 1836. № 9269. (1864). In: *Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2 [1825—1881]. T. 11*. St. Petersburg: Type. 2nd Branch Own. E.I.V. Chancery. 663—665. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archives*. (In Russ.).

Templing, V. Ya. (ed.). (2004). *From the history of the Obdorsk mission: sources*. Tyumen: Mandr i K. 288 p. ISBN 5-93020-307-5. (In Russ.).

Templing, V. Ya. (ed.). (2006). *Surgut uyezd in documentary monuments of the XVIII—XX centuries: sources*. Tyumen: Mandr i Ka. 376 p. ISBN 5-93020-372-5. (In Russ.).

Temporary changes in the Obdorsk and Surgut missions. (1892). *Tobolsk Diocesan Bulletin*, 3—4: 22—32. (In Russ.).

The fate of the peoples of the Ob-Irtysh North (From the history of nation-state building in 1822—1941): collection of articles. documents. (1994). Tyumen': Department for Archives of the Administration of the Tyumen Region, State Archives. 320 p. (In Russ.).

REFERENCES

Ablazhey, A. M. (2010). Christianization of the indigenous peoples of Siberia in the 18th — early 20th centuries: the experience of theoretical commenting. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 8 (2): 65—70. (In Russ.).

Artamonova, N. Ia., Asochakova, V. N., Chistanova, S. S. (2018). Religious migration: the history of missionary work in Siberia. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 11 (8): 1188—1210. DOI: 10.17516/1997-1370-0301.

Dunin-Gorkavich, A. A. (1994). On the activities of the Obdorsk theological mission. In: *Needs of the Tobolsk North and measures for their satisfaction*. Shadrinsk: Iset'. 63—67. (In Russ.).

Gerasimov, V. N. (1909). *Obdorsk: a historical sketch*. Tyumen: Tip. Sibirskoy Torgovoy Gazety. 83 p. (In Russ.).

Glavatskaya, E. M. (2005). Christian development of the Obdorsk region. In: *Russian development of Yamal before the beginning of the twentieth century (documents and research)*. Ekaterinburg: Bank kulturnoy informatsii. 150—186. (In Russ.).

- Irinarkh, Ier. [Shemanovskiy, I. A.]. (1906). *History of the Obdorsk Religious missii (1854—1904)*. Moskva: Pechatnya A. I. Snegirevoy. 188 p. (In Russ.).
- Karzanova, G. A. (2013). I. S. Shemanovsky: missionary and educator of the Tobolsk North. *Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture and Arts*, 1 (14) mart: 28—33. (In Russ.).
- Kononenko, V. A. (1972). Christianization of small peoples of North-West Siberia at the end. 19 — early. 20 century. In: *Scientific notes of the Leningrad Pedagogical Institute*, 524 (1). Leningrad. 77—85. (In Russ.).
- Mavlyutova, G. M. (2001). *Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Western Siberia (19th — early 20th centuries)*. Tyumen: Publisher Tyumen State University. 140 p. ISBN 5-88081-224-3. (In Russ.).
- Perevalova, E. V. (2000). Obdorsk princes Taishins (historical and ethnographic sketch). In: *Antiquities of Yamal*. Ekaterinburg-Salekhard: UrO RAN. 1: 152—190. (In Russ.).
- Povod, N. A. (2006). *Komi Northern Zauraliya (19th — first quarter of the 20th centuries)*. Novosibirsk: Nauka. 272 p. ISBN 5-02-029631-7. (In Russ.).
- Putintsev, M. (1891). Shrines and historical graves of the city of Berezov. *Tobolsk Diocesan Bulletin*, 23—24: 495—515. (In Russ.).
- Roslyakov, I. (2003). Obdorskaya mission and its leaders. In: *Siberian leaf: 1890—1894*. Tyumen: Mandri K. 489—495. (In Russ.).
- Sveshnikov, N. A. (1959). Christianization of the peoples of the Yamal North In: *Scientific notes of the Yenisei Pedagogical Institute*. Eniseysk. 3: 91—111. (In Russ.).
- Smirnov, N. A. (1967). Missionary activity of the church (2nd half of the 19th century — 1917). In: *Church in the history of Russia*. Moscow: Nauka. 279—297. (In Russ.).
- Sofronov, V. Yu. (2005). *Missionary and theological-educational activities of the Russian Orthodox Church in Western Siberia (late 17th — early 20th centuries)*. Tobolsk: Publisher Tobolsk State Pedagogical Institute. 144 p. ISBN 5-85944-187-8. (In Russ.).
- Sulotskiy, A. (1867). Biography of Athanasius, Archbishop of Tobolsk and Siberia. *Strannik [Wanderer]*, January: 5—57. (In Russ.).
- Sulotskiy, A. I. (2000). Missionary work of the Berezovsky Territory — Obdorskoye, Kondinskoye and especially Surgutskoye. In: *Chupin, V. A. (ed.). Works: On the Siberian clergy*. Tyumen: Publisher Yu. Mandriki. 3/2: 789—801. ISBN 5-93020-069-6. (In Russ.).
- Templing, V. Ya. (2004). “I did not find a better world for myself, which I felt in the pastures of the harsh children of the harsh taiga”. In: *From the history of the Obdorsk mission: sources*. Tyumen: Mandri Ka. 10—30. ISBN 5-93020-307-5. (In Russ.).
- Tutolmin, G. (1918). The overdue glaring need to update and expand the Beryozovsko-Obdorsk mission. *Tobolsk Diocesan Bulletin*, 13, 14, 15: 173—179; 16—17: 211—216. (In Russ.).
- Tsys', O. P. (2012). Scientific and social activities of Archpriest M. P. Putintsev. *Bulletin of the Surgut State ped. University*, 3: 87—96. (In Russ.).
- Tsys', O. P. (2012). Surgut Orthodox mission 1867—1898: origin, composition, main directions and results of activity. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church*, 3: 16—29. (In Russ.).
- Tsys, O. P. (2017). Kondinsky mission in the mid-1840s — 1880s. In: *Makariyev Readings: Materials of the International Conference*. Gorno-Altaysk: RIO GAGU. 294—298. (In Russ.).

- Shchurova, O. I. (2020). Contribution of the Obdorsk missionary priest I. S. Shemanovsky to the education of the indigenous peoples of the Far North. In: *Collection of notes of the Yakut Theological Seminary*. 8: 95—100. (In Russ.).
- Shemanovskiy, I. S. (2005). Chronological overview of memorable events in the Berezovsky region of the Tobolsk province (1032—1910). In: *Selected Works*. Moscow: Sovetskiy sport. 107—289. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издаётся с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащённость научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© **Иванова Анна Ивановна** (2021), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос... Уделяется внимание... Представлены результаты сопоставительного анализа... Поднимается вопрос о... Особое внимание уделяется... Новизна исследования видится в том, что... Актуальность исследования обусловлена... Приводятся определения... Автор останавливается на... Доказано, что... Предлагается классификация... Выполнен обзор... Представлена авторская разработка... Описан опыт многолетней работы автора ... и под.*).

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысло-

вые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (<http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html>). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать изда-

тельство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.
2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.
4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.
5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.
2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40—45.
3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.
5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.
6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.
7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.
8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.
10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : <http://www.anpi.it/militari/rodi.html>.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984.**

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Burtsev, V. A.</i> Interpretation of Predicative Non-Assertive Relations in Structure of Utterance in Discourse of Russian Orthodox Sermon.....	9
<i>Gerasimova, S. A.</i> Activities of Encyclopedic Educator and Intellectual Culture of 18 th Century..	28
<i>Griber, Yu. A.</i> Mineralogical Code in Russian Color Names.....	42
<i>Gromyko, S. A.</i> Persuasive Complex as a Unit of Analysis of Parliamentary Discourse.....	66
<i>Dimitrieva, O. A.</i> Bacchic Vocabulary Verbalizing Object of Drinking in Artistic World of Alexander Grin	80
<i>Kirilenko, S. V.</i> Three-Component System of Language Planning: A Case Study Tuvan, Kalmyk and Karelian	97
<i>Moshtyleva, E. S.</i> Interaction of Narrative and Lyrical Principles in Texts of Contemporary Musical Performers.....	112
<i>Seagal, K. Ya.</i> Text-Forming Function of Addition in the Later Stories of V. G. Lidin.....	129
<i>Solopova, O. A., Koshkarova, N. N.</i> Religion as Source Domain of Metaphors in World War II Media Discourse.....	148
<i>Shuyskaya, Yu. V., Anisimov, R. Yu., Drozdova, E. A.</i> Syntactic Means of Forming the Image of a Politician in Headlines of Leading American Newspapers.....	168
<i>Shchelok, T. I.</i> Epithets in Story “Der große Wildenberg” by Siegfried Lenz.....	181

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

<i>Bogdanova, O. V., Talashov, G. P.</i> Legend of Robber Kudeyar and Its Interpretation by N. Nekrasov in Poem “Who Lives Well in Russia”.....	198
<i>Gudkova, S. P., Samoylenko, V. A.</i> Genre Originality of Travel Cycle in Modern Russian Poetry (“Indian cycle” by V. Polozkova).....	211
<i>Dyachuk, T. V.</i> An Intellectual and a Peasant in Gleb Uspensky’s Cycle “Peasant and Peasant Labor”: Dynamics of Interaction in Context of Idea of “Merging with People”	225
<i>Kiselyova, I. A., Potashova, K. A.</i> Features of Poetic Ecphrasis in A. Pushkin’s Poem “The Commander” (1835): from Draft to Clean Copy.....	240
<i>Podoksenov, A. M., Telkova, V. A.</i> Prishvin and Stalin: Artistic Image of the Leader in Writer’s Work.....	254

HISTORICAL SCIENCES

<i>Bakanov, S. A.</i> State Budget of USSR in 1950s — 80s: Dynamics and Structure of Income	272
---	-----

<i>Blagoder, Yu. G.</i> Thorny Way to the East: Expedition to China of Adviser to the Chancellery V. F. Bratishchev in 1757	290
<i>Bodrin, A. V.</i> Formation of the Synodal Regime of Church Administration in the Context of the Relationship between Secular and Spiritual Authorities in 1721—1725 (Nizhny Novgorod Diocese)	304
<i>Bodrova, E. V., Kalinov, V. V.</i> Decline in Innovation Activity in Fuel and Energy Complex of Russian Federation in 1990s and Its Consequences	325
<i>Galkina, Yu. M.</i> Slavist as a Scout: French School of Oriental Languages and Russian Revolution in 1918	340
<i>Zherlitsina, N. A.</i> Ottoman and British Factors in Anti-French Resistance of Beylik Constantine in 1830—1837	357
<i>Zverev, V. A., Tatarnikova, A. I.</i> Rural Educational Institutions of Western Siberia in End of 19 th — Beginning of 20 th Centuries: Sanitary and Hygienic Conditions	372
<i>Ponomareva, M. A.</i> Images of Relations between Nobility and Peasantry in Russian Liberal Literature in Late 19 th — Early 20th Centuries	391
<i>Raskin, D. I.</i> Establishment of Highest Bureaucratic Elite in Russian Empire in 19 th — Early 20th Centuries : Education and Professional Qualifications	410
<i>Rogozhina, A. S.</i> Hunger and Food Policy of Russian Empire in Late 19 th — Early 20 th Centuries	423
<i>Suleymanov, A. A.</i> Indigenous Small-Numbered Peoples of North of Yakutia in Focus of Academic Research in Late 1980s — Early 1990s	438
<i>Tsys, V. V., Tsys, O. P.</i> Projects of Organizing and Reforming Orthodox Missions in Tobolsk North in 19 th — Early 20th Centuries	454
TO AUTHORS	473

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий

Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 15.04.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 27,99. Тираж 500 экз. Заказ 15/04-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2021
Свободная цена